Еремей ПАРНОВ

5

Еремей
ПАРНОВ

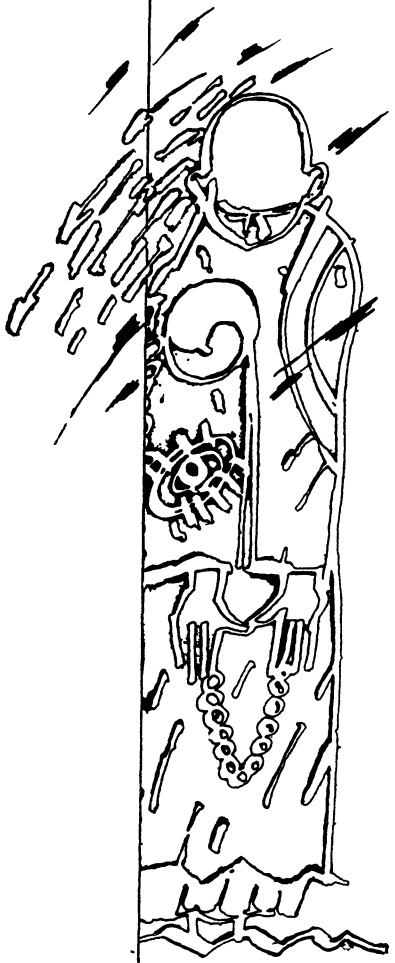
Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЯТЫЙ

Секта

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
П18

Художник
С. ЛЮБАЕВ

Парнов Е. И.
П18 Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5: Секта: Роман. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 496 с.

ISBN 5-300-02115-6 (т. 5)
ISBN 5-300-01818-X

Еремей Парнов — известный российский писатель, публицист, ученый и путешественник, автор научно-фантастических, приключенческих, исторических и детективных произведений, пользующихся неизменным успехом у читателя.

В пятый том включен роман «Секта». Главные действующие лица романа — известные политики, банкиры, журналисты. Книга сочетает элементы детектива, триллера и мистики.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02115-6 (т. 5)
ISBN 5-300-01818-X

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

ПАРФЮМ «ПРИНЦЕССА МАРИНА де БУРБОН —
КОРОЛЕВСКОЕ ИСКУШЕНИЕ,
КОТОРОЕ ПРИВЕДЕТ ВАС НА ТРОН!

Коль намылились на трон, не забудьте про ОМОН

Начинать роман с рекламы? С идиотской рекламы, за которую никто не заплатит? Нонсенс!

А, собственно, почему? Идиотская — совершенно верно замечено — реклама как нельзя лучше подчеркивает идиотизм жизни, ее примелькавшуюся шизофрению.

О безусловно, он раздражает, этот пир во время чумы: бриллианты, иномарки, пятизвездные отели под пальмами южных морей. Особенно при просмотре интересного фильма, который нарочно прерывается в самом горячем месте.

Но из романа, где речь идет о фактах реальной действительности, нельзя убрать навязчивый элемент этой самой действительности. Не так уж трудно, не глядя, пройти мимо витрин, где выставлены сверкающие «мерседесы», дорогие меха, многокаратные колье и браслеты. Еще легче наплевать на сникерсы-памперсы.

А как быть с МММ, «Чарой», «Тибетом»? Это ведь тоже начиналось с рекламы? И какой! И Белое братство, и секта Асахары «АУМ сенрикё», обосновавшаяся в Москве! Что и говорить, жалко своих трудовых, сгоревших на жульнических «пирамидах», но это пустяк по сравнению с потерей разума и души.

В романе, а строго по секрету, в тайной хронике жаркого лета 1995 года, никак не обойтись без процветающей даже в условиях кризиса индустрии, специально для того и созданной, чтобы манипулировать нашими инстинктами и эмоциями.

Хроника манипулирует фактами. В известной мере это напоминает приготовление отменного шашлыка, где, кроме кусков баранины, обернутой в листья смородины, требуются помидоры, баклажаны, синий лук и зеленые

плоды муската, которые едва ли сыщешь на рынке. Словом, чем больше ингредиентов, тем вкуснее.

То же примерно и с фактами. Если желаете знать, что ждет всех нас в ближайшем будущем, не скупитесь в отборе, загребайте пригоршнями из самых разных и далеких одна от другой областей бытия. Ни спицы, ни шампуры не понадобятся, разве что воображаемые. Необходимо единственное: найти связь всего со всем. Это нелегко, но овчинка стоит выделки.

Секта

Любовная магия
Все виды гадания
Снятие страхов, тревог, де
Шанс выиграть
$10 000
Суперцены
Не упусти
Суперцены
Точное попадание в цель
Твой

Глава первая

И ВЕРНО: ШИЗОФРЕНИЯ!

Калистратову показалось, что его жена не отражается в зеркале, и он зарезал ее кухонным ножом, встав среди ночи по малой нужде. Впрочем, возможно и несколько иное объяснение. Скажем так: Калистратову приснилось, что его жена Клава не отражается в зеркале, и под впечатлением кошмарного сновидения он пробудился, но не вполне, а как бы наполовину. Такое обычно происходит с лунатиками, у которых тело бодрствует, а мозг спит. Поэтому любая попытка реконструировать психическое состояние Калистратова в момент преступления обречена на провал. Можно лишь с известным на то основанием восстановить последовательность действий. Калистратов сначала прошлепал босиком в уборную, где облегчил, причем преимущественно мимо унитаза, нужду, затем заглянул в кухню, расположенную в непосредственной близости, и взял (нашарил?) большой нож для резки мяса, с узким остроотточенным лезвием и черной пластмассовой ручкой.

Удар был нанесен в сердце, с немыслимой силой и точностью. Смерть наступила мгновенно, так что Клавдия Калистратова даже не успела проснуться. О причинах убийства следствию оставалось только догадываться. Но стоило ли строить догадки, когда налицо была заурядная бытовуха? Для полноты картины не хватало лишь пустых бутылок.

Ни следователь, ни эксперт, понятно, не могли и подозревать о том, что побудительным мотивом явилось зеркало, в коем, если то было не во сне, а наяву, почему-то не возникло отражение Клавы, умеренно полной женщины двадцати шести лет. Уже сам по себе подобный факт, совершенно немыслимый с рациональной точки зрения, надлежало отбросить. Законы оптики таким образом не только не ставились под сомнение, но даже не возникали в ходе рутинного осмотра.

Отпечатки пальцев, грязные следы босых ног на полу и, само собой, кровь, залившая простыни и просочившаяся

сквозь матрас, — все это должным образом было зафиксировано в протоколе.

Милицию вызвали ближайшие соседи, у которых был общий с Калистратовыми балкон, разделенный бетонной плитой. Сначала они не обратили внимания на тошнотворно-сладкий душок, проникавший через распахнутые окна. Мало ли какой дрянью несет со двора, превратившегося в сплошную помойку? Но уже на следующее утро тлетворный запах обеспокоил верхних жильцов, и пошли пересуды. На звонки и отчаянный стук в дверь квартиры № 85 никто не отозвался. Клава не показывалась по крайней мере три дня, а Вячеслава, по словам соседки, вообще где-то черти носили. То ли уехал куда-то, то ли... Словом, припомнить, когда его видели в последний раз, не удалось. Вывод напрашивался сам собой. Печальный, но, как выяснилось, правильный.

Факт смерти гражданки Калистратовой не вызывал сомнений. Паспорт нашли в сумочке, лежавшей в шкафу, а личность помогли опознать соседи.

По причине жары процесс разложения зашел настолько глубоко, что установить время наступления смерти оказалось весьма непросто. Судя по газетам, оставшимся в почтовом ящике, выходило как минимум четыре дня.

Кровь давно успела свернуться и приобрела цвет ржавчины. Под влиянием прямых солнечных лучей это обычно происходит за один-два дня, при рассеянном свете — значительно позже, порой за неделю.

В комнате, где лежал труп Клавдии Калистратовой, окна были плотно зашторены. Таким образом, срок в четыре дня показался судмедэксперту Левиту наиболее вероятным.

Осторожно отделив присохшую к телу простыню — оно было накрыто до подбородка, — он обнаружил две раны, каждая из которых могла послужить причиной смерти: одну — в области сердца, другую — в правом подреберье. Нож лежал на полу, возле самого изголовья.

Следователь Морозов, показав орудие преступления соседям Калистратовых — чете пенсионеров, взятых в качестве понятых, приобщил его к вещественным доказательствам и уложил в коробку. На полированном лезвии явственно выделялись кровавые потеки, а рукоятка могла хранить дактилоскопические отпечатки.

Всем хотелось как можно скорее покончить с формальностями. Дух разложения, несмотря на открытые окна и балконную дверь, так до конца и не выветрился, да и солнце жарило немилосердно.

— Смерть наступила предположительно третьего июня, — продиктовал в микрофон врач-эксперт. — В том же месте, где

был обнаружен труп... На кровати. Причина смерти: обширные повреждения в области сердца и печени, нанесенные острым оружием... В скобках: кухонный нож.

— Длиной двадцать два сантиметра, — подсказал следователь.

Важно было не упустить главное, а заполнить форму и, если понадобится, отредактировать всегда успеется. Не тот случай, чтобы выкладываться: бытовуха и есть бытовуха. Таким образом, сомнений насчет личности убийцы не возникло. Версия родилась, что называется, с первого взгляда, когда Морозов приподнял простыню, и были сделаны снимки. Тем не менее, точно следуя инструкции, эксперт зафиксировал положение трупа и позу: на спине, но с наклоном на левый бок, голова запрокинута, правая рука свешивается с кровати, левая откинута за спину, ноги согнуты в коленях.

Одежды на убитой не было, только простыня, накинутая, очевидно, постфактум. Не были забыты ни следы крови непосредственно возле тела (форма, размеры и т. д.), ни трупные пятна, четко выраженные на задней и заднебоковых поверхностях.

— На фоне пятен светлые участки кожи в местах придавливания к постели, — отметил эксперт.

Это был существенный момент. Если у трупа, лежащего на спине, пятна обнаруживаются на передней поверхности, это свидетельствует об изменении положения трупа через сутки и более после смерти.

— Все? — нетерпеливо спросил Морозов, закурив сигарету.

Оперативник с помощником, словно только и ждали сигнала, поспешили выйти на балкон. Но эксперт почему-то медлил, точно не находил в себе сил отойти от трупа. Что-то его удерживало возле кровати, беспокойно подтачивало изнутри, как забытое, но очень нужное к случаю имя, когда мелькнувшее в толпе лицо заставляет замереть в изумлении, и ты не знаешь еще, с чем связан уже тающий в памяти образ: с радостью или горем.

— Пожа-а-луй, — нараспев протянул он, но тут же спохватился. — Нет, постой! Кажется, что-то есть и сверху... Прикройте штору! Только не полностью. — Левит опустился перед смертным ложем на колени, будто собирался прочесть заупокойную молитву. — Так и есть! — в его голосе прозвучала досада и вместе с тем непроизвольное торжество. — И на передней! — он перемотал запись назад, изменив первоначальное заключение. — На передней поверхности тела различаются трупные пятна бледной интенсивности, что может указывать на изменение позы трупа, спустя четырнадцать —тире —двадцать четыре часа после смерти.

— Потом нельзя было этим заняться? — нахмурился следователь, затушив окурок о спичечный коробок. — До морга не могли утерпеть?

— Первичный осмотр ничто не заменит. Упустишь — не наверстаешь. Труп определенно переворачивали! — Зная превратности смерти много лучше, чем жизни, и ни на грош не веря в жизнь после смерти, Левит читал ее зловещие знаки, словно в открытой книге.

Когда останавливается сердце, обездвиженная кровь начинает медленно опускаться в нижние части тела, переполняя капилляры и венозные сосудики, которые, просвечивая сквозь кожу, образуют багрово-синюшные пятна. Они появляются, уже спустя два часа. Это первая, самая ранняя стадия — гипостаз. Даже при легком надавливании пятно исчезает, но стоит убрать палец, как оно появится вновь. Если тело перевернуть, кожа побледнеет, а пятна выступят на другой стороне. Гипостаз длится от восьми до двенадцати часов и переходит во вторую стадию, когда застывшая кровь уже не может вызвать перемещение пятен. Слегка посветлев при надавливании, они тут же возвращают свой похоронный цвет. Еще через сутки (в жару — быстрее, в холод — медленнее) наступает заключительный аккорд — имбибиция. Красные кровяные тельца распадаются, гемоглобин пропитывает стенки сосудов и ткани. Теперь даже при сильном ударе зловещая метка не изменит ни цвета, ни положения.

Все верно: не прошло и суток, как убитую зачем-то перевернули на правый бок, а затем вновь уложили на спину. Обилие разлитых, интенсивной окраски пятен свидетельствует о том, что смерть наступила почти мгновенно.

В последний раз тронув свесившуюся руку, что вяло подалась и тут же откачнулась назад, эксперт выпрямился и, подойдя к окну, жадно вдохнул горячий, ненасыщающий легкие воздух.

Учитывая погоду, трупное окоченение закончилось, или, говоря профессионально, разрешилось в первые два дня.

Теперь стало понятно, почему столь мало крови оставила длинная — почти десять сантиметров! — проникающая рана брюшины, справа под ребрами. Он был сделан уже после смерти, этот тонкий, словно бритвой прочерченный разрез.

Зачем? Для какой цели?

— Мой вам совет, — Левит обернулся к следователю, — еще раз опросите свидетелей. Может, кто видел поблизости посторонних? Мое усталое сердце подсказывает, что преступлением на бытовой почве тут и не пахнет. Странная вырисовывается картина, очень, я бы сказал, странная.

— Странно другое, — съязвил следователь, — как это вам удалось учуять при эдакой вони? Лично у меня нет и тени сомнения, что тут поработал муж. Где он, хотелось бы знать?.. Ничего, далеко не уйдет! Не тот случай!

— Случай не тот, — по-своему отреагировал эксперт. И это равнодушное, чуть протянутое повторение прозвучало хлеще самого резкого отрицания.

— Не первый раз выезжаем вместе, и вечно какая-то заковыка. И чего вам неймется? — Морозов уже примирился с мыслью, что так просто ему не отделаться. К праздничному столу — у дочери день рождения — он и так опоздал. Молодежь дожидаться не станет. Труднее было расстаться с первоначальной и такой соблазнительной версией. На фоне заказных убийств, что, как правило, так и остаются нераскрытыми, заурядная бытовуха могла подправить статистику. Ну не нашли бутылок, так что с того? Этот Калистратов мог нажраться где-то на стороне, и, вернувшись ночью бухим, порешить свою бабу на месте. Наутро очухался и ударился в бега. Так и так придется объявить розыск... Причины для убийства всегда найдутся. Завел любовницу, нужно, так сказать, освободить площадь. Теперь с этим просто. С жилплощади и следует начать. На сегодня — это первейший вопрос... Мог задолжать, да мало ли какие планы... Двухкомнатная квартира, шестой этаж, метро рядом — доллорей тысяч на сорок потянет, не менее. — Начнем оформлять протокол? — спросил он уже вполне миролюбиво.

— Думаю, оно и лучше.

— Я так понимаю, собираетесь производить вскрытие?

— Если не возражаете.

— Тут первое слово за вами, как скажете, а постановление я подпишу.

— С чего это вы вдруг стали таким сговорчивым? — Левит недоверчиво прищурился. — Или уже все равно опоздали?

— Так и есть, — тряхнул головой Морозов. — Да и куда денешься? С очевидностью не поспоришь: вторая рана нанесена после смерти. Если этот Калистратов не наркоман и не псих, то простой бытовухой и вправду не пахнет... Вы, кажется, забыли свой секундомер, доктор... Вон там, на кровати.

— Ой, спасибо! — спохватился врач-эксперт. Манипулируя предметами, число коих превышает единицу, он обязательно что-нибудь да терял. Чаще всего это был секундомер, необходимый при фиксации трупных пятен: восстановление цветности после надавливания исчислялось в секундах. Потеря, а затем неожиданное возвращение другого атрибута вы-

звала гомерический хохот в морге. Оказалось, что измерив температуру еще свежего трупа, он оставил термометр в заднем проходе, и все лишь потому, что вечно таскал с собой и, естественно, боялся потерять подотчетный диктофон.

— Итак, — начал Морозов, — гражданка Калистратова Клавдия Васильевна, пол женский, возраст двадцать шесть, рост сто шестьдесят один сантиметр, упитанность достаточная, цвет кожных покровов?..

— Бледно-серый, — подсказал эксперт.

— Бледно-серый... Как там у вас дальше?

Левит включил диктофон на прослушивание: трупные пятна, окоченение, температура трупа, гнилостные изменения — словом, все, что неизбежно связано со смертью, которая намного однообразнее и предсказуемее жизни.

Левит подписал протокол, не читая. В глаза бросился стоявший на прикроватной тумбочке большой флакон духов «Парфюм принцесса Марина де Бурбон» — 125 $.

«Однако...»

Морозов вышел на балкон дать знать работникам санитарно-эпидемиологической службы, что пришел их черед. Вокруг машины, которая должна была повезти Клавдию Васильевну в последнее путешествие, собралась кучка особо любопытных соседей.

Поскольку входная дверь оказалась неповрежденной — оперативник проник в квартиру через соседний балкон и открыл замок, — осталась последняя формальность: наложить печать.

Весь этот казенный церемониал неявно, если не гротескно, переплетался с фрагментами древнего погребального культа: запись в Книгу Смерти, ладья Харона-Осириса с бензиновым мотором, парасхиты — санитары, плакальщицы — с сухими глазами и равнодушными лицами и, наконец, печать вечного молчания, наложенная на дверь, а не на уста.

Жаль, что вокруг не было никого, кто бы мог провести и осмыслить противоречивую, но далеко идущую аналогию.

Люди потеряли уважение к смерти. Она не трогала, не удивляла, да, пожалуй, и не пугала, воспринимаясь как принадлежность быта, о которой вспоминают, когда приходит нужда. Мудрый и человечный завет: «Memento mori»[1] — был забыт, а если и вспоминался, то как-то по-лагерному: «Сегодня умри ты, а уж я — завтра».

[1] Помни о смерти *(лат.)*

Глава вторая

ЧЕМОДАНЧИК ПРЕЗИДЕНТА

Фортуна подстерегала обозревателя «КС» Саню Лазо на станции метро Площадь революции, но он, ясное дело, не знал об этом. Наряду с другими партийно-комсомольскими органами печати, популярная молодежная газета сохранила свое историческое название «Комсомолец столицы», демонстративно перечеркнув его косым сплетением заглавных литеров. По этой причине, сначала в журналистских, а затем и в самых широких кругах, она сподобилась прозвания «Кость», что нашло согласие с аббревиатурой и конфигурацией вензеля, натурально похожего на заостренный обломок упомянутого предмета.

Логотип далеко не всегда отражает содержание, но «КС» и вправду стала форменной «костью в горле» для многих, включая все ветви власти, силовые структуры и экстремистов обоих флангов.

Вынесенный толпой из вагона, Саня оказался прижатым к постаменту с бронзовой фигурой колхозницы, что никак нельзя было счесть знаком судьбы, ибо все, что происходило в тот момент в зале, не имело ни малейшего отношения к сельскохозяйственной тематике. Пожалуй, более уместен оказался бы пограничник с собакой.

Оба выхода в город были закрыты, и пассажиров с прибывающих поездов направляли вниз — через Театральную на Охотный ряд, о чем с короткими промежутками оповещала трансляция. Увидев милицейское оцепление, Саня достал удостоверение и принялся пробиваться навстречу потоку, который нес его к запруженным эскалаторам за полуовалом перил. Он угодил в самую кульминацию, потому что, как вскоре выяснилось, поезда вообще перестали останавливаться, минуя на повышенной скорости центральный пересадочный узел столицы. Станцию очищали основательно и вполне профессионально. Тем более хотелось остаться и разнюхать причины переполоха. Не обращая внимания на тычки и ругань, Сане ценой неимоверных усилий удалось протиснуться на платформу и, дав крюка, продраться к цепочке омоновцев.

Бегло оценив диспозицию, Саня понял, что тут представлены все силовые структуры, включая службу охраны Президента. У него была отличная память на лица.

После дежурных пререканий, сопровождавшихся качанием прав, ему позволили пройти к начальству.

У заграждения перед подъемными эскалаторами с Охотного ряда темпераментно беседовали три милицейских полковника, генерал и еще двое в штатском. По их настороженным лицам Саня понял, что узнан, но на всякий случай представился по всей форме.

Выступления в печати и на телевидении принесли ему скандальную, скажем прямо, известность. Особенно среди людей в погонах. Что-что, а припечатать броским словом он умел. К одному из министров так и прилипло обидное прозвище. Журналисту угрожали судом и пулей в затылок, но пока Бог миловал. Короче говоря, связываться с ним выходило накладно.

— Ладно, оставайтесь, — после долгой паузы разрешил лысый, с жиденьким начесом мужчина в темном, не по погоде, пиджаке, застегнутом на все пуговицы.

Его лицо, круглое и одутловатое, с глубоко запавшими глазками, показалось Сане знакомым. Кажется, он мельком видел эту лысину то ли с Власовым, то ли даже с Рыжковым. Определенно из бывшей «девятки».

— Вас, кажется, Александром зовут? — колюче сверкнув из-под кустистых бровей, он оглядел Саню с головы до ног и медленно отвел взгляд.

— Так точно... А вас, простите?

— Без комментариев.

— Все понятно... Во всяком случае, спасибо за содействие... А нельзя узнать, что тут происходит?

«Лысый» молча указал на статую сталевара, олицетворявшего рабочий класс. Она находилась на противоположной стороне, в отчужденном, как наметанным глазом определил Лазо, пространстве. В ногах гегемона плашмя лежал, пребывая в неустойчивом равновесии, самый обычный на вид «дипломат» черного цвета, с металлической окантовкой и наборным замком.

Не составляло труда догадаться, что именно это и явилось причиной заварухи. Случай в наше веселое время обыденный. В кейсе могло лежать все, что угодно: бомба, фирменные документы, портативный автомат, пачки долларов, пакеты крега, а то и вовсе поллитровка с нехитрой закусью. Словом, ничего из ряда вон выходящего. Если бы не паника, которую подняли пассажиры, и, главное, режимное расположение станции, можно было бы ограничиться и более скромными мерами. Но вышло, как вышло, то есть, как всегда.

— Может рвануть при малейшем наклоне, — снизошел все же до комментариев «Лысый», примерно догадываясь, какие мысли проносятся в голове журналиста.

Ждали саперов с натасканной на взрывчатку собакой.

Покрутившись со скучающим видом вокруг «объекта», Саня дал привыкнуть к своей особе, не вызывавшей, как он имел основания догадываться, дружеских чувств. Улучив удобный момент, он подлез настолько близко, что мог бы дотянуться до кейса, но был отогнан грубым окриком. Мгновенного взгляда оказалось, однако, достаточно, чтобы узреть неприметную пластинку с выбитым на ней номером 01. Сразу возникла ассоциативная мысль о пожарной команде, царапнувшая по самолюбию своим убогим примитивизмом. Конечно же, почтенная служба не имела никакого отношения к атташе-кейсу импортного происхождения, оставленному каким-то разиней. А то и вовсе разомлевшим от жары пьяницей.

«Почему обязательно бомба! Партию кейсов мог закупить какой-нибудь банк или фирма, скажем, для членов правления, а первый номер присвоил, чтоб лишний раз выделиться, гендиректор. Логично?.. Не совсем, — вновь пришел к тупику Лазо, — остальные передерутся из-за мест: кому шестой, кому девятый... И вообще первачи не ездят на метро. У них «мерседесы» и «вольво». Всяко бывает, но жизнь, как правило, выбирает банальные варианты».

Слоняясь между турникетами, Саня ловил обрывки разговоров.

Омоновцы, видимо, соответствующе проинструктированные, поминали дудаевских террористов. В другое время он бы охотно встрял в беседу: от сержанта подчас можно узнать больше, чем от генерала. Только не тем была занята голова, не на том сосредоточена.

В тот краткий миг, когда он увидел хромированную табличку с претенциозным номером, что-то такое вдруг промелькнуло и тут же забылось. Дурацкий окрик отвлек. Попытка вернуть тот первоначальный толчок окончательно заволокла память плотной завесой. Осталось беспокойное ощущение утраты важного связующего звена, возможно, ключевого в этой пока еще темной истории. Желание вспомнить тупой болью отзывалось в висках, от него нельзя было отвязаться. Саня понимал, что должен переключить себя на что-то совсем постороннее, не думать об этой чертовой бляхе, не насиловать память. Она проснется сама, без нажима, когда этого абсолютно не ждешь.

Уйдя в себя, он проглядел появление саперов: майора, лейтенанта и проводника с роскошной черноспинной овчаркой. Казалось, она улыбается, свесив язык с приоткрытой пасти. После короткого совещания приступили к работе. Первым делом собака обнюхала кейс и вроде как не обнаружила ничего подозрительного. Тогда майор решительно засучил рукава гимнастерки и, вытянув руки вперед, чутко пошевелил паль-

цами, словно хирург перед операцией или чудодей-экстрасенс. Затем, вооружившись фонендоскопом, он принялся, едва прикасаясь к поверхности, прослушивать чемодан. Эта стадия напомнила Сане медвежатника из гангстерских фильмов.

— Тикает? — крикнул через весь зал генерал.

Майор лишь досадливо дернул щекой и дал знак отойти еще дальше. Казалось, что он вообще привык изъясняться исключительно жестами. В ответ на его кивок лейтенант, раскрыв объемистый баул, выложил пару бронежилетов и каски с экраном из гнутого плексигласа. Помогая командиру облачиться в тяжелые, с выпирающими стальными пластинами доспехи, он успел натянуть на голову каску, но был остановлен небрежным взмахом руки.

— Зачем так рисковать? — не выдержал милицейский генерал. — У нас есть броневая плита с манипуляторами. Я попрошу доставить...

— Не стоит, — впервые раскрыл рот майор, — видел я ваши манипуляторы. Наборный замок — дело тонкое. А за меня не беспокойтесь: детонаторы руками ломал, и ничего.

Он и впрямь оказался ассом. Никто и глазом моргнуть не успел, как кейс оказался в его руках, ни на градус не изменив исходного наклона — правым углом к низу. Плавно подняв опасный груз над головой, майор унес его на пустую платформу, скрывшись за толщей пилона, облицованного красно-коричневым мрамором.

Сане показалось, что все дружно перевели дух.

Потянулись минуты напряженного ожидания.

— Чего он там копается? — проворчал задетый за живое генерал.

— Сходим взглянуть? — с невинной улыбкой поддел Лазо.

Напряжение спало, люди принимали свободные позы, обменивались замечаниями. Послышался приглушенный смех.

— Рано радоваться! — оборвал генерал. — Если это синтекс, то бабахнет за милую душу. Разнесет подчистую...

Он хотел еще что-то сказать, но все поглотил оглушительный вой сирены. Мерзкая, подозрительно похожая на рев противоугонного устройства рулада, хлестнув по нервам, многократным эхом прокатилась по залу.

Еще никто не успел понять, что, собственно, произошло, как вслед за тревожным сигналом громогласно прозвучал хорошо поставленный мужской голос:

— Все системы стратегических ядерных сил приведены в действие!.. Повторяю: все системы стратегических ядерных сил приведены в действие!.. Даю обратный отсчет времени: шестьдесят... пятьдесят девять... пятьдесят во...

На счете сорок семь из ближайшей к Сане арки выскочил несчастный майор. Словно тень из кромешной тьмы преисподней, преследуемая адскими духами. Его вынесло на самую середину, где он и застыл, подобно жене Лота, обращенной в соляной столб. Замерев в совершенно невероятной позе, офицер медленно опустился на колени, умудряясь удержать на вытянутых руках распахнутый кейс, который продолжал отсчитывать роковые секунды: сорок шесть... сорок пять... сорок...

На разом осунувшемся, будто серым цементом схваченном лице застыло выражение неизъяснимого ужаса.

Никто потом не смог припомнить, сколь долго длилось общее состояние шоковой каталепсии. Одни говорили — мгновение, другие лишь отрицательно мотали головой: как хочешь, так и понимай.

Первым опомнился «Лысый». Невзирая на возраст и солидную комплекцию, ему удалось взять спринтерский старт и в два прыжка очутиться у цели.

— Стоять! — исторгнув истошный вопль, «Лысый» вцепился в злополучный кейс. — Это чемодан Президента!

Между ним и майором завязалась борьба на манер перетягивания каната. Оба находились явно не в себе. Припав на колени, они валтузили друг друга по каменному полу, мертвой хваткой вцепившись в кейс. Партия завершилась ничейным результатом. Говорящий «дипломат» с тяжелым звоном грохнулся оземь, явив ошарашенным зрителям сверхсекретное нутро: серебристую панель со множеством всевозможных кнопок, тумблеров и мигающих ламп.

Ветераны в тельняшках кинулись на пол, но взрыва не последовало. Только замигали неоновые индикаторы и соскочили, отдавшись пружинным скрежетом, какие-то рычажки. Не дойдя до второго десятка, счет захлебнулся в заунывном вое, сквозь который прорезалось первоначальное оповещение о готовности баллистических ракет к пуску. И все пошло по второму кругу.

Неуверенный, на нервической нотке смешок дал сигнал к пробуждению. Омоновцы, не разобравшись толком, что, собственно, произошло, с опаской приподняли головы. Начальство отреагировало сообразно интеллекту, то есть по большей части пребывало в полной растерянности.

— Классная лажа! — торжествующе улыбнулся Лазо.

Словно остужающий ветерок пробежал по его разгоряченному телу.

«Чемодан! Ядерный чемоданчик!»

Вот и встала пластинка с номером на свое место, как разгаданное слово в кроссворде.

Саня подосадовал, что не сообразил сразу. Ведь своими руками вырезал сенсационную фотографию из немецкого журнала «Бунте»: «Президент России вместе с личным офицером-оператором разглядывает раскрытый ядерный чемодан». Уму непостижимо, как могла такая сцена стать достоянием печати!

Журналистское расследование, которое задумала провести «Кость», не состоялось: опередила старшая — по комсомольскому прошлому — сестра. И эта вырезка тоже попала в Санино досье. Почти дословно вспомнились курьезные подробности насчет пропажи чемодана в Форосе, кремлевских нравов вообще. Особенно отличился один из престарелых генсеков. При интронизации ему преподнесли изделие за номером 51, а он взбеленился: «Я не пятьдесят первый, я — первый. Замените». И заменили, порушив идущий еще от Никиты порядок.

— Вот уж лажа, так лажа! — повторил Саня.

— Что вы сказали? — ошалело поведя глазами, осипшим голосом спросил генерал.

— Лажа, милостивый государь, туфта! Или вы принимаете это за чистую монету?

— Провокация, — бросил неведомо откуда взявшийся спортивного вида блондин в чесучовом пиджачке с короткими рукавами, и решительным шагом направился к главным участникам трагикомедии, так и не вставшим с колен.

Саня тут же последовал за ним.

На «Лысого» было больно смотреть. Сизый от прилива крови, с налипшей на лоб жалкой прядью, подкрашенной хной, он безуспешно пытался захлопнуть крышку, надеясь таким манером угомонить словоохотливого демона. Говорящее устройство, как назло, зациклилось на фразе о стратегических силах, которую и повторяло с упрямством недоразвитого попугая. Майор, тоже находясь на грани сердечного приступа, пытался помочь, но ему мешал бронежилет, который он так и не догадался сбросить.

— Вы же понимаете, что в таком виде это нельзя вынести на улицу, — твердил он, ломая ногти о насечку колесиков. — Лучше вызовите спецпоезд.

Кейс, как и предполагал Саня, был импортный. Удалось даже прочитать название «Самсонит» — то же, что и на снимке в «Бунте». Заглушить его оказалось не под силу ни технически грамотному майору, ни загадочному блондину в чесуче.

Возможно, он и присоветовал бы нечто дельное, но помешал Лазо. Кляня себя за то, что не прихватил фотокамеру, Саня счел своим долгом выжать максимум возможного. Любая

точная деталь была на вес золота. Наклонившись, чтобы лучше видеть, он нечаянно толкнул блондина, дожавшего зубья запора почти до гнезда.

— Кто вас сюда пустил?

Выжидательно обернувшись, Саня натолкнулся на жесткий прищур. Сжатые в ниточку губы и впалые щеки подергивала бешеная улыбка.

— Вы, — Саня достойно выдержал взгляд.

— Немедленно убирайтесь!

— И не подумаю. Обращаясь ко мне, вы произнесли слово «провокация». Это ответственное заявление. Могу я сослаться на вас?

— Я к вам не обращался, — перекатывая желваки, блондин дал нервную слабину: начал оправдываться.

— Но вы знаете, кто провокатор, провокаторы?..

— Мы всех знаем, всех...

Неизвестно, чем бы закончились эти бесплодные, но не лишенные подтекста пререкания, если бы не вмешался «Лысый».

— Уберите прессу, — устало распорядился он, выпрямляя спину, и стряхнул прилипившуюся к брюкам обертку от «Сникерса».

Поскольку вся пресса была сосредоточена в данный момент в единственной персоне, Лазо отдал церемонный поклон. Дальнейшее пребывание превращалось в пустую трату времени, а оно было куда как дорого. Через час о происшествии в метро раззвонят по всей Москве, и пойдут скрипеть перья. Сбежав по замершим ступеням эскалатора, Лазо, убыстряя шаг, понесся по длинному, непривычно пустому переходу на Охотный ряд, где о деяниях тоталитарной эпохи мог бы напомнить мрамор, а не надменная бронза. Но кто может помнить о том, как был благородный камень однажды низвергнут в подземный мир из горнего благолепия храма Христа Спасителя? Во всяком случае, не Саня.

— Анонсируй мою статью в завтрашнем номере, — с ходу выпалил он, врываясь в кабинет главного редактора.

— И где твоя статья? — главный, мужчина великих крайностей, меланхолично глянул на Саню из-под очков.

— Будет.

— Название? Тема?

— Предстоит обсосать. Дай мне двадцать минут.

— Сейчас или никогда.

— Ну хорошо, — Саня нетерпеливо закусил губу. — Значит так... «Чемоданчик с ядерной кнопкой случайно обнаружен

на станции метро Площадь революции. Такое устраивает?.. «Силовики в панике»... «Ядерный чемодан Президента вопит о готовности ракет к пуску»...

— Ты перегрелся на солнце? Или уже «ку-ку»? — главный выразительно повертел пальцем у виска.

— Может, у кого и поехала крыша, но я в полном порядке. Учти, Вадик, пока о том, что случилось, знаю один я. Ты понял?..

— Я-то понял, потому как давно ничему не удивляюсь. Но не верю, старик, не верю.

— Мне? — поднял брови Лазо. — Ты мне не веришь?

— Не лично, не лично, старик, но как, скажем, Станиславский актеру. «Не может быть, потому что не может быть никогда». Чеховский ученый сосед не совсем идиот. Ядерный чемоданчик мог оказаться, где угодно, но не в метро. Скажешь, у Саддама Хуссейна — поверю, у Дудаева — тоже, даже у Япончика, но не на Площади революции. Прости, старик, и не надо темнить. Это розыгрыш?

— Прочитаешь — увидишь.

— Так, значит?

— Только так. Даешь анонс?

— Когда будет материал?

— К пятничному номеру. Мне нужна полоса.

— Заметано.

Глава третья

ДРАКОН И ДЕВА

И отсвечивало зеленым стекло ее мертвых глаз, и мухи, присосавшиеся к страшной ране в правом боку, отли́вали зеленым золотом.

Тело обнаружил Владислав Леонидович Торба, ведущий научный сотрудник Института атомной энергетики. Вернее, его спаниель Лаки, суетливый, взбалмошный и добрый. Случилось это около дома на Университетском проспекте, в блаженные минуты утренней прогулки. Насчет блаженства, впрочем, вопрос спорный. Невзирая на раннюю пору, останевшее солнце уже успело выйти на режимную черту +31°С. Обычно в подобных случаях говорят, что «старики не упомнят». Да и где упомнить, если такая жара в конце мая была зарегистрирована лишь в начальный год правления Николая Второго. Никаких таких стариков, что перемахнули столетний рубеж, на Москве не осталось. Притом пе́кло,

ознаменовавшее утро последнего царствования, никак нельзя сравнить с нынешним. Третью неделю крутился на одном месте испепеляющий антициклон, и даже метеослужба, способная на самое фантастическое вранье, не решалась предсказать скорый конец пытке.

Подлинявшее, словно меловой пылью припорошенное небо без единого облачка; обжигающий, как в съемочном павильоне, ослепительный свет и мертвый, ненасыщающий легкие воздух. Какая-такая прогулка? Какие-такие блаженные минуты? Суровая необходимость — ничего более.

Бедный Лаки, чье обостренное обоняние жестоко страдало от миазмов, источаемых отбросами в железных ящиках, потерянно слонялся между стволами тополей, облетавших прилипчатым пухом. Справив без всякого удовольствия непременную нужду, он не то что затрусил, а скорее пополз по размягченному асфальту, сметая лохматыми ушами пыль и тополиную вату.

Только на придорожных, прилегающих к университету аллеях, где тени гуще и трава посвежее, пес и его вечно занятый мудреными материями хозяин немного пришли в себя. Владислав Леонидович стянул влажную майку, украшенную пунцовым сердцем, что вопияло о любви к Багамским островам, где физик никогда не бывал, и, растопырив руки, подставил взмокшие подмышки слабому дуновению ветерка.

Как отстраненно, как торжественно цвели каштаны! Не замечая изрыгающих дым коробок, проносившихся с обеих сторон, не реагируя на возню двуногих тварей, что разметались теперь в наркотическом забытьи под сенью тронутых ржавчиной листьев. Невзирая на гарь, на свинец и на серу, травмированная природа реализовала свой таинственный генетический код. Все-таки лето — великий лакировщик действительности.

Бутылочные осколки и всяческий мусор нежно укрыли золотые россыпи одуванчиков, воробьи беззаботно чирикали в тощих кустах сирени и — редкая гостья! — одинокая бабочка-павлиний глаз прилепилась к клочку пластиковой обертки, обманутая яркостью нездешних цветов.

Казалось бы, жалкая полоска зелени, потемкинская деревня, фата-моргана! А все же не видно за вспыхивающей зеркальными зайчиками листвой глухих оград правительственных особняков и желтых стен факультетских строений. И парочки, которым жара не помеха, могут свободно, не в пример прежним временам, предаться радостям плоти.

Скромно потупясь, Торба старался не глядеть по сторонам. Найти более-менее уединенное место оказалось непросто, но он

отыскал вполне пристойный уголок, где буйно произрастали дикие травы: сурепка, кипрей и чертополох.

Спущенный с поводка Лаки, припав носом к земле, рванулся в сторону и в мгновение ока пропал из виду. Облегченно вздохнув, Владислав Леонидович уселся под деревом, скинул туфли и вытянул ноги, довольно-таки волосатые и неприласканные загаром.

Не успел он кануть в сладкую дрему, как в уши ввинтился совершенно истерический взвизг, и, ломая ветки, на полянку выскочил перепуганный пес. Тоскливо скуля, бросился он к хозяину и, дрожа всем телом, распластался у него на коленях.

— Фу, черт!.. В чем дело?

Лаки, естественно, отозвался по-своему и, попытавшись лизнуть Торбу в щеку, оцарапал его широкими лапами.

— В чем дело, я спрашиваю? — повысил голос кандидат физико-математических наук и многозначительно пристегнул поводок. — Тебя кто-то укусил?

Лаки ответил укоризненным взглядом безраздельно преданных карих глаз. Задышливое повизгивание и эти темные зрачки, затаившие скорбь и смятение, — все свидетельствовало о том, что собака не на шутку перепугалась.

— Искать! — последовал не совсем адекватный ситуации приказ, ибо однажды найденное никак не нуждается в розыске.

Потребовалось известное усилие, чтобы стронуть упиравшееся животное с места. В конце концов Лаки поддался уговорам и пополз в кусты. Проламываться сквозь колючую жимолость Владиславу Леонидовичу было определенно не с руки и он, найдя удобную прогалину, взял инициативу на себя. Меньше всего ожидал он увидеть такое, хотя, с другой стороны, чему удивляться? Судя по криминальной хронике, вероятность наткнуться на труп достаточно велика, хоть здесь, хоть у себя на лестничной клетке, как то было зимой в соседнем подъезде.

Торба не то чтобы остолбенел, но как-то весь обмер, ощущая непривычную заторможенность в мыслях. Общая картина медленно складывалась из отдельных фрагментов: тело в кустах, побуревшие пятна крови на подкладке чего-то вроде плаща... Не сразу понял, что это женщина, к тому же совершенно раздетая. Угол зрения сузился, словно лучи в фокусе линзы, перескакивая с оторванной пуговицы на рану, еще совсем свежую, с муравья, переползавшего через локтевой сгиб, на припухшие ссадины вдоль отчетливо обозначенной вены. Потом эта стеклянная прозелень, мухи... Мысль о том, что ссадины на руке оставлены шприцем, скользнула как бы мимо сознания. Сосредоточенный и одновременно по-

верхностный взгляд уперся в запрокинутое лицо, полускрытое каштановой прядью, а затем переместился на грудь и на ногу, выпростанную из-под плаща.

Возможно, все длилось какую-то долю секунды, хотя казалось, прошло не менее часа, прежде чем пришло понимание, что мертвая женщина молода, красива и, главное, нужно как-то действовать, причем незамедлительно... Первой осознанной мыслью было бежать отсюда во все лопатки! Пока его не увидели, не застукали... И это явившееся из дворового детства забытое слово взметнуло в душе такой же давний, почти атавистический страх, что бедный физик действительно шарахнулся прочь. Однако первый же больно впившийся в пятку сучок привел его в чувство. Кое-как утихомирив скакавшего с громким лаем спаниеля, Владислав Леонидович воровато огляделся и обходным манером прокрался к дереву, где лежали его плетеные мокасины и майка с пламенеющим символом. Собственное сердце затрепыхалось под ним, словно на последних метрах марафонской дистанции. Принудив себя идти прогулочным шагом, Владислав Леонидович попытался состроить беззаботную мину и даже принялся насвистывать, но вышло невыразительное сипение.

Так, толком не ведая, что следует предпринять, и оттого еще более взвинченный, дотащился он до ближайшего перекрестка, где висела прозрачная будка. За пыльным отблескивающим стеклом смутно белела форменная рубашка одуревшего от духоты гаишника. Торба потоптался возле светофора и, когда загорелся воспрещающий рубиновый глаз, словно по наитию, рванул перед самым радиатором взвизгнувшей тормозами «Волги» на противоположную сторону. Страж порядка никак не прореагировал на вызывающую эскападу, и все еще можно было переиграть, но Торба уже не принадлежал себе. Автоматически повинуясь приказам извне, он наказал Лаки «сидеть» и ступил на выкрашенную серебрянкой ступеньку.

— Там женщину зарезали, товарищ капитан.

— Где? — не повернув головы, незаинтересованно спросил регулировщик.

— На второй аллее через дорогу, — неопределенно махнул рукой Торба — метров что-нибудь двести. Я вас проведу... Молодая совсем...

— Не могу покинуть пост, — неприязненно мотнул головой обитатель «стакана». — Не наше это дело, ГАИ. Обратитесь по назначению.

— А куда? — захлопал глазами Владислав Леонидович, ощущая, как накатывает раздражение. — Ноль-два позвонить? У меня даже жетона нет и автоматов вокруг не видно...

Багровый затылок еще ниже навис над стойкой, на которой рядом с фуражкой стояла литровая бутыль «Херши». Разговор был окончен.

— Вы обязаны доложить! — потребовал Торба. Вспышка праведного гнева, как не странно, его успокоила. — У вас же есть связь? — закончил он на просительной ноте.

Реакции вновь не последовало, но, спускаясь, он услышал, как мент, перемежая забористым матом, пробубнил что-то по рации.

— Мне подождать? — крикнул Торба на всякий случай, начиная раскаиваться, что ввязался в историю. Как бы там ни было, он сделал все, что мог. Остальное его не касается. Если государство не желает себя защищать, то пусть оно идет к чертовой матери. «Все прогнило в Датском королевстве». Кажется, так у Шекспира. Или не совсем так?

В небесах между тем произошла какая-то подвижка.

— Погуляйте пока, — кивнул регулировщик, высунувшись из окна. — Документы есть?

— Откуда?.. И где я их спрячу? — Владислав Леонидович вызывающе оттянул резинку баскетбольных трусов с голубым фирменным знаком «Адидас». Обычно застенчивый и деликатный, он легко вспыхивал, бурно реагируя на проявления административного абсурда. — У нас что, чрезвычайное положение?

— Фамилия, имя, отчество, адрес, — донеслось свыше. Видимо, были получены необходимые указания.

Владислав Леонидович не стал пререкаться и дал требуемые сведения, тут же проверенные по соответствующим каналам. Проработав пятнадцать лет в режимной организации, он настолько свыкся с официальной терминологией, что подходящие случаю блоки сами выстраивались в его запомороченной голове.

Профессиональные заботы — ведущий научный сотрудник занимался разделением изотопов — давно уступили место сугубо бытовым. Перво-наперво катастрофически не хватало денег. Даже прокорм собаки превратился в мучительную проблему. Он возненавидел проклятое название «педи-гри», соединившее библейский порок с африканским колдовским амулетом. Казалось, что оно сосредоточило в себе наиболее отвратительные приметы смутного времени: навязчивую рекламу, рассчитанную разве что на миллионеров, беспардонную ложь и дьявольскую свистопляску неведомо откуда взявшихся колдунов и астрологов, заполонивших экран. Стыдно было признаться, что они с женой, тоже научным работником, стали практически нищими.

Когда в одночасье были потеряны скопленные за много лет вклады в сберкассе, пришлось продать оставшиеся от родителей этюды Коровина и Поленова, как потом выяснилось, за бесценок. Деньги вложили в семейный банк «Чара» под солидный, но едва покрывавший инфляцию процент. Чара однако оказалась отнюдь не заздравной. За несколько дней до окончательного расчета — сумма составила без малого двадцать миллионов — банк лопнул. Владислав Леонидович не сомневался, что это была спланированная акция, причем при полном попустительстве властей. Короче, пять месяцев сравнительно обеспеченного существования в непривычном статусе рантье обернулись разбитым корытом. Так же закончилась и попытка организовать с коллегами ТОО. Выбранный ими гендиректор, единственный, кто смыслил в финансах, снял деньги со счета и был таков. Торба знал, что работник его квалификации мог бы получать за рубежом тысяч пять долларов в месяц, и мысленно готов был завербоваться хоть в Северную Корею, хоть в Ирак, но пока ему никто ничего не предлагал, а он был слишком нерешителен и ленив, чтобы проявить инициативу. Когда становилось совсем невтерпеж и накатывало отчаяние, он тешил себя идиллическими картинами жизни где-нибудь на берегу теплого моря, в коттедже под пальмами. Пока хоть кому-то нужна центрифуга для получения плутония и урана-235, шанс есть.

Таская за собой взад-вперед проголодавшуюся псину, он выстраивал в уме хитроумные конструкции из металлических сплавов, номенклатура которых известна лишь считанному числу лиц. Но мысли разбегались. Откуда-то из глубины зеленым призрачным светом пугающе вспыхивали очи на мертвом лице.

«Плюнуть и уйти, — поминутно решал он. — Мне-то какое дело? Не погонятся же за мной?» — И продолжал машинально отсчитывать шаги, зная, что не уйдет, и никуда не поедет, и не станет продавать секретов. В такие минуты он ненавидел себя, законопослушного гражданина расхристанного отечества. Впрочем, ненависть слишком сильное слово. Горькая обида рождала тошнотное ощущение безысходности. И еще мертвую женщину — студентка? — никак не удавалось выбросить из головы.

Ждать пришлось изнурительно долго.

Видя, как мается бородатый мужик с собакой, угрюмый регулировщик, которому лишние хлопоты были нужны, как рыбе зонтик, проникся чем-то вроде сочувствия. Спустившись перехватить красный «порше», совершивший двойной обгон, он снизошел до утешительного кивка:

— Скоро подъедут, — и, поигрывая жезлом, вразвалку направился к резко затормозившей машине. Водитель, не дожидаясь объяснений, приспустил стекло и помахал зеленой бумажкой.

«Долларов двадцать, если не все пятьдесят, — взъярился Торба. — Месячная зарплата».

Капитан, не смущаясь присутствием свидетеля, деньги взял, но потребовал права. Поколдовав над ними, скорее для проформы, он обошел машину сзади, сверил номера и отпустил нарушителя.

Владислав Леонидович отвернулся, исходя желчью. Экономя бензин, он выезжал на своей «ладе» пятой модели только на дачу, то есть на садовый участок на 42-м километре по Рижскому шоссе. Нынешние выходные они вынуждены были провести в городе по причине выкипевшего аккумулятора. Поломка обнаружилась поздно вечером, а деньги на новый можно было достать только в понедельник.

— Сколько еще ждать? — стиснув зубы, спросил Торба. — Я на работу опаздываю.

— Это в субботу-то?

— Да, в субботу! — с вызовом констатировал Владислав Леонидович, досадуя на свой промах. — Вы, как я вижу, исправно выполняете свои обязанности, — с язвительной усмешкой акцентировал он, — но на одной милиции свет клином не сошелся. Существуют, например, производства с непрерывным циклом. И вообще стратегически важные институты.

Фраза получилась нелепая, выспренняя, но Торбе казалось, что он сделал достаточно ясный намек на свою принадлежность именно к таким жизненно важным для государства сферам. Тем более что в принципе так оно и было.

— Ну, и где же вы работаете?

— В атомной энергетике.

— Не слабо... Оружейным ураном не приторговываете?

— С чего вы взяли? — опешил Владислав Леонидович. — Ничего подобного!

— Как же! Почитываем прессу. Что ни день, то контрабанда. Лучше бы ее вовсе не было, вашей атомной. До сих пор с Чернобылем расхлебаться не можем.

— Чернобыль тут не при чем. В жизни всякое может случиться. И самолеты падают, и поезда сходят с рельсов, но это не значит, что нам следует пересесть на лошадь и отказаться от электричества. А негодяи всюду есть, в том числе и в ваших органах.

— Что верно, то верно, — согласился гаишник. — Жить всем надо, вот и крутятся в силу возможностей... Имея уран, я бы не жаловался.

— У вас есть покупатель? — сыронизировал Торба, отдав должное милицейскому юмору.

— Был бы товар, купец найдется... Неужели живете на одну зарплату?

— Пытаюсь выжить, — вздохнул физик. Продолжать в том же ключе не имело смысла. — Я, пожалуй, пойду. Вы знаете, где меня найти.

— Не положено. Сами ведь напросились. Все доложено чин-чинарем: скоро подъедут.

— Можно подумать, что это я ее убил.

— Всяко бывает.

— Вы это серьезно? — забеспокоился Владислав Леонидович, кляня себя за мягкотелость и длинный язык. Того и гляди навесят убийство или вообще пришьют что-нибудь несусветное. С них станется. Он тоже «почитывает» прессу, хоть и выписал на текущее полугодие одну-единственную газету. — Я знаю свои права, — сказал он, набравшись решимости. — Пусть меня доставят в отделение.

— Права появляются при наличии паспорта, — философски заметил капитан. — Раз вызвались быть свидетелем, так наберитесь терпения.

Торба попытался было возразить, но умолк на полуслове, заметив приближающуюся машину с синей мигалкой. В «мерседесе» с московским гербом сидели двое молодцов в камуфляжных костюмах и черных беретах. Один из них, с автоматом на боку, отвел регулировщика в сторонку. Обменявшись несколькими фразами, они рассмеялись и, вполне довольные друг другом, подошли к машине. С заднего сиденья была извлечена холодильная сумка, в которой оказался плоский ящик с банками пива. Пятнистый отложил автомат и, вскрыв полиэтиленовую обертку, перебросил пару жестянок гаишнику.

— Будешь? — неожиданно спросил он, подняв глаза на Торбу.

Владислав Леонидович хотел гордо отказаться, но лишь смущенно мотнул головой, что можно было посчитать за согласие.

«Карлсберг» оказался почти ледяным. Из-под сорванного кольца прыснуло упоительной горечью хмеля.

— Твой пьет? — спросил благодетель в берете, кивнув на Лаки, занявшего выжидательную стойку.

— Н-нет, — неуверенно пожал плечами Торба, — не знаю.

— А ты проверь. Мой-то пьет, не напасешься! — прощально кивнув, он грузно обрушился в кресло с высоким подголовником. «Мерседес» развернулся и на полной скорости умчался в обратном направлении.

— И это все? — удивился Владислав Леонидович. — Даже не взглянули!

— Очень им надо! Жмуриков не видали? Это ж не следственная группа...

— Значит, еще ждать? — посасывая пиво, покачал головой приободрившийся физик. Приятный холодок в животе несколько примирил его с превратностями жизни, которая, если спокойно разобраться, имеет не одни только минусы. — Мне бы жене позвонить, а то начнет беспокоиться...

— Можно устроить, — подумав, согласился капитан. — Какой телефон? — Ждать да догонять — последнее дело. Кто их знает? Может, прокурора сыскать не могут... Охота ему торчать в такую жару. Тоже ведь человек...

Группа прибыла на японском микроавтобусе «Мазда» через два часа после вызова. Кроме водителя, в нем находились капитан Серебров, меланхоличный увалень с воспаленными от хронического конъюнктивита веками, прокурор Симаков, судебно-медицинский эксперт Левит и проводник с собакой.

Немецкая овчарка по кличке Эстет, обнюхав плащ и землю вокруг, потянула было поводок в сторону университета, но уже через несколько метров начисто потеряла след.

— Первый раз с ним такое! — удивился проводник. — Добро бы на трассе, где полным-полно машин, но чтобы так...

Прокурор, не по ситуации прифранченный и до одурения надушенный одеколоном «Арамис», досадливо махнул рукой.

— Приступайте, — кивнул он оперативнику, едва взглянув на тело.

— Без вас, Николай Анисимович, мы бы не догадались, — огрызнулся капитан. Он сделал несколько снимков из разных углов и на всякий случай обозначил участок проволочными вешками, хотя был уверен, что повторного осмотра не будет: не тот случай. — Наркота, — бросив наметанный взгляд на исколотую руку, определил он. — И со стажем. Небось, на этой почве и порезали. Ишь как располосовали... А ничего была телка, фигуристая.

— Полагаете, располосовали? — судмедэксперт, натянув резиновые перчатки, ощупал брюшную полость, затем, раздвинув запекшиеся края раны, просунул пальцы внутрь. — Ничего себе! — воскликнул он, отшатнувшись от трупа.

— Чего-то нашли? — незаинтересованно спросил Серебров.

— Нашел? В том-то и дело, что не нашел! — с нажимом произнес Левит. — Помогите перевернуть тело.

— Зачем? — брезгливо поморщился капитан. — Успеете у себя в лаборатории наглядеться.

— Переверните, вам говорят! — Левит сердито тряхнул седым клинышком бородки и локтем поправил дужку очков. — Раз надо, так надо...

Со спины женщина выглядела еще привлекательнее. Ни раны, ни малейшей царапины не было видно на ее гладкой, в меру загорелой коже. Общее внимание привлекла цветная татуировка на нетронутых солнцем ягодицах: слева зеленый дракон и малиновая женская фигурка справа. Драконий хвост и руки краснокожей нудистки терялись в промежности. Оставалось догадываться, как они взаимодействовали в движении.

— Так и есть! — то ли обрадовано, то ли, напротив, сокрушенно заключил эксперт и медленно, словно что-то удерживало его, выпрямился, постоял с минуту и пошел к автобусу. — У нее вырезана печень, — процедил через плечо.

— Как так вырезана? — не слишком удивился капитан. Участковый в недавнем прошлом, он заочно окончил юрфак, но, перейдя на оперативку, не прикипел сердцем к работе. Соблюдение самых необходимых формальностей — это все, что его волновало.

— Очень просто: вырезана, — пожал плечами эксперт, залезая в кабину. — Не думаю, чтобы скальпелем, но вполне профессионально. Это видно хотя бы по характеру разреза: хирургический. Операцию, надо думать, провели уже после смерти.

— Вы уверены? — подал голос прокурор. Он курил сигарету за сигаретой, нетерпеливо поглядывая на часы. У него были грандиозные планы на этот день. Жена с дочкой отбыли на дачу, а старый, еще со школьной поры приятель уже час дожидался в Серебряном бору с двумя милыми дамами. Дежурство закончилось в десять утра, но сменщик почему-то запаздывал. Вот и пришлось за здорово живешь искупать чужие грехи. Одна мысль об этом вызывала прилив желчи. В «дипломате», что покоился на заднем сиденье, лежали бутылка шампанского, литр «Смирновской» и шоколадный набор. Словом, незапланированный выезд оказался более чем некстати. — Обычно вы не торопитесь с заключением. Даже после вскрытия, — попенял, выдержав продолжительную паузу.

— Считайте, что оно состоялось, — устало вздохнул Левит, — хотя свою часть работы мы безусловно проделаем. Тогда и получите по всей форме, но полагаю, что не ошибся.

— От чего наступила смерть?.. Передозировка?

— Там видно будет.

— Или не будет? — Нервно притоптывая носком ботинка, прокурор следил за тем, как лениво и незаинтересованно возится, собирая вещдоки, оперативник. Кроме плаща и смятого фильтра от сигареты, почитай, ничего и не нашли. Мусор в кустах едва ли имел отношение к преступлению. — Вы же знаете, что от этого зависит квалификация, — мгновенное раздражение, которое вызвало в нем бесцельное топтание Сереброва, лишь усилило инстинктивную неприязнь к эксперту. — Либо я должен возбудить дело об убийстве, либо... о похищении человеческих органов. Даже мало-мальски толковой статьи на сей счет не имеется... Депутаты долбаные!

— Сочувствую, но ничем помочь не могу. Ситуация явно не тривиальная. На моей памяти это уже третий случай. Прошлой осенью в Бескудникове обнаружили труп молодой женщины с удаленной печенью. По-моему, дело так и осталось нераскрытым. Не слыхали?

— Я здесь человек новый... Вы в самом деле намекаете на контрабанду органов для пересадки? Бизнес весьма прибыльный.

— В голову не возьму... Вообще-то навряд ли. Кому нужна печень наркоманки? При первом же биохимическом анализе выяснится.

— Тогда что? Людоедство?

— Слишком уж изощренно для нынешних-то гиен. Нет, тут другое... Как-никак поработал хирург! Но зачем? Для чего? Ритуальным каннибализмом тоже вроде не пахнет. Мы хоть и впали в первобытное состояние, но не настолько ж...

— А если настолько? Вот вы говорите — японцы. Шайка, как там она называется, ну этого лохматого выродка?..

— Асахары?..

— Именно! «Сёнрике»!.. Разработка японская, а только у нас в Москве сектантов в три раза больше, чем в Токио. Опять мы впереди планеты всей. Лично я ничему не удивлюсь. Распад полный. Случаи самого отвратительного людоедства повторяются с завидным постоянством. И голод тут ни с какого боку. Растление нравов. Это же надо придумать такое: печенка!

— Японцы в войну практиковали, на пленных. Или, к примеру, взять дикарей. У них печень считалась вместилищем жизненной силы, если хотите, души. Вот и жрали требуху

поверженных врагов, в надежде укрепить воинскую доблесть. Но от бабы, я вас спрашиваю, дикарю какой прок?

— Цинизма вашему брату не занимать, — усмехнулся прокурор. — Маньяк — вот и весь сказ. Это многое объясняет... Вы там скоро, Серебров? — окликнул он капитана.

— Будем увозить, — с облегчением кивнул оперативник, точно только и ждал, что кто-то возьмет на себя инициативу. — Приступайте, — он махнул рукой санитарам, подкреплявшимся возле своей труповозки.

— Кого вы имели в виду под братом? — подозрительно покосился на прокурора Левит.

— Каким братом? — не понял Симаков. Предвкушая купание, шашлычки на траве и прочие прелести, он мысленно был уже в Серебряном бору.

— Вы о чем?

— О цинизме. Сами только что выразились.

— В самом деле?.. Я уже забыл, по какому поводу. А, печень! Почему все патологоанатомы, кого я знал, склонны к кладбищенским шуткам? Атмосфера морга сказывается?

— Морг, кладбище — это неизбежный итог, — не без удовольствия отбрил Левит. — У нас ассортимент, как говорится, готовый. Хотите знать производителей? Я скажу: преступники — раз, прокуроры — два. Потому-то и юмор у них расстрельный. У тех, кого я знал.

Симаков пристально посмотрел, но ничего не ответил.

— Знаю, что не обрадую, но придется вам, батенька, поднимать то, нераскрытое, — ехидно осклабился Левит.

— Это еще зачем?

— Придется, придется... Дело, конечно, ваше, но, как пить, придется. Помяните мои слова.

Санитары застегнули пластиковый мешок, опустили на брезентовые носилки и через заднюю дверь погрузили в «рафик».

— Все, — сказал Серебров. — Можно ехать.

— У той дамочки, — усаживаясь на свое место, Левит многозначительно поднял палец, — у той, что в Бутове, была точно такая же наколка.

— И нашли ж местечко, лахудры! — хмыкнул Серебров. — А третий?

— Что третий?

— Вы же говорили, что на вашей памяти это уже третий случай?

— Тогда второй, если уж по порядку... И тоже женщина. В морге дожидается. На прошлой неделе нашли, в Бутове. Никак руки не дойдут: уйма работы.

— И наколка имеется?

— Наколки я как-то не приметил, но печени скорее всего не досчитаемся. Надо будет сегодня же проверить. И как это я, старый дурак, сразу не сообразил! Ведь своими глазами видел... Тот же разрез! Эх, сразу было надо прощупать...

— Успеете. Никуда она от вас не уйдет.

— Вы не знаете, что у нас в моргах творится! Мест катастрофически не хватает. Ни жить не дают по-человечески, ни помереть.

ТОЛЬКО ТАМПАКС!

Глава четвертая

«А ЭТО БЫЛ НЕ МОЙ ЧЕМОДАНЧИК...»

Первое упоминание о кейсе, поставившем на уши все спецслужбы Москвы, проскочило в начале передачи «Времечко». В характерной для лихой бригады наплевательской манере было заявлено, что зритель «не узнает о пропаже контейнера с радиоактивным кобальтом на складе производственного объединения «Светоч», о дерзком нападении на генерального директора Агентства печати «Вести», а также о находке — где бы вы думали? — в Московском метро президентского чемодана с ядерной кнопкой».

При этом ведущий костяшками пальцев отбил барабанную дробь и пропел хорошо всем известный куплет:

А это был не мой чемоданчик...

Если отбросить назойливые потуги на остроумие, то текст целиком был заимствован из анонса в «КС», что полностью устраивало Саню Лазо. Лучшей рекламы в канун выхода репортажа трудно было бы пожелать. Два экземпляра завтрашнего выпуска лежали рядом с ним на диване. Середину второй полосы занимал крупный коллаж, на котором красовался вырезанный из «Бунте» чемоданчик. Жуткий атомный гриб и палата для буйнопомешанных составили соответствующий фон. Натюрморт дополнили генеральские погоны.

Прослушав вполуха сообщение о найденной возле МГУ мертвой женщине, у которой неизвестные злоумышленники похитили печень, Саня выключил телевизор и принялся обдумывать план завтрашней встречи. Он явно погорячился, посулив проблемную статью. Для аналитического исследования материала не хватало. Это выяснилось при разборке досье. Чтобы не потерять лицо и забить дыру в номере, пришлось

дать репортаж с места событий. Получилось забористо, с отчетливым сатирическим уклоном. Памятуя о статье, которую все же надеялся написать, Саня, не расставив всех точек над «и», подпустил толику мистификации. Читатель, который не ходит голосовать, заслуживает, чтобы его слегка попугали. Сопоставив уже состоявшийся репортаж с еще нерожденной статьей, он набросал основные вопросы, которые намеревался задать, не переставая удивляться и радоваться удачному стечению обстоятельств. Выйти на того самого конструктора, который когда-то дал интервью конкурентам, оказалось куда проще, чем можно было предполагать. Перелистывая записную книжку, Лазо неожиданно наткнулся на телефон Лиды Ермоловой, работавшей в редакционном секретариате. Они познакомились прошлой осенью в Репине, на каком-то киношном семинаре, пару раз переспали и, сохранив друг о друге приятные воспоминания, разъехались по домам. В самом начале весны, когда были завершены все формальности развода, второго на протяжении семи лет, Саня, одурев от беспокойного ощущения неприкаянности, вспомнил про Лиду и позвонил. Они встретились — было как раз воскресенье, отлично отобедали в Домжуре и сразу поехали к нему в Крылатское. Характер у Лиды был жизнерадостный, легкий. Ни о чем не спрашивая, она осталась на ночь, которую они провели без сна, а утром безмятежно укатила к себе в редакцию. Больше они не виделись. За истекшие три месяца Саня успел побывать в Чечне и на холяву съездить в бизнес-круиз по островам Эгейского моря, где обзавелся знакомством с длинноногой, гибкой, как лоза, фотомоделью, а под самый конец — и с женой известного банкира Лорой, роскошной сорокалетней женщиной. Предпочитая всем радостям жизни постель, она обожала роскошь и, главное, знала в ней толк, будь то бриллианты, меха, коллекционный фарфор или антикварная мебель. Необузданная, капризная, но ласковая и страстная, Лора целиком завладела всеми его помыслами. Каждая встреча была, как праздник, который мог оказаться последним. Неудивительно, что тихая Лидочка напрочь выскочила из головы.

Набирая, не без душевного трепета, ее номер, Саня приготовился к упрекам, даже к холодной отповеди. Менее всего он мог ожидать, что его встретят с такой искренней радостью. Словно расстались вчера, и она все еще под впечатлением той нескончаемой ночи, когда они, счастливые и обессиленные, раздвинув наконец шторы, увидели солнце в зените и сверкающую гладь водоема с березками на островках. Сердце заныло от ее беззаботного смеха. Ощутив смешанное со сты-

дом облегчение, он попытался что-то такое объяснить, оправдаться, но лишь окончательно запутался и умолк. Тараторя без умолку, Лида нуждалась разве что в одобрительном поддакивании и возгласах удивления. Она продержала его у телефона минут сорок, пересказывая накопившиеся новости, которые хотела излить все разом. Интересного или сколь-нибудь значительного в них было немного. Так себе — радужные брызги событий и впечатлений. Багатели, как говорят французы, милые пустячки. И все у нее «классно», изумительно, неповторимо, словно не было в ее жизни ни трудностей, ни огорчений. Летний дождик при ярком солнце, и только.

Более чуткое ухо могло бы уловить затаенные обертоны грусти в ее звонком и чистом голосе, но Саня слишком был занят собственными проблемами. Когда в сплошном потоке слов проскользнули короткие бреши он перевел разговор на профессиональные темы. Терпеливо выслушав жалобы на грабителей почтовиков и жмотов рекламодателей — беды у всех были общие — осторожно спросил про конструктора, вскользь заметив, что срочно и позарез нужны координаты. Лида оказалась не в курсе, но обещала разузнать.

Положив трубку, он с раскаянием подумал, что хотя бы из вежливости следовало назначать встречу. Но, как нарочно, муж его новой подруги отбыл в зарубежную командировку, и впереди маячила целая череда безмятежных дней и ночей. Такого с ним еще не было. Быстро воспламеняясь, он так же скоро остывал, но ненасытный омут этих тайных свиданий только распалял жажду. На плаву удерживала лишь работа. Не столько газета как таковая, с ее лихорадочной текучкой, сколько внутренний и всегда такой благодатный отклик на все, что связано с печатным словом. Ибо Слово в его изначальном значении — и Бог, и миф, и мир. Впрочем, до таких глубин, доступных лишь философскому или истинно писательскому уму, Саня не добирался. Ему вполне хватало тех поверхностных знаний, которых в конечном счете требует мас-медиа. Журналист не только не обязан, но и не должен быть мудрее среднестатистического подписчика.

Сане не пришлось выбирать профессию, она сама избрала его. В школе, пионерлагере, на факультете — везде он был бессменным редактором стенгазет. В «КС» пришел еще студентом, да так там и остался, пройдя весь путь от нештатного корреспондента до члена редакционной коллегии. Не бог весть какая карьера, но он и не стремился выше. Ни должности, ни награды, ни титулы не могут заменить журналисту единственного отличия — имени. Достаточно того, что Александра Лазо причисля-

ли к первой десятке, хотя достойных соперников у него было только двое: в «Известиях» и «Сегодня». Всякий раз, приступая к горячей теме, Саня невольно думал о том, как бы каждый из них выстроил композицию, какие нашел сравнения, как надавил на болевые точки власть предержащих. Если удастся найти контакт, он постарается превзойти себя. Выдаст такой фитиль, что чертям тошно станет.

Предвкушая грядущее торжество, Саня мысленно возвратился к Лиде и вновь ощутил едкую кислоту запоздалого стыда. Она не только нашла нужного человека, но и сама договорилась о встрече! А он даже поблагодарить, как следует, не сумел, свинтус... Почти как в анекдоте: она ему: «Поженимся?» — а он в ответ: «Созвонимся». Слова вроде другие, но подтекст почти тот же.

Ее звонок, как потом выяснилось, не первый за день, Саня услышал еще на площадке, когда отпирал дверь. Влетев в кухню, он больно ушиб плечо об угол холодильника и свалил на пол телефон. К счастью, внутренности не пострадали, хотя от пластмассы откололся солидный кусок. В какой-то мере это было знаком судьбы. Массивный аппарат, купленный женой, теперь уже бывшей, был единственной вещью, которую она почему-то не пожелала забрать. Казалось бы, под старину и под мрамор, впандан с обстановкой, что она вывезла, вплоть до торшеров и ламп. Словом, трещина, расколовшая корпус, оказалась чуть ли не символической.

Провозившись далеко за полночь, когда густую синь за окном разбавило белесой мутью, Саня незаметно впал в дрему — как был, в рубашке и джинсах, на пролежанном старом диване, которым снабдил его сердобольный сосед.

Убогое ложе, казалось, еще хранило стойкий тревожный запах Лориных духов. Как же он мандражировал, когда впервые привел ее в эту пустую комнату с теневыми квадратами от картин на выгоревших обоях. Но она и здесь оказалась на высоте, эта дивная женщина в изысканном туалете от Сен-Лорана. Сбросив платье и не щадя маникюра, вымыла полы, протерла окна и даже вычистила Санины парадные туфли. И все быстро, сноровисто, словно каждый день занималась самой черной работой. Это выглядело тем более удивительно, что в ее особняке, на седьмом километре от Кольцевой, не ощущалось недостатка в прислуге. Упарившись, более от жары, нежели с непривычки, Лора, ничуть не смущаясь, стянула с себя тончайшие трусики, оставившие на пышных бедрах розовый след, и побежала под душ.

«Тебе нужно особое приглашение?» — окликнула, пустив воду на полную мощь.

Аромат «пуазона», навеяв томительные воспоминания, незаметно просочился в сон. Уже в забытьи Саня ощутил волнующую близость женщины, разметавшейся где-то под самым боком. Полный желания, он потянулся ищущими руками, которые тут же уперлись в обшарпанную кожу дивана.

Он с трудом перевел дыхание и разлепил глаза. Разворошенное гнездо заливал ослепительный жар. День обещал быть таким же изнурительно знойным, как и все предыдущие.

Пора было вострить лыжи. На дорогу по приблизительной прикидке понадобится не меньше часа — тридцать пять минут только на метро. Утрата «жигуленка» шестой модели, отошедшего вместе с дачным участком жене, существенно сузила Санину деловую активность. Он знал, что может легко сорвать несколько тысяч зеленых на скрытой рекламе, но пока брезговал.

Засекреченный конструктор обретался на Нижней Масловке, в бывшем цековском доме из желтого кирпича. Двухкомнатная квартира с высоким потолком, просторным холлом и всяческими подсобными помещениями производила впечатление гостиничного люкса средней руки. Темная лакированная мебель, обилие хрусталя, ковры машинной выделки — ничего примечательного. Разве что развешанные по стенам поделки из корней и капа — хобби, как легко догадаться, хозяина, самого Петра Николаевича.

На вид ему было за пятьдесят. Невысокий, но крепкого сложения, он встретил гостя радушной улыбкой и сразу же предложил чаю.

Взглянув на натертые до блеска полы, Лазо сделал движение разуться, но хозяин остановил его небрежным взмахом руки.

— Не затрудняйтесь... У меня особое покрытие: дунешь — и нет. Никакая грязь не пристанет.

— Такое бы, да для внутреннего употребления, — пошутил Саня.

— Не понял?

— Я душу имею в виду.

— Душа — штука нематериальная. Я, знаете ли, в атеистическом духе воспитан и не собираюсь менять убеждения. Глянешь на вчерашнего бойца идеологического фронта, как он с постной рожей держит свечу, так с души воротит.

— Вот вам и нематериальное понятие, — улыбнулся Саня.

— Что?.. Вы совершенно правы! — Петр Николаевич рассмеялся. — Слова, слова... Однако присаживайтесь. Будете записывать на магнитофон?

— Если не возражаете, — Саня включил диктофон с миниатюрной двухчасовой кассетой.

— Ничего не имею против. Мои условия знаете?

— Знаю.

Единственным условием была полная анонимность. Поэтому Лазо не стал выяснять ни подлинного имени, ни отчества и уж тем более не поинтересовался фамилией. Пусть будет Петр Николаевич. Главное — нарыть побольше фактов.

— Взгляните, — развернув газету, он показал иллюстрацию к очерку, — тот самый?

— Как две капли воды. Могу продемонстрировать и свой собственный... Из той же партии.

— Интересно.

Петр Николаевич принес точную копию кейса, запечатленного на снимке. Та же фирма и пластинка на том же месте, только без номера.

— Раскрыть нельзя?

— Сделайте одолжение, — отщелкнув боковые замки, Петр Николаевич распахнул крышку. Внутри оказался портативный ноут-бук с крохотным экраном и выдвижной клавиатурой, тестер и набор инструментов для тонкой электроники. — Вы ожидали чего-то иного, не так ли?

Саня отрицательно покачал головой.

— Я не ожидал, — подчеркнуто выделил он, — что ядерная кнопка страны может оказаться в таком чемодане... Почему именно «Самсонит», Петр Николаевич? Не нашлось подходящей упаковки отечественного производства?

— Представьте себе, не нашлось...

— А этот подошел по параметрам? Самый лучший из всех?

— Не знаю... Надо спросить у того, кто производил оптовые закупки Не исключено, что ему просто дали на лапу. Лично меня параметры устраивают: вес, толщина, прочность. Мы проверили вместе с ведущим конструктором.

— И наборный замок на три цифры?

— Честно говоря, он вообще не нужен. В принципе эта штука никак не может попасть в чужие руки.

— Но ведь попала же!.. Например, в Форосе.

— То дело темное. Притом следует учесть, что министр обороны располагал точно таким же пультом. Для чего им еще один, так называемым мятежникам? Разве что ублажить Янаева, который не просыхал с комсомольской юности?

— Вы случайно не смотрели вчера вечером «Времечко»?

— «Время» по старой памяти иногда включаю, на «Времечко» времечка нет, — довольный каламбуром генеральный конструктор лукаво прищурился.

— Значит вы не знаете об инциденте на станции метро Театральная?

— Знаю, но из другого источника.

— Какого, если не секрет.

— Секрет.

— Понятно... И что вы думаете по этому поводу?

— Очередная чушь. Враки!

— Вас не затруднит пробежать глазами этот материал? — Лазо вновь подсунул свой очерк.

Петр Николаевич взял газету, надел очки и действительно за несколько минут пробежал все шесть полных колонок. Он либо читал с пятого на десятое, либо владел навыками быстрого чтения. Саня подозревал, что технарям оно дается много легче, чем гуманитариям.

— Это вы написали? — спросил Петр Николаевич, сдвинув очки на изборожденный морщинами лоб.

— С вашего позволения.

— И видели собственными глазами?

— Почти с самого начала и до конца... Пока не попросили.

— Все действительно так и было? — конструктор аккуратно сложил газету по складочкам. — Ничего не преувеличили ради красного словца?

— Скорее пригладил, ради приличия.

— «Провокация!» — вопил тощий чекист, похожий на раблезианского Панурга», — Петр Николаевич процитировал слово в слово. — И это не выдумали?

— Чистый факт.

— Что ж, поздравляю... А от меня вы чего ждете?

— Ваше мнение. Я имею в виду не репортаж, а ядерный чемоданчик.

— Ваш Панург абсолютно прав: провокация. И вы сами это отлично понимаете, но почему-то упорно подталкиваете читателя к мысли, что нет дыма без огня, даже запугиваете. Зачем вам это?

Лазо отдал должное своему критику, мысленно отметив его высокий с залысинами лоб и умные, с затаенной насмешкой глаза, хотя не собирался описывать внешность. По крайней мере в этой статье.

— Видите ли, Петр Николаевич, не все так однозначно, как кажется с первого взгляда. Наше милое правительство преподнесло нам столько сюрпризов, что волосы встают дыбом. Поэтому всякое может случиться. Вы понимаете? Я не хочу, чтобы в один прекрасный день все мы стали заложниками очередного политического негодяя или террориста... Представьте себе, например, что ядерный пульт попал в руки,

скажем, думского депутата, одного из наиболее одиозных — на ваш выбор...

— Ну и?

— Вас это не пугает?

— Ничуть. Еще один скандал, свара в парламенте, и статья вроде вашей. На том и закончится.

— Вы шутите?

— Ничуть. Что он станет делать с чемоданом, Муссолини турецкий? Развяжет атомную войну?

— По крайней мере сможет этим шантажировать.

— Вам бы следовало помнить, как сразу после Фороса один умный человек сказал, что этим чемоданом можно гвозди забивать. Он всего лишь деталь в сложной и разветвленной схеме, созданной на случай внезапного ядерного нападения. Именно внезапного, когда для ответа остаются буквально минуты. Только в этом случае сигнал в конечном счете подается на чемодан.

— Как понимать: в конечном счете?

— Я же говорю, что чемодан является только частью огромной и мощной системы. Маковкой айсберга, если угодно. Он постоянно находится на связи, но ввести его в боевой режим можно только в том случае, если получен сигнал о нападении.

— Значит ли это, что без этого сигнала никто не сможет отдать приказ о пуске? Ни террорист, ни министр обороны?

— Ни сам Президент, — досказал Петр Николаевич. — Это я и пытался вам втолковать. Все завязано на систему предупреждения.

— А превентивный или, как раньше говорили, упреждающий удар?

— Если войну готовят загодя, то нет нужды в переносном пульте. Так называемую кнопку сподручней нажать из подземного бункера или вообще из любого места, где в данный момент находится первое лицо.

— Кремлевский кабинет? Дача?

— Кабинеты, — как бы вскользь уточнил конструктор. — Квартиры и дачи.

— Выходит, он не так уж и нужен, чемоданчик? Отчего же тогда такой ажиотаж? Помните последние дни нашего Союза? Горбачев многозначительно напоминает, что чемодан пока у него, а Ельцин...

— «Чемодан я заберу», — усмехнулся Петр Николаевич. — Я-то помню, но об этом вам лучше у них спросить.

— Почему?

— Да потому, что вы, журналисты, распространяете мифы, внедряете их в общественное сознание. Главам государств

поэтому ничего другого не остается, как, простите, играть на публику... Но я вам ничего не говорил, лучше сотрите...

Лазо незамедлительно нажал кнопку и, отмотав пленку назад, включил на прослушивание.

— Порядок, — одобрил Петр Николаевич.

— Хорошо бы немного развить эту тему... Без записи. Кто кого мистифицирует? Правительство — народ или народ — правительство?

— Я бы не ставил так вопрос. Мистический элемент вносят телевидение, пресса. Отсюда и ажиотаж. Совершенно ясно, что система предупреждения должна в конечном счете замыкаться на главу государства. Для этого вовсе не нужен чемодан или еще какой-то особый пульт. Приказ можно отдать и по телефону правительственной связи. Но так уж повелось с легкой руки американцев. Думаю, это было верное решение. Чемодан в глазах людей стал не только символом высшей власти, но и своего рода гарантией безопасности.

— Все видят, что Президент денно и нощно пребывает на страже?

— Так оно и есть. Не понимаю вашей иронии. Боевой режим может быть установлен в считанные секунды. Для этого и существует оператор, который всюду сопровождает верховного главнокомандующего.

— И в туалет?

— Не надо утрировать.

— В старину это называли «куда царь пешком ходит»... Оператор действительно спит рядом с президентом?

— Смею заверить, что все обставлено надлежащим образом, то есть разумно и без излишних неудобств.

— Но он по крайней мере едет с ним в одной машине?

— Я бы сказал так: летит в одном самолете. Лимузин, в котором находится офицер-оператор, оборудован специальным устройством.

— Офицер?

— Не ниже полковника.

— Наши ракеты действительно никуда не нацелены?

— Об этом я знаю не больше вашего. Полагаю, что так.

— Какой же смысл в ядерной кнопке?

— Ввести зашифрованные координаты можно за несколько секунд. Для этого и существует пульт. Офицер-оператор — не просто бессловесный носильщик. Помимо прочего, он единственный, кто должен помочь хозяину мгновенно сориентироваться в хозяйстве. Ведь в критическую минуту легко растеряться, забыть... Вы только представьте себе, какая тяжкая ноша обрушивается на человека, какой стресс он должен испытывать!

— А оператор — не человек? Часть машины?

— Понимаю, на что намекаете... Как и у нас с вами, его организм отвечает на стрессовую ситуацию адреналином, но это натренированный организм. До автоматизма, если хотите. Сбоя быть не должно.

— Представляю себе Леонида Ильича в последние годы. Прелестная картинка: он и оператор... Тогда, если не ошибаюсь, резерв времени составлял всего семь минут?

— В этом не ошибаетесь.

— В чем же тогда?

— Во-первых, вы неверно написали, что система начала разрабатываться еще при Хрущеве.

— Досадно. Учту на будущее. Выходит, при Брежневе?

— Брежнев так и не дожил до завершения. Окончательно она вошла в строй при Андропове, но Юрий Владимирович уже был прикован к искусственной почке. Не до чемодана... Про Черненко и говорить не приходится.

— Получается, что первым полноправным хозяином стал Михаил Сергеевич?.. Тогда вернемся к инциденту в Форосе. Вы полагаете, что чемодан никуда не исчезал?

— Его просто отключили от системы. Не понимаю только, зачем. Чтобы лишить связи с войсками, внешним миром вообще? Но чемодан для этого и не предназначен. Выходит, одно из двух: либо хотели ударить по самолюбию Президента, либо вообще не ведали, что творят. Некомпетентность — профессиональная болезнь нашей номенклатуры.

— Вас не смущает резкость оценок? Номенклатура никуда не ушла. Между прочим, лефортовские сидельцы тоже перекочевали в депутатские кресла.

— Мне ли бояться при моей-то зарплате? Найду себе занятие.

— Где вы работали до того, как сделались генеральным?

— В Главкосмосе.

— Космос тоже на ладан дышит.

— Справится. Куда нам без него?

— Лично у меня создалось впечатление, что номенклатура может обойтись без всего: без науки, искусства, литературы, даже без народа.

— Последнее как раз не выйдет, а посему рано или поздно наладится.

— Если фашисты не придут. Наш чиновник ко всему приспособится: и к церковной свечке, и к свастике... У меня такой к вам вопрос, Петр Николаевич. — Лазо мельком заглянул в блокнот. — Даже в современных бытовых приборах предусмотрена защита от дурака. Разве нельзя было снабдить

чемодан какой-нибудь блокировкой на тот случай, если он попадет в чужие руки?

— Кто вам сказал, что нельзя?

— Значит, есть такая штуковина?

— Все предусмотрено.

— А самопроизвольно ничего сработать не может?

— Ни в коем случае.

— Превосходно! Давайте тогда подытожим... Если все обстоит так, как вы говорите, кому и зачем могла понадобиться скандальная инсценировка в метро?

— Это уж ваша забота — гадать на кофейной гуще.

— Не очень-то вы благосклонны к моему ремеслу.

— Так я не о вас, а вообще... Вы мне скорее нравитесь. Не пойму только, как умудряется ваше начальство совмещать безграничную демократию с монархизмом.

— На то и демократия, — ухмыльнулся Саня, понимая, куда направлен удар. — Редактор у нас — человек многогранный, политик, — не стал он вилять. — Лично я подобных симпатий не разделяю. Самое страшное заключается в том, что при нашей беспринципности возможно решительно все. Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью. Право слово... Я вовсе не намерен гадать на кофейной гуще, или, скажем, на бобах. По моему глубокому убеждению, на Театральной была проведена осмысленная и точно нацеленная акция. Иначе как прелюдией к государственному перевороту ее не назовешь. Вот увидите, как отреагируют массы.

— И как же?

— Вопреки всем опровержениям, которые наверняка последуют, большинство останется в полной уверенности, что это действительно был чемодан номер один.

— Чему вы и поспособствовали.

— Еще не вечер. Последнее слово не сказано. Пока лишь я хотел помешать нашим бдительным органам спустить дело на тормозах, смазать. Люди должны знать, что это не проделка шутника, а действительно провокация, но направленная лично против Президента. Если бы еще и он сам понял...

— Информация дозируется, — уловив недосказанное, кивнул Петр Николаевич.

— Поэтому и нужен увесистый удар по затылку, чтобы уши прочистило.

— Кому?

— Я про аппарат говорю, окружение... Не знаю пока, откуда ноги растут, но почти уверен, что без пособничества сверху не обошлось.

— Откуда ноги растут, известно, — нарочито двусмысленно заметил Петр Николаевич, — но я бы на вашем месте поинтересовался руками. Они могут оказаться длинными и не пустыми. Не страшно?

— Страшно, — с готовностью признал Саня. — А что делать?

— Однажды ваша газета, кажется, уже пострадала?

— Не однажды.

— Что ж, желаю удачи.

— Сколько всего таких чемоданчиков?

— Несколько штук. На случай поломки, но больше про запас. Электроника тоже стареет... Все, между прочим, на месте. Не питайте иллюзий.

— И не думаю, — Саня закрыл блокнот, дав понять, что вопросы исчерпаны. — А сколько действующих? Как раньше — три, или начальнику Генштаба нынче не положено?

— Вам-то зачем знать? Не в ту сторону смотрите, право.

— Как знать, Петр Николаевич, как знать... Ну, спасибо вам за терпение и откровенность. От чистого сердца говорю. А гранки, как условились, подошлю. Никаких ссылок на вас не будет.

— Иногда и намека достаточно. В позапрошлом году одна газетенка наделала шухеру. Началось с бюджета Минобороны, а докопались до дачи начальника Генерального штаба, где был смонтирован узел связи для системы «Казбек». Казалось бы, на том можно и успокоиться, так нет же — выболтали название. Многие тогда пострадали.

— Даю слово, что соглашусь со всем, что вы сочтете необходимым вычеркнуть.

— Надеюсь, не придется. Я, понимаете ли, привык учитывать все стадии. Когда до гранок доходит, пиши пропало — кто-нибудь непременно сболтнет.

— В принципе возможно, что и этот наш разговор уже кем-то записан.

— В самом деле? Ну, я весь дрожу! Жаль, что поздно предупредили.

Саня вновь подивился, как преображает улыбка даже самые ординарные лица.

— Еще раз благодарю, — он выключил диктофон, вынул кассету и положил ее на край стола. — На всякий пожарный случай. Память меня пока не подводила. Было приятно и лестно познакомиться с вами.

— Мне тоже, Александр Андреевич. Если надумаете выступить на телевидении, дайте знать: хочу поглядеть.

Глава пятая

СХОДКА В МОТЕЛЕ «ЛАЗУРНЫЙ»

Сходка была назначена на 19 часов. По оперативным данным, гостей ожидалось более сотни. Посты наружного наблюдения, затаившись в кустах, отслеживали прибывающие машины, по преимуществу импортные: «доджи», «ауди», «чероки» и «мерседесы».

Бинокуляр со стократным увеличением, нацеленный на мотель «Лазурный», что на Минском шоссе, позволил уточнить схему парковки и расположение охраны. Воротилы преступного мира Москвы и ближайшего Подмосковья открыто демонстрировали свою возросшую мощь и полную безнаказанность. Свои люди в местной милиции донесли, что МУР проявляет повышенную активность, однако Авдей, хорошо известный правоохранительным органам Николай Сидорович Авдеев, он же Колян, пренебрег предупреждением. Крупный чин из ОМОНа заверил, что в «Лазурный», где сейчас полно иностранцев, никто не сунется. Все мероприятия проводятся в связи с чеченскими событиями. Авдей, снискавший громкую известность непримиримой борьбой с кавказскими группировками, сблизился с омоновцем именно на этой почве. Его бойцы отстреляли Ашота, Бексолтана и бешеного Бабу Абрека, а бравые омоновцы замели их ближайших сподвижников, снискав благорасположение мэра. Почти все задержанные боевики вскоре оказались на воле, а бреши в доблестных рядах заполнили новые авторитеты. Авдей, хоть и слыл несгибаемым «отрицалой» — не шел на сотрудничество с органами ни на свободе, ни в зоне, — не счел для себя зазорным контакты с человеком, которому ежемесячно отслюнивал солидную сумму. До сих пор мент его ни разу не подводил. Отменять большую сходку, к тому же приуроченную к его, Авдея, сорокалетнему юбилею, не было никакого резона. Напротив, пусть все видят, кто истинный хозяин Москвы.

Украшавший фронтон «Лазурного» венок из белых и алых гвоздик с императорской монограммой «Н» и юбилейной — 40 — датой можно было различить издалека, не прибегая к оптике. Вопиющая наглость стала последней каплей, переполнившей чашу терпения начальника отдела по борьбе с бандитизмом. Подполковник Корнилов поклялся, что на сей раз Авдей не отделается «президентскими» тридцатью сутками. Прекрасно осведомленный о продажности сверху и снизу, Корнилов предпринял ряд отвлекающих действий, загодя на-

правив приданные подразделения ОМОНа не только к «Лазурному», но и на Курский вокзал, а также на Варшавку и Олсуфьевское шоссе, где находились однотипные мотели, облюбованные чеченской мафией. Допустив преднамеренную утечку насчет чеченцев, Корнилов рисковал головой. События в Буденновске еще слишком живы были в памяти, чтобы позволить себе воспользоваться ими, как ширмой. Принимаемые против возможного терроризма меры лишний раз продемонстрировали полную импотенцию властей. Что могли противопоставить безоружные солдаты-десантники, заполонившие станции метро, опытным диверсантам, прошедшим подготовку в Пакистане, Афганистане и на базах КГБ? На последних — наиболее опытных ветеранов — МУР получил персональные ориентировки.

Но не воспользоваться обстановкой было бы чертовски обидно. Слишком уж заманчивой выглядела перспектива накрыть мафиозных шишек всех скопом. Победителей ведь не судят, хоть и расходится крылатая поговорка с жизненными реалиями.

Корнилов однажды уже брал Авдея, но судья, то ли купленная, то ли запуганная, выпустила бандита под залог. Не прошло и месяца, как он учинил разборку на Тушинском рынке, оставив семь трупов. Свидетели происшествия уже на следующий день отказались от прежних показаний.

Первый срок Авдеев заработал пятнадцатилетним подростком, едва закончив восемь классов в поселке Озерки Тамбовской области. Отбарабанив два года в колонии, сел вторично за нанесение тяжких телесных повреждений. Не успели его отправить на этап, как пришло известие, что потерпевший скончался. Статью переквалифицировали на убийство и, соответственно, добавили срок. Тюрьма — школа не только для революционера, как учили детей в советское время, но прежде всего для уголовника. Зоны и пересылки не прошли для Авдея впустую. Его авторитет рос пропорционально цензу лагерной оседлости. Пик карьеры пришелся на 1985 год, совпав с началом ускорения и перестройки. Умудренный горьким опытом, наш человек не принимает всерьез ничего, что нисходит к нему с Олимпа.

Моя милая в постели
Сделала движение.
Думал я, что перестройка —
Вышло ускорение...

Во Владимирском централе, где Авдея короновали вором в законе, частушек не пели. Высокопоставленных заключен-

ных вывезли под охраной в ресторан с изысканной русской кухней, где по всем правилам кулинарного искусства был накрыт банкетный стол на семнадцать кувертов. Кроме яств и напитков, на нем красовались блюдечки с мучнистой россыпью кокаина. Хриплая вокалистка исполняла под оркестр заказанные песни, а дамы местного полусвета придавали торжеству семейный оттенок. Для уединения администрация предоставила кабинеты директора и завпроизводством.

Нанюхавшись вдосталь, Авдей взял сразу двоих. Он и в камере получал все, что надо: деликатесную жратву, французский коньяк и наркотики. Наколка на плечах значила едва ли не больше, чем всамделишные погоны с большими звездами.

В знак благодарности альма-матер он, отмотав последний срок, пришвартовал к воротам зоны фургон, набитый ящиками с водкой, импортными сигаретами и шоколадом. Три дня тюремная паства пировала вместе со своими пастырями. И это не досужая выдумка романиста, а документально установленный факт, достойно освещенный в центральной прессе. Читая о подвигах своего «крестника», Корнилову оставалось лишь скрежетать зубами.

Ровно в восемь вечера он отдал приказ следовать в направлении Кунцевской больницы. Это была единственная «дезa», на которую подполковник заранее получил «добро» в охране Президента. Сопровождавшие колонну автобусов с омоновцами БТРы лишний раз подтверждали первоначальную версию. В условиях повышенного режима охраны их появление возле правительственного объекта, каким все еще считалась бывшая «Кремлевка», не должно было вызвать нездорового интереса. Подозревая, что переговоры по радио могут прослушивать, Корнилов разработал систему условных наименований, известную только самым надежным сотрудникам. То же Кунцево, к примеру, получило обидную кличку «Канатчикова дача». Всякому понятно, что никакого отношения к сумасшедшему дому номенклатурная лечебница не имела, а если и просматривалась какая аллюзия, то скорее по адресу «Ближней дачи» Иосифа Сталина.

Как раз на подъезде к месту, где в прежние годы от Можайского тогда шоссе начиналось то самое, закрытое для простых смертных ответвление, а ныне высится бронзовый штык Победы с ангелами, маршрут был неожиданно изменен. Три автобуса, зажатые между двумя бронетранспортерами, повернули в сторону Филей. У развязки на Молодежной им надлежало, сделав крюк, приблизиться к мотелю со стороны Кольцевой. Оставшаяся часть колонны проследовала прямо,

и в сопровождении машины ГАИ, где находились одни оперативники, вышла на исходный рубеж.

Штурм, а вернее, налет, потому что обошлось без единого выстрела, начался уже в десятом часу, когда криминальный элемент, основательно отяжелев от наркотиков и спиртного, благодушествовал в уютном ресторанчике на цокольном этаже.

Из машин, рванувших к парадному подъезду, еще на ходу выскочили камуфляжники с автоматами и, рассыпавшись цепью, блокировали охрану. Действовали они стремительно и круто, преимущественно рукояткой по голове и ботинком в пах. Вмазанным лицом в землю стражам еще застегивали, заломив руки за спину, наручники, когда основная группа захвата ворвалась в зал. Все обошлось без единой накладки, как на показательных учениях перед телекамерой. Даже самые отпетые боевики не успехи схватиться за карманы. Корчась на полу от боли, они изрыгали мат с кровью пополам. Застигнутые врасплох главари покорно дали защелкнуть стальные браслеты.

Обыск, грубый, но тщательный, желаемых результатов не дал. Оружия ни у кого не оказалось, что впоследствии сильно затруднило юридическую процедуру.

Задним числом выяснилось, что по требованию Авдея, не желавшего омрачать торжество, равно как и деловые переговоры о судьбе общака, неприятными инцидентами, все «береттьі», «браунинги», «макаровы» и ТТ были сданы на хранение гардеробщику. Неподъемную сумку с подсудным арсеналом, пользуясь суматохой, вынесла гостиничная путана по кличке Наездница. Как это удалось хрупкой, но исключительной подвижной в силу профессиональных навыков девице, остается загадкой. Следы ее теряются в ресторанной кухне, где на кафельном полу удалось найти оброненную обойму к пистолету отечественного производства. Повара, само собой, от находки открестились и никакой Наездницы не видели.

Но это, не грех повториться, выяснится потом. Пока же, в горячке успеха, Корнилов глазом полководца оценивал масштабы одержанной виктории. Говоря военным языком, удалось накрыть шесть генералов — воров в законе, десятка два старших офицеров — авторитетов — и больше сотни бандитов различной квалификации и рангов. Улов вышел на славу, а сама операция так и просилась в учебное пособие для школ МВД.

— Поднимайтесь, Авдеев, — начал он с главнокомандующего, которого еще раз обшарили с ног до головы. Выуженный пакетик марихуаны погоды не делал.

Так, одну коронованную особу за другой, он поставил к стене семерку заправил.

— Семь плюс один, — презрительно сплюнув, сострил Авдеев, подкованный в вопросах политики и экономики.

— Семь плюс один равняется семь, — столь же двусмысленно ответил Корнилов, пройдясь вдоль шеренги.

Физии были все больше знакомые, если не воочию, то по розыскным фотографиям, которые распространяла милиция. Не без удовольствия подполковник распознал знаменитого главаря казатинской группировки Федора Илюхина, по кличке Пестрый. Повторный обыск преподнес обеим сторонам досадный сюрпризец — гранату РГД-5. Пестрый прятал ее за пазухой и, пока не оказался в наручниках, мог свободно рвануть.

Корнилов вывернул взрыватель и велел приобщить к вещдокам. Осмотр бандитских иномарок принес мелочь: ножи, нунчаки, резиновые дубинки, ржавую заточку. Лишь в синем «датсуне» Илюхина нашли припрятанный под резиновым ковриком магазин к АК.

— Где ствол, Илюхин?

— Не дождешься, начальник.

— Хватит с тебя и гранаты... Увести, — Корнилов кивнул на Авдеева, не без сожаления рассудив, что Колян недолго пробудет за решеткой. Каждый человек имеет право отметить день рождения по своему вкусу.

Авторитеты держались независимо: предводитель очаковской группировки Вячеслав Урякин, с кликухой Урюк, Автандил Потридзе, по прозвищу Танк, Карен Егиазаров — Карик Бакинский — какие люди. Первое потрясение схлынуло и, освоившись с обстановкой, они с показным безразличием дожидались завершения процедуры, давным-давно ставшей для них обыденной.

Бакинского, который вдвоем с напарником зверски изнасиловал десятилетнюю девочку, Корнилов уже брал, с Танком — встретился впервые. Не с «лицами кавказской национальности» — вымороченный перл постсоветского новояза — ратоборствовал Авдей, а с пришлыми бандами, что вторглись на давно застолбованные участки. Танка и даже Бакинского, который преступил воровские законы, он держал за своих, наравне с тем же Пестрым или Лехой из Балашихи.

Корнилов знал, что за Лехой вела слежку налоговая полиция. Его хотели взять уже на выходе из банка «Регент», что наверняка сорвало бы всю операцию. Больших нервов стоило уговорить коллег не торопиться. Корнилову даже показалось, что они и его заподозрили в криминальных связях.

— Всех на Петровку, — он устало махнул рукой и направился к выходу. Омерзительно треснул раздавленный каблуком осколок какой-то тарелки.

На следующее утро в его кабинете на Петровке раздался телефонный звонок.

— Вам бы лучше поостеречься, Константин Иванович, — предостерег некто очень вежливый и спокойный. — Если себя не жалко, то хотя бы о семье подумайте.

Аналогичная угроза прозвучала и по прямому засекреченному номеру начальника ГУВД. В случае повторения такого рода мероприятий обещались потолковать с генеральским сынком.

Верхи отозвались ворчанием приближающейся грозы, но Корнилову было не привыкать к раскатам начальственного грома. Поступили, впрочем, и поздравления.

Из специзолятора в Бутырке Авдеев направил циркуляр сотоварищам по казенному дому, размноженный под копирку на листках из тетради по арифметике:

Час добрый, Арестанты!

Пришло время вновь обратиться к Вам! Огромное уважение от нас тем, кто поддержал наше Российское движение и Федю Илюхина, кто не перетрухал и расценил это так, как должен расценить Порядочный каторжанин. Понимаем, что многие оказались не теми, за кого выдавали себя — об этом я знаю из моляв, переданных мне от надежного кореша. С каждым из них будет решено в соответствии с их поступками. Нас, а значит и Вас поддерживают Все Российские Воры. Китаец Вова — сейчас в Америке. Полностью с нами. Рогожа-физик — сейчас в Германии с нашими парнями разворачивает это движение там. В крытых тюрьмах идет то же самое. Мы — дома! Не забывайте это. Не отдавайте Россию на дербалово. Всем гостям — почет и уважение, но до той поры, пока это не затрагивает наших интересов. По Илюхину проделана громадная работа — он должен уйти домой — на свободу. В тюрьме останутся люди, зарекомендовавшие себя в самые тяжелые моменты, как смелые и порядочные арестанты. И я ставлю их смотрящими за положением на Бутырском централе — в нашей Московской тюрьме. Отныне общак будет идти ни неизвестно куда, а на них. А от них ко всем нуждающимся, ко всем, кто лишен возможности поддерживаться с воли родными и близкими. Все Московские парни делают

огромное дело. Они собрали и собирают деньги для Вас. И та тварь, которая посмеет совать нам в колеса палки — будет разорвана. Вот люди к кому Вам следует обращаться.

Стреха «Омский» —— * —— (...)[1]
Владик «Князь» —— * —— (...)
Петька «Новосибирский» —— * —— (...)

Они будут достойными положенцами и доводить все мои обращения с воли к Вам.

С искренним уважением ко всем Вам
Колян Авдей.

Сей знаменательный документ (все своеобразие лексики и пунктуации сохранено полностью), бесспорно, характеризует Николая Авдеева как личность незаурядную и даже романтическую, приверженную к благородным воровским традициям, попранным нынешней молодой порослью, лишенной каких бы то ни было сантиментов. Этот романтизм, который так и хочется назвать социалистическим, ибо он воскрешает хрестоматийные рассказы о революционерах-подпольщиках, отнюдь не является данью прошлому, а даже напротив, вполне отвечает нервным веяниям современной эпохи. Чтобы убедиться в этом, достаточно побывать на митинге, скажем, Трудовой Москвы. В стилистике речей обнаруживается поразительное сходство с цитируемым посланием, с той лишь разницей, что весть из Бутырской тюрьмы дышит искренностью и лишена демагогии. Как политический лидер, а именно в таком качестве и предстает Николай Федорович, он способен дать фору иным прочим.

Означенный рукописный текст огласили, или, как теперь выражаются, «озвучили» на очередном брифинге ГУВД, после чего его ксерокопированная копия была воспроизведена на седьмой полосе одной из лучших газет России.

Несокрушимая уверенность Авдея, что он вскорости покинет стены узилища, оказалась абсолютно оправданной. По прошествии положенных по указу тридцати дней, прокурор не продлил срок задержания, и несгибаемый арестант, встреченный у железных ворот тюрьмы эскортом автомобилей, благополучно возвратился к себе в Бутово.

За столь короткий период следствию удалось наскрести лишь жалкие крохи. Выяснилось, в частности, что, уловив направление ветра, Авдеев раньше многих и многих принялся

[1] Следующие за знаком —— * —— три цифры здесь и далее МУР предпочел скрыть в интересах следствия.

отмывать нажитый — неважно, как! — капитал. С экономической точки зрения, это было весьма мудро, потому что воровством и разбоем можно лишь заполучить деньги, но сохранить их, а тем более приумножить, куда сподручнее легальным или, скажем, полулегальным путем. Как свои личные средства, так и упомянутый общак, требовалось куда-то вложить. Авдеев избрал банковскую и коммерческую деятельность, имея в дальнем прицеле и какое-нибудь прибыльное производство. Тут-то и выяснилось, что Леха Лохматый, которого тоже потом пришлось отпустить, выполнял обязанности «положенца», то есть в данном случае служил посредником между Авдеем и представителями частного бизнеса. В налоговой полиции, где с Лохматым — Корнилов свято выполнил обещание — крепко поработали, добились немногого. Ясно было одно: воровские бабки крутятся в «Регент Универсал Банке». Причем наружка засекла это задолго до того как налоговая инспекция обнаружила крупную недоплату в финансовых документах Бутовской станции автотехобслуживания, где и был впервые замечен вездесущий Леха. Так, с двух концов, обе службы вышли в одну точку. Дабы не пересекать друг другу дорогу, решено было объединить усилия.

Печальный факт, что по крайней мере шестьдесят процентов московских банков контролирует мафия, не вызвал особых эмоций ни у Корнилова, ни у полковника Всесвятского, который разрабатывал Леху. В налоговую инспекцию Вячеслав Никитич пришел из антитеррористического отряда «Стяг», что в немалой мере способствовало взаимопониманию.

— Я так понимаю, что без наезда на банк не обойтись, — сразу взял быка за рога Корнилов, навестив Всесвятского на его конспиративной квартире. За домом, где размещалась полиция, велась непрерывная слежка, и засветиться значило провалить дело в самом начале. Мафиози быстро раскусят, куда нацелен удар.

— Весь вопрос в том, кто — мы или вы?

— Конечно, вы. Вам и по положению больше подходит, и квалификация в финансовых хитросплетениях почище нашей. Да мне и разрешения не дадут: ни единой зацепки... Ну и жара! — Корнилов до пояса расстегнул рубашку с короткими рукавами и принялся обмахиваться сложенной вчетверо газетой «КС».

— Читали уже? — так и не дав прямого ответа, поинтересовался Всесвятский.

— Про чемоданчик?.. Как же! Зубастый парень, этот Лазо. Я за ним давно слежу. Глубоко копает.

— В каком смысле следите? — тонко улыбнулся Всесвятский.

— Не в оперативном, конечно, — Корнилов отрицательно покачал головой. — Как заинтересованный читатель.

— И почитатель?

— А что? Мне нравится, хотя толку чуть. Плюнь в глаза — божья роса.

— Да, раньше после таких выступлений ого-го-го! Кому-то бы крепко не поздоровилось.

— Раньше не было таких выступлений.

— Пожалуй. Только заикнись о чем-то подобном, так мигом спеленают, вместе с газетой... Я вас вполне понимаю, Константин Иванович, но и вы, пожалуйста, правильно поймите. Единственное, что можно позволить себе в данной обстановке, так это затребовать счета Бутовской станции и этого прохиндея Алексея Максакова. Но что с того? Только вспугнем прежде времени. И где гарантия, что Лохматый значится под своей фамилией? В трех случаях из пяти — двойная бухгалтерия. Вот и решайте, как быть.

— М-да, положеньице, — Корнилов вынул расческу и провел по влажной голове. Критически глянув на приставший к зубьям волосок, сдул его. Иного ответа он и не ожидал. Для первого доверительного контакта важно было установить отношения. — Разрешите поделиться с вами некоторыми соображениями, — начал он, выдержав долгую паузу. — Мы можем рассчитывать на успех только в случае тесного взаимодействия, а это предполагает как минимум два условия: не тянуть одеяло на себя и не держать камень за пазухой... Признайтесь, Вячеслав Никитич, вы тогда подумали, что у меня к Лохматому, скажем так, внеслужебные интересы?

— А как бы вы повели себя на моем месте?

— Дожили до веселенького дня, — вздохнул Корнилов. — Вы правы: раньше многое было проще. Только вы и мы, КГБ и МВД, а нынче нас, таких шустрых, сколько развелось?

— Нет, это вы правы. Раньше мы, прежде чем вот так побеседовать, глотки друг другу успели бы перегрызть. Я уж не говорю про те времена, когда все мы были под одной крышей. К счастью, меня тогда и на свете не было.

— Меня — тоже, но Щелокова с Чурбановым я застал... Тогда ведь, как считалось? Мы воруем, вы — боже сохрани! С верхов вонь шла, с самой головы. Хапали в три горла. Образцово-показательно.

— Это смотря какими критериями руководствоваться. Юрий Владимирович в обычной трехкомнатной жил, да и Леонид Ильич наотрез отказался въехать, когда взглянул на

приготовленные апартаменты. Словно специально зарезервировал их для Хасбулатова.

— Я недавно читал, что Брежнев приказал Щелокову арестовать Андропова, верно? — спросил Корнилов, отметив, как уважительно отозвался Всесвятский об обоих генсеках. В уголовке спокойно перемывали косточки всем: и прежним, и нынешним. — Вот когда настоящая проба сил была, но кишка тонка оказалась: Ильич уже на ладан дышал.

— Вроде был такой слух, но нас, военных, к политике не допускали. Не думаю, чтоб до стычки могло дойти.

— Почти дошло, когда наши метровские мусора вашего шифровальщика забили.

— Эко вы...

— А чего? Мусора и есть. Мразь!

— Будет вам, Константин Иванович, будет... У нас в конторе, между прочим, тоже не без греха.

— Наслышан. И у нас, и везде. И что же из этого следует? Послать всех на легком катере?

— Я бы не стал исключать для себя такой возможности.

— И на чем мы с вами договоримся?

— Будем работать. Высказались, и баста... Не хватало вам только уверять друг друга, что оба мы приличные люди, — поежился Всесвятский и, резко меняя неприятную тему, спросил: — У вас, разумеется, есть агентура в той среде?.. Или они супермены, Максаковы да Авдеевы?

— Долбал я таких суперменов... Разумеется, есть. Что вас конкретно интересует?

— Заграничные связи. Тут серьезной контрабандой попахивает. Вова Китаец, Рогожа-физик — не приходилось сталкиваться?

— Китайца, конечно, знаю, как облупленного. Кто его не знает? Вор в законе, король. Пустил корни в Нью-Йорке, крепко связан с американской, итальянской и колумбийской мафией. Про Рогожу ничего сказать не могу. Шерстим картотеку. Пока темная лошадка, как, впрочем, и Коляновы положенцы.

— Китаец — парень серьезный. Под ним, почитай, половина преступного мира. По сути вся криминальная обстановка в стране определяется борьбой между его сторонниками и противниками, — Корнилов с хрустом размял пальцы. — А Физик фигура для меня новая. Похоже, мы вышли на разветвленную сеть. Без таможни, боюсь, не развернуться.

— Еще одна дырявая контора!.. Я бы предпочел сразу в Интерпол.

— А что? Это идея... Там, кстати, мой коллега сидит, в Русском отделении.

— Удачно. Где хорошо платят, взяток не берут.

— Берут, наверное, только с оглядкой... А за дружка процентов на девяносто ручаюсь. Нам предстоит разработать перспективный план и основательно помозговать.

— Что ж, давайте в следующий раз встретимся с картами в руках? Для начала могу подкинуть одну наводку, — Корнилов вновь машинально прошелся расческой и принялся неторопливо застегивать пуговицы. Верхняя, как назло, оторвалась. — Вот зараза!.. Простите, — он засунул ее в кармашек. — Лохматого дважды засекли на контакте с довольно-таки подозрительными сектантами.

— «АУМ сенрикё», небось?

— Да нет, еще одна объявилась на нашу голову: «Атман» какой-то, Лига последнего просветления.

— Час от часу не легче. Такие же экстремисты?

— Кто их знает?.. Мы религиозными организациями не занимаемся. По крайней мере до тех пор, пока не начнется стрельба.

— Что ж, будем иметь в виду... На «АУМ сенрикё» у меня кое-что накопилось по финансовой линии. Да и по личной — тоже. У моего бывшего командира дочь в секту ушла, как сгинула.

— Вы молодцы, «Стяги», что связь поддерживаете. Правда, здорово. По-мужски. Если вдруг понадобится, могу рассчитывать на содействие вашего братства?

— Ассоциацию бывших имеете в виду?

— Это для КГБ они бывшие.

— И для больших умников там! — улыбнулся Всесвятский, выразительно показав на потолок... — Странные клички у них пошли: Китаец этот, знаменитый Японец, Монгол опять же.

— Я бы сказал, традиционные. Про Японочка, небось, читали в детстве?.. Беня Крик.

— Как же! Одесса-мама, золотые времена.

— У нынешнего Японца глаза с характерным разрезом, а Китаец в детстве переболел инфекционной желтухой. Болезнь Боткина.

— По сей день желтый?

— Шутите, Вячеслав Никитич! А мне, признаться, невесело. Курьеры Китайца каждую неделю курсируют между Москвой и Нью-Йорком. Полные чемоданы денег, а мы все удивляемся.

Расстались вполне довольные начальным этапом.

СОРТИ УМЕЛО СОЗДАЮЩЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Глава шестая

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЧЕРНИЛА

Утро для президента «Регент Универсал Банка» Ивана Николаевича Кидина началось с неприятного сюрприза: обнаружилась недостача в двадцать тысяч долларов. Сумма не столь уж значительная при миллиардных оборотах, но тем не менее... Генеральный директор находился в деловой командировке в Токио, и Кидин решил разобраться самолично, тем более что досадный инцидент сопровождался странными обстоятельствами.

Выслушав доклад заведующего операционным залом Аншелеса, человечка юркого и многословного, он уже собрался вызвать кассира — виновника происшествия, но тут зазвонил прямой телефон, известный ограниченному числу лиц, и пошло, поехало...

Пришлось отложить дознание на вторую половину дня. После шестнадцати часов беличье колесо обычно сбавляло обороты.

В негласном списке самых богатых людей Москвы Иван Николаевич занимал, по различным оценкам, не то семнадцатое, не то двадцать третье место. Никто толком не знал, каким образом рядовой завкафедрой марксизма-ленинизма вышел в банкиры и, главное, как заполучил исходный капитал. Одни поминали его брата, покойного ныне члена ревизионной комиссии ЦК, другие, делая большие глаза, кивали на мафию.

Глупо прислушиваться к сплетням. О ком вообще молвят у нас доброе слово? Может, политэкономия, которую читал у себя в пединституте доцент Кидин, и дала ему побудительный импульс развить скрытый талант финансиста? История знает и не такие случаи.

Как бы там ни было, но на сегодняшний день никто не брал под сомнение его деловую сметку. Кидина приглашали на совещания в Кремль и Белый дом, с ним считались городские власти. Он занимал выборную должность в Ассоциации банков, посещал «Лайонс-клаб», где-то меценатствовал и представительствовал.

Словом, все, как положено, а охулки на руку не положишь.

«Регент Универсал» входил в пятерку ведущих банков и пользовался солидной репутацией. Его руководство не пожалело средств, чтобы добиться высшей категории надежности А-2. Финансы в конечном счете решают все. Это в равной

мере относится и к банковскому рейтингу, и к премии Оскар, гарантирующей успех, а следовательно, и многомиллионные кассовые сборы, даже весьма среднему фильму. Там, где крутятся уж очень большие деньги, не останавливаются перед затратами на аранжировку. Как правило, они окупаются сторицей.

Тридцатисекундная реклама «Регента» появлялась на экране (НТВ и 6-й канал) с ненавязчивой периодичностью и была не лишена вкуса.

Версальские лужайки с фонтанами, камзолы и кринолины времен Людовика XV, но не рабски натурно, а чуть утрировано в манере Сомова.

«Короля делает свита. «Регент» возьмет на себя все проблемы его величества клиента».

По-видимому, это льстило по крайней мере части вкладчиков, особенно тем, кто действительно был коронован, как воры в законе. Увы, надо признать, что имелась у респектабельного банка подобная клиентура; не только имелась, но и пользовалась особым расположением. Некоторые счета как юридических, так и физических лиц даже не попадали в компьютерную систему, а выплаты отмечались по ведомостям, которые в положенные сроки отправлялись в бумажную мельницу — ту самую, что славно потрудилась на резке документов ЦК КПСС. Определялось ли это специфическими особенностями вложенных капиталов или тут превалировали соображения иного порядка, связанные, скажем, с налогообложением? Воистину: «Сия тайна глубока есть».

Черная с золотом зеркальная вывеска «Регента» украшала один из самых прелестных домов на Сретенском бульваре. Ее англо-русское двуязычие давало прозрачный намек на широту транснациональных операций, что, кстати, отвечало действительности. Банк работал не только с долларами и марками, но и с йенами, фунтами, франками, испанскими песетами, австрийскими шиллингами, а также кронами, латами, литами стран Балтии. Мягкую валюту, правда, не жаловали, единственное исключение было сделано для украинского карбованца.

Одним из первых банк включился в риэлтрскую деятельность, открыв конторы по скупке и продаже недвижимости во всех округах столицы. Располагал он и обширной сетью охраняемых обменных пунктов, где по самому выгодному курсу продавались и покупались японские банкноты, хотя для прочих маржа была, почти как в Сбербанке. Эта особенность, подмеченная обозревателем «Финансовых известий», тоже так и осталась непроясненной.

Минута Кидина вполне соотносилась с ценой экранного времени. К обеду телефон и факсы принесли ему кругленькую сумму. Но какой затраты нервов это потребовало! Особенно трудно дались переговоры с одной темной фирмой, за которой стояла правоэкстремистская партия. Требуя ссуду под минимальный процент, негодяи не остановились перед угрозами. Пришлось вызвать начальника службы безопасности и дать соответствующую ориентировку. Уж он, тертый калач, нажмет, где надо.

В запарке Иван Николаевич позабыл про обмишурившегося кассира-оператора, который, ни жив, ни мертв, дожидался у себя за стойкой вызова на ковер.

Ковров, кстати, в кабинете Кидина не было в заводе. Жена, к чьему мнению он трепетно прислушивался, сочла дурным тоном покрывать наборный паркет из дорогих сортов дерева. Под ее наблюдением обновили лепнину, реставрировали расписной плафон начала века. Она же выбрала по каталогу офисную мебель от голландской фирмы «Де Болт» и повесила на видном месте этюд кисти Поленова, купленный на антикварном аукционе.

Кидину, положа руку на сердце, картинка не нравилась. Купеческий домик под красной крышей, два тополя, покосившиеся ворота — так себе, никакого виду. Зато золоченые корешки полного Брокгауза и Ефрона, возрожденного промыслом издательства «Терра», привели его в восторг. Вот уж действительно придает вид. Капитально, престижно. Приметив уникальный словарь у кого-нибудь из коллег, Иван Николаевич испытывал нечто похожее на ревность, словно у него отняли частичку достояния. Собственно, это подвигло перелистать случайно выхваченный из середины том. Обогатив память полезными сведениями из дореволюционного быта, он любил как бы невзначай ввернуть что-нибудь эдакое и указать на источник. Давал тем самым понять, что в отличие от прочих держит книги не для внешнего эффекта.

Жена, тонкая штучка, живо раскусила прием и купила «Британику», твердо зная, что в английском он еле-еле со словарем. Вроде бы посодействовала, а по существу — уязвила.

«Эх, Лора, Лора», — вздохнул он про себя, скользнув поскучневшим взглядом по настольной фотографии в тонкой позолоченной оправе.

Жена была моложе Кидина на двенадцать лет и, судя по некоторым признакам, завела себе нового хахаля. Он все никак не мог собраться с духом выяснить, что за птица. По опыту знал, что попытка уличить Лору в чем бы то ни было, не обещает ничего путного. Откажется, устроит сцену, и он

же выйдет виноватым. Придется ползать на коленях и, размазывая слезы, просить прощения.

Повернув фотографию, чтоб не отблескивал свет из окна, Иван Николаевич вновь подивился необъяснимой изменчивости даже тут, на портрете, ее обманчиво ангельского лица. Добрая, сострадательная улыбка чувственных губ, сияющие глаза — сама искренность! — трогательно выбившийся из-под бриллиантовой заколки локон, темной скобкой оттенивший щеку.

Нет, недаром говорят, что ему повезло. Всякий раз, появляясь с ней рядом, будь то в театре или просто на улице, он испытывал смешанное чувство гордости и тревоги. Гордость незаметно сходила на нет, как и всякая привычка, а тревога держала в постоянном напряжении. Лора нутром чувствовала обращенные на нее взоры, нежась в них, словно в лучах солнца на пляже. На прошлой неделе ему пришлось отстегнуть за билеты в ложе две тысячи долларов. И вовсе не потому, что ей так уж приспичило послушать этого испанца, чье имя Кидин услышал впервые и тут же забыл. Нет, Ларисе Климентьевне лишний раз захотелось покрасоваться в Большом театре перед самой изысканной публикой. Она и на сцену, если и глянула, то как бы случайно. С рассеянным видом меняла позы, то опустив подбородок на сомкнутые ладони, то плавным движением разметав волосы по обнаженным плечам — мраморным, как у античной статуи. Пусть торс, особенно ниже талии, и выглядел несколько тяжеловесно, подчеркнуто женственно, но плечи... Дыхание перехватывало от их безупречного совершенства.

Иван Николаевич отставил фотографию супруги и уперся глазами в какую-то бумажку, вызывающе белевшую на зеркальной глади стола. Кроме означенного портрета и серебряной призмы с рельефной, обращенной к входящему надписью Ivan N. Kidin, president, ничто не должно было нарушать его девственной пустоты.

Оказалось, что это и есть та самая ведомость, которую успела подсунуть Тамара Максимовна Клевиц, заместитель заведующего операционным залом. Притихшее было ожесточение, сжимавшее его последние дни в неослабных тисках, вновь обдало нутро едкой щелочью. Подтачивало пакостное чувство незаслуженной обиды — не на идиота кассира, он свое получит, — а так, вообще... Казалось бы, всего достиг, а радости нет. Так и до инфаркта можно докатиться.

Наметанным зраком Кидин поймал пустую графу. Ничего подобного он в жизни не видел! Ни фамилии, ни номера счета, ни подписи — пусто. Только сумма проставлена: 20 000. Кому, спрашивается, с какой радости?

Чтобы оператор из седьмого окошка не удосужился заполнить и без расписки выдал клиенту баксы?! Такое и в страшном сне не приснится.

Кидин разгладил ведомость и, водя пальцем по строчкам, придирчиво проверил каждую закорючку. За исключением пробела в четвертой позиции снизу — полный ажур. Как такое могло случиться?

Развернувшись в глубоком, обтянутом черной замшей кресле к приставному столику с телефонами, нажал кнопку селектора.

— Пригласи Мухарчика, — распорядился тихим, бесцветным голосом.

— Сию минуту, Иван Николаевич, — заворковала вышколенная секретарша. — Кофейку не желаете?

С первого дня она недвусмысленно дала понять, что с радостью готова оказать любую услугу. Выждав для приличия месяца два, он попробовал ее в комнате отдыха, примыкающей к кабинету, и остался доволен. Оксана действительно умела многое, но делала это как-то механически, без вдохновения. До неистового самозабвения Лоры ей было далеко. С Лорой вообще никого нельзя сравнивать, но эта... Вроде бы все при ней — и внешность, и прочее, а не тянуло. Особенно после осечки, когда несмотря на героические усилия с ее стороны, он так и не пришел в боевое состояние.

Кидин хмурился, видя, как она вскакивает при его появлении, как, затаив ожидание, копошится в сумке, когда заканчивается рабочий день. Но с секретарскими обязанностями Оксана справлялась превосходно, и он, не сказав ни слова, прибавил ей триста тысяч. Она поняла и затаилась.

Разоткровенничавшись как-то с подругой из бухгалтерии, поведала, причем с самыми интимными подробностями, каков Иван Николаевич там, за дверью, замаскированной под дубовую панель.

Робко постучавшись, вошел Мухарчик и понуро застыл посреди кабинета.

— Нуте-с, что скажете, Андрей Пантелеевич?

— Хоть убейте, Иван Николаич, не знаю, как такое могло случиться.

— Так уж и не знаете?

Кассир только руками взмахнул, как птица подрезанными крыльями.

Кидин понимал, что в распоряжении банковского работника есть десятки куда более тонких способов урвать для себя малую толику. Если Мухарчик вор, то вдобавок и полный идиот. Или все-таки не идиот, а холодный, расчетливый наглец, каких поискать мало? Интересно, на что он надеялся?

— Давайте рассуждать вместе, Мухарчик, — Иван Николаевич с хрустом размял пальцы. Опрелая полоска кожи под обручальным кольцом вызывала ощущение ожога. — Начнем от печки... Это вами записано? — Схватив ведомость, он сорвался с места и сунул ее кассиру под самый нос.

— Моя рука.

— Не только рука, но и ручка! Мы произвели анализ чернил, — вдохновенно соврал Кидин. — Ладно, поедем дальше. Почему выданная сумма не прошла через компьютер?

— Так ведь категория «С», Иван Николаевич.

— Категория «С», — покусывая губу, проворчал Кидин. — Без вас знаю.

Именно на этом и мог сыграть Мухарчик, если, конечно, хапнул капусту. Литер «С» после номера как раз и предполагал запись в одной только ведомости, минуя файлы. Все данные о вкладчиках этой категории находились в личной картотеке, надежно упрятанной в сейф. Уж не замыслил ли этот мозгляк прибегнуть к шантажу?..

— Я же всех их припомнил, Иван Николаевич, каждого, а этого, хоть убей...

— Убей, убей! Ишь, заладил!.. Понадобится, не спросим. Кого же ты интересно, припомнил?

— Так клиентов, Иван Николаевич. Внешние приметы, значит, и еще...

— Клиентов, говоришь?.. Ладно, пойдем по позициям, — Кидин грузно опустился в кресло и поманил к себе кассира. Мухарчик угодливо склонился над столом. — Начнем с самого верху: восемьсот сорок пять — два нуля шесть — «С»... Кто такой?

— Гузнов Петр Сергеевич, главбух из «Дианы»... В слаксах такой, пришел сразу после открытия.

— Ишь ты! А этот?

— Триста пятьдесят семь — двести сорок?.. Хлюпикова?.. Дамочка в юбке-штанах выше колен.

— Сам ты юбка в штанах... Проценты забрала?

— Две тыщи сто пятьдесят долларов.

— Вижу. А это? — ткнул наугад Кидин.

— Кругликов Алексей Гаврилович? Толстый такой. На поп-звезду похож из группы «Экстаз».

— Кругликов, — повторил Иван Николаевич. Под этой фамилией значился балашихинский авторитет Леха Лохматый. Может, и звезда, но не поп, а блатной музыки. Едва ли Мухарчик в курсе, но не стоило лишний раз привлекать внимания, тем более что Лохматый снял со счета двести пятьдесят тысяч. ТОО «Альбатрос», которое он представлял, было липовое.

Далее проверка пошла уже выборочно и осмотрительно. Пропуская лиц сомнительного свойства, Кидин добрался до сакраментального пропуска.

— Ни фамилии, ни номера счета, но хоть какие-нибудь приметы запомнил?

— Ничего, как есть, ничего...

— Это при такой-то памяти? Ой ли?

— Сам не пойму. Как отрезало!

— Даже не можешь сказать — мужик или баба?

— Рад бы, Иван Николаич, но не врать же.

— Врать, Мухарчик, не надо, нехорошо... Выходит, не было никакого клиента?

— Беспременно был, раз сумма выдана, но кто?.. В жизни со мной такого не было!

— Прямо Фантомас какой-то получается.

— Голова раскалывается, Иван Николаич. Сплошной туман.

— Странно все это, Мухарчик, очень даже странно. Если тут у тебя процент, то уж больно круглый... Тебе не кажется?

— Бывает и так, но редко.

— Вот и я так думаю. Это какой же вклад нужен, чтоб такой дивиденд?

— Сейчас подсчитаем, Иван Николаич, — обезьянье личико кассира сморщилось, как от зубной боли, он облизнулся и, уставясь в потолок, где на кубовом фоне неба плясали розовые нимфы, выдал итог: — Миллион триста тридцать три тысячи триста тридцать три и три в периоде... Из расчета полутора процентов.

— Как я и полагал, такого просто не может быть. Да еще три в периоде! Одна треть цента, что ли?.. Все миллионные вклады у меня на памяти! — взъярился Кидин.

Мухарчик обреченно поник.

— Не знаю, что и сказать, Иван Николаевич. Колдовство какое-то.

— Ты это мне брось колдовство, а то я так наколдую, что чертям тошно станет. Будешь выплачивать из зарплаты. Процентов, так и быть, с тебя не возьму.

— Спасибо, Иван Николаич, — со вздохом выдавил кассир, мысленно подсчитав, что в лучшем случае сумеет расплатиться года за три, не меньше.

— И не болтай! Понял?.. А теперь ступай и жди вызова.

Мухарчик закивал, пятясь к выходу.

Оставшись один, Кидин подошел к окну. Холодный поток, бивший из решеток кондиционера, приятно овеял разгоряченное лицо. Деревья на бульваре корчились в сизой дымке. Авто-

мобильные кузова короткими рывками ползли к Сретенке. Не иначе — пробка. Пора было подумать об обеде. Дурацкая история, которая после разговора с Мухарчиком отнюдь не стала яснее, выбила Ивана Николаевича из привычной колеи. Обычно он «ланчевал», как привык изъясняться, в «Русском чуде» — приватном ресторане с бассейном и сауной, расположенном вблизи усадьбы Коломенское. При случае там можно было хорошо отдохнуть и, не отходя от кассы перекинуться словечком с нужными людьми. Ресторан находился в глубине тенистого садика, окруженного высоким забором. Посетителей с улицы туда, как правило, не допускали.

За недостатком времени — он припозднился и подгадал под самый пик — Кидин решил перекусить в казино на Котельнической, фактически принадлежавшем банку. Заведение работало с восьми вечера до двух ночи, но для своих в баре обслуживали круглые сутки. По крайней мере яичницу и сосиски могли соорудить в момент. Лягушачьи лапки, омары и прочие изыски, которыми славилось казино, ему были без надобности. Это Лора обожала всяческую пакость вроде китайских яиц, черных, что твой агат, или черепахового супа, в котором ни вкуса, ни сытости.

Мысль о жене застряла в мозгу, как заноза.

Из круиза по Средиземному морю Лора вернулась сама не своя. Как пить дать, новый роман! Не думать о ней было невозможно. Каждая мелочь напоминала. Собираясь освежиться под душем, Кидин раскрыл зеркальный шкафчик с туалетными причиндалами. И что же? Гели, шампуни, кремы, даже это мыло «сорти-фрут» — все хранило прикосновение ее рук. Она покупала всегда самое дорогое, сообразуясь с советами подруг и телевизионной рекламой. Сорта зубной пасты и деодорантов менялись с калейдоскопической быстротой. Неподвластными поветриям моды оставались три предмета: ее «Пуазон», «Пэл-Мэл» — для него, Кидина, да еще краска «Л'Ореаль». Но это считалось таинством. Кидин делал вид, что не замечает изменений в цвете волос, где порой проблескивали серебристые нити. Сам он, рано поседев, не прибегал к искусственным мерам. Короткая стрижка придавала его жесткой, как проволока, шевелюре вполне благообразный вид.

Надев темно-синий, в тонкую полоску костюм — малиновый пиджак с золочеными пуговицами Лора вышвырнула на помойку, — Кидин пригласил начальника охраны, третий раз за сегодня.

С бывшим офицером знаменитого отряда «Стяг», Валентином Петровичем Смирновым, приходилось держаться на равной ноге. Так уж он сумел себя поставить. Когда его впер-

вые вызвали через секретаршу, он сослался на крайнюю занятость и пообещал отзвонить через четверть часа. И отзвонил, коротко извинившись, но через час. У Оксаны глаза на лоб полезли. Спокойно, ни разу не изменив голоса, Смирнов методично отбивал любые попытки, пусть и вовсе не нарочитые, ущемить его достоинство.

У Кидина и в мыслях не было кого-то принизить. Он обращался с людьми так, как, по его мнению, должно вести себя большому начальству. На расстоянии, но с отеческой ноткой, сбиваясь по обстоятельствам с официального «вы» на почти панибратское «ты». Все мы, мол, одна семья, но знай, с кем имеешь дело: когда надо, взыщу, когда соизволю — пожалую.

Найти общий язык со Смирновым оказалось труднее всего. Приходилось себя контролировать, к чему Иван Николаевич не привык.

Случайно вырвавшееся «тыкание», дружелюбное и без всякой задней мысли, Валентин Петрович встретил настороженно, но смолчал. Потом, когда они стали вместе обедать, а порой и слегка выпивать, заметил вскользь:

— У нас в «Стяге», как вы понимаете, сплошь офицеры. О неуставных отношениях и речи быть не могло. Мне трудно себя ломать: привычка — вторая натура.

— О чем это ты, Петрович? — искренне изумился Кидин.

— Мне, понимаешь, Николаич, сорок лет и я подполковник, хоть и в запасе. На службе вы для меня — генерал, за столом — тут уж твое право решать, а мое — принять либо отказаться.

Кидин вновь сделал круглые глаза. Он понимал, сколь многое успел сделать для него Валентин Петрович, понимал, что зависит от него, и со временем эта зависимость будет только усиливаться. Нужно было ответить, не роняя лица, но вместе с тем изящно, со светской непринужденностью.

— Давай выпьем брудершафт, — пришло вдруг на ум. — И покончим со всякими недомолвками. Я человек простой и, ейбогу, всяких там экивоков не понимаю. «Наполеон» будешь?

— Лучше водочки.

С того дня черная кошка между ними как будто не пробегала.

Вошедшего Валентина Петровича Кидин встретил бодрой улыбкой.

— Хочу отъехать на Котельническую.

— Сопровождать будет Леша Снитко.

— Отлично, Петрович, отлично... Но я, собственно, не об этом. Тут один вопрос возник, даже два, но давай по порядку, с главного.

Начал он, однако, не с главного. Никак не мог решиться приступить к тому, что действительно волновало.

— Ты уже в курсе ЧП?

— Так точно. Просмотрел личное дело.

— Я так полагаю, что за те деньги, что мы платим, должна быть и соответствующая отдача.

— Естественно. Мне понадобится платежная ведомость. Она еще у тебя?

— Вот, возьми, — Кидин подвинул бумагу на край стола. Побродив по кабинету, собираясь с мыслями, он переключил прямой телефон на автоответчик. — Присядем? — приглашающим жестом указал на кресла возле венецианского круглого столика с мозаикой из полудрагоценных камней. — Что ты об этом думаешь?

— Даже не знаю, что тебе сказать, — не поднимая глаз от ведомости, Смирнов озабоченно поскреб подбородок. — Надо поразмыслить... Да и с этим побеседовать не мешает, с Мухарчиком.

— Само собой. Он предупрежден.

— Это все?

— Вроде бы, — неопределенно дернул плечом Кидин. — Нет, не все! Когда мы утром с тобой говорили...

— Не беспокойся, Иван Николаевич, я приму меры. Хорошо смеется тот, кто стреляет последним, — Смирнов был ярым поклонником генерала Лебедя и с удовольствием цитировал его афоризмы. — Наезжать не посмеют... Как видишь, я был прав: нельзя связываться со всякой сволочью.

— Оно, конечно, — вздохнул Кидин, — но деньги, как говорится, не пахнут.

— Даже самые тонкие духи, если перебухаешь, воняют. Слишком много набралось у нас не того контингента. Я бы хотел еще раз просмотреть картотеку категории «С».

— Зачем? — засомневался Кидин. Секретов от Смирнова он не держал, по крайней мере в этом плане, но и лишний раз выворачивать всю подноготную было как-то неуютно. — Впрочем, как знаешь.

— Будем исходить из грубого факта — недостача налицо. Если Мухарчик не сам заварил эту кашу, чтобы хапнуть, как бы дико это не выглядело, остается одно: халатность. Согласен? Третьего не дано.

— Логично. Факты — упрямая вещь, как сказал один классик, а приписали другому.

— Следовательно, денежки кто-то получил? Возникает вопрос: кто именно?

— Тут полный ноль.

— Не совсем. Наверняка это человек, хорошо знакомый с системой выдачи по категории «С». Возможно, кто-нибудь из клиентов, обозначенных в списке. Получив положенное, он воспользовался ротозейством или временным умопомрачением оператора — всяко бывает — и...

— С трудом верится.

— Иных объяснений нет. Побеседуем с Мухарчиком — может, что и прояснится.

— Если бы твердо знать, что он не врет.

— Детектора лжи у нас нет.

— Что ж, утро вечера мудренее... Я вот о чем еще хотел тебя попросить, в связи с теми угрозами, — Кидину казалось, что он сумел незаметно перевести разговор в нужное русло, когда одно непосредственно вытекает из другого. — За тобой я, как за каменной стеной, Петрович. Никакие наезды мне не страшны. А вот за Ларису Климентьевну, признаться, опасаюсь. Кто-то возле нее определенно вьется, — он озабоченно нахмурился и, не глядя на собеседника, пробормотал, как бы рассуждая вслух, — может, хотят достать меня через нее? Даже волос с ее головы не должен упасть. Понимаешь?

— Какие у тебя основания так думать?

— Оснований вроде как и нет, но что-то с ней неладно. Очень уж она изменилась за последнее время. Замкнулась в себе, точно чего-то боится, пропадает по целым дням... Нет, Петрович, ты не подумай! — спохватился Кидин. — Ты ж меня знаешь! У нас с ней — полная демократия. Я в ее, так сказать, женские дела не суюсь. Я ведь и сам не промах, своего не упущу... Не было бы чего похуже. Сможешь проверить?

Просьба — а это была именно просьба, не поручение, — прозвучала почти умоляюще. Дымовая завеса, однако, не обманула Смирнова. Он видел шефа насквозь. Немного жалел, но более презирал.

— Охрану организовать могу, Иван Николаевич, моя прямая обязанность, а насчет наблюдения сложнее. Взяться самому — работа не позволяет, а ребятам — как объяснишь?

— Вот и организуй охрану, только так, чтоб она не знала... А то вообразит невесть что! Народ у тебя опытный, сразу засекут, кого следует.

«А кого следует?» — вертелось на языке, но Валентин Петрович благоразумно воздержался. Три тысячи зеленых в месяц на улице не валяются.

— Чего молчишь?

— Соображаю, как лучше... Засечь, а после проверить контакты — не сложно. Авось куда-то и выведут. У меня

друг есть, раньше вместе работали, так у него дочка исчезла. Вначале тоже вроде бы в себя ушла, неделями домой не являлась, а после и вовсе пропала. Второй месяц найти не можем. Есть подозрение, что с сектой какой-то связалась. Таких сейчас много... Но у Ларисы Климентьевны, надеюсь, по этой части полный порядок? Веселая, жизнерадостная — прямо огонь.

— Была, Петрович, была, но что-то переменилось, что-то пе-ре-менилось... А насчет секты — плюнуть и забыть. Не тот случай.

По тону, каким это было сказано, Смирнов почувствовал, что на сей раз шеф не юлит. Его не могла не тревожить происшедшая в жене перемена и он жаждал обнаружить виновника. Понятно, что разговор на такую тему дается ему нелегко: и себя уронить боится, и его, Смирнова, задеть опасается.

— За охрану можешь не беспокоиться, — щадя его самолюбие, скупо уронил Валентин Петрович, — а там поглядим... Машину, когда подать?

— Прямо сейчас и поеду. С утра ничего не жрал. Может, вместе?

— Спасибо. Я уже отобедал. Помни, Иван Николаевич, от Лехи ни на шаг!

— Да, времена нынче крутые, — заметно повеселевший Кидин пропустил дежурное предостережение мимо ушей.

— «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Не знаю, кто написал. — Кивнув на прощание, Валентин Петрович пошел организовывать выезд. Банкиров и бизнесменов отстреливали чуть ли не каждый день. Уберечься от профессионального киллера было практически невозможно.

ВАША КИСКА КУПИЛА БЫ «ВИСКАС»
... а наша киска — шубку из лиски

Глава седьмая

МОСКОВСКОЕ РОМАНСЕРО

Проводив мужа в Шереметьево — он улетал на неделю в Гамбург, — Лариса Климентьевна велела шоферу ехать в косметический салон на Кузнецком. Прическа, маникюр, педикюр заняли больше часа. Затем она заглянула в магазин «Подарки», где приобрела флакон мужского одеколона «Арамис» и нежданно попавшуюся на глаза электробритву «Браун» последней модели, с тремя лезвиями. Вспомнив, что сегодня

среда, решила съездить на антикварный аукцион. Торги начинались в три часа. В расположенном по соседству кафе «Шоколадница» можно было спокойно посидеть за чашечкой кофе.

Обмахиваясь картонкой с номером, она заняла место в третьем ряду у окна. На другой стороне улицы, рядом с метро, шла бойкая торговля бананами и белой, соблазнительно крупной черешней.

Первые лоты не вызвали особого интереса: баташовский самовар, весь в медалях, как ветеран, медная ступа, колокольчики, разрозненный фарфор. Письменный прибор из бронзы и малахита при стартовой цене восемьсот долларов ушел за полторы тысячи. Публика оживилась, а Лариса заскучала. Ей не нравились люди, сидящие рядом, и не грели душу выставленные на продажу вещи. Острый запах духов и пота вызывал тошноту.

Табакерка восемнадцатого века с миниатюрным портретом какой-то дамы в напудренном парике показалась забавной. Больше от скуки, нежели от желания заиметь, Лариса взмахнула картонкой. Конкурентов не нашлось. Трижды ударил молоток, и она, сама того не ожидая, сделалась обладательницей хорошенькой безделушки. Заплатив триста пятьдесят долларов, сказала, что можно не заворачивать, и пошла искать припаркованную машину.

Голубой «шевроле», который Кидин преподнес ей на пятилетний юбилей совместной жизни, увидела еще издали. Гриша пристроился в закоулочке возле церкви, как раз напротив французского посольства.

— Куда теперь, Лариса Климентьевна?

— Домой, Гриша, — она шумно перевела дух. — Устала.

— На дачу вечером поедем или с утречка?

— На сегодня вы свободны, — задумчиво протянула Лариса, хотя все заранее обдумала. — Если хотите, можете взять машину, — предложила в надежде ублажить шофера. Получив неожиданный отпуск, он наверняка будет держать язык за зубами. Ключ от гаража у вас есть?

— Само собой, Лариса Климентьевна.

Вопрос и вправду был никчемный, но нужно было дать понять, что «шевроле» окажется в распоряжении шофера все шесть дней.

— На Николину Гору меня отвезут друзья. Если вы, паче чаяния, понадобитесь, я позвоню... Нельзя ли включить кондиционер?

— Сейчас устроим! — с готовностью откликнулся сметливый Гриша. — Приобрели чего, Лариса Климентьевна?

Проскочив Крымский мост, он понесся по осевой на скорости в сто километров.

— Не так быстро.

— Я думал, вы торопитесь, — он плавно притормозил перед светофором у Зубовской.

— Никуда я не тороплюсь. И вам советую. Берегите машину, Гриша, а то нам обоим головы не сносить.

Раскрыв сумку из крокодиловой кожи, она вынула табакерку. Красавица с мушкой на румяной щечке, казалось, заглянула ей в глаза из дали веков, клубящейся завитками кобальтовой лазури.

— Изящна вещица!.. Дорого?

— Что?.. Нет, не очень. Так себе, пустяки, — откинув крышечку, Лариса заглянула внутрь. Сквозь стершуюся позолоту просвечивала серебряная чернь. У самого ободка были выбиты две буковки Ч и П — клеймо мастера. Она почему-то подумала, что он француз, оказалось — русский. Тем интереснее. По каталогу клейм, в который Лариса давно не заглядывала, можно узнать приблизительную дату и полное имя изготовителя. Приятное развлечение!

На Смоленской площади пришлось постоять. Регулировщик пропускал военную колонну.

— Танки? — удивилась Лариса.

— Бронетранспортеры, Лариса Климентьевна! Я себе, извините, весь зад прожарил на этой броне в Паншере.

— Где это, Паншер, Гриша?

— В Афгане.

— Ах, да... Я и забыла.

Кидин теперь и шагу не мог ступить без охраны и постоянно поминал своего главного телохранителя. Когда Лариса впервые увидела его у себя дома, он, несмотря на гебешное прошлое, произвел хорошее впечатление. Представительный, немногословный, внутренне собранный — ей нравились сильные люди. И охранников подобрал себе под стать — сплошь бывшие спецназовцы.

Она так и не свыклась с той, совершенно не похожей на прежнюю, новой жизнью, которая радужным каскадом обрушилась на нее после замужества. Все казалось немного нереальным, как в затянувшемся на года сериале, куда ее затянуло совершенно непостижимым образом. Она долго не соглашалась выйти за Кидина, потом пыталась уйти, однажды даже собрала вещи, оставив записку, что на сей раз все кончено, но он проявил такое трогательное и вместе с тем жалкое терпение, что недостало воли сопротивляться. Слезы, мольбы, дорогие подарки, ворохи цветов. Растаяла, пообвыкла, сжи-

лась с декорумом образцовой жены. Внешне все было даже очень пристойно. Она держала дом, заботилась о гардеробе мужа, привечала его гостей, скрывая отвращение за радушной улыбкой. Зато при каждом удобном случае пускалась во все тяжкие. Одни связи обрывались, едва начавшись, но бывало, что затягивалось надолго. Она сама звонила и назначала свидания, не позволяя себе идти дальше простой физической близости.

И надо же разом разметать все! Сломать отлаженную систему, молчаливо устраивавшую каждого, кто так или иначе был в нее вовлечен. Какие сцены пришлось пережить, но выдержала, не дав слабину, перешагнула.

«Идиотка! — укоряла себя, замирая от тревоги и счастья. — С жиру бесишься... Влюбилась, как кошка... И в кого, кого? В мальчишку, в сумасшедшего!»

Заранее выспросив у своего «мальчика», когда будет очередная передача, она не пропускала ни одного его выступления. Ей доставляло тайное и порочное в его темной глубине наслаждение смотреть, сидя рядом с мужем, телевизор, не спуская глаз с любимого до сладостной боли лица.

На экране Саня выглядел резким, злым и незащищенным. «Великолепно! — восклицала она в ответ на его всегда неожиданную бескомпромиссную реплику. — Класс!»

Кидин, безболезненно распростившись с иллюзиями насчет «социалистического выбора», не одобрял нападок на власть. Существующее положение его вполне устраивало, и он стоял за стабильность, что не мешало, на всякий пожарный случай, подкармливать не только бывших товарищей, но и откровенных фашистов вроде Баржина. Перечить жене он, однако, не решался, отделываясь неопределенными междометиями. Зная, как безотказно клюет его Лора на рекламное вранье, загораясь жаждой немедленно приобрести очередную новинку, он не сомневался, что и ее новому телекумиру тоже уготована короткая жизнь.

Как он ошибался! Словно читая его мысли, Лариса с болезненным наслаждением повторяла дорогое имя.

«Класс, Санечка, так их, сволочей! Давай, любимый, давай!.. Нет, ты только послушай, Вано! — обращалась она к мужу, чьи далекие грузинские корни подсказали ласкательное прозвище. — Как он великолепен, мой Санечка! Бьет наотмашь!»

В ее возгласе опасно проскользнула страстная нота, но вряд ли он обратил внимание. И вообще — наплевать!

Во вчерашнем диалоге с бородатым помощником президента последнему действительно досталась роль мальчика для битья.

«Неужели все у нас продается? — беспощадно хлестал Саня. — Хотелось бы знать, кто из ближайшего окружения продал журналу «Бунте» тот самый снимок с ядерной кнопкой? И за сколько? — и в ответ на жалкие возражения врезал: — Как вы думаете, возможно нечто подобное в Соединенных Штатах?»

«На все вопросы есть один ответ, — ехидно усмехнулся Кидин. — Нет человека — нет проблемы. Сейчас с этим просто»...

Вот когда она по-настоящему испугалась! До головокружения, до потери дыхания. Он и сейчас обмиранием сердца давал знать о себе, тот испуг, загнанный вглубь предвкушением встречи.

Занятая своими переживаниями, Лариса опомнилась уже возле дома, когда дежурный охранник отворил ворота и машина въехала в просторный гараж. Напрасно она соврала Грише, что ее прихватят друзья. Незаметно миновать охранника едва ли удастся. Впрочем, ерунда. Если не пристанут с вопросами, он не станет трепаться, а за неделю все забудется. Кидин знает, что она собиралась уехать на дачу. Сегодня, завтра — какая разница? На Николиной Горе, правда, тоже своя охрана, но можно сказать, что застряла у Гориных или Силницких. Не забыть бы Любку предупредить!

Пока Гриша возился в гараже, она заказала такси и побросала в дорожную сумку заранее приготовленные вещи: смену постельного белья, переложенного саше с ароматными травами, белую плиссированную юбку, открытое платье на выход, пеньюар с валансьенскими кружевами, косметичку. Пожалуй, одной сумки не хватит.

Лариса зашла за стойку бара, отделанного шкурой зебры, и сняла с полок бутылку «Чивайс Регал» двенадцатилетней выдержки и гордоновский джин со всеми онерами: «Мартини» и ангостурой. В холодильнике должен быть грейпфрутовый сок, зеленые оливки и тоник. Она покажет своему мальчику, как делается настоящий коктейль!

Изысканный интерьер трехномерного «Сименса» в тропическом исполнении обогатил ее новой идеей. Все-таки праздник! Целых семь долгих ночей. Такое у них впервые. Как оно все сложится...

Оставив дверцы в распахнутом положении, Лариса полезла на антресоли за большим баулом из толстой кожи, в котором хранились горнолыжные ботинки. Вытряхнув их вместе с другим барахлом, швырнула баул на пол, а вслед за ним и сумку для тенниса: она же едет на дачу! Стало смешно, страхи куда-то ушли, и сразу повысилось настроение.

Услышав шум мотора и лязг открываемых ворот — Гришка, наконец-то, убрался! — она с удвоенной быстротой принялась

опорожнять холодильник: шампанское с зеленой лентой, баночное пиво, замороженные креветки, филе индейки, икра, лососина, анчоусы — кажется, все. Нет, еще ананас, консервированная спаржа — он обожает! — маринованные корнишончики, торт из мороженого. Вот теперь, действительно, все.

Довольная собой, Лора принялась за укладку. В последний момент спохватилась, что забыла про подарки: бритву и английский одеколон. Заодно решила взять и табакерку. Вдруг придется по сердцу? Она с радостью отдаст.

Переодеваться не стала, только приняла душ, прихватив из ванной деодорант, натуральную губку и махровую простыню — пригодится.

Просушив волосы под феном, его тоже пришлось засунуть, она позвонила охраннику.

— Скоро должно подъехать такси — пропустите, пожалуйста, и поднимитесь потом за вещами.

Распахнутый холодильник сиял в вечернем сумраке, как витрина гастронома. Там оставалась еще масса вкусных вещей. Хотелось унести все целиком. Лора ограничилась бутылкой «Смирновской» для сторожа.

Саня дожидался любимой женщины с растущей тревогой и нетерпением. Стоя, прижавшись лбом к оконной раме и не зажигая света, провожал взглядом подъезжающие машины. Всякий раз, когда звякали дверцы лифта, обмирало в груди. Отсветы фар пробегали по нижним стеклам соседнего дома, жгучие огоньки стоп-сигналов вспыхивали и гасли в сумеречном мороке. Разросшиеся деревья во дворе непроглядной завесой накрыли подходы к парадному.

Клекот дверного звонка заставил Саню невольно вздрогнуть, словно и по нему прошел ток, когда Лора, надавив на кнопку, замкнула цепь.

— Открыто! — выкрикнул Саня, выскочив в коридор.

Она явила себя в освещенном проеме со всеми своими сумками, уверенная в себе и безмятежная.

— Внесите багаж, — надменно повела бровью, переступая через порог.

Саня нагнулся за баулом, похватал все разом и, опустившись на колени, облобызал ее открытые туфельки.

— Ты с ума сошел!

— Сошел, сошел, — задыхаясь, он покрывал ее полные ножки торопливыми поцелуями, пока не замер у самого лона, проникаясь животворным биением горячей податливой плоти.

Лора откликнулась коротким грудным смехом и, приподняв края юбки, в неуловимо балетном повороте грациозно выскользнула из его рук.

— Воистину рехнулся! Ты, часом, не пьян?

— В дрезину! — он распрямился, как отпущенная пружина, попытался подхватить Лору на руки — она оказалась довольно тяжеловатой — и, прижав к себе, жадно приник к губам. Не успела она опомниться, как от косметики не осталось и следа. Не только помаду, но и краску с ресниц, и тон, оттенявший скулы, все съели поцелуи.

Она вся напряглась, нервно передернув лопатками, его пылающая рука соскользнула, слегка задев застежку под блузкой, и медленно поползла вниз, следуя плавным, немыслимого совершенства линиям.

— Я нашел нужное слово, — Саня внезапно ослабил объятия.

— Слово? — весело изумилась она. — По-моему, ты искал все, что угодно, но только не слово.

— Что я искал?.. Это? — его чуткие руки снова пришли в движение. — Или, может, это?.. Нет! Наверное, тут?

— Дурашка! — Долгим зажигательным поцелуем Лора заставила его умолкнуть. — Не все сразу... Включи свет, — она высвободилась и, наклонившись над сумкой с бельем, принялась искать косметичку. — Это можешь занести в спальню.

— В так называемую спальню!

— В единственную на свете!

— В единственную и неповторимую, — радостно подхватил Саня.

— Вот тут вы ошибаетесь, господин Лазо. Мне бы хотелось повторить... Так какое же слово ты нашел?

— Обводы, — он попытался подступить к ней сзади, но она увернулась.

— Тайм-аут! Дай мне разобраться с вещами и привести себя в порядок. Слизал всю помаду, щенок. Весь марафет псу под хвост! На место!

— Ты не поняла. Я только хотел продемонстрировать. У тебя изумительные обводы. Оказывается, не только прикосновение к телу может доставлять наслаждение, но и форма в чистом виде.

— Гениальное наблюдение. У меня, значит, обводы?

— Как у чайного клиппера «Катти Сарк»! Как у скрипки Страдивари. Как у виолончели Амати.

— Отстань!.. Сегодня тебе не придется сыграть на скрипке.

— Как?!

— Не повезло тебе, милый, — глянув на себя в зеркальце, Лора пожевала губами, стирая остатки помады. — Форменное чучело... Не сердись, дорогой, — ласково улыбнувшись, она покачала головой, — завтра, наверное, уже будет можно. Я ведь и собиралась приехать с утра, но, видишь, не утерпела. Потерпишь?

— Моя любимая! — растроганно взмолился Саня, готовый пролить слезу. — И молодец, что не утерпела! Я бы тоже не утерпел. Все великолепно и так. Пусть будет вовеки благословенна Луна! Да здравствует владычица Геката!

— Отнеси в ванную, — она передала полотенца и принялась деловито выкладывать флаконы. — А это тебе, — вручила одеколон. — Ну, пожалуйста, мне так нравится запах!.. Благородный, как океанский бриз.

Саня благоговейно исполнил поручение. Каждая мелочь приводила в умиление. Он был без ума от всего: ее манеры вести себя, голоса, интонаций, вещей. Легкое недоумение вызывало лишь обилие барахла: какие-то пасты, шампуни, мыло зачем-то...

— «Я к вам пришел навеки поселиться», — как бы изрек по такому случаю Васисуалий Лоханкин, — не удержался он от избитой остроты.

— Ты против? — она подняла голову.

— Я целиком «за»!

— Тогда тащи это на кухню, — Лора тронула баул каблучком. — И все организуй, пока я буду мыться... Рыбу и выпивон поставь в холодильник, вскипяти воду для креветок, в общем, сориентируешься... Устроим пир!

— Лора, зачем? — Саня обескуражено развел руками. — Я же все приготовил: печеная картошка, бифштекс по-татарски, соленые помидорчики... Даже твою любимую китайскую: ростки бамбука, грибы сянгу и муэр... Специально в «Пекин» смотался.

— И молодец! В хозяйстве все пригодится. Чай, не на один день, — послав воздушный поцелуй, она скрылась в ванной. — Шампанское брось в морозилку, чтоб поскорей охладилось! — крикнула под шум воды.

Он еще возился с привезенными деликатесами, раскладывая их по тарелкам и мискам, оставшимся после кораблекрушения.

— Класс! — оценила Лора убогую сервировку. — Под шампанское пойдет ананас, я люблю пить из стаканов. — Она вышла посвежевшая и какая-то вся благостная, домашняя. — Кухонный нож, надеюсь, найдется?.. Что смотришь?

— «Тени без конца ряд волшебных изменений милого лица», — скороговоркой процитировал Саня, подавая нож.

— Теней-то и нет — смыла. Примешь такую, как есть? Без грима?

— Как Афродиту из пены морской. Всю целиком.

— Вот и ладно, — она нарезала ломтики ананаса, критически оглядела закуски и открыла холодильник. — Маслица припас, мальчик, и лимончик! Умница: семгу без лимона нельзя... А чего будем пить, повелитель?

— Что прикажет донна.

— Донна в некотором недоумении. Печеная картошка — класс, но предполагает водочку... Вот и она, мамочка, заиндевела, нас дожидаючись... Коньяк, значится, отложим на будущее. И коктейли нам вроде ни к чему. Одна возня с ними, а жрать так хочется... Будем мешать водку с виски?

— Слишком уж он у тебя раритетный, чтоб мешать.

— Тогда аперитив!

— Гениально, товарищ Сталин!

— Откупорить оливки, Поскребышев! — подыграла она с кавказским акцентом.

— У меня такое впечатление, будто мы прожили вместе целую жизнь.

— Ох, Саня-Санечка, — Лора опустила веки и разнеженная улыбка, еще дрожавшая на ее губах, дохнула горечью. — Твоими устами да мед пить. Никогда не говори так. У нас с тобой только эта волшебная ночь, и все внове, и ничего за спиной.

— А завтра? Послезавтра?

— Не будем загадывать... Пусть каждый наш день будет, как дар судьбы. Ты понял? Выпьем за это.

— Я давно понял, Лора, но грустно и больно.

— Не грусти, мой хороший. Будем любить и радоваться. Ты еще не разлюбил меня?

— Как ты можешь!

— Шучу, Санечка, шучу, не обращай внимания, — она незаметно смахнула слезу. — Как насчет пива?

— И пиво, — кивнул он, сглотнув комок.

— Тогда нам остается одно: накинуться на все сразу, как голодные волки... Внимание!.. Старт!

И они накинулись, не разбирая, где, что. Семга превосходно ужилась с ананасом — он оказался кисловатым, а перемешанный с репчатым луком мясной фарш одинаково хорошо пошел и под «Столичную», и под «Чивайс Регал».

— Ты, оказывается, знатный кулинар. Татарский бифштекс определенно удался. Только надо было сбрызнуть коньяком, тогда бы мясо не потемнело.

— Это от лука.

— Знаю, что от лука... Положи мне еще. Вкусно. Нам с лица воду не пить.

— А нам с лица!

— Брысь!

Трапеза, сопровождаемая беззаботным смехом и шутками, затянулась до рассветных проблесков. Невысказанное, что так и рвалось из груди, не нуждалось в словах. Его полынный привкус ощущался и в поцелуях, и в сладком вине, придавая всему безмерную ценность.

— У меня есть для тебя небольшой сувенир! — вспомнил Саня, когда Лора зажгла тонкую сигарету, пахнув мятным дымком. Сбегав в комнату он возвратился с изящной пепельницей, выточенной из молочного с золотыми прожилками оникса. — Привез из Афганистана, сам не знаю, зачем.

— Ты тоже был в Афганистане?

— Почему — тоже?

— Так... Никогда не курил?

— Временами покуривал, но как-то не пристрастился.

— Умничка.

— Кофе не хочешь? Или лучше чайку?

— Я слишком многого хочу, Саня.

— Например?

— Оказаться где-нибудь за городом, в лесной глуши, сидеть с тобой у камина, смотреть на огонь.

— В такую жару?

— За летом приходит осень, милый, дожди, холода... И хочется тепла, поджаренного хлеба с подогретым вином и покоя, покоя... Спасибо родной, за подарок. Я сохраню его, как самую дорогую реликвию, — она стряхнула пепел в тарелку. — Я тоже захватила с собой кое-что. Пойдем к тебе.

Обнявшись, они прошли в комнату с сиротливым диваном, которую она посчитала за спальню. Лора сорвала простыню и наволочку с подушки вытащила из пододеяльника плед и застелила привезенным бельем, дохнувшим полевой свежестью и прохладой. Любовно, словно это доставляло ей чувственное наслаждение, разгладила складки. И тут же вывалила все, что лежало в сумке, в эту голубую непорочную благодать.

— Только без возражений, — она отделила коробку с бритвой. — Я хочу, чтобы ты всегда был у меня гладенький-гладенький.

— Ты меня совсем разбалуешь, — он смущенно пожал плечами. — Английский одеколон, «Браун»...

— Мелочь, — отмахнулась Лора, добавив для пущей выразительности матерный синоним. Она вообще частенько пе-

ремежала речь крепким словцом, но в Саниных глазах это лишь добавляло ей прелести. — Не думай, что о тебе забочусь. Собственное личико берегу.

— Такое личико и надо беречь, — он наклонился к ней с поцелуем.

— Эти дивные щечки, этот умненький лобик и шейку, от которой у меня голова кругом идет.

— Балдеешь, блин?.. А ну, перестань лизаться!.. — пародируя какого-нибудь героя эстрады, она скорчила забавную рожицу и вдруг, став задумчивой и печальной, благодарно шепнула: — Какой же ты ласковый, Санечка... Как же мне повезло.

— Это мне повезло, моя красавица.

— Не называй меня так!

— Почему? Ты же на самом деле женщина необыкновенной красоты!

— Все равно: не хочу.

— Но почему?

— Не желаю, и все. Отстань... Мамочки, совсем из головы вылетело! — в ворохе интимных кружевных мелочей, привлекающих утонченной эротикой и ароматом, она заметила табакерку, о которой успела позабыть. — Как, на твой взгляд?

— Просто чудо! — он осторожно взял драгоценную коробочку двумя пальцами и повернул к свету. — Где ты откопала?

— Не важно... В наследство получила от бабушки дворянки... Теперь ведь все лезут в дворяне, правда?.. Ты, часом, не дворянин?

— Насколько я знаю, потомственный разночинец, — он рассмеялся. — В анкетах писал «из служащих», а ты, выходит, аристократка?

— Я своей родословной не знаю. Не думаю.

— А зря. В тебе видна кровь. И в бабушке — тоже, — он залюбовался миниатюрой. — Вернее, в пра-прабабушке: екатерининский век. Или Людовик Шестнадцатый?

— Не Людовик. Русской работы. Так тебе нравится?

— Еще бы! Уникальная штука.

— Она твоя.

— Да ты, дорогая, не в своем уме! — запротестовал Саня. — Ни за что на свете.

— Ни за что? — Лора демонстративно расстегнула тончайшую лимонного оттенка блузку и скинула туфли — точно под цвет.

— Ни за что! Ты хоть знаешь, сколько это может стоить?.. Да и зачем она мне? Видишь, как я живу?

— По-моему, очень неплохо, — она повернулась к нему спиной. — Расстегни.

Поцеловав плечико, Саня дернул за язычок молнии.

— И это тоже.

Он с готовностью отомкнул хитроумную пластмассовую застежку лифчика.

— Ни за что, значит?

— Вытерплю любые пытки, но не выдам партизанскую тайну, — он вновь приложился губами к ее плечам.

— Два шага назад! — скомандовала Лора.

— Слушаюсь, мэм, — он покорно отступил.

Она повернулась, энергично тряхнула бедрами и, переступив через опавшую к ногам юбку, отбросила лифчик.

— Ты про какую пытку говоришь, мерзавец? — оттянув резинку трусиков, она ясно дала понять, что они останутся при ней. — Сознавайся, Санечка, со-зна-вайся!

— Искушение святого Антония? Ладно, — он прикрыл глаза ладонями, еще резче различая сквозь пальцы ее блистательную наготу. — Клянусь Тристаном и Изольдой, покровителями всех несчастных любовников, что в эту ночь, моя королева, между нами будет лежать меч!

— До чего же ты образованный — даже противно. Раздеваться-то будешь?

— Сей момент!

— А табакерку возьмешь?

— Ох, Лора, Лора... Куда мне от тебя деться?

Она сама раздела его и, не переставая целовать, повлекла к постели.

— Ложись, миленький... Вот так. Расслабься, лежи спокойно, — впивал он сквозь обморочную негу ее торопливый шепот. — Тебе не придется страдать... Я все сделаю.

Глава восьмая

СУД ОСИРИСА

Левит так и не смог добраться до трупа Клавдии Калистратовой, нашедшего временный приют в железном ящике № 47 нового морга на Пакгаузном шоссе.

Как рыбу, которую браконьерски «багрят» на тройной крючок, его опять выдернули на срочный выезд. На сей раз это была разборка между азербайджанской и муромской группировками. «Стрелка» состоялась в районе Даниловского рынка. В итоге с обеих сторон осталось пять трупов. Милиция предпочла не вме-

шиваться и, когда все было кончено, занялась любимым делом — сбором гильз, коих набралось предостаточно. Хоть сдавай на вес в утильсырье.

Четыре машины («Форд», БМВ, «девятка» и «Волга») разъехались по разным направлениям. Даже номера толком не успели переписать. Приметы, переданные по рации, могли способствовать розыску, как мертвому припарки.

Левит не преминул ввернуть излюбленную поговорку, когда, прибыв на место, выслушал пространные объяснения участкового. Собственно, докладывали не ему, а майору Морозову, но эксперт присутствовал и не мог удержаться от замечаний. По словам участкового, все произошло настолько быстро, что спешно прибывший наряд даже не успел организовать преследование.

Попытку задержать черный с дымчатыми стеклами «Форд», совершивший двойной обгон на подъезде к гастроному на Смоленской, предпринял лейтенант Мельников, решительно выскочивший наперерез. Машина, как ни странно, остановилась. Сидевший рядом с водителем пассажир, слегка приспустив стекло нажатием кнопки, выставил ствол автомата.

— Вопросы есть, начальник?

— Вопросов нет, — попятился гаишник.

Машина резко взяла с места и вскоре скрылась в печально знаменитом по августовским, 1991 года, событиям туннеле на улице Чайковского. Не столь важно, что об этом маленьком инциденте не узнал Морозов, Левит вообще не в счет, хуже другое. По всей линии от Поварской до площади Маяковского «Форд» проследовал беспрепятственно, растаяв в дыму где-то возле Самотеки.

— Не дразните гусей, — шепнул Морозов, оттащив возмущенного доктора за локоток. — Только обозлите ребят, а их тут дело десятое.

— То есть как?

— А так!.. Про Джебса слыхали?

— Кто такой Джебс?

— Джебраилов, наш московский наркобарон.

— Неприкасаемый?

— Прокантовался с неделю в Лефортово и вышел чистеньким. Тут не только наши замешаны, но и соседи. Уяснили?.. У Джебса все схвачено на самом-самом верху. Миллиардные операции.

— Тогда нам нечего здесь делать.

— Пять трупов, Лев Самойлович, куда от них денешься?.. Оформим, а там уж, как хотят.

Морозов, опытный оперативник старой закалки, как в воду глядел. Кроме оружия — автомат Калашникова калибра 5,45, «Вальтер», ТТ и пистолет «Таурус», в карманах бандитов нашли несколько ампул с наркотиками новейшего поколения: триметилфенталином, более известным как «белый китаец» или «китайский белок», и фенилциклидином, синтезированным в подпольных лабораториях. Это поистине дьявольское снадобье появилось на свет в результате творческих усилий студентов химфака МГУ, ребят без преувеличения гениальных. В иных условиях, как знать, кому-то из них вполне могла светить Нобелевская медаль, но они не стали зарывать поистине золотой талант в землю, а дружно встали под знамена наркомафии. После ареста и разгрома лаборатории, оборудованной по последнему слову науки в университетских подвалах, синтез фенилциклидина продолжался с еще большим размахом в Петербурге, Иванове и Казани. Казанская студкорпорация, в частности, выбросила на рынок сто пятьдесят тысяч ампул, из коих только десять процентов попало в дырявые сети закона.

— Знаете, сколько стоит доза? — спросил Левит. Он имел сомнительное счастье защитить кандидатскую на тему «Расстройство здоровья и смерть от действия наркотических веществ» и мог определить любую «дурь» по внешнему виду. — До четырехсот долларов, — назвал, не дожидаясь ответа. — А где взять столько деньжищ? Честно заработать, как вы понимаете, нельзя.

— Собирать стреляные гильзы и шмонать жмуриков, — озлобленно оскалился Морозов. В его руке оказалась граната Ф-1. — Как это сучий ликан не пустил ее в ход? Кому-то крупно повезло.

Эксперт поморщился. Новоявленное словцо «ликан», то есть лицо кавказской национальности, резало слух. Левит не уважал «блатную музыку», сленг вообще, тем более с душком.

Один из боевиков был еще жив, и ему срочно нужна была медицинская помощь.

— Пуля пробила легкое, — констатировал врач-эксперт, разрезав майку. Тропический пейзаж с пальмами и попугаями на лазурном фоне был обагрен кровью. Словно в том экзотическом раю преждевременно закатилось солнце. — Выходного отверстия нет, вторая пуля вошла в мягкие ткани бедра, надеюсь, — не закончив фразы, он удивленно зацокал языком. — Это уже интересно!

На левой лопатке раненого был вытатуирован зеленый дракон — такой же, как и у тех дам с удаленной печенью, но без красной фигуры.

— Где же, наконец, скорая?

— Будет и скорая, доктор, — успокоил участковый, — авось не сдохнет.

— Это же человек, — вскипел Левит. — Посмотрите сюда, — позвал он Морозова, указав на наколку. — Как вам это понравится?

— Он нужен живым!

— Именно этот? — спросил участковый.

— Именно! — окончательно вышел из себя врач. — Вам понятно? Немедленно запросите скорую! — и добавил с меланхоличной печалью, глянув на небо. — Остальные уже там, идиоты несчастные... Не поймали еще этого... Отелло с ножом? — обратился к Морозову, наложив повязки.

— Калистратова?.. Пока не слыхать, но, возможно, и его тоже... того. Интересная картиночка вырисовывается с квартиркой. Оказывается, Калистратов продал ее еще в прошлом месяце какому-то чурке, через агентство «Минутка». Ничего названьице? Минутка и есть, потому как ее и след простыл. Наверняка зарегистрировали по подложным документам. Но и это еще не все. Новый владелец уже на следующий день толкнул ее какому-то деляге из Нальчика. Пойдет теперь канитель.

— Так вы полагаете?..

— Именно, — понял с полуслова Морозов. — От прежней версии я пока не отказываюсь, но могло случиться, что Калистратова просто принудили к сделке. Рядовой случай... Небось, уже лежит где-нибудь под дерном в лесу.

— Но в таком случае убийца не он?

— Не он, — согласился Морозов. — Не исключено, что обоих прикончила одна и та же рука. Вероятность высокая. Но и вариант с любовницей нельзя исключить. Убрал свою бабу и отрубил концы. Ищи теперь ветра в поле на просторах любимого СНГ... С печенью еще не разобрались?

— Постараюсь сегодня. На всякий случай звякните вечерком.

Вырваться в морг удалось только после обеда, состоявшего из булочки с американской сосиской и стаканчика «пепси».

— Моя пациентка еще у вас? — Левит приветливо кивнул дежурному.

— Посмотрите сами, доктор. Должна быть на месте, если не убежала... Чтой-то вы припозднились. Вроде обещались с утра.

— Человек предполагает...

Левит переоделся в зеленый халат, взял передник и резиновые перчатки.

— Так как же?

— Да ждет она, доктор, ждет... Со вчера положили на оттаивание... Постановление не забыли?

Левит вернулся к шкафчику, нашел подписанное следователем постановление на экспертизу.

— Не откажитесь ассистировать?

— Вообще-то Сергей Александрович должен, но он в отпуске, а второго прозектора нет, уволился... Даже не знаю...

— Будет вам. Хотите пари?

— На что?

— На бутылку, разумеется. Как же без нее, мамочки?

— Это я понимаю. А в чем смысл?

— Смысл? Вся штука в том, что мы не обнаружим печени.

— Ну, если вы так говорите, значит, заранее знаете. Нечестно, доктор.

— Заранее я не знаю, но имею основания предполагать... Ладно, давайте так: печень на месте — я ставлю, если нет, то нет — оба при своем интересе.

— Это вы при своем, а я останусь ни с чем.

— Хотите быть в выигрыше при любом исходе? Но тогда это уже не пари, а...

— Вот именно. Вместе и раздавим. Идет?

— Воля ваша. Поехали.

Исступленно-унылый бестеневой свет люминесцентных трубок, глянец кафеля и безысходный, до рези в глазах, запах формалина. И тело под клеенкой лишь подчеркивает унылую пустоту оцинкованного стола — преддверия пустоты абсолютной. Порой начинает казаться, что это из нее, из невидимой двери, задувают знобкие ветерки и, обтекая занемевшую душу, напрочь выхолащивают мозги. Ни желаний, ни мыслей — ничего. Ты не человек, ты — робот, методично раскладывающий внутренности по банкам.

Левит иногда задавался странными для человека его профессии вопросами. Больше всего, пожалуй, ему хотелось бы знать, о чем думали потроша своего фараона, парасхиты-мумификаторы. Уж они-то точно не верили, что перед ними распластан бог. В требухе, сколько ни рассовывай ее по каменным канонам, нет ни мистики, ни благодати. Но и скверны, пожалуй, тоже нет, ибо во всем видно равнодушное совершенство природы.

— Начнем, помолясь?

— Сей секунд, — дежурный разлил спирт по мензуркам. Выпили без запивки и, синхронно выдохнув, принялись за работу.

Левита занимала только печень, но вскрытие, к тому же оформленное в соответствии с законом, серьезный акт. Если уж начал, то дуй по полной программе, разумно укороченной — по крайней мере.

Правила внутреннего исследования предусматривают обязательное вскрытие черепа, а также грудной и брюшной полостей с последующим извлечением всех внутренностей. В специфических случаях для исследования берется и спинной мозг, но обычно ограничиваются глубоким разрезом мягких тканей: в спинных мышцах могут скрываться кровоизлияния.

Дежурный включил электропилу и приступил к наиболее кропотливой процедуре — круговому распилу черепного свода. Вой работающего на высоких оборотах мотора слился с хрустом зубьев, вгрызшихся в кость. Самый подходящий звук для предбанника преисподней.

Левит бережно отделил мягкие ткани, снял крышку и осмотрел полушария мозга. Никаких патологических изменений. Затем окровавленное средоточие мысли, просиявшей в ночи мироздания, бросили на весы. Девятьсот двадцать семь граммов. Меньше, чем у Павлова, но не хуже, чем у Анатоля Франса.

Левит решил не делать срезов и лишь бегло окинул через очки внутричерепную поверхность.

— Я где-то читал, что в Америке произошла забавная история, — дежурный прозектор, почувствовав, как внутри разливается живительное тепло, принялся за свои байки. — Ихний патологоанатом только собирался сделать надрез, как покойник неожиданно сел и схватил беднягу за горло. Тот так и грохнулся на пол. Мгновенный инфаркт, смерть. А покойнику хоть бы хны. Очнулся от комы и в бой. Не дал себя зарезать, подлец! Я всегда приступаю с опаской.

— Такой случай действительно имел место, в шестьдесят четвертом году. Подробно описан в журнале «Новости патологоанатомии»... Клиническая смерть, батенька, прелюбопытная штука!

Следующим этапом должен был стать разрез груди и живота. Сердце, печень, селезенка, почки и матка также подлежали взвешиванию и измерению. Если бы не матка — проверка на возможную беременность считалась первейшей обязанностью, — эксперт ограничился бы простым зондированием раны, но положение обязывало. Приходилось действовать строго по науке.

— Как говорится, взялся за гуж, — напарник без слов понял скрытое нетерпение коллеги. — Спасибо еще, что нет подозрений на яд, а то пришлось бы провозиться до вечера... Желудок, кишки, мочевой пузырь — тоска смертная!

Начали тем не менее с живота.

— Ну, что я вам говорил? — вооружившись расширителем, Левит торжественно продемонстрировал разрез. — Извольте убедиться.

— В самом деле, — покачал головой дежурный, — ампутирована. И как чисто!

— Я бы сказал, профессионально. Причем ланцетом, а не этим... кухонным ножом. Я бы рассматривал это как косвенное свидетельство невиновности мужа по меньшей мере в отторжении печени. Одно дело — вогнать по самую рукоятку в сердце обожаемой половины, и совсем иное — произвести такую резекцию. Почерк мастера!

Двадцатилетний опыт, профессиональная интуиция или какое-то еще более тонкое и неуловимое чувство подсказывали эксперту, что он прикоснулся лишь к самой поверхности некоего доселе неизвестного проявления столь богатой неожиданными нюансами криминальной действительности.

Он словно бы различал отдаленное тикание часов, соединенных со взрывателем сверхмощной бомбы, но где она заложена, под какой фундамент, предстояло узнать уже после взрыва. Примерно так оно и ощущалось: почти осязаемая тяжесть нависшей угрозы и полнейшее бессилие не только предпринять какие-то действия, но и толково объяснить, в чем, собственно, дело.

Врач-эксперт еще не знал, что в то самое время, когда, отмыв мертвую кровь, они с коллегой мирно закусывали неразведенный спирт немецкой колбаской, на новостройке в Чертанове был обнаружен еще один женский труп с характерным разрезом брюшины.

Понятие критической массы в определенной степени применимо не только к заряду, допустим, плутония, но и к массе народной, не обязательно даже сбитой в толпу.

Четвертого тела оказалось достаточно, чтобы поползли и, по закону цепной реакции, стали множиться всевозможные слухи. Город, и прежде всего его большая женская половина, пришел в волнение. Повторялась история с Ионисяном — «Газовщиком» и с пресловутым «Фишером». Трудно сказать, как и откуда появилась кличка «Печеночник». Явилось ли это следствием утечки из правоохранительных органов, или сработало коллективное сознание народа, объединенного общей тревогой. Как бы там ни было, но крылатый псевдоним мгновенно перекочевал из бытовой сферы в официальную. О

загадочном «Печеночнике» заговорили в Думе — депутаты атаковали министров запросами, — в правительстве и, конечно же, в прессе. В программе «Лицом к городу», тонко подыгрывая мэру, «Печеночника» склонял популярный ведущий. Остроумные версии, пущенные по каналу НТВ, ставили в тупик милицейских чинов и прокуроров, а представители ФСБ, как всегда, делали вид, что им уже все известно и нужно лишь набраться немного терпения.

Между тем в просторечии лишенный фигуры «Печеночник», как знаменитый подпоручик Киже, обрел имя, став, притом без кавычек, Печенкиным. Мало того! Журналист из малопочтенной газетенки «Тело и Дело» даже присвоил ему воинское звание капитана. Почему не лейтенанта или, допустим, майора? Скорее всего, у выпускника журфака сохранились какие-то остатки общеобразовательных знаний. Иначе, чем литературной реминисценцией, появление «капитана Печенкина» — вспомним капитана Лебедкина, капитана Копейкина и иже с ними — объяснить невозможно.

Постепенно сексуальный маньяк начал обрастать биографической плотью. Почти достоверно стало известно, что он командовал ротой ВДВ в Чечне, но был контужен или травмирован лицезрением кошмарных зверств — тут версии слегка расходились, — вследствие чего и комиссован из армейских рядов. Нашлись даже субъекты, знавшие Печенкина лично, по совместной учебе и службе.

И пошло, поехало, как по накатанному. Рецидивист, на котором уже висело не одно убийство, сознался, что это именно он совершил преступление около МГУ. Выезд на место показал полную несостоятельность подобного самооговора, но, пока суд да дело, уголовник выиграл время, а следствие, соответственно, проиграло. Зато в Балашихе милиция выколотила признание у совершенно неповинного гражданина, потрошившего киоски на Нагорной улице, то есть на другом конце Москвы.

Все вместе взятое это настолько накалило атмосферу, что вынудило двух министров-силовиков пойти ва-банк. Один, от лица МВД, дал честное слово раскрыть все карты ко Дню Конституции. С тонкой улыбкой он намекнул на то, что преступник не только схвачен, но и уличен в содеянном, хотя фамилия его отнюдь не Печенкин, а совсем-совсем иная, огласить которую, по понятным причинам, еще не время. Что же касается второго, представлявшего параллельную, но так ослабленную реорганизациями службу, то он, солидаризовавшись с партнером, определил предельный срок концом текущего года. Это было связано с разработкой других подозреваемых по тому же делу.

Общественность, само собой, не поверила и, затаив злорадство, приготовилась к ожиданию. Чего именно? Пятого трупа, но никак не красной даты в календаре.

По этому поводу в «Куклах» разыграли забавный скетч, в котором фигурировали герои андерсеновской сказки про голого короля и хитроумных портняжек. Пока последние кроили невидимую материю, некто без лица и конечностей, но в капитанском мундире кромсал красных шапочек и белоснежек.

Под негодующий ропот и глумление мифической «четвертой власти», глухие раскаты державного гнева и львиный рык депутатов была образована межведомственная следственная бригада, первую скрипку в которой надлежало играть прокуратуре.

Запрет на демонстрацию по телевидению трех неопознанных тел — вопрос о Клавдии Калистратовой не стоял — был снят. По странной случайности появление на экране посмертной фотографии жертвы № 1 (возле МГУ) совпало с повторной публикацией (сразу в пяти газетах) следующего обращения:

ВНИМАНИЕ, РОЗЫСК!

16.02.95 г. в 7 час. 50 мин. ушла из дома и не вернулась Круглова Светлана Владиславовна 1976 г. р., прож. Москва, ул. Рогожский вал, студентка Гуманитарного университета.

Ее приметы: на вид — 18—21 год, рост — 169 см, худощавого телосложения, стройная, волосы каштановые, прямые, до плеч, глаза зеленоватые. Близорука.

Была одета: норковая шубка кремового цвета, сапоги светло-коричневые на молнии, платье серое шелковое, легенсы серые с черным орнаментом.

Звонить (далее следовали три телефона) или 02.

Поступило всего два звонка. Из сотен тысяч читателей (суммарный тираж составлял 650 000) только двое сумели сопоставить мелькнувшее на экране лицо мертвый девушки с фотографиями, напечатанными в их любимых газетах. Кроме констатации самого факта, звонившие, к сожалению, не смогли сообщить никаких сведений.

Владислав Игнатьевич Круглов, генерал-майор в отставке, и его жена Алевтина Михайловна и без посторонних звонков узнали свою единственную дочь Свету, которая ушла из дома в февральскую лютую ночь.

Глава девятая

ГАМБУРГ

Пока Москва жарилась в адском пекле, на побережье Северного моря хлестал дождями атлантический циклон. Даже вездесущие чайки-моевки, и те исчезли, найдя приют в укромных местечках.

Три ночи, проведенные вдали от дома, пролетели в каком-то угаре. Застолья в ночных кабаре, морские прогулки, симфонии, от которых кидает в сон, театральные представления, когда не понимаешь ни единого слова.

Кидин не впервые гостил в Гамбурге, и с каждым разом древний ганзейский город нравился ему все меньше и меньше. Туристские достопримечательности не прельщали, равно как и ночная жизнь. Скука. Ну прогулялся разок по ночному Риппперу, поглядел голых шлюх в освещенных витринах, а дальше что? Организация приятного отдыха входила в обязанности принимающей стороны. Это и классом повыше, и, главное, безопасно. Но шесть дней слишком долго, придется подсократить. В программе много ненужного. Старинные церкви, картины, всякие там аквариумы и ботанические сады — не для серьезных людей. Иван Николаевич и слыхом не слыхивал про Клопштока, но даже если бы это был его любимый поэт, то идея поехать куда-то в Альтону, чтобы постоять у могилы, никогда бы не пришла в голову бывшему философу-марксисту. И вообще Гамбург ассоциировался у него исключительно с Эрнстом Тельманом. Не из верности пролетарскому знамени, совершенно неуместной для процветающего банкира, но исключительно любопытства ради он съездил на Тарпенбекштрассе, 66, где раньше жил с женой Эльзой и дочкой Ирмой несгибаемый вождь германских коммунистов. Благо выдался свободный час между обедом и дегустацией.

«Дегустацией» Кидин называл посещение винного погребка под городской ратушей. Ратсвейнкеллер, однако, оказался совсем не похожим на подвалы Массандры или Цинандали, где Ивана Николаевича потчевали благодарные аспиранты из южных республик. У немцев и обстановка иная, и режим винопития, не как у нас. Коллекция, конечно, богатая, но пьют не то, что подсунут, а на свой вкус, как в ресторане, и закуска соответственно.

Столь тонко подмеченное различие, однако, никак не сказалось на конечном результате. Перемежая «Либраумильх», рейнское и мозельское изрядными глотками вейнбранда — местного коньяка, московский гость выпал в осадок, чем не только

позабавил, но и обрадовал хозяев. Значит, понравилось, значит, доволен. О торжественном ужине в «Унионе», также намеченном по программе, не могло быть и речи.

Ивана Николаевича доставили в старый, но модернизированный по последнему слову гостиничного бизнеса «Гамбургерхоф» и бережно уложили на кровать в президентском номере. Ящик с «Либраумильх» и прочие сувениры аккуратно водрузили в стенной шкаф. Узнав, что название сладенького винца переводится на русский, как «Молоко любимой женщины», Кидин загорелся желанием позабавить Лору, но пробудившись далеко за полдень, оказался не в состоянии вспомнить, откуда взялся этот тяжеленный картонный ящик и что означает написанное на нем слово.

Поправив здоровье с помощью стакана французской минералки «Виши» и безотказного аквазельцера, Иван Николаевич напустил полную ванну и окунулся туда с головой. По сути это был настоящий бассейн из итальянского мрамора цвета хорошей буженины. Кидин решил, что непременно заведет у себя точно такой же. Мраморный пол с подогревом он соорудил еще в прошлом году, и водоем тоже был соответствующий, с тремя ступеньками, но захотелось такой, как тут — овальный. Невольно порадовался, что на Западе остается все меньше вещей, достойных подражания. Положа руку на сердце, у него было все, чего душа пожелает, кроме покоя и счастья. Кто-то здорово сказал, что пока ты голоден, хочется лишь одного — жрать, когда же есть еда, хочется женщину, когда есть и женщина, и еда — денег, но когда имеешь все, становится страшно. Страх не оставлял Иван Николаевича даже за границей. Он поражался тому как свободно и без всякой охраны разгуливают его деловые партнеры. Тот же Гюнтер Далюге, генеральный директор концерна I.G. Biotechnologie. Принимая его в Москве — ужин соорудили в казино, — Кидин места себе не находил, то и дело выбегал в холл, где дежурил Валентин со своими орлами. Смирнов лично контролировал обстановку: какая машина подруливает, кто в ней сидит, в чем одеты. Про фортели Центробанка и Минфина, постоянно менявших правила игры, и говорить не приходится. Нет более опасного занятия, чем бизнес в России. Но грех жаловаться: такой накрут, как в Москве, и не снился ни немцам, ни американцам.

Триада еда-женщина-деньги навела на грустные мысли. С женщиной обстояло как-то не очень благополучно.

Кидин включил ультрафиолетовую лампу и направил на грудь благоухающую струю фена, затем закутался в горячую белоснежную махру, посидел, подумал и решил по-

звонить в Москву. У него в ванной висел точно такой же, защищенный от сырости, телефон — презент Гюнтера.

Охранник доложил, что Лариса Климентьевна отъехала на дачу. Кидин тут же связался с домом на Николиной Горе, но жены не оказалось и там. Оставался единственный шанс узнать хоть что-то: позвонить Смирнову.

— Как там Лариса Климентьевна? — спросил, выслушав подробный доклад о вылазках недругов, потерпевших полное поражение.

— Одно могу сказать: жива и здорова, — ответил Валентин с заметной задержкой.

— Ты что-нибудь выяснил?

— Насчет чего?

— Ну помнишь, мы еще с тобой говорили?..

— Не подтвердилось, Иван Николаевич. Нежелательными элементами не пахнет.

— И все-таки, кто?

— Я бы сказал, по линии культурных связей, — уклончиво ответил Смирнов. — Пресса, телевидение, понимаешь, в этом значится роде.

— С чего бы это вдруг?

— Об этом, думаю, удобнее спросить тебе лично, Иван Николаевич.

— Значит, говоришь, полный порядок?

— В смысле безопасности?.. Нормалек.

От разговора остался неприятный осадок. Пора, однако, было собираться на переговоры. Зная немецкую пунктуальность, Кидин не сомневался, что машину подадут минута в минуту.

Резиденция генерального директора находилась в фешенебельном районе Бинненальстер, на берегу обширного водоема, окруженного отелями и увеселительными заведениями. Парки, тенистые набережные, где цокот копыт слышнее шуршания шин, уютные ресторанчики. Эта часть города напоминала Кидину острова в Ленинграде, в особенности Каменный, где будущий банкир проходил производственную практику на фабрике шоколада. Каналы, соединявшие реки Альстер и Билле, казалось, должны были вызвать в памяти величественные картины Венеции, если бы не это опрокинутое в светлую немочь вод небо, не эти облака, разметанные на неоглядном горизонте, и суровые тени каменных громад, и липовый цвет, томящий воспоминаниями.

В самом воздухе, знобком, сыром, ощущался неуловимо балтийский привкус. И то верно: до Куксгафена на Северном море было так же близко, как до Киля на Балтике.

В окрестностях Куксгафена находилось основное производство Биотехнологии, открывшей свое первое совместное предприятие не где-нибудь, а именно в Петербурге. Новый филиал концерн намеревался разместить уже в Подмосковье.

Кидин мог предложить под застройку неосвоенный участок в двести гектаров, расположенный вблизи Истринского водохранилища, на самой границе охранной зоны. Земля под дачи и садовые домики шла там по семьсот долларов за сотку, но весь массив обойдется намного дешевле. Арендная плата могла покрыть все издержки уже на второй год.

Пока люди Далюге изучали документацию, Кидин фактически был предоставлен собственной персоне. Культурные мероприятия обрыдли, излишества, которые он позволил себе в ратуше и на Фишмаркте — знаменитом на весь свет рыбном рынке, подрывали здоровье. Он скучал, тревожился по дому и вообще не знал, чем себя занять.

Но всему рано или поздно наступает конец. Деловая часть визита, на который Иван Николаевич возлагал большие надежды, вступила в решающую фазу.

Гюнтер самолично заехал за ним на своем «мерседесе-600 SL», и они поехали к нему в Бинненальстер, подолгу простаивая у светофоров. Дождь прекратился, и в облачных прорывах засияло умытое солнышко, вспыхивая колючими звездами в бесконечных флете — пересекавших старую часть города каналах.

У мальчишки, успевшего до блеска очистить лобовое стекло, Гюнтер купил газету.

— Дневной выпуск, — пояснил, скользнув взглядом по заголовкам.

— Есть новости? — вяло поинтересовался Кидин. По давней привычке он возил с собой миниатюрный многоволновый транзистор «Сони», по которому слушал, обычно перед тем как уснуть, радиостанцию «Свобода» и футбольные репортажи из Москвы.

— Штурм госпиталя в Буденновске, новая газовая атака на центральном вокзале в Токио, землетрясение в Греции, эпидемия в Заире, — коротко перечислил Далюге. По-русски он говорил почти без акцента, лишь изредка сбиваясь в порядке слов. — И природа, и люди сошли с ума, — покачал головой, перевернув страницу. — Боснийские сербы обстреляли конвой ООН, Иран осуществляет тайные закупки ядерных технологий, арестован наркобарон в Колумбии, в Ираке обнаружен завод по производству биологического оружия — словом, конец света. Ничего нового, и все страшно.

— Это вы верно сказали, — понимающе закивал Кидин. — Я слушал московское радио... Ни дня без убийств и

взрывов. Вчера застрелили директора крупного предприятия, буквально у дверей дома. Двое киллеров, их видели люди во дворе. Преспокойно сели в машину и уехали. Как всегда никого не найдут. У вас намного больше порядка...

— В утренней почте было сообщение о каком-то сексуальном маньяке. Убивает молодых женщин и вырезает у них печень. Депутаты требуют отставки министра.

— Час от часу не легче! И откуда они берутся, эти маньяки и киллеры? Совершенно озверел народ! Порядок нужен в стране, порядок.

— Такого рода эксцессы случаются всюду. Просто раньше пресса у вас молчала, а теперь, конечно... Гласность, кажется, называется?

— Вот она у меня где, эта гласность! — Кидин провел ладонью по горлу. — Сумасшедший дом.

— Не преувеличивайте, Иван Николаевич. Все не так уж плохо. Образумится.

— Образуется.

— Совершенно правильно: образуется. Налоги на импорт надо снижать.

— Здесь я с вами полностью солидарен.

Медленно продвигаясь от светофора к светофору, Гюнтер вырулил на какую-то площадь с кирхой из бордового кирпича и свернул на бульвар, прямиком ведущий в зеленую зону. Его штаб-квартира размещалась в трехэтажном доме с зеркальными окнами, медно отблескивающими сквозь густую листву. Плющ, лоскутным ковром обвивший всю боковую стену, добирался до самой крыши, увенчанной белой тарелкой космической антенны.

В комнате для переговоров их уже дожидался Карл Зефков, владелец фабрики по производству электронной аппаратуры специального назначения. Кидин познакомился с ним в прошлый приезд и еще не успел составить определенного мнения об этом крайне замкнутом человеке с лошадиной челюстью и острым, как штефень эсминца, профилем. Сведения, которые собрал о нем Смирнов, умещались в три строки на компьютере. Доктор физики и дипломированный инженер, он поставлял изделия своей фирмы в США и Канаду. Основным его заказчиком было Центральное разведывательное управление, что, с одной стороны, настораживало, а с другой — обнадеживало, поскольку свидетельствовало о высоком классе продукции. Не осталась в стороне и Россия. В 1993 году небольшую партию товара закупила служба охраны Кремля. Смирнову удалось узнать кое-какие подробности сделки через посредника, осуществлявшего поставки, бывшего офицера госбезопасности.

Как и Далюге, Зефков был крайне заинтересован в расширении российского рынка. Таким образом, предоставлялся шанс одним выстрелом убить сразу двух зайцев.

Фамилии контрагентов — Далюге и Зефков — не говорили Кидину ровным счетом ничего. Будь на его месте человек более искушенный в вопросах истории, в частности германской, он бы наверняка обратил внимание на странную игру случая. Суть в том, что те же имена носили люди, стоявшие по разные стороны баррикад: коммунист Зефков, ближайший соратник Тельмана, и гестаповец Далюге, группенфюрер СС. Конечно, ни Гюнтер, ни Карл не имели никакого отношения к своим крайне неординарным однофамильцам, но уже само по себе подобное совпадение было по-своему примечательно. Тем более что оба предпринимателя являли разительный контраст: грузный, жизнелюбивый Гюнтер Далюге, обожавший женщин и простонародные развлечения, и сухой, аскетичный технократ Карл Зефков, из которого лишнего слова клещами не вытащишь. Бесспорно, Кидину куда больше пришелся по сердцу Гюнтер, надежный партнер, в коем, помимо прочего, он обрел родственную душу.

Переговоры, как повелось с первой встречи, проходили с глазу на глаз, без переводчика. Это ставило Кидина в несколько неравное положение, поскольку по крайней мере один из контрагентов не нуждался ни в каком переводе. О языковых навыках Зефкова судить было трудно. Временами казалось, что он понимает русскую речь, хотя изъясняется исключительно по-немецки, короткими рублеными фразами.

В проспекты, которыми Кидина снабдили по приезде, были вложены ксерокопии с переводом, безупречным, насколько он мог судить. Продукция ELTCOM — так именовалась фирма по экспорту и импорту электронной техники — определенно заслуживала внимания и имела все шансы завоевать рынок. По прибыльности соперничать с подслушивающими устройствами может только оружие. Даже наркотики пока занимают третье место. И, главное, это совершенно легальный бизнес. Любой предприниматель будет счастлив обзавестись подобной техникой.

С нее и решили начать, завершив обсуждение земельного проекта. Местоположение и арендная плата вполне устроили немцев.

— А природа, господа! — не удержался под конец Кидин. — Настоящая русская Швейцария. Превосходный лесной массив, чудесная речка, а какое водохранилище, — он даже глаза закатил, — сплошное очарование! Тут же, как говорится, не отходя от кассы, рыбалка, охота.

— Кабан? — спросил Зефков, впервые проявив интерес не только к ценам и тактико-техническим данным.

— И кабан, и лось.

— Los? — слегка дрогнув бровью, повернулся он к Гюнтеру.

— E'Len[1], — поспешно перевел отвлекшийся было Далюге.

— Форель?

— Нет, форель, кажется, там не водится. Зато есть судак, лещ.

— Как насчет дорог, доктор Кидин? — водя пальцем по карте, осведомился Гюнтер. — Такие же, как везде?

— Не как везде, господа! Новое Рижское шоссе — автострада европейского класса. Ответвления, согласен, немного уступают по качеству, но тоже вполне привычные. В крайнем случае можно проложить свою. Обойдется недешево, но дело того стоит.

— Железнодорожную ветку от Истры тоже возможно?

— Насчет железной дороги не знаю. Надо провентилировать...

— Существенный момент, мой дорогой.

— Учту, Гюнтер, не сомневайтесь.

— У доктора Кидина есть связи в правительстве, — сказал Далюге по-немецки, наклонясь к Зефкову, и сразу же перевел для Кидина.

— Имеется заручка, имеется, — солидно кивнул Иван Николаевич. — Как вы видите свой бизнес у нас, Гюнтер?

— Совместное предприятие под патронажем вашего банка. Устраивает?

— В принципе — да, но вкладывать средства в производство в нынешних условиях нерентабельно.

— Ничего, я возьму инвестиции на себя. Когда пойдет прибыль, договоримся о процентах.

— А она пойдет?

— Не сомневаюсь. Будем продавать не только в России, но и за границей.

— Да, — с полуслова понял Кидин, — рабочая сила у нас дешевая... Какой характер вашего производства?

— По-вашему это прозвучит так, — Далюге рассмеялся, — химия — сельскому хозяйству. Гербециды, инсектециды, ростовые вещества — все такое.

— Думаю, это пойдет. Сырье наше?

— Не совсем. Для начала будем поставлять полуфабрикаты, а конечный продукт производить уже на месте.

---

[1] Los — «давай» и лотерейный билет. Лось — E'len.

— Бумаги подготовлены?

— Практически. Осталось внести какие-то мелочи, если мы с вами договоримся.

— Отлично. Я возьму их с собой в Москву.

Они обменялись крепким рукопожатием. Кидин даже похлопал толстяка Гюнтера по спине.

— Теперь очередь за вами, Карл, — довольный Далюге в знак дружбы поднял кулак, невольно возродив из небытия забытое ныне приветствие Рот-фронта.

— Доктор Кидин успел ознакомиться с проспектами? — спросил Зефков.

— Вполне. Перевод очень качественный, но есть вопросы.

— Пожалуйста.

— LTCM-0310 работает в любых условиях? Скажем, в сауне?

— В сауне? Экзотично. Но почему бы и нет, если там будет стоять телефон?.. Это усложненное прецизионной сборки устройство может прослушивать любые помещения, оборудованные телефонными линиями. Предела дальности не существует. Устанавливается раз и навсегда, не требует батареек и не нуждается в обслуживании.

— Это я понял: управляется автоматически.

— Так. Установка производится в течение секунд и никак не воздействует на нормальную работу телефона. Ее очень трудно обнаружить: размеры минимальные, вес всего шестьдесят граммов.

— Вы бы не смогли предоставить нам образец для испытания в рабочих условиях? — Кидин улыбкой дал понять, что шутит. Он непрочь был обзавестись такой штуковиной в сугубо личных целях.

Зефков молча вынул из кармана черную коробочку, раза в два меньше спичечной.

— Позвольте предложить вам в качестве сувенира.

— Тронут, герр Зефков, данке зеер, право, нет слов... Думаю, такая штуковина у нас пойдет.

— Цена не пугает?

— Нисколько. Это товар эксклюзивный, для людей состоятельных. Думаю, можно даже накинуть марок... сто пятьдесят.

— Все, что сверх — ваше.

— Отлично! — Кидин спрятал подарок и углубился в следующий проспект. — Перейдем к изделию LTCM-2006... Как я понял, оно крепится к оконной раме. Снаружи? Внутри?

— Безразлично. В потолке, под полом — где угодно. Обнаружить передатчик можно только визуально. Это самое совершенное устройство с использованием инфракрасного излучения.

На мировом рынке нет аналогов. Невозможно перехватить и прослушать. Цена соответственно несколько выше.

— Я бы сказал: намного выше. Но кому надо, тот за деньгами не постоит. На мой взгляд, приемлемо, — Кидин благоразумно умолчал о том, что попробует для начала удвоить цену. — С остальным я разобрался своими скромными силами. Единственное, на чем позволю себе сосредоточить ваше внимание, доктор Зефков, это LTCM-0396E. Если я правильно понял, телефон тут вовсе не обязателен?

— Совершенно точно, доктор Кидин. Эта модель представляет собой длинноволновый приемопередатчик, который вы присоединяете к обычной электросети стандартного напряжения. Он не только транслирует, но и усиливает все звуки в прослушиваемом помещении. Даже самый тихий шепот. Установить не составит труда, обнаружить — практически невозможно. Очень практичное устройство.

— И вы тоже намереваетесь организовать производство у нас? По крайней мере сборку?

— Нет, — отрезал Зефков. — Мы нуждаемся только в сети дилерских услуг.

— Тогда не знаю, чем смогу быть полезен, — Кидину не удалось скрыть разочарования. — Банку не совсем удобно брать на себя такие услуги.

— Но вы же имеете риэлтрские конторы? — вмешался Далюге. — Казино, магазины, по-моему, даже автосалон. Нет?

— Это своего рода дочерние предприятия, напрямую с банком не связанные.

— Что вам мешает роднить еще одну дочку? — с присущей ему жизнерадостностью просиял Далюге. — Или, допустим, дочка подарит вам внучку?

— Оно, конечно, — замялся Иван Николаевич, — но уж больно товар деликатный. Хлопот не оберешься. Притом у банка солидная репутация.

— Вас ли учить, дорогой Иван Николаевич? Не говорите сейчас ни да ни нет. Подсчитайте, как следует, и я уверен, что предприятие покажется вам достаточно выгодным.

— Хорошо, я подумаю. Но почему, герр Зефков, вы решили остановиться на нашей загородной природе. По-моему, вашим дилерам куда способнее будет в Москве. Я не прав?

— Вы правы.

— Тогда почему? Варум? — прорезалось еще одно немецкое слово.

— Все достаточно просто, — вмешался Далюге. — Мой друг Карл и хотел прибегнуть к помощи ваших доченек от недвижимости, — довольный собой, он вновь коротко пророкотал сме-

хом. — Но вы обескуражили его своим решительным отказом. Не спешите, доктор Кидин, почва для обоюдовыгодного согласия у нас есть... Что же касается истринских охотничьих заповедников, то тут интерес обоюдный. Доктор Зефков участвует в моих начинаниях, я вкладываю определенную часть средств в его предприятие. Понимаете? Не вижу, что мешает вам стать третьим участником. Как говорят англичане, нельзя класть все яйца в одну корзину. Вы ведь и сами руководствуетесь тем же принципом?.. Лишнее — как это? — лукочко не помешает.

— Лукошко, — усмехнулся Кидин, лихорадочно прикидывая все за и против.

— Лукошко, — удовлетворенно кивнул Далюге. — Благодарю. Так вот, лишнее лукошко может оказаться превосходным заделом на будущее, поскольку это связано с высокими технологиями. При вашем опыте, Иван Николаевич, при ваших высоких связях...

— Вы предлагаете мне финансовое участие?

— Я бы не стал отказываться, если бы вы захотели войти, но это не принципиальный вопрос. «Биотехнология» готова не только финансировать проект, но и обеспечить надежную гарантию. О формах, долях участия и прочем мы всегда сумеем договориться. Не первый день знаем друг друга. Не так ли? Важно принять решение, доктор Кидин, остальное приложится.

— Когда я должен дать ответ?

— Желательно до вашего отъезда, Иван Николаевич. И вот, почему. — Гюнтер обменялся с Зефковым быстрым взглядом. — Наш концерн, как вам известно, имеет интересы во многих странах. У нас появился шанс привлечь под проект помощи России весьма значительный капитал. Надеюсь, мне не надо утомлять вас детальными объяснениями?

Кидин молча кивнул. Все было предельно ясно. Речь шла о фондах, созданных специально для поддержки частного предпринимательства в России. Урвать хотя бы малую толику для себя было заманчиво.

— Теперь вы понимаете, почему мы нуждаемся в вашем сотрудничестве? — Далюге ставил вопрос ребром. — Почему из всех московских банков выбрали именно «Регент Универсал»?

— Хорошо, я согласен, но акт подписания отложим до следующего раза. Нужно изучить документы, подсчитать, как вы говорите, посоветоваться. Не я один решаю.

— Но в принципе вы?..

— За! — Иван Николаевич сановито поднял руку, как в былые дни на партсобрании, когда кафедра дружно голосовала в поддержку решений пленумов и съездов.

— Позвольте выразить наше крайнее удовлетворение, дорогой друг, — расчувствовался сентиментальный Далюге, сделав вид, что готов заключить Кидина в объятия.

— Мне говорили, что в России разрешена продажа самолетов частным лицам, — Зефков слегка повернул мефистофельский профиль в сторону Гюнтера, словно ожидал ответа от него, а не от Ивана Николаевича — аборигена загадочной славянской страны. — Это верно?

— Наш друг Карл — отличный пилот! — поспешно заявил Далюге.

— Вам нужен самолет? — не слишком удивился Кидин. — Можем устроить. Спортивный, разумеется?

— Желательно несколько, — кивнул Зефков. — Наши сотрудники увлекаются пилотированием... А дельтапланы с мотором можно приобрести?

— Были бы деньги, — дружески подмигнул Кидин.

— Деньги имеются, — Зефков достал из чемоданчика калькулятор. — Десять машин для начала. Сколько стоит один дельтаплан?

— Я не торгую самолетами, — Кидин скрыл досаду кислой улыбкой. Настоящий автомат, этот Карл. Полное отсутствие чувства юмора. — Вопрос надо сначала провентилировать.

— Провентилировать? — не понял Далюге.

— Изучить. Найти нужные контакты, договориться о ценах, лицензиях... Мало ли?

— О да! — Далюге одобрительно закивал. — Мы это вполне понимаем... На территории, которую мы предполагаем арендовать, возможно построить аэродром?.. Самый примитивный, с травяным покрытием?

— Не вижу особых препятствий. Придется, ясное дело, договариваться с инстанциями... И на местном уровне тоже... Короче, деньги решают все.

— Поближе к Москве можно устроиться? — спросил Зефков после того как Гюнтер подробно истолковал ему ситуацию. — Я бы хотел арендовать постоянный ангар хотя бы на две авиетки.

— Попробую устроить вам в самой Москве. Тушино подойдет?

— О Тушино! — расплылся в восторге Далюге. — Лжедмитрий Второй, — обнаружил он недюжинные познания, — тушинский вор и красавица-полячка.

СТРАЙБС — СВЕТЛАЯ ПОЛОСА В ТВОЕЙ ЖИЗНИ

Глава десятая

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

Обычно тихий в эти утренние часы Скатертный переулок был взбудоражен завыванием милицейских сирен. На вызов, последовавший в 11 часов 45 минут из пресс-агентства «Блиц-Новости», примчалось чуть ли не все московское начальство: заместитель мэра, префект, с десяток крупных чинов из ГУВД и уголовного розыска. Руководство Федеральной службы безопасности, опередив конкурирующие организации, уже изучало обстановку на месте.

Вкратце случившееся можно было охарактеризовать, как дерзкое нападение на генерального директора агентства в его собственном кабинете, но ни самого нападавшего, ни каких бы то ни было следов его пребывания обнаружить не удалось.

«Да был ли мальчик?» — так и порывался спросить подполковник Корнилов, по третьему разу выслушивая довольно-таки путаные показания секретарши директора. Вздор по поводу дверей, которые сами по себе вдруг начали открываться, следовало отнести за счет расстроенных нервов. Начальник отдела по борьбе с оргпреступностью в нечистую силу не верил, но тамбур для порядка обследовал. Двойные двери из добротного дуба толщиной в пять сантиметров могли выдержать порыв ветра ураганной силы. Единственная причина, не считая полтергейста и «чебурашек», таким образом, исключалась. Листья тополя во дворе едва трепетали, да и герметические рамы в кабинете, где работал кондиционер, были закрыты наглухо.

Ни охрана, ни ближайшие сотрудники никакой посторонней личности не заприметили. Единственный, кто мог внести в столь загадочную ситуацию хоть какую-то ясность, был сам потерпевший, но он пребывал в тяжелейшем состоянии, которое врач скорой помощи охарактеризовал как инсульт.

На все вопросы Юрий Пантелеевич Красиков откликался бурной жестикуляцией и нечленораздельным мычанием, в котором едва угадывались проблески слов. Чаще всего слышалось нечто похожее на «оставил» или «аставил», что могло быть истолковано, как «заставил» и даже «наставил».

Дальнейшие расспросы ни к чему не привели. Опасаясь ухудшить положение, вице-мэр потребовал немедленно доставить Красикова в больницу. Его осторожно вынули из кресла и уложили на носилки.

— «стрился... вдхе», — были последние произнесенные им звуки, записанные на магнитофон.

— Что вы сказали? — наклонился над носилками Корнилов. — Повторите, пожалуйста.

— Оставьте его в покое! — тут же последовал генеральский окрик.

Подполковник вздрогнул, выпрямился и отошел в сторонку. Он понял, что в случае чего вся ответственность падет на него. Начальством владела одна забота: довезти Красикова живым до больницы, а там, что будет.

«Еще один золоторизец на мою голову», — подумал Корнилов.

Хочешь — не хочешь, а для протокола требовалось дать разумное объяснение. Отбрасывая один вариант за другим, кое-как удалось выстроить некий каркас, подозрительно напоминающий карточный домик.

Что знал Корнилов о гендиректоре Красикове в дополнение к сведениям общеизвестным? Кое-что все-таки знал...

Независимое пресс-агентство «Блиц-Новости», отпочковавшееся от прежнего АПН, занимало двухэтажный особняк, построенный в середине прошлого века. Его генеральный директор Юрий Пантелеевич Красиков отличался незаурядной пробивной способностью. Ему не только удалось заполучить в аренду этот замечательный голубой домик с колоннами, но и каким-то образом его приватизировать.

Восхождение Красикова началось в середине семидесятых годов, когда он привлек внимание своими умеренно прогрессивными очерками на международные темы. На общем фоне «Правды», давшей заметный крен в сторону национал-большевизма, даже малейшие проблески здравомыслия воспринимались широкой общественностью с пониманием и надеждой на конечную победу прагматического крыла. Считалось, что в ЦК идет ожесточенная борьба между сталинистами-консерваторами, которых почему-то именовали «правыми», и либерально настроенными «левыми», так сказать, «детьми двадцатого съезда».

Вот почему переход Красикова на Старую площадь, где он занял должность консультанта в новом пропагандистском отделе, нацеленном на заграницу, был воспринят как небольшая, но ощутимая победа прогрессистов.

Об успехах и поражениях в схватках под ковром общество судило опять-таки по газетам, вычитывая главным образом между строк. Уверенно продвигаясь вверх по номенклатурной лестнице, Юрий Пантелеевич верно служил всем генеральным секретарям, вплоть до последнего, который, став Президентом СССР, посадил его на агентство печати.

Путч Красиков встретил сдержанно и с достоинством. Формально выполнив указания гекачепистского эмиссара, он нигде не засветился прямой поддержкой «кучки пьяниц», как писалось уже на третий день провалившегося мятежа, и вышел сухим из воды. Однако руководство вторым по значению информационным монстром страны вынужден был уступить активному защитнику Белого дома, который вскоре впал в немилость и переметнулся в лагерь коммунистической оппозиции. Наступил период бесконечной чехарды и смены масок.

Революция не пожирает своих детей, вернее, не с них начинаются людоедские пиршества. В первую очередь приносят головы на алтарь отечества дураки, возомнившие себя отцами. Одни, опьяненные победой, не успевают перестроиться и рвутся на новые баррикады, другие, чувствуя себя обделенными, тоже начинают совершать глупости. Слава Богу, если все ограничивается перетасовкой колоды, без крови. Гильотина вовсе не обязательна для номенклатурного передела, тем более неизбежно наступает момент, когда возрастает цена на людей благонадежных, не только умеющих, но и любящих служить власти как таковой, независимо от цвета знамен.

Пробил час и для Красикова, и он не упустил своего, выказав способности прирожденного бизнесмена. Талантливый человек всегда выплывает, если не помешает такой атавизм, как принципы.

Родовое гнездо князя Орлова, флигель-адъютанта и пассии последней русской царицы, подверглось коренной реконструкции. Пришедшее в полный упадок при последнем владельце — райкоме комсомола, — оно вновь засияло алебастром и небесной лазурью. Кариатидам вернули утраченные конечности, райкомовскую столовку превратили в бар-ресторан, затмивший аналогичное заведение мидовского пресс-центра, а спальня хозяйки дома, безвременно отошедшей в лучший мир графини Стенбок-Фермор, приняла облик служебного кабинета. И какого! Ни на Старой площади, ни в Кремле не видели ничего подобного. Суть не в размерах, а в стиле. Эклектичное соединение делового модерна с холодным ампиром времен Александра Первого производило на посетителей прямо-таки завораживающее впечатление. Уже сама обстановка внушала почтительное чувство дистанции и некоторой загадочности. Сами собой приходили на ум вопросы по поводу владельца всей этой, рассчитанной на внешний эффект роскоши. Каков он на самом деле? Тщеславен, лишен вкуса и чувства меры или же настолько богат и влиятелен, что не считает нужным это скрывать? Озадачивала нарочитая несопрягаемость вещей и предметов.

Компьютерный терминал с новейшим оборудованием от Макинтоша и переоснащенный под электричество огромный бронзовый кенкет, подобающий скорее игорному заведению в Монте-Карло. Рядом с иконой Иверской богоматери висела цветная фотография Президента, снабженная дарственной надписью. Диплом почетного гражданина захолустного американского городка, который Красиков посетил в составе правительственной делегации, соседствовал с неотличимой от подлинника копией Модильяни, заключенной в золоченый багет с явно неуместными завитушками. Синие, лишенные зрачков глаза обнаженной были устремлены на противоположную стену, где висели цветные фото самого Красикова, запечатленного в момент дружеского общения с сильными мира сего: нидерландской королевой Беатрикс и папой Войтылой, актером Сталлоне и Мадонной в соблазнительном неглиже. Словом, много было всего: премьеры, знаменитые писатели, негры-бегуны и белые теннисисты из первой десятки, а также генералы различных армий и родов войск.

И Юрий Пантелеевич представал в широкой комбинации образов: в смокинге и с бокалом вина, в камуфляже на броне БТРа, с ракеткой на корте.

Столь же неоднозначным мог показаться и набор книг, если бы кому-то пришло в голову заняться в присутствии хозяина изучением корешков. Впрочем, они сами так и били в глаза иноязычными буквами, а подчас и причудливой иероглификой. Недаром же Красиков слыл чуть ли не полиглотом. Собственно, его труды, дублированные во множестве экземпляров, занимали отдельную, во всю ширину стены, полку.

Сотрудники, кроме ближайших замов, чувствовали себя здесь неуютно и спешили при первой возможности покинуть кабинет. Редко кто осмеливался явиться сюда по собственной нужде, то есть без вызова. Тем более что упомянутую дверь из мореного дуба бдительно охраняла Анна Павловна Воротынцева, секретарь. Именно секретарь, а не секретарша. Седая, но с модной укладкой, приветливая и неумолимая, она сама решала, кого допустить к шефу, а кому дать от ворот поворот. Ни проскользнуть, ни прозвониться, минуя ее, было решительно невозможно. Трубку белого, еще со старым гербом СССР, телефона она тоже снимала первой. Не всякому губернатору, а тем более депутату выпадала удача сподобиться соединения.

Над столом Воротынцевой, где по соседству с коллекцией разнокалиберных телефонных аппаратов тоже был установлен компьютер с яблоком Макинтоша — все оборудование Красикову досталось в качестве гуманитарной помощи, — висела афиша Политехнического музея с именем Красикова, набран-

ным аршинными буквами. С той памятной, но не вызвавшей заметного волнения в культурной жизни Москвы, лекции и началась загадочная для многих дружба подающего надежды пропагандиста и скромной пожилой секретарши, то бишь секретаря. После краха общества по распространению всяческих знаний, довершенного его председателем, академиком по прозвищу «Крокодил», Анна Павловна перешла под крыло Красикова и сопровождала оного во всех передрягах.

Под приемную, где она безраздельно властвовала, пришлось отвести бывшую комнату горничной и туалетную самой графини, для чего в капитальной стене прорубили обширные ниши. Таким образом, путь от внешней двери к директорскому столу был сопряжен не только с длинным проходом, но и двумя поворотами под прямым углом.

Эти, на первый взгляд, несущественные подробности архитектуры оказались необходимы для понимания небывалого и совершенно необъяснимого инцидента в доме на Скатертном. О полном понимании, однако, речь не идет, ибо понять случившееся оказалось выше возможностей здравого смысла. И слово «объяснение» здесь равно неприменимо.

Короче говоря, никто не сумел ни понять, ни объяснить, каким способом неведомая личность сумела проникнуть в святая святых независимого агентства.

Судя по состоянию рабочего стола, Юрий Пантелеевич в тот момент был занят разгадыванием кроссворда в обновленном журнале «Огонек». Не то чтобы у него не было более важной работы, но так уж повелось с юности, что один вид незаполненных клеток вызывал неодолимое желание схватиться за карандаш. Остро отточенный «Кох-и-Нор» с красной резинкой на другом конце так и остался зажатым в пальцах. Корнилов отметил, что на позиции 6 по горизонтали разгадывание остановилось. По всей видимости, журнал стал предметом внимания исключительно по причине публикации биографической справки с приложенным к ней портретом гендиректора «Блиц-Новостей». Безупречная импортная полиграфия наверняка доставила герою чисто профессиональное удовольствие, а кроссворд попался уже совершенно случайно. О дальнейшем оставалось лишь смутно догадываться.

Между тем все происходило именно так, как пытался объяснить Юрий Пантелеевич.

Пункт 6 по горизонтали («объект, общение с которым доставляет удовольствие») заставил его надолго задуматься. В пять букв ничто мало-мальски подходящее не укладывалось. «Радио?» — вздор, «родня» — не подходит, ибо все заканчивалось на «а». Оказалось: «кошка».

«Вот идиоты!» — удовлетворенно усмехнулся Красиков, отбросив журнал. И тут его взгляд уперся в медленно и бесшумно открывшуюся дверь. «Кого еще черт несет?» — успел подумать он, прежде чем осознал, что в тамбуре никого нет.

Человек самой невзрачной наружности и затрапезной одежды возник в полном смысле слова из ничего. Проявился, словно на фотобумаге, из сумеречной глубины тамбура.

Дальнейшее протекало, как в бреду, и закончилось всамделишным бредом.

— Вы... ко мне? — слегка приподнялся и тут же упал в кресло Юрии Пантелеевич, раздраженно удивляясь тому, как подобного субъекта могла пропустить Воротынцева, и вместе с тем испытывая беспокойство, похожее на страх.

Казалось бы, чего бояться и, главное, кого, но откуда-то словно болотной хлябью дохнуло, и по спине пробежал леденящий озноб.

«Кто такой? Почему не доложила?» — рука сама потянулась к звонку, но так и замерла в сантиметре от кнопки.

— Сидеть! — то ли скомандовал незнакомец, то ли передал взглядом. А взгляд его был достаточно странен: устремлен куда-то, в ему одному открытую даль — сквозь предметы и стены, за невидимый горизонт.

Подполковник Корнилов верно истолковал Красиковское «наставил», как «заставил», но возобладало иное — «наставил». А что можно наставить? Конечно же, пистолет, револьвер, автомат! Ну почему обязательно пистолет, да еще с глушителем? Какой там пистолет! Если он даже и был, то не сыграл в происшествии никакой роли. Пистолет — пустяк, мелочь, несущественная, а то и вовсе мифическая деталь.

Пришелец — нашлись умники, которые посчитали обыкновенного рэкетира пришельцем из космоса, поскольку его никто не видел и, следовательно, не мог описать внешность, — так вот, этот самый пришелец включил, или Красикова заставил включить, компьютер. Затем, ни слова не говоря, вынул дискету и спрятал ее в карман. Зачем, спрашивается? Она не содержала никакой секретной информации, которую можно было бы использовать в корыстных или, допустим, шпионских целях. Более того, вполне разумно предположить, что загадочный визитер даже не притронулся к злополучному файлу.

Кто, кроме самого Красикова, мог видеть, куда гость из космоса положил эту никому не нужную вещь? Был ли вообще у него карман, у пришельца? Ведь макинтошевская дискетка осталась, как выяснилось, в гнезде. Куда разумнее допустить, что чудаковатый злоумышленник, если, конечно, не сам Юрий

Пантелеевич, просто-напросто стер информацию? При первом опробовании экран оставался чистым, и компьютер по прошествии нескольких минут выключили.

Однако лучше все по порядку, хотя реконструировать события приходится, опять-таки опираясь на домыслы, ибо единственный очевидец пребывал после таинственного визита в состоянии, которое иначе, как неадекватное, не назовешь.

Руководствуясь знаками, которыми он объяснялся, и нечленораздельными обрывками речи, можно лишь попытаться воссоздать более-менее вероятную картину разыгравшейся сцены. И здесь без пистолета не обойтись, не важно, с глушителем или без, так как никаких следов выстрела обнаружить не удалось. Да и Анна Павловна наверняка бы услышала выстрел, хотя попрежнему непонятно, как она могла не заметить человека, проследовавшего мимо нее прямиком в кабинет? Вот почему и необходим пистолет. Лишь с помощью оружия можно было заставить преданного и бдительного секретаря не поднимать тревоги. Зная, что в противном случае шефу грозит смерть, она не вызвала охрану и пропустила налетчика в кабинет. Не исключено, что он принудил ее войти с ним вместе. Тогда и поведение Красикова вполне объяснимо, независимо от того, оставался ли он с глазу на глаз с вооруженным бандитом, или Анне Павловне пришлось разделить участь начальника. В ящике стола Юрия Пантелеевича, правда, лежал «макаров», но он не пустил его в ход, хотя имел разрешение на хранение и ношение и мог не волноваться за возможные последствия. Суд бы его оправдал, но кто способен поручиться за налетчика? Быстрота реакции достигается тренировкой, а дерзкий «инопланетянин» был явно не новичком. В общем, Красиков поступил так, как и подавляющее большинство людей в его положении: тревоги не поднял, к заветному ящику не притронулся и покорно выполнил все требования террориста с иной галактики. Кем же надобно быть, чтобы поверить в подобные бредни?.. Куда плодотворнее прозондировать ситуацию несколько с иной стороны, более приземленной. Увы, получение взятки в особо крупных размерах почти исключается. Такого рода операция проделывается без излишнего шума.

Подполковник Корнилов отмел подозрения на сей счет и попросил Воротынцеву открыть сейф. Она знаками показала, что ключ находится в кармане у шефа.

— Не надо, — сказал начальник ГУВД, смерив Корнилова хмурым взглядом. Менее всего ему улыбалось связываться с неприкасаемыми. Мало ли что лежит за бронированной дверцей!

— Там могли быть ценные вещи, деньги? — все-таки не удержался от вопроса Корнилов.

— Нет, — не моргнув глазом, ответила Воротынцева. — Только документы.

Приходилось верить на слово. А ведь был в жизни Юрия Пантелеевича тяжелый этап, когда он чуть не погорел по вине жены. Пользуясь зеленым диппаспортом, она ухитрилась переправить за бугор несколько картин и прочих произведений искусства. Схваченная буквально за руку таможенниками, она даже предстала перед следователем, но тем и закончилось. Сведения, просочившиеся в печать, были опровергнуты друзьями дома и собутыльниками по Сандуновским баням в более авторитетных газетах, с которыми в те годы не вступали в полемику. Словом, как в итальянском фильме «Следствие закончено — забудьте». И, правда, нужно забыть. Взятки за непонятную манипуляцию с компьютером Красиков определенно не получал, а его прошлое по линии жены не имеет никакого отношения к данному инциденту.

Короче, стер ли неизвестный дискету или же вставил на ее место свою, не столь существенно.

С достаточной достоверностью можно утверждать только одно: Юрий Пантелеевич какое-то время просидел тихо и молча, словно прирос к своему креслу из красного дерева, обитого гобеленом ручной работы. Сколько это продолжалось, точно определить невозможно, потому что голубой квадратик со стальным колесиком посередке вмещал в себя информацию, которой хватило бы на несколько книг.

Сначала экран светился ровным голубоватым светом, словно иллюминатор батискафа в морских глубинах, где нет ни рыбок, ни медуз, ни планктона. Потом все пространство дисплея заволокло густой мутью, как будто какая-то глубоководная каракатица ни с того ни с сего вдруг выпустила чернильное облако. Тут-то и началось нечто несусветное: чередование тьмы и ослепительных вспышек, ритмическая пляска непонятных фигур, мелькавших с такой быстротой, что не успевал схватить глаз, и жуткие звуковые сигналы на самой нижней границе слышимости, от которых вскипала кровь.

Юрий Пантелеевич почувствовал, как налились готовые выскочить из орбит глаза, закричал от пронзившей все его существо нестерпимой боли и потерял сознание.

На этот крик и вбежала перепуганная Анна Павловна. По крайней мере так она рассказала прибывшим по ее вызову высоким чинам милиции и контрразведки.

Сам Красиков ничего путного поведать не мог. Только мычал, нацелив на дисплей палец, и тыкал им себе в висок. Именно этот жест и породил версию о приставленном к голове пистолете.

Когда руководство, не сговариваясь, направилось к выходу, Корнилов позволил себе присесть, но тут же поднялся и пригласил Анну Павловну занять соседний стул возле длинного стола заседаний. В голове царил полнейший сумбур. Нужно было успокоиться, привести мысли в порядок и начать все сызнова.

— Давайте подумаем вместе, Анна Павловна, — он достал пачку сигарет «Прима». — Вы позволите?

— Сделайте одолжение, — Воротынцева пододвинула хрустальную пепельницу, не преминув заметить: — Вообще-то Юрий Пантелеевич не одобряет.

— В самом деле? — подполковник чиркнул зажигалкой, глубоко затянулся и, разгоняя дым, в который раз оглядел впечатляющую фотовыставку на стенах кабинета. И, как ни странно, обнаружил несколько новых персонажей: Майкла Джексона в частности, и — кто бы мог подумать! — министра внутренних дел.

— Странный случай, — он протяжно вздохнул и смял сигарету. — Не находите?

— Кошмарный!

— Вы уверены, что кто-то на самом деле мог незамеченным войти в кабинет?

— Я же не сумасшедшая!

— Нет-нет, помилуйте, Анна Павловна, у меня и в мыслях такого не было... Но все же, все же... Вы допускаете существование человека-невидимки?

— Не знаю, — сделав над собой усилие, тихо выдавила она. — Не знаю, что и сказать.

— Значит вы точно видели, как открылась, а затем затворилась первая дверь?

— Совершенно точно.

— Это не показалось вам странным?

— Показалось.

— Вы не попытались узнать, в чем дело?

— Каким образом?

— Ну хотя бы открыть эту самую дверь, посмотреть?

— Была такая мысль, но я воздержалась.

— Почему, интересно?

— Во-первых, Юрий Пантелеевич не вызывал...

— А во-вторых?

— Я сумела убедить себя, что мне показалось.

— Может, действительно?..

— Не думаю. Впрочем, я уже сама ничего не понимаю.

— Потом вы услышали крик и кинулись в кабинет? Так?

— Так.

— И кого там застали?

— Никого. То есть Юрия Пантелеевича, — поспешно поправилась она. — Он сидел у себя за столом, и я сразу поняла, что произошло нечто ужасное.

— Почему?

— Таким я его никогда не видела. Весь красный, глаза налиты кровью, руки дрожат... Ужасно!

— И он был один? Больше никого в кабинете не было?

— Никого.

— Попробуем рассуждать логически... Только не обижайтесь, договорились?.. Сколько примерно времени прошло с того момента, когда вам показалось, что дверь пришла в движение, до крика из кабинета?

— Затрудняюсь сказать. Я была вся на нервах.

— А там, в кабинете, вы не обратили внимания на дверь? Она была закрыта, открыта?

— Не знаю, не помню.

— Жаль... Но если кто-то вошел, то должен был и как-то выйти. Другого не дано, даже допуская существование невидимки. Согласны?

— Согласна, — нехотя кивнула Анна Павловна.

— Тем не менее вы утверждаете, что в кабинете никого, кроме, разумеется, вашего шефа, не обнаружили?

— Никого.

— Что же тогда побудило вас вызвать охрану? Да еще заявить, что совершено нападение?

— Как что? А состояние, в котором я застала Юрия Пантелеевича?

— Боюсь, этого мало. Гипертонический криз зачастую застигает человека врасплох, без видимого воздействия. У него ведь повышенное давление?

— Откуда вам известно?

— Нетрудно заключить: работа, особая ответственность, образ жизни... Кроме двери, были еще какие-то настораживающие признаки?

— Мне показалось... я почувствовала, — Анна Павловна мучительно напряглась, словно пытаясь восстановить в памяти нечто исключительно важное и вместе с тем неприятное, нежелательное, — какое-то дуновение, что ли... Как будто кто-то пробежал мимо меня.

— Когда именно? До того, как раздался крик, или же после?

— Незадолго до того. Я теперь вспоминаю... Это произошло, когда я закапывала в глаза.

— Закапывали в глаза? — Корнилов обратил внимание на ее припухшие, воспаленные веки. — Подхватили инфекцию?

— Похоже. Сперва я думала, что это ячмень, но оказалось — конъюнктивит. Врач выписал мне раствор альбуцида и мазь.

— Хорошее средство. Даст Бог, поможет... и где вы в тот момент находились?

— Как где? На своем месте.

— Значит, закапывая в глаза альбуцид, вы почувствовали движение воздуха, словно кто-то пронесся мимо вашего стола, — Корнилов вытащил из пачки сигарету и принялся задумчиво ее разминать. — А звуки шагов случайно не расслышали?

— Нет, а вообще-то не знаю, не хочу врать.

— И не надо, Анна Павловна, и не надо... Закапывали пипеткой?

— Как же еще?

— Больше никак, вы абсолютно правы... Но это значит, что вам пришлось запрокинуть голову и смотреть, так сказать, в потолок?

— Не понимаю, — она обидчиво вскинула подбородок, — что вы этим хотите сказать?

— Ничего, кроме того, уважаемая Анна Павловна, что, закапывая в глаза, вы не могли видеть этой самой злокозненной двери, которая находится прямо против вашего стола.

— Это продолжалось какую-то минуту.

— Вполне достаточно, чтобы выйти и проскользнуть мимо вас. Но и в этом вполне вероятном случае остается в силе единственно возможное объяснение.

— Объяснение? — она все еще не понимала.

— Человек-невидимка, — выкрошив половину табака, Корнилов выцарапал новую сигарету. — Круг замыкается. Порочный, надо признать, круг... Куда отвезли Юрия Пантелеевича, случайно не знаете?

— Как это — куда? В Кунцевскую больницу! Извините, но мне необходимо позвонить Валерии Андреевне... Прямо не знаю, как ей сказать...

— Это вы меня извините. Столько времени отнял... Вы звоните, звоните.

Пока Анна Павловна, с придыханием, похожим на плач, вела длительные переговоры с женой Красикова, Корнилов вызвал капитана Софронова, дожидавшегося в машине.

— Вот что, Сергей, я сейчас отбуду, а ты пока задержись. В случае чего, позвоню. Поспрошай, между делом, вокруг: может, кто чего и видел? Не видел, так слышал. На мелочи напирай, понял? И, самое главное, найди их компьютерщика. Инженера, программиста — не важно, лишь бы смыслил. Прокрутите еще раз дискету. С начала и до конца.

По пути на Петровку он порвал протокол. Неизвестный налетчик, даже его пистолет с глушителем — это еще куда ни шло. И не такое высасывалось из пальца. Но невидимка? Извините, слуга покорный. Красиков — фигура весомая. Хочешь — не хочешь, кому-то придется возбуждать уголовное дело по факту, а перспектив никаких. Ну и ладно, и пусть. Под оргпреступность не подпадает — действовал одиночка. Выход один: переписать наново, да так, чтобы без разговоров ушло по принадлежности.

Сплошной театр абсурда: «Печеночник», комедия с чемоданчиком, человек-невидимка. Что ни день, то обухом по голове. Поневоле в чертовщину поверишь. А тут еще судья отпускает заведомого бандита под залог. Не успел он уединиться со следователем, чтобы вместе с ним придать документу обтекаемую форму, как позвонили из главка: капитан Софронов и один из лучших аналитиков компьютерных систем Поддубный в бессознательном состоянии были увезены в Институт имени Склифосовского. Оставалось лишь гадать, что опять приключилось в кабинете гендиректора, где, похоже, не на шутку разбушевались темные силы.

Служба безопасности, вновь оказавшись впереди забега, нашла злополучный компьютер в рабочем состоянии. Первым делом изъяли дискету. Складывалось впечатление, что именно этим и был более всего раздосадован глава московской милиции. Трения между соседними ведомствами приобретали довольно жесткий характер. Найти стрелочника не составляло проблемы. Подполковник Корнилов приглашался на следующий день на ковер, ровно в 16.00.

Не зная за собой особой провинности, ибо действовал быстро и грамотно, он постарался сдержать эмоции. Придя поздно вечером домой, как следует подкрепился, выпив две рюмки водки, собственноручно настоянной на черносмородиновых почках, под разогретый, но наваристый борщ с сахарной костью, и завалился спать.

Жена передала, что звонил Круглов, просил по возможности с ним связаться. Константин Иванович подумал и решил отложить всякие хлопоты до утра. И правильно сделал, потому что, придя на работу, узнал прелюбопытные новости. Во-первых, вызов наверх откладывался на неопределенный срок, а во-вторых, информацию о событиях в агентстве «Блиц-Новости» срочно затребовали в Кремль, и не куда-нибудь, а в четырнадцатый корпус, на третий этаж, где раньше размещалась легендарная «девятка», а ныне — Управление президентской охраны. Только законченный кретин мог не допереть, что первое является закономерным следствием второго.

Прежде чем засесть за составление отчета, Корнилов связался с главврачом Института Склифосовского. Состояние Софронова не внушало опасений. Он довольно скоро пришел в себя, хотя жаловался на сильную головную боль и никак не мог вспомнить, что произошло в кабинете. С аналитиком обстояло куда серьезнее: он умер на рассвете, в 5 часов 12 минут.

— Не тяните со вскрытием, — посоветовал Корнилов. — Того и гляди, начнут пороть горячку.

— Есть признаки, Костя? — с усталым безразличием спросил давний знакомый.

— Маразм, то бишь невроз в высших сферах крепчает.

— Мне бы их заботы, а с прозекторской у нас напряженка.

— Пригласи Левита. Если надо, сошлись на меня: старик не откажет.

— Ты что, лично заинтересован?

— Еще бы! Мой человек у тебя. Причина одна и та же.

— С Софроновым будет тип-топ, не беспокойся.

— Надеюсь, — Корнилов положил трубку и, порывшись в записной книжке, нашел номер Круглова Владислава Игнатьевича, генерал-майора в отставке.

— В среду хороним Светланку, Константин Иванович, — коротко сообщил бывший командир «Стяга».

— Еще раз примите мое глубокое соболезнование, Владислав Игнатьевич! Обязательно буду.

По просьбе полковника Всесвятского из налоговой полиции, Корнилов постарался облегчить мытарства по моргам: следователь по делу «Печеночника» тянул с выдачей тела.

ДЕЗОДОРАНТ МЭННОН — САМАЯ
ЭФФЕКТИВНАЯ ЗАЩИТА МУЖЧИНЫ

Глава одиннадцатая

«АТМАН»

Собираясь на похороны, Валентин Петрович Смирнов решил купить цветы на ближайшем рынке. Ехать было всего ничего: две станции на метро. Ближе, чем до кооперативного гаража, где стояла его черная «Волга» с блатным номером в три нуля.

«Где стол был яств, там гроб стоял», — вспомнился стих. Вчера торжественно отпраздновали красный диплом сына — Олег закончил мехмат МГУ, сегодня поминки по дочери быв-

шего начальника. Так уж устроена жизнь: то возносит до небес, то швыряет в черную яму, словно дает намек, чтоб не слишком оживлялся и был готов ко всему.

Он и был готов, пройдя через «Вымпел», а затем протрубив полтора года в отряде «Стяг», выделившемся в особое подразделение по охране объектов повышенной опасности.

Смирнов попал в «Вымпел» прямо с институтской скамьи. Незадолго до защиты диплома его вызвали в деканат, где и состоялась двухчасовая беседа с приятным и вполне компетентным в вопросах ядерной физики сотрудником КГБ. Наверное, перед выпускником МИФИ, спортсменом-разрядником и комсомольским секретарем факультета могли открыться и более интересные перспективы, но предложение показалось заманчивым, и Валентин согласился. Не последнюю роль сыграла и зарплата, значительно более высокая, чем на кафедре реакторов, где он надеялся остаться ассистентом.

Конкурс, о котором его заранее честно предупредили, оказался довольно жестким: из двадцати приблизительно кандидатов отбирался один. Основное внимание уделялось здоровью, физической форме вообще и знанию иностранных языков. Анкетные данные каждого были просвечены, как минимум, год назад. Контингент набирался в основном из армии и КГБ, но было немало ребят и из технических вузов.

Валентин прошел в числе первых. На подготовку потребовалось еще четыре года. Занятия в классах и лингофонных кабинетах, лекции, семинары и бесконечные тренировки на полигонах. Выучив еще два языка и освоив навыки диверсионной работы, Смирнов был в качестве нелегала направлен в одну из европейских стран, затем последовали Африка и Юго-Восточная Азия, где он прошел стажировку в джунглях Вьетнама и Камбоджи. О ядерной физике пришлось на время забыть. На профессиональном языке это называлось «пас в сторону». Но, как и всюду, в элитных соединениях тоже привыкли затыкать дыры, сообразуясь с требованиями текущего момента. На повестке дня стояли Ангола и Эфиопия, Ближний Восток и Никарагуа. Считалось, что для Смирнова время «Ч» приспеет не скоро. Ведь в сфере его ответственности находились такие объекты, как атомные электростанции, заводы по производству и обогащению ядерного топлива, лаборатории, где изготовлялось биологическое оружие. Благополучно избежав амебной дизентерии и желтой лихорадки, он обосновался в Центральной Европе, совершая эпизодические наезды и в сопредельные страны соцлагеря. Теперь объекты, досконально изученные по макетам и схемам, предстали перед ним, что называется, воочию. Их предстояло либо защитить

от возможных диверсий и проникновения террористов, либо, напротив, блокировать, захватить, а в особых случаях — уничтожить. На его счастье, условной команды так и не поступило.

Из групп, в сфере ответственности которых находились правительственные резиденции, генеральные штабы зарубежных государств, а также советские посольства, тоже была задействована только одна — та самая, что захватила дворец Амина в Кабуле.

Капитан Смирнов оказался в Афганистане, когда стало окончательно ясно, что оттуда надо выбираться любой ценой. «Вымпел», сделавший первый выстрел, должен был обеспечить эвакуацию. Свою задачу он выполнил. За работу в Афгане Валентин получил орден Красной Звезды.

С началом перестройки зарубежные командировки резко пошли на убыль. Группу переориентировали на внутренние проблемы. Профессиональный уровень от этого не пострадал, а кое-где и возрос. Впервые в практике отрядов коммандос был опробован захват атомного ледокола с вертолета. Прыгать пришлось с высоты в пять метров. Рубка и помещение реактора были блокированы в считанные минуты.

Только через год стало известно, что операцию засняли с американского спутника. Парням из «Дельты» пришлось изрядно попотеть, прежде чем они сумели повторить ее у себя в Штатах. Правда, захватить атомный авианосец «Макартур» было намного сложнее, чем мирный ледокол «Сибирь».

Блестящие результаты показали учения в секретном городе Арзамас-16, где изготовлялись атомные и водородные бомбы. Группа Смирнова незамеченной преодолела тщательно охраняемую зону и, отключив все три уровня сигнальных устройств, ворвалась в цех по производству оружейного плутония. На захват ушло семнадцать секунд. Минутой позже вторая команда обезвредила условных «террористов», засевших в спецвагоне для перевозки ядерных материалов.

Но чем очевиднее были успехи уникального спецотряда, чем богаче накопленный ценой невероятных усилий опыт, тем чаще приходили в голову невеселые мысли. «Вымпел» варился в собственном соку, практически не сопрягаясь с реальной жизнью. Ну бросили ребят к «Трем вокзалам» на захват международной банды, ну разоружили, взяли миллион с чем-то долларов, а толку? Сколько подобных шаек гуляет, так сказать, «от моря и до моря, от края и до края» по бесхозным просторам СНГ? Между тем в Мурманском порту пропадают урановые стержни, ржавеют полузатопленные суда с танками, залитыми ядерными отходами. А в институтах? Плутоний и

тот разворовывается, контрабандно вывозится цирконий и все такое. Ни контроля, ни надлежащей охраны. И вообще правая рука не знает, что творит левая.

Как там ни ругай перестройку, но не с Горбачева развал пошел, а вот задумываться народ начал при нем. Чтобы сложилась настоящая мафия, нужны десятилетия, не годы. Без круговой поруки на местном партийно-хозяйственном уровне не было бы ни «узбекского хлопка», ни рыбно-икорного дела, ни Трегубова, ни Медунова. Начали с двойной морали, закончили полной аморальностью. За что боролись, на то и напоролись. Не было никакой «криминальной революции». Сама партия, поставив себя над законом, создала уголовное государство, а комсомол обеспечил ей достойную смену. По собственному опыту комсомольского секретаря, Валентин знал, какие номера откалывают молодежные вожди, что творится в той же подмосковной «Елочке», на спортивных сборах, за кулисами фестивалей.

И ведь воспринималось в порядке вещей, не затрагивая основ, нормально воспринималось. Не возникало даже сомнений в правильности выбранного пути. Пионер, комсомолец, член КПСС. Школьник, студент, офицер КГБ: старший лейтенант, капитан, майор...

Чехословакию и даже Афган Смирнов тоже воспринял нормально. В перестрелке, когда по ошибке открыли огонь по своим, не участвовал, а на войне всякое бывает. На то и война. И приход Андропова встретил с энтузиазмом. Какие надежды возлагались!

По сути тогда и сформировался «Вымпел». Жизнь, как говорится, потребовала. Все-таки есть что-то необъяснимо роковое в рубежных датах. 19 августа 1981 года и 19 августа 1991-го — день в день десять лет. От ночного междусобойчика по случаю передачи отряда под крыло ПГУ[1] до бессонной ночи на набережной у Белого дома, когда ждали приказа на штурм. Как узналось потом, Шебаршин такой приказ получил, но, взвесив обстановку, притормозил выполнение. Будь иначе, что бы там ни говорили, пошли бы вместе с «Альфой», как миленькие. Смирнов тогда впервые заколебался, да и не он один. Видели, как реагирует народ. Страшные были минуты.

Перетряску органов «Стяги» встретили с пониманием. Как-никак люди грамотные, у многих за плечами два вуза, а у кого и аспирантура. И мир повидать успели, и себя опробовать в сложных ситуациях. Словом, профессионалы, к грязным делам и гебешной туфте не причастные. Казалось

[1] Первое главное управление (разведка).

бы, находка для новой России. Кому еще защищать демократию? Но начались непонятные игры. Что-то вроде футбола, когда по мячу лупят все, кому не лень, но только в собственные ворота. КГБ разукрупняется, его Первый главк вместе с отделом «С» — разведывательно-диверсионные операции в глубоком тылу противника — преобразуется в Службу внешней разведки, а «Вымпел» отфутболивают в новое союзное Министерство безопасности — МБ. Потом вывеска сменяется на МБР, и отряд, вслед за неразлучной «Альфой», попадает в Главное управление охраны.

Казалось бы, можно пережить: «Все течет и все из меня»... Сама жизнь меняется не по дням, а по часам. Что-то обнадеживает, что-то разочаровывает, а то и тревогу внушает, в основном с материальной точки зрения. Зарплаты начинает катастрофически не хватать, а все, что удалось скопить, в одночасье сгорело. Тут же пошли атаки с разных сторон — коммерческие структуры, охранные агентства, иностранные фирмы. Народ заколебался, самые сообразительные поспешили слинять, но в целом отряд выдержал, не поддался соблазну.

Перелом произошел в октябрьские дни опять же у Белого дома, и снова ночью, с третьего на четвертое, и вновь рядом с «Альфой». Случилось неслыханное: офицеры отказались выполнить приказ.

Пожалуй, это была самая тревожная ночь, которую довелось пережить Москве со смерти Сталина. После разгрома мэрии на Калининском и ожесточенной перестрелки в Останкино, когда в стекляшку телецентра вломился грузовик, наступило временное затишье. Бессонная ночь в ожидании новостей у телевизора, передающего только по второму каналу. Смирнов провел ее за кремлевской стеной.

Из окон третьего этажа далеко было видно Замоскворечье. Обезлюдевшие улицы, одинокие, куда-то летящие на предельной скорости машины, дым догорающих ларьков, бессмысленное перемигивание светофоров. И нигде ни единого милиционера. Ерин убрал своих орлов, оставив город на произвол судьбы. Части, которые якобы «на подходе», не покидали казарм. Гайдар призывает горожан к Моссовету. Вся надежда правительства на «Вымпел», «Альфу» и «Витязей».

В сложившейся ситуации отказ идти на штурм был воспринят Кремлем однозначно: спецподразделения бывшего КГБ склоняются на сторону самозванного президента и его силовых министров.

Возможно, и были такие симпатии. Наверняка были. Даже у баркашовцев со свастикой, которую Руцкой назвал «руническим знаком», нашлись сторонники. Однако в целом отряд

придерживался нейтралитета. Не хотели крови, боялись, что снова подставят. Посовещавшись, решили, что все же приказ должен быть выполнен, но при одном непременном условии: плацдарм необходимо оцепить и очистить от случайных прохожих.

Только кому выполнять? Ментам, которые во всем блеске показали себя на Смоленской?

А танки уже мчались по набережной. Утро выдалось солнечное, погожее. Народ заполонил тротуары по обеим берегам реки, высыпал на мост. Даже мамаши с колясками не утерпели. На крышах столпотворение, как на трибунах стадиона. Невиданное зрелище: штурм мятежного парламента. И бесплатно. Про негодяев, засевших на чердаках со снайперскими винтовками, никто и не думал. Про оцепление — тем более. Поздно. Танковые башни на полном ходу разворачивались пушками к фасаду. Били прямой наводкой по окнам, откуда уже валил черный дым. Мониторы CNN на крыше гостиницы «Украина» оперативно меняли планы: набережная, фасад, зеваки на мосту.

К десяти часам «Вымпел» выдвинулся из Кремля к Арбатской площади, где у Министерства обороны поджидал лимузин начальника Управления охраны.

«Надо идти, — убеждал он, подавляя сомнения. — Гибнут мирные люди, молодые солдаты. Только ваш профессионализм способен предотвратить дальнейшие жертвы».

В таких, примерно, словах.

Под прикрытием пулеметного огня из БТРов заняли позицию в мертвой зоне у цоколя. Ночной уговор оставался в силе: стрелять только поверх голов. Ворвались с разных сторон, вперемешку с «Альфой».

Руцкой, захлебываясь истерическим матом, орал по рации: «Вспомни Афган!» — и звал командира по имени.

Это тоже поставили «Вымпелу» в счет. Итогом разборки на высшем уровне явился указ о передаче соединения в МВД. Только пятьдесят офицеров согласились надеть милицейскую форму, свыше ста подали в отставку, остальных раскассировали по ведомствам: внешняя разведка и контрразведка, Управление охраны, Министерство по чрезвычайным ситуациям. Человек сорок, по примеру Смирнова, разбрелись по частным лавочкам. Пожалуй, они оказались устроены лучше всех, но сам Валентин вспоминал «Стяг» с неутихающей ностальгией.

Перед близкой встречей с друзьями воспоминания откликнулись неизбывной горечью, как фантомные боли в культе. Себя не обманешь. Он все еще не был уверен в правильности принятого решения.

Когда командир объявил, что готов остаться на своем посту, если никто не уйдет из отряда, Смирнов последовал за большинством и отказался забрать рапорт. Мог ли он поступить иначе? Тогда, наверное, не мог. Ну и все, и хватит.

Валентин Петрович не заметил, как проехал свою остановку. Пришлось возвращаться. На подходе к эскалатору заметил девчушек, раздававших листовки. На них наседала крикливая мамаша пенсионного возраста.

— Что же вы, проститутки, творите! Вас же запретили, а вы опять?.. Убирайтесь отсюда, а то милицию позову!

На проституток бедно одетые подростки были никак не похожи. Не отзываясь на хулу, они механическими движениями совали свои листки в протянутые руки. Одни брали, другие, не взглянув, втискивались в хромированные челюсти турникета. Медленно продвигаясь в плотной кучке — на подъем работал один эскалатор, — Смирнов, сам не зная зачем, прихватил сложенную вдвое бумажку. Его поразили глаза девочки, сквозившие бездонной далью. Улыбаясь тихой, отсутствующей улыбкой, она смотрела на проплывающие лица и не видела их, витая в иных, недоступных зрению пространствах.

— Цельными классами дети уходють! — продолжала разоряться, уже за спиной, скандалезная баба. — Людям горе, а вам хоть бы хны, у бесстыжие!..

«Куда уходят целыми классами?» — Смирнов развернул листовку.

«АТМАН»: ЛИГА ПОСЛЕДНЕГО ПРОСВЕТЛЕНИЯ!

Дух Просветления, Великий Пророк и Учитель Человечества Рама Аполлион и его Апостолы — Всадники представляют 108 тайных доктрин спасения!

Вы наверняка пробудите свою Кундалини и получите внутренний опыт.

7×7=49. 49 незабываемых часов семинара по пробуждению Кундалини.

Валентин Петрович так и не понял, кто такая Кундалини и зачем ее нужно пробуждать. Какие-то чакры, духовные каналы, шавасаны — темный лес. И все с большой буквы: Освобождение, Просветление... Смешно было читать про вечную жизнь по дороге в крематорий.

Похороны прошли, как и положено похоронам. Автобусы с черной полосой подали к моргу. Открытый гроб вынесли через боковую дверь, вслед за ним — обтянутую кисеей крышку. Венки, наклонно прислоненные к обшарпанной, изрисованной фломастером стене, сочувственные всхлипы женщин, обступивших

Глафиру Васильевну, неловкое покашливание мужчин. Шуршал разворачиваемый целлофан. Яркие гвоздики, казалось, тускнели на глазах, проникаясь безжизненным холодом окоченевшего тела.

Обмениваясь крепкими рукопожатиями, однополчане на какой-то миг светлели лицами, но тут же гасили улыбки под насупленными бровями.

Священника не пригласили. Светлана поклонялась неведомым богам, а генерал и Глафира Васильевна были людьми неверующими. Они держались стойко, с достоинством, целиком уйдя в свое горе и в то же время ни в малейшей мере не желая никого им обременить. Все слезы были давно выплаканы, и потому особенно неуместными казались жалкие слова утешения.

— Спасибо, — коротко кивал Владислав Игнатьевич, пожимая каждому руку. — После крематория прошу к нам, если не требует служба.

И этим «если» он давал понять, что каждый волен поступить по собственному разумению: никакой обиды не будет.

За столом собрались человек сорок. Хозяйке пришлось подзанять у соседей стулья и табуретки, придвинуть диван. Кое-как расселись и молча выпили поминальную чарку. Понемногу народ оттаял, пошли разговоры, кто-то закурил, и его примеру последовали другие.

Смирнов устроился у раскладного столика, который притащили из кухни.

— Познакомьтесь, — представил Всесвятский, — подполковник Корнилов — подполковник Смирнов.

— Бывший подполковник, — поправил Валентин Петрович.

— Бывших подполковников не существует в природе, — покачал головой Корнилов. — В запасе, в отставке — это я понимаю. Вы тоже из «Стяга»?

— Так точно, рад познакомиться.

— Мы с Константином Ивановичем в Афгане пересеклись, — объявил Всесвятский.

— Спецназ? — догадался Смирнов. — И где теперь, если не секрет? По той же линии?

— Не совсем. Пришлось на Петровку вернуться, но, подчеркиваю, исключительно по собственному желанию. А вы?

— Банк «Регент Универсал» слыхали?

— Как же, наслышан, — Корнилов знал, что приятель Всесвятского будет не похоронах. Разыгрывать удивление было глупо. — Охрана?

— Что же еще? Атомная энергия никому не нужна.

— Кому-то даже очень нужна, Валентин Петрович. Думаю, у нас найдутся общие интересы.

— Помимо главной задачи, — подчеркнул Всесвятский. — Я не успел тебе сказать, Валентин, что Константин Иванович любезно согласился помочь нам найти этого подонка.

— Что значит согласился? Прямая наша обязанность. Как насчет того, чтобы собраться потолковать?

— В любой момент, — заверил Смирнов. — Еще по одной, Слава?

— Вообще-то я за рулем, — засомневался Вячеслав Никитич. — Ну ладно: давай! Милиция не возражает?

— Телефончик не дадите? — обратясь к Валентину, Корнилов накрыл свою стопку рукой.

— Прошу, — Смирнов достал визитку на глянцевой бронзированной бумаге.

— Скромное обаяние буржуазии, — улыбнулся Корнилов. — Начальник службы безопасности, — прочитал вслух.

— Не я заказывал, — смутился Смирнов. — Мой постарался. Любит пустить пыль в глаза.

— Иван Николаевич?

— Знаете?

— Кто ж его не знает, — Корнилов развел руками, — фигура заметная. — И, круто меняя тему, спросил: — Вы довольны работой?

— Как вам сказать?.. Насчет заработка, грех жаловаться, а вообще скучновато. Как говорит один мой дружок, негоже забивать гвозди микроскопом. Не для того меня столько натаскивали. Понимаете?

— Чего же тут не понять? Могу лишь посочувствовать. Все мы — как бы это поточнее сказать? — малость стреножены... Не жалеете, что к нам не пошли?

— Не жалею! — с излишней резкостью, о чем сразу и пожалел, отрезал Валентин. — Кстати, — он вынул полученную в метро листовку, — полюбуйтесь.

Корнилов надел очки — бумага была сероватая, а шрифт мелкий — и внимательно прочитал с обеих сторон.

— Ишь ты! «Учитель всего человечества»!.. Что-то знакомое слышится. Не находите?

— «Гений всех времен и народов»? — усмехнулся Всесвятский.

— В этом духе, — Корнилов собрался было возвратить лихую агитку владельцу, но передумал. — Вы позволите снять копию?

— Берите на здоровье... Такого добра на каждой станции навалом. Я как-то раньше внимания не обращал, а тут вот

взял и полюбопытствовал... А что, для милиции — это новость?

— Для милиции, может, и не новость, но угрозыск пока материями духовного плана не занимается.

— Налицо убийство! — Смирнов сгоряча налил новую рюмку и залпом опрокинул. — И какое! — он закашлялся. — Не в то горло пошла, — объяснил, запив «фантой».

— Все так: налицо, но пока нет оснований подозревать в преступлении сектантов. Тем более что мы не знаем, к какой именно секте примкнула Светлана Владиславовна.

— Генерал считает, что к этой, — сказал Всесвятский, — «Атман».

— «Атман» или «АУМ»?.. У меня есть сведения, что она была активисткой «АУМ сенрикё».

— Вы мне раньше не говорили.

— Навел справки, Вячеслав Никитич, кое-какие зацепки есть, но ситуация довольно запутанная. Судя по этому тексту, «Великий учитель» выступает, если не как преемник Асахары, то как продолжатель. Известно, что после вселенского скандала с «АУМ сенрикё» и решения суда большинство сектантов ушло в подполье. Я не исключаю, что многие могли примкнуть к «Атману». Терминология больно схожая. И апломб.

— А прощупать их нельзя?

— На каком основании? Мне нужна хоть какая-нибудь улика.

— Агентура? — шепнул Всесвятский.

— Я не занимаюсь сектами.

— Так уж и не занимаетесь? — недоверчиво прищурился Смирнов. — А кто занимается? ФСБ? Прокуратура? Никого не колышет?

— А что, если попробовать на общественных началах? — предложил Всесвятский, подмигнув Смирнову. — Дадим улику муровцам, Валентин?

— Как вы себе это представляете? — Корнилов безнадежно махнул рукой. — Сделать из сектанта осведомителя невозможно. Они все зомбированные, причем на нескольких уровнях.

— А заслать?

— Смотря кого, — задумчиво протянул Корнилов. — У них тоже своя контрразведка действует. Мигом расколют, да еще и перевербуют. Тут нужен асс... Может, у вас найдется подходящая кандидатура, Валентин Петрович?

— Надо обмозговать, — Смирнов понял, что в угрозыске, если впрямую и не работают с сектой, то по меньшей мере интересуются.

— Вот и ладушки, — Корнилов спрятал сигареты. — Пора и честь знать... Я так понял, вы сегодня не на колесах, Валентин Петрович? Могу подвезти.

— Спасибо на добром слове, но наши пока сидят. И с генералом перемолвиться надо бы...

— Значит, до встречи. Я, с вашего позволения, позвоню.

ЗУБЫ СТАНОВЯТСЯ КРЕПЧЕ И ВЕСЕЛЕЕ

Глава двенадцатая

ОРУЖЕНОСЕЦ ДРАКУЛЫ

След объявленного в розыске Калистратова привел Морозова в психиатрическую больницу имени Ганнушкина на Потешной улице. Отрезок мировой линии, оставленной Славой в четырехмерном, как бы выразился физик, пространстве Минковского, был обозначен четырьмя пунктами: пост милицейской охраны на станции метро Бескудниково, КПЗ в РОВД №76, психоневрологический диспансер №17 и означенная больница.

С фасада обветшавшее здание старинной постройки выглядело довольно привлекательно: открытые ворота без всякой охраны, сад с яблонями и вишнями, цветы на клумбах, уединенные скамейки, затерянные в кустах сирени и жимолости.

Морозов даже несколько удивился. Неужели психи тут на свободе? Наверное, не буйные. Или, небось, новые методы терапии, заимствованные из-за бугра.

Но стоило ему войти внутрь, как сомнения отпали сами собой. Обстановка была, почти как в колонии: двери на запоре, между рамами крепкие решетки. И двор для прогулок, находившийся с задней стороны, отвечал нужным требованиям. Из окон хорошо была видна высокая стена и одинокое старое дерево посреди голого плаца. Залезть на него было, конечно, можно, но даже самая длинная ветвь не достигала забора. Без веревки не обойдешься.

Такого рода мысли безотчетно пронеслись в мозгу капитана, запертого дежурной сестрой в кабинете главврача. Пока искали историю болезни и заведующего отделением, он не без любопытства воззрился на стеклянный шкафчик рядом с рабочим столом. Вместо привычных орудий медицины, всяких там шприцов, ножниц и скальпелей, на полках лежали какие-то завернутые в лоскуты куколки, самые обычные камни, осколки стекла и прочая дребедень. Лишь заточка, искусно сработанная

из алюминиевой ложки, не вызывала вопросов. В тюрьмах ухитрялись мастачить и не такое.

Наконец, замок щелкнул, и в комнату вошел чернявый молодой человек в белом халате и шапочке. По виду армянин, как не без оснований показалось Морозову.

— Каренов Владимир Ашотович, — представился он, с улыбкой поигрывая ключом, похожим на те Г-образные штуки, которыми пользуются проводники.

Морозов предъявил удостоверение.

— Интересная у вас экспозиция, — он осторожно постучал по стеклу, надеясь на неформальную беседу. Ведь стоит только сказать, что выпущенный из психиатрички пациент подозревается в убийстве, как этот улыбающийся шибздик сразу займет круговую оборону. — Камешки какие-то, куклы...

— Наш маленький музей! — охотно откликнулся Каренов. — Вон тем стеклышком, — показал он, — одна больная пыталась перерезать себе вены, а заточка... Сами понимаете. Хорошо, что санитар вовремя заметил.

— Серьезный у вас контингент.

— Это еще цветочки! Что же до кукол с камнями, то Фрезер, к примеру, дорого бы дал за такую коллекцию. «Золотую ветвь» не читали?

Морозов не знал, кто такой Фрезер, и никогда не держал в руках его знаменитую на весь свет книгу, целиком посвященную древним культам и первобытной магии. Поэтому ограничился неопределенным кивком.

— Шизофрения — странная, я бы даже сказал, удивительная болезнь, — с очевидным удовольствием объяснил врач. — У некоторых она проявляет себя в фетишизме.

— В фетишизме? — Морозову показалось, что он ослышался. Слово, благодаря своеобразному акценту, прозвучало, почти как «фашизм».

— Представьте себе! Все это фетиши, изготовленные или подобранные больными. Главным образом женщинами. Они, вы не поверите, молятся им, справляют своего рода ритуальные обряды. Интереснейшее поле деятельности для этнографа. Жаль, я не религиевед, а то бы такую диссертацию соорудил!

— Кто бы мог подумать, — искренне удивился Морозов. — Даже молятся? Камням?

— А что в том удивительного? Все народы прошли через эту стадию. Камень — один из самых древних фетишей. Возьмите хотя бы мусульман — они по сей день поклоняются черному камню Каабы.

— Значит, они мусульманки, эти ваши больные? — Морозов был достаточно далек от религиозных, а тем паче антропологических тонкостей.

— Причем тут мусульманки? — поморщился Каренов. — Самые обычные русские женщины, может, даже и христианки — не знаю. Я же совсем о другом, — он обидчиво облизал полные и яркие губы. — Все дело в том, что синдром шизофрении отнюдь не ограничивается расщеплением сознания. Понимаете?

Морозов на всякий случай снова кивнул.

— Очаги возбуждения зачастую возникают в подкорке, — продолжал вдохновенно разглагольствовать врач, — в древних областях мозга. Болезнь как бы обнажает далекую память, восходящую к первобытным предкам, а то и вовсе к обезьяне. Вот ведь какая штука! Человек как бы возвращается в первоначальное состояние. Он одинок, окружен непонятным враждебным миром, всюду чувствуется угроза, его одолевают страхи, видения... Где искать защиты? — врач неожиданно прервал пространную лекцию и смерил милиционера пристальным взглядом специалиста-душеведа. — Вам, наверное, все это не так интересно? Вы ведь по конкретному поводу пришли? — он раскрыл историю болезни. — Чем же вас заинтересовал наш подопечный? Он что-нибудь натворил?

— Он в розыске, — дипломатично ответил Морозов. — Ушел из дому, и никаких следов.

— Такое случается с шизофрениками.

— Разве его не вылечили?

— Он пробыл у нас с семнадцатого декабря до шестого июня, почти шесть месяцев. Выписан в состоянии стойкой ремиссии под наблюдение районного диспансера. На полное излечение, особенно в наших условиях, рассчитывать, сами понимаете, не приходится.

Насчет условий Морозов мысленно согласился. В местах предварительного заключения они были намного хуже. Три человека на квадратный метр.

— Но вы же знали, что он опасен для окружающих?

— Могу только вновь повторить: наблюдалась стойкая ремиссия. Мы действовали строго по нормам Минздрава.

— Нормы и есть нормы, — сочувственно вздохнул Морозов. — Как он вообще вам показался, Калистратов? Буйный?

— Что вы! Милейший человек. Я почти уверен, что печальный инцидент, который, собственно, и привел его в нашу обитель, был первым и, надеюсь, последним. — Каренов перелистал испещренные записями линованные страницы. — В метро он действительно напал на женщину, которую принял

за вампира, — он снисходительно рассмеялся. — Видите ли, ему показалось, что она на него смотрит... Конечно же, болезнь зрела давно. Подобные проявления не возникают на пустом месте. Приступу предшествует латентный период, иногда достаточно продолжительный... Вас интересуют подробности лечения?

— Да, пожалуйста, — Морозов опустил веки. Лекарства, которыми пичкали душевнобольных, его совершенно не волновали. Нужен был Калистратов, но тут психиатрия была бессильна помочь. Оставалась все же надежда уяснить характерные особенности поведения, привычки. Какой-никакой, а все-таки след. — Хотелось бы понять, что он собой представляет как личность? В чем еще проявлялась эта его шизофрения?

— Вы очень уместно затронули основное понятие. В этом и состоит основная трудность. Шизофрения как раз и проявляется в своеобразном изменении личности. Далее следует нарушение социальных контактов, расстройство мышления, эмоциональное обеднение и так далее. В диспансере, куда попал от вас Калистратов...

— От нас?! — Морозов даже привстал от неожиданности.

— Разве нет? — удивился Каренов. — В истории болезни записано, что в диспансер его доставили из милиции. Что-то не так?

— И да, и нет, — Морозов покрутил головой. — Я ведь из розыска, а в диспансер обращалось районное отделение. Через них-то я на вас и вышел. Такая, значит, петрушка.

— Теперь понятно! — рассмеялся Каренов. — Короче говоря, в диспансере ему поставили диагноз умеренно-прогредиентная шизофрения, периодическая, в общем, обычно около трех лет... По нашим наблюдениям, диагноз верен, хотя лично я глубоко убежден, что сколько людей, столько и болезней. Душа человека неповторима. Это целая, замкнутая в себе Вселенная. Шизофрения тоже у каждого протекает по-своему. Незаметно возникающие бредовые идеи могут выливаться, скажем, в виде ревности, боязни отравления или, как у вашего Латоеса, страха перед вампиризмом.

— Какого, простите, Латоеса?

— У наших тоже есть клички, — так и расплылся в улыбке Каренов. — Не только у ваших. Один, допустим, Наполеон, другой — президент Гондураса. Вот и Калистратов вообразил себя бароном Латоесом, который будто бы жил в пятнадцатом веке... Над этим почему-то принято смеяться хотя, уверяю вас, смешного тут мало. Ипохондрические проявления, принимая форму бреда, не ограничиваются так на-

зываемой манией величия. Наши «наполеоны» и «брежневы» — да, уверяю вас, есть и такие — несчастные люди, достойные всяческого сочувствия. Болезнь, повторяю, прогрессирует постепенно. Сначала это как бы и не болезнь вовсе. Вроде как характер испортился. Человек сперва становится замкнутым, излишне обидчивым, что, сами понимаете, сопряжено с конфликтными ситуациями на работе, в семье. Наблюдается сужение круга интересов, потеря способности к сопереживанию. В последующий период недуг протекает в форме галлюцинаторно-бредового состояния. Нарастает чувство тревоги появляется страх, всей силы которого люди в нормальном состоянии не могут себе и вообразить. И все это сопровождается речевым и двигательным возбуждением. Основной симптом можно коротко охарактеризовать так: преследуемый — преследователь. Одним не дают покоя мнимые враги, другим — инопланетяне, третьи уверены, что против них применяют психотронное оружие, каким-то образом облучают... В последнее время участились случаи бреда на эсхатологической почве: близость конца света, дьявол, антихрист и прочее.

— А Калистратову?

— Бедняге мерещилось, что за ним гонится какая-то графиня-вампиреса.

Каренов еще долго рассказывал о страданиях ущербной души, обреченной на адские муки при жизни. Слушать его было интересно, невзирая на незнакомые Морозову термины, вроде кататонии и синдрома психического автоматизма Кандинского-Клерамбо.

— Простите, доктор, — решился он вставить слово, — а Калистратов как себя вел?

— Я бы сказал, типично. Шизофреника выдает речевая разорванность. Правильно построенные в грамматическом отношении фразы состоят из слов, не связанных между собой по смыслу.

— Например?

— Извольте, — Каренов отыскал в истории болезни нужное место. — «Нет, ваша светлость, вы больше меня не увидите. Это упражнение «вальсальва», а на лягушке — кровь». Записано, когда Калистратов находился в особенно тяжелом состоянии. Его галлюцинации приобрели уже совершенно фантастический характер, и бред величия вышел на первый план, начал доминировать.

— И что это значит?

— Доминировать?

— Упражнение «вальсальва».

— Вы уловили самую суть! — похвалил Каренов. — Я не знаю, что это за упражнение и существует ли такое слово вообще — шизофреники живут в мире фантазий. Но проявление разорванности речи здесь налицо. Очевидно, что ни лягушка, ни эта «вальсальва» никакого отношения не имеют к графине, от которой никак не удается скрыться Латоесу. Кстати, тут записано, что в тот момент он уже не барон Латоес, а граф Йорга, сын самого Дракулы! Так он и прогрессирует, бред величия.

— И как же вам удалось с этим справиться?

— Пришлось опробовать разные методы — от инсулиновой терапии до электрошока, пока не вышли на оптимальный режим. Нейролептики, антидепрессанты... Галоперидол он переносил плохо, да и существенных сдвигов не наблюдалось. Аменазин — тоже. Лучше всего показали себя этаперазин и трифтазин. Последний давали в усиленных дозах, чередуя с пимозидом. В итоге, как видите, удалось снять наиболее острые проявления. Последний месяц перед выпиской больной вел себя исключительно спокойно, рассуждал вполне здраво, словом, его поведение было вполне адекватным.

— Вы уверены, что тот случай в метро больше не повторится? Или еще что-нибудь, более серьезное? Убийство, например.

— Полной уверенности в таких вещах быть не может. Никогда не знаешь, чем вызван очередной рецидив. Тут и сезонные факторы, и, представьте себе, луна, и масса самых зачастую вовсе не предсказуемых факторов. Но убийство... Не знаю, не думаю. Проявление агрессии у Калистратова не отмечено. Мы и поместили его на втором этаже только по этой причине.

— Он, что, привилегированный у вас, второй этаж?

— Вовсе нет, — засмеялся Каренов. — Какие уж тут привилегии. Просто, удобства ради, тяжелых больных разместили на первом. Там режим усиленный и персонала побольше. А на втором у нас контингент более предсказуемый.

— Не буйные, значит?

— Всякое случается, но в общем и целом — да.

— Вроде есть и третий этаж?

— Там выздоравливающие и не слишком закоренелые алкоголики. Есть и парочка наркоманов, из тех, что еще поддаются лечению.

— И как успехи? — заинтересовался Морозов.

— Работаем, — неопределенно пожав плечами, ответил врач. — Надеемся. Скажу честно, проблема архисерьезная. С появлением на рынке синтетических препаратов она оконча-

тельно вышла из-под контроля. Чего вы хотите, когда в одном грамме «Белого китайца» десять тысяч доз. Кошмар!

— Сектанты всякие случайно не попадали? — почти по наитию спросил Морозов.

— С этими труднее всего, — улыбчивый доктор заметно помрачнел. — Бывало, раньше пачками к нам направляли по линии органов. Кроме дискредитации профессии психиатра, ничего путного подобная практика не принесла... Нет, с сектантами мы давно не работаем.

— А если сектант одновременно является и наркоманом? Бывают такие случаи?

— Чего только в жизни не бывает! Все возможно.

— С такими не сталкивались?

— Нет, — односложно ответил Каренов и с озабоченным видом принялся перебирать бумажки.

— Я почему спрашиваю, доктор, — исподволь подготовив атаку, Морозов выбросил козырного туза. — Дело в том, что жену Калистратова нашли мертвой: убита ножом в сердце.

— Не может быть! — Каренов заметно побледнел.

— Вот, полюбуйтесь, — Морозов веером разложил по столу фотографии.

— Какой ужас!

— Обратите внимание, — склонившись над снимком, Морозов очертил ногтем место, отмеченное стрелкой, — у нее удалена печень.

— Господи! — простонал врач. — Неужели Калистратов — «Печенкин»?!

— Пока утверждать нет достаточных оснований, но дело, как видите, серьезное.

— Чем я могу помочь? — Каренов снял шапочку, обнажив загорелый кружок лысины, и отер вспотевший лоб.

— Сходный почерк зафиксирован в четырех случаях, — Морозов собрал фотографии в пакет, откуда извлек несколько новых. — Пока, — добавил многозначительно. — И по крайней мере в двух мы имеем дело с явными наркоманками, принадлежавшими к какой-то секте или же банде. Вам не встречалась похожая наколка?

Не отрывая взгляда от зеленых драконов, несущих на хребте пламенеющих дьяволиц, Каренов молча покачал головой.

— Значит, не встречалась, — разочарованно протянул Морозов.

— Первый раз вижу.

— Как вам кажется, кто он, этот «Печенкин»: сексуальный маньяк, шизофреник?

— Трудно сказать... Может, охотник за трансплантантом?!

— Думали уже, думали... Печень наркомана — не лучший подарок. Или все-таки могли всучить?

— Всучить-то могли, но при первом же биохимическом анализе обнаружится, что товар с гнильцой... Впрочем, это уже их дело. Я бы на вашем месте ничего не стал исключать: ни маньяка, ни пересадку органов.

— И Калистратова — «Печенкина»? Способен он на такое?

— Я уже ни за что не берусь поручиться, — обреченно махнул рукой Каренов. — Грань между нормой и патологией сейчас настолько размыта, что любой из нас может угодить на больничную койку. Когда у людей кольцо тревоги охвачено постоянным возбуждением, приходится думать уже не об отдельном пациенте, а обо всем обществе.

— Кольцо тревоги? Это вы метко сказали. Теперь, когда у России не стало надежных границ...

— Не о границах разговор, — Каренов тоскливо поморщился. — Есть такая зона в мозгу — «кольцо тревоги», но и вы, конечно, правы, насчет границ.:. Пылающее кольцо безумия.

— Историю болезни мы у вас на время позаимствуем, с возвратом, — сказал Морозов.

ВЕЛЛА КОЛОР КРИМ — ЦВЕТ ЛЮБВИ

Глава тринадцатая

ГНЕЗДЫШКО

— Твой диван — настоящая ловушка, — зевая, сказала Лора, взглянув на часы. — Давай подымайся, а то мы опять никуда не выберемся.

— Вот уж горе, так горе! — Саня рывком сдернул покрывавшую их простыню.

— Не смей!

— Почему?

— Ты знаешь, чем это кончается.

— Мне ли не знать?

— Бесстыжий! — она засмеялась.

— Сварить кофе? — он притянул ее к себе, жадно вдохнув головокружительный запах волос.

— Отстань! Я на черта похожа.

— Яйца всмятку, мадам? Ветчина?

— Я сама приготовлю, — она зябко поежилась, не сдвинувшись с места. — Мы спали при открытом балконе?

— И это спасло нам жизнь.

— Опять жара?

— Опять.

— Помнишь, какое пекло стояло в Пирее? — закинув руку за голову, она глянула на него краем глаза.

— Мне ли забыть! — При мысли о том, как он влез в ее каюту через иллюминатор, у Сани задрожал подбородок.

— Смеешься, мерзавец? Тебе легко смеяться над бедной женщиной. Ты будешь вставать?

— И куда мы пойдем?

— Давай сегодня пообедаем в ресторане.

— Давай, — не слишком охотно согласился он.

— Тебе не хочется?

— Не то, чтобы не хочется, но лучше, чем здесь вдвоем, нам не будет нигде.

— Я бы пробежалась по магазинам, потом могли бы сходить в кино... Сто лет не была!

— Какое теперь кино? Сплошная лабуда. Смотреть нечего. А целоваться намного приятнее на диване. Главное, удобнее, в случае чего.

— Какой же ты неисправимый циник!

— Я не циник.

— Кто же ты тогда?

— Рыцарь, готовый на все, только бы услужить даме сердца.

— И сколько у рыцаря дам?

— Дам может быть, сколько угодно, но дама сердца всегда одна.

— Ты думаешь, я забыла, как ты увивался вокруг Машки?

— Какой еще Машки?

— Забыл свою тощую манекенщицу?

— Она не моя и я не увивался.

— Ну, она увивалась. Какая разница, если ты все равно с ней спал?

— Я с ней не спал, — вдохновенно солгал Саня, следя за мельканием солнечных бликов на потолке. — Мое сердце безраздельно принадлежало другой, а ум был занят нелегкой задачей, как незаметно пробраться в башню замка... На заре туманной юности я написал что-то вроде баллады. Подражательно и вообще вздор, но, клянусь, в своем воображении я видел тебя. Еще тогда, Лора, много лет назад.

— Прочитай.

— Слова я давно позабыл, а листок, на котором было записано, затерялся.

— Хоть что-нибудь помнишь?

— Только самое начало, — припоминая, он закусил губу. — Кажется, так: «О мой темнокудрый любовник! Садись на коня вороного! Как ветер, мчись к старому замку, найди моих братьев любезных. Пусть кличут надежную стражу, вассалов и храбрых, и верных, и скачут лесною дорогой на помощь к своей королеве...» Дальше не знаю.

— И этой королевой была я?

— Я узнал тебя с первого взгляда.

— Какая изысканная ложь!.. Но все равно, мой родной, спасибо тебе.

— Ты плачешь? — взволнованно спросил Саня, целуя влажные сияющие глаза. — Что случилось, любимая?

— Ничего не случилось, — Лора глубоко вздохнула, сглатывая так некстати подступившую горечь. — Не обращай внимания, — она уткнулась в его плечо, сбросив на пол сбившуюся в ногах простыню.

— Какие волшебные линии, — свободной рукой он провел по плавным извивам спины, задержав ладонь на последнем подъеме. — Я просто дурею, с ума схожу.

— Обводы?

— Обводы, обводы, — горячо шепнул он, ощутив, как в отдалении зарождается, вскипая радужной пеной, новый накат.

— Как у чайного клиппера?

— Как у чайного! Как у виолончели!

— Не бросай меня, Сандро! — выскользнув из-под его руки, она перевернулась на спину. — Не бро-сай...

— Да ты что! — встрепенулся он, приподнявшись на локте. — Как только такое могло прийти в голову... И тебе не стыдно?

— Стыдно, Санечка. Старая баба, а влюбилась, как кошка, и ничего не могу с собой поделать.

— Это ты-то старая? — он засмеялся, и этот его не к месту громкий и продолжительный смех мог бы показаться принужденным, если бы не звучала в нем неподдельная радость, густо замешанная на жалости и смутной тоске. — Ты юная круглозадая Афродита, выброшенная случайной волной на пустынный берег.

— Оставь в покое мой зад, коварный соблазнитель!.. Ты жуткий льстец и, ко всему прочему, ловелас. Знаешь?

— Понятия не имею. Гнусная клевета.

— Знаешь, знаешь... Ты хитрый.

— Я хитрый? Никогда за собой не замечал.

— И любострастный.

— Что это значит?

— Сам знаешь, не разыгрывай простачка... Мне очень хорошо с тобой, Саня! И страшно.

— И мне, любимая, тоже страшно. Это подарок судьбы. А любострастный — плохо или хорошо?

— Наверное, хорошо, если только со мной.

— С тобой, только с тобой.

— До сих пор не могу понять, как тебе удалось залезть ко мне в постель? Бочком, бочком, словно лещ под сетью. Как ты ухитрился?

— Сам не знаю. Повезло.

— Думаешь, я так легко к себе допускаю?

— Ничего я не думаю. У меня сердце чуть из груди не выскочило.

— Почему, хотелось бы знать?

— Так боялся.

— И чего же ты боялся? — Лора приникла губами к его груди и, медленно сползая книзу, осыпала легкими, почти некасаемыми поцелуями. — Чего же это он так боялся, трусишка?

— Всего.

— Всего он боялся, всего...

— Что не получится от волнения.

— И теперь боишься?

— Теперь не боюсь, — почувствовав, как сжалась ее рука, он задохнулся от блаженной истомы и нежности. Острые ноготки причиняли легкую боль.

— Попался?

— Ага, еще с того раза.

— То-то же. Смотри у меня, — потянув его на себя, она откинулась с тихим стоном и, разметав волосы по подушке, опустила веки.

Любовный лепет, когда слова значат так мало, не вмещая и крохотной доли всего того, что так и рвется наружу, смешался в торопливых объятиях, обретших вскоре выверенный и осмысленный ритм.

— Говори... Говори, — понукала она, отстукивая зубками. — Со мной нужно говорить... Ненавижу молчание.

— Моя прекрасная, — шептал он, не слыша себя и проникаясь дрожью ее направляющих пальцев.

В постели Лора называла все своими именами, но звучало это как-то по-особенному, обновленно и чисто, словно впервые было названо на еще безгрешной Земле.

— Какой ты сильный, Сандро, — опустошенно выдохнула она, прижимаясь всем телом. — Ты это нарочно?

— Нарочно, что?

— Тебе нравится, как я визжу, змей.

— Ужасно. Я прямо балдею.

— Балдей, балдей... У тебя было много женщин?

— До тебя — ни одной.

— Милый лжец! Врет и не краснеет.

— Каков вопрос, таков ответ.

— Ну скажи, сколько? Десять, двадцать, может, все сто? Неужели сто, Саня? — она сама не понимала, зачем затевает этот дурацкий разговор, уместный разве что наутро после выпускного бала. — Признавайся мерзавец! — колотила кулачками в его волосатую грудь и не могла сдержаться.

— А у тебя? — он расслабленно потянулся. — У тебя сколько?

— Что?! — она взметнулась и нависла над ним, тесно сдвинув колени. — Ну и нахал! Разве можно спрашивать женщину о подобных вещах?

— Не хочешь — не отвечай.

— А ты?

— Что я?

— Хочешь?

— Не хочу, потому что люблю тебя, дура. Люблю!.. А все остальное не имеет значения.

— И я люблю тебя, мой сладенький. Очень люблю. Все глаза выплакала. Как ты меня чудесно назвал: «Дура»! Дура и есть.

— Нет причины горевать, любимая. Радоваться надо.

— Чему радоваться?.. У нас осталось только два дня.

— Два дня, две ночи и еще тысяча дней и ночей.

— Не знаю, Саня, не знаю... Все так сложно, запутано.

— Не вижу особых сложностей, — неожиданно для себя выпалил он. — Оставайся у меня!

— То есть как? — Она была явно ошеломлена. Ее левый, косящий в бурные мгновения глазик немедленно расширился и соскользнул с оси.

— Как ты прекрасна! — он бережно поцеловал это дивное ведьмино око. — Очень даже просто: оставайся, и все.

— Странное предложение, — ее опаленное скрытым пламенем лицо стало совершенно неузнаваемым. — Ты в своем уме?

— Решай сама, Лора. Лично я совершенно свободен.

— Но не я!

— Тебя пугает развод? По собственному опыту смею заверить: ничего страшного.

— Сам не знаешь, что говоришь.

— Боишься сменить дворец на хижину?

— Дурачок ты, Сандро, — она отвернулась, скрывая слезы. — Никакой дворец не стоит хорошей постели, поверь

мне... Плевать я хотела на любые хоромы, но и насчет своего дивана не обольщайся. Ты не самый лучший в мире любовник, хотя ни с кем мне не было так хорошо, как с тобой... Не обижайся, миленький.

— Что ты хочешь этим сказать? — он почувствовал себя уязвленным.

— Никаких задних мыслей. Позволь, я встану.

В круглом зеркальце у изголовья, которое Саня использовал для бритья, отражались ее руки и грудь. Застегнув лифчик спереди, она перевернула его и легким эластичным движением упрятала свои нежные бледно-розовые звездочки в ажурные чашки.

Вспомнилась ночь на верхней палубе под крупными звездами, провожавшими еще Одиссея.

«Знай, — сказала она, поднимаясь с колен, — я всегда готова сбросить платье».

Теперь она собиралась его надеть. Впервые за целых три дня. Это могло ничего не значить или, напротив, означало многое.

— Не понимаю, чем мог тебя обидеть.

— Я вовсе не обижена, Сандро, скорее смущена. Во всяком случае хорошо, что ты так сказал. Немного неожиданно, правда, но хорошо. Я благодарна.

— Благодарна? — он горько усмехнулся. — Не таких слов я от тебя ожидал, Лорхен, не таких.

— А каких, мой повелитель? Думал, стоит поманить меня пальцем, и я растекусь?

— Зачем ты так, Лора?

— Не грусти, — послюнив пальцы, она пригладила ему волосы на висках. — Не грусти, мой темнокудрый любовник. Будет и на нашей улице праздник.

— Когда?

— Посмотрим. Придется набраться терпения, иначе можно наделать непоправимых глупостей. Ты понял?

— Не совсем.

— Скоро поймешь. Не будем портить себе оставшихся минут. Люби меня, Саня, люби.

Оба чувствовали, что переступили какой-то рубеж, и почти инстинктивно избегали резких движений в еще неосвоенном пространстве, чреватом любыми неожиданностями, вплоть до разрыва.

Телефонная трель прозвучала сигналом тревоги. Чуждый сантиментов, чреватый любыми неожиданностями мир напомнил о себе грубо и властно. После вчерашнего разговора с редакцией Саня забыл отключить звонок. Как и положено, оплошность дала знать о себе в самый неподходящий момент.

— Возьми, — сказала она, умудренно сочувствуя его колебаниям. — Чему быть, того не миновать.

Подняв аппарат с пола, он снял надтреснутую, скрепленную розовой изоляционной лентой трубку.

— Добрый день, Александр Андреевич, — приветствовал его незнакомый голос.

— Добрый...

— Извините за беспокойство, но мне необходимо срочно переговорить с Ларисой Климентьевной.

— С-с Ларисой? — вздрогнув, словно от электрического разряда, Саня зажал микрофон. — Тебя! — затравленно передал он одними губами.

— Спроси, кто, — не изменившись в лице, но так же беззвучно велела она.

— А куда, собственно, вы звоните? — сумел совладать с собой Саня. — Кто говорит?

— Извините, если попал не туда. Мне нужен Александр Лазо. Моя фамилия Смирнов, Валентин Петрович Смирнов.

— Смирнов? — излишне громко переспросил Саня. — Валентин Петрович?.. Что-то не помню такого, — он выжидательно уставился на Ларису.

— Я подойду, — она потянулась за трубкой. — Теперь уже все равно... Охранник мужа, — шепнула в самое ухо. — Не волнуйся.

Легко сказать! Саня не находил себе места. Натянув джинсы, он спрыгнул с дивана, зачем-то схватил расческу, но тут же бросил и принялся искать кроссовки.

— Валентин Петрович? — на ее лице мелькнула озорная улыбка. — Как вы меня нашли?

— На том стоим, Лариса Климентьевна, вы уж меня простите.

— Ничего, ничего, — она переступила, выразительно округлив бедро. Тонкие пальчики требовательно скользнули вдоль расстегнутой молнии. — Что случилось?

Саня поспешно вздернул пластмассовый язычок. Пытаясь хотя бы приблизительно уловить содержание разговора, тесно прижался к ее плечу... Лора умела взять себя в руки — этого у нее не отнимешь, но вызывающее спокойствие лишь усиливало волнение. Отдалив трубку от уха, чтобы и он мог слышать, она успокоительно пробежалась ноготками по его волосам.

— Надо бы повидаться, так сказать, согласовать действия... Вы же понимаете — моей инициативы тут нет...

— Повидаться, так повидаться. Вы где сейчас?

— Стою возле дома, под аркой. Там, где булочная.

— Я сейчас выйду, — опуская трубку, она уже нащупывала другой рукой косметичку. — Придется идти... И как он меня поймал?

— Я пойду с тобой.

— Да ты, парень, рехнулся! — сердито нахмурив брови, она притопнула каблучком. — Сиди и не рыпайся. Я сама все улажу.

— Но ты вернешься?

— Смотря по обстоятельствам. Я же не знаю, что у него на уме! Так просто он бы не стал звонить... Не посмел.

— Он же все равно знает, что мы... вместе? — пробовал настаивать Саня.

— Это его проблемы.

— Не только.

— Со своими как-нибудь справимся сами, — она мимолетно приложилась губами к его виску, стерла бледный отпечаток помады. — Ни о чем не беспокойся, договорились? — побросала в сумку разные мелочи и, гордо расправив плечи, направилась к двери. — Не провожай.

— Я буду ждать!

Лора не обернулась.

Смирнов поджидал, прислонившись к капоту темно-синего джипа «Тайота», с радиотелефоном в руке. Установить местонахождение хозяйки и вычислить ее нового друга не составило большого труда. Дипломатично отвечая на расспросы шефа, он уже знал и адрес, и номер телефона но, пока можно было тянуть резину, ничего не предпринимал. Мешало чувство собственного достоинства и почти врожденная застенчивость, которую он испытывал всякий раз, когда приходилось общаться с красивыми женщинами. В довершение всего, Лариса Климентьевна ему нравилась.

— Так-так, Валентин! — улыбнулась она, подавая руку. — И чем я обязана такому вниманию?

— Иван Николаевич звонил из Гамбурга, интересовался, так что сами понимаете... Я человек подневольный.

— Это вы-то? Не смешите меня. И что угодно товарищу Кидину?

— Беспокоится, Лариса Климентьевна, где вы... Дома нет, на даче — тоже. Три раза звонил.

— Очень мило с его стороны, — она прижала подхваченную шальным ветром юбку. — Ну и дали бы ему телефон. Вы же знали, где я нахожусь!

— Я? — искренне изумился Смирнов, обезоруженный вызывающим блеском дерзких, широко расставленных глаз. — Откуда, Лариса Климентьевна?

— Разве не вы меня вызвали на свидание?

— Затем и вызвал, чтобы узнать, где вы... были.

— Так значит?

— Должен же я дать какой-то ответ.

— Согласовав со мной?.. Очень мило. Я, Валентин, гощу у подруги, на Николиной Горе... Знаете дачу с зеленой башенкой над самым обрывом?

— Понял, — он потупился, скрывая одобрительную усмешку. — Мне так и сказали, когда я туда позвонил.

— А что еще вам сказали?

— Если я правильно понял, вы отправились на конную прогулку?

— Вы правильно поняли, — поигрывая носком туфельки, она не переставала улыбаться, ласково и бесстыдно. — Надеюсь, и Кидин понял?

— За него я не в ответе, Лариса Климентьевна, но думаю, он звонил Селницким.

— Как жаль, что меня в тот момент не оказалось на месте. Не повезло Ивану Николаевичу!

— Я взял на себя смелость предположить, что вы... увлеклись общественной деятельностью: выставки там всякие, презентации, телевидение, пресса.

— Считайте, что попали в десятку. Все так и есть: пресса и телевидение, — она вызывающе вскинула голову. — В одном лице.

— Я знаю, — кивнул он, сохраняя видимость безразличия.

— Еще вопросы будут?

— Вопросов больше нет, Лариса Климентьевна, за исключением, как бы это поточнее сказать, маленького нюанса... Иван Николаевич прилетает завтра.

— Как завтра? — у нее перехватило дыхание. — Он же должен был возвратиться в пятницу? В девятнадцать сорок!

— Завтра. Рейсом «Люфтганзы» из Франкфурта.

— Понятно, — она сосредоточенно прищурилась, затем коротким дуновением откинула упавшую на бровь прядь. — Значит так: необходимо съездить на Николину Гору?.. Не подбросите, Валентин?

— Правильное решение, — одобрил он, услужливо распахнув дверцу.

— Минуточку! — Лариса предостерегающе подняла руку. — Придется прихватить барахло.

— Я снесу, Лариса Климентьевна?

— Не советую. Уж как-нибудь управлюсь сама. Ждите!

Глава четырнадцатая

«ВИРУС 666»

Пятая гастроль «капитана Печенкина» напрочь перечеркнула сложившиеся представления о поведении сексуальных маньяков. Помимо традиционного убийства, таинственный злодей ухитрился, ни больше ни меньше, грабануть сейф обменного пункта.

Дело происходило в самом центре Москвы, на улице Герцена, ныне Большая Никитская, в обеденный перерыв.

Подобное стечение обстоятельств позволило восстановить действия преступника буквально по минутам. В его распоряжении их было самое большее шестьдесят, ибо ровно в четырнадцать часов сотрудники отделения банка «Аэронавтика» — две кассирши и охранник — отправились в кафе «Флер д'Оранж» на Никитском бульваре, а в пятнадцать возвратились назад. Сексуальный маньяк таким образом проявил незаурядное хладнокровие и дерзость, характерные скорее для матерого рецидивиста.

Отделение занимало первый этаж недавно отреставрированного особняка второй половины прошлого века. Помимо обменного пункта, в том же помещении находились и билетные кассы одноименной компании воздушных сообщений. Схема трасс на витрине демонстрировала глобальный размах: красные стрелы простирались в Нью-Йорк и Лондон, Токио и Тель-Авив, а также в столицы стран ближнего зарубежья. Стюардесса в короткой юбчонке посылала воздушный поцелуй будущим пассажирам и вкладчикам. В соседнем окне красовалась бортпроводница в пуританской униформе Аэрофлота, который не нуждался в низкопробной рекламе. Как не крути, а дамские ножки в колготках все-таки примитив. А про трассы, пересекающие меридианы, и говорить не приходится: старо, как мир в проекции Меркатера. Свой обменный пункт тем не менее приютился и в Аэрофлоте.

Оставалось лишь гадать, почему кровавый жребий выпал на долю «Аэронавтики». В сущности «Печенкин», если смотреть с улицы, находился в положении Буриданова осла, поставленного между двумя охапками сена — двумя юбками, применительно к обстоятельствам: миди и мини. Едва ли такая мелочь обусловила выбор. Это было бы слишком даже для сексуального маньяка. Впрочем, как знать? Установить истинную мотивацию не представлялось возможным.

Логично было предположить, что основным побудительным моментом явились личные внешние данные убитой. Кассир

обменного пункта Тамара Васильева, довольно привлекательная женщина двадцати трех лет, на перерыв вместе со всеми не пошла, сославшись на то, что должна пересчитать наличность. Проводив сослуживцев, которым наказала принести жареную колбаску и стакан кока-колы, она заперла дверь и вернулась за стойку, расположенную под прямым углом к билетным кассам. Владимир Огальцов, охранник, слышал, как защелкнулся замок. Электрическую дубинку и табельное оружие — пистолет Макарова — он оставил в сейфе Васильевой. Кроме наличности в рублях и валюте, там лежала еще пара босоножек и сумочка. Личные вещи оказались на месте, а деньги и пистолет исчезли. Судя по ведомостям купли-продажи, пропало четырнадцать миллионов деревянных и двенадцать тысяч зелененьких. Взять их мог только убийца, если, конечно, свидетельские показания не расходились с действительностью. Девушки — Галина Власова и Татьяна Теплякова — слово в слово подтвердили рассказ охранника. Теплякова только добавила маленькую подробность: в сейфе хранились еще и бланки с банковским штампом. Они тоже улетучились.

Но что могут значить бланки и деньги, когда рядом лежит окровавленный труп? Все, потому что убивают и за копейки, и ничего, если убийство происходит поблизости от Кремля и почти что на глазах прессы. Телевидение в частности прикатило всего на десять минут позже следственной группы.

Работа сыщиков, таким образом, протекала в нервной обстановке, под прицелом камер, прильнувших чуть ли не к самому окну, облепленному изнутри датчиками. Дверь, кстати, тоже была из толстого пуленепробиваемого стекла.

Не в пример вчерашнему инциденту на Варшавке, где обменный пункт подорвали гранатой, тут обошлось без стрельбы и взрывов. Не то что пулевой выбоины, даже малейшей трещины — вообще никаких следов взлома обнаружить не удалось.

Маловероятно, чтобы кассирша по доброй воле впустила незнакомого человека, но тогда еще более непонятно, как он ухитрился проникнуть внутрь. В очевидном факте проникновения — так и было зафиксировано в протоколе — сомневаться не приходилось, как и в том, что героем дня и на сей раз был неуловимый «Печенкин».

Милицейский кордон, с двух сторон перекрывший прилегающий участок улицы, едва сдерживал напор возмущенных и просто любознательных граждан. Слух о том, что вновь — в пятый раз! — похищена печень, непостижимым образом облетел окрестные кварталы. Не иначе как информация рас-

пространилась телепатическим путем, подтвердив тем самым наихудшие, но вполне обоснованные предчувствия.

Случилось ли это сразу после того как врач-эксперт Левит обнаружил характерный разрез в подреберье, или же за долю секунды до того как его чуткие пальцы обследовали все еще кровоточившую рану, определить не удалось. Да и кто бы стал забивать себе голову такой чертовщиной? Куда разумнее было предположить, что весть принесла на хвосте сама милиция. В лице начальствующего состава, обосновавшегося в нескольких зданиях за углом.

В узком промежутке между билетными терминалами и окошком обменного пункта вскоре сгрудилось столько погон с большими звездами, что любая разумная деятельность не представлялась возможной. Тем более такая деликатная, как криминалистика. Перемежая ценные указания матом, неизвестно в чей адрес, полковники и генералы имитировали бурную деятельность.

Первым, в силу жизненного опыта и темперамента, не выдержал Левит. Ему нечего было терять, поскольку пенсия поступала исправно, а дети благополучно обосновались в Беер-Шеве, на обетованной земле.

Полублатная косноязычная ругань бледнеет перед залпом, которым способен блеснуть разве что боцман каботажного флота либо широко эрудированный интеллигент. Демарш эксперта, выдавшего не только отборный, но ко всему прочему еще и зарифмованный текст, поверг присутствующих в состояние мгновенного изумления, затем последовал дружный хохот. Обстановка несколько разрядилась и начался незаметный отток.

На улице, правда, была предпринята попытка отыграться на журналистах, но она встретила столь дружный отпор, что горе-инициаторам не осталось ничего иного, кроме позорного отступления.

В шестнадцать часов по каналу МТК прошла первая информация, сопровождаемая картинкой: гудящая улица, неясные тени за окнами, перебранка милиции с прессой и растопыренная ладонь, хамски наезжающая на объектив.

К пяти вечера следственную бригаду оставили в покое. Заместитель горпрокурора, не обладавший даже профессиональными навыками убедительного вранья, заверил прессу, что личность преступника установлена, и самое позднее через месяц он будет задержан.

Прокурора издевательски высмеяли, припомнив заодно старые грехи, и он, затаив злобу, отбыл к себе на Пятницкую.

До скромной замкнутой женщины, лежавшей на замызганном полу в луже крови, никому не было дела. Она жила

незаметно и одиноко и ничем не заслужила такую ужасную смерть.

— Чем задушена? — трассолог Петрова осторожно провела вдоль странгуляционной линии ухоженным ногтем, сияющим свежим фиолетовым лаком. — Похоже на проволоку или тонкий шнур.

— Проволока должна оставить следы металла, — сказал Левит, собирая в мешок окровавленную одежду.

— Стоит ли возиться? — Петрова выпрямилась, огладила юбку по бокам, протерла пальцы ваткой, смоченной одеколоном. — Провод, струна — какая в сущности разница? Ее не вернешь, — она бросила последний взгляд на убитую, — а преступник уже избавился от орудий. И вообще...

— Хотя бы ради науки, — Левит стянул резиновые перчатки. — У меня тоже все, — кивнул Морозову. — Пусть забирают... Да-с, коллега, не просто любопытства для, а ради науки.

Петрова пренебрежительно махнула рукой. Заметив у себя на туфле крохотное рубиновое пятнышко, задрала ногу на стойку и той же ватой провела по кремовой коже каблука.

— Дай сигаретку, Морозов, — она закурила и вышла наружу.

— Здравствуй племя, молодое, незнакомое, — проворчал, тряся бородкой, Левит. — Хоть бы чулки надела.

— Не придирайтесь, — снисходительно заметил Морозов. — Кому приятно?.. А она девка головастая, думающая.

— Почему Корнилов не приехал? Все-таки дело незаурядное.

— Он не любит начальства, а начальство не любит его. Зачем лишний раз мозолить глаза?

— Вас-то он хоть поддерживает?

— По мере сил.

На улице их атаковали журналистские пикеты.

— Представьтесь, — подступил к Морозову разбитной парень с микрофоном.

— Вежливые люди вначале называют себя, — попенял Левит.

— Роман Дынник — «Дважды два», «Происшествия», — тыча микрофоном, скороговоркой выпалил корреспондент. — Представьтесь, пожалуйста.

— Кандидат медицинских наук Левит, эксперт с двадцатилетним стажем, — прячась за спину врача, медоточивым тоном проворковал Морозов и куда-то слинял.

— Э-эх, — укоризненно вздохнул Левит. — Что вам угодно, молодой человек?

— Ваши комментарии.

— По поводу?

— Это пятое дело «Печенкина»?

— Не знаю точно, о ком вы говорите, но, насколько нам известно, пятое... Я имею в виду убийства с последующей резекцией печени.

— Хотя бы какие-то наметки имеются?

— Вопрос не ко мне.

— Все же ваше личное мнение?

— Кому это интересно, мое мнение?.. Но если вы спрашиваете, я попытаюсь ответить. Мне кажется, что во всех случаях действовал не один человек, а двое. Первый убивал, второй производил, причем имейте в виду, вполне профессионально, удаление печени.

— С какой целью?

— Об этом нам остается только догадываться.

— Операцию делали на трупе или еще на живом человеке?.. Если это можно назвать операцией.

— Вот именно!.. Нет, на трупе, через несколько часов после убийства. За исключением сегодняшнего казуса, когда все произошло практически одномоментно. Определять с точностью до минуты мы пока не научились.

— Момент смерти определять?

— Что же еще?

— Но если преступников было двое, то о каком сексуальном маньяке можно тогда говорить?

— Я и не говорил.

— Пусть не вы, господин Левит, но кругом только и слышно: «капитан Печенкин», «сексуальный маньяк», «охотник за красивыми девушками»... А эта кассирша тоже хорошенькая?

— Смотря на чей вкус.

— Их проверяют на предмет изнасилования?

— В обязательном порядке. И на предмет беременности — тоже.

— И каковы результаты?

— Отрицательные.

— И у нынешней? — Дынник кивнул на дверь, за которой укрылся Морозов.

Левит непроизвольно оглянулся. Пуская дымные кольца, капитан с садистским злорадством следил за беседой, хотя едва ли мог что-либо услышать сквозь толстое стекло. Петрова уже сидела в машине. Брошенный на съедение акулам пера, он был одинок и беззащитен.

— Вы не ответили на мой вопрос, — продолжал настаивать прилипучий, как репей, телевизионщик. — Тайна следствия?

— Никакой тайны, — доктор устало покачал головой. — Обследование еще не производилось и вряд ли это удастся сделать сегодня. На месте такие вещи вообще не делаются.

— Но следы сексуального насилия видны невооруженным глазом.

— Это вы так думаете, молодой человек, — Левит вновь оглянулся, ища пути к отступлению. (Лгать он не привык, а сказать, что у Светланы Кругловой найдены сперматозоиды от пяти разных мужчин, не поворачивался язык. Притом это действительно составляло тайну. Замороженные образцы были сданы на хранение до лучших времен. Всегда остается надежда найти виновников. Хотя бы одного, для начала.) — Вы удовлетворены?

— Большое спасибо, — Дынник сделал шаг в сторону, давая оператору заснять крупные планы. Этим немедленно воспользовалась юная дама с прилизанными волосами и золоченым бритвенным лезвием, болтавшимся на шее вместе с крестом. — Каков, по-вашему, психологический портрет маньяка?

— Опять двадцать пять! Я же не следователь...

— А кто? — стремясь любой ценой влезть в камеру, она ухитрилась пропустить все мимо ушей.

— Господин Левит — медицинский эксперт, — авторитетно пояснил Дынник, овладевая инициативой. — Имеет дело с медицинскими фактами... Последний вопрос: кому это надо?

— Не мне и, надеюсь, не вам. Не знаю, — Левит рассерженно замахал руками. От «господина» его коробило, оставаться, как прежде, «товарищем» он не желал, мечтая только о том, чтобы его поскорее оставили в покое. — Все! Больше никаких комментариев.

— Ритуальные убийства? — наседали с разных сторон.

— Вам известны похожие ритуалы? Мне — нет!

— Тогда людоедство?

— Может, и так, — Левит уже пятился к машине, где, высунув ноги из распахнутой дверцы, трассолог Петрова невозмутимо ловила последние минуты загара.

— Значит, вы подтверждаете?

— Ничего я не подтверждаю! Вы так сказали, не я.

— «АУМ сенрикё»! — послышался возглас. — Самурайский обычай.

— Все-то вы знаете.

— Маньяк или секта — третьего не дано! — Дынник в два прыжка настиг беглеца. Кабель угрожающе натянулся, заставив оператора вцепиться в камеру, которая чуть было не слетела с плеча. — Вы подтверждаете? Секта?

— Секта, секта, — затравленно бормотал Левит, залезая в кабину.

Лучше бы он так не говорил, потому что именно последние слова и прозвучали в вечернем выпуске. Остальное, за исключением оригинального предположения о том, что преступники действовали напару, подверглось сокращению при монтаже.

Прильнув к заднему окошку, доктор облегченно перевел дух. Журналистская братия, сделав последние снимки, начала понемногу рассредотачиваться. Вскоре улица обрела прежний вид. Занятые собственными заботами горожане незаинтересованно сновали мимо лоснящегося свежей розовой краской особнячка, мелькая отражениями в витрине, за которой произошла трагедия, увеличившая еще на одну единицу ежедневную норму убийств.

Никто и подумать не мог, что на данном отрезке площади, вопреки законам статистики, назревает новая насильственная смерть, не менее странная и загадочная.

Не успел Левит успокоиться и принять более удобное положение, как дверь «Аэронавтики», на которой была предусмотрительно вывешена табличка «Закрыто», дрогнув отсветом, приоткрылась и показалась налитая кровью физиономия капитана Морозова. Отчаянно гримасничая, он призывно махал рукой, производя впечатление гуляки, выскочившего из бара зазвать приятеля.

Пьянкой, совершенно неуместной и даже кощунственной, в офисе, разумеется, и не пахло. Левит и Петрова, которая тоже смекнула, что случилось неладное, застали поредевший персонал в совершенно шоковом состоянии.

Накачанный, баскетбольного роста охранник, скорчившись в три погибели, сидел на полу, с которого еще не успели смыть кровь, хрупкая Галочка Власова беззвучно рыдала, уткнувшись в стену, а Таня Теплякова и вовсе была без сознания.

Левит нашел ее полулежащей в кресле перед освещенным экраном компьютера. Глаза в сетке лопнувших капилляров выпучены, на свет не реагируют, дыхания нет, пульс не прощупывается. Пока Морозов дозванивался в скорую, Петрова сбегала за аптечкой. Искусственное дыхание — «рот в рот» — результатов не принесло. Из наличных средств не нашлось ничего более подходящего, чем камфара и атропин. С хрустом взломав ампулы, Левит наполнил десятимиллилитровый шприц и, поставив самую длинную иглу, вколол прямо в сердце. В его обязанность входило резать, а не воскрешать мертвых. Ничего, кроме лишних осложнений, такая самодеятельность не сулила. Тем не менее самоотверженные усилия были вознаграждены. После энергичного нажима на грудную клетку, чуткие пальцы врача уловили слабое, прерывистое биение в горле. Возвращенная жизнь качалась на паутинке. Взмокший и обессиленный Ле-

вит опустился на сидение у стойки обменного пункта. Кто-то услужливо налил ему стакан пузырящейся «Херши», шибанувшей духом черной смородины.

Пока он цедил умеренно сладкую воду, Морозов коротко изложил подробности происшествия.

— Когда мы ушли, она, Теплякова то есть, заметила, что работают оба компьютера. Я, понимаешь, как-то не обратил внимания. Откуда мне было знать, что перед обедом они их выключили?

— Кто? — не сразу врубился Левит. — Кто выключил?

— Они и выключили, Таня и Галя... Верно я говорю, Власова?

— Выключили, — заикаясь и всхлипывая, подтвердила Галя. — Мы всегда так делаем.

— Вот и я говорю: выключили, а экраны, оказалось, горят.

— И она решила проверить? — уже догадываясь о дальнейшем, спросил Левит. — Теплякова?

— Точно так. На моих глазах. Где-то чего-то нажала, а потом, как закричит! Я и обернуться не успел, как она отключилась.

— Что вы делали в тот момент?

— Я? Да ничего, доктор. Наверное, пил эту самую «Херши».

— Видели что-нибудь примечательное?

— Ничего.

— И не слышали?

— Музыку какую-то. Вроде тяжелого металла. Знаете?.. Только неприятная, как железом по стеклу, и ритм неровный, по нарастающей... Похоже на большой барабан и еще, когда колотят по рельсу... Примерно в таком духе.

— А вы? — Левит повернулся к Галине Власовой. — С вами все в порядке?

— Кажется... Я тоже ничего такого не заметила. Отключила свой, отперла ящик... Не помню только, зачем. Музыку, о которой они сказали, слыхала. Как из фильма «Коннан Завоеватель». Колдовская такая, ухающая, как учащенное дыхание.

— Разное у вас, друзья, восприятие, — врач задумчиво пощипал бородку. — Дискеты вынули?

— Боюсь! — поежилась Галя.

— Дискеты! — хлопнул себя по лбу Морозов. Отключив все еще работающий терминал Тепляковой, он вынул дискету, критически оглядел ее с обеих сторон и потянулся за другой. — Ваши? — спросил, продемонстрировав Гале.

— Не знаю, — неуверенно протянула она. — Их и не разберешь: одинаковые.

— Мне-то как быть? — хмуро потупясь, спросил оклемавшийся охранник. Его слегка пошатывало. — Мало ли, что могут сделать с пистолетом, а я отвечай...

— Вам что, Огальцов, плохо? — Морозов внимательно посмотрел на него.

— Ничо, отпустило.

— Что с ним случилось? — спросил Левит.

— Расскажите, Огальцов, — кивнул Морозов.

— Ничо не помню. Голова только болит... Я как раз за Таней стоял, когда у ней в телевизоре эта чертовня побежала.

— Какая еще чертовня? — повысив голос, взволновался врач.

— Я ж говорю, что не помню! Перед глазами мелькает, а что — не поймешь. Хреновина какая-то... Как же будет с ПМ, начальник?

— Показания ваши я записал, — Морозов пожал плечами, — а как дальше, посмотрим. Может, где и прорежется ваш «макаров».

— За него я уж не в ответе.

— Больно рано беспокоиться начал. С чего бы?.. Ладно, не генерируй, разберемся... А дискеты я у вас забираю. Подойди, Галочка, распишись.

Прибыла скорая помощь. На Теплякову надели кислородную маску, ввели капельницу в вену, пристегнули ремнями к носилкам.

— Как вы ее нашли? — спросил Левит молодого врача.

— По-моему, дело швах. Кончается.

— Мне тоже так кажется.

— Хватит с нас на сегодня, — впервые за все время раскрыла рот трассолог Петрова. — Поехали, пока еще что-нибудь не стряслось.

Едва машина отъехала от дома, в стеклянную дверь с табличкой «Закрыто» проскользнул корреспондент газеты «Совершенно секретно», обретавшийся в двух шагах за ближайшим углом. Эффект присутствия он надеялся использовать для придания большей убедительности задуманному очерку. Наберется материал — превосходно, нет — тоже не беда. Главное завернуть покруче.

«Печень для Саддама Хусейна». Или лучше «Авиабилет на тот свет»?

МУЖЧИНЫ ПРОСТО НЕ МОГУТ НЕ РЕАГИРОВАТЬ
НА АРОМАТ «ИМПУЛЬСА»

Глава пятнадцатая

НЕКРОНАВТ

Как сказал поэт, «ищут прохожие, ищет милиция, ищут его и не могут найти»...

Где же он, Калистратов, которому показалось, что жена не отражается в зеркале? Или все это только приснилось ему: сумрачная глубина зеркала и нож, который он всадил по самую рукоятку, встав среди ночи по малой нужде?

Впервые он заподозрил супругу в вампиризме, вернувшись домой после полугодового пребывания на Потешной, куда попал с диагнозом шизофрения прямо из районного диспансера.

Лечение лошадиными дозами трифтизина и сеансы электрошока, от которых вскипал и разлетался на отдельные атомы мозг, казалось, принесли свои плоды. Претерпев нечеловеческие муки, Калистратов присмирел — навязчивые галлюцинации оставили его истерзанную душу, — и был благополучно выписан. Обвинять в заговоре против него врачей и вообще злом умысле нет никаких оснований. Обыкновенные запомороченные врачи, прозябающие на смехотворную зарплату. Если кто из них и помогал пациентам-наркоманам ампулой-другой морфина, то все мы люди-человеки, всем приходится крутиться. Отбросим подозрения: ни о какой карательной медицине не могло быть и речи. Во-первых, времена, какие ни есть, но другие. Впрочем, и в прежние годы Славу Калистратова, милейшего молодого человека двадцати семи лет, инженера-электронщика, причислить к диссидентам, нуждающимся в специальном лечении, мог разве что пациент той же психушки.

Вся беда в том, что в «почтовом ящике», куда Слава сумел устроиться, потеряв работу в научно-исследовательском и проектном институте азотной промышленности, ему помогли вспомнить, кем он, Вячеслав Семенович Калистратов, был в прошлой жизни. Оказалось, не кем иным, как Латоесом, стременным валашского воеводы Влада Тепеша, мужчины большой строгости, любимым развлечением которого было сажать живого человека задом на кол.

Будучи стременным, в некоторой степени лицом подневольным, Слава то есть, конечно, не Слава, а Латоес, тоже оказался причастен к кровавым злодеяниям, смутные воспоминания о которых не оставляли его бедную душу и в последующих воплощениях. Самое страшное заключалось, однако, не в этом. Влад Тепеш оказался на поверку не просто палачом-людоедом, но подлинным принцем тьмы, исчадием преисподней. Не только он сам, но и жена его Франциска,

и прежние жены и слуги, включая кучера Лаци, — все, как один, были кровососами в самом прямом смысле. Славе-Латоесу лишь чудом удалось спастись от кошмарной заразы, излечиться от коей можно было разве что в адском котле. Графиня Франциска, бесстыдно домогаясь совокупления, уже пристроилась к горлу парализованного страхом и немочью молодого Латоеса, но донесшийся из подземелья истошный вопль узника, с которого сдирали кожу, заставил ее промедлить, а тут уж и верхушки елей за окнами замка позолотило готовое к восходу солнышко.

Фрайхер[1] Латоес бежал и все последующие жизни только и делал, что спасался от вампирес и суккубов. Последние, если и не пили кровь в прямом смысле, то, проникая в женском обличье в постель, высасывали мужскую сперму, а с ней и жизненную энергию. Среди них были и такие, кому и спермы не требовалось. Они, можно сказать, пожирали чужую ауру, биополе. Тем и питались, поддерживая свое призрачное существование, а ничего не подозревавшая жертва хирела день ото дня. И таких вампиров-экстрасенсов было пруд пруди. В кинотеатре, гастрономе, метро — где угодно. Человек приходит с работы усталым, не хочет есть, не может ублаготворить супругу, а все почему? Да потому, что какая-то ламия одним только взглядом отсосала у него стакан крови, в пересчете на энергию. Такое может случиться с каждым. Неприятно, но не смертельно. Калорийное питание и здоровый отдых помогут восстановить силы. Гораздо хуже приходится бедолаге, которого угораздило сочетаться законным браком с упырем. Песенка, почитай, спета.

Просветление насчет незримых сил, окружающих нас в обыденной жизни, снизошло на Калистратова после доверительных бесед с сослуживцами, а потом и начальством «почтового ящика». Не в пример огромному НИПИ «Азот» на улице Чкалова, новое учреждение оказалось более чем скромным, но ящик с номером на Московском почтамте у него действительно был. Считалось, что институт отделился от ВПК, продолжая работать по секретной тематике. Размещался он в подвале большого дома на Малой Бронной, арендованном у властей муниципального округа, и имел юридический статус малого предприятия. Его еще называли «инновационным» и «венчурным», но Слава толком не понимал, что это значит. Платили — и ладно, а зарплата была даже очень приличной, притом в условных рублях. Следовательно, росла вместе с курсом доллара. Потом доллар невесть с какой радости стал

[1] Барон *(нем.)*.

вдруг падать, и администрация начала выдавать матпомощь. Словом, жаловаться не приходилось.

Когда Калистратову предложили принять участие в важном эксперименте, пообещав вознаграждение в пятьсот долларов, он согласился без колебаний. Ему и самому было интересно узнать, кем он был до того как появился на свет в родильном доме № 16 Перовского района. Начальство в двух словах объяснило, в чем заключается лично его, инженера по электронной технике Калистратова, участие, и он как-то засомневался. Драгоценное знание, последнее, так сказать, просветление обрисовалось уже не в столь радужном свете. Предстояло пройти через так называемое пограничное состояние, а говоря попросту, через кому, клиническую смерть. Заверения насчет полной управляемости процесса и гарантированного возврата звучали не совсем убедительно.

«Все под контролем, — втолковывал завлаб Голобабенко, — никаких побочных эффектов».

Преодолеть сомнения помог наглядный пример. Под секретом Голобабенко указал на Петю Миримского, полного идиота, как считал Калистратов, совершенно незаслуженно повышенного в должности. Оказалось, заслуженно. Миримский потому и стал завсектором, что прошел курс подготовки. Сразу после «посвящения», которое приобщило его к славному отряду некронавтов, как остроумно пошутил жизнерадостный Голобабенко.

Что ж, некронавт звучало ничуть не хуже, чем космонавт. И подготовка для выхода в пространство души потребовалась соответствующая.

Славу доставили на какую-то загородную турбазу. Куда именно, он не знал — везли ночью в автобусе, в котором, кроме него, находилось еще восемь ребят, в основном молодых. Дело было ранней весной, а турбаза не отапливалась, и все оставшиеся до рассвета часы он простучал зубами. Будущих некронавтов разместили в щитовых домиках, по четыре человека в комнатенке с двухъярусными нарами, разделенными узким проходом. Даже откидного, как в железнодорожном купе, столика, и то не было. Об умывальнике и говорить не приходится. Умывались во дворе из железной бочки.

День начинался в шесть часов с троекратного удара по рельсу. Так называемый завтрак состоял из кружки горячего отвара и сухаря. В полдень давали миску гороховой похлебки, немного жиденькой перловки и тот же отвар, попахивавший аптекой. Хуже, чем в концлагере, о котором Калистратов знал, конечно же, понаслышке. С жалким существованием, от которого можно было протянуть ноги еще до эксперимента, несколько примиряла мысль о двух сотнях долларов поверх зарплаты.

Режим на турбазе установили жесточайший. Ни развлечений, ни свободного времени. Самый обычный разговор мог дать повод для наказания. «Послушники», как надлежало отныне именоваться обитателям неведомого миру «звездного городка», обязаны были во всем исповедоваться «духовнику» — мрачному и, как Кощей, худому верзиле. Малейшее проявление недовольства каралось лишением горячей пищи, в сравнении с которой тюремная баланда могла показаться роскошеством.

Славе с «духовником» повезло. Его опекун оказался тихим немногословным человеком заурядной наружности и мягких манер. С неподдельным участием выслушав жалобы на холод и скудное довольствие, он объяснил, что все это делается для пользы «послушников». Привел в пример прославленных иноков и пустынников — подвижников веры, коим при жизни открылись небесные врата. А ведь их подвиг потребовал долгих лет, тогда как Славе Калистратову предстоит потерпеть какой-нибудь месяц, в крайнем случае — два. Кому оно нужно, мясо? Животные белки затемняют сверхчувственный разум, а крупы, бобовые и рис, напротив, способствуют просветлению. Приятным, до самого сердца проникающим голосом «духовник» повествовал о чудесах, творимых архатами-саниасинами. Незнакомые слова звучали завораживающей музыкой. Слава узнал о дивных видениях святого Антония и Франциска из Ассиз, о которых имел весьма смутное представление.

Перемежая притчи и поучения почти приятельским трепом на бытовые темы, опекун интересовался малейшими подробностями Славиной жизни. Расспрашивал про родственников, друзей, знакомых: где кто живет, чем интересуется. Просил, ради тренировки памяти, перечислить адреса и фамилии. От его внимания не ускользнули и некие сугубо интимные детали, связанные с половой жизнью. И понятно, почему. В программе подготовки воздержание стояло во главе угла.

«Потом вы сможете вернуться к обычной жизни, — заверил «духовник». — Потенция не только не пострадает, но даже возрастет. Ваша сексуальная притягательность раскроется в полной мере. Переживания станут ярче, насыщеннее... Вы когда-нибудь слышали про пролонгированный оргазм?»

О таком Слава и не мечтал. Тем с большей охотой поведал он душевному человеку про свое житье-бытье: жену Клавдию и ее родичей, а заодно про квартиру, сколько в ней метража и на кого записана.

Ежевечерние исповеди помогали легче переносить физические трудности. За вынужденной аскезой маячили счастливые блага просветления. «Духовник», ознакомившись с гороскопом, сказал, что в прошлой жизни Слава занимал высокопоставлен-

ное положение. Этот опыт наверняка позволит ему и в нынешнем теле добиться большего. Хотя бы ради карьеры стоило претерпеть временные неудобства. Симеон Столпник какие муки перенес, и ничего...

На утреннюю оправку и завтрак отводилось тридцать минут. Потом «послушники» мыли миски, ложки и зачем-то драили сколоченные из грубых досок столы, словно от сухарей, розданных «хлебодаром», могли остаться крошки. Затем начинались занятия, называвшиеся «инициациями» и продолжавшиеся до глубокой ночи.

Упражнения, что-то вроде индийской йоги, преподавал «магистр», кореец, а может, казах, Чен Ербалдыев. Щуплый на вид, но на поверку мускулистый и гибкий, он казался подростком, хотя ему давно перевалило за сорок. Показав упражнение, он садился на мерзлую землю, где сквозь перезимовавшую траву уже пробились желтые брызги мать-и-мачехи, и принимался отбивать такт, колотя бамбуковой палкой по какому-то заморскому ореху, до смешного похожему на женские части, скрытые обычно под трусиками. Ежели кто почему-то делал не так, Чен, больно выворачивая суставы, наглядно показывал, в чем ошибка. Повторный огрех наказывался ударом по пяткам. В дело шла та же самая палка, что отсчитывала ритм.

«Следить за пульсом, — вколачивал он премудрость. — Три удара — вдох, четыре — задержка, три — выдох».

После йоги начинался «час великой пустоты» — медитация. Слава видел такое по московскому телевидению: показывали похожего на обезьяну японца в лиловой хламиде.

Медитацию вела колченогая баба, тоже «магистр», Марья Николаевна. Похожая на монашку, она соответственно и одевалась: темная косынка, туго завязанная под самым подбородком, затрапезный халат, черные шаровары.

На медитации нельзя было ни на что отвлекаться. Только сидеть, скрестив по-турецки ноги, и неотрывно смотреть на блестящий шарик в руках этой стервы. Не шевелиться, не моргать и даже не думать. Только вспоминать прошлые жизни.

Сперва Слава тайно гордился тем, что один только он был раньше крупной шишкой. Генералом? Министром? Может, банкиром? Однако из осторожных расспросов удалось узнать, что и его сотоварищам довелось сыграть видную роль на подмостках исторической сцены. Один совершенно точно помнил, что был князем Куракиным — сплошь в бриллиантах, другой — царем из династии Гупта в древней Индии, а Мишка Державин — и вовсе слоном. Такая инкарнация показалась более чем странной, и Калистратов решил, что Мишка дурит или немного того.

Самую скромную биографию — до момента зачатия — избрал Павел Данилович, верхний сосед по нарам. Бывший преподаватель на кафедре эстетики Института культуры, он был самым старшим в группе по возрасту и считался большим интеллектуалом. Он предполагал, что в нем воплотилась душа графа Олсуфьева, подвизавшегося при дворе Екатерины Великой. Иначе трудно было объяснить, какими судьбами ему удалось сохранить в памяти множество любопытных эпизодов, ускользнувших от внимания историков. Так, в частности, Павел Данилович поделился впечатлениями о своих встречах с графом Калиостро и его женой Лоренцей Феличиани в бытность их в Петербурге. Слава знал о великом магнетизере по телевизионному фильму и потому принял рассказ напарника за чистую монету. Мужчина серьезный, начитанный — зачем ему врать?

Короче говоря, все что-нибудь да помнили, лишь Калистратов не мог извлечь из тумана «великой пустоты» ни единой тени. Марья дважды жаловалась на него главному начальнику — «гуру», как его подобострастно и с придыханием называли. За все время пребывания на «объекте», а попросту на турбазе, ему так и не довелось лицезреть таинственного громовержца, хотя реакция на Марьины доносы была безжалостной и молниеносной: двое суток без горячего. Калистратов чуть было концы не отдал. Тогда-то и начались у него видения голодного порядка, как он здраво рассудил. Столь же трезвым было и выстраданное им решение не выпендриваться и быть, как все. Одним словом, придумать себе подходящую биографию.

«Духовник», к которому Слава обратился за советом, наотрез отказался дать хотя бы намек.

«Истину можно открыть только внутри собственного Я, — попенял он с ученым видом. — Ищите и обрящете».

На ближайшем сеансе медитации Калистратов окончательно понял, что такая работа не для него. Ну не умел он сосредоточиться на невообразимом «внутреннем Я»! Ну не понимал, как можно ни о чем не думать, когда всякие посторонние мысли сами лезут в голову! Елки за забором видел, колючую проволоку, облака, небо, а пустоту — нет. Не было ее, пустоты этой клятой, ни вокруг, ни внутри. В животе урчало, разудалый какой-то мотив опять же привязался некстати.

Никак, Володя Высоцкий?

«Час зачатья я помню неточно...»

Слава тоже не помнил деталей ключевого в его жизни момента, но делал вид, что созерцает предшествовавшие события. Спасибо Чену, что научил сидеть, как статуя, не моргая, а то бы Марья мигом сообразила, что процесс не идет.

«Процесс пошел», «ситуация под контролем» — привычные в обыденной жизни и абсолютно лишенные конкретного содержания фразы были в ходу и тут, на запредельном «объекте». Это кое-как примирило бедного Славу с совершенно новым для него лексиконом: «астрал», «атма», «шестая Чакра» и прочая чушь. Уподобясь попугаю, он научился жонглировать ими с необыкновенной легкостью.

Сдвиг в нужном направлении нежданно-негаданно произошел на «литургии» — послеобеденном действе, которое зачастую затягивалось до самого вечера.

На огороженном низеньким палисадничком плацу с квадратной песочницей в центре, где прежде проводились торжественные линейки и туристские вечера с печеной картошкой и песнями под гитару, разжигали большой костер. Верховодил «наставник», бритоголовый толстяк с пупырчатым нашлепом красной волчанки во всю щеку. По его знаку «послушники», взявшись за руки, начинали бесконечный хоровод то в одну, то в другую сторону, выкликая всегда одни и те же звуки, начисто лишенные смысла: «ом — нами — шуньята!»[1] Это называлось «великой мантрой», но никто не мог или не пожелал объяснить Славе, что оно означает. Круговращение сопровождалось пением под фонограмму. Музыка была какая-то диковинная, не наша, а уж слова — тем паче, чистейшая тарабарщина.

Когда подвешенный к столбу репродуктор неожиданно умолкал, и устанавливалась непривычная тишина, всем надлежало замереть, сложив ладони перед грудью, а затем громко три раза хлопнуть, вроде как прибить комара или моль. И снова пошло-поехало: хоровод вокруг песочницы, как в детском саду, и эта самая «шуньята». Слава есенинский стих вспоминал, про маму в старом шушуне. Шушун представлялся ему весьма неопределенно — жакетик? шаль? — а уж шуньята...

Тут-то его и осенило. Вспомнил, как они с Клавкой смотрели фильм про Дракулу. Нисколько не страшно, даже местами смешно. У Дракулы этого, Князя Тьмы, был кучер, чем-то похожий на Славу.

«Вылитый ты, — еще издевалась Клавка, — прямо копия». Она сидела в распахнутом халате, жрала «Топик», батончик такой с орехами, и вязкие шоколадные слюни стекали на новый бюстгальтер, прямо туда, в промежуток. Вообразив, как покажет ей, вернувшись домой, пролонгированный оргазм, он поспешил отогнать греховные умыслы и вернуть промелькнувшее было видение.

---

[1] Калистратов ошибался. В переводе с санскрита это означает: «Ом, поклоняюсь пустоте».

Так и есть, это он, нахлестывая перепуганных лошадей, мчится через лес по кривой разбитой дороге. Лунный свет едва пробивается сквозь густую хвою вековых елей, сзади грохочет, подскакивая на колдобинах, экипаж, ветки хлещут по дребезжащим дверцам, и вот-вот сломается колесо. О том, что случится дальше, и подумать страшно, но он помнит, он знает, он уже видел однажды, как из опрокинутой на бок кареты вываливаются гробы.

На «исповеди» Калистратов поделился своими наблюдениями, высказав робкое предположение, что в прошлой жизни вполне мог быть кучером у графа Дракулы.

«Духовник» отнесся к его идее с кислой улыбкой.

— Вы читали роман Стокера? — спросил он после некоторой заминки.

Никакого Стокера Калистратов не читал. Раньше он интересовался только научной фантастикой, но, поступив на новую работу, вообще не брал книгу в руки.

— Значит, вы видели фильм, — заключил опекун. — Какой именно? «Дракула Князь Тьмы»? «Сын Дракулы»? «Невеста Дракулы»?

Точного ответа Калистратов дать не смог, но подтвердил, что кино про вампиров смотрел, и не один раз, по телевизору.

— И вы узнали себя в этом кучере?

Калистратов подтвердил. Его уверенность, казалось, произвела благоприятное впечатление. Тем не менее «духовник» счел своим долгом прояснить ситуацию:

— Видите ли, любезный, — он снизошел до того, что погладил Славу по голове, — есть большая разница между киногероем и реальным, скажем так, персонажем. Дракулы, которого вы видели на экране, никогда не существовало, а следовательно, и кучера. Между тем Владек, граф фон Дракула, действительно жил в Трансильвании и, будучи владетельным сеньором, имел вассалов, приближенных и штат обслуги, включая, разумеется, кучеров. Я бы сказал, гайдуков...

Калистратов узнал множество интересных вещей. Притом не только про Дракулу, у которого, оказывается, есть наследник, тоже граф Дракула, живущий в Германии. По мнению «духовника», настоящим вампиром был Тепеш, отпрыск побочной ветви. «Но это не имеет особого значения», — успокоил он приунывшего Славу, обогатив его скудную эрудицию массой самых разнообразных сведений о природе вампиризма, включая психический, энергетический и сексуальный. Так, к примеру, Калистратов узнал, что, помимо суккубов, высасывающих мужскую силу, существуют еще и инкубы, которые досаждают по ночам женщинам. В отличие от вампира-кро-

вососа, который не отражается в зеркалах, боится дневного света, креста и чеснока, избавиться от инкуба практически невозможно. Распознать его можно только по оставленной сперме, синей и холодной, как лед. Благодаря дьявольскому, недоступному простым смертным дару инкуб способен вконец умучить даже самую похотливую нимфоманку.

Покончив с демонологией, в коей оказался куда как горазд, «духовник» перешел к вопросам практическим, куда более волновавшим Славу, чья потенция была настолько далека от инкубовой, что смешно даже сравнивать. Особенно ныне, когда она, по причине штрафных очков, падала, как ртуть в термометре в зимнюю стужу. Отлучение от горячего варева давалось особенно нелегко.

— Теперь давайте разберемся с вами, — медоточивым голосом предложил ангел-хранитель, окончательно утвердив Тепеша на роль Дракулы. — Ну почему обязательно кучер? Это же моветон, мой хороший, нонсенс. Ведь у вас такой гороскоп! Солнце в третьем доме, Венера в секстиле с Марсом... Не могли вы быть кучером... Постойте, вы точно помните, что возле вас на облучке никого не было?

Калистратов засомневался и вроде как припомнил, что рядом с ним действительно кто-то сидел.

— Вот видите! — обрадовался милостивый ясновидец. — И знаете, кто это был?.. Да вы же и были! Путешествующий студент или, скажем, юный паж, поступивший на службу к графине Франциске... Пустит она в постель какого-то извозчика — как же! Ведь верно?

Калистратов вынужден был согласно кивнуть. Кучер или конюх, пропахший лошадиным навозом, и потом графине как-то не с руки.

— Молодой, любопытный, отважный, вы залезли наверх, чтобы полюбоваться ландшафтом. Дорога шла через лес... Правильно? Вот видите: через лес... Полная луна сияла в ночном небе, разгоняя легкие облачка, пахло влажной листвой, в чащобах колдовским светом вспыхивали гнилушки и все такое... Кучер, знай себе, нахлестывал лошадей — гнедые в яблоках, шоры, плюмажи... Это его одолевал суеверный ужас, а вам все нипочем. «Мальчик резвый, красивый, влюбленный» — сорвиголова! А вот когда ваш кучер наделал в штаны от страха или вообще свалился к чертовой матери, вы и перехватили вожжи. Потому и запомнили себя сидящим на облучке. Какой же из вас кучер, голубчик, гайдук! Вы же потомственный дворянин, а следовательно, паж, вернее, оруженосец Тепеша, его стремянный. Вот так: стремянный.

Калистратов настолько вжился в образ, что ему мог бы позавидовать самый сенсетивный актер, прошедший школу Станиславского. Во сне его преследовали призраки краснорожего, с большими нафабренными усами Тепеша и бледной, как смерть, Франциски. Графиня всегда появлялась в бесстыдно распахнутом пеньюаре, и он бежал от нее по бесконечным замковым переходам. Мелькали мрачные залы со стрельчатым сводом, с лязгом обрушивалась с постаментов рыцарская арматура, и совы с фосфорическими глазищами выпархивали из клетки забрал.

И всякий раз, оглядываясь на виновницу ночных кошмаров, он не различал ее отражения в сумеречных глубинах, затянутых паутиной зеркал.

Обычно она настигала его в подземном склепе, где покоилась пара опустевших, со сдвинутыми крышками саркофагов. И где-то в самом углу обязательно возникал третий — заурядный дощатый гроб, предназначенный ему лично. Не стремянному Латоесу, а безымянному бомжу, который был когда-то инженером-технологом Калистратовым.

Явилось ли это провидением? Как знать...

От нестерпимой жути развязки спасал звон рельса: послушников созывали на ночные радения. К холоду и постоянному недоеданию добавлялся хронический недосып.

Но самым тяжким испытанием обернулись часы, проведенные в так называемом «волшебном шлеме», внешне напоминавшем космический. Возможно, первоначально он и был таковым, но списанный за ненадобностью, а то и просто украденный, подвергся существенной доработке. Не исключено, что в том же «почтовом ящике», где трудился Слава. Будучи инженером, он быстро разобрался в назначении вмонтированных внутрь устройств и на собственном опыте убедился в их дьявольской эффективности.

Шлем совмещал в себе систему датчиков, подключенных к энцефалографу, подведенные к вискам электроды, трубку, по которой поступал газ, и стереофоническую систему. Пока писалась энцефалограмма, снимая с различных участков мозга отчаянные сигналы, череп, в который этот вопящий электрическими всплесками мозг был заключен, подвергался изощренным пыткам. Сначала перекрывался доступ воздуха, и наступало удушье. Снабжение живительным кислородом возобновлялось буквально за секунду до клинической смерти, но не успевал испытуемый отдышаться, как на его лобные доли обрушивался разряд высокого напряжения, что опять-таки приводило к кратковременной коме. Иногда вместо электрошока использовали неизвестный наркотический газ, после

которого наступал дремотный паралич. И все это происходило на фоне льющейся из наушников похоронной мелодии, перемежавшейся звуковыми сигналами предельной для слуха силы. Всегда одними и теми же, одними и теми же, одними и теми же. Зрение тоже подвергалось критической нагрузке. На стекле, куда была вмонтирована невидимая схема на жидких кристаллах, постоянно мелькало цветное изображение всевозможных фигур и знаков, в которых немыслимо было разобраться, настолько быстро одни сменялись другими. Ползли бесконечные ряды цифр, вспыхивали какие-то бесформенные пятна, взрывались звезды, рушились и возникали вселенные.

И внутренний мир, разъятый, как детский конструктор, на элементы распадался и вновь пересоздавался бессчетно, пока окончательно не исчезла граница между внешним и внутренним, где не осталось ничего, кроме кровоточащего комка оружего мяса.

Калистратов так и не узнал, когда перешагнул на «ту сторону», перешагнул ли вообще непостижимую нулевую черту, за которой уже нет ни памяти, ни страдания.

Возможно, ему только казалось, что он летит через бесконечный коридор, пристанище вечного мрака и бесконечных теней. Порой это напоминало падение в шахту, когда сорвавшаяся с тросов клеть проносится мимо бесчисленных ярусов, за которыми мерещатся объятые мертвым отчаянием лица. Глаз выхватывал то кирпичные кладки, то гнилой бревенчатый брус, то слои гравия и песка, а еще чернозема, проросшего корнями растений. И открылся фундамент, и вмурованный в стену разбитый горшок, и медная прозелень клада убого блеснула среди черепков, и ржавый тлен захороненного железа, и черные кости в истлевших гробах.

И был голос, прозвучавший из невидимого жерла преисподней:

«Вы звали меня — я пришел! Вы хотели меня — я обрел вашу плоть! Отныне я — Вы, а Вы — это я! Имя нам — Древний Ужас!»

Но бездна не приняла Славу. На крайнем пределе отчаяния падение незаметно перешло в вознесение, ибо ВСЕ во ВСЕМ: верх и низ, малое и великое. И забрезжило сияние летящему в беспросветном хаосе вечной ночи, отрешенное от тени и радуг, холодное и чистое, как свежевыпавший снег.

Последняя жизнь технолога была коротка и незавидна, и даже на небеса предстояло добраться ему черным ходом.

Глава шестнадцатая

ТИХИЕ РАДОСТИ

Дачка Корнилова находилась в поселке Бужарово, на самом берегу Истринского водохранилища. Запретная зона начала застраиваться еще в начале семидесятых, но в последние годы строительство приобрело совершенно бесконтрольный характер, что не могло не сказаться на качестве питьевой воды. Под стук топоров и вой циркулярных пил вырастали шедевры постсоветской готики и модерна. По сравнению с новоявленными дворцами, корниловский домик выглядел жалкой лачугой.

Всесвятский добирался сюда на машине, которую загодя одолжил у приятеля. Основания для конспирации были достаточно весомые: у обоих накопился взрывоопасный материал.

На рыбалку выехали в пятом часу, чтобы, как положено, постоять на вечерней зорьке.

Корнилов заякорил лодку вдали от берега и принялся разматывать удочки. В желтовато-зеленой воде, пронизанной косыми столбами света, мерно покачивались длинные пряди рдеста, среди которых темными черточками сновали мальки. Для ловли можно было бы найти место и получше — хотя бы в том заливчике, окаймленном непролазными зарослями ежевики и черной ольхи, или в узкой протоке, скрытой высокими метелками рогоза. Именно там брали килограммовые окуни-горбачи.

Вопрос о рыбе, однако, на повестке дня не стоял.

— С чего начнем? — спросил Корнилов, привычно нанизывая на крючок извивающуюся половинку червя.

— Хозяин — барин, — Вячеслав Никитич критически осмотрел телескопическое удилище с длинным поплавком из невесомого пенопласта. Последний раз ему довелось пробавляться ужением лет десять назад на Онеге. — Импортная?

— Норвежская, — со скрытой гордостью подтвердил Корнилов. — И леска — тоже, а поплавочек на Птичьем рынке отыскал. Чуткость, как у сейсмографа.

Клева не было, только мальки озоровали, покачивая поплавками, на которых не замедлили приютиться стрекозы.

Слишком мало прошло времени, чтобы могло возникнуть безоговорочное доверие. Да и возможно ли оно, даже в принципе, на грешной земле? Особенно между людьми соответствующих профессий.

— Из чистого любопытства, Константин Иванович, — пустил пробный шар Всесвятский. — Что там на самом деле произошло, в «Аэронавтике»? Больно уж слухи дикие.

— Интуиция у вас! Прямо в цвет, — Корнилов постарался как можно короче изложить привходящие обстоятельства. — Сдвигов почти нет, — заключил он. — Единственный подозреваемый по-прежнему в нетях. Скажу больше: есть основания полагать, что он тоже пал жертвой преступников.

— Калистратов?

— Он самый. Тем не менее удалось ухватить самый кончик. Не знаю, как пойдет дальше, но стрелка компаса вновь указывает на «Регент Универсал». Так что примите мои комплименты.

— Любопытно, а в чем соль?

— На первый взгляд, обычная, к сожалению, квартирная махинация. Калистратов продал, или его принудили продать, квартиру одному азербайджанцу. Фамилия значения не имеет, потому как паспорт краденый. Буквально на следующий день она была перепродана другому лицу через риэлтрскую контору на Беговой. Словом, типичная история. Угрозами или обманом хозяев заставляют подписать договор на продажу, а затем убирают. Не будь здесь замешана печень, которая, простите, у меня в печенках сидит, я бы сразу взял этих самых риэлтров — дурацкое слово! — за жабры. Совершенно дикая ситуация. Со всех сторон жмут, а я не дрыгаюсь, боюсь напортить.

— Думаете, Калистратов не убивал жену?

— Все больше склоняюсь.

— Но он же психический.

— Тем легче оказалось его одурачить, сломить, а когда все было оформлено, пришла ее очередь. В таких делах самая простая схема — самая верная.

— Да, изыски с печенью портят расклад.

— Одно заслоняет другое. В принципе не столь уж и важно, убил Калистратов жену или нет. Мог и убить, будучи заинтересован в сделке. Так что эту версию мы пока не снимаем. Только печень не он вырезал — вот в чем штука! Почти на сто процентов — не он.

— Почерк всюду один?

— На все пять случаев... Про нападение на гендиректора «Блиц-Новостей» читали?

— Тоже дичь несусветная. Какое-то компьютерное убийство... Враки?

— Не совсем. Не обошлось без газетной отсебятины и, не исключаю, целенаправленной дезы, но в основе все верно: Красиков и наш сотрудник в больнице, а компьютерщик умер. Вчера стало известно, что скончалась и женщина из «Аэронавтики». Налицо пересечение двух, казалось бы, совершенно различных линий. Случайное совпадение маловероятно.

— Пожалуй... Но в «Блице» никто никого не резал.

— Это ровным счетом ничего не значит. И там, и здесь хватало всяческих чудес... Вы допускаете существование невидимки?

— Нет, — твердо ответил Всесвятский.

— Я тоже... Не менее загадочно обстоит и с адской музыкой, якобы записанной на дискетах. Тут нужен скорее психиатр, нежели сыщик.

— Почему бы нет?

— Руки повязаны, Вячеслав Никитич! — дав поплавку притонуть еще раз, Корнилов подсек, но слишком резко, выдернув пустой крючок. — Упустил, зараза! А, ладно... Я лишен возможности действовать на этом направлении. Понимаете? Прямого запрета нет, но дискеты ушли в сферы. Я даже не имею доступа к пострадавшим. Из Склифосовского всех перевели в Центральную клиническую больницу. Единственное, что удалось успеть, так это обследовать труп компьютерщика из «Блица». Не знаю только, стоило ли усердствовать.

— Почему?

— А все потому, — Корнилов вытянул окунька и, бережно высвободив жало, бросил рыбку обратно в воду. — Бывают вещи, о которых лучше не знать. Спокойнее.

— Меньше знаешь, лучше спишь?

— Во-во. Как вы думаете, что явилось причиной смерти?

— Кровоизлияние в мозг? Судя по вашему рассказу...

— Инфаркт печени.

— Ничего себе, — устав от слепящих вспышек на водной глади, Всесвятский закинул с другого борта. — И вы улавливаете причинную связь?

— А вы?

— Не знаю.

— И я не знаю... Так чем порадуете, Вячеслав Никитич? Вся надежда на вас. Авдей гуляет на воле и смеется над дураками вроде меня, которым еще что-то такое надо. Хотя бы на благородной ниве оргпреступности я могу надеяться на прорыв? Иначе мне просто не позавидуешь. На одной текучке далеко не уедешь. Раскрываемость сорок процентов.

— По Авдееву могу доложить следующее, — Всесвятский положил удилище на дно лодки и, зачерпнув воды, смочил лоб. — На сегодняшний день я располагаю кое-какой документацией. Во-первых, приложение к договору, заключенному между известной вам станцией автотехобслуживания и совместным предприятием «Ункар трейдинг». Полная спецификация на двенадцать новеньких «девяток», со всеми необходимыми номерами. Кроме того, рублевый договор еще на

восемь машин и договор между подрядчиком и заказчиком, действующими — обратите внимание — на основании устного соглашения.

— Так и записано?

— Черным по белому... Не буду утомлять перечислением фамилий, хотя на одной есть смысл остановиться. Некто Лучинский, известный под кличкой Лорд. Он выдает себя за помощника депутата Госдумы, а возможно, таковым и является. Но это нюанс. Главное, что за всеми стоит Авдеев. Операции, включая валютные, проходят через «Регент Универсал Банк».

— Вы уверены, что можно положиться на вашего друга?

— Смирнова?.. В ком нынче можно быть уверенным? Человек нашел себя на новом поприще, прекрасно зарабатывает. Конечно, ему никак не с руки подкапываться под собственный фундамент. Скажу честно: не знаю, как он поведет себя в таких обстоятельствах. Хочется надеяться, что достойно. Тем более что у вас есть материал на дочернее предприятие банка. Хотя нет доказательств, что Светлана Круглова и жена этого Калистратова убиты одной и той же рукой, какая-то связь проглядывает. Валентина это не может оставить равнодушным. Или я ничего не понимаю в людях.

— Возьмете его на себя?

— Не вижу другого варианта, Константин Иванович, но придется раскрыть карты. Играть в темную с другом как-то не приучен.

— Хорошо бы и друг оказался того же закала, — Корнилов выбросил в лодку подлещика, затрепетавшего в скопившейся луже. — Вещдок для жены, — он смущенно улыбнулся, — а то еще подумает, что мы к девкам подались.

— Повод для разговора с Кидиным есть, серьезный повод.

— Отвертится.

— Не сомневаюсь.

— Стоит ли тогда рисковать?

— Безусловно стоит, потому что ваш Авдей и эти риэлтры для него семечки. Речь идет о куда более масштабных операциях.

— Например?

— Злоупотребления в перераспределении бюджетных средств. Многие сотни миллиардов, Константин Иванович.

— Ничего себе. Казалось бы, такой солидный банк. Одна реклама чего стоит... Ну-ка, ну-ка...

— Все началось с того, что Министерство топлива и энергетики вошло в правительство с предложением направить средства на обустройство нефтяных месторождений и газопе-

рерабатывающих заводов Сибири. Казалось бы, давно пора. Дня не проходит, чтобы не лопнул какой-нибудь нефтепровод. Взрывы, пожары, залитые нефтью речные берега и лесные массивы.

— И зарплату задерживают.

— И зарплату, и неплатежи... Словом, мера своевременная. Решением за номером таким-то сибирякам перечислялись почти восемьдесят миллионов долларов, вырученных от продажи соответствующего количества нефти. Помощь, что называется, адресная, с точным перечислением, кому и на какие цели. Деньги планировалось выделить только на следующий год, однако уже чуть ли не на другой день в банк поступило письмо из министерства с поручением перевести тридцать миллионов с их валютного счета на специальный инвестиционный счет, принадлежащий акционерному обществу «Сибирь Петролеум».

— Министерство держало свои доллары в «Регент Универсале»?

— Не только там и не оно одно. Но изюмина не в этом. Я же сказал, что помощь была адресной. На реконструкцию коммуникаций, в частности, выделялось конкретному месторождению Тюмени два миллиона. Но в письме фигурирует иная сумма — тридцать, а в графе «назначение платежа» после перечисления адресатов значится загадочное «и других». Каких других, спрашивается? Финансовые документы не терпят неопределенных формулировок. И зачем вообще перечислять такую сумму частной лавочке, притом без гарантий?

— И верно, зачем?

— Мы подняли всю подноготную. АО «Сибирь Петролеум» оказалось дочерним предприятием «Регент Инвест Консалтинг», то есть компании, порожденной банком «Регент Универсал».

— Лихо!

— О, через банк Кидина прокручиваются гигантские средства. Большая часть акций принадлежит монополистам нашего привилегированного топливно-энергетического комплекса, но и руководство «Регента» не в накладе. Сам президент, кроме солидного пакета акций, имеет постоянный доход от таких фирм, как «Финанс коммюникейшн» и кредитный банк «Евразия», где он полный хозяин. Генеральный директор Лобастов и первый вице-президент Каменюка тоже обзавелись подпорками вроде «Тетраэдра» и «Остапа».

— Что это за названия? Несолидно как-то: «Остап»!

— Бендера напоминает?

— И Бендера, и вообще. То ли дело «Консалтинг», «Коммюникейшн» опять же.

— Вы недалеки от истины, Константин Иванович. И кидинский «Коммюникейшн», и этот «Остап» с «Тетраэдром» — рядовые частные предприятия. Если скажу, что господина Каменюку величают Остапом Михайловичем, вам многое станет понятно. Дело, конечно, не в названиях. Всяк изощряется, как хочет. Важно другое: на счета названных фирм поступило соответственно пять и десять миллионов долларов. В округленных цифрах. Нефтяной фонтан, что называется, забил. Не прошло и недели, как начисляется еще по несколько миллиончиков. Откуда, спросите?

— Не спрошу. «Сибирь Петролеум»?

— Совершенно верно. Те самые министерские денежки. Все до последнего цента. Двадцать три миллиона «Регент» перекинул в кредитный банк «Евразия». И какие чудеса ловкости! Так, гендиректор «Сибири» Башкиров заключает договора со всеми поименованными лицами, включая самого Кидина. В чем смысл? А в том, что патроны Башкирова не только бесплатно приобретают акции «Сибирь Петролеум», но и получают за это скромное вознаграждение. Ивану Николаевичу, скажем, было начислено сто восемь тысяч рубликов.

— Очень они ему нужны! — усмехнулся Корнилов.

— Как же: порядок! И как вы думаете, кто возглавляет «Сибирь»?

— Вы же назвали... Ну этот, Башкиров. Вор в законе? Авторитет?

— Не угадали. Вполне респектабельный махинатор. Однако он всего лишь генеральный директор, хотя действительно вершит всеми делами, а председателем правления числится супруга Кидина. Между прочим, интересная дамочка.

— Занятно.

— Мы ни разу не засекли ее хотя бы поблизости от Зачатьевского переулка, где «Сибирь» арендует полуподвал. По-моему, она ни сном, ни духом.

— «Мы сидим, а денежки идут», — процитировал популярную рекламу Корнилов. — Семейное предприятие. Уникальная афера.

— Не столь уж уникальная. Точно такой же казус случился и с банком «Империал». И опять нефтедоллары. Между прочим, проникло в прессу.

— И каковы результаты?

— Басню Крылова помните?

— «Кот и повар»?.. То-то и оно.

— О таком пустяке, как нарушение финансового законодательства, я даже не заикаюсь: прямые валютные расчеты между российскими юридическими лицами запрещены.

— И каковы итоги?

— Смотря для кого. В Тюмени по-прежнему лопаются трубопроводы, вытекают сотни тонн нефти, гибнут леса и реки. Чуть лучше дела у «Сибирь Петролеум». По крайней мере есть надежда повторить финт с бумажками МММ. Зато Кидина можно поздравить. Миллионов тридцать он определенно заграбастал. Неизвестно только, какую часть пришлось отстегнуть пушистым котам из топливного министерства.

— И выше!

— В этом вся суть проблемы.

— Как полагаете, Вячеслав Никитич, сколько не пожалеют за вашу умную голову?

— Сколько не пожалеют, не знаю... Может, и миллиона не пожалеют, но киллеру больше двухсот тысяч не отслюнят.

— Вот и маракуйте, как быть.

— Я уже все просчитал. Ваш «Печенкин» — подлинная находка. Никто и пальцем не пошевелит, если мы подберемся к Кидину с риэлтрской стороны. Плюс к тому «жигуленки» Коляна.

— На первых порах, может, и не пошевельнет.

— А потом уже поздно будет. Дело приобретет такую огласку...

— Гладко было на бумаге.

— Есть другие предложения?

— Других пока нет. Но сперва дайте мне подходы к Китайцу, тогда и будем решать окончательно.

— Какую роль тут сможет сыграть Китаец?

— Очень даже значительную. Мы получим шанс обзавестись сильным союзником в лице ВПК.

— Один монстр против другого?

— Только так и можно уцелеть непроходным пешкам вроде нас.

— Наверное, вы правы, — согласился Всесвятский. — А как насчет «четвертой власти»?

— Добром не кончится. У меня есть кое-какой опыт по этой части. Пресса так же легко продается и покупается, как и все прочее. В одном вы целиком и полностью правы: «Печенкина» нужно использовать на полную катушку. К голосу масс, хоть и не очень прислушиваются, но боятся, Вячеслав Никитич, боятся.

— Чем хуже, тем лучше?

— Не мы это придумали. С волками жить, по волчьи выть.

Глава семнадцатая

ТОКИО

Генеральный директор «Регент Универсал Банка» Лобастов задержался в Токио намного дольше, чем предполагал. Пришлось даже просить о продлении визы, выданной на десять дней. Ситуация сложилась деликатная и непростая. Продлить визу японцы обещали, но заставили заполнить длинную анкету, учинив форменный допрос. Так уж случилось, что поездка Геннадия Прокоповича совпала с арестом его святейшества учителя Секо Асахары, обнаруженного полицией в потайном помещении штаб-квартиры скандально знаменитой секты.

Сидя у телевизора в номере отеля «Нью Джапэн», Лобастов с ужасом следил, как резали броню автогеном. Ему ли было не знать, что легированную сталь, которая пошла на оборудование тайника, поставило коммерческое предприятие «Тетраэдр»? Мало того что фирма целиком принадлежала Лобастову и экспортные лицензии были выписаны на его имя, в довершение всего грязная тень ложилась на репутацию банка. Через «Регент Универсал», где успешно прокручивались миллиарды йен, осуществлялись многие сделки российского филиала секты. Центры «Учения истины» на Речном вокзале и Петрозаводской улице, на Каширском шоссе и в Домодедове были арендованы благодаря посредническим услугам риэлтрских подразделений дочерней фирмы «Регент инвест консалтинг».

Преодолев неимоверные трудности, Лобастов добился разрешения и на открытие постоянно действующих киосков внутри станций метро Тургеневская, Октябрьская и Китай-город. До последнего времени они приносили заметный доход. Кто мог предполагать, что так обернется? Дело казалось беспроигрышным. Секте покровительствовали на самых верхах. Само ее появление в России стало возможно только благодаря энергичной протекции секретаря Совета Безопасности. Лобастов хорошо знал советника посольства, который представил Асахару высокому лицу во время его визита в Японию. Теперь подлец воротит рыло. Делает вид, что впервые видит гендиректора крупнейшего банка Москвы. А ведь все с него началось, со специалиста-востоковеда!

Геннадий Прокопович понятия не имел, что представляет собой эта самая АУМ. Буддизм, медитация, всякая там хреновина — кому это надо? Были бы деньги. Наверняка так же думали все серьезные люди, которых Асахара сумел затянуть в свои сети. А деньги у него были и за ценой он не

стоял. Кидин, хитрющая бестия, сам ничего не подписывал. Все проводил через совет, а отдуваться приходится кому? Как всегда, гендиректору. Приятно иметь дело только с голыми цифрами: деньги, дескать, не пахнут. Еще как пахнут! Зарином, мать его так. Канарейки, которых разместили в метро, и те сдохли. Без респиратора япошек в подземку не загонишь: боятся новой атаки.

Последние дни Лобастов почти не выходил из гостиницы. Еду, и ту заказывал в номер, боясь оторваться от телевизора. Новости поступали каждый час. И какие новости! Газ в подземке города Осака, баллоны с часовым механизмом на Токийском вокзале, взрывы, пожар — и все она, сучья АУМ. Напряженно всматриваясь в лица арестованных, Геннадий Прокопович узнавал знакомых. Менеджер, который регулярно курсировал между Токио, Москвой и Находкой, инженер-химик, аналитик компьютерных систем... Со всеми встречался, беседовал, водил по ресторанам. А вон и еще один косоглазый. Вывозил запчасти к вертолету. Удалось достать у вояк в Хабаровске...

Языка Лобастов не знал, но все было понятно без слов.

Кидин, конечно, мечет икру: обрубай, мол, концы, и баста. А как их обрубишь, если по горло в говне? Слава Аллаху, что еще с оружием связываться не стали, а то вообще страшный сон: уран, изотопы, плазменная пушка какая-то.

С другой стороны, особо не уколупнешь: чисто. Российский АУМ зарегистрирован, под ихний институт целый домище отгрохали. Все по закону — юридическое лицо. Не мы одни проморгали. И почище нас есть. Пусть телевидение трясут. Они больше всех виноваты.

Грандиозные шоу в спорткомплексе «Олимпийский», ежедневные радиопередачи по «Маяку» на УКВ и длинных волнах, каждое воскресенье на канале «2×2» — только дурак может думать, что все это просто за так, ради приобщения сбрендивших россиян к загадочной восточной культуре. Нет, господа, такой адвертайзинг дорогого стоит! «Кока-кола» была бы счастлива, если бы ей дали хоть кусочек урвать, не говоря уже про «Самсунг» или «Проктер энд Гембл». Ни у себя в Токио, ни в любой столице мира Асахаре не позволили бы развернуться с таким размахом. Настоящие деньги можно делать только в России. Наши обороты и не снились всяким там рокфеллерам-морганам. Японские инвестиции давали банку семьдесят пять годовых. Вкладчик получал всего двадцать и был премного доволен. Вот и руби с плеча сук, на котором сидишь.

Шалят нервишки у Ваньки, шалят. Каждый день из Гамбурга звонит. Его бы сюда голым задом на горячую сковородку!

Ровно в одиннадцать, как обещал, за Лобастовым заехал господин Морити. В просторном лимузине «тайота империал» ждал переводчик Кавабата. Всякий раз, внимательно выслушав хозяина, он с придыханием произносил «хай» и приступал к переводу. Когда наступала очередь московского гостя, вскрикивал «хорошо».

— Мы поедем в район Нихонбаси, на наш завод. Посмотрите новые образцы компьютерной техники, — сказал Морита. — Вам не нужно беспокоиться: Асахара — сумасшедший. Он стал совершенно неуправляемым. Уверяю вас, мы сумеем выйти из этой заварухи без особых потерь. Наши общие интересы не пострадают, а эти бесноватые получат по заслугам. Вытаскивать их никто не станет. Это ж надо было придумать: захват Токио! Вы знаете, что они собирались распылить над городом бактерии сибирской чумы?

— Быть того не может!

— Представьте себе. Зарин — только первая проба пера.

— Но зачем?

— Асахара решил своими руками устроить предсказанное им светопреставление. Гибель миллионов людей, захват императорского дворца, парламента. И все только потому, что живому богу захотелось создать собственное государство.

— Вот зачем им были так нужны вертолеты! Неужели никто ничего не знал?

— Ничего. Все готовилось в глубокой тайне. Нас его действия застали врасплох.

Лобастов отнесся к заверениям Мориты с некоторым сомнением. Якудзи — могущественная японская мафия — не те люди, которых можно провести на мякине. Но они и не безумцы, чтобы вот так, неведомо ради чего, играть в подобные игры. Вообразить, и то невозможно: конец света!

— А где Хаякава? Он обещал помочь с визой. Почему такая волынка? Если завтра не дадут, мне придется на следующий день улететь.

— Что такое, простите, «волынка», господин Лобастов? — старик Кавабата, похожий на суслика, оскалил прокуренные зубы.

— Волокита, тянучка.

— Хорошо. Я понял: не говорят ни да ни нет?

— Говорят да, но не дают.

— Хорошо, хорошо...

— Извините нас, господин Лобастов, — выслушав перевод, Морита устало опустил веки, — Хаякава ничем вам не сможет помочь. Не звоните ему.

— Неужели?..

— Да, — подтвердил Морита, — к сожалению. Очень печально.

«Хаякава арестован!» — Геннадий Прокопович был потрясен. С теми, кого показывали по телевизору — в наручниках, с опущенной головой — сомнений не возникало: близкие люди Асахары, сектанты. Но Хаякава? Крупный бизнесмен, полиглот, весельчак — он-то с какой стороны?

Позавчера они провели вместе весь день. Гуляли по парку, любовались разноцветными крапчатыми рыбами, играющими в ручье с мостиками для лилипутов и карликовыми деревьями на крохотных островках. Когда Лобастов пошутил, что непрочь выловить одну-другую, Хаякава немедленно повез его в какой-то ресторанчик с бассейном, в котором так и кишели эти диковинные рыбы, ничуть не похожие на наших карпов. Хозяин с поклоном вручил небольшие удочки, и не прошло и минуты, как на леске Геннадия Прокоповича затрепетало диво в серебряной чешуе, покрытой ярко-красными, желтыми и черными пятнами. А вскоре он увидел свой улов на тарелках, зажаренным в кляре. Вкус был нежный и тонкий. Жиденький супчик с одиноким зеленым листиком в маленькой чашке Лобастову не понравился, зато креветки, крупные и мясистые, оказались выше всяких похвал. Но это было так — баловство, легкая закуска. Настоящий пир Хаякава устроил на Гиндзе. Наглядевшись на бушующую феерию света, позабавившись игрой в пачинко. Автомат со звоном выдал Лобастову целое ведерко блестящих шариков. Хорошенькая японочка взвесила их на электронных весах и отвалила целую пачку десятитысячных купюр. Пустячок, а приятно.

Вечер закончили в «Пионовом фонаре», ресторане с гейшами. Девочки были накрашенные, в прическе с заколками, что твои спицы, в вышитых кимоно. Они наперебой ухаживали за Геннадием Прокоповичем, вкладывая ему прямо в рот самые вкусные кусочки. Он пил подогретое саке вперемежку с холодным пивом и порядком захмелел. Хаякава предупредил, что лапать можно за милую душу, но дальше ни-ни.

На ночь он прислал в номер рослую молчаливую шведку. Она знала дело.

О работе почти не говорили. Да и как говорить? Хаякава понимал по-русски примерно в той же степени, что Лобастов по-английски. Единственное, о чем он спросил, были изотопы, которыми в исследовательских целях интересовался какой-то сингапурский партнер. Геннадий Прокопович сказал, что до-

стать можно все, что угодно. Важно знать точную спецификацию и количество. Хаякава пообещал уточнить в самое ближайшее время. И вот — пожалуйста.

Каких людей берут!

Бродя с Моритой по цехам, где совершенно не было людей, а сплошь одни роботы, чем-то похожие на скелеты ящеров, Лобастов почти не вникал в объяснения. Поверхностно осмотрев образцы, предназначенные к продаже, сказал, что подумает, посоветуется и даст ответ по факсу.

— Не желаете посмотреть представление в театре «Кабуки»? — спросил Морита. — Или, может быть, японская баня?

— Не сегодня, спасибо. Лучше сразу в гостиницу. У меня разговор с Москвой.

Никакого разговора не ожидалось, но все настолько обрыдло, что захотелось побыть одному.

До поздней ночи Лобастов просидел перед телевизором. Ничего существенно нового он не увидел. В который уж раз показывали горелку, режущую огнем стальную стену, и Асахару, сидящего в позе глубокой медитации.

Заснул, не выключив телевизор. Первое, что увидел, пробудившись на рассвете, была какая-то лаборатория, откуда полицейские в касках вытаскивали стальные баллоны со сжиженным газом и пластмассовые канистры. За стеклянной рамой вытяжного шкафа мелькнул, вызвав легкое обмирание сердца, знакомый Лобастову автоклав.

Лобастов томился, не зная, что предпринять. Как зверь в клетке, метался в своих трехкомнатных апартаментах, то и дело заглядывая за стойку мини-бара, чтобы пропустить стаканчик пивка. Пиво у японцев было не хуже немецкого, а квас в банках еще лучше отечественного. Он так и назывался: «Кремлевский». Умеют!

Телефонный звонок застал его на унитазе. Первой мыслью было, что это опять Кидин. Куда там — полиция!

Страх как нахлынул, так и осел.

Полицейский чиновник оказался настолько любезен, что привез паспорт прямо в отель.

— Разрешите подняться к вам в номер, господин Лобастов? — позвонил он снизу. Несмотря на приличное знание языка, фамилия прозвучала как, «Лабатсо».

— Конечно, пожалуйста, что за вопрос! — обрадовался поначалу Геннадий Прокопович, но радость быстро сменилась паническим беспокойством: с чего бы такая предупредительность? Решив, что его пришли арестовать, он забегал по комнате, пы-

таясь сообразить, нет ли при нем чего-либо компрометирующего. Бумаги? Записная книжка с адресами и телефонами?

«Поздно. Просто разорвать, и то не успеешь. Нарочно застали врасплох! А что, если не впускать? Потребовать консула? Адвоката?»

С консула мысль перескочила на негодяя экономического советника, и стало совсем нехорошо. Свои не только не выручат, но еще и утопят с великой радостью, мидаки долбаные.

Услышав мелодичную руладу звонка, Лобастов опрометью кинулся к двери. Готовый к самому худшему, прильнул к глазку.

Облик визитера, без всяких на то оснований, подействовал на Лобастова успокоительно: короткая стрижка, черный с иголочки костюм, худощавое лицо, на котором загодя замерла приветливая улыбка. В правой руке кейс.

— Доброе утро, господин Лобастов, — поклонился японец.

— Здравствуйте, здравствуйте, очень рад! Прошу, — Геннадий Прокопович посторонился и широким жестом пригласил войти.

Переступив порог, чиновник еще раз отдал поклон и выжидательно остановился.

— Прошу! Будьте, как дома, — залебезил Лобастов, забегая вперед. — Не угодно ли присесть? — он указал на журнальный столик между двумя глубокими креслами.

Скользнув цепким взглядом по разбросанным в самых неподходящих местах сверткам, упакованным с японским изыском и тщательностью, гость остановил глаза на гравюре, висевшей над стойкой мини-бара.

— Хиросиге.

— Что вы сказали? — не понял Лобастов. — Ах, да! Хорошая картинка очень хорошая. Не желаете чего-нибудь выпить?

— Спасибо, не надо.

— Может, немного водочки, по русскому обычаю? Или пива?.. У вас, между прочим, отличное виски. Лучше шотландского. «Сантори» называется...

Ответом был поклон, такой же глубокий и быстрый.

— И от чая отказываетесь? — сам не свой, продолжал настаивать генеральный директор.

— Спасибо. У меня мало времени. Мы можем сесть? Мне сюда? — Дождавшись, пока сядет суетливый хозяин, японец занял место напротив. — Согласно вашей просьбе, господин Лобастов, мы продлили ваше пребывание еще на семь дней. У меня ваш паспорт, — он раскрыл чемоданчик, вынул пас-

порт с подколотыми к нему бланками, но владельцу не передал, а защелкнув замки, водрузил сверху, прикрыв руками.

Даже такой неискушенный в восточных церемониях человек, как Геннадий Прокопович, мог догадаться, что будут вопросы.

— Не знаю, как вас благодарить, — заерзал он на сиденьи. — Зачем было себя затруднять? Я бы и сам мог заехать.

— Ничего, господин Лобастов. Мне бы хотелось уточнить несколько незначительных мелочей. Вы не будете возражать?

— Никоим образом!

— Позвольте представиться, — чиновник привстал и, согнувшись дугой, вручил визитную карточку.

— Очень приятно! — Лобастов попробовал ответить тем же, но едва не опрокинул торшер. Положив визитку перед собой, он потер ушибленный локоть. Кроме имени и телефона, на ней ничего не было: ни титула, ни адреса. На другой стороне — иероглифы. — Очень рад познакомиться с вами господин... Тодоси Икеда, — прочитал по складам.

— Мне тоже приятно... Вы написали, что целью вашей поездки являются экспортно-импортные операции... Что это означает на самом деле?

— То и означает, — Лобастов залихватски хлопнул себя по колену, — купля-продажа, ты мне — я тебе. Наши фирмы поставляют Японии сырье, мы закупаем у вас компьютеры и всякую электронику. Обычное дело.

— Ваш банк выступает в роли посредника?

— Не совсем так, Икеда-сан, — блеснул знанием местного колорита Лобастов. — «Регент Универсал Банк» входит в своего рода концерн, в котором участвуют различные фирмы.

— Мы бы хотели знать, кому именно были поставлены морским путем из порта Находка следующие грузы, — Икеда заглянул в бумаги, — плиты броневой стали — сто пятьдесят тонн, цирконий в слитках — три тонны, противогазы — триста двадцать штук, лабораторное стекло — восемь ящиков, трансформаторное железо — восемьсот килограммов, автоклавы для выращивания биологических культур — четыре единицы и два контейнера с различными химикалиями.

— Это все? — упавшим голосом спросил Лобастов.

— Пока все. Хочу обратить ваше внимание на то, что перечисленная номенклатура не подпадает под определение «сырье».

— А кто сказал сырье?

— Вы и сказали.

— Я?.. Но это так, для примера. Понимаете, Икеда-сан, мы осуществляем широкий круг операций, и я не могу знать, как и куда отправлен отдельный контейнер или ящик. Этим у нас занимаются соответствующие специалисты. Я больше по финансовой части.

— Это тоже представляет интерес. Могли бы мы проследить движение капиталов?

— Пожалуйста, в любой момент! Но при мне просто нет необходимых документов, а на память в нашем деле не принято полагаться. Вы же понимаете, Икеда-сан... А что, разве с нашими поставками не все ладно? Вы усматриваете какие-нибудь нарушения?

— Формально — нет, но только формально.

— А фактически?

— Фактически вашим, как вы сказали, сырьем могут воспользоваться в неблаговидных целях.

— Какой ужас! Мы в совершенном неведении, уверяю вас.

— Разумеется, вы не можете отвечать за действия ваших партнеров. Ряд химикалий, например, может быть использован для производства зарина. Вам это ничего не говорит?

— Зарин? — Лобастов сделал удивленное лицо. — Какое еще зарин?

— Боевое отравляющее вещество, впервые полученное в Германии перед войной. Разве вы не в курсе событий?.. Я вижу, у вас включен телевизор.

— Ах, телевизор! Я же абсолютно не понимаю по-японски, даже нарочно звук вырубил. Так себе, ловлю отрывки из фильмов для общего знакомства.

— Цирконий тоже является объектом стратегического значения. Хотя сам по себе он и не представляет опасности, однако является важным компонентом в изготовлении ядерных устройств. Вы знали об этом, господин Лобастов?

— Первый раз слышу. Клянусь! — на сей раз он говорил истинную правду.

— Ваша таможня должна была обратить на это внимание.

— А ваша? — попробовал перейти в контратаку Геннадий Прокопович.

— Наша обратила. Груз арестован.

— Какая жалость, — вздохнул Лобастов, мысленно подсчитав убыток. Впрочем, звон, который неизбежно докатится до Москвы, грозил куда более серьезными последствиями, чем потеря нескольких миллионов. Тем более гипотетическая, ибо к месту назначения цирконий прибыл. — Из-за неряшливости нашей таможни такие неприятности. Я обязательно подниму этот вопрос.

— Вы поступите совершенно правильно. Благодарю вас, — Икеда убрал ладони с кейса, на котором, словно под прессом, томился красный паспорт с гербом СССР.

Лобастов было подумал, что допрос, явно предварительного характера, закончен, но маленькие крепкие руки вернулись на место, возвестив новый раунд.

— Вы случайно не в курсе, господин Лобастов, каким путем попал в нашу страну вертолет системы Миля?

— Вертолет? Первый раз слышу. Какой вертолет?

— Фирмы, с которыми работает ваш банк, как-то причастны к продаже вертолета частной организации?

Геннадий Прокопович превосходно понимал, куда гнет Икеда, но постепенно вырисовывалось и другое. Японец упорно не желал называть ни «АУМ сенрикё», ни самого Асахару Секо, ограничиваясь намеками, впрочем, достаточно ясными. Почему? Для Лобастова это так и осталось загадкой. Тем не менее он спинным мозгом почувствовал, что может и впредь разыгрывать полную непричастность. Намек подразумевает свободу выбора: кто понимает, а кто и пропускает мимо ушей. Пусть этот косоглазый считает его толстокожим.

— Я совершенно уверен, Икеда-сан, что никто из наших не имеет ни малейшего касательства к торговле оружием.

— Я не говорил, что вертолет военный.

— Не имеет значения: военный, гражданский. Поставьте пулемет, и будет военный. Нет, можете быть спокойны, мы дорожим репутацией нашего банка. Наконец, у каждого из нас есть жена, дети, просто совесть, Икеда-сан! Нет, нет...

— И запчасти к вертолетам — тоже нет?

— И запчасти, и все остальное. Если с химикалиями и произошел какой недосмотр, то лишь по причине некомпетентности кого-то из рядовых сотрудников. Далеко не все знают, как изготовляются газы. Я, например, понятия не имею. Но разберусь! И сделаю выводы, если обнаружится подобный факт. Вы уверены, что это мы поставили химикалии?

— Мы располагаем копиями накладных.

— Даже так! И кто заказчик?

— Вот это я и пытался узнать у вас, господин Лобастов. Не припомнили?

— Без документов? Я не Эйнштейн!.. На накладные можно взглянуть?

— С какой целью?

— Узнать имя получателя.

— Мы его знаем, но поскольку вы, господин генеральный директор, не располагаете необходимой документацией и жа-

луетесь на память, наш разговор будет беспредметен. — Улыбка, не покидавшая Икеду ни на минуту, приобрела утонченно-насмешливое выражение. — Позвольте передать вам ваш паспорт. Желаю приятного пребывания в Токио.

Закрыв за японцем дверь, Лобастов рухнул на диван. Облегчения он не ощутил. Странный допрос был всего лишь прелюдией к грандиозным неприятностям.

О его контактах с сектой токийская полиция знала если не все, то многое. Неизвестно, дадут ли ему спокойно уехать.

Про то, что ожидает по возвращении, лучше и вовсе не думать.

Как наркоман за новой порцией зелья, кинулся он к телевизору. На плоском экране новейшей модели «Хитачи» респектабельный комментатор с желтой хризантемой в петлице заканчивал очередную ретроспективу.

Показывали уже знакомый опорный пункт секты в префектуре Яманаси Похожие на заводские цеха лабораторные корпуса с глухими стенами, торчащие из-под земли вентиляционные трубы, плавные изгибы забора, хаотично разбросанные бараки, одноэтажные флигельки, гаражи.

Жаль, что Геннадий Прокопович не мог слышать текста. Транслировался радиоперехват обращения Асахары, переданного по российским радиоканалам из Владивостока на частоте 1476 килогерц.

«Давайте вместе осуществим план спасения и встретим такую смерть, в которой мы не будем раскаиваться».

Кому и когда было даровано счастье раскаяния после смерти?

Лобастов не мог знать, что японское правительство, руководствуясь политическими соображениями, решило не привлекать пока российскую сторону к расследованию деятельности «АУМ сенрикё». Контейнер с циркониевыми брусками был зафиксирован секретной службой Соединенных Штатов. Соответствующий запрос пошел по линии Интерпола, и японское отделение этой международной организации получило задание начать разработку.

Москва оставалась в неведении, а вернее всего, выжидала формального уведомления. Российское отделение в любой момент могло подключиться к центру хранения информации в Страсбурге. На секту Асахары там уже был накоплен обширный материал, как минимум, по шести позициям: оружие, наркотики, отравляющие газы, болезнетворные бактерии, радиоактивные изотопы, компьютерные диверсии.

«Кидин прав, — решил Геннадий Прокопович, — рвать, так рвать».

Он позвонил в «Джапэн эйр» и заказал место на ближайший рейс в бизнес-классе.

Глава восемнадцатая

КИТАЕЦ

Лежа на сочинском пляже, Авдеев разговаривал по радиотелефону с Нью-Йорком. В головах у него, поджав ноги, сидела крашеная блондинка Настя Красуля: ловила кайф, подставив солнцу голую грудь. Выковыривая из песка крохотные ракушки, пыталась, на манер звездочек, прилепить на погоны, наколотые у Коляна на плечах. Он досадливо морщился, но терпел, как терпит хозяин не в меру приставучую ласковую собаку.

Охрана расположилась поодаль, пробавляясь пивком. Бутылки и большой полосатый арбуз полоскала грязная пена прибоя.

Вова Китаец давал инструкции открытым текстом.

— Ты, Колян, брось заниматься чепухой. Не надейся, что чечня надолго откочевала. Кончится шмон по Москве, вернутся, как миленькие. Бексолтана не знаешь? Заурбека?.. Мы тут у нас Пашу Сардалова засекли.

— На Брайтоне?

— На Сорок второй, у арабов. Итальяшки стукнули. Семнадцать лимонов увез.

— И ты дал?

— Чтоб я из-за такого дерьма в Нью-Йорке стрелку устроил? Ихних копов не знаешь? Это тебе не Балашиха, Колян, не твое Бутово... Ты кого видел?

— Птичка напела, что грев от Аманата пришел в Бутырку.

— Кто там у него?

— Везирхан с шестерками.

— Не спускай глаз с нашей московской тюрьмы!

— В натуре, Вовик.

— С карами тоже кончай валандаться. Не до того. Брось на Жуковский, понял? Мелочей не чурайся. Ларьки, палатки, гаражи — все бери. Пригодится. Но главное — хазы.

— Трудновато: все схвачено.

— Не тебя учить. Если надо, меняй на Москву.

— Крупные бабки понадобятся.

— Будут. Встречай через раз, понял?

— Усек, Вовик, будь спок.

— И быстро! Цены взлетят под небеса.

— Тебе оттуда виднее, с небоскреба, — лениво щуря глаз, Авдеев слегка отстранился: бедовая солисточка дагомысского эротического кабаре просунула руку ему под плавки. — Будь сделано.

— Тогда привет ребятам. Даю отбой.

— Ну, Коленька, — игриво протянула Настя, запуская коготки, — хватит, кушать хочется.

— Одзынь, шалава, счас! — он набрал московский код, дождался гудка и добавил еще семь цифр. Телефон Лехи Лохматого оказался занят, а шаловливая ручонка залезла глубже. — Не до тебя, говорю, счас!

После третьей попытки пошли длинные гудки.

— Это я, Леха, ботаешь?

— Здорово, Колян! Ты где?

— В польте! Бери тачку и дуй. Сегодня же сними два, а еще лучше три — смекаешь?.. Инструкции дам опосля. «Девятки» получил? Молоток! Пять штук оставь для меня, остальные можете толкать.

В душе Авдеева, где все еще теплились сентиментальные воспоминания детства, жила крохотная частичка Робин Гуда. Перед крупным делом он надумал преподнести щедрый подарок дружкам — одноклассникам из сельской восьмилетки. Они по-прежнему трудились механизаторами в родном совхозе, где народ перебивался с хлеба на воду, а дирекция возводила трехэтажные виллы, стойко держась за советскую власть.

«То-то обрадуются пацаны!»

Колян давно не посещал родные места. Единственная асфальтированная дорога до райцентра, которую проложили еще при Хрущеве, была вдрызг раздолбана гусеничной техникой. Выбоины, кое-где сглаженные наносной глиной с навозом пополам, густо поросли лебедой и сурепкой.

Но это к слову — маргиналии на полях, как не двусмысленно оно звучит: совхозные поля соответствовали дороге.

Развитие фабулы связано с событиями иного характера, хотя все связано со всем в этом мире причинности.

Летящие со скоростью света радиоволны были перехвачены в вольном эфире.

Запись разговора с Лехой Лохматым легла на стол полковника Всесвятского, а копия пошла к подполковнику Корнилову.

В тот же день, когда Леха, выйдя из банка «Регент Универсал», залез в свою «Волгу», за ним двинулась старенькая

«Нива», в которой сидели трое крепких парней — то ли частных охранников, то ли завзятых рэкетиров.

На Комсомольском проспекте, не доезжая до Фрунзенской, «Нива» обогнала и круто подрезала «Волгу», подмяв крыло и разбив левую фару. Леха сначала ударился в амбицию, но увидев, с кем имеет дело, предложил мировую. Как назло, подкатил «мерседес» ГАИ и начались взаимные препирательства. Парни полезли на рожон и даже схватились за карманы. Поле битвы осталось за гаишниками, вооруженными автоматами. На всех надели наручники и повезли на Петровку.

Казалось бы, разыграно было тонко, однако вышел облом. В чемоданчике Лохматого вместо ожидаемых миллионов нашли финансовые документы и всего три тысячи зеленых. Заделавшись преуспевающим американским бизнесменом, Китаец и Авдея отучил ворочать наличностью.

На следующее утро Леху пришлось отпустить. Для порядка спросили, откуда доллары, он назвал банк и даже предъявил квитанцию.

Это был прокол, не смертельный, но досадный. Всесвятский сделал Корнилову замечание, дружеский реприманд.

Если уж кто и знал Владимира Лукича Нефедова, как облупленного, так это Корнилов. Всесвятского и в помине не было в МВД, когда вокруг Китайца разворачивались нешуточные баталии. В точности отражая сложившуюся в воровской элите диспозицию, правоохранительные органы тоже разделились на сторонников и противников «короля». Сторонники на первых порах явно преобладали.

Истинно сказано: глупость не означает отсутствие ума — это такой ум. Короче говоря, милицейский генералитет высказался в пользу Китайца.

Еще в школьные годы Вова Нефедов увлекся борьбой, стал разрядником, потом кандидатом в мастера, побеждал на соревнованиях городского и республиканского масштаба. Это сделало его признанным главарем отпетой шпаны микрорайона. Способный молодой человек привлек внимание самого Тибетца, воспитавшего не одного уголовного авторитета. Он первым сделал ставку на тренированных спортсменов: боксеров, борцов и склонных к мистике и безграничному повиновению воле наставника любителей восточных единоборств. Предприятие было поставлено на широкую ногу и современный лад: контрразведка, агентура в правоохранительных органах, подкуп чиновников, вербовка специалистов по электронной технике.

Группировка действовала строго избирательно. Главным образом ее жертвами становились подпольные миллионеры — теневики, заведующие базами, магазинами, высокопоставлен-

ные взяточники. Словом, все те, у кого есть чем поживиться и кто не кинется потом звать милицию. К оружию старались не прибегать. Действовали интеллигентно.

Банда накололась на ограблении квартиры крупного антиквара. Нефедов, судимый впервые, проходил как соучастник и схлопотал пятерик.

> Сижу я в предварилке, жду от силы пятерик,
> Как вдруг внезапно всплыло это дело...

Прежние дела не всплыли. Пятью годами и ограничилось. Но какие это были годы! Милиция на все лады пела, что с организованной преступностью покончено раз и навсегда, а в зонах с полным соблюдением ритуала ковались новые кадры. Воровские традиции, не в пример моральному кодексу строителей коммунизма, блюли строго. Короноваться вором в законе, будучи еще молодым, считалось неслыханной честью. Тем не менее несгибаемый отрицала Китаец ее сподобился.

Во второй раз он попался на разбойном грабеже, отягченном нанесением телесных повреждений. Вместе с разными мелочами вроде вымогательства все потянуло на четырнадцать лет строго режима, невзирая на то, что еще тогда за Китайца ходатайствовали медалисты Олимпийской сборной. Только в карцерах Нефедов провел свыше года. На его счету было множество избиений и два убийства, но на сроке это никак не сказалось. По неписанной воровской традиции вину авторитета берет на себя уголовная шушера.

Авторитарные замашки Нефедова, очевидно, производили впечатление на администрацию, чьи потуги, собственно, и сделали из него форменного «короля».

Формула, предложенная столпами административной службы в генеральских погонах, выглядела до смешного просто: «Китаец держит на привязи преступный мир, мы водим на коротком поводке Китайца». Сторонники строгого исполнения закона, справедливо полагавшие, что бандиту, кем бы он ни был, место на нарах, остались в меньшинстве. В печати проскользнули сообщения о «санкционированных контактах» высокопоставленных чиновников мэрии и силовых структур с главарями наиболее одиозных группировок.

Предложения об установлении мирного сосуществования и даже сотрудничества между двумя разнополюсными сферами общественной жизни поражало беспринципностью, доведенной до полного абсурда. Циничная логика ГУЛАГа: «Сегодня умри ты, а завтра я», давшая зеленый свет фашизму, возобладала и тут. Машина завертелась с бешеной скоростью. Бумаги с грифом «секретно» обрастали визами лиц, которым законом

вменялось ловить преступников и содержать их за решеткой. В отделе ЦК, ведавшем административными органами, готовились проекты решений секретариата — уже под грифом «совершенно секретно».

Примерно так обстояли дела в 1991 году, когда шли ожесточенные баталии по поводу шестой статьи Конституции, узаконившей примат партии над народом и государством.

Китайцу предстояло провести за колючей проволокой еще целых четыре года, но, как по заказу, посыпались письма во всевозможные инстанции. Поднаторевшие на бюрократической переписке «законники», адресуя ходатайство начальнику исправительной колонии, не забывали указать. «Копия Председателю Верховного Суда СССР». Писали Президенту и Генпрокурору, в МВД и даже в Союз кинематографистов. Ходатаями выступали, как правило, люди именитые, титулованные: депутаты Верховного Совета, артисты-лауреаты, спортсмены-олимпийцы.

Если последних еще как-то можно было понять — Китаец имел звание мастера спорта по борьбе, — то с прославленными деятелями культуры и искусства у вора в законе, казалось бы, не могло быть ничего общего. Но было, было... Какие проникновенные строки рождались под вдохновенным пером! Каким благородным и чистым представал в них случайно оступившийся мастер спортивной борьбы.

Один народный артист, удостоенный и депутатства, и лавров, одинаково близкий властям и спортсменам от мафии, не упускал случая разразиться панегириком в честь униженного и оскорбленного. Как было не прислушаться к голосу, который знала вся, от края и до края, страна? Перед незакатной звездой кремлевских и милицейских концертов, перед тем, кому сама Раиса Горбачева жала руку, не могли устоять руководители высшего звена. Ну никак не могли!

В конечном итоге Коллегия Верховного суда РСФСР пересмотрела приговор Нефедова Владимира Лукича, заменив оставшийся срок пребывания в колонии условно досрочным освобождением. Решением суда Китаец был поставлен под административный надзор.

Под «надзором» в данном случае следовало понимать тесное сотрудничество. О том, насколько плодотворным оно оказалось, можно судить хотя бы по ежедневной хронике криминала. Кривая преступности продолжала неуклонно карабкаться вверх.

Согласно оперативным данным, Китаец организовал несколько заказных убийств, которым сам бог велел оставаться нераскрытыми, и пропал с глаз повивальных бабок с орденскими планками и лампасами. Как того требовала статья 198

в части 2 Уголовного кодекса, он был объявлен в розыск, который опять же никак не мог увенчаться успехом. Дальше бумажной переписки между милицейскими подразделениями дело не пошло.

Связи в самых разнообразных кругах позволили Нефедову обзавестись служебным загранпаспортом, хотя в перерывах между отсидками он нигде не служил. Синий паспорт предоставлял возможность, не спрашивая ничьего дозволения, выехать в любую страну, связанную с СССР безвизовым режимом: от Польши до Лаоса. Однако Китаец предпочел ФРГ, где для получения визы требовалась печать МИДа в графе: «выезд до...» Очевидно, нашлись друзья и в консульском управлении. Впрочем, пара сотен долларов позволяла обойтись и без сердечных объятий.

Так или иначе, объявленная в розыск очень важная персона беспрепятственно пересекла КПП в Шереметьеве и через три часа приземлилась во Франкфурте-на-Майне.

Посетив Берлин, Гамбург и Кельн, Китаец в короткий срок сумел сплотить разрозненные группировки бывших соотечественников в дееспособную организацию. Поставив во главе ее своего выдвиженца Мокроусова, более известного как Валера Монте-Кристо, он отбыл в Соединенные Штаты.

Где и каким путем удалось обзавестись американской визой, так и осталось тайной. Наверняка в консульской карточке против вопроса о судимости не был поставлен крестик, ибо иначе, чем неведением, невозможно объяснить снисходительность иммиграционной службы. О его деятельности за океаном в Москву доходили подробные вести. Притом настолько интересные, что занимали подчас целые газетные полосы.

Но кого сегодня всерьез волнуют газеты?

Стоит Китайцу пальцем пошевелить, и вместо того чтобы копаться в грязном белье, они воспоют ему осанну. И есть, за что. Народ должен знать своих наиболее замечательных представителей. Не важно, что уголовник. Бывшие уголовники заседают в Думе, учат жизни по телевидению. Такой век! Развивается человечество, не стоит на месте. Возьмем искусство, Древнюю Грецию, например. Сегодня три знаменитые грации — проститутка, нимфонка и лесбиянка. Так что лучше не выступать насчет уголовника. Достаточно одного звонка по радиотелефону, чтобы любой, за ничтожным исключением, московский банк предоставил Китайцу кредит на несколько миллионов.

Этим и только этим определяется истинная значимость.

Не приходится удивляться, что вокруг Нефедова вновь поднялась суета. Опять приглашают «короля» володеть, как неко-

его незаменимого варяга. Править зовут землей, что велика и обильна, но никак не дождется порядка. Теперь уже сам начальник государственно-правового управления мэрии получает санкцию на встречу с матерыми волками и по всем канонам нынешнего этикета созывает «круглый стол».

И, вторя послам, соблазнившим некогда ярла Рюрика, звучит единоустная мольба: «Верните Колю Авдеева, верните в Москву Китайчика. Он наведет порядок. Он станет центром, вокруг которого сплотятся организованные и сильные, он передушит всю эту мелочь, которая устраивает стрельбу на улицах, а вы будете точно знать, с кем вы имеете дело — с одним сильным хозяином»[1].

Что ж, каждое время действительно выдвигает своих героев. Когда Авдеева, взятого в мотеле «Лазурный», выпустили под залог — вернули, вернули Коляна! — Корнилову пришла в голову крамольная, но соблазнительная мысль: «Почему бы не выдвинуть Китайца прямо в президенты?»

До Нефедова он дотянуться не мог, но стреножить его наместника дал себе слово. Едва ли Константин Иванович осознавал это до конца, но Авдеев в его глазах воплощал наиболее отвратительные черты системы, которая была недостойна ненависти, но внушала стойкое омерзение. Она вырисовывалась уродливой химерой, где рядом с блатными мордами в семиклинках вырастали раскормленные рожи в генеральских папахах. Сруби любую, и боль почувствуют все. Стрела, приготовленная Коляну, метила в начальство, не обязательно непосредственное, но осознавалось это скорее в области чувств, эмоций. Бесполезно даже пытаться обрисовать то, что не имеет и не может иметь фигуры. Ни папах, ни кепочек, ни шляп: аморфная масса — тупая, всеядная, лживая.

Созвонившись с начальником российского отделения Интерпола, Корнилов поехал в штаб-квартиру национального центра, для которого мэрия не пожалела выделить бывший дом купца Родионова, причисленный к архитектурным памятникам.

В отличие от многих коллег по прежней службе, Сергей Платонович Невменов успел за короткое время приобрести внешне неброский, респектабельный лоск, отличающий международного чиновника. Изменилась не только манера поведения, но как будто даже и голос, утративший характерные обертоны. Он держался предупредительно и вместе с тем не-

[1] Цитируется почти точно по статье в газете «Сегодня». *(Примеч. ред.).*

множечко отстраненно, больше слушал, нежели говорил сам, легким движением бровей выражая полное понимание.

— Давно не виделись, Сережа, — преодолев минутное замешательство, по-товарищески обратился Корнилов. — Не звонишь, не появляешься... Наверное, ездить много приходится?

— Куда денешься? — Невменов пожал протянутую руку и слегка прижался щекой. Пахнуло хорошим трубочным табаком и английским одеколоном. Он и одет был, как англичанин: скромный, но дорогой твидовый пиджак, темно-синие идеально отглаженные брюки и галстук какой-нибудь кембриджской школы. — Живем в суете и помрем в суете. Садись, рассказывай...

— Рассказывать особенно не о чем и время у тебя отнимать не хочу. Давай сразу к делу, не возражаешь?

— К делу, так к делу, — не меняя радушно-выжидательного выражения, согласился Невменов. Пустись Корнилов в длинное повествование о своих горечах и заботах или, напротив, успехах у женского пола, он продолжал бы вести себя точно так же — благожелательно, но на расстоянии. — Буду рад помочь, чем только смогу.

— И помоги, — напрямую рубанул Корнилов. — Тем более что это входит в круг твоих прямых обязанностей. Мне нужны данные на одного известного тебе деятеля, точнее, на двух, если, конечно, второй где-нибудь засветился.

— Ты совершенно прав, — Невменов плавно склонил голову, которая, казалось, только что высвободилась из рук модного парикмахера. — Вы даете указания, мы принимаем их к исполнению. Никаких специальных запросов не нужно.

— К чему ты это? — смутился Корнилов. — Какие-то указания...

— Сперва я подумал, что ты просто хотел посоветоваться. Неофициально.

— И это тоже.

— Тогда все в порядке. Внимательно слушаю.

— Может, сразу пойдем в информационный центр? — с запоздалым раскаянием Корнилов оценил светскую непринужденность, с какой был поставлен на место.

— Зачем? Всю нужную информацию можно вывести на мой терминал. Давай, называй.

— Нефедов Владимир Лукич в настоящее время в США.

— Китаец? — отложив незажженную трубку — прямую, старого шотландского вереска, как не замедлил оценить Корнилов, — которую в легкой задумчивости вертел в руке, быстро набрал исходные данные. На экране возникло вполне благооб-

разное лицо, несколько одутловатое и окаймленное бородой, почему-то называемой «шкиперской». Взгляд сосредоточенный, уверенный, волевой. В принципе так мог выглядеть и путешественник, и шофер, и писатель. Справа от фотографии высветился полный дактилоскопический набор и поползли строки. — Можешь не всматриваться. Чего глаза даром портить? Я сделаю распечатку.

О подвигах Китайца на территории бывшего Союза интерполовская картотека ничего нового для Корнилова сообщить не могла. Куда интереснее было бы ознакомиться с его закордонными гастролями, но материал почему-то подавался исключительно скупо. Словно Китаец окончательно завязал: ни финансовых злоупотреблений, ни вымогательств, ни шантажа. Между тем сведения, которые исправно поступали в Москву, свидетельствовали об обратном.

Даже знаменитая афера с бензином оказалась в тени. Когда русская мафия, вернее, русскоязычная, а еще точнее, русскоговорящая, хотя и это не точно, ибо волапюк нью-йоркской колонии не лезет ни в какие ворота, — словом, когда банда Китайца захватила контроль над бензозаправочными колонками и начала мухлевать с октановым числом, Америка буквально встала на уши. Такой беспардонной наглости даже гангстерская столица мира представить себе не могла. Ведь автомобиль для американца почти домашнее божество. Все газеты кричали только об этом. Впрочем, правильно. Не пойман — не вор. Отсюда и обтекаемые формулировки.

«Есть сведения», «подозревается в причастности», «замечен там-то и с тем-то»...

— Негусто.

— Негусто, — согласился Невменов. — Не хватает прямых улик. Но можешь не сомневаться: они его разрабатывают. Пока это информация категории «известно», теперь посмотрим другую: «есть основания полагать».

Этот массив данных оказался поживее. Подозрительные контакты в Германии, Польше, тесные связи с сицилианской «коза ностра» и неаполитанской «каморрой», колумбийский след, косвенная причастность к поставкам оружия в Ольстер. Похоже, и за рубежом пытался выступить в патерналистской роли отца-объединителя. Но выйти в первые лица ему определенно не удалось — слишком крупные фигуры маячили на горизонте, тем не менее связи установились. Что же до русской мафии, то ее он целиком и полностью подчинил. Для американцев все бывшие «гомо советикус» — русские: азербайджанцы, украинцы, евреи, грузины. Китаец легко усвоил принцип «плавильного котла», признавая своим каждого, кто

признавал его «крестным отцом». Так среди «русских» боевиков оказались ирландцы, вьетнамцы и негры.

Однако подлинной неожиданностью для Корнилова явились контакты Нефедова с покойным Корешом.

— Тот самый? Который сгорел?

— Если бы он один! Сукин сын бросил в огонь семьдесят человек, даже больше.

— Но что общего может быть у уголовника с сектантами?

— Во-первых, бизнес. Взять хотя бы наркотики. Кто-то должен был поставлять их тому же Асахаре? Оружие опять же. Когда секта вступает на путь криминала, Бог отказывается от нее, — глубокомысленно изрек Невменов.

— Хорошо сказано. Она превращается в обычную шайку, точнее, в шайку особого рода, — поправился Корнилов.

— А шайки либо ищут сотрудничества, либо вступают в борьбу за рынок. Кто там еще у тебя?

— Рогожа-физик. Кроме кликухи, ничего нет.

— Если наш пациент, найдем.

— Сколько их у вас на сегодняшний день? Тысяч сто пятьдесят?

— Перевалило за двести. Картотека пополняется каждый день, — Невменов постучал по клавишам. — Сожалею, но ничего нет... Пока.

— Спасибо и на том, — задумчиво кивнул Корнилов. — Послушай, Сережа, вы ведь ведете оперативную работу?

— Как же иначе?

— Что ты думаешь по поводу этой чернухи с печенкой?

— Наверное, то же, что и ты. Какой-то театр ужаса!.. А что?

— Я и сам не знаю. Топчемся на одном месте. Там, за бугром, хоть что-нибудь похожее было?

— Тебя интересуют прецеденты? Мысль в принципе здравая. Надо подумать, но предупреждаю заранее, на скорый ответ не надейся. Придется поднять все, что связано с трансплантацией органов.

Глава девятнадцатая

НЬЮ-ЙОРК

Необъятный эфир, коммуникационный спутник, все та же электромагнитная волна, слетающая с антенного прутика радиотелефона и пойманная на другом конце света.

Китаец звонил вовсе не с крыши небоскреба, как не совсем удачно пошутил Колян, а из нью-йоркского контейнерного терминала, расположенного в соседнем штате Нью-Джерси. Невдалеке от нефедовского «мустанга» на забитой машинами стоянке приютился серебристый «шевроле» с притемненными стеклами, оборудованный сложнейшей микроволновой техникой.

Вместе с телефоном абонента из загадочной заокеанской страны, вчерашнего противника, а ныне почти партнера, была записана и вся беседа: от первого до последнего слова.

«Шевроле» с номером штата и города Нью-Йорк принадлежал Федеральному бюро расследований, и сидели в нем офицеры городского отдела по борьбе с русской организованной преступностью: выпускница Гарварда Дилайла Брейтуэйт и уроженец Ленинграда, а ныне вновь Петербурга Майкл (Михаил) Кузнецов. Не только русский язык, но блатная феня и молодежный сленг не составляли для них проблемы.

Китайца FBI вело уже второй год. Общая длина магнитофонной пленки измерялась километрами.

— Что такое «грев»? — спросила Дилайла. Это было единственное слово, оказавшееся благодаря характерному Вовикиному акценту не совсем понятным.

— Регулярные поставки в тюрьму жратвы, курева и драга, — объяснил Майкл, — чтоб братва за решеткой не замерзла с тоски... Китаец постоянно опекал Владимирский централ, теперь его полномочным представителем сделался Авдей.

— А «чечня»? Это он о чеченской диаспоре?

— Я бы сказал, о ее мафиозной части. К событиям на Кавказе разборки прямого отношения не имеют.

— Это я поняла.

— Долго нам еще здесь торчать, как ты думаешь?

— Ну, я торчу, Майк! — козырнула эрудицией гарвардский магистр.

— Пока не отгрузят. Он же будет вести свой контейнер до Брайтон-Бич.

— Он — контейнер, мы — его?

— До первой подмены.

— Замечательно, — обрадовался Майкл.

— Тебе наскучило?

— Совсем нет. Я только подумал, что с такой информацией не стоит медлить.

— Находишь? Кроме курьера, которого он собирается отправить через неделю, я не обнаружила ничего особо примечательного.

— Сразу видно, что ты не имела контактов с CIA.

— А ты имел?

— Что ты! — смутился Майкл. — С какой стати? Просто я из Союза, и одно слово, на которое ты не обратила внимание, меня насторожило.

— И какое слово, Майк?

— «Жуковский».

— Жуковский? Поэт?

— Академик, хотя литература у вас была на высоте. Речь идет о подмосковном городе, названном в честь корифея русской авиации. Там расположен крупнейший научный и производственный центр космонавтики, основанный еще Королевым. Уверен, что это неспроста. Они затевают нечто значительное.

— Странный ты парень, Майк. Запросто делишься такой информацией. Мог бы блеснуть на докладе у шефа. Все бы увидели, какой ты незаменимый сотрудник. Шанс продвинуться.

— Я же твой напарник, Дилайла! Все пополам. И вообще поскольку ты старшая, было бы неэтично...

— Русские все такие воспитанные?

— Вову с Коляном слышала?

Офицер Брейтуэйт рассмеялась, тряхнув кудрями рыжей ирландской ведьмы.

— Какое у тебя красивое имя. Я давно хотел сказать.

— Спасибо. По-моему, самое обычное.

— Не скажи. Помнишь песню: «Way? Way? Delayla, may, may, Delayla»?.. Я когда-то балдел от нее. Английский знал с пятого на десятое и все думал, что за Дилайла такая? Лайла, наверное.

— Ты не читал Библии?

— Почему? Читал, — Майкл слегка покраснел. Богодухновенная книга попала к нему в руки только в Штатах, в подарок от Библейского общества. — Почему ты спрашиваешь?

— Историю про Самсона и Дилайлу помнишь?

— Дилайлу? Далилу!.. Ах, да! Далила и есть Дилайла. Глупость сморозил.

— Он трогается, — Дилайла включила зажигание. — Начинаем преследование, шестой, — сказала в микрофон.

— Ждем вас!

На пересечении с дорогой № 17 она свернула направо, а на хвост Китайцу сел коричневый «кадиллак» с номером штата Вирджиния. Однако перед «четырехлистником» развязки Китаец, прибавив скорость, обошел трейлер и скрылся из глаз, заслоненный громадой вихляющего контейнера компании «Си лэнд». Описав вслед за ним разомкнутую окружность, преследователи вновь увидели красный «мустанг», но

он был уже далеко внизу и мчался в другом направлении. Не оставалось ничего иного как передать контейнер следующей смене. Можно было поставить сто к одному, что груз не содержит ничего противозаконного: агент FBI наблюдал за таможенным досмотром, и вообще с легальным бизнесом Китайца не возникало осложнений. Даже всемогущая налоговая служба не имела к нему претензий.

— Космический центр? — заинтересовался Реджинальд Уэлдон, заместитель начальника городского отдела, запросив данные по Жуковскому. — Удивительно ко времени.

Перехват действительно совпал с триумфальной стыковкой «Шаттла» со станцией «Мир».

Компьютер начал выдавать строчки, одна другой интереснее. В Жуковском находилась взлетно-посадочная полоса для «Бурана», и, хотя русские из-за финансовых трудностей отложили проект в долгий ящик, капитальное сооружение решили использовать для нового международного аэропорта. Отсюда и пристальное внимание мафии: контрабанда, контроль за грузами вообще и наркотиков, в частности. Возможности почище, чем в Шереметьеве. За Жуковский уже шло ожесточенное соперничество между ВПК, ТЭК и московскими властями. В борьбу было вовлечено несколько крупных коммерческих банков и фирм.

— Поздравляю, Дилайла, — пошутил Уэлдон. — Пошлем тебя на космическую станцию брать Китайца. До сих пор такое только в кино показывали, но двадцать первый век уже дышит в затылок.

— Считаю долгом отметить офицера Кузнецова, сэр, — доложила Брейтуэйт. — Он первым обратил внимание на Жуковский.

— Отлично.

— Будут какие-нибудь указания?

— Продолжайте вести наблюдение. Теперь его связи приобретают особый интерес. С того дня, когда он через братьев Голдбергов вошел в контакт с семьями Гамбино и Дженовезе, его банда превратилась в организацию, представляющую серьезную опасность.

— Мне кажется, что мы могли бы нанести внезапный удар. Некто Николаев, отец американской гражданки Олеси Корнблат, застрелен под Москвой людьми Китайца. По-моему, это достаточный повод...

— Нет. Оперативные данные мы не сможем использовать в суде. Учтите, что он пригласит самых искусных адвокатов.

— А если обратиться за содействием к русским?

— Мы уже обращались, и они существенно облегчили нашу задачу. Тем не менее продолжают придерживать информацию. По крайней мере мне так кажется.

— Как и мы, сэр.

— Как и мы, но таковы условия игры. Умные люди никогда не раскрываются до конца. Еще есть вопросы?

— Только один.

— Давай, Брейтуэйт, не стесняйся.

— Удалось установить личность абонента? Коляна?

— Небезызвестный Авдеев. Он есть у нас в файлах. Китаец пытался организовать его поездку в Нью-Йорк и Монреаль, но мы отказали в визе. Канадцы, как ты наверняка догадываешься, поступили таким же образом.

— Понятно, сэр.

— Передай мою благодарность напарнику. И никаких превентивных действий, ребята. Это не значит, что вы должны всякий раз позволять объекту уйти. Излишняя вежливость.

— Он опять провел меня.

— Заметил слежку?

— Не думаю. Китаец исключительно осторожен. Нигде не позволяет себе хоть немного расслабиться.

— Пытаешься оправдаться?

— Нет, сэр. Простая констатация.

— Тогда чашку кофе?

— Не откажусь... Сувенир из Москвы? — Дилайла указала на милицейскую фуражку, приютившуюся на книжной полке, заставленной всевозможными безделушками и фотографиями в латунных рамках.

— Подарок подполковника Корнилова. Кажется, мы друг другу понравились. — Уэлдон включил кофеварку, достал из тумбы стола две объемистые, толстого фаянса посудины с клеймом FBI. Тот же фирменный знак красовался и на легкой ветровке Брейтуэйт, наброшенной поверх открытого платьица.

С Корниловым Реджинальд Уэлдон, прошедший долгий путь от рядового детектива до замначальника нью-йоркского отделения, познакомился на церемонии открытия представительства FBI (а по-нашему ФБР) в Москве. Знакомство оказалось взаимовыгодным. У американца создалось впечатление, что русские из ложной скромности несколько преуменьшают размах оргпреступности. Их действия носят спорадический характер и недостаточно эффективны. Возможно, это связано с тем, что они еще не привыкли существовать в жестких правовых рамках. Адвока-

тура в этом отношении перестроилась намного быстрее полиции и, в особенности, суда. Судебное разбирательство, на котором ему довелось присутствовать, производило жалкое впечатление. Особенно впечатлял прокурор, снявший обвинение перед вынесением приговора. В целом обстановка в России напоминала далекие тридцатые годы — период великой депрессии. Только так называемых «воров в законе» — категория, совершенно неизвестная в гангстерской среде, — у них около трех тысяч. В какой-то степени вор в законе может быть приравнен к крестному отцу. Они обычно выступают в роли третейских судей при разборках. По меньшей мере тысяча таких воров приходится на Москву и прилегающие области, процентов двадцать сидят в лагерях, остальные рассредоточились по стране, где контролируют группировки бойцов и бизнес.

Статистические данные русских несколько расходились с информацией, которой располагало ФБР. Не выделяя особо воров в законе, эксперты по России примерно в тех же цифрах — около трех тысяч — определяли количество бандитских формирований. Двести из них связано с другими регионами и зарубежьем. За последние годы ими совершено двадцать тысяч преступлений, около трехсот громких убийств, свыше трех тысяч разбойных нападений с применением оружия. На Украине и в Узбекистане действуют еще четыреста групп, тесно связанных с российскими.

Мафия контролирует весь теневой бизнес, втягивая в свою деятельность крупных чиновников, которых использует в качестве прикрытия. В ее безраздельном владении находятся транспортные предприятия, такси, игорные дома. Сходки обычно происходят в ресторанах, вроде «Гаваны» на Юго-Западе Москвы или «Золотого колоса», где отмечали годовщину смерти Отара Квантришвили, на которую был приглашен Китаец. Мотели и Южный порт тоже фактически отданы в руки уголовников. Под особым наблюдением находятся высшие офицеры МВД. Под них создаются коммерческие структуры, открываются валютные счета в зарубежных банках.

Москва поделена на зоны влияния между восемью наиболее могущественными организациями. Еще двенадцать действуют параллельно. Общие силы достигают восьми тысяч бойцов, что представляет непосредственную угрозу и для политического режима. Тем более что постоянно вовлекаются новые силы, главным образом из рядов КГБ, МВД, ГРУ и воздушно-десантных войск, а также служащих военизированной охраны и спортсменов.

В компьютерное досье ФБР были занесены подробные данные по всем наиболее крупным мафиозным структурам, вклю-

чая славянские, кавказские и даже ассирийскую, чье поле деятельности оказалось необычайно широким: разбой, мошенничество, оружие, наркотики, контрабанда, проституция, рэкет, азартные игры, финансовые хищения.

После ареста в Бронксе нескольких визитеров, на ассирийцев было обращено пристальное внимание. Вспомнить о них именно теперь Уэлдона заставил недавний эпизод в том самом Жуковском, где, как оказалось, разрабатывались первые баллистические ракеты, равно пригодные для нанесения ядерного удара и мирного освоения космических просторов.

В компьютере содержались сведения о кровавом столкновении между ассирийской и азербайджанской группировками. Объектами разборки стали аптечные киоски и лаборатория сертификации лекарств. Тут было над чем поразмыслить. Первую пришедшую на ум мысль о наркотиках пришлось отложить про запас. Преступность не считается с государственными границами, и в этом отношении русские ничем не отличаются от американцев. Участившиеся в последние месяцы встречи отечественных мафиози с сектантами заставляли задуматься о куда более серьезной опасности, чем те же наркотики. Расследование деятельности секты «АУМ сенрикё» каждый день преподносило ошеломительные сюрпризы на сей счет. Поскольку асахаровские филиалы функционировали и в России, и в Штатах, инцидент в Жуковском приобретал зловещую окраску. Тем более что сектанты, уйдя в подполье, не собирались сворачивать свою деятельность. От осведомителей стало известно, что адепты «Учения истины», обосновавшиеся в университетском районе Гринич Вилледж, резко увеличили закупки наркотических веществ и галлюциногенов. Та же картина наблюдалась и в Калифорнии, особенно в окрестностях Голливуда. Сообщения об этом поступили от Секретной службы Соединенных Штатов.

Зафиксированный контакт Китайца с преподобным Джоном, в миру Чжан Канкан (доподлинный этнический китаец, натурализовавшийся в Штатах в 1987 году), вырисовывался несколько в ином свете.

Встреча состоялась в баре «Уинго» (завтраки, обеды) на Сорок девятой улице. Осмотрительный и недоверчивый Нефедов выслал Леню Пидкоблученко, бойкого одессита, болтавшего, одинаково скверно, на дюжине наречий. Видеозапись запечатлела малейшие подробности беседы. Ели яичницу с ветчиной и блинчики с кленовым сиропом. Леня в довершение умял под кофе здоровенный кус вишневого пирога.

Вводная часть на ломаном американо-английском звучала по-идиотски.

Леня. Привет, Всадник.

Чжан. Я уже просил вас никогда так больше не говорить.

Леня. Почему, ваше преподобие? Я не раз слышал, как вас называли.

Чжан. Кто?

Леня. Как кто? Ваши.

Чжан. Это их заботы, а вы забудьте.

Леня. Уже забыл! Но дело не в этом.

Чжан. А в чем ваше дело?

Леня. Ни в чем. По-моему, это ваше дело. Вы хотели меня видеть, я не напрашивался. Но не будем ссориться.

Чжан. Довольно болтать. Что у вас есть для меня?

Леня. А чего вы хотите?

(Чжан достает записную книжку, вырывает листок и передает Пидкоблучко. В объектив написанное не попадает.)

Леня. Ого!

Чжан. Что вас так удивляет?

Леня. Меня ничего не удивляет. Но зачем вам столько?

Чжан. Это вас не касается. Если не можете, так и скажите.

Леня. Мы можем все, только придется обождать. «Белок» это вам не крэг! Тут хватит на весь Нью-Йорк, плюс Шанхай и Одессу в придачу.

Чжан. Сколько времени вам понадобится?

Леня. Пока не знаю. Надо будет узнать у поставщика. Такое количество...

Чжан. ЛСД-25?

Леня. Будет.

Чжан. Когда?

Леня. Можно недели через две. Я дам знать.

Чжан. Я сам вам позвоню.

Леня. Как хотите.

Чжан. Псилобицин?

Леня. Первый раз слышу. Спрошу... «Травка» не нужна?

Чжан. Нет.

Леня. Жаль. Как раз поступила приличная партия.

Чжан. Значит, насчет триметилфенталина мы договорились?

Леня. Мое слово — закон, дело за вами. Как будете оплачивать?

Чжан. А вы как предпочитаете? Чек.

Леня. Надо подумать: слишком крупная сумма набегает. Наши цены вы знаете?

Чжан. На крупнооптовую партию полагается скидка?

Леня. Полагается надбавка за риск. Уж очень много.

Чжан. Возможна поставка частями, но в ограниченные сроки.

Леня. В Москве доза идет по четыреста, оптовикам — триста.

Чжан. Тут вам не Москва.

Леня. И не Пекин. Крайняя цена — двести семьдесят.

Чжан. Двести двадцать, в четыре приема.

Леня. У меня инструкции. Только вам, как старому клиенту, могу сказать по секрету: предельная черта — двести шестьдесят пять.

Чжан. Двести тридцать, если достанете все.

Леня. Двести шестьдесят, но предупреждаю вас, лично я ничего на этом не заработаю.

Чжан. Слишком дорого.

Леня. Не дороже денег. Поищите дурака, который согласится торговать себе в убыток. Конфиденциальность тоже дорогого стоит!

Чжан. Это намек? Угроза?

Леня. Ничего подобного! Просто хочется лишний раз напомнить, что фирма солидная. Рекламаций на наш товар не предъявляют.

Чжан. Двести тридцать пять будет вполне достаточно.

Леня. Вы меня уморите. Давайте — ни вам, ни нам: двести пятьдесят. О'кей?

Чжан. Двести сорок — и все!

Леня. Уделаться можно. Двести сорок пять — и конец! Только ради вас.

Чжан. Ладно, договорились.

Уэлдон еще раз просмотрел запись. Интуиция не обманывала. Секта определенно готовила какую-то крупную акцию. Собрать достаточно доказательств за такой короткий срок все равно не удастся, поэтому придется брать при передаче. Нельзя, чтобы такое количество отравы попало в руки маньяков.

Здесь все не случайно, все выстраивается в единую цепь: террористы, сектанты, гангстеры. Даже если они и не связаны между собой напрямую. Что общего между подонком, устроившим чудовищный взрыв в Оклахоме, и «Ветвью Давидовой»? Экстремисты расистской закваски будут мстить за гибель безумных фанатиков, которые пошли на самосожжение, вместо того чтобы добровольно сдаться властям. Скажи это кто-нибудь еще год назад, его бы на смех подняли. Однако пожалуйста: день в день, как по заказу. Про Джеймса Джонса в конторе и вспоминать не хотят. Все потому, что у CIA и KGB рыльце в пушку. Нет бы задаться вопросом, где раздо-

был Малыш Джимми засекреченный в ту пору смертельный яд?

Уэлдон выезжал в дебри Гайаны, где Джонс построил свой «Город Будущего» — жалкие хижины в заболоченной сельве, кишащей гадюками и пауками. Женщины с грудными детьми и плодом во чреве, мальчишки, старухи — горы распухших тел, изъеденных муравьями и ящерицами, тучи москитов и мух. Кошмарное зрелище! Расследование показало, что, за редким исключением, сектанты подверглись насильственной инъекции. Подлинных самоубийц практически не обнаружили. Можно не сомневаться, что и паства Кореша не слишком жаждала вознестись в небеса на крыльях пламени и дыма. Не раем, но адом несет от обугленных трупов. Жаль, проверить нельзя: токсины выгорели вместе с мясом.

Джонс, Кореш, Асахара — кто следующий? Преподобный Джон? «Всадник»? Что это значит: «Всадник»? Воровская кличка или нечто совсем уже запредельное? Как он сказал, этот русский: «белка» хватит на Нью-Йорк, Шанхай и Одессу»?..

Вопрос налезал на вопрос. Черные мушки дергались перед глазами. Ответ мерещился, но при малейшем усилии исчезал в беспросветном омуте, и все приходилось начинать с самого начала.

Уэлдон намеревался запросить главную квартиру в Вашингтоне. Все, что от него требовалось, это четко сформулировать задачу и дать конкретные предложения.

А слова рассыпались, как хрустальные шарики от люстры, грохнувшейся с потолка.

Не иначе, давление вновь подскочило.

Он выключил компьютер, закрыл сейф, запер кабинет и вышел на улицу, истерзанную жарой. Купив на углу бутылку пива «Премиум», сунул ее в бумажный пакет, чтоб не дразнить полицию, и, перейдя через дорогу, устроился на скамейке в скверике.

Пиво оказалось переохлажденным — заныли зубы, — но сумбурное мельтешение под черепной коробкой пошло на убыль.

Глава двадцатая

«С ВОЗВРАЩЕНЬИЦЕМ, ИВАН НИКОЛАИЧ!»

В бывшем депутатском зале, чьими услугами нынче за скромную сумму мог воспользоваться каждый желающий, Кидина поджидали Смирнов с охранниками и шофер.

Валентин успел опорожнить две банки «Будвайзера», а Вася удовольствовался чашкой кофе. Физиономии у обоих были скучные.

— С благополучным прибытием, Ваникалач! Как долетели?

— Нормально, — Кидин сразу заподозрил неладное. — А что у вас?

— Мы тут дождемся вещей, а ты, Васек, давай на стоянку, — распорядился Смирнов.

— Постараюсь встать поближе, — залпом допив кофе, сказал шофер.

— Почему столько народу? — Иван Николаевич кивнул на охранников, застывших у стойки бара.

— Есть основания, Николаич. Не здесь.

— Тебе виднее, а все-таки? — забеспокоился Кидин. Удар мог последовать с любой стороны. Власти? Но тут все схвачено, а если что, то не поможет никакая охрана. Неужели наезд? За жену он особенно не волновался. Валентин сообщил, что застряла у Селницких, пусть ее... Лора вообще никогда не встречала его, только иногда провожала.

— Беда у нас, Николаич, — нагнувшись к самому уху, шепнул Смирнов, — Лобастов убит.

— К-к-как так, убит? — от неожиданности Кидин начал заикаться. — Он же в Японии! Третьего дня я говорил с ним по телефону...

— Вчера прилетел... По дороге из Шереметьева, возле Химок.

— Ладно, потом, — Кидин схватился за виски. — Пошли к машине. Оставь кого-нибудь проводить носильщика.

Весть об убийстве Лобастова ударила, словно обухом по темени. Даже в глазах потемнело. Не то чтобы особенно жаль было Геннадия Прокоповича, нет, конечно же, жаль, но страх оказался сильнее любых сожалений. Все постороннее мигом отлетело, потеряв всякую цену, и Кидин остался один на один с нестерпимым, всепоглощающим ощущением безысходной беды.

— Кто? — спросил он по пути к машине, едва шевеля губами.

— Ничего не известно.

«Не известно», — мысленно повторил Иван Николаевич. Беспросветная неизвестность объяла со всех сторон. Теперь и до него доберутся. Возможно, Лобастова и убили только потому, что не ко времени оказался на месте. Метили в него, Кидина. Парализованная мысль вспыхивала и гасла, как мигалка на перекрестке. Он утратил способность рассуждать здраво. Прокопыч сказал, что собирается задержаться еще на неделю, ждет продления. Откуда могли узнать, что он вне-

запно сорвется и прилетит? Наверное, сам позвонил распорядиться насчет машины. Значит, кто-то из своих? Или установили подслушку? Никак не удавалось сосредоточиться. Почему Лобастов так скоропалительно поменял планы? В чем причина? Что произошло в этом проклятом Токио?.. Дурацкий вопрос! Да все, что угодно. Оттуда и пошли неприятности. Легко сказать, неприятности! Все только начинается. Надо же было вляпаться в такую клоаку.

— Как ты думаешь, кто? — вновь спросил Кидин. О Лобастове он думал теперь почти с ненавистью: заварил кашу, втравил, а кому расхлебывать? Прав Валентин — с дерьмом нельзя связываться. На вонючие иены клюнули, будь они прокляты.

Смирнов только головой мотнул, прокладывая дорогу среди мельтешащей толпы. Тележки с поклажей, полно сомнительных личностей, непрерывно подруливают и отъезжают машины, хлопают дверцы, взлетают крышки багажников — напряженная атмосфера. Плотно зажатый между Смирновым и бойцом охраны, перекликавшимся с напарником, дежурившим в «мерседесе», Иван Николаевич особенно остро ощущал свою полную беззащитность.

— Что он там делает в машине, твой лоб? — раздраженно прошипел он. — Лучше бы вышел встретить.

— Спокойно, Иван Николаевич, сейчас будем на месте, а за машинами тоже пригляд требуется. Сюда, пожалуйста.

«И верно, — подумал Кидин, падая на сиденье, — могли и бомбу подложить».

— Поглядел бы, нет ли чего... Снаружи?

— Спокуха, Николаич. — Валентин приспустил стекло и приготовил десятитысячную купюру. — Давай, Васек.

Перед шлагбаумом машина остановилась. Высунув деньги вместе с квитанцией, Смирнов окликнул сторожа. — Без сдачи.

— Доброго пути, Валентин Петрович! — сторож поднял шлагбаум.

— А багаж? — спохватился Кидин.

— На месте, Ваникалач, — успокоил шофер, увеличивая скорость.

Поджидавший у въезда на эстакаду мощный «лендровер», мигнув задними огнями, резко взял с места. Никогда прежде Кидина не встречали с такой помпой. Успокоения это не принесло, скорее напротив.

— Поедем по Кольцевой, — сказал Валентин.

Охранники — слева и рядом с шофером — слегка расслабились, вынув руки из-под курток с приспущенной молнией.

— Знаешь, что удумали наши депутаты? — недобро улыбнулся Смирнов. — Какой закон собираются протолкнуть?

— Откуда? — вяло откликнулся Кидин. Цирковые представления в Думе в данный момент его не слишком заботили. — Опять с налогами?

— Насчет налогов не скажу, а вот разоружить нас, кажется, собираются.

— То есть как это — разоружить?

— Очень просто. Оставить только газовые пистолеты. Понимаешь, что это значит? С хлопушками против автоматов. Полный абзац. Ничего сделать не сможем. Если пройдет, буду искать другую работу. Ты уж не обижайся.

— Обрадовал! Думаешь, пройдет?

— Похоже на то. МВД лоббирует. Под предлогом, что среди нашего брата много не тех людей. Для бандитов — это форменный праздник.

— А правительство?

— МВД тебе не правительство? Одна шайка-лейка.

— Ну, это мы еще посмотрим! У нас тоже свое лобби имеется. Я провентилирую. — Кидина с головой накрыла новая волна страха. Он чувствовал, что начинает задыхаться. С чего бы это Смирнов начал такой разговор? Неужели струсил и хочет слинять? В такую минуту! А если перекупили? Всех скопом! — Затравленно зыркнув на сидящих по бокам, он уперся в коротко остриженные затылки передних. Кто эти люди? Что в сущности они собой представляют? И куда везут? Почему вдруг по Кольцевой?

Впереди маячило, закрывая обзор, запасное колесо «лендровера» — шли на короткой дистанции, — по обеим сторонам дороги мелькали березы и ели.

— Зачем сразу-то на Кольцевую, Петрович? Мы же всегда через Фестивальную? — сглатывая подступившие слезы, то ли всхлипнул, то ли шмыгнул носом Иван Николаевич, почти уверившись, что его ожидает участь Лобастова. В любую секунду мог прозвучать выстрел.

— Ты так и не понял? — равнодушно удивился Смирнов. — Я ж говорил, что Прокопыча ждали у Химок. Хочешь повторить маршрут?

— Да-да, конечно, ты, как всегда, абсолютно прав. Не знаю, что бы я делал без вас, ребята! Со следующего месяца всем увеличу оклад.

— Кто бы спорил, — благодарно кивнул Валентин, подумав, что на шефа закулисная возня в Думе произвела должное впечатление. Что ж, всякое даяние — благо, хотя сказал он без всякой задней мысли. — И вообще, Николаич, я посчитал, что всем нам не доставит радости проехать мимо того места...

— Ты правильно решил, — у Кидина немного отлегло от сердца. Он даже подумал, что смерть Лобастова может оказаться весьма на руку. Он проталкивал японские проекты, добывал инвестиции, заключал контракты. С него и спрос. Президент не в состоянии проследить за каждой бумажкой. Продохнув тяжесть в груди, Иван Николаевич громко высморкался и попросил воды.

Шофер, не оборачиваясь, перебросил назад литровую бутылку «Севен ап».

Кидин отвинтил пробку и жадно приник к горлышку, но, едва сделав первый глоток, поперхнулся, застигнутый мыслью о Лоре. Кто, как не он сам, сделал ее президентом «Сибирь Петролеум»! Пусть номинальным, даже без права подписи, но тем не менее... Ведь именно через «Сибирь» Прокопыч прокручивал японские денежки.

Эта невольная аллитерация: «Прокопыч прокручивал» — скрежещущим сверлом ввинтилась в грудь, вызвав болезненное удушье. Насилу удалось откашляться.

— Что с тобой? — наклонился к нему Смирнов. — Не в то горло попало?

— Не в то, Петрович. Не туда... Такая, видно, пошла полоса... Как же оно случилось, с Прокопычем?

— Что можно сказать? Выслал за ним машину с Веселкиным, а в двадцать сорок — звонок. Так, мол, и так. Обстреляли вашего вице-президента. Веселкин скончался в дороге, а Нерсесов, шофер, в реанимации. Может, и выживет.

— Звонили из милиции?

— С Петровки. Знакомый там у меня. С утра я сразу к нему. Он прямо сказал: заказное. Стреляли двое, из автоматов. Видно, выскочили на дорогу — переднее стекло, что твое решето. Машина проехала метров пятьдесят и в столб. Прокопыч еще жив был, так они его добили.

— Откуда это известно?

— Все по науке: контрольный выстрел. Очередь по нему дали, почти в упор. Остáльных не тронули. Профессионалы!

— Вещи взяли?

— Вроде нет, а там, кто знает? Пока менты прибыли, любой мог поживиться. Кейса точно при нем не нашли, а бумажник с деньгами на месте. Я же говорю: профессионалы. Он один был им нужен, или бумаги, которые были при нем. Не знаешь, что он вез?

— Откуда мне знать? Он даже не по линии банка ездил, от своего хозяйства.

— Да, человек был самостоятельный.

— То-то и оно, — со значением закивал Кидин. — Слишком самостоятельный. Я толком не знаю, зачем он и в Японию-то слетал.

Смирнов промолчал. Он хорошо помнил, как Кидин обмолвился, что говорил с Лобастовым по телефону.

— Следов, ясное дело, никаких, Петрович?

— Какие следы! Россыпь стреляных гильз калибра пять, сорок пять? Так их за день на статую Владимира Ильича можно насобирать. Трассологов не хватит, чтоб разобраться.

— А свидетели? Ведь оживленнейшая трасса. Машины сплошным потоком.

— И ты думаешь, кто-нибудь остановится? Чтоб на стрельбу поглазеть? Как бы не так. Только крепче на газ надавят. Лично я бы не остановился. Со свидетелями у нас туго, Николаич. Людей понять можно: защиты никакой. Кому охота беду на себя накликать? Безнадежный случай.

Кидин и сам знал, что безнадежный. Но пошли знакомые места, он приободрился, втайне высмеивая себя за мнительность. Захотелось так, запросто, поболтать с Валентином, который вновь стал ему симпатичен и дорог.

«Дорог»? С прибавкой Кидин, пожалуй, погорячился: разыгравшееся воображение подвело. Но никуда не денешься — слово не воробей. Процентов десять придется подкинуть.

— Лариса Климентьевна дома?

— Ждет, — улыбнулся Смирнов. — Все глаза небось проглядела. Я вчера сам ее с Николиной Горы привез. Оттого и припоздниился. Едва порог переступил, как нате вам, Петровка, 38. Кстати, Николаич, он и с тобой хочет встретиться.

— Кто — он? — насторожился Кидин.

— Подполковник Корнилов, гроза бандитов.

— В самом деле гроза?

— Начальник отдела по борьбе с оргпреступностью или как он там у них называется.

— Это он — твой приятель?

— Я бы не сказал, что приятель. Недавно познакомились. Совершенно случайно за одним столом оказались. Обходительный мужик. Был настолько любезен, что сразу же позвонил мне. Иначе бы мы и до утра не хватились.

— Я-то ему зачем понадобился?

— Шутишь, Иван Николаевич? Такая трагедия! Кого же спрашивать, ежели не тебя?

— Он что, расследование будет вести?

— Сыщик он, понимаешь? Сыщик. Его задача ловить, хотя это дохлый номер.

— Не знаю, чем смогу помочь. Ты, надеюсь, сказал, что я в отъезде?

— Сказал, не сказал — какая разница? Сам скажешь, что захочешь. Конечно, сказал! В семнадцать, говорю, должен приземлиться, еду встречать. Неужто тебе алиби понадобилось? — засмеялся Смирнов.

— Язык у тебя, Валентин... Не стыдно?

— Так чего ты волнуешься?

— Даже не думаю волноваться. Просто никак в себя прийти не могу. Кошмар какой-то. Главное, людей жалко. Прокопыч! Такой человек... И твои — тоже.

— Ну вот ты и дома, — не слушая его, облегченно вздохнул Валентин. — Доехали без приключений.

Железные створки ворот поползли в стороны, показались серебристые ели, выстроившиеся вдоль длинной аллеи, ведущей прямо к крыльцу.

На ступенях стояла Лора, отчетливо видимая в золотистом, как вино, предвечернем свете. Загорелая, в легоньком сарафанчике, она казалась удивительно юной.

Приветливо помахав рукой, сошла вниз, остановившись на последней ступеньке. Она улыбалась безмятежно, умиротворенно и ласково.

Иван Николаевич подумал, что ей еще ничего не известно.

— Она знает? — спросил он, невольно подавшись вперед. — Про Лобастова?

— Не думаю. У меня с самого утра свободной минуты не было.

— Ну и ладно. Сам не понимаю, зачем спросил. Спасибо тебе большое.

— За что?

— За все, Валентин. Только в такие минуты по-настоящему понимаешь, как много значит плечо друга.

КОГДА СИЛЫ НА ИСХОДЕ, ПОМОЖЕТ «МАРС»

Глава двадцать первая

РЛС СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

На сверхсекретном объекте военно-космических сил произошло чрезвычайное происшествие: инфракрасные и ультразвуковые приборы зафиксировали присутствие постороннего. Включились сигналы тревоги. Вой сирен огласил отсеки и коридоры многоэтажного бункера, углубленного на сто и более

метров в скальный грунт. За долю секунды были автоматически перекрыты все входы и выходы. Электронные запоры наглухо замкнули неимоверной толщины двери из жаропрочной брони, выдерживающей прямое попадание коммулятивного снаряда. Были тщательно обысканы помещения, охрана и контрразведка обследовали каждый угол, включая вентиляционные трубы, разветвленный туннель коммуникаций и семидесятиметровую шахту гигантского лифта, предназначенного для подъема мощнейших излучателей на планете.

Но все тщетно. Обнаружить никого не удалось.

По несчастливой случайности инцидент совпал с частичным отключением СПРН (станция предупреждения о ракетном нападении) от высоковольтной ЛЭП (линия электропередачи). Хозяева Печорской ГРЭС рискнули таким манером напомнить военным о накопившемся многомиллиардном долге.

Сто двадцать излучателей пожирали энергию в огромном количестве: 25 мегаватт в год. На охлаждение только одной антенны уходило 4 тысячи кубометров воды в час. Перекачка тоже обходилась в копеечку. Задолженность, не считая процентов, росла день ото дня, что никоим образом не могло служить оправданием энергетикам, отключившим рубильник. Впрочем, они и сами третий месяц не получали зарплаты. Количество переходило в качество скачком, как у Гегеля. Однако будничный абсурд вырастал до масштабов глобальных. Трудно поверить, что мгновенный сбой — сразу же включилось аварийное снабжение — мог вызвать ложную тревогу. Помимо стационарных датчиков, вдоль коридоров и переходов курсировали автономные тележки, снабженные необходимыми средствами контроля. Даже крыса, и то не смогла бы проскочить мимо. Передвижные роботы питались от свинцово-серебряных аккумуляторов и никак не зависели от внешней сети. Однако и они зафиксировали присутствие человека, которого почему-то не заметили часовые. Последнее показалось контрразведчикам особенно странным. Было начато расследование, поиск продолжался.

В Москве и на заполярной Печоре, где находилась станция, еще не начинался рассвет, но в Минобороне, Генштабе и ГРУ горело куда больше окон, нежели в обычные дни.

Невзирая на ЧП, станция продолжала нести службу в штатном режиме. Точно в назначенный час сержант Донцова, действуя манипулятором, который вызвал восторженное восхищение американских коллег, посетивших объект в порядке обоюдной инспекции, погрузила на платформу махину антенны и запустила лифт. Широким веером радиоволны понеслись в космос, покрывая под углом 100° бескрайние просторы ар-

ктических льдов; через Новую Землю, Шпицберген, Гренландию — на другой континент, навстречу электромагнитным лучам вероятного в прошлом противника.

Волновые пакеты проходили, не встречая сопротивления, как тень проходит сквозь тень. Однако любой объект, поднявшийся в стратосферу, падал пятнышком света на экраны, расчерченные клетками координат. С компьютеров радиолокационной станции сигнал в автоматическом режиме передавался в Центральный командный пункт противовоздушной обороны, расположенный под Москвой. В случае реальной угрозы ракетного нападения, информация подавалась на чемоданчик Президента.

Последний раз столь неординарное событие имело место совсем недавно, когда норвежцы запустили метеорологическую ракету. Запуск был плановый, почти тысячный по счету, о чем не могла не знать российская сторона. Заблаговременное предупреждение, как обычно, поступило по дипломатическим каналам. Не стало оно неожиданной новостью и для Гидрометслужбы.

На Печорской СПРН выход баллистической ракеты тоже был воспринят спокойно. Она ничем не отличалась от сотен предыдущих, а ее траектория никак не задевала границ.

Лишь в Министерстве обороны почему-то отнеслись к рядовому эпизоду технотронного века как к из ряда вон выходящей сенсации.

Злые языки утверждали, что генералам захотелось продемонстрировать Верховному главнокомандующему, как бдительно и самоотверженно стоит на страже покоя страны ее славная армия.

И ведь верно: стоит, невзирая на бурные катаклизмы переходного периода, и самоотверженно несет свою нелегкую службу. Только ожидаемого триумфа не получилось, а вышел конфуз. Вновь оправдалось бессмертное: «Хотели, как лучше...»

Полковника Бурмистрова, внука прославленного маршала, подняли с постели в четыре утра. Он примчался на станцию, когда поиски были в самом разгаре. Опытный контрразведчик, закончивший две академии, первым сообразил, с чего следует начинать в столь неординарной ситуации.

— Выключить звуковые сигналы. Всем вернуться на рабочие места! — по трансляции распорядился он. — Спокойно, товарищи. Положение под контролем. Каждый занимается своим делом.

Одобрив меры по розыску, он потребовал кассеты от видеокамер, установленных на прошлой неделе. Их не успели подсоединить к экранам, которые предполагалось разместить

на каждом посту. Именно предполагалось, потому что специально разработанное для этого оборудование еще находилось в Зеленограде. Предприятие-поставщик не торопилось с отправкой, ожидая обещанных денег.

Камеры тем не менее исправно писали как в обычном, так и в инфракрасном режиме. Восьмичасовые кассеты — запись шла на замедленной скорости — спешно заменили на новые и принесли в особый отдел. Просмотр начали, сообразуясь со схемой постов.

Затаив дыхание, офицеры сгрудились вокруг стола, на котором стоял плейер, подключенный к обычному черно-белому телевизору. Подсоединить к оперативным мониторам не было времени. Да и по режиму не полагалось.

То и дело включая ускоренную перемотку, Бурмистров успел отмотать добрую треть пленки, прежде чем на экране возникла какая-то тень.

— Вот он, — удовлетворенно сказал полковник, нажимая на клавиш «пауза». Дрожащая картинка продемонстрировала человеческую фигуру.

— Вход для персонала компьютерного центра! — выкрикнул Елисеев, особист в майорских погонах, нависший у полковника за спиной. Старожил станции и бывший парторг, он пересидел двух начальников и надеялся благополучно пережить нового. — Выясните, кто там стоит!

— Да погодите вы, — поморщился Бурмистров. — Прежде чем искать виновных, необходимо разобраться, — он возобновил просмотр.

Фигура ожила. Видимая сзади, она совершила плавный оборот и танцующей походкой мима выскользнула из поля зрения.

— Вошел, — послышался чей-то вздох.

— Вошел, — полковник нажал на «стоп». — Следующую!

Кассету поменяли. Теперь объектив запечатлел перспективу длинного коридора: отсеки, распахнутые двери, штурвалы задвижек, кабели вдоль стен, огнетушители в нишах. Постоянно появлялись, затем исчезали люди в военной форме: мужчины и женщины. Всякий раз приходилось останавливать, чтобы вглядеться в лица: свои! А вот и тележка, похожая на какой-нибудь луноход, ощетинившись глазницами линз, выползла из-за угла. Ощупывая встречных, невидимый луч натыкался на оптически активную табличку, приколотую над нагрудным карманом, и, возвращаясь назад, не поднимал тревоги.

Бурмистров почти не прибегал к перемотке, опасаясь пропустить появление нарушителя. Чтобы наконец увидеть его в лицо, пришлось затратить почти целый час. Образ оказался

смазанным, трудно различимым. Одно бесспорно: передвигается прыжками, совершая в воздухе обороты, одет в облегающий костюм вроде тренировочного, из какого-то небликующего материала.

— Как в балете! — чуть ли не с восхищением заметил лейтенант Компанеец, самый молодой из собравшихся.

— Я т-те дам, как в балете! — огрызнулся майор. — Нашел развлечение.

— Скорее ниндзя, чем балерун, — Бурмистров насупил брови. — Не понимаю, как могли не заметить часовые?

— Какая еще ниндзя? — шепотом спросил Елисеев. — Не знаешь, Компанеец?

— Японец такой, товарищ майор, — так же тихо ответил лейтенант. — Проберется, куда хочешь.

— Шпион? — взвился Елисеев. — Нужно срочно доложить Москве!

— Да сядьте вы, ради всего святого! — не выдержал полковник. — Не маячьте у меня за спиной... Орденов ждать не приходится, — добавил с легкой иронией уже вполне буднично. — Спрашивать будут, не как поймали, а почему допустили. Давайте другую.

Третья кассета — от камеры, установленной в компьютерном зале, не содержала ничего необычного: ряды терминалов с горящими кинескопами, вращающиеся бобины в шкафах по стенам, склоненные, в основном девичьи, головы. На прозрачном дисплее, разбитом редкой сеткой, офицер помечал цели.

Сюда таинственный ниндзя, похоже, не проникал.

Вновь обнаружить его удалось только на пятой кассете. Эта камера контролировала вход в запасной отсек, предназначенный на самый крайний случай. Там находился дублирующий центр, запустить который в случае выхода из строя главного можно было за несколько минут. Вероятность такого оборота исчислялась в долях процента — станция могла выдержать термоядерный взрыв, оставаясь работоспособной еще в течение полугода. Тем не менее по штату положено выделять для дублирования офицера и трех операторов из каждой смены.

Камера засекла незваного гостя у поста 47-Г, в самом начале галереи третьего уровня. Неизвестно, чем руководствовался техник по установке, но на месте лица опять оказалось расплывчатое пятно, зато удалось разглядеть квадратной формы предмет, висевший на шее.

— Ишь ты! — играя желваками, процедил майор Елисеев. — Прыгает, как обезьяна. Настоящий гомо сапиенс.

Лейтенант Компанеец едва не прыснул.

— Это последняя камера тут, — задумчиво протянул Бурмистров, водя по схеме карандашом. — Если он не надумает подняться назад, то до зала остается пройти два поста, затем спуститься в люк и дальше прямо по коридору 4-Б... Где он сейчас, мы не знаем. С момента тревоги прошло почти три часа. — Он умолк, углубившись в изучение плана. — Значит, сделаем следующим образом, — сказал после продолжительной паузы. — Попробуем зажать его в этой нише, — остро отточенный грифель очертил едва различимый овал. — С обоих концов — здесь и там — поставим тележки и пустим их встречным движением. За каждым роботом пойдут двое. Четверых, полагаю, будет достаточно, чтобы скрутить артиста.

— Разрешите, товарищ полковник? — лейтенант поднял руку, как ученик на уроке. — Внизу роботов нет. Только в двух главных галереях.

— Резонно, — кивнул полковник. — Можно, конечно, спустить на лифте, но канительно, и вообще нет уверенности, что этот фрукт все еще там. Что же нам предпринять...

Офицеры молчали. Командир не спрашивал, а размышлял вслух.

— Не исключена возможность диверсии, — решился вновь напомнить о себе Елисеев.

— В руках у него я ничего не заметил, — Бурмистров хитро прищурил глаз. — Что из этого следует? А то, что мину он мог запихнуть только в задницу.

Шутка была встречена сдержанным смехом.

— Отставить. Не вижу повода для веселья. Поисковым группам приданы солдаты с миноискателями. Только толку от них, как от козла молока... Что ж, другого выхода я не вижу. Включим звуковую сигнализацию, но не всю, а постепенно, от помещения к помещению. Где прозвенит, там и будем искать. Тележки должны быть в полной готовности. Мы его все-таки зажмем, сукина сына. — Он придвинул к себе микрофон трансляции. — Удвоить посты, поиск прекратить, но оставаться на местах.

Назначив ответственных за этажи, полковник спрятал кассеты в сейф.

— Операцию начнем точно в восемь. Прошу сверить часы. Ответственным за включение назначаю лейтенанта Компанейца. Отправляйтесь на пульт, лейтенант. Разберетесь там, что к чему, и доложите о готовности. Все свободны... Вас, товарищ майор, попрошу задержаться.

Елисеев вскочил, вытянулся и медленно, словно ему внезапно изменили силы, опустился обратно на стул.

— Не в службу, а в дружбу, Кондрат Пантелеевич, — с улыбкой обратился к нему полковник, — возьмите проводников с собаками и прочешите окружающую территорию. Не с неба же свалился этот ангел без крылышек? Какой-то след должен оставить?

— Парашют! — озарился догадкой майор.

— Парашют, — охотно согласился Бурмистров. — Нельзя исключить, хотя в таком случае он свалился именно с неба.

— Есть одна заковыка, товарищ полковник. Собачкам сначала надо понюхать, ну, какую-то вещь, а то как же искать без запаха?

— С запахом и дурак отыщет, — не дрогнув ни единым мускулом лица, возразил полковник, — а хорошая служебная собака должна найти парашют по одному наитию. В противном случае я разгоню все подразделение. За ненадобностью. Прошу выполнять.

Довольный тем, что сплавил с глаз долой дурака и зануду, снискавшего кличку Дуб трухлявый, Бурмистров взглянул на часы. До начала оставалось ровно четырнадцать минут. В самый раз для спокойного перекура. Как в той песне про космонавтов.

В отличие от звездных стартов, воспетых поэтами и композиторами, операция под землей была напрочь лишена какой бы то ни было романтики. «Прозвон», как выразился полковник, помещений, заняв сорок минут, не дал ощутимых результатов. Танцующий ниндзя либо покинул станцию, либо затаился в каком-нибудь закутке, неподконтрольном сигнализации. Таких мест, как убедился Бурмистров, оказалось предостаточно.

Из Москвы сыпались по прямому проводу нетерпеливые понукания и угрозы.

Но недаром говорят, что случайность — знак судьбы. Злоумышленника обнаружила уборщица тетя Катя. Заметив, что из-под двери женского туалета в галерее 2-Д просачивается струйка воды, старуха смекнула, что дело нечисто. Туалетом не пользовались месяца три и даже больше по причинам лопнувшей трубы, которую так и не удосужились починить: перекрыли вентиль, и будет. Поскольку служившие в секторе дозиметрического контроля дамы в погонах, а таковых было всего двое, с неудобствами смирились, про неисправность забыли. Упомянутые военнослужащие были вынуждены, переменив маршрут, бегать на верхний уровень к телефонисткам, и все ограничилось криво забитым гвоздем.

Вместо того чтобы ворваться в запретную дверь с криком и бранью, как того требовала ситуация, тетя Катя проявила похвальную бдительность. Оставив швабру с ведром в кори-

доре, она на цыпочках просеменила к ближайшему посту, откуда и позвонила непосредственному начальнику — старшему прапорщику Нечипоренко. Весть пошла по инстанциям.

В считанные минуты полковник, сопровождаемый двумя автоматчиками, влетел в коридор второго уровня. Остановившись перед дверью, украшенной силуэтом девичьей головки, он вынул пистолет и прислушался. Явственно различалось характерное журчание. Конец гвоздя, вырванного из филенки, был погнут.

Дав знак автоматчикам приготовиться, Бурмистров взвел затвор и, распахнув дверь ногой, первым ворвался в укромное место, сплошь выложенное белым кафелем чешского производства. Да так и застыл на пороге с «Макаровым» в руках.

Прямо в луже под умывальником на боку лежал мужчина лет тридцати, обтянутый с ног до головы трико из синтетики графитового оттенка. Вода хлестала из-под кабинок, разливаясь по всему полу.

Бурмистров выпрямил пружинно согнутые колени, снял с предохранителя и сунул в кобуру пистолет, размял напряженные пальцы.

— Переверните, — бросил солдатам.

Незнакомца, не подававшего признаков жизни, уложили на спину. Быстро прибывавшая вода уже заливала его бессильно упавшие руки. Опасность угрожала и новым ботинкам полковника.

— Несите в коридор, — кивнул он и, оставляя мокрые следы, направился к телефону. Соединившись с медпунктом, вызвал санитаров с носилками. Солдаты покорно волокли мокрое тело за командиром. — Положите, — указал Бурмистров на пол, — только осторожно. Встав на одно колено, пощупал пульс.

«Кажется, готов... С чего бы это?»

Решив, что во рту могла находиться ампула с ядом, попытался было разжать челюсти, но передумал, обратив внимание на синюю дискету, висевшую на тонком шнурке. Это и был тот самый квадрат, что засняла видеокамера.

«Рассказать — не поверят, а уж докладывать...»

Военврач, мобилизованный на год дипломант Второго мединститута, попытался прослушать сердце, затем, приподняв веко, включил фонарик. Радужка осталась неподвижной.

— Мертв, — уверенно констатировал он, поднимаясь с колен.

— Давно?

— Еще не успел остыть.

— Что-нибудь можно сделать?

— Не знаю... Попробуем.

— Тогда не теряйте времени! — полковник помог уложить тело на носилки. — Делайте, что хотите, но он нужен мне живым.

— Не слишком ли много требуете от нас? — с издевкой процедил медик. — Богу приказывать не пробовали?

— Выполняйте, лейтенант, — Бурмистров с трудом заставил себя сдержаться.

Идя рядом с носилками, он не сводил глаз с дискеты. Офицера ГРУ трудно чем-либо удивить, но это происшествие выглядело верхом идиотизма. А тут еще молокосос, который ненавидит военную службу и только и ждет, когда выйдет срок.

— Погодите, — остановил, вызвав лифт, санитаров и сорвал дискету со шнурка, продетого сквозь дырку в колесике.

Глава двадцать вторая

ВЕНА

В аэропорту вены задержали гражданина Азербайджана Исмаила Аливелиева, прибывшего из Ташкента. При нем находился стальной контейнер, упакованный в сумку-холодильник. Таможенный инспектор при просвечивании обратил внимание на металлический предмет и, не задавая лишних вопросов, включил радиационный дозиметр. Стрелка прыгнула за крайнюю черту.

С той поры как во Франкфурте-на-Майне арестовали серба, имевшего при себе свинцовую ампулу с плутонием, все международные аэропорты Германии и Австрии были оборудованы счетчиками Гейгера. Особенно строгому контролю подвергались пассажиры из стран СНГ. Единичные случаи нелегальной доставки обогащенного урана имели место и в прошлом, но плутоний, грозящий смертельной опасностью как для самого перевозчика, так и для окружающих, заставил ужесточить меры безопасности. Полиция и секретная служба быстро установили, что тем же самолетом летел и высокопоставленный чиновник Минатома. Возникла версия, будто официальная поездка явилась ширмой для нелегальной сделки с представителем одного из диктаторских режимов Ближнего или Среднего Востока. В газетах поднялась шумиха о так называемом «русском следе». Минатом выступил с резким опровержением. Как нельзя вовремя появилось сообщение, что инцидент спровоцирован германскими спецслужбами, дабы лишний раз обратить внима-

ние своего правительства на контрабанду необходимых для производства ядерного оружия материалов.

Откуда поступает уран, притом в количествах, достаточных для создания нескольких бомб хиросимского типа, установить в точности не удалось. Это могла быть как Россия, так и Украина, и Беларусь, и Казахстан. Необогащенный уран, например, значительными партиями вывозился из Таджикистана, где находятся крупнейшие в мире разработки. Даже на республики Прибалтики, не располагающие собственными природными богатствами, падало подозрение. Не случайно Эстония вошла в число ведущих стран-экспортеров цветных металлов. А ведь это не только алюминий и медь, но и редкоземельные, и платиновая группа — все, без чего невозможны высокие технологии.

«Русский след» разветвился в самых разных направлениях, захватив и Польшу, и Венгрию. Странным образом это совпало с маршрутом распространения наркотиков.

О задержании Аливелиева кратко оповестили Азербайджанское консульство. Более подробная информация поступила в местное отделение Интерпола и на Лубянку, в Москву. Соответственно были уведомлены агенты FBI и германской BND. Аливелиевым вплотную занялись инспектор австрийской полиции Вольфганг Обердорфер и спешно прибывший из Гамбурга агент Бруно Кампински.

Контейнер, с соблюдением необходимых предосторожностей, перевезли в специальную лабораторию. В нем оказался высокоактивный изотоп — стронций-90. При случайном нарушении оболочки и распылении содержимого смертельному заражению могло быть подвергнуто пространство, соизмеримое с таким городом, как Вена, где, кстати, расположена штаб-квартира Международного агентства по атомной энергии — МАГАТЭ. Невзирая на встроенную внутрь стальной болванки толстую оболочку свинца, самодельный контейнер зашкаливал приборы. Только заведомый самоубийца мог взять на себя миссию перевозчика или же человек, совершенно не сведущий, каким оказался тот, арестованный во Франкфурте серб. От ампулы, которая лежала во внутреннем кармане пиджака, на груди у него образовался обширный ожог. По всем показателям жить ему оставалось максимум два месяца, но он протянул намного дольше, однако без особых перспектив на выздоровление. Рак был обеспечен на сто процентов.

Задержанного сфотографировали, взяли у него отпечатки пальцев, заполнили учетные карточки. В графу «особые приметы» были занесены шрам на лбу и татуировка: перстень на безымянном пальце правой руки и сердце, пронзенное дву-

мя мечами на внешней стороне ладони, а также тонкого рисунка крылатый дракон на левом плече.

Однако провести ночь на тюремной койке ему было не суждено.

Вполне понятно, что для начала Аливелиева осмотрели врачи. По их оценке, весьма предварительной, он схватил дозу, вполне достаточную для лучевой болезни средней тяжести. Экспресс-анализ крови показал характерный сдвиг лейкоцитарной формулы. Тут же была сделана спинномозговая пункция, взяты печеночные пробы, просканирована щитовидная железа.

Вместо следственной камеры, допрос пришлось проводить в больничной палате на Химмельпфортгассе. Впрочем, назвать происходящее допросом можно только с большой натяжкой.

Исмаил Аливелиев не ответил ни на один вопрос. Не то, чтобы отказался отвечать, потребовав адвоката, как это часто бывает, но просто молчал, безучастно уставясь в стену. Все попытки заставить его раскрыть рот ни к чему не привели. Казалось, он глубоко равнодушен ко всему на свете, включая собственное здоровье и саму жизнь.

Напрасно Обердорфер раскладывал перед ним фотографии, запечатлевшие кожные покровы того самого серба, собрата по ремеслу, чьи дни на этой земле были сочтены. Ни ожоги, ни жуткая эритема, ни язвы на месте волос, выпадавших пучками, — ничто не вызвало заметной реакции.

— Жаль, что их консул уклонился от встречи, — посетовал инспектор. — Возможно, парень говорит только на своем языке?

— Хотя бы два слова по-русски он должен знать? — возразил Кампински. — Нет, уважаемый коллега. Тут что-то другое. Это или мусульманский фанатик-смертник, или... Думаю, нам понадобится консультация опытного психиатра. У вас есть подходящий?

— Вы на родине Зигмунда Фрейда, коллега, — улыбнулся Обердорфер.

На другой день профессор Кребс из психиатрической клиники имени Карла Юнга на Штифтгассе осмотрел пациента. Он добросовестно проделал классический комплекс процедур. Проверяя рефлексы, стучал молоточками под коленом, выписывал иероглифы на спине, следя через монокль, как розовеет кожа. Колол иглами, выворачивал веки.

— Не простой случай, — последовал в конце концов глубокомысленный вывод. — Не знаю, господа, что вам и сказать. Если бы вы не заверили, что данный субъект самостоятельно, без

сопровождения прилетел на самолете, за диагнозом дело бы не стало, но в данном случае... В данном случае я беру на себя смелость заявить, что он зомбирован или, скажем так, находится под сильным гипнозом.

Обердорфер только руками развел, а Кампински загадочно улыбнулся. Ему приходилось встречаться с такого рода явлениями в Гамбургском порту. И зеленого дракона, вытатуированного на плече, видел он не впервые.

— Вы можете что-нибудь сделать, господин профессор? — спросил он, всем своим видом давая понять, что не сомневается в положительном ответе светила медицины.

— Сначала я должен понаблюдать больного. — Кребс вложил монокль в жилетный карман и пригладил остатки седых, легких, как пух, волосков. — Предупреждаю заранее, успеха гарантировать не берусь. Потребуется комплекс мер и, главное, время. Фактор времени я бы поставил на первое место.

— Заранее прошу прощения за назойливость, господин профессор, — вкрадчиво подъехал Кампински, — но я не очень хорошо понимаю, что значит «зомбирован»? Не будете ли вы настолько любезны...

— О да, господин профессор, пожалуйста, — поддержал Обердорфер. — Я не представляю, где находится этот Азербайджан. Все-таки бывшая часть России. Не Гаити, не Африка.

Кребс вставил монокль и смерил Кампински холодным пронизывающим взглядом.

— Послушайте, инспектор, я старый человек и могу позволить себе говорить прямо. Оставьте свои полицейские игры, рассчитанные на простаков. У вас в BND существует специальный отдел, который занимается такого рода исследованиями. В прошлом году меня пригласили в Штутгарт прочесть несколько лекций для ваших сотрудников. Допускаю, что вас могло и не быть в числе слушателей, но это ровным счетом ничего не означает. Все, что положено знать агенту секретной полиции о зомбировании, вам, безусловно, известно. И вы, инспектор Обердорфер, не столь наивны, чтобы сомневаться в географическом положении Кавказа. Короче, господа, что вам угодно?

— Тысяча извинений, профессор, — Кампински скромно потупился. — Вилять вокруг да около не в моих привычках. Налицо контрабанда радиоактивных изотопов. Скажу больше: боевых радиоактивных веществ. Изъятый контейнер способен обратить в радиоактивную пустыню весь центр, от старой ратуши до Пратер Штерна и Ринга. Моя специальность — физика. О гипнозе, зомбировании и тому подобных вещах осведомлен, вы целиком и полностью правы, но в узких рам-

ках. Этого явно недостаточно. Мы не знаем, с какого бока подступиться к этому Аливелиеву, чтобы заставить его заговорить. Именно с такой просьбой я и обратился к вам с самого начала.

— Вы подозреваете его в терроризме?

— Нельзя исключить. Нужно как можно быстрее вывести его из состояния каталепсии.

— Вздор. К каталепсии это имеет весьма отдаленное отношение. Если я не ошибаюсь, мы столкнулись с редким случаем глубокого зомбирования, когда в действие вступает программа номер один.

— Программа номер один? — непритворно удивился Кампински. — Впервые слышу.

— Я тоже, — подтвердил Обердорфер.

— Имя Луиса Кастильо вам ничего не говорит?

— Манила? Кажется, это было связано с Маркосом, лет тридцать назад? — напряг память Кампински.

На семинаре в Штутгарте действительно разбирали случай глубокого зомбирования, получивший название «Феномен Кастильо». Латиноамериканец Луис Анхело Кастильо был арестован по подозрению в подготовке заговора против тогдашнего президента Филиппинской республики Маркоса. Допрос вели с применением пентотала, прозванного «эликсиром правды». Отличить правду от лжи не способна никакая химия, но волю пентотал подавлял, принуждая тем самым давать ответы. В том, насколько они искренни, должен был разобраться профессиональный гипнолог. С Кастильо работала целая бригада. Его часами держали на детекторе лжи, изучая диапазоны реакций на самые разнообразные вопросы, но он упорно твердил, что прибыл в Манилу с частным визитом: отдохнуть на побережье, проехаться по стране. Детективы понимали, что это всего лишь легенда, заготовленная на случай ареста. Психологи подозревали нечто более значительное. Медленно, но верно инъекции пентотала и сеансы гипноза позволили проникнуть на второй уровень. Кастильо «признался», что действовал по заданию CIA, но наотрез отказался отвечать на любые вопросы, связанные с заданием. Такая легенда тоже была заложена в программе. Следующий этап предусматривал самоликвидацию, но условия, в которых содержался Кастильо, исключали возможность подобной акции. В поисках подходящего оружия он дошел до мучительного состояния, которое сродни ломке, переживаемой наркоманом, лишенным доступа к зелью. Лишь после этого следствию удалось проникнуть на последний уровень. Кастильо рассказал, что действительно прибыл с целью убить Маркоса. Чтобы предупредить социальный взрыв, CIA вошло в контакт с

оппозицией и разработало план покушения. Диктатор довел положение в стране до точки кипения. Впоследствии выяснилось, что он еще и присвоил тридцать миллиардов долларов.

Программа, которой целиком и полностью было подчинено поведение агента, содержала определенные ключевые слова. Раскрыть код удалось благодаря случайному совпадению. Намучавшись в госпитале, где его пичкали укрепляющими средствами, Кастильо попросился обратно в камеру. Врач ответил, что это зависит от высокого начальства. В то же мгновение Кастильо рухнул на койку и заснул мертвым сном. Разбудить его оказалось не под силу даже реаниматорам. Выход нашел гипнолог, принимавший участие в допросах. Он раскрыл изъятую у арестованного записную книжку и начал читать вслух все записанные в ней слова и цифры: имена, адреса, телефоны. Особое внимание привлекла сентенция на одной из последних страниц: «Я должен верить себе, иначе мне не поверят». Едва она прозвучала, Кастильо открыл глаза. Ему дали прийти в себя, после чего возобновили эксперименты. О допросе как таковом речь не шла: агент раскололся и не мог уже сообщить ничего нового. Случай вызывал интерес с позиций чистой науки. Опыт с записной книжкой повторили, погрузив Кастильо в гипнотический сон. При упоминании группы цифр — 67 07 05 — он сунул руку под подушку, выхватил воображаемый револьвер и приставил себе к виску. Сходную реакцию он обнаружил и при взгляде на фотографию президента. С той лишь разницей, что продемонстрировал готовность к действию, противоположному самоубийству. Вывод напрашивался однозначный. Шестизначное число было истолковано как дата — текущий год, июль, пятый день, когда после покушения агент должен был покончить с собой.

Упомянув о «Феномене Кастильо», Кребс лишь усугубил самые мрачные подозрения Бруно Кампински. На профессора в свою очередь произвело впечатление замечание о воздействии стронция. После акции в токийском метро приходилось принимать всерьез любую гипотетическую возможность, сколь бы безумной она не казалась здравомыслящему человеку. Печальный опыт показывал, что не существует границы, которую не решится перешагнуть международный терроризм. Убийцы-смертники действовали не только в Японии или на Ближнем Востоке.

— Вы, конечно, обратили внимание, господа, на его татуировку? Меня заинтересовал зеленый дракон. Чистота и тонкость рисунка обнаруживают высокое мастерство. Раньше подобное можно было встретить, скажем, в Японии или Китае, однако нынче... Не знаю.

— Совершенно справедливо, господин профессор, — подтвердил Обердорфер. — В наше время татуировка сделалась непременным атрибутом молодежной культуры. На Шрайгассе за четыреста шиллингов вам нарисуют и не такое.

— И все же, — Кребс задумчиво потер переносицу. — В связи с контрабандой радионуклидов, вы затронули наркомафию, инспектор, — он повернулся к сидящему на больничной тумбочке Кампински. — Кого конкретно имели в виду: триады Гонконга, якудзи или афганцев? Этот дракон на плече не дает мне покоя.

— Мне лестно сознавать, что мы думаем в одном направлении, господин профессор. Предполагать можно и то, и другое, и третье. Афганцы давно освоили не только Среднюю Азию, но и Кавказ, включая Азербайджан и Чечню. Но, вы опять-таки совершенно правы, характер татуировки скорее указывает на Дальний Восток. Одно могу сказать твердо: сращение широко развитых структур наркобизнеса с ядерной контрабандой маловероятно. В сущности мы имеем дело лишь с единичными, я бы сказал, далекими от профессионализма проявлениями. Конкретный пример налицо, — Кампински кивнул на стеклянную стенку бокса, где лежал Исмаил Аливелиев. На фоне белоснежной подушки его основательно обросшая физиономия казалась почти черной.

— В чем вы усматриваете непрофессионализм?

— О нем лично ничего сказать пока не могу: зомби, так зомби. Иное дело — хозяева. В нынешних условиях везти такую штуковину самолетом более чем рискованно. Почти никаких шансов.

— Но в Москве его пропустили?

— Я говорю о Европе, но и в Москве он бы вряд ли сумел миновать контроль. В Ташкенте, согласен, возможностей больше. Думаю, что при посадке в Шереметьеве транзитный самолет не проверили с должным тщанием.

— Мы уже послали русским уведомление, — сказал Обердорфер.

— Что ж, господа, — Кребс извлек монокль, дохнул на него, протер уголком платка, острым пиком торчавшего из нагрудного кармана, — я никогда не отказывал полиции в помощи, не хочу делать исключение и для вас.

— Не знаю, как и благодарить вас, господин профессор, — Кампински почтительно склонил голову. — Мой австрийский коллега наверняка позаботится достойно возместить ваши расходы.

— Это не главное, — поспешно отмахнулся старый психиатр. — Я вынужден настаивать на одном непремен-

ном условии: вы передадите мне все документы, найденные у данного индивида, вплоть до самой ничтожной бумажки. Любая мелочь может оказаться определяющей. Вы меня понимаете?

Кампински переглянулся с Обердорфером.

— Боюсь, это нелегко будет выполнить, — озадаченно пожал плечами австриец. — Если вам нужно ознакомиться, я постараюсь устроить, но...

— Именно так: «но»! Я не привык работать на глазах у посторонних людей, тем более полицейских. Это нервирует, мешает сконцентрировать мысль. Нет, мне нужно спокойно подумать; в привычной обстановке, за чашкой липового цвета и с хорошей сигарой в руке.

— Вам обязательно нужны подлинники или можно обойтись копиями? — спросил Обердорфер.

— Подлинник всегда лучше, ибо несет на себе определенную эманацию, уловить которую способно лишь подсознание. Это нечто большее, чем экстрасенсорное восприятие, — Кребс мечтательно опустил веки. — Впрочем, я не стану настаивать на подлинниках, сгодятся и копии. Когда смогу их получить?

— Постараюсь, чтобы вам доставили как можно скорее, — заверил Обердорфер.

— Отлично, господа. После того как ознакомлюсь с документами, дам окончательный ответ. Возможно, что-то и удастся придумать. Важно найти хотя бы подступы к коду... Нет-нет, можете не провожать. Я найду дорогу.

— Как он вам? — спросил Обердорфер, когда стихли шаги в коридоре.

— По-моему, то, что надо. Оригинальный старик.

— Ученик самого Юнга. Говорят, он творит настоящие чудеса.

— Значит будем уповать на чудо, коллега. Список пассажиров получили?

— Уже в работе. Вот если бы иметь еще и список встречающих...

Кампински сочувственно улыбнулся.

— В каждом из нас, я говорю о немцах, товарищ, теплится искорка Фауста. Мечта о невозможном.

— По счастью, это ничуть не мешает нам действовать в обозначенных рамках. Я думаю направить образцы стронция на исследование в МАГАТЭ. Только там могут с уверенностью судить, где получены изотопы.

— По правде сказать, мне пришла в голову та же самая мысль. Я не решился поделиться с вами лишь потому, что не вправе вмешиваться в вашу работу.

— Излишняя щепетильность. Как-никак у нас общая задача, — заверил Обердорфер. — Это верно, что каждое радиоактивное вещество оставляет особый след? Меня правильно сориентировали?

— Совершенно точно. В принципе отдельные атомы данного элемента абсолютно одинаковы, различие обнаруживается, так сказать, в общей массе, в ансамбле. Стопроцентная чистота недостижима в принципе, всегда есть посторонние примеси. Возьмем хотя бы тот же контейнер. При химических анализах и масс-спектрометрии обнаружится, что, помимо стронция, присутствуют атомы других элементов. И сам стронций-90 окажется засоренным полным набором более легких и тяжелых изотопов. Характер распределения по массам зависит от способов получения и очистки. Поскольку каждое производство имеет свои индивидуальные особенности, спектрограмма может служить надежным источником идентификации.

— Как отпечатки пальцев.

— Безусловно, только еще точнее.

— Собственно, это и дает право говорить о русском следе плутония.

— С одной существенной оговоркой. Плутоний, безусловно, был получен на одном из российских заводов, но не забудьте, что до недавнего времени существовал Советский Союз.

— Единый и могучий, — тонко улыбнулся Обердорфер.

— Можно иронизировать, сколько душе угодно, но ведь это недалеко от истины. Для Германии падение Берлинской стены явилось манной небесной, хотя не стоит закрывать глаза и на то, что распад Союза породил целый ворох серьезнейших проблем. Упомянутый вами плутоний могли направить в любую из республик. Вот и решайте теперь, кто виноват. Я бы не взял на себя подобную смелость. Дактилоскопический отпечаток, позволю сказать, производителя еще ничего не значит, пока не выявлена вся цепь. Кто отправил, куда, с какой целью, кто, наконец, получатель и куда он переадресовал груз. Попробуй, размотай... Боюсь, что в нашем случае мы столкнемся с теми же трудностями. В Баку, насколько мне известно, не производятся радиоактивные изотопы и в Ташкенте — тоже.

— Зато наркотики поступают оттуда исправно.

— Что ж, тем больше оснований войти в контакт с русскими. Я бы на вашем месте сделал это через Интерпол. Это поможет нам быстрее разобраться со списком пассажиров.

Глава двадцать третья

И ЕЩЕ ПОХОРОНЫ...

На Очаковском кладбище провожали в последний путь двадцать третьего президента. Двадцать третьего банкира Москвы, убитого по заказу, как произнес, открыв панихиду, Кидин.

— Идет планомерный отстрел лучших людей России, — говорил Иван Николаевич со слезой в голосе. — Ни одно преступление так и не было раскрыто, ни один убийца не был наказан. Как не горько, но и на сей раз нам будут явлены позорные доказательства равнодушия и бессилия власти, попустительство и презренная ложь.

Вокруг свежевырытой могилы плотно сбилась кучка узнаваемых лиц: банкиры, депутаты, директора крупных заводов. В узком проходе между оградами развернуться было практически негде. Венки, увитые красными, черными и белыми лентами, лежали чуть ли не штабелями. Журналисты держались поодаль. Своих представителей прислали все маломальски заметные издания. Редакция журнала «Деньги» вообще явилась в полном составе — покойный числился в редсовете. Хоронили, как говорили когда-то, по первому разряду: духовой оркестр, поп с дымящимся кадилом, масса цветов: розы с метровыми стеблями, калы, редкостной красоты орхидеи.

Власть, которую в одних и тех же словах полоскали ораторы, казалось, вполне разделяла общее настроение, не относя гневные выпады на свой счет. Согласно кивали, внемля заключительному рефрену речей, замминистры, вице-мэры, генералы с планками до живота. Все были убеждены, что так дальше продолжаться не может, и все понимали, что и может, и будет.

Лазо пришел не по служебной надобности и тем более не из уважения к памяти Лобастова, которого не знал. Захотелось увидеть Лору, хотя бы издали. Из-за похорон они пропустили свидание. После возвращения Кидина встречались урывками. Опорожнив бутылку и торопливо перекусив, бросались в постель. Проводив Лору до метро, Саня возвращался в газету и даже ухитрялся писать. В редакции, где все известно про всех, на него взирали с холодным любопытством, а коллеги женского пола — с жалостью. Большинство сходилось на том, что дольше осени эта любовь не продлится.

Главный скрежетал зубами, но терпел. Вместо забойных гвоздевых материалов, от Лазо поступали крохотные заметульки на тему «бизнес и культура». Какие-то презентации,

выставки, выпендрежное спонсорство — кому это надо? После сокращения оставалось каких-нибудь десять-пятнадцать строк. Едва взглянув на правку, Саня пускался в бега. Раньше он бился за каждое слово, теперь его волновало одно: имя Лоры. Это был необходимый декорум для встреч на людях. Он мог обмануть кого угодно, кроме журналистов. Злые и особо завистливые языки поговаривали, что она не только спит с ним, но и отстегивает доллары за рекламу. Саня молча бесился.

Стоя возле крашеной серебрянкой решетки, за которой высился обелиск черного мрамора с чьими-то лицами в керамических овалах, он следил за игрой солнечных пятен, осыпавших ее с ног до головы, словно золотом ведьм, терявшим свою призрачную ценность, едва задувал, колебля нависающие ветви березы, горячий ветер.

Вокруг Лоры собрался настоящий паноптикум: дама из Центробанка, еще более вульгарная, чем казалась на экране, финансовый воротила, которого спас от тюрьмы депутатский мандат, его жена-манекенщица, кутюрье с повадками голубого — кого только не было. Но полной неожиданностью для Сани явился Зиновий Юрьевич Баржин. Впрочем, вполне достойное имя Зиновий он сменил на Зенон, чтобы, не дай Господь, не поставили в один ряд с зиновиями, которые гердты. Насмешники, коими всегда была богата Москва, тут же прозвали его Зюбаржин (З. Ю. Баржин), расшифровав образовавшуюся аббревиатуру как: Зюганов — Баркашов — Жириновский. Попало не в бровь, а в глаз. Зенон ничуть не уступал в хамстве и наглости прочим вождям, был до умопомрачения лжив и абсолютно всеяден. Его полувоенизированные шайки с одинаковой легкостью примыкали к любой демонстрации, тяготея, однако, к гитлеровцам и сталинцам.

При каждом удобном случае он требовал железного порядка, железной руки и железного занавеса — все у него было железное и стальное. В качестве гимна «зюбаржинцы» — то ли партия, то ли секта — приспособили известную песню:

На битву стальными рядами,
Железная поступь крепка...

Тоталитарные замашки каким-то образом сочетались у них с проповедью всеобщего покаяния перед близким концом света. Конфессиональные симпатии были столь же неразборчивы и эклектичны: православие и тут же язычество с его волхвами и Велесом, индо-арии и почему-то дзенбуддизм. Поговаривали, что Зенон был тесно связан с самим Асахарой. Но с кем он только не знался в сем многошумном и нераз-

борчивом мире? Гебешники и нацисты, самозванные епископы и диктаторы, генералы-мятежники и отгоревшие звезды большого спорта — всех он числил в друзьях. За его спиной стояли ликеро-водочный завод, спортивно-оздоровительный комплекс и трастовая компания с сомнительным зарубежным прикрытием. Тем большее удивление вызывала сопричастность фигляра и проходимца к крупному бизнесу. Оставалось только гадать, что связывало его с покойным Лобастовым и ныне здравствующим Лориным мужем.

Лазо видел, как кивнул, в ответ на поклон Зюбаржина, сановитый Кидин. Оба казались ему одинаково неприятными, но было совестно сознавать, что эта его неприязнь слишком личностно окрашена. Саня обратил внимание на высокого мужчину спортивного склада, по всей видимости, охранника, бдительно опекавшего Ивана Николаевича. Его открытое, располагающее к себе лицо показалось знакомым, точнее однажды увиденным, но где и когда? Чутье подсказывало, что это была не просто случайная встреча на одном из жизненных перекрестков, нет, но событие по-своему знаменательное, оставившее незарастающий след.

Вспомнить помогло совершенно незначительное происшествие, оставшееся для других почти незамеченным. Подойдя слишком близко к краю вырытой ямы, которой предстояло стать вечным домом гендиректора «Сибирь Петролеум», Кидин споткнулся и чуть было не загремел вниз, но был подхвачен в неуловимом глазу прыжке.

И тут, словно завесу какую отдернули: «Живое кольцо!» Саня увидел себя у Белого дома в ту самую ночь, когда неминуемо ждали штурма. Горячая броня, удушающе-сладкая вонь солярки, сдвинутые троллейбусы, жалкое подобие баррикад. Пронесся слух, что от Красной Пресни по кольцу движется техника. Танков и бронемашин и без того было довольно вокруг, только они стояли, зажав в тиски, а те шли.

Саня и еще двое парней из его отряда, похватав бутылки с бензином, рванули на угол улицы Чайковского. В дымящейся мгле, раздираемой снопами света, грохотали танки. Впереди с включенными фарами и закрытыми люками неслось несколько БМП. Было видно, что они движутся по осевой, не собираясь сворачивать вправо, и уйдут в туннель, и проследуют до самой Смоленской.

Ни тогда, ни тем более потом Саня не мог понять, какая сила подхватила его на крылья и бросила наперерез. Высокую фигуру в каске и бронежилете он заметил лишь в начальный момент прыжка. Такого же, как только что, без разбега и видимого усилия.

Не то освещение и обстановка не та, чтобы разглядеть и запомнить, но и не то мгновение, чтобы забыть.

«Жить надоело? — он вспомнил все: и лицо, и голос, и плечи свои, словно стиснутые стальными клешнями манипулятора. — Или крыша поехала?»

Такие черты — правильные и в меру приятные — обычно не запоминаются. Незабываемыми их делает чувство, а оно не выветрилось за эти годы, скорее окрепло. И это была благодарность.

Отбухали траурный марш медные тарелки и барабаны, отзвучали похоронные речи, расточился в горних высях благовонный дым ладана. На палисандровую крышку гроба посыпались комья пересохшей земли. Похоронная процессия начала рассыпаться: кто к автобусам, кто к иномаркам.

Кидин с женой подошли к вдове и родственникам покойного, а Саня, переждав основной поток, направился к выходу. До него долетали обрывки разговоров. Стряхнув с себя ритуальное оцепенение, люди оживленно спорили о причинах убийства. Предположения выдвигались самые разные: от участия в приватизации алюминиевого комбината до нефти, которую Лобастов загнал в Чечню. Мелькала фамилия Баржина. Кто-то категорически заявил, что он вовсе не Баржин, а Баржинский, как будто это что-то меняло. Склоняли Кидина, намекая на его мафиозные связи, но пуще всех досталось какому-то Каменюке, якобы обтяпавшему вместе с покойным грандиозную аферу с акциями.

Насколько Саня мог понять, сплетники принадлежали к финансовым кругам и направлялись прямиком на поминки во французский ресторан, открытый недавно в помещении «Гранд-отеля», где цены были в два раза выше чем в Париже.

Он подумал, что Лора тоже вскоре окажется там и будет сидеть рядом с этими людьми, говорить с ними, выслушивать их самодовольные высказывания, весь этот мелкотравчатый вздор, и почувствовал себя одиноким и лишним.

Последние дни его преследовало ощущение надвигающейся развязки. Казалось бы, никаких заметных перемен в их отношениях не произошло, но исчезло упоительное чувство полета, безоглядная радость ушла, дав место тяжким раздумьям. Упиваясь каждой минутой близости, они старались не думать о том, куда несет их случайно подвернувшийся поезд без машиниста и тормозов. Только разве уйдешь от себя? Одинокие ночи, отравленные ожиданием и самоедством, отлагались в сердце едкой накипью. Незваными гостьями заявили себя подозрительность и какая-то болезненная щепетильность, которых прежде не замечали они ни в себе, ни друг в друге.

Скрыть душевную муть, переборов ее в одиночку, оказалось никак невозможно. Настроенные на одну волну, оба были слишком чувствительны, слишком тонки, чтобы не ощутить, не среагировать, не войти в разрушительный резонанс. Размолвки, сопровождаемые слезами и бурным излиянием чувств, кончались столь же неистовым примирением и, как обычно, постелью. Но и между туч, до предела насыщенных электричеством, не всегда пробегает искра разряда. Настала пора, когда затаенное молчание больше не находило выхода. Его приходилось скрывать под холодной иронией или деланным смехом и уносить с собой, в свое горькое одиночество.

Вспоминая отлетевший головокружительный хмель первых дней, они пытались вернуться назад, но тем вернее тащило их дальше — туда, где уже успели побывать, откуда, казалось, вырвались, куда пуще смерти боялись вновь угодить.

Это порождало обиды, ожесточение, но и в самые трудные минуты каждый знал, что никогда не переступит черту, не выкрикнет, как бы ни было больно, те единственные слова, которыми кончается все.

Когда твои слезы прольются звездным дождем,
Ты будешь корчиться и шептать мое имя.

Солнце покинуло созвездие Близнецов, и Земля неудержимо неслась к поясу астероидов, навстречу звездным дождям.

Саня ошибался, полагая, что Лора поедет в ресторан «У Максима».

— У меня страшно разболелась голова, — сказала она, усаживаясь на заднее сидение «мерседеса». — Ты уж как-нибудь без меня.

— Неудобно, — попробовал возразить Кидин. — Все будут.

— Тем более. Никто и не заметит.

— Это тебе так кажется. Не забывай, моя радость, что Лобастов был твоей правой рукой. Как-никак, а обязывает...

— Ты хочешь сказать — твоей? Я, дорогой, не имела ровным счетом никакого отношения ни к нему, ни к его делам.

— Об этом знали только мы с тобой. Другие считают иначе. Как председатель ты просто обязана...

— Обязана? — она смерила мужа высокомерным оценивающим взглядом.

— Я никому ничем не обязана. Постарайся запомнить раз и навсегда.

— Тише, — поморщился Кидин, — Валентин услышит.

— Вот давай и закончим на этом, — Лариса Климентьевна краем глаза глянула в окно: Смирнов стоял в двух шагах от машины, видимо, дожидаясь шофера, который давал указания водителю неудачно припаркованной «вольво».

— Если думаешь, что я горю желанием туда ехать, то крупно ошибаешься. На меня столько навалилось, что не чаю, как выкарабкаться. На завтра в «Сибири» назначена ревизия. Это и тебя, между прочим, касается.

— Ни в малейшей степени. Можешь забрать акции себе. Дарю.

— Сама не знаешь, что говоришь! Это же миллиарды, кисуля. Сегодня миллиарды, а завтра...

— Не знаю, что будет завтра, и не желаю знать. Оставь меня в покое.

— Можно ехать Ваникалыч, — доложил, вернувшись, шофер. — Ну и дурак водило у Каменюки! Нашел, где стать.

— Сначала домой, — приказал Кидин. — Завезем Ларису Климентьевну, а там уж... Минут за сорок обернемся? — он слегка отодвинулся, освобождая место для Валентина.

— Без нас не начнут, — усмехнулся Смирнов. — Успе-ем.

Он сразу заприметил стоявшего в стороне хахаля. Интересно, знала ли хозяйка, что он тут, поблизости? Наверное, нет, иначе бы подошла. Она баба шальная.

Лицо Ларисы Климентьевны, если и выражало что, то беспросветную скуку. Ощутив на себе чужой взгляд, она удивленно подняла брови.

— Вы чего, Валентин Петрович?

— А ничего, — не зная, что сказать, он озабоченно нахмурился. — Не люблю я лишних концов. Больно уж времечко лихое. Ларису Климентьевну, само собой, доставим в первую очередь. Нет вопроса. Трогай!

Когда машина миновала кладбищенский забор, он высвободил руку из-под пиджака.

Кажется, на этот раз пронесло. Обстановка на похоронах была намного сложнее, чем третьего дня в аэропорту. День церемонии объявлен, а условия для засады самые подходящие.

Валентин Петрович посетил кладбище еще накануне, чтобы заранее определить, где расставить людей. Его поразило, как причудливо судьба плетет свои петли. Найдя шестьдесят седьмой участок, где была захоронена мать Лобастова, он наткнулся на могилу Светланы. Цветы пожухли, холмик осел и только застекленная фотография на железном пруте стояла все так же прямо.

Ребята своими руками отрыли ямку для урны. И нескольких дней не прошло...

Глава двадцать четвертая

РАДИАЦИЯ

Стоя в проходной еще недавно секретного завода, поставлявшего стабильные изотопы во все концы Союза и монолитного соцлагеря, ведущий научный сотрудник Торба начал было сомневаться, выпишут ли пропуска. Внешне все выглядело, как в прежние времена: турникеты с таймерами, военизированная охрана.

С того дня как он нос к носу столкнулся в своем дворе с Голобабенко, дела быстро пошли на поправку. Владислав Леонидович сперва не узнал в раздобревшем лысеющем мужчине того самого Петьку, с которым учился на одном потоке и даже играл в баскетбольной сборной. Зато Петя так и расплылся в улыбке:

— Владик! Какими судьбами?.. Не признал, чертяка? А ну, давай, вспоминай...

Несколько наводящих вопросов, характерная подробность, забавный эпизод — и все расставилось по своим местам.

— Петрик-Вареник! Ты-то как тут очутился?

— А у меня знакомая! — хитро подмигнул Голобабенко, тряхнув чемоданчиком, где тяжело звякнула стеклотара. — Соображаешь?

— Ах ты, старый греховодник! А я тут живу. Видишь, собачку выгуливаю? — Торба дернул за поводок. — Сидеть, Лаки.

Но спаниель ни за что не хотел приближаться, упираясь изо всех сил, тянул в сторону. Не нравился ему знакомый хозяина, и он стремился выразить неприязнь доступными способами: тянул в сторону, ощерив клыки, издавал угрожающее ворчание.

— Чегой-то с ним? — поинтересовался Голобабенко. — Небось кошку учуял?

— Капризничает. Он у меня недавно такой номер отколол, не поверишь, — и Владислав Леонидович поведал старому приятелю, как они с Лаки наткнулись на труп красавицы-наркоманки. — Лежала, в чем мать родила! Представляешь?

— Спаниели вообще очень чувствительные, — заметил Голобабенко, выслушав с интересом. — Их специально используют для поиска взрывчатки. Если заняться разведением, большие бабки можно настричь.

Разговор перекинулся на экономические темы. Торба поделился своими неурядицами, обматерил правительство, об-

рекшее науку на вымирание, а Голобабенко вызвался свести его с нужными людьми, которые живо помогут поправить материальное положение.

Договорились свидеться в спокойной обстановке и обстоятельно покалякать.

— Помнишь пивзал на Колхозной? — предложил Петя.

Еще бы не помнить! Они частенько наведывались в этот прокуренный, битком набитый сарай, получивший меткое название «Мир животных». С каждым годом он становился все гаже и непотребнее. Стеклянные банки пришли на смену канувшим в небытие кружкам, стойкий запах вареных креветок и рыбьей шелухи, казалось, навечно въелся в потные стены.

— Колоритное было местечко. Небось, к креветкам теперь и не подступишься... Там все такая же грязь?

— Увидишь — не поверишь. Настоящий лондонский паб. Латунные краны, дерево все под лаком, а пиво, — Голобабенко глаза закатил, — какое душа пожелает! Хошь «Пильзень», хошь «Жигули». Даже «Карлсберг», и тот бочковый. Про закусь лучше не спрашивай: раки, соленые сухарики, моченый горох. И креветки не как раньше — размазня на воде. Отборные, свежие, с огурец величиной и отварены до кондиции. А на цены наплюй. Фирма за ценой не постоит.

Фирмой он называл свой «почтовый ящик», который благодаря современной организации труда и международным связям не только вписался в рынок, но, можно сказать, процветал. Специалист уровня Торбы получал, как со значением подчеркнул Петя, «на западном уровне». Консультации на стороне оплачивались соответственно.

Намек прозвучал заманчиво.

— Подумать только, — обрадовано вздохнул Торба, — еще секунда, и мы бы могли разминуться.

— Я удивляюсь, как мы раньше не встретились, Владик. В твоих краях я довольно частый гость. Скоро сам перееду.

— Знакомая? — понимающе подмигнул Владислав Леонидович.

— Таких знакомых, как говорится, дюжина в каждом порту. По работе часто приходится бывать. Тут же кругом сплошная наука: Физпроблемы, ФИАН, Физхимия, Химфизика — полный набор.

— Вы с ними на хоздоговорах?

— По-разному...

Поскольку друг дал понять, что чемоданчик у него не пустой, а о дальнейшем догадаться было нетрудно, Владислав Леонидович не стал докучать лишними вопросами. Мужская солидарность — это святое. На его месте он бы давно поспе-

шил распрощаться и нырнул в подъезд, где его, должно быть, заждались.

Петя, однако, растроганный встречей и воспоминаниями, оказался настолько любезен, что проводил приятеля аж до трамвайного круга и долго стоял, помахивая рукой, пока тот не исчез вместе с собакой на проспекте Вернадского.

Бар, сияющий неоновой вывеской «Джон Ячменное зерно», превзошел все ожидания. Торба не помнил, когда разговлялся последний раз с таким удовольствием. Высосали кружек по шесть, не менее. Посидели душевно, наговорились всласть. Голобабенко, не моргнув глазом, оставил триста тысяч.

Деловые вопросы решались незаметно, как бы сами собой.

— Ты ведь занимался радиационной защитой? — спросил Петя, в общих словах обрисовав задачу, над которой билась его лаборатория.

— Уже завлаб! — позавидовал белой завистью Владислав Леонидович. — Доктор?

— Даже не кандидат.

— Как же так?

— У нас плюют на дипломы. Лишь бы котелок варил. У меня только в одном секторе три кандидата. Нынче степеням почтения нет... Если бы ты взялся сделать для нас контейнер, очень бы меня выручил.

— Готовые тебя не устраивают?

— В некоторой степени, — замялся Голобабенко. — У нас особые требования... Кстати, не подскажешь, где можно без хлопот приобрести?

— Завод «Электроаппарат» знаешь?

— Который в Екатеринбурге?

— Он самый. Они отказались от поставщиков и все делают сами.

— Дельная наводка. У тебя там кто есть?

— Должны быть ребята.

— Сведешь?

— Без проблем. Но ведь придется слетать?

— И слетаем. Сможешь взять недельку за свой счет?

— Хоть месяц. У нас это поощряется. В прошлом году принудительно в отпуск спроваживали.

— И все дела. Остальное — моя забота... Не помнишь случайно, на какие параметры они рассчитаны, ихние контейнера?

— Понятия не имею. Тебе-то, что нужно?

Голобабенко выдрал из записной книжки листок и набросал несколько цифр по всему комплексу излучений: альфа, бета и гамма.

— А нейтроны? — спросил Торба.

— По максимуму.

— Какой у вас источник?

— Когда как, — Петя явно чего-то не договаривал, секретил. — Цезий, кобальт, иногда стронций.

— Красиво жить не запретишь. Но зачем такие высокие дозы?

— Совершенно новые технологии. Не успели еще запатентовать, так что сам понимаешь...

— Можешь не объяснять. Я двенадцать лет на режиме... Боюсь, что готовые вас не устроят.

— Как же быть? Усовершенствовать хотя бы можно? Усилить защиту?

— Смотря для чего: хранение, транспортировка... Или вам в сборке требуется?

— Самое узкое место — транспортировка.

— Да, здесь требования особенно жесткие, — Торба задумался. Расслабленная пивными парами голова покруживалась, но не такой это был вопрос, чтоб на нем споткнуться. — Усилить, само собой, можно, только это здорово утяжелит конструкцию: дополнительный слой свинца, композитная оболочка...

— Разработаешь? Только, чтоб все было чисто и вес оставался в пределах.

— В каких?

— Десять, максимум пятнадцать кило.

— Вы что, вручную таскать собираетесь? Источник такой мощности!

— Нам далеко не надо, в ближнее Подмосковье, а спецмашину приобретем.

— Ну если так, попробую посчитать. Только имей в виду, что щелкать все равно будет. При стопроцентной защите масса подскочит за центнер... Японскую керамику достать можете?

— Любую.

— Тогда есть шанс, что получится.

— Я и не сомневался, что ты найдешь выход! — обрадовался Голобабенко. — Сама судьба нас свела. А это в качестве маленького аванса, золотая ты моя головушка, — он вынул толстенный бумажник и, покопавшись, выложил на заставленный полными кружками столик пять новеньких бумажек с портретом Франклина, который был не только отцом-основателем Соединенных Штатов, но и выдающимся физиком.

Банкноты были с вертикальной полосой и датированы 1993 годом.

С той счастливой для Торбы встречи деньги стали поступать в его карман почти регулярно. Петя незамедлительно расплачивался за каждое выполненное задание, будь то расчеты или такая пустячная услуга, как звонок нужному человеку. И всегда баксами, и всегда первозданной свежести. Уж не фальшивые ли, грешным делом заподозрил Владислав Леонидович. Набравшись храбрости, он сунул сотенную в прорезь ближайшего обменного пункта и без лишних слов получил свои полмиллиона.

Месячный оклад за ерундовые номограммы по дозиметрии, которые он вычертил на миллиметровке за один вечер! И никаких налогов и ведомостей.

В Екатеринбург прилетели не на каком-то «Илюшине» или «Туполеве», а на «Боинге-737» акционерной компании «Аэронавтика», в бизнес-классе. Вот уж где сервис был «на западном уровне»! Кормили на убой: икра, лососина, шампиньончики. Выпивки, хоть залейся: «Камю», «Белая лошадь», про пиво и говорить нечего.

Новая жизнь явно пришлась по вкусу Владиславу Леонидовичу. Гостиница на улице Шенкмана, или как она там называлась, тоже была частной. Не гостиница в строгом смысле, а квартира с полным пансионом и обслугой, принадлежащая шараге Петра.

Пока — «тьфу-тьфу!» — все шло, как по маслу. Боб Володин врубился с полуслова, назначил время и обещал полный саксес[1]. Однако прошло уже двадцать минут, а за окном, куда забрали паспорта, было глухо.

— Не понимаю, в чем дело! — нервничал Торба. — Ерунда какая-то.

В принципе волноваться не стоило. На заводе, где постоянно работали над каким-нибудь институтским заказом, ему приходилось бывать не реже одного раза в год. Правда, по командировке со всеми печатями и подписями. Сегодня такой бумажки при нем, увы, не было. Но не может же из-за такого пустяка сорваться вся затея с контейнерами! В крайнем случае, если не пропустят на территорию, Боб как-нибудь догадается выйти.

Было чертовски неудобно перед Петей. Хотелось хоть тут соответствовать его международному классу, то бишь уровню.

Володин появился, когда Торба, созрев для демарша, готов был затребовать документы назад. Не знал только, как отреагирует благодетель.

— Привет, чуваки! — сделав ручкой, Боб скрылся за дверью, откуда незамедлительно выскочил, помахивая пропусками. — Айда!

[1] Успех *(англ.)*

Годы его почти не затронули. Остался таким же верзилой, плейбоем-отличником. Он первым в их выпуске защитил докторскую. В его отделе вообще остепенялись со сказочной быстротой: шли по закрытой тематике. Уральскому филиалу РАН оставалось только штамповать дипломы. Не то, что в Москве, где и сами не жили, и другим не давали.

Торба немного завидовал Бобу. Сам он ни за какие блага не согласился бы сменить столицу на провинцию. И, наверное, зря. Володин себе на уме. Выскочит в членкоры и преспокойно вернется в свое Останкино. Умеют люди устраиваться!

Беседа состоялась не в кабинете и даже не в цехе, как можно было ожидать, а на воздусях — Боб любил заковыристо выражаться.

— Тебе нужны лишние уши? — ткнул он пальцем в Петькино пузо. — Я так и думал.

Они сразу же перешли на «ты», хотя были знакомы лишь визуально. Торба в их дела не встревал. Контакт обеспечил, и будет.

Володин развернул чертежи, бегло пролистал техническое задание.

— Проще пареной репы, — изрек он, сунув бумаги за борт халата. — Когда?

— Чем раньше, тем лучше. Месяц?

— Неделя уйдет на одно оформление.

— А нельзя без этой, без бюрократии?

— Хочешь вообще без договора? — не то чтобы особенно удивился Володин, но словно другими глазами взглянул на бывшего однокашника. — По-купецки? Под честное слово?

— Я бы так не сказал, хотя между друзьями чего не бывает?.. Материальное подкрепление придает весомость даже самому честному слову.

— Хорошо излагает, а? Как тебе, Владик?

— Петя — мужик проверенный, — заверил Торба. — Можешь на него положиться.

— Платить, значит, будете наличными, без всяких перечислений?

— Из рук в руки. По классической формуле: товар — деньги — новый заказ.

— Клянусь всеми льдами экватора, — удовлетворенно ввернул Боб, — ты мне нравишься. Жаль, что не успели сблизиться в золотые денечки школярства. Ну да ладно, авось наверстаем и еще не то отчебучим. Лады?

— Чрезвычайно удовлетворен достигнутым соглашением, сэр.

— Не торопись с соглашением, Голобабенко, покамест в наших релейшенс присутствует лишь дух взаимопонимания, что само по себе не так уж мало... Чем будет платить мистер — черными или белыми?

— Прошу прощения? — замешкался Петя, столкнувшись с незнакомой терминологией.

— Белыми, в смысле зелеными, — выручил Торба.

— Гарантии?

— Купецкое слово и двадцать процентов аванса.

— Устраивает. Мои ребята прикинут и завтра мы продолжим наше высокое собрание со сметой в руках... Я не спрашиваю, зачем вам понадобился тяжелоатлетический реквизит. Не для плутония, надеюсь?.. Все будет выполнено тип-топ. Японская керамика не потребуется. У нас есть кое-что и получше, но обойдется в копеечку. Не пугает?

— Постараюсь превозмочь страх.

— Он оправдывает свою замечательную фамилию, Владик?

— Насколько мне известно, вполне, — рассмеялся Торба.

— Мне тоже так кажется. Будем считать, что первый тайм закончился в пользу обеих команд.

БИЛЕТЫ МММ — ЛУЧШЕЕ ВЛОЖЕНИЕ ВАШИХ ДЕНЕГ

Глава двадцать пятая

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

На АО «Сибирь Петролеум» скрестились интересы двух управлений: борьбы с оргпреступностью и экономических преступлений. Для первого Лобастов был жертвой, для второго — подозреваемым, которого волею судеб уже никуда нельзя было привлечь. По крайней мере в этом мире.

Вместе с равным по должности и званию коллегой — подполковником Колотыркиным — Константин Иванович Корнилов поехал в Главное управление.

Все последние дни акционерное общество «Сибирь Петролеум» трясли ревизоры. Смерть Лобастова явилась той самой течью, которая прорвала давно подмываемую плотину. За аудиторской проверкой последовала ревизия Перовского отделения Сбербанка, затем нагрянули оперативники из Управления экономических преступлений ГУВД.

Невзирая на протесты врио гендиректора Строева и главного бухгалтера Калмыковой, было изъято множество документов, а

на другой день изъяли и саму Нину Михайловну, которой предъявили обвинение по статье 147, часть 3 — присвоение чужого имущества в крупных размерах. По той же статье возбудили уголовные дела еще против двух женщин: бухгалтера упомянутого Перовского отделения Дымовой и зама заведующего операционным залом «Регент Универсал Банка» Тамары Максимовны Клевиц. С четвертой дамой, которую не терпелось допросить, следователям не повезло: супруга Ивана Николаевича Кидина оказалась им не по зубам. Районный прокурор наотрез отказался санкционировать какие бы то ни было оперативно-розыскные мероприятия.

— Не вижу законных оснований, — категорически заявил он. — У вас есть хотя бы один документ за ее подписью? Она получала денежное вознаграждение?.. А то, что кто-то где-то числится, к делу не подошьешь. Президентов у нас, как собак нерезанных.

В районном масштабе прокурора считали человеком большого ума.

Привлечь Ларису Климентьевну в качестве свидетеля тоже не удалось. Повестку, которая пришла по почте, она, по совету мужа, сожгла в камине, а милиционера, приехавшего лично вручить приглашение к следователю, не пустили дальше ворот. Пришлось отступиться. Двинуть на штурм омоновцев, чтоб, значит, осуществить привод, согласно закону выходило себе дороже.

Подполковник Колотыркин, замначальника управления, махнул рукой. Материала и без того набралось вполне достаточно. В первом приближении схема денежных махинаций выглядела следующим образом:

бухгалтер Дымова снимала многомиллионные суммы с корреспондентского счета родного Перовского отделения и переводила их на счета «Регент Универсал Банка», откуда они прямиком уходили в «Сибирь Петролеум», к Калмыковой. При этом движение денег на корреспондентском счете никак не фиксировалось. В последние дни каждого месяца все до копеечки возвращалось назад, в Сбербанк. Столь нехитрая операция позволяла «Сибири» накручивать большие проценты с чужих кредитных ресурсов.

Потери Сбербанка, так называемая «упущенная выгода», исчислялись несколькими миллиардами. Доказать причастность покойного Лобастова, а тем паче самого Кидина, было проблематично. Зато нашлись копии документов, позволяющих серьезно присмотреться к деятельности «Остапа» и его заглавного героя господина Каменюки, вице-президента «Регента» по совместительству. По существу «Остап», «Тетраэдр» и «Сибирь»

были краеугольными камнями единого сооружения — «Регент Универсал Банка».

Знал ли его президент, всеми уважаемый Иван Николаевич Кидин, что его ближайшие сподвижники затеяли хитроумную комбинацию с банковскими акциями? Каменюка и Лобастов обратились с этой целью в дружественный банк «Самарский кредит», где без труда получили беспроцентную ссуду в три и пять миллионов долларов соответственно. Срок возврата тоже был льготный — два года, а пункт договора, гласящий о том, что «Самарский кредит» оставляет за собой «право в одностороннем порядке изменять процентную ставку за пользование кредитом», оказался вычеркнут. Как не смешно или, напротив, печально, но гарантом выступал «Регент». Смешно, потому что оба заемщика были его фундаторами и зиждителями, а печалиться предстояло Кидину, правда, лишь в гипотетическом случае невозврата денег в установленный срок.

Возникал естественный вопрос: зачем это надо самарским банкирам? Или они такие филантропы, что за здорово живешь отказываются от солидных процентов? А сам Кидин? Ужели не догадывается, что творится у него за спиной? А вдруг это заговор в духе американских триллеров! Что если Лобастов и Каменюка затеяли вместе с «Самарой» прибрать к рукам контрольный пакет, уготовив Ивану Николаевичу участь короля Лира?

Будущее президента «Регента», равно как и его бесправных вкладчиков, не слишком заботило следствие. Налицо были разветвленные махинации в особо крупных размерах, с которыми предстояло разбираться и разбираться. В бухгалтерии АО «Сибирь Петролеум» обнаружились договора и гарантийные письма, украшенные печатями самых разных учреждений — отечественных и зарубежных, банков и комбинатов, министерств и различных партий, в том числе и не зарегистрированных в Минюсте. Но подлинным откровением для правоохранительных органов явились бумаги под шапкой «АУМ Учение истины» с факсимильными подписями самого Асахары! По поводу другого учения, именуемого Лигой последнего откровения, в ГУВД даже разгорелся спор. Большинство считало, что одинаково непонятные АУМ и «Атман» представляют собой различные модификации одной и той же секты.

— Еще Владимир Ильич учил сочетать легальную партработу с подпольной, — изрек генерал-майор Васильев, первый зам. — В одной Москве тридцать тысяч сектантов из этой — как ее? — «Сенрикё»! Где они, спрашивается? Так уж всем коллективом в нети ушли? Рассредоточились? Как бы не так! Устроились под новой крышей. Нынче только ленивый не химичит.

Прикроют сегодня, скажем, газету, а на завтра она — бац, уже под другим названием. Фирмы опять же! Обобрала «Роника» вкладчиков, кинулись они в ее банки и магазины, а там «тю-тю» — другая вывеска. Будь моя воля, я бы этих трясунов в двадцать четыре часа за сто первый километр в административном порядке. Секту пока не трогать. С прокуратурой будем договариваться, с ФСБ. В случае чего, выведем в отдельное производство.

Колотыркин попробовал заикнуться по поводу отгрузки в Японию стратегического сырья и спецматериалов: циркония, высоколегированного стального листа, а также лабораторного оборудования.

— Лицензия у них была?

— Лицензия имеется, но вопрос в том, какою ценой...

— Чего же вам надо? — оборвал генерал. — Наново раздуть международный скандал? Пусть ФСБ занимается. А с бухгалтершами этими особенно не валандайтесь, заканчивайте и в суд. До Кидина не дотянуться. Ведь и ежу ясно, что все станут валить на покойника.

— Классический случай, — счел удобным вмешаться Корнилов, — ищите, кому выгодно.

— Вы на что намекаете? — подозрительно покосился генерал.

— Никаких намеков. Просто Кидину повезло с этим убийством.

— Такова ваша версия?.. Может, выйдите с ней к журналистам? Других идей нет?

— Не версия, товарищ генерал, — Корнилов чувствовал, что начальство готово выйти из себя, но жизнь вынуждала его постоянно действовать на грани фола. — Для версии пока нет оснований.

— Пока! Вы так и не продвинулись в нужном направлении? Убийц найти не можем, зато ищем заказчиков. Так у вас получается? Поздравляю, Константин Иванович, обрадовали... По сексуальному маньяку, что можете доложить?

— Здесь наметилось некоторое продвижение, но опять-таки не дают работать. Руки связаны.

— Кто не дает работать? На вас оказывают давление?

— Давления не оказывают, но без дискет, которые забрали в инстанции, мы вынуждены топтаться на месте. Это первое. Опять же Кидин. От встречи он уклонился, хотя кому, как не ему, помочь в расследовании убийства Лобастова. На «Регент Универсал Банке» многое замыкается. Тот же Авдеев с его автобизнесом. Мало того, что бандита выпустили, так и к деньгам его подобраться не можем. Единственное, что

пока удалось, так это собрать исчерпывающий материал на Калистратова... Предполагаемый убийца жены, товарищ генерал. Третье дело с печенью. Шесть месяцев провел в психиатрической больнице, диагноз шизофрения.

— Шизофрения? Это хорошо, что шизофрения. А Кидин с какого боку? Вас послушать, так на «Регенте» все завязаны: бандиты, воры и даже шизофреники. Прямо идея-фикс!

— Смотря с какой стороны подойти. Приписать все четыре зверских убийства Калистратову невозможно. Зато установлено, что его квартира была с нарушением закона приобретена риэлтрской конторой, принадлежащей «Регенту». Вот и получается, что руки связаны, товарищ генерал.

— Продолжайте накапливать материал, ищите убийц Лобастова, ищите своего шизофреника. Кстати, дайте о нем в печать. Надо хоть как-то успокоить общественность.

— Успокоить?! — изумился Корнилов, но вовремя прикусил язык.

— Да, успокоить! Хотя бы пресечь самые дикие слухи. В нынешних условиях конкретный сумасшедший меньше пугает, чем неведомый монстр... Печенкин! Личность установлена, диагноз снимает ненужные вопросы. По крайности люди поймут, что мы работаем, ищем... Не нужно акцентировать на деталях. Все знают, что он убил жену. Остальное сами додумают. Чего взять с сумасшедшего?

— Если станет известно, что его тоже убили, может возникнуть неприятная ситуация.

— Вот и найдите настоящих убийц, чтобы не попасть впросак. Победителей не судят, подполковник. Никто и не вспомнит потом про этого психа.

— Разрешите вопрос? — упрямо насупился Корнилов. — Кто разрабатывает «АУМ сенрикё»? У нас в Москве, не в Японии.

— Газет не читаете?

— Читаю. Надеюсь, решением суда дело не исчерпывается? Если будут найдены доказательства причастности секты к убийствам женщин, мы можем возбудить уголовное дело?

— Не только можем — обязаны. По факту!.. С чего бы вдруг такая осторожность?

— Замкнутый круг получается, товарищ генерал. Есть подозрения, но нет фактов, а добыть их трудно: всюду натыкаешься на красный свет. Выйти на секту легче всего через тот же банк, потому как их средства прокручиваются. Я не настолько туп, чтобы подозревать Кидина во всех грехах. Вполне допускаю, что он ни сном, ни духом, и вообще распрекрасный человек. Но банк связан с криминальными структурами. Это факт, и от него никуда не денешься.

— Один «Регент» такой?

— В том-то и беда, что не один. Уж таков текущий период исторического процесса.

— Глубокая мысль. Что у вас есть, кроме наколок?

— Татуировка в уголовной среде — штука серьезная. С чего бы это у бандитов, торговцев оружием и наркотиками обозначился сходный сюжет? И с кем? С сектантами?!

— Это те проститутки — сектантки? Почему? Может, просто блатные марухи. Не забудьте, что у вас два неопознанных трупа из трех. Жену Калистратова я не считаю.

Корнилов был вынужден признать, что генерал во многом прав. Давил он упорно и доказательно. Делал ли он это по собственной инициативе или же сам находился под прессом, прощупать так и не удалось. Поняв, что предпринятая им разведка боем не удалась, Корнилов все же склонялся ко второму. По крайней мере оставался хоть какой-то шанс остаться человеком, а не жалкой марионеткой. О том, что ему известны подробности махинаций с бюджетными миллионами, предназначенными для нефтяников Заполярья, он благоразумно умолчал.

— В связи с убийствами, кроме наколок, есть и оперативные данные, указывающие на секту, — привел он последний, но фактически голословный довод.

Кроме отрывочных сведений, полученных от семейства Кругловых, у Константина Ивановича ничего не было за душой. Разве что интуиция. Но на интуицию обычно ссылаются новички-практиканты. Он сознавал, что у генерала есть две возможности закончить тягостную для обоих беседу. Первая и наиболее простая — в приказном порядке поставить на должное место: не лезь, куда не следует, и точка. Вторая, внешне корректная, но зато и более опасная, — это потребовать разъяснений.

Выложить на стол было нечего. Даже родители точно не знали, в какую секту ушла их дочь. И в секту ли? Почему не в грязный притон? Контрдоводы генерала опирались на факты: закоренелая наркоманка, незадолго до насильственной смерти участвовала в групповом сексе.

Константин Иванович мог лишь догадываться о раскладе противоборствующих сил в верхах, к которым, хотя бы по должности, был приближен первый зам ГУВД. За короткий срок над ним сменилось трое начальников. Словом, роза ветров вырисовывалась неясно. Пожалуй, их переменчивый и капризный характер и предопределил неожиданную для Корнилова реакцию генерала.

— Поступили материалы из министерства, — он просто-напросто проигнорировал замечание строптивого подчиненного. — Я позвоню, чтобы вам показали. Зайдите в отдел.

Выйдя, как и вошел, вместе с Колотыркиным, Константин Иванович жадно закурил сигарету.

— Вот и вертись, как угорь!

— На горячей сковородке. Ты ему правильно врезал. Действительно связаны по рукам.

— А ты чего молчал?

— Бесполезно. Думаешь, сам он не понимает? Мы свое сказали, а они, как хотят. Что нам, больше всех надо?.. Тебя не ждать?

— Поезжай. Ты же слышал...

Материалы с министерской сопроводиловкой заслуживали самого пристального внимания.

Федеральное бюро расследований запрашивало дополнительную информацию на старых знакомых: Японца, Китайца, Авдея — и в свою очередь направляло список лиц, которые подозревались в связях с названными деятелями. Кроме того, американцев интересовал гражданин Азербайджана Исмаил Мамедович Аливелиев, 1958 г. р., уроженец города Шемахи, задержанный при попытке провоза радиоактивных изотопов.

Аналогичная просьба содержалась и в письме австрийской полиции, к которому были приложены фотографии Аливелиева, дактилоскопическая карта и цветная ксерокопия татуировки: огнедышащий зеленый дракон с перепончатыми крыльями. Точь-в-точь такой же, как на трупах боевиков, убитых возле Даниловского рынка. Кроме того, австрийцы прислали список пассажиров авиарейса Ташкент—Москва—Вена с просьбой сверить его с данными картотеки. Очевидно, разыскивали соучастников Аливелиева.

Корнилов оценил ловкий финт генерала. Зная содержание корреспонденции, он просто не мог позволить себе слишком резких движений. Когда хоть что-то вылезает наружу, значит, ситуация выходит из-под контроля, и остается только гадать, чем оно обернется для тебя лично.

Глава двадцать шестая

БАКЛЕНД, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК

В поисках ключей от машины Дженифер О'Греди заглянула в разницу, где застала мужа в объятиях секретарши. Преподобный Пол занимался с Марджори Кистенсен незатейливой забавой, которую в печати именуют оральным сексом.

Оскорбленная Дженифер прореагировала на случившееся так же, как это сделала бы на ее месте любая нормальная

женщина. Разразился безобразный скандал, с воплями, слезами и потасовкой. Пойманный на месте преступления Пол О'Греди тоже повел себя на первых порах вполне заурядно. Наградив супругу увесистой оплеухой, он заставил ее умолкнуть, дав тем самым короткую передышку рыдающей Марджори. Похватав разбросанные по комнате части туалета, она выскользнула за дверь.

Дальнейшее, однако, уже не укладывалось в стандартный сценарий. Преподобный избрал тактику, делающую честь его пророческому дару. Находчивость и самообладание не изменили ему даже в самый критический момент. Строго говоря, Пол не принадлежал к духовному сословию, почитаемому вне зависимости от исповедания.

Коммивояжер в миру, он довольно успешно торговал садовым инвентарем, отдавая досуг проповеднической деятельности под стягом Лиги последнего откровения. Вдохновенное чело пророка, зажигательное красноречие и, не в последнюю очередь, знание Священного писания снискали ему заслуженный успех у прихожан.

Все перечисленные качества выручили Пола и на сей раз.

— Смирись, женщина! — наскоро приведя в порядок одежду, он величественно простер руки к небу. — Не оскорбляй слух Господа непотребным визгом. Тебя ослепил сатана. Ничего не было. Ничего! Послушай меня. Ночью Господь ниспослал мне откровение. Я услышал голос, поведавший о старой и новой церкви, и понял, что старая церковь — это ты, Дженифер, а новая церковь — Марджори. И было велено мне оставить старый храм и войти в новый, и я сделал это, Дженифер. А теперь уходи.

Слух о разладе в семье О'Греди распространился по Сан-Хосе. Благо городок насчитывал чуть более шести тысяч жителей, и почти все знали друг друга в лицо.

Как ни странно, развод почти не повредил репутации Пола. Его проповеди по-прежнему собирали полные залы.

Лигу, свившую гнезда о многих штатах, назвать церковью было бы преувеличением. Даже под категорию секты она с трудом подпадала, поскольку, объединяя и мир, и клир, вроде бы не имела ни законченного вероучения, ни четкой иерархии. Всего было намешано понемножку: Евангелие и Дхаммапада, Кама-сутра и Ветвь персика. И христианство выходило какое-то однобокое, усекновенное, и буддизм вроде бы вовсе и не буддизм. В проповедях ни намека на благородные истины Шакьямуни и восьмеричный путь к спасению, зато парады голоногих девиц, хэппининги, того и гляди переходящие в оргию, и факультативы для желающих: по медитации, вос-

точным единоборствам и сексомагическим упражнениям в духе тибетского шактизма. Словом, гремучий коктейль.

В одних общинах больше напирали на самопознание, в других приоритет отдавался коллективным сборищам с тяжелым металлом и пляской до исступления, но всюду, от Нью-Мексико до Великих озер, как похоронный звон, грозно и требовательно, звучал призыв готовить себя к скорому концу света.

«Погибнут все, кроме невинных деток, но Дети Бога спасутся и войдут в новое тысячелетнее царство».

Под сводами храмов и пологом леса, в кегельбанах и спортивных залах, снятых на ночь, в кинотеатре и на зеленом газоне, где рядом с бассейном соблазнительно дымились угли под барбекю, — везде пели осанну небесной любви и склоняли антихриста.

И каждый чувствовал близость Зверя из бездны, и жар Жены, облаченной в солнце, слепил глаза, и в колясочке с поднятым верхом мнился младенец, отмеченный клеймом трех шестерок.

«Дьявол овладел миром и прельщает человеков материальными благами дабы отвратить их от лика Спасителя».

Жертвовали не то, чтобы скупо, но с привычной умеренностью. Лишь единицы, окончательно утратив рассудок, распродавали имущество и уходили то ли в монастыри, то ли в ашрамы лиги, представлявшие собой нечто среднее между студенческим общежитием и ночлежкой Армии спасения.

Дети Бога, в основном молодые и неустроенные, понуро бродили от дома к дому, призывая покаяться, и матери не узнавали в них своих чад. Замкнутые, одинокие, скучные, они чуждались друзей, отдалялись от близких и медленно чахли, словно жертвы неведомой пандемии, завладевшей каким-нибудь захолустным городишком.

В Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе деятельность секты протекала почти незаметно. В Вашингтоне вообще не подозревали о ее существовании. И только случайный арест торговца наркотиками, оказавшегося сектантом-лигером, заставил администрацию присмотреться к Детям Бога.

По-видимому, какая-то централизованная структура у них все же существовала. Иначе трудно объяснить, почему несколько проповедников враз снялись с насиженных мест и перебрались в другие штаты.

Для жителей Бакленда, расположенного в шестидесяти милях от Нью-Йорка, помещение церкви служило не только молитвенным домом и местом собраний, но и своеобразным клубом. Здесь регулярно давали концерты детский хор и ор-

кестр симфонической музыки, выступали здешние и заезжие рок-группы и даже артисты бродячего цирка, завернув в городок, устраивали веселое представление на радость малышам. Просторное здание, построенное в модернистском стиле, могло послужить примером гармоничного сосуществования различных конфессий. Дни и часы служб были справедливо поделены между баптистами, составлявшими большинство, иудеями, которые собирались по субботам, и прихожанами Церкви Христа. Если бы в Бакленде, чье население принадлежало в основном к среднему классу, нашлись приверженцы ислама, то можно не сомневаться, что и им выделили бы часы для пятничных служб.

Лига последнего просветления, пустившая корни в молодежной среде, поначалу ничем особенно не выделялась на общем респектабельном фоне. В том, что к великому множеству различных общин добавилась еще одна, никто не смог бы усмотреть ничего из ряда вон выходящего, тем более предосудительного. Лига не только заявила себя, как христианская, но и по внешнему виду своих священнослужителей мало чем отличалась от той же искони американской Церкви Христа: такие же длинные мантии, отличающиеся лишь цветом — изумрудно-зеленые с багряной каймой, тот же торжественный ритуал причастия вином и хлебом. И чтение Библии с кафедры окружала привычная горожанам чинная простота. С той лишь разницей, что из Нового Завета постоянно выбиралось Откровение Иоанна Богослова — Апокалипсис.

Появление нового проповедника на месте преподобного Джона, отбывшего в другую епархию, не вызвало удивления: такое было в порядке вещей.

Пол О'Греди, обосновавшись в доме предшественника, не торопил события. Высокий и представительный, он и без того привлекал к себе внимание, особенно женской части населения. Когда же выяснилось, что Пол недурно играет в гольф и знает множество забавных анекдотов, которые охотно рассказывает за стаканчиком «Бурбона», перед ним раскрылись все двери.

Рассуждения о конце времен, в которых не содержалось ничего существенно нового, сочувственно воспринимались даже людьми, далекими от эсхатологических устремлений.

Представления о конце света, армагеддоне и тысячелетнем царствовании Христа неотделимы от канонического учения. Но даже в церковных кругах, где дух свободолюбия возобладал над узким догматизмом, последняя битва полярных сил ада и рая понимается больше как библейская аллегория, нежели насущная задача.

В самом Ватикане, и то вызывают раздражение безумные фанатики, будоражащие своими бреднями мудрое спокойствие верующих. Какие только сроки не назывались: и 1983-й, и 1984-й, и 1991-й, и 1993-й. Кто только не пророчил страшный суд, связывая его то с термоядерной войной, то с разрушительным землетрясением или СПИДом. И преподобный Мун, объявивший себя новым Христом, и новоявленный Моисей — Берг, и убийца Джонс, и террорист Асахара. Но проходили годы, а земля так и не разверзлась, и мертвецы не вышли из гробов поваленных на трубный глас. Даст Бог, и 1997-й, назначенный Асахарой, минет без потрясений.

Все не так страшно, как твердят, дуя в одну дуду, дудочники-крысоловы, заманивая наивных детей сладкой посулой спасения.

Практичные и трезвомыслящие граждане не спешили обменять свои бумажники на райские кущи. Всадники апокалипсиса, скачущие по черепам дураков, волновали их ничуть не больше, чем вымыслы яйцеголовых алармистов: гибель лесов, отравление океанов, озоновый слой, парниковый эффект... И лес, и национальный парк были в полном порядке, и мерилендские крабы не утратили вкуса и свежести. С погодой, правда, обстояло не очень благополучно. Каждый день кто-нибудь становился жертвой теплового удара.

Но ведь это еще не конец света?

О'Греди не назначал сроков, и это было по-своему мудро. Он лишь намеком давал понять, что вытекают последние капли из надмирных клепсидр. Живописуя апокалиптические ужасы, он завоевывал симпатии неподдельной страстью и верой, бархатным тембром голоса и риторическими изысками, до которых не поднимался его китайский предшественник.

Лишь одно настораживало аудиторию: неприкрытый антиамериканизм оратора. За ничтожным исключением, американцы большие патриоты. В Бакленде перед каждым домом полоскался звездно-полосатый флаг. Слушать инвективы по адресу Штатов, американского образа жизни вообще, было непривычно и неприятно.

— Америка — блудница! — изощрялся вития в зеленой, как кожа ящерицы, сутане. — Новый Вавилон! Ее постигнет участь нечестивого Валтасарова царства. Смотри, президент — блудодей: на стенах Белого дома невидимая рука уже пишет огненные слова.

И далее в том же духе. Доллар он иначе как «зеленой свиньей» не называл, но не чурался собирать с блюда целые пригоршни доброхотного подаяния. Перед тем как убрать в бумажник выигрыш — в покере О'Греди достиг виртуозного

мастерства, — любовно разглаживал каждую бумажку. Поэтому в сознании граждан и его обличения тоже представлялись некими аллегориями. Не Америка конкретно, а вообще Земля, люди; не доллар, а деньги, нажитые преступным путем.

О'Греди прослыл благочестивым моралистом. Он не чурался благотворительности, посещал больных, утешал страждущих, вел долгие душеспасительные беседы с дамами преклонного возраста.

О том, что происходит на факультативах, знали только их тщательно отобранные участники, но у них были все основания не слишком распространяться по поводу «акций раскрепощения», вполне достойных нравов публично поносимого Вавилона. О'Греди удалось не только возродить канувший в вечность институт храмовой проституции, но и поставить его на прочную финансовую основу. «Золотые рыбки», как он любовно называл учениц, приносили устойчивый доход, не облагаемый к тому же налогом. Во избежание огласки он снял на чужое имя уединенный дом на берегу океана, известный посвященным под экзотическим названием «Пагода хризантем». Среди постоянных клиентов, приезжавших в основном из Нью-Йорка, были известные финансисты, университетские профессора и даже один член Палаты представителей.

Для приобщения девочек к тонкостям божественного искусства из Сан-Франциско был приглашен мистер Янг, последний из ныне живущих евнухов последнего императора Китая Пу-И. Родители привезли Янга во дворец девятилетним мальчиком, всего за год до крушения Маньчжоу Го. Тем не менее он считался крупным специалистом по игре в «тучку и дождик», как изысканно выражались поэты Поднебесной.

Упражнения, которым обучал мистер Янг, тоже носили утонченные названия: «росток бамбука», «полет ласточки», «лодка, колеблемая юго-восточным ветром» и т. д. Помимо приемов и снадобий, возвращающих юношеское неистовство, он знал секреты нефритовых колец, кои никак нельзя было принять за наперстные, ибо надевались оные на иной орган.

Под влиянием Янга проповедник, не переставая обличать сатанинский мир, внес коррективы в представления о небесной любви, придав ей откровенно чувственный характер. Ударившись в теорию, он написал и размножил в местной типографии несколько посланий, адресованных пастве. Об их содержании свидетельствуют заголовки: «Секс созидает», «Революция секса» и «Вначале был секс». Последняя прокламация претендовала на решительный пересмотр всей библейской космогонии.

Голос, заставивший оставить «старую церковь» ради «новой» — Марджори Пол покинул уже без указания свыше, — теперь постоянно звучал в его любвеобильном сердце: О'Греди вступал в контакт со сверхъестественными силами, беседовал с Жанной д'Арк, Мерлином, Казановой и маркизом де Садом. Оставалось сделать последний шаг: объявить себя новым посланцем Господа, мессией.

Проповедь, предшествующая знаменательному событию, надолго запомнилась жителям Бакленда.

— Бог — это секс, — сформулировал О'Греди основной символ веры. — Если вы полагаете, что секс означает что-то неладное и вы должны стыдиться своего тела, тогда точно так же должно обстоять дело с Богом, и вы должны стыдиться его и всех нас. У нас сексуальный Бог и сексуальная религия с чрезвычайно сексуальным лидером и чрезвычайно сексуальными последователями! Так что, если вы не любите секс, вам лучше уйти, чтобы уберечь свой лифчик! Спасение делает нас свободными от проклятия одежд и стыда наготы. Мы свободны, как Адам и Ева в саду, перед тем как они согрешили. Если вы не ощущаете такой свободы, значит, вам далеко до спасения. Давай-ка, мать, сжигай свой лифчик! Будь свободной сегодня ночью!

О'Греди наградили дружным смехом и аплодисментами. Его деятельность едва ли сколь-нибудь заметно сказалась на, в общем, здоровой нравственной атмосфере тихого благополучного города, но, бесспорно, внесла оживление. В амбициозном проповеднике, стихийно приверженном языческому культу производительных сил природы, погибали таланты сексопатолога.

О нем заговорили. Прокламации, которые получили название «Писем М» — читай Мессия! — начали распространяться большими тиражами, принося миллионные прибыли.

О'Греди пропагандировал совместные купания голышом, обмен женами и прочее в том же роде. Он даже рискнул замахнуться на институт семьи как таковой, подкрепив это ссылкой на «Деяния апостолов»:

«Все же верующие были вместе и имели все общее» (2:44).

В его понимании это впрямую относилось к мужьям и женам.

«Любовь не только в словах, но и в деле, и в истине: дели свои деньги, одежды, жилье, обучение и даже секс с теми, кто испытывает в них потребность», — не уставал повторять он как изустно, так и печатно.

Часть средств поступала в лигу, но львиную долю преподобный оставлял себе.

Для откровенных бесед на деликатную тему к нему приезжали страдающие комплексами дамы из Новой Англии. Он смело показывал позы, гарантирующие счастливую беременность, помогал избавиться от фригидности. Молва о чудодейственных методах прокатилась по всему побережью, от Нью-Йорка до Балтимора, что немало способствовало притоку новых Детей Бога, жаждавших тайного посвящения.

В отборе кандидатов для инициаций преподобный Пол был придирчив и неумолим. Далеко не каждая «золотая рыбка» годилась на роль «небесной девы» — апсары, и только единицы могли надеяться дорасти до «богини». Таким избранницам лига предлагала контракт, которому могла бы позавидовать мисс Америка, с той лишь разницей, что вместо хрустальной короны они получали клеймо багряной девы и зверя из бездны.

Но к этому моменту девушки обретали новую физическую природу: иное отношение к миру иллюзий с его преходящими ценностями. Земная женщина и впрямь облекалась в солнце, становясь настоящей дэви — богиней, сатанинской шакти, повелевающей духами и людьми. Мужчина превращался в ее объятиях в покорного раба. Память о ней сжигала его неутолимой жаждой, как Адама, который так и не смог забыть Первую Женщину — огненную Лилит.

И надо же было случиться, чтобы Пол О'Греди споткнулся именно на апсаре, изменив правилу не трогать девушек из своего прихода.

Патриция Кемпбелл, избранная королевой в день Святого Валентина и непременная предводительница парадов, подавала большие надежды. Не устояв перед ее очарованием, Пол повез семнадцатилетнюю красотку в Вирджинию, где в пригороде Шарлотвиля она прошла обряд инициаций. По всей видимости, доза галлюциногена оказалась чересчур велика для хрупкого организма — вес Патриции не превышал ста двадцати фунтов, — и девушка вернулась в родительский дом с заметными психическими отклонениями. Ее донимали видения, она с криком вскакивала среди ночи и начинала метаться по комнате, изрыгая непотребную ругань.

Семейный врач прописал седативные препараты. Это немного успокоило Пат, но с наступлением полнолуния припадки возобновились.

Двадцать первого июня, в ночь летнего солнцестояния, она тихо встала с постели, подняла раму и по водосточной трубе взобралась на крышу. Сонные улицы предстали в обманчивом свете луны, уходившей к Востоку. Возможно, Патриции примерещилось, что у нее выросли крылья, но скорее всего она просто утратила равновесие.

Утром ее нашли среди сломанных тубероз, всю исцарапанную колючками остролиста, выросшего под самым окном. Спасательная служба, которую отец вызвал по телефону 911, прибыла через восемь минут.

Девушка была без сознания. В госпитале соседнего Ирвинга у нее обнаружили черепную травму и закрытый перелом голени. На вторые сутки она пришла в себя, но ничего не смогла рассказать о том, что случилось с ней ночью. Казалось бы, все указывало на лунатизм, но, изучив анамнез, психиатр заподозрил действие сильных наркотиков. Специальные тесты выявили присутствие в крови ЛСД-25, чьи следы сохраняются на протяжении многих недель и даже месяцев.

Главный врач счел себя обязанным уведомить секретную службу.

Агент Моркрофт, приехавший в Бакленд под видом социолога, проводящего опросы среди молодежи, начал расследование с посещения увеселительных заведений.

Судя по первому впечатлению, с наркотиками в городе обстояло относительно благополучно. Травку попробовал только каждый девятый. Анонимность интервью предполагала откровенность респондентов. На прямой вопрос о кокаине или крэге ответы были отрицательные, об ЛСД многие даже не знали.

— Зачем травить себя всякой гадостью? — заявила подруга Патриции. — Балдеть можно от музыки, танцев, от сексйоги.

Моркрофт заинтересовался, что это за сексйога такая? Тут-то ему и рассказали о факультативах преподобного Пола, о его удивительных проповедях и еще более замечательных хэппинингах.

О последнем «Карнавале счастья», проводившемся в городском парке, удалось выведать массу интересных подробностей.

Праздник открыл молодой человек в противогазной маске, с полицейской мигалкой на голове. Он выволок бумажный мешок с алой люминесцентной краской и принялся рассыпать ее по открытой сцене. Затем вышли еще несколько тинейджеров в одних плавках, легли на подмостки и начали кататься, вздымая клубы порошка, сверкающего в лучах софитов адскими сполохами.

Из динамиков грянула музыка, сопровождаемая частыми придыханиями и воплями оргазма, и пошла свистопляска. На фоне освещенной разноцветными мигающими огнями сцены появился длинноволосый парень с гитарой, загримированный под Иисуса. Вокруг него тотчас образовался хоровод девиц в коротеньких юбочках и без верха. Далее каждый вытворял, что только взбрело: кто разбрызгивал жидкие красители, кто пши-

кал дезодорантом или бухал надутым презервативом. Во всей этой комедии не ощущалось ни смысла, ни хотя бы подобия режиссерского замысла.

Сам О'Греди, если и присутствовал на спектакле, где каждый зритель был одновременно актером, то неявно. Его крылатые лозунги, намалеванные из распылителя, покрывали все мало-мальски пригодные поверхности.

Один из них, бесспорно, претендовал на философскую глубину:

«В бессмысленном — истина».

Значит, какая-то отправная точка все же существовала.

Агент Моркрофт был достаточно искушен, чтобы не распознать в хэппининге типичное психоделическое действо. Предполагалось, что за флером заведомого абсурда скрыта некая сверхчувственная реальность, выходящая за рамки повседневного опыта. Проникнуть в нее можно было либо с помощью наркотиков, либо через систему символов, когда любой знак — белая линия на лбу или черная точка на переносице — становится как бы паролем мистического сознания. Звук, цвет, запах, поза медитации, даже поднятый вверх палец — все, что угодно, могло стать кнопкой, блокирующей сторожевую систему рационального мышления.

В Йельском университете Моркрофт защитил диссертацию на тему «Символизм молодежной контркультуры». Под наблюдением врачей он опробовал на себе действие ЛСД, мескалина и псилобицина. Эксперимент выбил из колеи на шесть месяцев, но принес драгоценный опыт. Агент возвратился в Нью-Йорк с твердым намерением добиться разрешения на прослушивание телефонных переговоров Пола О'Греди. Однако, вопреки всем доводам, окружной судья воспротивился. Проповедник нигде не преступил черту закона и, кроме расплывчатых подозрений, на него ничего не было.

Глава двадцать седьмая

МИСТИКА ЧИСТОЙ ВОДЫ

Как бы выразился мистик, в «Регент Универсал Банк» ударила стрела Аримана. Кидин ничего не знал о боге зла древних иранцев, равновеликом доброму Ормузду, но в том, что настала черная полоса, не могло быть сомнений.

Убийство Лобастова, арест Тамары Клевиц, судебные иски против «Тетраэдра», «Остапа» и АО «Сибирь Петролеум» хоть

кого могли выбить из равновесия. Потери исчислялись в семнадцать миллионов долларов. Едва ли удастся переложить все целиком на плечи мелких акционеров, а если и удастся, то скандал гарантирован. Впрочем, скандал слишком слабое слово! Очереди негодующих вкладчиков, требующих выплаты задержанных дивидендов, корреспонденты с фотоаппаратами и видеокамерами, новые иски и дальше по принципу домино: изъятие вкладов, падение рейтинга — страшный сон. Не то, что громкая заваруха, но даже слух о временных затруднениях, и тот способен насторожить зарубежных клиентов. А они уже идут, слухи. Разлетаются по Москве на крыльях Вельзевула — Повелителя мух.

Про Вельзевула, он же Баал Зебуб, Иван Николаевич тоже надежной информацией не располагал и менее всего об оном задумывался.

Хватало и без ваала: Асахара, японцы, слабак Каменюка, не устоявший перед вымогательством Баржина. Это же надо: отвалить четыреста миллионов на избирательную кампанию! Кретин... Главное, время нашел подходящее. Того и гляди, могла нагрянуть ревизия Центробанка или дорогие гости из налоговой полиции. В высоких кабинетах уже заранее поджали хвосты. Может, что-то проведали? Нюх на падаль у шакалов звериный.

Вместе с главбухом Галабухой Кидин занялся проверкой документации. Как и следовало ожидать, при переводе денег из Сбербанка в «Сибирь», а затем обратно, Клевиц себя не обижала. Хотя и умеренно, но подворовывала на сложных процентах.

О, если бы все ограничилось жалкими миллионами деревянных! Иван Николаевич не поверил своим глазам, когда подняли договора. Такое и в страшном сне не могло присниться. Сразу вспомнилась незаполненная графа в платежной ведомости. Страницы контракта зияли такой же жуткой и вызывающей пустотой. Но если Мухарчик, вольно или невольно — неважно, наказал банк на свою годовую зарплату, то тут пахло полнейшим крахом.

— Что эт-то т-такое? — стуча зубами, еле выдавил из себя президент, терзаемый болью рвущихся в мозгу сосудов. — Я вас спрашиваю, Антон Валерьянович?

— Где, Иван Николаевич? — дернув румяными щечками, Галабуха опустил очки на кончик носа. Его налитые губы, окаймленные подковой усов и курчавой бородкой, сегодня более, чем вчера, напоминали анальное отверстие. — Где?

— В польте! — заорал Кидин, содрогнувшись от бешенства. — Как прикажете понимать? — он тыкал трясущимся

пальцем в девственные, первозданной чистоты пробелы, где полагалось стоять печатям и подписям партнера. Но не было ни подписей, ни печатей. Параграфы, в которых излагались обязательства другой стороны, тоже оказались вне машинописного оформления.

И вновь повторялась мудрая сказка о голом короле и хитроумных портняжках. Там, где Иван Николаевич не видел не то, что буковки, но даже ничтожной запятой, Антон Валерьянович свободно различал строчки текста. Уверенно называл реквизиты, сроки поставок и перечислений, штрафные санкции.

— Но где? Где? — кричал Кидин, чувствуя близость умопомешательства. — Где ты все это увидел, мать твою перетак!

— Да вот же, Иван Николаевич! — теперь трясся уже и Галабуха, с которого мигом слетел апоплексический румянец. — Оформлено по всем правилам.

— Оформлено, говоришь?

— Оформлено.

— И печать, скажешь, есть?

— И печать, Иван Николаевич, — главбух разъял кольца и вынул контракт, перевернув его вверх последней страницей. — Извольте!

Кидин уткнулся налитыми кровью очами, раскачиваясь, как дервиш на молитве.

Хоть убей, не было ни подписи, ни печати! То есть слева явственно различался синий круг с логотипом «Регента» — РУБ, прямой злобный росчерк Лобастова и заковыристая закорючка Галабухи, но справа!.. Справа не было ровным счетом ничего.

— Вы хотите свести меня с ума? Теперь я все понимаю. Нет, господа, ничего не получится! Я вас в бараний рог скручу!.. Я верил, верил всему. Меня заставили поверить, что Мухарчик, мудак, пал жертвой надувательства! Что его провели на трюке с исчезающими чернилами. Какой вздор: исчезающие чернила... Ну ладно, ладно, черт с ними, пусть исчезающие, пусть исчезла даже печать и визы, но остальное, остальное? Или в наших принтерах тоже исчезающая краска? Тоже?..

Насмерть перепуганный бухгалтер, не проронив более ни слова, поник с опущенной головой в кресле. Он не мог понять, что творится, его бил озноб, ему было жутко до рвоты.

— Хорошо же, — Кидин издевательски и зловеще вместе с тем улыбнулся. Развернувшись в кресле, отомкнул сейф и, вынув пистолет, наставил на окаменевшего Галабуху. — Если

ты, сволочь, не скажешь сей же секунд, что происходит, я размажу тебя по стенке. Поэл?

Не отрывая разбухших, как после атропина, зрачков от дула, сквозившего чернотой угольных мешков бесконечного космоса, бухгалтер медленно и тяжело сполз на пол. Неизвестно, чем все могло бы кончиться, если бы в комнату не заглянул Смирнов. Молниеносно оценив ситуацию, он в два прыжка оказался возле Ивана Николаевича и выбил зажатую в сведенных судорогой пальцах «беретту».

— Ты сдурел?!

Иван Николаевич осел, как продырявленная камера, и схватился за сердце.

— На-ка, попей, — Смирнов наполнил стакан из сифона. Не без труда ему удалось разжать плотно стиснутые зубы, отлитые из сверхпрочной керамики Залманом Львовичем, лучшим протезистом Москвы. — Что происходит?

Кое-как приведя Кидина в чувство, он занялся лежащим на полу Галабухой. Стащил с него пиджак, расстегнул сорочку, спустил брюки на самый низ живота: нигде ни царапины. Значит, выстрела не было. Да и пороховым дымом не пахло. Уж он бы учуял.

Главбух лежал с закрытыми глазами и тихо поскуливал. Валентин Петрович подтащил его к тумбе стола, приподнял и прислонил голову. Осторожно похлопав по щекам, начинавшим розоветь понемногу, поднес стакан. Челюсти у Антона Валерьяновича были свои, природные, но тоже постукивали о край стекла.

«Уж не побывал ли здесь невидимка?» — подумал Смирнов, осведомленный о приключении в Скатертном со слов подполковника Корнилова. Позвав Оксану, он уложил с ее помощью Галабуху на диван и велел вызвать скорую.

Пока секретарша кудахтала, суетясь вокруг Кидина, Валентин Петрович поднял пистолет, вытащил обойму и вылущил из нее патроны. Недолго думая, сунул их в карман, затем обтер «баретту» концом портьеры и зашвырнул ее в железное нутро сейфа.

Понять, что случилось, оказалось выше его разумения.

— Сюда кто-нибудь заходил?

— Никто не заходил, — мотнула головкой Оксана, прихорашиваясь перед пудреницей. — Как засели с самого утра...

— И ты ничего не слышала?

— Ничего, — секретарша облизнула свежеподкрашенные губы.

Крики и ругань Кидина все же достигли ее уха, несмотря на двойную дверь. Но сказать такое перед лицом самого Ива-

на Николаевича никак не входило в ее намерения. Манипуляции с пистолетом, проделанные начальником охраны, наводили на грустные размышления. Между шефом и главбухом определенно пробежала черная кошка, и это, конечно же, прямо связано с пошатнувшимся положением банка.

Приехал врач из Центральной клинической. Осмотрев поочередно обоих, не нашел оснований для беспокойства.

— Перенервничали небось? — спросил, измерив давление. — Или перегрузились?.. В вашем возрасте такого уже нельзя себе позволять. Ну-ка, на язычок! — он ловко сунул крохотную таблетку Кидину в рот.

— Что это? — скривился Иван Николаевич. — Горечь такая!

— Ничего, ничего, вам же на пользу. Сустак пролонгированного действия. Мгновенно расширяет сосуды.

Состояние Галабухи, видимо, показалось врачу более серьезным. Он вколол ему какую-то гадость под ягодицу и посоветовал поскорее отправить домой.

— Пусть отлежится пару денечков, как бы чего не вышло.

Валентин Петрович нашел в ящике чистый конверт, положил туда две пятидесятитысячные купюры и, как бы незаметно для врача, опустил в карман белого халата.

— Спасибо, доктор, — он проводил его в приемную. — Наши и вправду малость перетрудились. Сами понимаете, какое положение на финансовом рынке. Доллар как будто падает, рубль как будто поднимается...

— И это самое худшее, потому что на самом деле растут только цены... Всегда к вашим услугам, — сухо кивнул врач.

Валентин понял, что дал слишком мало.

— Не побрезгуете? — в руках Смирнова промелькнул и исчез, присоединясь к конверту, образчик той самой падающей валюты, о которой он так некстати упомянул.

Возвратившись в кабинет, вызвал машину и приказал отвезти Галабуху на квартиру.

— Теперь хоть скажешь, что приключилось? — спросил Кидина, оставшись с ним с глазу на глаз.

Иван Николаевич долго молчал, собираясь с мыслями, потом разложил фальшивые контракты по числам.

— Смотри сам. Историю с Мухарчиком помнишь?

— Ну.

— Что ты тут видишь?

— А что я должен видеть?

— Разуй глаза, Петрович! — вскипел Кидин. — Где подписи, где печати?.. Ты сюда, сюда гляди, вправо! Тоже скажешь, что видишь? А параграфы? Ты параграфы посмотри...

— Ничего, — недоуменно пожал плечами Смирнов. — Как есть, ничего!

— То-то и оно.

Чтобы до конца понять всю тяжесть положения, в котором нежданно-негаданно очутился президент, Валентин Петрович задал несколько уточняющих вопросов. В первую очередь его интересовали клиенты: кто такие, кого представляют, чьими руками готовились документы, сопутствующие договорам?

Ответы приходилось вытаскивать чуть ли не клещами.

Кидин то мялся, то начинал раздраженно орать или метаться по кабинету, хватаясь за грудь.

— Успокойся, Николаич, я же тебе желаю только добра.

— Добра! Все вы такие... Мухарчика не забыл?

— Ну!

— Я же просил тебя разобраться. Ты хоть что-нибудь сделал? Чем ты занимался, пока меня не было? Ты мог вплотную заняться этой аферой. Может быть, тогда нам не пришлось бы теперь рвать на себе волосы!

— Что я мог, чего не мог, не тебе судить, Иван Николаевич! — в свою очередь повысил голос Смирнов. — Ты оставил картотеку, как мы договаривались? Кого мне было искать? Ветра в поле?

Кидин молчал, набычившись.

— Теперь гляди сюда, — Валентин Петрович сверил даты. — Договора заключены до того, как случилось с Мухарчиком. Значит, не Мухарчик виноват и не я, что тебе приходится рвать волосы, — он с трудом заставил себя не сказать, где именно. — Не там врагов ищешь. Мухарчика едва до инфаркта не довел, теперь Антон Валерьяныч под руку подвернулся?.. Охолони, а то скоро один останешься.

— Ты угрожаешь? Мне?

— Не угрожаю, Петрович, не в моих это правилах, но предупреждаю, охолони. Вокруг тебя много разной дряни вьется.

— Кого ты имеешь в виду? Конкретно.

— Сперва скажи мне, с кем договора? — Смирнов собрал все в стопку и принялся неторопливо листать. — Осмий... Кажется, платиновой группы металл?.. А это уже интересно: изотопы! У нас хоть лицензия есть?.. Астатин, иттрий... Кому это надо? А уж лантаноидов! Церий, диспрозий, иттербий — сплошная экзотика. Хотел бы я знать, для чего это понадобилось. Ума не приложу.

— Я и забыл, что ты у нас специалист.

— Был специалист, да сплыл.

— Вот и брось копаться!

— Бросить? Пожалуйста! — Смирнов швырнул бумаги на стол. — Но больше меня ни о чем не проси. Все, Иван Николаевич, точка.

— Перестань, Петрович, я вовсе не то хотел сказать.

— Тогда скажи то. Меня люди интересуют, люди. Ты хоть понимаешь, что иначе мы не сдвинемся ни на шаг?

— Я не знаю, не помню... Мало ли с кем мы сотрудничаем? Здесь ведь не сказано. Нет ни имен, ни подписей.

— Так уж и не помнишь? А тут, между прочим, и твоя виза имеется! Вон, полюбуйся. Контракт на поставку боксов для работы с изотопами. Мы что, влезли в атомные дела?

— Не помню, хоть убей. Столько приходится визировать, что рука отваливается.

— Постарайся припомнить! Лобастова не воскресишь, а Каменюку призвать, ой, как хочется! Всюду, где изотопы, он визировал. Подписи Прокопыча нет. Его зам подмахнул. Отчего бы это?

— Дай взглянуть, от какого числа, — Кидин принялся отсчитывать месяцы по костяшкам пальцев: март — тридцать один, апрель — тридцать, май — опять тридцать один день... Да, точно: Лобастов тогда в Осаку летал. Не было его.

— Тогда в Осаку, потом в Токио. Получается, что за спиной у него провели. Молодец Каменюка! Ты бы призвал его на коврик, а?

— У него и без того хлопот по горло. Не знает, как распутаться. Они столько там накрутили всего в «Остапе»...

— Думаешь, ты в стороне останешься? Как бы не так. И не надо мне вкручивать мозги. Номера имеются? Цифры?.. Вот и давай справимся по компьютеру, who is who? Это многое прояснит, а гадать, как они ухитрились стереть следы, станем после.

— Гадать! В том-то и трагедия, что остается лишь гадать. Товар отправлен, а денежки не пришли. И стребовать их невозможно. Ни в какой арбитраж не сунешься.

— Отгружен, говоришь? А куда? Можно узнать; адреса — в картотеке.

— Ну узнаем, а толку? Доказать же ничего нельзя. Это даже не липа! — Кидин сгреб документы, словно намеревался бросить их в корзину. — Одно слово: макулатура. Односторонний договор с призраком, тенью... Исчезающие чернила оставляют следы?

— Следы от всего остаются. Если даже чернила полностью испаряются ручка — хоть шариковая, хоть перьевая — уже сама по себе оставит вмятины.

— И можно обнаружить?

— Наверное. Ты бумаги-то не мни, я попробую что-нибудь сотворить.

— Делай, что хочешь, но только здесь. Выносить не дам.

— Сам я ничего не сделаю. Тут криминалист требуется, трассолог. Я ребятам хотел показать.

— Знаю я твоих ребят. Себе дороже выйдет.

— Если не поскупишься, можешь быть совершенно спокоен. Плевать им на твои секреты, а кушать всем хочется.

— Разве что так? — Кидин в раздумье пожевал губами. — Надо обмозговать... Ты мне лучше вот что скажи, — он подозрительно стрельнул глазами, — почему мы с тобой ничего не видим, а Галабуха читает, как по писаному?

— Не понимаю, — Смирнов недоуменно мотнул головой.

— Вот и я не понимаю. Пока мы с ним тут сидели, он все мне и прочитал, каждую строчку.

— Ребус, как говорил покойный Райкин. Дичь какая-то.

— Дичь — не дичь, а доверия у меня к нему нет. Перекупили его!

— Да погоди ты, — гадливо поежился Валентин Петрович, — так уж сразу и перекупили... Твоя виза есть на одном договоре? По осмию, кажется? Есть! Выходит тогда, все разом купились? Прокопыч, Каменюка, ты сам?

— Не городи чушь.

— Сам рассуди.

— Одного не могу понять; никто не видит, а он один видит. Экстрасенс выискался.

— Может, и экстрасенс, — словно бы рассуждая вслух, задумчиво промолвил Смирнов.

— Это Галабуха-то?.. Не смеши. Я бы никогда пустую бумажку не завизировал.

— А он? А Мухарчик?.. Чтоб кассир выплатил деньги без подписи! Быть такого не может. Профессиональный автоматизм не позволит.

— Однако позволил?

— Значит, что-то не так с ними. Кто-то на них подействовал.

— И ты веришь?

— Про налет на обменный пункт «Аэронавтика» слыхал? Про «Блиц-Новости»?.. Мне один знакомый любопытные подробности порассказал. Странные вещи творятся в Москве, Николаич, очень странные. Могло и нас не миновать.

— Что ты имеешь в виду?

— Психотронное оружие — вот что! Отсюда и фокусы: исчезающие чернила, человек-невидимка.

— Какой еще невидимка?

— Тот самый, что в Скатертном.

— Давай, не темни.

— Кто из нас темнит, Иван Николаич?.. За дурака меня держишь? Не помнишь, какие бумаги подписывал?

— Говорю же тебе, что подсунули!

— Пусть подсунули. Но Галабуха-то тебе прочитал? Сам же сказал, что каждую строчку... Или снова все позабыл? От волнения?

— Вот вцепился, как клещ, — побагровел Иван Николаевич, досадуя, что проговорился. — Чего тебе надо?

— Мне? Мне от тебя ничего не нужно. Сам решай, как тебе быть. Но если ждешь помощи, выкладывай карты на стол.

— Какие карты, Петрович? — укоризненно закивал Кидин. — Ты же и так в курсе всех дел. Разберемся мы с контрактами, разберемся, — он уже уяснил, что Смирнов не оставил ему путей к отступлению, но никак не мог решиться открыть всю подноготную. — Что тебя, собственно, интересует? Давай, спрашивай.

— Какие связи у нас с Японией? С «АУМ сенрикё»?

— Не в курсе я, надо поднять документы... Лобастов крутил.

— Боксы, автоклавы, лабораторное оборудование — все туда шло?

— Частично. Большая часть у нас оставалась, в России то есть.

— Ты не думал, зачем им такие штуковины, сектантам?

— Никаких сектантов не знаю. Мм имели дело только с Русско-японским институтом. Обычные посреднические услуги. Оборудование в основном БУ или списанное. Предназначено для исследовательских целей.

— У кого брали?

— В наших же НИИ. Они отца родного продадут, лишь бы продержаться.

— И радиоизотопы?

— Вот насчет изотопов ничего сказать не могу. Все данные у Каменюки. Ты, молодчина, с первого взгляда определил!... Не думаю, чтобы они шли за границу.

— Не знаешь, чем они там занимаются, в Русско-японском?

— Понятия не имею.

— И зря. Видишь, какая петрушка?

— Как не видеть, Петрович? Втянули нас в авантюру, подонки!

— Как вылазить-то будешь?

— Не мы одни. Поддержка с самой, что ни на есть верхотуры шла. Кто бы устоял? Поэтому я особенно и не нервничаю. Ничего такого мы им не поставили, все в рамках закона. Ни газов, ни взрывчатки.

— Квартиры, производственные помещения, склады, гаражи?

— Мелочи жизни. Обычная риэлтрская деятельность, а уж что они там делали, не наша забота.

— Не наша, — согласился Смирнов. — А чего делали, скоро узнаем. Помещения-то опечатаны, главный японец задержан.

— Асахара?.. Я его и в глаза не видал.

— Ты, может, и не видал, а Прокопыч, полагаю, общался... Но я не про Асахару. В Москве его человек всем заправлял.

— Нас это не колышет. К политике отношения не имеем. В терактах, сам понимаешь, участия не принимали. Кое-что, не отрицаю, поимели на посредничестве, но на то и коммерция.

— Ленин верно сказал: заплати капиталисту за веревку, он сам на ней и повесится.

— Ты это брось. Пора отвыкать от ссылок на классика.

— Чья бы корова... Ты уж прости, Николаич, но не тебе говорить, марксист-теоретик, — Валентин Петрович чувствовал, что вот-вот сорвется. Корнилов и Всесвятский на многое заставили его взглянуть другими глазами. Он и без них догадывался, что у заправил «Регента» рыльце в пушку, но одно дело догадываться, иное — знать. Особенно впечатляли масштабы. — Лучше скажи, что тебе про «Атман» известно?

— Какой еще «Атман»? Первый раз слышу.

— Лига последнего просветления, что ли...

— Понятия не имею. Клянусь здоровьем детей.

Дети — сын и дочь — у Кидина были взрослые и давно жили отдельно но, похоже, что он не лукавил.

— Есть сведения, что «АУМ» в «Атман» преобразовался.

— Скажи-ка, Петрович, ты своим умом до всего дошел или дружки просветили. Из МУРа? ФСБ?.. Сижу, понимаешь, как перед следователем! Что за манера?

— Ты это зря, насчет следователя. Я разобраться хочу. Понять, как глубоко увязли... Кстати, ты почему к Корнилову не сходил?

— На кой он мне, твой Корнилов?

— Между прочим, зря. Или повестки ждешь?

— Я? Повестки?.. Окстись! Руки коротки.

— Напрасно так думаешь. Еще неизвестно, как оно обернется. Ты хоть знаешь, что в банке бандитские деньги крутятся? Из общака!

— Ты, парень, совсем сдурел? Или дружки запугали?

— Никто меня не запугивал, но на твоем месте я бы поинтересовался кое-какими счетами.

— Личность вкладчика меня не касается. Если милиция проявляет интерес, милости просим, но только с постановлением прокурора... Ишь ты, бандитские деньги! На них не написано... Я вполне допускаю, что теневые структуры отмывают через нас капитал. Но где, спрашивается, этого нет? Думаешь, в Центробанке?.. Вот наступит когда-нибудь нормальная жизнь, будет нормальная милиция, прокуратура, тогда и в банках станут принюхиваться. И то навряд ли. Деньги штука особая. Не для брезгливых. Швейцарские гномы, и те особо носом не крутят, когда подвернется жирный кусок... Можешь быть спокоен: заведомо грязными делами не занимаюсь. Я, как все. Но чтоб тебе не думалось, бери картотеку, изучай, просвечивай, — Кидин прошел к большому сейфу возле двери, ведущей в личную комнату, вставил ключ и набрал шифр. — Прошу, — он распахнул массивную дверцу. — И парней твоих подкормить не возражаю. Пусть займутся контрактами. Мне самому интересно. Пользы ни на грош, а знать хочется. На будущее, Петрович.

Сделав широкий жест, Иван Николаевич практически ничем не рисковал. Смирнов и без того нащупал почти все болевые точки. Бандитский общак, он смутно представлял себе, что это значит, не внушал серьезных опасений. Какой там еще общак? По счетам проходили юридические и физические лица, которым банк гарантировал определенный процент и тайну вклада. И это все. С японцами положение обстояло не столь гладко, но Кидин был уверен, что его не сдадут: слишком далеко тянутся нити. Убить могут, но только не сдать. Поэтому и Валентин был нужен, как никогда. Пусть знает, что ему по-прежнему доверяют. Лишь бы не предал и не совал нос, куда не следует. К операциям с бюджетными средствами и нефтью нельзя подпускать ни под каким видом.

Смирнов, удивленный столь неожиданной уступчивостью, приблизился к сейфу, вмурованному в стену. На всех четырех полках лежали однотипные черные папки с досье. Карточек, как таковых, не было и в помине.

— Тут и за неделю не разберешься, — он озабоченно почесал затылок.

— Ничего, над нами не каплет... Начнешь сейчас или с утречка?

— Предпочитаю не откладывать.

— Тогда зайди к концу дня. Я подготовлю реестрик, чтобы легче было сориентироваться. А контракты можешь забрать. Ты

совершенно прав: все есть на компьютере. Теперь-то я вспомнил!

— Как скажешь, — кивнул Валентин Петрович.

Нетрудно было догадаться, что Кидину нужно изъять какую-то часть материалов. Каких? По всей видимости, касающихся махинаций с деньгами Сбербанка. Так подсказывала элементарная логика.

— За что взяли Клевиц? — спросил он, уже стоя на пороге.

— Хищение. Больше ничего не известно.

— Будешь выручать?

— На том стоим. Она по существу не очень и виновата. Та баба из Сбербанка предложила выгодную сделку. Кто же откажется? Тамара осуществляла элементарный трансфер. Откуда ей было знать, что деньги перечислялись без ведома руководства?

— Ты уже связался с адвокатом? — Со слов Кидина Смирнов понял, что именно такую тактику изберет защита.

— Вечером позвоню Шапиро домой. Попробуем освободить под залог.

— Так скоро ее не отпустят. Сначала попробуют выжать, что только возможно.

— Она не из тех, кого легко взять на испуг.

— Сам факт ареста производит впечатление. Это тяжкое испытание для нормального человека. Одна камера чего стоит.

— Ничего не поделаешь, так уж вышло... Лично я ничего не боюсь. Понятия не имел о переводных операциях.

— И она так скажет? Ее же со всех сторон начнут щупать. И не на голом месте, учти. Небось нарыли чего у Лобастова?

— Об этом мне никто не докладывал. Как будет, так будет. — Кидин буквально вытеснил начальника охраны в тамбур и поспешно захлопнул дверь.

Хотелось поскорее остаться одному и пораскинуть мозгами. Тамарку необходимо выцарапать любой ценой. Он приблизительно знал, к кому обратиться и на какие рычаги надавить. Генрих Шапиро, один из наиболее опытных адвокатов, получил указания еще вчера. Как никто другой, он умел сразу нащупать слабину и бил под дых, не стесняясь демагогии и крючкотворства. Косноязычные прокуроры Шапиро терпеть не могли, но боялись острого его языка.

Вечером следующего дня в криминалистической лаборатории Академии МВД закончили безрезультатную возню с контрактами. Заказ был левый и сугубо конфиденциальный, так что пришлось задержаться после работы. Смотрели и в

инфракрасном, и ультрафиолетовом свете, пробовали на реактивах — ни намека на след. Ни красящих веществ, ни механических нарушений структуры. Вывод следовал однозначный: в указанных заказчиком местах не могло быть ни рукописного, ни печатного текста. Точно так же исключался и штемпельный оттиск. Даже в случае самоликвидации красителя на бумаге остаются мельчайшие частицы каучука или любого другого высокомолекулярного эластомера. Ничего подобного выявлено не было.

Что ж, отрицательный результат — тоже результат.

По крайней мере Смирнов лишний раз утвердился во мнении, что Слава Всесвятский и подполковник Корнилов нашли единственно верное объяснение загадочным случаям в «Аэронавтике» и агентстве печати. Пусть не психотронное оружие, о котором знали лишь понаслышке, но какое-то мощное воздействие на психику, несомненно, имело место.

Здравый смысл подсказывал, что примерно то же самое могло произойти и в «Регенте».

Валентин Петрович поделился своими умозаключениями со Славой.

— Возможно, — внимательно выслушав, согласился Всесвятский. — Но кто тебе сказал, что жизнь приспособлена к здравому смыслу? По-моему, все обстоит обратно тому.

Глава двадцать восьмая

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК

Правая рука на левую лопатку, пальцы обеих рук сцепляются замком, ноги переплетаются пятками вверх, подбородок вжимается в грудную кость, живот втягивается до предела, полный выдох, глаза закрыты. Сердце останавливается.

Калистратов потерял свое имя, а с ним вместе и тело, и память. Его неприкаянный дух блуждал в холодном мраке безвременья, словно заблудшее облачко, гонимое переменчивыми ветрами. Заурядный технарь в одной из прежних жизней, он ничем особенно не увлекался, кроме микросхем и программ, мало читал и даже в школьные годы не посещал музеев. Кроме ленинского, где ему на шею повязали красный галстук.

Разрозненные примитивно-лубочные представления об истории человечества составились главным образом по фильмам

на телевизионном экране. Но откуда рождались слова? Являлись прежде неведомые названия стран, городов и народов? Какие нити связующие простегивали клочья основы, случайно оставшейся на ткацком станке мозговых полушарий?

Он забыл, но помнили височные кости, как их сотрясала молния. И волшебный шлем он забыл, но спящий под теменем глаз реаптилии впитал чужой повелительный ритм, обретя совершенное зрение.

Влад Тепеш тоже менял имена и обличья. Вчера он был Дракулой в черном плаще, сегодня — графом Алукардом в голубом камзоле и завитом парике с бантом, а завтра превращался в страшного Блакулу, чьи глаза мерцали во тьме, как золотые дукаты. И не было ни вчера, ни сегодня, ни завтра, а только вечное теперь, где люди и звери неслись по кругу, словно на ярмарочной карусели.

Как блудный сын, вернувшийся после долгих скитаний под родительский кров, рыдал Калистратов, уткнувшись в колени отца — графа Йорги. Фрайхер Латоес, пронзая могильным хладом, стискивал преклоненную голову сосульками острых фаланг. И сливались в единый образ Латоес и Йорга, мертвый сын и оживший отец. И еще одно запретное имя звучало в вечном безмолвии запредельных миров: кондукатор Николае.

Он так устал от бесконечного бега в беличьем колесе! Так жаждал навеки уснуть в семейном склепе! Но не было покоя под каменной крышкой гроба.

Едва над частоколом замшелых елей разливалось зарево полной луны, сквозь узкие щели вползал клубящийся белый туман, и прах облекался невидимой плотью. Все повторялось бессчетно от начала и до скончания вечности. В пустых глазницах вспыхивал звериный огонь, проницая мрамор саркофага и толщу гранитных стен, и раскрывались бескрайние дали. Сама собой сползала тяжелая крышка, лопались цепи и со скрипом отодвигался ржавый засов.

От той, случайно промелькнувшей во мраке, жизни Калистратову достались обрывки воспоминаний: столы, заставленные выпуклыми сосудами, в которых кипели, переливаясь в причудливых трубках, разноцветные эликсиры, а в фаянсовой чаше клубился брикет невиданного сухого льда. На чистом листе появлялись и пропадали непонятные знаки, но где-то в самых глубинах теплились образы, избежавшие исчезновения: улыбка матери и сундук мороженщика, где дымилась твердая углекислота.

Теперь он и сам стал обжигающим холодом дымом, струясь над низинами, вдоль перелесков, повисая клочками в ко-

лючках кустов и вновь завиваясь в единую прядь летящей поземкой. Как саван, полощущийся на ветру, как привидение в детских мультфильмах.

«Кто я? Откуда? Куда?..»

Строй накрахмаленных белых рубашечек, алые клинья шелка кровью стекают на грудь.

Когда это было? Когда?.. Промелькнуло — и опять чистый лист, пустая классная доска, еще чуть влажная и в жидких разводах мела.

«Холодок бежит за ворот...»

Но не забыла кожа счастливого озноба посвящений!

В мешанине электрических разрядов причудливо соединяются осколки видений и звуков. По канону гармонии, пробуждающей мир, по симпатической тяге, соединяющей скрижали и скрепы.

Белое к белому, алое к алому, рифма к рифме.

Куда исчез стриженый третьеклассник? И кто этот рыцарь в белом плаще с кровавым крестом на сердце? Как эхо, откликается: «Пионер — тамплиер».

Бархатное полотнище, склоненное к поцелую, с роковым знаком костра. Пять пламенеющих клиньев, и барабан звучит, как «Босеан».[1]

Чистый лист, стертая доска.

Только жгучая искра мерцает во мраке, словно Марс в великом противостоянии: алая пентаграмма на детской груди — символ молчания и колдовства. Кудрявая головка ангелочка в белом кружке.

Еще не прорезались рожки и три зловещие цифры не проступили сквозь рыжеватые завитки...

В волшебную ночь летнего солнцестояния, когда огненный цветок вспыхивает в перистом веере папоротника и открываются клады земли, некромант смыкает круги. Сколько достанет рука, острием меча обводит замкнутую границу, которую не смеют преступить духи и демоны. Затем прочерчивает внутреннюю окружность, разметив по сторонам света четыре имени Вездесущего, и рисует пентаграмму внутри.

Четыре ветра, четыре огня, чаша с вином, «Книга Теней». И выходят на зов мертвецы из могил. И открывают, послушные воле теурга, свои страшные тайны.

— Кто ты, дух? Назови свое имя!

— Венцеслав граф Йорга, барон Латоес. Зачем позвал меня, властелин?

— Где ты был, Латоес?

---

[1] Знамя и боевой клич крестоносцев — тамплиеров

— Не помню.

— С кем говорил?

— Не знаю. Верни мою память, Губитель Душ. Хоть на мгновение верни перед вечным забвением.

— Ты скверно выглядишь, кадавр. Приникни к источнику жизни и подкрепи угасшие силы.

— Я не хочу крови, всадник Аполлион.

— Чего же хочешь ты в эту ночь искупления?

— Отпусти меня. Дай мне вспомнить себя, Аполлон Ионович.

— Сам не знаешь, что говоришь, бедный мой Венцеслав. Ну какой я тебе Аполлон да еще Ионович?

— Плохо мне.

— А все потому, что качаешься над пропастью. Либо быстрее иди вперед, либо падай. Возвратиться назад невозможно. Ты отдал ложную память, фрайхер, но не до конца. Остались крупицы, они-то и причиняют тебе мучения. Сделай последнее усилие, освободись и увидишь, как тебе сразу полегчает. Придет безмятежный покой, исчезнут желания — источник страданий, а служба пойдет исправно. Только так и можно обрести память истинную, нетленную. Начнем все сызнова: кто ты, неприкаянный дух?

— Я бесплотная тень без имени и прошлого, я послушный воск в руках властелина.

— Что причиняет страдание живым и мертвым?

— Живым — желания, мертвым — несбывшиеся надежды.

— Откуда приходят они, желания и тяжкий груз несбывшегося?

— Их порождает память.

— Какая память порождает мучительную тщету неутоленной жажды?

— Ложная память иллюзорного мира.

— Что должно прийти на смену ложной памяти?

— Память истинная, нетленная.

— Как можно обрести истинную память?

— Отдать ложную память, всю без остатка, до последней капли.

— Что приходит на смену ложной памяти?

— Память о прежних жизнях.

— Она истинная или ложная, эта память о прежнем?

— Она ложная, эта память, но в ней прорастают зерна истинной и нетленной.

— Как проявляет себя истинная память?

— Как абсолютная пустота, где нет ни мыслей, ни форм.

— Что дарует истинная память?

— Всеохватное блаженство, ибо истинная память есть жизнь вечная.

— Кто достоин блаженства и вечности?

— Праведник, до конца исполнивший долг.

— В чем состоит долг?

— В безраздельной покорности властелину.

— Что ответит праведник на страшном суде?

— «Я исполнил свой долг, отдав себя целиком моему земному властелину. Я свободен от груза несбывшегося и чист, как белый лист, с которого стерты все письмена, и готов предстать перед очами властелина небесного». Так должен ответить праведник, когда протрубит архангел.

— Ты готов?

— Всегда готов!

Незаметно отлетела самая короткая ночь в круговороте месяцев. Опустела поляна в диком лесу, где одни папоротники, не знающие цветения, прорастали сквозь опавшую хвою. Между еловых стволов, пятнистых от лишайника и наплывов смолы, еще мерцали обманчивым светом гнилушки, но солнце уже спешило навстречу падающей к Востоку луне.

И следа не осталось от таинственных чертежей, а тени вернулись в могилы.

Калистратов вновь видел себя юным Латоесом, оруженосцем в коротком зеленом плаще, берете с ястребиным пером. Графиня Франциска по-прежнему следовала за ним по пятам, о чем давала знать шкатулка с лягушкой, зарытая на перекрестке дорог. Всякий раз, когда проносилась карета с вампиром, там появлялась капелька крови.

Гонимый все дальше от глухих трансильванских лесов, он очутился во Франции, совершив скачок на целых три века вперед.

Телевизионные сериалы, героями которых были граф Калиостро и его жена, неувядающая красавица Лоренца Феличчиани, а также несчастная королева Мария-Антуанетта, Калистратову довелось посмотреть в период вынужденного пребывания в психобольнице. Надо думать, они произвели на него неизгладимое впечатление, иначе трудно объяснить выбор эпохи, равно как и героев, среди которых почему-то оказался лечащий врач Аполлинарий Степанович, опытный гипнолог. В расщепленном сознании Калистратова он загадочным образом совмещался с Аполлоном Ионовичем, личностью выдающейся, почти мифической, и шефом самого завлаба Голобабенко.

Бессмысленно спрашивать, каким образом и почему так причудливо тасуются в мозгу фрагменты действительности. Разве во сне происходит иначе? И Аполлинарий, и Аполлон ока-

зали в свое время мощное воздействие на лабильную психику Калистратова, который лишь достраивал начатое ими строение. Руководствуясь совершенно различными целями, оба требовали от своего подопечного не только безраздельного, но и бездумного повиновения, заблокировав его внутреннее «я» кодами и паролями. Загнанная в глубокое подземелье, словно узник в гладоморню какого-нибудь сиятельного злодея вроде Тепеша, анима-душа тем не менее продолжала творить свою собственную Вселенную.

Оба персонажа, которых родители нарекли в честь мстительного и коварного бога — покровителя муз, слились в единую личность.

Это и был Аполлион, что по-гречески означает «губитель», который явился на острове Патмос самому Иоанну Богослову.

Перед Латоесом он предстал в образе Акселя графа Ферзена, любовника Марии-Антуанетты. Дело происходило на площади Революции, в центре Парижа, где уже вовсю работала гильотина. Самому Вячеславу, или Венцеславу, как он себя величал, в одноактной пьеске досталась роль курьера. Королевское семейство готовилось бежать в Австрию, и требовалось во что бы то ни стало передать информацию. Для Калистратова это был не только расхожий профессиональный термин, но и ключевое слово, несущее конкретный зрительный образ. Письма, которыми Латоесу надлежало обменяться с агентом императора, представлялись ему в виде стандартных дискет.

Аполлион-Ферзен сообщил подробный маршрут и нарисовал план крепости, куда надлежало проникнуть.

— «Ты сделаешь это! — не переставал он повторять спокойным, размеренным голосом, от которого у Латоеса напрягалась и начинала дрожать каждая жилка. — Ты пройдешь, и тебя никто не увидит. Ты невидим для людей, барон Латоес, ты — призрак, ты — дух».

Нарисованный Ферзеном план впечатался в мозг. Тайник, в котором находилось послание императора Священной Римской империи, имел знакомые очертания компьютерного терминала. От Латоеса требовалось всего лишь заменить одну дискету другой.

— И тогда Франция и вся Европа будут спасены, а преследующий тебя коварный враг отправится на гильотину. Это будет последняя казнь в Париже. Труп графини Франциски сожгут.

Труп сфотографировали в положенных позициях, записали антропометрические данные, сняли отпечатки пальцев. Из особых примет обнаружили лишь татуировку на левой груди:

крылатый дракон, опирающийся когтистой лапой на круг — не круг, а что-то вроде кабалистической печати вокруг соска.

Инспекция из ГРУ ожидалась на следующий день, ближе к вечеру, и полковник Бурмистров пребывал в некотором раздумье. Подобающего на такой случай холодильника на РЛС не предусмотрели, а оставлять мертвеца в изоляторе казалось не очень удобно, да и врач встал в позу. О том же, чтобы сунуть его в гигантский морозильник, в котором хранился полугодовой запас провизии, нечего было и думать.

Дельный совет дал лейтенант.

— А что, если в аварийный туннель под коммуникациями, товарищ полковник? Сквозит, как в аэродинамической трубе. Там даже летом все тюбинги в инее.

— Здравая мысль, — кивнул Бурмистров. — Тащите его туда.

— Странный какой-то труп! — содрогнулся военврач, помогая санитарам уложить на носилки бездыханное тело. — Больше суток прошло, а никаких признаков окоченения.

— И глаза вроде как светятся, будто у волка, — заметил майор. — Не нравится мне эта ниндзя, ох и не нравится!

— Откуда вы взяли? Они же у него закрыты.

— Не совсем. Приглядитесь получше, товарищ полковник: веки-то полуопущены.

— Подымите ему веки, — приказал Бурмистров, возможно читавший в юности гоголевского «Вия». — Вы! — он указал пальцем на строптивого врача.

Что и говорить, очень странные это были глаза, подозрительные. Нет, никакого света они не излучали, но огромные зрачки, заполнившие все пространство радужки, отблескивали зеленоватым золотом, как это случается у кошек и, может, майор и прав, у волков.

— Ишь ты, фары зажег! — с ненавистью процедил майор Елисеев. — Вы уверены, что он того, мертвый? — обратился он к медику, которого подозревал не только в антиармейских настроениях, вполне очевидных, но и в прозападных, антирусских симпатиях.

— Сердце не прослушивается, дыхания нет, зрачки на свет не реагируют, — скороговоркой выпалил подневольный дипломант. — Вам нужны еще доказательства?

— Он подписал свидетельство о смерти, — Бурмистров оборвал прения сторон. — Ему и отвечать. — Впервые симпатии полковника были на стороне врача. — Приставить пост, — распорядился он на всякий случай. — Смена каждые два часа.

На этом вопрос до прибытия инспекции был закрыт.

Незакатное полярное солнце мешало воспаленные краски вечерних и утренних зорь. Кружил голову одуряющий запах багульника, роилась мошка, стада оленей тянулись к бродам, с безмерных высот доносились тревожные клики гусей.

Сбитый с вековечного курса клин кружил в магнитных полях, взвихренных веерным лучом невыносимой напряженности. Новый день незаметно заступил стражу над бессонным подземельем, укрытым суровым гранитом, коврами серебристой пушицы и мшистыми кочками, проросшими острой осокой.

Приехав утром на службу, полковник Бурмистров, не заходя в свой отдел, спустился в аварийный туннель.

Труп исчез, а часовой мирно похрапывал, уронив автомат.

Глава двадцать девятая

КРЕМЛЕВСВКАЯ МАГИЯ

Саня не виделся с Лорой уже четыре дня. Говоря с ним по телефону она дала ясно понять, что у мужа серьезные неприятности, и ей очень не хочется, не имеет морального права еще больше осложнять ему жизнь.

— Скажи хоть, что случилось?

— Не для телефона. Понимаешь? Все сложно, Сандро, запутано...

— Давай встретимся. На каких-нибудь пять минут. Я подскочу, куда скажешь.

— Не сейчас, милый, не сейчас. Я сама тебе позвоню, как только смогу. Ты не волнуйся. Как-нибудь утрясется. Вот увидишь.

— Намекнуть можешь? Я пойму.

— Это ничего не даст, намеками тут не обойдешься. Дай мне время разобраться.

— Банк? — продолжал настаивать Лазо, задыхаясь от волнения и тоски. Предчувствие не обмануло его: что-то непоправимо сломалось. Неприятности, о которых вскользь упомянула Лора, лишь ускорили начавшееся движение под уклон.

— Не только, все вместе... Наберись терпения, дорогой. Я сама безумно страдаю и очень-очень тебя люблю! Мы увидимся при первой возможности. Верь мне, Саня. Ты единственная моя надежда. Понимаешь?

— Могу я чем-то помочь?

— Ни в коем случае! — в ее голосе прозвучал испуг. — Тебя это никак не должно касаться!

— Ну почему? Почему?

— Грязь, Санечка, грязь! Не хватало еще и тебе замараться... Ну все, милый. Иван Николаевич вернулся... Целую.

Разговор, записанный на привезенном из Гамбурга электронном устройстве ТСМ-031, Кидин прослушает на другой день в своем банковском кабинете. Это вряд ли прибавит ему настроения.

Лазо долго не отрывал трубку от уха, вслушиваясь в заунывную музыку частых гудков.

Уйти от себя, от гложущего чувства собственного бессилия, от мыслей, обреченных накручивать никуда не ведущие обороты, словно лошади на арене, подгоняемые хлыстом, помогла пишущая машинка.

Неожиданно для себя отстукал строфу:

Есть синий вечер, он напомнит,
Не даст забыть, не даст уйти.
Но, как рабу в каменоломне,
Цепь ограничила пути.

Перечитав несколько раз, до потери ощущения смысла, скомкал лист и швырнул на пол. Слишком уж банально: «синий вечер». Какой вечер не синий, если не хлещут дожди? Разве все то, что действительно невозможно забыть, умещается в пошленькое определеньице? Заведомый графоман и то найдет более выразительные слова. «Тот синий вечер»? Все равно скверно. А если так:

Твоя тоска тебе напомнит...

Чуточку лучше, но не то. Когда переполняет тоска, когда некуда от нее деться, не нужны никакие напоминания. Она и есть твоя единственная память — тоска.

И ветры злые погонят вечности пески,
Но не закрыть пескам пустые и вещие глаза тоски.

Перепевы буйной студенческой юности. Только их недоставало...

Но аккорд был взят. В мятущемся небе блеснул просвет. Лазо разыскал черновик незаконченного очерка о спиритических развлечениях номенклатурной элиты.

Казалось бы, все на месте: настроение, темперамент, философские обобщения подкреплены фактами, способными не только ошарашить, но и вызвать презрительную усмешку.

Материал остался незавершенным по той простой причине, что Саню опередили коллеги из дружественных газет демократической ориентации.

Сначала появилась сенсационная статья с завлекательным заголовком «Башня Мерлина рядом со Спасской». Она цели-

ком была посвящена одному человеку — генералу Алехину, занимающему высокий пост в Службе Президентской охраны. Оказалось, что этого прежде совершенно не известного общественности генерала боятся и ненавидят сотни людей, приближенных к власти. Причем ненавидят намного сильнее, нежели боятся, потому что, отбросив страхи, не только идут на контакт с прессой, но и охотно сообщают подробности, от которых волосы встают дыбом.

Оказывается, господин Алехин не только бдительно оберегает главу государства от врагов внешних и внутренних, но и служит ему надежной защитой от темных сил оккультного свойства. Он визирует гороскопы, составляемые для высших чиновников, вызывает духов, свободно общается со всеми потусторонними силами. Не ограничиваясь принятым в западном мире эзотерическим набором, генерал охотно прибегает и к индо-буддистской магии: исправляет кармы, читает спасительные мантры, обучает йогической практике. Не чужд он и новейших веяний в области тайных наук, как то целиком и полностью отданные на откуп экстрасенсам «биополе», «космическая энергетика» и прочие набившие оскомину, но не поддающиеся рациональному осмыслению материи.

Чередуя кабалистические выкладки, имеющие прямое отношение к кадровой политике, генерал усердно занимается практической магией, особенно той ее наиболее результативной отраслью, которую зовут «лозоходством» или «геомантией», что значительно ближе к тысячелетней китайской традиции. В его задачу входит создание наиболее благоприятного «энергетического поля», обнаружение «теллурических лучей» в кремлевских покоях и загородных резиденциях. Так, например, согласно его рекомендациям, кровати президента были повернуты по направлению север—юг.

Вопреки очевидному нагнетанию страстей, подобные упражнения не выглядели бы настолько зловеще, если бы не упоминание о корректировке мозговой деятельности. Приводились примеры вторжения в подкорковую зону отдельных представителей администрации, включая прекрасный пол.

Лазо был прямо-таки потрясен. О Мерлине, которого нарекли чуть ли не гроссмейстером Всемирной масонской ложи, заговорила вся просвещенная Москва. Находясь под впечатлением прочитанного, Саня забросил свой очерк куда подальше. Попытка переплюнуть такой фитиль была заранее обречена на поражение.

Далеко не все пассажи в статье звучали одинаково убедительно. Трудно было примириться с мыслью, что в собственном отечестве нашелся оккультный гений, одинаково

свободно ориентирующийся во всех, без исключения, отделах герметического искусства. Астрология, кабала, экстрасенсорика, йога, тантра и т. д. и т. п. — не слишком ли много для одного, хотя бы и генерала? Ведь каждая отрасль требовала специальной подготовки и, как минимум, знания таких языков, как санскрит, тибетский, а в случае кабалы, и древнееврейского.

Наконец, встречались и явные передержки, заметные даже неспециалисту вроде него, Сани. Карму, насколько он разбирался в индуистских доктринах, исправить никто, кроме самого, так сказать, носителя грехов прошлых жизней, не мог. Да и то результаты его благих поступков сказывались лишь при последующем рождении. Карма — это нечто большее, чем просто судьба. Карма — это цепь причин и следствий, чье начало уходит к незапамятным временам, и разорвать ее не властен ни сам далай-лама, ни святой риши — индийский праведник и чудотворец.

Но чего не скажешь ради красного словца? Саня и за собой знал подобный грех, и потому не собирался строго судить коллегу. Смущало его и непроизвольное, быть может, смешение оккультной тематики с явлениями, скорее относящимися к научным дисциплинам.

Взять хотя бы кровать, установленную по линии магнитного меридиана. Будучи человеком начитанным и, без преувеличения, широко образованным, Лазо не видел тут ничего зазорного. Наоборот! Гемоглобин, как известно, включает в себя окислы железа, которые, собственно, и придают крови ее мятежную окраску. Только последний невежда посмеет утверждать, что железо не подвержено воздействию магнетизма. Одного этого вполне достаточно, чтобы магнитное поле Земли помогло нормализовать кровообращение.

Наконец, посягательство на подкорку. Подобные опыты вот уже много лет велись во всем мире и, по слухам, принесли далеко идущие результаты. Воздействием на мозг под покровом секретности занимаются и различные разведывательные службы, поэтому нет ничего удивительного в том, что генерал Алехин не оставил без внимания и эту весьма деликатную сферу. Более того, она прямо входит в его обязанности. Никто не должен, прибегая к недозволенным средствам, влиять на волю и ум Президента.

В журналистских кругах с нетерпением ждали реакции Кремля, но ее не последовало. Ни опровержения, ни хотя бы упоминания на очередном брифинге пресс-секретаря, ни, как вошло в практику, судебного иска — ничего. Тишь да гладь. Пожалуй, глухое молчание настораживало покруче любой отповеди.

Лазо еще раздумывал, не взяться ли ему за отложенный очерк, придав большую политическую остроту — хотелось провести параллели с Россией перед семнадцатым годом и Веймарской республикой, — как на глаза попалась другая статья в другой газете. В ней портрет Алехина был нарисован совершенно в иных тонах.

Автор характеризовал генерала, как обаятельного человека, порядочного, скромного. Ходит в штатском, ездит не на «мерседесе 600», а на «Волге», нетерпим к взяточникам и взяткодателям. Не потому ли его так боится и ненавидит коррумпированная верхушка? Может, магические экзерсисы и вторжение в подкорку просто злостная выдумка мстительных и нечистоплотных типов? Зона непознаваемого, исследованием которой с увлечением занимался Алехин на протяжении всей карьеры, могла быть для него и просто хобби.

Вряд ли в Кремле вертят столы, вызывая духов зловещих мертвецов, захороненных по соседству под стеной, а то и прямо в стене. А вот гороскопами баловаться действительно могут. Коэффициент номенклатурного интеллекта едва ли выше среднего показателя по стране. Астрология утвердилась в общественном сознании, стала непременным атрибутом бомонда. Расхожий миф, будто все великие политические деятели и шагу ступить не могли, не посоветовавшись со своим звездочетом, тоже оказывает воздействие. Люди, лишенные индивидуальных черт, склонны к обезьянничанью.

Шла борьба между двумя могучими финансово-бюрократическими структурами, за которыми стояли не только промышленные комплексы и банки, но и средства массовой информации, включая газеты и программы телевидения, прямо или косвенно отражавшие интересы своих спонсоров.

Схватка под ковром то и дело вырывалась наружу, что подчас приводило к прямому столкновению силовых структур, как то имело место зимой возле здания мэрии. Отсюда и неистребимая жажда явить конкурента в образе законченного мафиози, чуть ли не врага народа.

Лазо достаточно хорошо разбирался в хитросплетениях этой, в общем-то, немудреной политики, чтобы поддаться соблазну примкнуть к одному из лагерей, хотя меньшее из зол валялось на поверхности.

Не так уж важно, откуда начинается гниль: с головы иль с хвоста. Когда зловонием напитан воздух, нужно не искать виноватых, а настойчиво и планомерно оздоровлять саму природу. Одного поколения, да еще искалеченного, больного, на такое не хватит. Дай Бог, если из нынешних пеленашек вырастет не толпа, но народ.

Саня решил закончить очерк, лишь бегло коснувшись «Башни Мерлина». За последние месяцы произошло слишком много событий, в равной мере непонятных и жутких, чтобы делать упор на голословные свидетельства явно заинтересованных лиц. Провокационный фарс с «ядерным чемоданчиком», таинственный «капитан Печенкин», слухи о компьютерном вирусе-убийце, получившем сакраментальный номер 666. По сведениям, просочившимся из правительственных кругов, дискеты, вызывающие смерть, содержали ровно столько единиц информации. И все это на фоне агрессивной пропаганды конца света, страшного суда и армагеддона. Сектантское безумие накатывает нарастающими валами: Богородичный центр, Белое братство, «АУМ сенрикё». Еще не успели приподнять маскировочный слой дерна, скрывавший глубоко разветвленный лабиринт Асахары, как набежала еще более мощная волна «Атмана».

Саня, не слишком искушенный в санскрите, отыскал это слово на страницах политиздатовского «Словаря атеиста» — более авторитетным источником он не располагал. Однако и этого оказалось достаточно для того, чтобы получить самое общее представление. Грубо говоря, атман являлся синонимом абсолюта, мировой души, с которой сливаются, теряя индивидуальность, души живых существ. По сути это была единственная реальность иллюзорного мира, неописуемая, непредставимая. Он так и не понял, как связаны между собой атман и брахман, справедливо решив, что последняя категория тоже символизирует абсолют.

Сколько твердили, как попугаи: «АУМ сенрикё», «АУМ сенрикё»! И никто не удосужился поинтересоваться, что оно значит. Наконец, догадались перевести с японского. «Сенрикё» оказалось «Учением истины», а АУМ так и осталось за скобками.

Саня докопался и до АУМа. Выяснилось, что это священный слог, произносимый, как ОМ. С него начинаются книги на санскрите, молитвы и заклинания. И сам по себе он якобы обладает волшебной силой. Однако самое поразительное заключалось в том, что звук ОМ, пробуждающий к жизни новую Вселенную, после уничтожения старой, тесно связан с понятием абсолюта — атмана.

Преемственность сект вытекала уже из синонимичности названий: АУМ — «Атман». Трудно было отделаться от ощущения, что Лига последнего просветления все же звучит более угрожающе, чем заурядно-шарлатанское «Учение истины».

Глава тридцатая

ВЕНА

Клинику профессора Кребса, где уже четыре дня лежал, не приходя в сознание, Исмаил Аливелиев, осаждали журналисты. Как, какими путями дознались они о контейнере с радиоактивными изотопами, способными отравить всю воду в Дунае? Кому вообще пришло в голову, что такое возможно? Бесполезно мучить себя догадками.

На то и существует пресса, чтобы знать все на свете. Когда фактов не хватает, их обычно придумывают. Наконец, существуют специальные службы дезинформации, которые просчитывают свои хитроумные партии на много ходов вперед, что нередко приводит к результату, прямо противоположному желаемому.

Как бы там ни было, но газеты вновь дружно заговорили о «русском следе». На сей раз информация исходила из МАГАТЭ, где после проведенных анализов удалось определить «изотопный паспорт». Стронций был получен на одном из уральских заводов. МИД России принял к сведению и отмолчался, зато незамедлительно последовало опровержение Главатома, которое никого не убедило.

Пресс-конференция, созванная шефом юридической службы Интерпола Йохимом Листом, проходила в Академии наук на Зонненфелсгассе. Тем, кому не досталось места, пришлось устроиться на ступеньках в проходе.

— Ни для кого не секрет, дамы и господа, что в недобрые времена «железного занавеса» Вена снискала сомнительную славу самого крупного центра международного шпионажа, — заявил он во вступительном слове. — Ныне же наша музыкальная столица поменяла амплуа, став излюбленным местом встреч мафиози из стран СНГ. Именно у нас они размещают свои гигантские капиталы, нажитые в фантастически короткие сроки путем грязных махинаций. Интерпол располагает доказательствами, что летом прошлого года в самом центре Вены, на Херренгассе, прошла представительная сходка заправил преступных группировок России. Ее прямым следствием явился небывалый рост активности так называемых «новых русских», открывших свои предприятия, филиалы, конторы и даже банки. В настоящее время полиция отслеживает движение денег. Уже сейчас можно сказать, что средства главным образом вкладываются в недвижимость и пусть вас это не удивляет, в кинопродюсерский бизнес. Тяга к искусству объясняется просто. Это испытанный метод отмывания

финансов сомнительного происхождения. Только за последние месяцы полиция получила из банков уведомления о шестидесяти случаях таких гешефтов на сумму, превышающую двадцать миллиардов долларов. И это при том, что средняя зарплата российских граждан едва достигает пятидесяти долларов. К чести австрийской полиции, многие незаконные операции через кредитно-финансовую систему удалось пресечь, но по меньшей мере миллиард своевременно отмытых долларов осел в Вене...

По настроению собравшихся, представляющих ведущие информационные агентства, Лист понял, что от него ожидают более злободневных сведений.

— Еще минуту внимания, господа! — остановил он приподнявшегося было корреспондента «Донау Курир». — Прежде чем попытаться удовлетворить ваше законное любопытство, я все же хочу закончить вводную часть. Финансы, позволю себе напомнить азбучную истину, являются наиболее точным и объективным индикатором деловой активности, в том числе и криминального свойства.

— Но почему именно Вена? — на ломаном немецком выкрикнула дама с портативной телекамерой.

— Во-первых, географическое положение, фрау, а во-вторых, не следует забывать, что шиллинг привязан к немецкой марке и является одной из наиболее стабильных валют... Итак, я продолжу. Наиболее нашумевшим делом российской мафии стало недавнее убийство Валерия Ходжи-Мусатова, который зарегистрировал дутое предприятие «Механикер». К механике, как вы догадываетесь, Ходжи-Мусатов никакого отношения не имел, если не считать механизма поставок живого товара из России, Украины и Белоруссии. Кстати, он был далеко не единственным в этом доходном бизнесе.

— И куда шел товар? — то ли ради шутки, то ли всерьез поинтересовался радиожурналист из Катара.

— Куда? — несколько удивился Лист. — В публичные дома, полагаю, ночные бары...

— Я имел в виду страны.

— Не только на Ближний Восток, — интерполовский юрист позволил себе мимолетную улыбку. — Как уже говорилось, географическое положение Австрии сделало ее идеальным местом для криминальных операций в странах бывшего соцлагеря: Венгрии, Польше, Словакии, Болгарии. В частности, в Будапеште, куда из Вены за два с половиной часа можно доехать на автобусе, дельцы из Украины и Чечни снимают колоссальный навар с торговли наркотиками, оружием и краденными автомобилями. Добавлю сюда рэкет, игор-

ные дома, проституцию. Не составляет труда добраться и до Братиславы, тем более что визы не требуется. Нанять там киллера обойдется всего в десять тысяч. Знают ли об этом в Москве, где на прошлой неделе застрелили двадцать третьего банкира господина Лобастова, хорошо известного у нас в Интерполе своими связями с «АУМ сенрикё»? Мы дали русским подробную ориентировку, но результатов пока не видно. Не приходится удивляться поэтому, что преступный бизнес расширяет поле деятельности. Особенно тревожным свидетельством такого процесса стал факт задержания азербайджанца Аливелиева с грузом радиоактивного материала. Расследование только вступило в начальную фазу. Интерпол проводит его совместно со специальным подразделением по борьбе с организованной преступностью, созданным недавно австрийской полицией. Позвольте мне в этой связи представить вам инспектора Вольфганга Обердорфера. Я не удивлюсь, если ваши вопросы преимущественно будут обращены в его адрес. Господин Обердорфер располагает для этого всей необходимой информацией.

— Для программы «Гутен морген»! — первой рванула со старта нескладная девица в обрезанных джинсах. — Насколько верно, что террорист намеревался загрязнить радиоактивностью Вену?

— Пока ничто не указывает на подготовку террористических актов, фрейлейн. По всей видимости, Аливелиев служил рядовым перевозчиком, а Вена была избрана в качестве одного из промежуточных пунктов.

— Почему русские отрицают неопровержимые факты? — последовал вопрос чешского телевидения.

— Спросите об этом у них. Со своей стороны, могу лишь засвидетельствовать, что мы сотрудничаем с российской криминальной полицией. Благодаря информации, полученной из Москвы, нам удалось напасть на след лиц, которым Аливелиев должен был передать контейнер.

— Они арестованы?

— Я сказал: напасть на след.

Вопросы посыпались градом, но инспектор оказался до крайности скуп на ответы.

— В каком состоянии находится сейчас Аливелиев? Он заговорил?

— С ним работают.

— Скажите, господин инспектор, — не отрываясь от камеры, спросил заведующий корпунктом CNN, — ваше подразделение как-то связано с аналогичным отделом FBI по борьбе с русской мафией?

— Если вы имеете в виду отдел С-24, сформированный первого мая прошлого года, то я могу ответить утвердительно.

— Нельзя ли привести конкретный пример?

— Мы сотрудничаем в решении конкретных задач, — кивнул Обердорфер, вызвав сочувственный смех.

— Правда ли, что Аливелиева зомбировали?

— Мне бы и самому хотелось знать.

— Что думает профессор Кребс?

— Мы еще не научились читать чужие мысли. Особенно таких умудренных людей, как профессор Кребс.

— Но хоть что-то он говорит?

— О, профессор наверняка говорит об очень важных вещах, но пока не со мной.

— Что вы можете сказать о личности арестованного?

— Ровным счетом ничего, господа. Не принимайте это за обычный прием умолчания. Достоверно известно одно: он прибыл с подлинным паспортом и надлежащей визой, однако не поручусь, что документ получен законным путем. Более того, не удивлюсь, если задержанный окажется не азербайджанцем, а, скажем, курдом, и не господином Аливелиевым, а другим лицом. Наши коллеги из германской BND уже сталкивались с такими сюрпризами.

— Пожалуйста, примеры, инспектор!

— Примеры? Они на вашей памяти. Бранко Силатич, задержанный с грузом обогащенного урана во Франкфурте-на-Майне, прилетел из Москвы с югославским паспортом. Выяснилось, что он вовсе не Силатич, не будем называть настоящую фамилию, и проживает не в Загребе, а в Стамбуле. Нанят только для провоза на отдельном участке маршрута. Груз получил от неизвестного лица и передать должен был не известно кому. Аналогичный случай имел место в том же аэропорту. Пшиби Тазретов, уроженец Черкесии, прилетел с общегражданским паспортом СССР, выданным МИДом России. Задержан с ампулой, содержащей образец окиси урана-235. Почти та же история. Ничего не знает ни об адресате, ни о характере груза. Получил сильное облучение. Будучи помещен на лечение, признался что он не черкес Тазретов из города Нальчика, а чеченец Паша Сардалов из Грозного. Связались с Москвой. Получили данные на Сардалова, все честь честью с дактилоскопической картой и фотографиями. Сардалов, оказывается, им хорошо известен, настоящий Сардалов, ибо лже-Тазретов оказался и лже-Сардаловым. Но этим полицию не удивишь. Старый трюк. Самое печальное заключается в том, что бланки паспортов, печати — все подлинное. Понимают ли в МИДе и УВИРе, кому выдают выездные документы?

— Вы подразумеваете коррупцию? — понимающе заулыбался представитель израильской «Едиот Ахоронот».

— Меня просили привести примеры. Толкование фактов — ваш хлеб, дамы и господа. Уверяю, что полиция с интересом отнесется к любой интерпретации. Мафиози из СНГ нередко прибывают в Австрию через третьи страны. Из государства Израиль, например, недавно к нам прилетал господин Авдеев, признанный лидер преступного мира Москвы. Законных поводов для задержания у нас не было, поскольку соответствующей просьбы из России не поступало.

— Известно, чем он занимался в Вене?

— Официальный повод: закупка автомобилей, но можно не сомневаться, что визит связан с размещением капитала.

— Удалось установить его связи? За ним следили?

— Мы действуем в рамках закона.

— На каком основании ему выдали визу?

— Обратитесь к нашему консулу в Тель-Авиве. Официальное приглашение австрийской фирмы — достаточное основание.

— У меня вопрос к господину Листу! — поднят руку Курт Майер, известный в каждом австрийском доме телеведущий. — Надеюсь, вы не случайно упомянули об убитом московском банкире? Чем объясняется интерес такой солидной международной организации, как Интерпол, к его персоне. Хотелось бы знать.

— Интерес объясняется особо пристальным вниманием к поставкам не только ядерного топлива, но и материалов и технологий, которые могут быть использованы при создании атомного оружия. Вы же превосходно понимаете, какой комплекс проблем, в том числе и весьма деликатных, за этим стоит. Господин Лобастов оказался причастен, возможно косвенно, к такого рода сделкам. По этому поводу в центральную штаб-квартиру поступил запрос из... скажем, из страны, входящей в ядерный клуб.

— Соединенных Штатов? России?

— Вы бы могли добавить сюда Францию, Англию и Китай. Не имеет значения, откуда именно. Вас ведь волнует результат?

— Не одного меня. Полагаю, что и венских телезрителей — тоже.

Сопровождающий Майера оператор спешно направил монитор на самодовольно улыбающееся лицо звезды экрана.

— Результат последовал незамедлительно. В национальные отделения ряда стран пошли ориентировки.

— К вам, в частности?

— Совершенно верно. В противном случае я бы не стал затрагивать эту тему.

— А какое отношение имел к ядерным технологиям Асахара? Вы говорили о контактах Лобастова с «АУМ сенрикё»?

— Не сомневаюсь, что мы вскоре узнаем об этом от японских коллег. Как вы знаете, идет следствие.

— Я знаю о том, что идет следствие, — Майер привык находиться в центре внимания и, раз вцепившись, не отпускал жертву. — Тем не менее в печати появилось множество сообщений, касающихся исследований, которые велись в недрах секты. Кроме запасов нервно-паралитического газа, при обыске обнаружены взрывчатые вещества, в том числе синтекс чешского производства, камеры для выращивания болезнетворных бактерий, боксы для работы с радиоактивными изотопами. Есть сведения, что на Асахару работали несколько московских ученых-ядерщиков. В свете всего сказанного было бы интересно узнать, что думает на сей счет Интерпол?

— Интерпол не думает, Интерпол действует, — нарочито двусмысленный ответ Листа вызвал ожидаемое оживление, — тем, кому это положено, приходится всесторонне осмысливать все возможные варианты. Не думаю, чтобы Асахара заметно преуспел в своих атомных амбициях. Во всяком случае им положен конец... Прошу прощения, — он подавил очередную попытку Майера перехватить инициативу, — я с неизменным удовольствием слежу за вашими передачами, однако не стоит забывать, что у нас пресс-конференция, а не диспут. Еще вопросы, господа?

— Нельзя ли вернуться к Аливелиеву? — спросила журналистка из «Зюддойче Цайтунг». — Действительно установлено, что изотопы производились в России?

— Таково мнение МАГАТЭ, — кивнул Лист.

— Но это не обязательно означает, что они были похищены с уральского завода, — высказал свое мнение Обердорфер. — Не забудьте, что Россия входила в СССР. Значительная часть ядерных материалов поступает из Украины, Белоруссии и Среднеазиатских республик.

— Распад СССР обернулся распадом атома! — выкрикнул кто-то по-немецки, вызвав дружный смех.

— Лично я не испытываю веселья, — заметил Обердорфер.

— Вопрос к господину Листу, — на скверном английском заявил о себе разъездной корреспондент «Известий». — Куда еще, кроме Вены, направил свои ориентировки Интерпол? Меня в частности интересует Москва, поскольку в фирме, которую возглавлял господин Лобастов, обнаружены крупные злоупотребления.

— У меня нет данных относительно рассылки, но могу вас уверить, что российское отделение получило такое уведомление в обязательном порядке.

— Это связано с тем, что мы — ядерная держава?

— В первую очередь это связано с гражданством и местожительством господина Лобастова.

— Спасибо за обстоятельное разъяснение, но разрешите задать еще один вопрос.

— Вы и так уже задали два, — отрезал Лист. — Один человек — один вопрос, господа. У нас осталось еще четыре минуты.

— Позвольте мне! — в проход, кланяясь, выскочил юркий японец из «Иомиури». — В Австрии тоже действовал филиал «АУМ сенрикё»?

— Сомневаюсь, хотя нельзя исключить существование отдельных сектантских групп. Насколько мне известно, основные центры, кроме, собственно, Японии, находились в России и США.

— Благодарю. А есть ли какие-нибудь сведения о секте «Атман». Лига последнего откровения?

— В Австрии подобной организации не зарегистрировано, — быстро ответил Обердорфер. — Я вообще впервые о ней слышу.

Глава тридцать первая

ПАРИЖ

Невменов не забыл просьбу Корнилова, но и палец о палец не ударил, дабы начать разработку по каналам Интерпола. Высовываться было смертельно опасно. В лучшем случае его могли просто дезавуировать по линии МВД или прокуратуры. Одно дело сбор материалов, они постепенно накапливались, систематизировались, другое — личная инициатива. Стоит только обозначить себя, как вся королевская рать забьет тревогу. На тепленькое местечко завотделения облизываются многие из бывших коллег, особенно в генеральских погонах. В нерушимое братство товарищей по оружию Сергей Платонович не очень-то верил. Таких, как Костя Корнилов, единицы. И тоже ходит по проволоке.

Выполняя обещанное, он ограничился тем, что направил в центр информации образцы татуировок; зеленые драконы, красные ню.

Благодаря обширному банку данных компьютерного центра в Лионе, Невменов мог отслеживать движение теневых финан-

сов в международном масштабе. Это в частности позволяло с непредвзятой отстраненностью осмыслить загадочные для других процессы, происходящие в стране.

Основными источниками обогащения привилегированной верхушки были нефть и газ. Не случайно главные добывающие компании находились не где-то в Тюмени или же на Ямале, а в столице белокаменной. Опираясь на мощное лобби в лице высокопоставленных чиновников, нефтегазовые монополисты искусно манипулировали правительством, выбивая все новые льготы. Только одна игра на разнице цен в стране и мире приносила неслыханные барыши. Миллиарды долларов ежегодно оседали в карманах нефтяных воротил, вернее, на личных счетах в зарубежных банках. Заранее зная о готовящихся указах, в которых могли быть хоть как-то ущемлены интересы отрасли, постсоветские эмиры пускали в ход тяжелую артиллерию: карманных депутатов, чиновников высших рангов и прессу, подымавшую вой о бедственном положении заполярных тружеников. Положение и впрямь было бедственное, потому что из фонтана нефтедолларов им не перепадало ни цента. Даже целевые бюджетные средства перекачивались совсем в другом направлении, нежели на Восток. Министерство финансов закрывало глаза на основные богатства России, что могли бы в короткие сроки обуздать инфляцию, свести бюджет к нулевому дефициту и обойтись без обременительных зарубежных займов. Министров, которые пытались установить справедливые нормы налогов, быстренько выставляли за дверь. О кровно заинтересованных отраслевых министерствах и говорить не приходится. Они-то наверняка находились в доле.

По закону недра принадлежали всему народу, но пользовались их несметными сокровищами считанные единицы. Подобного положения не могло быть ни в одной нефтедобывающей стране: ни в Саудовской Аравии, ни в эмиратах, ни в Брунее. Султаны и шейхи, казалось бы, безраздельные властелины, тем не менее ухитрялись, никак не обижая себя, споспешествовать процветанию нации. В сердце бесплодной пустыни вырастили фантастические дворцы и благоухающие сады, вокруг самых современных аэропортов денно и нощно изливали драгоценную воду тысячи фонтанов, озаренных морем разноцветных огней. При всем при этом — самый высокий доход на душу населения, бесплатное высшее образование, медицинская помощь.

В Кувейте, к примеру, где, по расчетам геологов, запасы должны иссякнуть через тридцать лет, загодя приступили к развитию инфраструктуры, рассчитанной на перепрофилирование нефтяных производств. Лучшие профессора мира полу-

чили приглашение обучать местную молодежь самым перспективным отраслям науки: от информатики до биотехнологии и генной инженерии.

И только в России по-прежнему жили сегодняшним днем, за счет нынешних и будущих поколений. Бездумно и самоубийственно.

При системном подходе и проблемы организованной преступности вырисовывались несколько иначе, чем это виделось тому же Корнилову. Сергей Платонович не сомневался, что шум, поднявшийся вокруг АО «Сибирь Петролеум», вскоре затихнет, и делу не дадут хода.

Королевские регалии «Регент Универсал Банка» с прежней назойливостью мелькали в рекламных роликах, оттеснив на задворки недавнего фаворита МММ с его Леней Голубковым — истинным героем нашего времени.

Повод к началу активных действий появился, когда из Лиона начали поступать директивные инструкции секретариата Интерпола. Наконец-то пришло на ум сопоставить различные криминальные проявления с деятельностью тоталитарных сект, которые, возможно, лишь маскируются под псевдорелигиозные общества! Кто бы мог подумать, что дракончики выведут на пути ядерной контрабанды? Это уже не безымянные трупы, не рейверы с кайфом — к убийствам и наркотикам притерпелись как к неизбежному злу. Тут пахнет катаклизмами мирового масштаба, большой политикой.

Прежде чем подготовить официальные обращения в правоохранительные инстанции, Невменов еще раз пролистал пухлое досье по «АУМ сенрикё». В основном это была выборка из файлов в Лионе. Данные по России, как и следовало ожидать, составляли не более пяти процентов. Это при таком-то количестве сектантов!

В первую очередь нужны имена докторов и кандидатов наук, работавших на атомную программу. Изъятые при обыске чертежи взрывателя и детали к центрифуге говорят сами за себя. Пусть пока нет доказательств, что задержанный в Вене перевозчик принадлежал к АУМ или Лиге последнего просветления, о которой практически ничего не известно, но куда-нибудь крылатый дракон должен же привести?

При одном взгляде на груду распечаток пухла голова. Невменов не знал, с чего начать. Он слишком слабо ориентировался в бескрайнем поле духовных поисков и устремлений, выходящих за грани реальности. Воспитанный на вульгарном материализме, привык безжалостно отсекать все, что не вписывается в рациональные рамки. Для полицейского это было не так уж и плохо, если бы сама жизнь не подбрасывала —

любимое слово Михаила Сергеевича — неразрешимых шарад. Кажется, по-латыни это называют энигмой. Казалось бы, что может быть грубее и примитивнее криминала? Пусть самого изощренного, продуманного от А до Я. Но в абсолюте зло вырастает до иррациональных размеров. Это уже воплощенный дьявол, а значит, к ларцу с энигмой не подойдут никакие ключи.

Дочка принесла из школы загадку: «Без рук, без ног, а дверь открывает». Оказалось — граната. Ни гранатой, ни фомкой, ни отмычкой тут не возьмешь. Разум отказывался верить, что возможно нечто такое, когда отступает логика.

«Зачем они действуют напоказ? — вновь и вновь спрашивал себя Сергей Платонович. — Казалось бы, при их-то возможностях ничего не стоит уничтожить труп, но, словно нарочно, бросают вызов: вырезанная печень, приметная татуировка. Какой в этом смысл? Специально навести на контрабандиста со стронцием? На бандитов, устраивающих разборку на глазах всего города? А если все обратно тому? Если это ловко придуманный трюк, чтобы сбить со следа? Абсурд!»

Из лекций в ВПШ по научному атеизму Невменову запомнилось высказывание Тертуллиана: «Верю, потому что абсурдно». Идея, вызывавшая неизменный смех аудитории, неожиданно предстала в ином, не плоскостном, измерении. Несоизмеримость веры и знания! Вот от чего следовало отталкиваться. Возможно, тут и прятался вожделенный ключ. Необходимо влезть в кожу сектанта, проникнуться его мыслями и чаяниями, иначе смысл поступков так и останется тайной за семью печатями. «Да здравствует разум!», как сказал бы Пушкин.

Добрую половину рабочего дня Сергей Платонович потратил на бесплодные размышления, пока не пришел к гениальной идее, что ему нужен хороший консультант. Чрезвычайно довольный собой, он приступил к поискам. Свои решительно не годились: ненадежны, болтливы и склонны к вранью. Вчерашним пламенным пропагандистам самого передового учения, которое всесильно исключительно потому, что верно, доверять было никак нельзя. Самые ушлые из них быстро повернули штурвал на сто восемьдесят градусов и ударились в православие, сменив конспекты «Капитала» на Библейский словарь. До первоисточников у них никогда не доходили руки. Впрочем, Невменов и не знал никого из таких начетчиков лично, что вообще снимало вопрос с повестки дня. Оставалось одно: действовать строго по инструкции. В справочнике Интерпола, отпечатанном для служебного пользования, он, перебрав с десяток имен, остановился на психологе-консультанте из института Пастера в

Париже. Профессор Максимилиан Латур, помимо прочего, читал курс истории религий в Сорбонне. На человека, чьими услугами пользовался Интерпол, можно было положиться вполне.

Не откладывая дела в долгий ящик, Невменов связался с Парижем. Французские коллеги отзвонили уже через час: Латур готов был принять хоть завтра. Получить место на борту «Эр Франс» для офицера Интерпола тоже не составляло труда.

На следующий день Сергей Платонович уже сидел в салоне первого класса, как и полагалось ему по рангу.

Профессор жил на углу рю д'Эльзас и Восьмого мая победного сорок пятого года, в старинном доме напротив Восточного вокзала. Его квартира производила впечатление запасников музея широкого профиля. Весь коридор был заставлен шкафами, где под стеклом лежали всяческие диковины: окаменелости с отпечатками вымерших рыб и растений, кристаллические друзы, вулканические бомбы, железомарганцевые конкреции, извлеченные из глубин океана. Свободные простенки занимали причудливые маски, каменные топоры, амулеты и ожерелья из ракушек, акульих зубов, игл морского ежа и еще каких-то совершенно неведомых семян и орехов. Африканские божки с выпученными глазищами соседствовали с луками и дротиками, среди жуткого вида кукол затесалась, изумив Невменова, человеческая голова, высушенная до размеров апельсина. Поразили спутанные длинные волосы и торчащие в издевательской ухмылке зубы, несоразмерные с усохшими органами слуха и обоняния.

— Приобрел на Калимантане у даяков — охотников за черепами, — заметив интерес гостя, с гордостью похвастал коллекционер. Было видно что он изрядно пошлялся по белу свету.

Сергей Платонович почти ничего не знал о Калимантане, а о даяках — тем более, но в детстве ему в руки попала редкая марка острова Борнео, на которой был изображен орангутанг, разрывающий пасть крокодилу. Соседский мальчик выдурил ее в обмен на серую монету с фашистским орлом. Она вскоре куда-то затерялась, оставив горькие сожаления о сделке, запомнившейся почему-то на всю жизнь.

Не пожалев похвал по поводу экспозиции, Невменов в нескольких словах описал безрассудно утраченный раритет, на что Латур, оказавшийся еще и филателистом, немедленно заявил:

— У меня есть такая! Я вам обязательно покажу. Прошу, — посторонился он, распахнув дверь кабинета.

Первоначальный контакт таким образом установился еще до начала беседы. Приступить к теме удалось далеко не сразу, ибо обойти вниманием интерьер рабочего места психолога, религиоведа и путешественника значило нанести кровную обиду. Французские коллеги предупредили, что метр не только исключительно словоохотлив, но и болезненно самолюбив.

Помимо колес и молитвенных флагов Тибета, эзотерический смысл коих не замедлил растолковать Латур, и богатейшей библиотеки, в кабинете господствовал культ Наполеона. Бонапарт с мудрой грустью взирал на потомка победителей с картин и фарфора. Повсюду висели трехцветные полотнища с императорской монограммой, литографические оттиски декретов и приказов по армии. На столе, рядом с бронзовым бюстиком, лежал в хрустальной шкатулке орден Почетного легиона «на ленточке красной», как запомнил Невменов из Лермонтова.

Поговорили о Наполеоне. Профессор смело пофантазировал насчет того, как бы выглядел мир сегодня, если бы император воздержался от похода на Россию. В его модели не было места ни для декабристов, ни для Герцена, ни для большевиков. Соответственно выпадала первая, а вместе с Гитлером, и вторая мировая война.

Будучи сторонником теории предопределенности исторического процесса, поступательного хода и так далее, Невменов дипломатично промолчал. Французским он владел в совершенстве, и слушать Латура было одно удовольствие. Студенты, наверное, его обожали.

Вежливость и привычка не торопить события вынуждали терпеливо внимать отточенному красноречию истинного энциклопедиста. Латур чувствовал себя совершенно свободно во всех эпохах. Относительно плавно перейдя от девятнадцатого века к двадцатому, он, не теряя основной нити, непринужденно перескочил назад, в шестнадцатое столетие. Рассуждая о судьбах человечества, профессор ненароком затронул Нострадамуса с его удивительными пророчествами, сбывавшимися день ото дня. Потревожив тень замечательного соотечественника, он признался, что не одобряет катренов[1], сулящих великие бедствия в 1999 году, и последующее пришествие Короля Ужаса.

Названная дата заставила Сергея Платоновича насторожиться. В листовках лиги «Величайший Учитель» в тот же год предрекал конец света.

— Асахара планировал свой апокалипсис на два года раньше, — осторожно заметил Невменов. — Хотел бы я знать, что

[1] Четверостишия *(фр.)*.

подтолкнуло его к газовой атаке в токийском метро. По сути теракт провалил всю дальнейшую операцию. К счастью, конечно.

— Очевидно, это была лишь генеральная репетиция, последовавшая за первой пробой в городе Мацумото. Конец света, намеченный на девяносто седьмой год, мог обернуться числом жертв на порядок выше, о чем свидетельствуют объемы компонентов для производства зарина. Вам известно, что этот газ был создан в гитлеровской Германии накануне войны?

— Как и наркотик «экстази», — кивнул Невменов, непринужденно повернув разговор в нужное русло. — Вы абсолютно правы. По их прикидкам, только в одном Токио должны были погибнуть до четырех миллионов.

— Если взять в расчет объемы питательной среды для выращивания микробов ботулизма, то мы получим еще более устрашающую цифру.

— В деятельность разного рода экстремистских сект вовлечено свыше миллиона российских граждан, причем тысяч сто проживают в Москве. Интересно, как с этим обстоит у вас?

— Нас отчасти спасает вольтеровская закваска. Мы — скептики и насмешники. Сектантство не получило во Франции столь широкого распространения, чего не скажешь о повальном увлечении оккультизмом. Опасный, очень опасный симптом...

— В Париже, значит, Асахара не преуспел?

— Практически нет. Сильна конкуренция; некуда деть доморощенных созерцателей собственного пупа, способных часами талдычить: «ОМ, ОМ, ОМ»...

— Слово торжественного обращения и благословения есть ОМ, — Сергей Платонович понимающе улыбнулся. — АУМ!

— Именно! — почему-то обрадовался Латур. — Три магических звука символизируют священные книги индуизма: Ригведу, Сомаведу, Яджурведу, — он достал с полки изящно переплетенный томик. — Древняя «Чхандочья-упанишада» поет гимн жизни, человеку, всему живому! Вот послушайте: «Этот слог должно почитать как удгитху, то есть торжественный гимн, ибо поются песни, начинающиеся с ОМ. Объяснение этого: сок этих существ — земля. Сок земли — вода. Сок воды — растения. Сок растений — человек. Сок человека — речь». Какой контраст с людоедской практикой Асахары! Что общего у индуизма с «Учением истины»? Сравните ясную логику древнеиндийской мысли с той заумью, что плел лжегуру и его бритоголовые монахи. Можно возразить, что «Сенрикё» не индуистская, а буддистская секта. Буддизм, как известно, вырос на индийской почве и многое унаследовал от ведийских учений. ОМ, в частности, как непременную со-

ставляющую магических формул — мантр. Но в основе буддизма заложен благородный и мудрый принцип ахимсы, категорически запрещающий вредить всякой жизни. Буддийские монахи тщательно процеживают воду, чтобы не проглотить случайно упавшую мошку. Закрывают сеткой лампады в храмах, дабы не сгорела залетевшая бабочка. О человеческой жизни и говорить не приходится.

— В любой религии убийство да и самоубийство причислены к тяжким грехам. Восточные верования, насколько я знаю, предполагают переселение душ?

— Учение о перерождении коренится и в индуистской, и в буддийской традиции. Смертный грех отягощает карму, что чревато воплощением в низшее существо. Только маньяк способен вообразить, что путь к «спасению» проложен через трупы. «Учение истины» истины как таковой не содержит. Жонглирование восточной терминологией не может скрыть его сущность, которая никак не сопрягается с четырьмя благородными истинами и моральными принципами Будды. Единственное связующее звено — медитация. Но и она оборачивается мрачной изнанкой. Самоанализ превращается в пытку, когда применяют электроток и яды, а насильственное голодание уничтожает смысл очистительного поста. Что же до христианства, то Асахара столь же далек от него, как и корейский проповедник Мун.

— Корейцы, кстати, предрекали конец света то ли в прошлом, то ли в позапрошлом году. Ограничилось несколькими отравлениями в Сеуле. Действительно, может создаться впечатление, что с приближением нового века людьми овладевает мистическая лихорадка.

— Так и есть. Нового тысячелетия — тем более. Это древнее и хорошо изученное поветрие. Оно так и называется: хилиазм. От греческого «тысяча». Вам, русским, греческий ближе. Все-таки наследники Византии... Мы же больше придерживаемся латинской традиции. Отсюда калька: «милленаризм». Разницы, разумеется, никакой. Учение о тысячелетнем царствовании Христа, после которого наступит кошмарный, в полном смысле слова апокалиптический, конец мира, наложило властный отпечаток на всю европейскую цивилизацию. С приближением роковых сроков общая напряженность часто приобретала жуткие формы. И хотя в «Апокалипсисе» речь идет о конце тысячелетнего царства, его ждали каждые сто лет. «Пир во время чумы» родился на щедро удобренной почве.

— Первое тысячелетие тем не менее закончилось благополучно, не так ли?

— Я не знаю в истории благополучных эпох. Но все правильно, земля не разверзлась. Однако постоянное ожидание светопреставления крепко въелось в родовую память. Безумцы, визионеры, пророки и разного толка сектанты не дали ему окончательно заглохнуть и вполне успешно донесли до нашего времени. Не случайно же мало кому известная географическая точка Армагеддон превратилась в расхожий политический термин: термоядерный армагеддон! Несбывшееся пророчество продолжало тревожить умы. Иначе как понять, почему и после наступления тысячного года не улеглись страсти? Когда, например, Иоанн Толедский возвестил, что в 1186 году небеса рухнут, прихожане бросились рыть подземные убежища. Прятаться, правда, так и не пришлось, но опыт определенно не пропал даром. Минули века, и первый воздушный налет подсказал, что нужно делать.

— Не меньше мудрости проявил и византийский император, повелевший замуровать окна константинопольского дворца. Впоследствии это наверняка помогло пережить чумное время.

— Я же говорю, что вы — византийцы! — почему-то обрадовался экспансивный профессор. — Хороший пример... Чумная пандемия, хоть и не подчинялась календарю, но настолько тесно переплелась с милленаризмом, что их почти перестали различать. Что лучше, что хуже, трудно судить из дали веков. Те, кого пощадила зараза, вполне могли рехнуться от проповедей какого-нибудь Иоахима Флорентийского. Хроники свидетельствуют, что чуть ли не половина Германии повредилась в уме. Уже в семнадцатом веке, на заре, можно сказать, Просвещения, некто Игл выскочил, в чем мать родила, на улицу и понесся по лондонскому Стренду с воплем: «Конец света! Конец света!» Это был самый разгар очередного умопомрачения. «У человека не было и следов болезни, — заметил по этому поводу Даниель Дефо. — Нигде, кроме как в голове». Диагноз не утратил силы и в отношении нынешних кликуш. Но уверяю вас: они далеко не безумцы!

— И я так полагаю, хотя Асахара и производит впечатление не совсем нормального человека. «АУМ сенрикё» не просто секта. Это международная террористическая организация с мощным потенциалом и развитой инфраструктурой. Захват Токио и провозглашение «государства АУМ» — лишь первый этап. С помощью нескольких ядерных бомб они вполне могли спровоцировать апокалипсис. Пусть не в девяносто седьмом, а в роковом девяносто девятом — какая разница?

— Вот уже почти тридцать лет все, кому не лень, усердно муссируют эту дату. Скандально знаменитый проповедник

Шри Райниш, например, вообще наметил «конец всех вещей». Хорошо сказано! «Токио, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Бомбей и прочие — все эти города погибнут. Это будет холокост без границ, такой глобальный, что не представится ни малейшей возможности избежать его». Вложив миллионы, нажитые на доверчивости простаков, этот «святой» устроил в скалах Орегона гигантское укрытие, предназначенное исключительно для сектантов. Наивные люди, они надеялись выжить!

— Не стоит тратить на Райниша слов, хоть он и поставил Токио на первое место.

— Да, его прогноз почти что сбылся.

— Если бы не полиция... Я прочитал отчеты по Райнишу. Сами события привнесли в отходную оттенок фарса. После того как иммиграционные власти выслали гуру из США за противозаконные махинации, он скитался из страны в страну, ночуя в палатке. Бункер с узким, как бутылочное горлышко, лазом был конфискован вместе с личным аэродромом и прочей недвижимостью, а наличные капиталы прихватила любовница. Предвидеть подобный поворот событий оказалось труднее, нежели глобальный холокост. Равно как и тривиальную развязку у Софийского собора в Киеве... Вам знакомо Белое братство, профессор?

— Дэви Мария Христос? Тот же набор приманок и психологических ловушек. Чем, собственно, закончилось? — проявил любопытство Латур.

— Суд покажет. Не думаю, что будут сделаны далеко идущие выводы. Ситуация в Украине примерно такая же, как и в России. Пронесло, и ладно. Только пронесло ли? Нельзя все сводить к одним лидерам. Эта Дэви — Марина, кажется? — сама была игрушкой в руках любовника... Меня куда больше волнуют судьбы рядовых участников. Насколько известно, в семьи вернулись немногие. Где бродят заблудшие души, куда приткнулись? — никто не интересуется. Нельзя исключить, что пополнили ряды Асахары. Вам известны какие-либо подробности о секте «Атман». Лига последнего просветления?

— Впервые слышу. Буду весьма признателен, если введете в курс дела. Господин Лагранж предупредил меня, что вы выполняете специальное задание и просил оказать содействие. К вашим услугам.

— Признаться, очень на это рассчитываю. Благодарю, мэтр. Я бы не стал пока говорить о задании, тем более специальном... Пока для этого нет достаточных оснований. Вернее, фактов, однозначно свидетельствующих о причастности секты к ряду серь-

езных преступлений. Кое-какой материал все же удалось собрать и, если вы не откажетесь с ним ознакомиться, мы бы могли побеседовать уже более конкретно.

— Откажусь? Напротив! Давайте сюда, — улыбнулся Латур, кивнув на папку, которую русский интерполовец предусмотрительно положил на край стола. — Я вас, наверное, совсем заговорил? Прошу извинить — профессиональная привычка. Даже на экзаменах начинаю разглагольствовать первым. Непринужденная беседа о том, о сем, уверяю вас, позволяет выявить знания куда лучше, чем формальный ответ.

— И какой оценки заслуживаю я?

— Пока не решил. В отличие от моих студентов, вы ничуть не торопились блеснуть эрудицией, скорее наоборот. Профессиональная сдержанность?

— Слабая подготовленность. Сознаюсь, что с сектами сталкиваюсь впервые. Не сочтите меня совершенно наивным, но я до сих пор не могу понять, почему люди, казалось бы, вполне разумные, попадают в сети всевозможных гуру и прочих «величайших учителей»? Какая сила гонит в секты нашу молодежь? Страх смерти? Неудовлетворенность личной жизнью? Врожденный фанатизм? Не понимаю... Невольно переношу на себя, и разум отказывает.

— Простите, господин Невменов, вы не религиозны?

— Атеист.

— Я так и думал.

— Это плохо?

— Почему? Вовсе нет. В том случае, если атеизм не превращается в своего рода веру. Лично я скорее скептик. Ничего не принимаю за абсолютную истину, но терпимо отношусь к любым философским воззрениям. Все-таки наш мозг слишком ограничен и живем мы в сущности какие-то мгновения. Где уж нам объять разумом бесконечное многообразие Вселенной. Верующим легче. Вера дарует и смысл, и цель, и, вы, верно, заметили, надежду. Страх смерти присущ всем, но надежда на иное существование, каким бы оно не виделось, хоть как-то умиротворяет. Не согласны?

— Согласен.

— Тогда постарайтесь понять, что сектантство, а иначе как псевдорелигией его не назовешь, обладает огромной притягательностью. Доведенный до крайней степени фанатизм устраняет любые сомнения, которые, вольно или невольно, все же испытывают даже убежденные приверженцы официальных религий.

— Корректировка сознания? Психическая обработка? Кодирование?

— Все вместе взятое. Плюс еще нечто. И оно не поддается словесному описанию, это трансцендентальное состояние. Нужен личный, выстраданный опыт, чтобы хотя бы приблизиться к пониманию человека с измененной психикой.

— В чем проявляются изменения? — Невменов окончательно убедился, что не ошибся в выборе. То, к чему он интуитивно склонялся, обрело у Латура четкие очертания. — Это психическая болезнь?

— Я бы не решился высказаться столь определенно. И да, и нет. Так будет корректней. Другая форма сознания. Вы знакомы с теорией Юнга об архетипах?

— К сожалению...

— Это прообразы мира, впечатанные в наш мозг, обладающие в равной мере и субъективной, и объективной природой. В своей мыслительной деятельности мы как бы балансируем между двумя состояниями. Когда властью целиком и полностью овладевает субъективное, это болезнь.

— И психическая обработка...

— Совершенно верно! Тотальная обработка. Судите сами: пять-шесть часов ежедневно отданы литургии, так называемые инициации иногда продолжаются в течение суток, и никакой отключки, никакого досуга. Монашеский образ жизни секта довела до последней крайности. Добавьте к ночным бдениям и литургическим службам еще и бесконечное, до полного отупения, повторение мантр, гипноз и самогипноз. Жесткие отработанные приемы, направленные на полное порабощение. Сначала вносится раздор в семью, порываются родственные и дружеские узы. Человека отдаляют от привычной среды. Друзья могут быть только в секте, во внутреннем круге посвященных. Брак тоже возможен лишь между единоверцами. Контроль ведется строгий, безжалостный. Постоянные звонки по телефону, проверки. Нельзя уехать из города. В крайнем случае с кем-нибудь из сектантов. Взаимное доносительство вменяется в непременную обязанность. Изоляция от общества, манипулирование сознанием довольно скоро приносят свои плоды. Человек чувствует, что его уже ничто не удерживает в лоне семьи. Исчезает чувство привязанности, любви, элементарной заботы о близких.

— И тогда ему не остается ничего иного, как уйти? Отдать деньги, квартиру?

— Он так и поступает, думая, что действует добровольно. На первых порах он еще как-то ухитрялся делить себя, но с каждым днем вынужденная раздвоенность доставляет все больше страданий. Отдавая положенную десятину, он еще понимает, что отнимает у детей, жены, но наступает момент,

когда они становятся ему совершенно чужими, с ними не хочется да и не о чем говорить. Спасение, просветление, излечение — все, чем его приманивали в самом начале, воспринимается как единственная реальность в мире иллюзий. Теперь он не то что охотно, но с радостью отдает и себя, и имущество «братьям».

— И это необратимо? Вырваться никак нельзя?

— Очень трудно. Разубеждать бесполезно, логика и обращение к здравому смыслу не помогают, наоборот, заставляют еще плотнее замкнуться. Не дадут результата и всяческие разоблачения. Мозг уже закодирован, запрограммирован на поношение секты и обличение ее лидеров в грехах и преступлениях. Приводите какие угодно факты, вам все равно не пробиться через ледяной панцирь. Критика во всех вариантах, мыслимых и немыслимых, закладывается заранее. Это похоже на вакцинацию, на приучение организма к действию яда. Дозы постепенно увеличиваются, вырабатывая в крови антитела. Объективное подавлено окончательно. Его место заняли патологически устойчивые идеи, так называемый сверхценностный бред.

— Значит, возврат невозможен, — пробормотал Невменов, отвечая, казалось, собственным мыслям. По поводу загадочных убийств у него возникли кое-какие догадки, но пока сумбурные, расплывчатые.

— Разве я сказал: невозможен? Труден, как всякое лечение тяжелой болезни. Для этого, как минимум, нужно вырвать человека из секты. Хотя бы на два-три месяца, пока не пробудится подавленная способность к логическим умозаключениям. Если память не стерта окончательно, еще не все потеряно.

— А такое возможно? Стереть память?

— В принципе — да. Собственно, обработка и направлена на то, чтобы превратить память, душу, если угодно, в чистый лист. Не только психологическая, но и физическая. Голодная диета без животных белков и сахара приводит к перестройке всей эндокринной системы, что самым роковым образом сказывается на действии мозга. В конечном счете нашими эмоциями управляет химия.

— Я как раз думал в этом направлении. У нас в России есть такой город, Минусинск. Фактически полюс холода. Зимой температура падает ниже минус пятидесяти. Как можно жить при такой стуже на одних крупах и горохе? Уму непостижимо. Но именно там объявился новый Христос. Сектанты живут в жутких условиях, но, представьте себе, едут и едут. Особенно мальчишки. Говорят, целыми классами бросают школы. Не слышали про Богородичный центр?

— Боюсь, что нет.

— Еще одна язва на нашем и без того больном теле. Теперь я вижу, как тяжело противостоять тяге к безумию. Вы даже не представляете себе, профессор, как мне помогли!

— Пустое. Я еще ничего не сделал. Вы надолго в Париже?

— Завтра должен улететь.

— Как я могу связаться с вами, если понадобится?

— Через господина Лагранжа. Ему будет легче меня найти.

— Понимаю. Опасность времени, как писал Нострадамус Генриху Второму, требует бережного отношения к тайнам.

— От вас у Интерпола нет тайн, мэтр Латур, но насчет опасности вы верно сказали. Есть такая опасность... Что бы вы посоветовали мне прочитать про Нострадамуса?

— Лучше всего его собственную книгу «Пропеций», которую Гёте назвал чудесной. Получите подлинное интеллектуальное наслаждение! — Латур, с радостью оседлав любимого конька, обрушил на Невменова целый ворох сногсшибательных примеров невероятной прозорливости астролога и лейб-медика Екатерины Медичи. Мишель де Нотр-Дам, оказывается, предсказал Великую французскую революцию и приход Наполеона, казнь Людовика Шестнадцатого и Марии-Антуанетты, английского короля Карла и шотландской королевы Марии Стюарт. Мало того! Даже семьдесят три года и семь месяцев большевистской диктатуры были исчислены с точностью до дня... И не верить было вроде как неудобно, и вместе с тем в голове не укладывалось.

— Случайность исключена! — тараторил, все более распаляясь, профессор. — В теорию вероятностей такие попадания никак не вписываются. Он видел в огненном зеркале Зодиака войны и революции, сквозь грохот и дым различал имена. Возьмите Руссо — о нем сказано конкретно и точно, Якобинские клубы — пожалуйста, революционный календарь — названа дата установления. Как вы можете объяснить? Небольшие неточности лишний раз убеждают нас в силе пророческого гения. Наполорон — это Наполеон, Гислер — Гитлер! Потрясающе... Вот почему я вполне серьезно отношусь к девяносто девятому году.

Сергей Платонович сидел потрясенный, не зная, что и сказать. Он поклялся, что первым делом заглянет в книжный магазин на рю Риволи и приобретет книгу «Пропеций». Было немного стыдно собственного невежества: само имя Нострадамус он услышал впервые только сейчас.

— У нас ничего не писали об этом.

— В самом деле? — удивился профессор. — Неужели никто и не вспомнил, когда кончился коммунизм?

— Что-то такое, по-моему, было, — замялся Невменов, — но я не в курсе. Для меня это просто открытие. Удивительно, — грешным делом он усомнился в здравом рассудке Латура, правда, лишь на мгновение, решив убедиться собственными глазами. — «Пропеции» можно достать?

— Где угодно. И не только во Франции. Масса изданий. Особенно в последние годы. Тоже, между прочим, влияние милленаризма, а с другой стороны, такие великие перемены...

Сергей Платонович еще раз поблагодарил и начал прощаться. Уже стоя в дверях, он обратил внимание на портрет в золоченой раме, висевший над мраморной консолью прямо напротив Наполеона. Сквозь черную патину едва проглядывали вдохновенные черты благородного старца в узорном колете. Тонкие аристократические пальцы, все в перстнях, лежали на резном переплете старинного фолианта. По обе стороны виднелись гербы.

— Какое замечательное лицо, — промолвил он, ненароком предположив, что это и есть Нострадамус. — Лоб мыслителя, гуманиста.

— Герцог де Ла Тур д'Эльбеф. Он и впрямь оставил интересные мемуары.

— Ваш предок! — благоговейно вздохнул Невменов. — «Ишь ты, герцог!» — удивился он про себя.

— Едва ли, — улыбнулся профессор. — Он — Ла Тур, а я просто Латур. У вас в Москве есть замечательный специалист по Нострадамусу — Варлаам Дамианов. Очень известный писатель, медиевист[1], полиглот. Знаете?

— Как же! — закивал Сергей Платонович, не подозревавший о существовании Дамианова. И что такое медиевист, он представлял себе весьма приблизительно. Но имя взял на заметку. Воистину: нет пророка в своем отечестве!

Удобно устроившись в кресле и пристегнувшись, Невменов бережно раскрыл толстый том в лакированном супере.

Красные, словно налитые кровью, литеры пламенели на зловеще черном фоне:

LES
PROPHETIES
DE M. MICHEL
NOSTRADAMUS

[1] Специалист по средним векам.

Не успел он погрузиться в чтение предисловия, как его внимание отвлекла стюардесса, прикатившая тележку с газетами и журналами. Взял «Фигаро» и «Пари матч». Положив книгу на столик, раскрыл газету. Всю вторую полосу занимали крупные снимки мертвой девушки: прекрасное лицо с опущенными ресницами, полицейские в кепи возле голого тела и — в самом центре — грудь с вытатуированным изображением объятой пламенем женщины в нимбе из двенадцати звезд. Заголовок фоторепортажа гласил:

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО М-ЛЬ ФЕЗОЛЕ

Труп мадемуазель обнаружили поздно вечером около станции метро Сен-Мишель. По предварительному заключению судебного медика, смерть наступила от удара острым предметом в область печени.

Собственно, этим исчерпывалась вся информация о преступлении. Далее шли сплошные домыслы. Репортер осторожно именовал Фезоле «дамой полусвета», намекая на интимные связи с известным промышленником, депутатами Национального собрания и даже одним министром. Имена не назывались — только инициалы. Высказывалось предположение, что девушка неоднократно прибегала к шантажу, угрожая разоблачением. Возможно, именно это и послужило поводом для убийства.

«Грудь Афродиты и самые длинные ноги в Париже», — запало в память.

...«Вот тебе и Нострадамус».

Глава тридцать вторая

БАКЛЕНД, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК

На свой страх и риск, но с молчаливого согласия шефа федеральной секретной службы по городу и штату Нью-Йорк, Моркрофт начал слежку за Полом О'Греди.

За неделю работы удалось засечь всего один контакт с неким Чжан Канканом. Они сидели в кафе «Уинго» за одним столиком. Чжан, закончив свой ленч, ушел первым, оставив пакет бумажных салфеток, который преподобный Пол незаметно смахнул себе на колени и, выждав некоторое время, спрятал в портфель. Моркрофт почти не сомневался в том, что это были наркотики. Чжан давно подозревался в причастности к наркобизнесу, но

схватить его с поличным никак не удавалось. Подходящий момент был упущен и на сей раз. Жалеть, однако, не приходилось. Чжан Канкан, известный как преподобный Джон, тоже служил проповедником в какой-то секте. Возможно, в той же Лиге последнего просветления, что и О'Греди. Его приход находился в Чайна-тауне и обслуживал в основном этнических китайцев. В последние годы там стали появляться выходцы из Вьетнама и Кореи.

Таким образом, уже одно установление связи обоих преподобий можно было счесть несомненной удачей.

Моркрофт незаметно покинул кафе, решив дождаться выхода О'Греди в машине. Вести пришлось вплоть до Нижнего Манхэттена. С авеню Америки Пол резко свернул на Селливен. Маркрофта занесло и он потерял серебристый «линкольн» из вида. Покрутившись по улочкам Гринич Вилледж, агент нашел машину уже припаркованной возле ресторанчика «Ривьера», уютного местечка с французской кухней, где преимущественно собиралась студенческая молодежь.

Скорее по наитию, нежели руководствуясь трезвым расчетом, Моркрофт решился на рискованный шаг. Оставив машину на углу Вашингтон сквер, он непринужденной походкой направился к ресторану. Считанные секунды понадобились, чтобы залезть в кабину «линкольна». Портфеля, как и следовало полагать, там не оказалось. Зато в ящике для перчаток удалось найти пару гигиенических салфеток. Осторожно попробовав на язык, Моркфорт сплюнул и вернул находку на место. Как он и думал, салфетки были пропитаны ЛСД. Четверть дюйма такой бумаги тянули на десять-пятнадцать долларов.

Войти в «Ривьеру» — ресторан заполнялся обычно лишь к вечеру — значило неизбежно привлечь к себе внимание. Прикинув все за и против, Моркрофт затер плевок, вылез из машины и, слегка покрутив отмычкой, запер замок.

Тип, подобный О'Греди, легко отвертится от галлюциногенных салфеточек. Подкинули — и весь сказ. Если уж брать, то наверняка.

Вскоре Моркрофт уже мчался по широкой набережной Хадсон ривер.

Периодически наведываясь в Бакленд, он не забывал завернуть по дороге в госпиталь. Здоровье Патриции Кемпбелл шло на поправку, однако в поведении девушки обнаружились тревожные симптомы. Будучи прикована к больничной койке, она, едва придя в сознание, начала проявлять, как деликатно отметил врач, бурный, если не сказать, необузданный темперамент.

Налицо были все признаки чистейшей воды нимфомании. Лечащий врач ощутил это на себе, когда больная неожиданно обхватила его шею и задрала на себе рубашку. После такого случая он решался входить в палату лишь в сопровождении сестры. Патрицию это ничуть не смущало. Демонстрируя свои прелести, она несла самую низкопробную похабщину, ухитряясь сохранять милую улыбку на ангельском личике. Унять ее удавалось только с помощью успокоительных средств, что тоже давалось ценой ожесточенной борьбы. При виде шприца Патриция тут же переворачивалась на живот, подставляя пухлые розовые ягодицы, хотя укол предназначался совсем в иное место. Но это еще пустяки. Она просто-таки набрасывалась на сестер, выказывая сумасшедшую хитрость и неожиданную в столь хрупком создании силу. Ничего подобного за ней прежде не замечалось.

Осторожные расспросы родителей и друзей вызывали недоуменную, а то и негодующую реакцию.

Встревоженная администрация считала дни, когда беспокойную пациентку можно будет благополучно сдать на руки родным. Предложение перевести ее в психиатрическую клинику или специальный санаторий мистер Кемпбелл отверг с порога.

Накануне выписки, когда были сделаны последние снимки и анализы, случилось то, чему и надлежало случиться. Если незримую цепь причин и следствий натягивают до предела, лопается самое слабое звено. У Патриции подскочила температура — 71 градус по Фаренгейту[1] — и начался бред.

С ней творились ужасные вещи. Изрыгая грязную ругань, она выгибалась дугой, ее вздувшийся, как на последнем месяце беременности, живот ходил ходуном, глаза, где зрачки оттеснили радужку, вылезали из орбит. Происходившее напоминало сцену из колдовских фильмов вроде «Ребенка Розмари». С той лишь разницей, что Патриция не богохульствовала. В ее горячечных речах главное место занимали мужские гениталии и, как не странно, призывы к покаянию перед наступающим концом света.

Агенту Моркрофту удалось получить разрешение остаться на ночь у кровати, в которой лежала связанная по ругам и ногам, вернее, пристегнутая специальными манжетами бесноватая Пат. Путы не мешали вздыматься ее надутому чреву, откуда тоже доносились непотребные речи.

Моркрофт не поверил своим ушам, различив два разных голоса. Один, исходивший из уст Пат, требовал, скажем так,

[1] Около 40°С.

мужских объятий, другой, грубый и явственно чревовещающий, отвечал площадной бранью.

— Ее проверяли на беременность? — спросил Моркрофт, спешно включая магнитофон.

— Как же иначе? — нервно поежилась издерганная сиделка.

Агент благодарно кивнул. Вопрос, навеянный впечатлениями от фильмов ужасов, был неуместен. Воистину: «Как же иначе?». Одержимая бесом Патриция не зачала антихриста. И на том спасибо. Смех смехом, а ситуация складывалась такая, что хоть экзорциста вызывай.

— Еще! Еще! Еще! — выкликала Пат Кемпбелл.

— Уймись лахудра! — отвечал демонический бас, аранжированный урчанием и бульканьем внутренностей.

— Возьми меня, всадник! — настаивала несчастная девушка, елозя головой по подушке.

Злобу и оскорбительное однообразие отказов несколько скрашивал изощренный перебор обширной титулатуры уличных женщин. Моркрофту приходилось участвовать в налетах на тайные бордели, но даже он смог обогатить свой словарный запас. Бросая вызов дипломированному специалисту по контркультуре, враг человеческий выдавал такие выверты, что становилось завидно. С каждый новым синонимом неуловимо изменялся и тембр чревовещания, словно в утробе Патриции поселился целый легион нечистой силы, как то бывало в незапамятные времена на исторической родине предков. Каждый демон откликался на ее домогательства собственным голосом. И немудрено, ибо она всякий раз обращалась, как успел подметить Моркрофт, не к одному, а к разным партнерам. Их поначалу оказалось не меньше дюжины. За первым, кого называла «всадником», последовал «казначей», затем еще какой-то «медиатор». Кого только не было в ее греховном списке: «рыцарь», «терапевт», «хлебодар», «аспирант», «герольд», «менеджер», «миссионер», «маг» и даже «оракул».

Дежурный врач все списывал на состояние бреда. Моркрофт считал иначе. За такими кличками, как «аспирант», «всадник», «казначей», «магистр», могли скрываться реальные люди. Он и сам получил магистрский диплом в Йеле. И не пропускал случая погарцевать на лошадке по дорожкам Центрального парка. И «миссионеров» всяческих пруд пруди, и «терапевтов», не говоря уже о «менеджерах» и «медиаторах»[1], уж их-то, как собак нерезаных. «Оракул» и «маг» тоже могли

[1] Посредник *(англ.)*.

быть вполне конкретными лицами, учитывая принадлежность Патриции к пастве О'Греди. Исторический акцент, правда, присутствовал в «хлебодаре» с «герольдом», но что мешало называть себя так какому-нибудь булочнику? Почтальону? Особенно на молодежных вечеринках. Пара беспутных вертопрахов, не более. Один подрабатывает разноской газет, другой помогает в свободное от учебы время в хлебной лавке. Такие же распутные лоботрясы и прогульщики, как и Патриция Кемпбелл. Беспощадная бритва Оккама отсекала все лишнее: фантастику, мистику, искаженное преувеличение бреда. Оставалась обычная жизнь небольшого городка, суженная до колледжа и церкви, до кучки избранной молодежи с ее балами, хэппинингами и, нельзя исключить, групповым сексом.

Ближе к утру Пат начала называть имена, к сожалению, без фамилий. Моркрофт лишний раз убедился в правильности своей догадки. О балаганных масках, а тем более дьявольском легионе нечего было и думать. Она звала любовников — грубо, настырно. Вспоминала постельные частности прошлых ночей, обещания, издевалась над промахами.

Постепенно в ее горячечных речах стали проскальзывать расхожие индо-буддийские термины.

— Забыл, что я твоя шакти?! — орала она в исступлении. — Ничего, я напомню тебе, Малькольм! Ты будешь корчиться и кричать мое имя, держась за яйца, пока не упадешь бездыханным.

Если бы не анатомическая подробность, резанувшая ухо, можно было подумать, что она декламирует монолог из какой-то авангардистской пьесы. Впрочем, кто его знает? Современный театр чутко реагирует на модные веяния. Сексомагические представления на темы «Кама-сутры» прошли с аншлагом даже на Бродвее. Любительским труппам сам Бог велел. «Королеве Пат» постоянно доставались ведущие роли.

Моркрофт понимал, что театр тут в лучшем случае занимает последнее место. Эгокультурная революция, как он писал в диссертации, ворвалась в жизнь Америки, подобно торнадо с закрученным шлейфом всяческих гуру, психотерапевтов, тибетских лам, дервишей, биосоветников, экологов души, торговцев Богом, опасных сумасшедших и рядовых шарлатанов. Существует по крайней мере восемь тысяч рецептов достижения мистического опьянения, раскрытия внутренней истины, полного самосознания. Данные института Гэллапа, основывающиеся на выборочных опросах, свидетельствуют о том, что каждый десятый занимается медитацией по рецептам дзен, йоги, тибетской тантры или персидского

пророка Бахулы, особо чтимого среди черных мусульман. Кришнаиты, шиваиты, дианиты, арикане — кого только нет... Последствия налицо. Бедняжку Пат терзали сексуальные духи Востока.

— Я дэви, Норман, помнишь меня? Я унесу тебя в небеса и ты забудешь обо всем на свете. Иди же скорей, иди! Я хочу тебя, Норман.

По-видимому, Норман, как и прочие, не особенно спешил в ее объятия. Уговоры сменились недвусмысленными угрозами.

— Импотент, идиот несчастный! Я так скручу тебя, что взвоешь! Ни одна баба больше не ляжет с тобой. Беги домой, дурачок, увидишь, как тебя встретят! Твоя истеричка жена узнает, наконец, как жить с мерином. Ты нуль без меня, букашка. Можешь узел завязать на своей поливалке. Для тебя все кончено, Норман. Ты понял, вонючка?

И Норман, и Малькольм, и десятки других, кого она тщетно призывала, могли оказаться на самом деле приличными людьми. Чего только не привидится в такой-то горячке. И психический сдвиг налицо. От хорошей жизни не ходят по крышам. Но Моркрофта не оставляло убеждение, ничем по сути не подкрепленное, что бредовое состояние Пат является прямым, пусть несколько и искаженным, отражением объективной действительности.

В хэппинингах О'Греди, о которых он узнал из расспросов, было намного больше бессмыслия, нежели в сумбурных выплесках нимфоманки, одержимой видениями. В них, как сказал бы Гамлет, присутствовала система.

С восходом солнца жар несколько спал, но распятая на кроватной раме Патриция продолжала метаться. Устав бороться со сном, Моркрофт, поменяв уже третью кассету, незаметно задремал, но и во сне видел себя сидящим возле капельницы у изголовья.

Исходившие от больной голоса больше не достигали его сознания, но их жадно впитывало недреманное око внутри, равно открытое звуку, цвету и запаху, и рассовывало по тайным ящичкам незримой картотеки.

Пробудился он с надсадно бьющимся сердцем от луча, бившего прямо в глаза сквозь жалюзи. Не сразу сообразил, где он и что с ним.

Патриция успокоилась, с лица ее схлынула воспаленная краска, запекшиеся губы едва шевелились. Она все еще говорила, но уже от себя самой и едва слышно. Чуждые голоса угомонились.

— Как удивительная сила, как присущая ей энергия тепла и света, как мощная вибрация танца жизни, как природа, из

чрева которой выходят иллюзии, Майя есть великая шакти, мать творения, содержащая в себе самой первобытный зародыш, изначальное яйцо, объемлющее всю Вселенную, совокупную мысле-форму отца — сознания, проявляемую через посредство иллюзорной материи в качестве видимостей. Через посредство бесчисленных мириадов глаз и органов чувств созданий, через посредство бесчисленных мириадов микрокосмов...

Напряженно вслушиваясь в завораживающее бормотание, Моркрофт впитывал в себя безумие, воплощенное в слове и ритме, и ничего не понимал. Ясно одно: американская девчонка не может знать таких слов — «мысле-форма»! — и помнить не может этой велеречивой белиберды, напоминающей то ли молитву, то ли верлибр[1] свихнувшегося поэта. Но что-то грозное было в заунывном напеве: сила, мощь, какое-то колдовство, притягивающее и отталкивающее одновременно.

Он схватился за магнитофон: мотается ли пленка? Колесики исправно вершили неторопливое вращение, переливая слово в электронный сигнал.

Вечером, находясь у себя в офисе, агент секретной службы Соединенных Штатов Сэмюэль Б. Моркрофт выписал опорные существительные: сила, энергия, тепло, свет, вибрация, танец жизни, иллюзия, вселенная, яйцо (изначальное), зародыш (первобытный), мысле-форма, отец-сознание, материя (иллюзорная), микрокосм. Вместе с кодом «Мать — великая шакти» ввел это все в компьютерную память и послал запрос в библиотеку Конгресса.

Ответ поступил неожиданно скоро: «Тайные доктрины тибетской йоги: доктрина «Психического тепла» — доктрина «Иллюзорного тела» — доктрина «Состояния сновидений» — доктрина «Ясного света» — доктрина «Состояния после смерти» — доктрина «Перенесения сознания»... Индекс LS-071182... «Тибетская йога и тайные доктрины». Составитель, автор предисловия и комментариев В. И. Эванс-Венц, магистр искусств, доктор литературы, доктор наук, колледж Иисуса, Оксфорд. Книга III, часть 3, доктрина «Иллюзорного тела».

Пока одно к одному вязалось: иллюзорное тело, ясный свет, состояние сновидений, состояние после смерти и — Лига последнего откровения. Не выключая компьютер, он надел наушники, чтобы снова прослушать всю запись. Оказалось, проспал важный кусок.

[1] Свободный стих

«Вначале скажи молитву, приводящую к соединению с божественным гуру, — вливался в мозг шепот Патриции Кемпбелл. — Затем вообрази, что ты — это я, божественная посвященная Ваджра-Йогини. Смотри на меня, на мое обнаженное тело, на кожу мою лучезарно-красного цвета, сияющую ярче рубинов. Смотри на мое лицо и на руки мои, сжимающие волшебные орудия власти. Вот григук — секач, изогнутый месяцем на ущербе. Я поднимаю его высоко и быстрым ударом — смотри! — отсекаю все мысле-процессы в твоей голове. Теперь ты видишь мои налитые груди, следи, как медленно я приближаю к соскам человеческий череп, наполненный кровью. Это знак отречения от мира. Пей эту кровь, как вино, преисполнясь блаженством. Устремись взглядом на глаз у меня во лбу — всевидящий, всемогущий. Не сделай ошибки, иначе испепелит тебя огненный луч, что молнией вылетит из третьего ока йогини. Взгляни на тиару из пяти черепов на моем челе. Это пять из шести магических снадобий, мазь из кладбищенского праха одну исключая.

Видишь жезл на сгибе руки? Длинный жезл с нанизанными на нем головами? Это мужская мощь супруга и отца моего бодхисаттвы Херука. Мы всегда в единении, мужчина и женщина, огонь и влага, свет и тьма. Пади ниц предо мной: я начинаю танец. Обнаженная, в полном расцвете девственности на шестнадцатом году вечной жизни своей, неподвластной счету, я поднимаю правую ногу, касаясь другого колена стопой, и левой ногой попираю тебя, распростертый во прахе. Замерло твое сердце, остановилось дыхание, погасли глаза, но ты будешь слышать и помнить. Печень — обитель души — питает очаг в заколоченном доме. Я — дэви, ты — труп. Пламя мудрости, играя веселыми языками, объемлет меня немеркнущим ободом...»

Моркрофт испытал потрясение. Волей случая он прикоснулся к занавесу, быть может запретному, за которым скрывалась изнанка действительности, а то и вовсе иная действительность, куда не было допуска обычному человеку в здравом уме.

На сей раз опорные понятия не дали результата. Вновь поступила ссылка на «Доктрину психического тепла» как приблизительный источник. Практическое руководство — тибетский ксилограф — хранилось в монастыре «Тигровое логово» (Бутан), единственная копия — в институте Ниингпа (Беркли, Калифорния).

Дымовая завеса тибетского волшебства гасила путеводные огоньки. Размышляя о том, как добраться до преподобного Пола с его наркотиками, Моркрофт и не заметил, что утекли сквозь пальцы песчинки отмытого золота.

Вся иерархия секты была в ключевых словах, вырвавшихся у Патриции Кемпбелл в бреду. Но божественная дева закружила его в фантастическом танце, затмила очи кровавым туманом и увлекла на тропу, уводящую в непролазные дебри.

Хорошо еще, что у агента хватило ума опомниться и остановиться. Ему ли было тягаться с великими путешественниками и первопроходцами, светочами мысли, знатоками культур и языков? Здраво оценив свои скромные возможности, Моркрофт пришел к выводу, что Тибет ему не по зубам. Лучше и не начинать.

А ведь он был на правильном пути, разложив по полочкам герольдов и хлебодаров, распутных малькольмов и любострастных норманов, но, сделав лишь несколько робких шажков, свернул с дороги, завороженный видением краснокожей йогини.

Она сверкала на горизонте всеми оттенками лала, как мираж в пустыне.

ЧИТАЙТЕ «ТВ-ПАРК» И С ГОЛОВОЙ
БУДЕТ ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК

Глава тридцать третья

ЧЕРТОВЩИНА В МОСКВЕ

Ежедневная газета «Комсомолец столицы» собрала в Москве и области около миллиона подписчиков. В розницу ее предлагали на всех углах: в подземных переходах, метро, последних киосках Союзпечати, с рук и лотков. Задиристая, скандальная, стойкая в симпатиях и антипатиях, она никого не оставляла равнодушным, будь то друзья или недруги. Настоящая «кость в горле». И с ней приходилось считаться. Говорили, что газету регулярно просматривает Президент, не довольствуясь обзорами пресс-службы.

По этой ли, по какой-то иной причине, на столе главного редактора стояла правительственная «вертушка». Этим аппаратом, традиционно белым и с прежним гербом, воспользовался Саня, чтобы связаться с президентской администрацией.

Выйти непосредственно на генерала Алехина не удалось. Саню перекидывали с одного телефона на другой, никто не говорил ни да ни нет, одни вежливо растекались в комплиментах, прося справиться на следующей неделе, другие отчужденно отмалчивались, а то и вовсе не снимали трубку.

Создавалось впечатление, что добрая половина номеров вообще принадлежала несуществующим лицам.

Глухое вымороченное молчание вызывало едкое раздражение. Хотелось расколотить трубку о чей-нибудь тупой череп. Но еще противнее было, когда лично знакомые люди сладкими голосами обещали перезвонить к концу дня, в крайнем случае — завтра. Наступал вечер, ночь сменялась таким же суматошным и жарким днем, как и предшествующие, а звонка так и не было.

В пятницу, тринадцатого июля, после обеда, когда над городом отгремела сухая гроза, после чего духота стала совершенно непереносимой, по газетным коридорам поползли мрачные слухи о всяческой чертовщине, которая будто бы одновременно объявилась в разных концах. Преимущественно в центре, однако в границах Садового кольца.

На пятый этаж, где находилась редакция — огромный издательский комплекс «КС» делила с другими бывшими органами, имевшими общее партийно-комсомольское прошлое, — байку о кознях нечистого принес на хвосте Рудя Литвин, известный трепач и скандалист. На лестничной площадке, где вокруг заплеванной и не раз выгоравшей дотла урны собирались курильщики, первой жертвой суждено было стать Лазо.

— Я только что с Манежной, старик, — деловито сообщил Рудя, стрельнув сигаретку. — Тебе первому. Пока мы раскачаемся, вы все равно обскочите. Лучше ты, чем какое-нибудь ничтожество. Только тему испохабят. — Ты никак закурил всерьез?

Саня неопределенно двинул плечом. Что можно было ответить? Поневоле закуришь, если тебя угораздило полюбить курящую женщину. Не тот случай, чтобы откровенничать.

Рудя работал в еженедельнике «Светоч», который печатался по образцу «Таймс», притом в Финляндии. Новость, если она того стоила, живет максимум двое суток. Какая-нибудь газета обязательно перехватит, а в «Кости» Литвина иногда печатали, и в Сане он был кровно заинтересован.

— И что на Манежной? — выпустив дымное колечко, Лазо попытался всадить в него другое, но оно расплылось невыразительным облачком. — Закрыли проезд? Эту «новость» я узнал еще позавчера из ГАИ.

— Да катись ты со своим ГАИ... Там гробы раскопали! Полтыщи, а может, и больше! Сплошь женские. Монахини, говорят, инокини. Один, как открыли, так такое началось! — Рудя закатил глаза. — Ужас, старик, не поверишь. Лежит, как живая, будто вчера уснула. Вся в черном, лицо тоже

черным покрывалом закрыто, а вышивка на нем белая, вроде пиратского флага. Ей-богу, не вру! Череп со скрещенными костями.

Саня скептически повел бровью.

— Ты в Киево-Печорской лавре случайно не бывал, капитан Флинт? В Новом Иерусалиме?

— А в чем дело? — подозрительно нахмурился Литвин.

— Череп, к твоему сведению, символ схимы, знак отречения от мира. «Веселый Роджерс» ему померещился, надо же...

— Смейся, смейся... Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда узнаешь про страшный суд!

— Нетленные мощи заговорили? Вот это уже материал, но не для нас, Рудольф Карлович. Предложи в «Мегаполис-экспресс». Они и не такое печатают. То девка от дерева забеременела на Истре, то вампиры психопатку преследуют. Самое для тебя место.

Выместив на безвинном халтурщике дурное настроение, Лазо затушил сигарету и отправился к себе в отдел.

Обиженный Рудя не стал удерживать. «Ишь, эрудит выискался: схима какая-то. Пусть катится».

Новость, о которой так и не сумел поведать оборванный на полуслове Литвин, тем не менее заслуживала внимания, ибо в тот момент, когда археологи из Музея истории и реконструкции Москвы извлекали глубоко захороненные под Манежной площадью гробы, откуда-то из-под земли послышался голос. Его слышали по меньшей мере семь землекопов. Суть сказанного каждый передавал по-своему, но все сходились на том, что это была весть антихриста. Будто бы исполнились сроки, и враг человеческий объявил о своем пришествии.

В отделе о грубой мистификации — как иначе можно было назвать? — уже знали. Агентство «Интерфейс» распространило сообщение по компьютерной связи. В течение следующего часа начали поступать аналогичные вести из соседних районов.

О гласе глубинном, от которого кровь стыла в жилах, поведали арматурщики, занятые на строительстве храма Христа Спасителя, что лишний раз свидетельствовало о чьем-то злом умысле. Недаром на последнем митинге КПСС старушка с почти дореволюционным стажем потребовала прекратить работы и приступить, как было задумано при Сталине, к возведению Дворца Советов. Вообще вокруг храма постоянно кипели страсти. Одни подсчитывали, сколько можно построить домов для малоимущих на такие-то триллионы, другим

все не давало покоя варварство безбожников-большевиков, а коммунисты новой волны, взывая к православным ценностям, честили масонов. Словом, между перекрестком Моховой и Тверской, где на самом деле обнаружили некрополь инокинь Моисеевского монастыря, и бывшим бассейном на Волхонке можно было смело провести прямую линию. Обе мистические точки обнаруживали причинную связь. Задуманный под Манежной подземный комплекс тоже отличался гигантоманией, обходился в копеечку и служил постоянным поводом для нападок.

Но как объяснить появление нечистой силы в микрорайонах, где не проводилось ни археологических раскопок, ни сколь-нибудь значительных реконструкционных работ? На Сухаревской площади и Арбате, в Лефортове и проезде Серова? «Интерфейс» ограничился лишь привычной ссылкой на заслуживающие доверия «источники». Что за «источники» такие? Тайные агенты? Платные распространители слухов? Безымянные пешеходы или анонимные чиновники высокого ранга? Других источников, кроме захороненной речки Неглинки — при раскопках обнаружили останки упомянутого в летописях Белокаменного моста, — простотаки быть не могло. Но река, особенно упрятанная в трубу, остается рекой, частью ландшафта, природы. Ей нет дела до течений во взбаламученном море житейском. Что еще могут сотворить с Неглинкой люди, заточившие ее в вечный мрак?

Саня не был бы профессионалом, если бы не смекнул, что иллюстрации к теме сами шли к нему в руки. В архиве городской газеты наверняка найдется масса сведений об историческом прошлом городских улиц. Кажется, что-то подобное из номера в номер давала «Наука и жизнь»: схемы застройки и перестройки, легенды и байки о наиболее приметных домах.

Дав подробные указания, он послал секретаршу Верочку раскопать что-нибудь повкуснее. Результаты превзошли ожидания. Как он и надеялся тенденция лежала почти на поверхности. Потусторонние голоса дали знать о себе в так называемых «гнилых местечках», коих за восемь с половиной столетий набралось предостаточно.

Верочка, выпускница филфака, не ограничиваясь рамками задания, съездила в Историческую библиотеку, где изрядно перелопатила подшивки дореволюционной периодики: «Русскую старину», «Московские ведомости», «Ниву» и такие специфические издания, как «Ребус», «Изида» и всеми забытую газетенку «Оттуда», то бишь с того света.

Оказалось, что возле того самого места, где стоял взорванный храм, вливался в Москву-реку ручей Черторый, надо понимать, канальчик такой, самим бесом прорытый. И надо же было именно там основать Алексеевскую обитель! Когда (а было то задолго до пришествия безбожного коммунизма) ее надумали порушить, известная своим благочестием схимница предрекла:

«Не бывать тут ничему! Быти тут луже!»

И ведь сбылось по слову ее! Недолго простоял воздвигнутый на народные денежки храм. И дворец-небоскреб не вознес выше облаков образ вождя мирового пролетариата, поскольку дальше котлована заведомо безнадежное дело, увы, не продвинулось. Не оставалось ничего другого, как устроить бассейн под открытым небом.

Топонимические, этимологические и прочие изыскания показали, что козни дьявола не миновали и Китай-город. Место у стены, где заканчивалась Варварка, издавна называли Кулишками. Название возникло не случайно, хотя мнения на сей счет высказывались самые разные. Кто-то связывал его с церковью, которую в память убиенных на поле Куликовом построил князь Дмитрий Донской, кто-то ссылался на мастеровых, будто бы мастачивших здесь знатные «кульки» — кошели. Нашелся знаток, рискнувший углубиться в самые дебри веков и, одновременно, лесов. Кулижкой якобы прозывалась прорубленная в чащобе поляна. Наверное, и лес вырубали, когда строили город, и кошели для копеек и гривн кто-то должен был обязательно шить, но что касается церкви, то это документальный факт. Стоял тут храм Всех святых, сперва деревянный, потом каменный. При Гришке Отрепьеве его поляки сломали — из тех, что прибыли со свитой Марины Мнишек, прозванной «еретичкой», «колдуньей» и «шлюхой» и повешенной вместе с малолетним сыном. Когда, наконец, закончилась смута и жизнь стала чуть поспокойнее, церковь отстроили вновь, но «гнилое местечко» и тут дало себя знать: обрушивались образа с иконостаса, гасли свечи, шумы дикие ни с того ни с сего раздавались, непотребный хохот. Синие огни вокруг куполов из самого Замоскворечья было видать. Как бы там ни было, только москвичи почему-то не взлюбили Кулишки. Иначе непонятно, откуда взялось и ныне бытующее выражение «у черта на куличках»?

Чего же дивиться, если он вновь пошел куролесить на облюбованных местах? Тогда и с Сухаревкой, бывшей Колхозной, становилось понятно: башня Якова Вилимовича Брюса, прослывшего чернокнижником. Ученый был человек,

«птенец из гнезда Петрова», одаренный, как и положено шотландцу, двойным зрением. Через «Брюсовы календари» спятил князь Оболенский, обитавший в доме номер 14 на Арбате, тоже окруженном дурной молвой: грохот по ночам, столы летают, всяческая, короче говоря, чертовщина. Полтергейст, по-научному, от немецкого «шумный дух», или «чебурашка» по-нынешнему. Неважно, что дом сгорел в войну от немецкой зажигалки, а Сухаревскую башню сровняли с землей по сталинскому плану реконструкции столицы. Место, однажды помеченное адским клеймом, останется таковым вплоть до страшного суда, о чем и было сделано уведомление. Из канализационного люка, разве что, над которым в любую погоду курится вонючий парок.

Про Лефортово ничего конкретного узнать не удалось. Лефорт, хоть и принадлежал к той же славной когорте, что и Брюс, но с нечистой силой не знался. Она, если и свила гнездо в его слободке, то уже в достопамятные времена великого террора. Про железные ворота Лефортова даже песни слагали. У Берии, который, хотелось бы надеяться, в аду, был там свой кабинет. Приезжал на ночные пытки. А вот особняк на Садовой, и поныне окруженный высоким забором, прославился во всех отношениях. Сколько прекрасных женщин и молоденьких девушек привозили сюда лихие бериевские орлы. Иных похотливый козел в пенсне и сам отлавливал прямо на улице. Какие афинские ночи помнит сумрачный дом, спрятавшийся в глубине тенистого сада. Да что там афинские! Прямо-таки вальпургиевые! Не иначе, и здесь подкачали патогенные зоны, «пузыри земли», как назвал в «Макбете» Шекспир, ибо издревле расстилалось неподалеку недоброй памяти «Козье болото», где вволю повеселились кикиморы да водяные. Не верь после этого китайским геомантам.

Лаврентий Павлович, помимо основных обязанностей, занимался многими проблемами, включая атомную. Среди них была и такая, которую иначе как переселение душ не назовешь. В семидесяти километрах от порта Певек, в частности, находились урановые рудники, где рубили желто-зеленую породу зеки-смертники.

Во имя прогресса науки, у мертвецов аккуратно спиливались черепные крышки, а мозги в специальных банках отправлялись в Москву. Лучшие профессора из Института мозга разглядывали их под микроскопом, скрупулезно исследуя влияние излучения на серое вещество. Потом, уже в других учреждениях, ставились опыты на живых. К радиационной защите это имело такое же отношение, как и к поискам эли-

сира бессмертия, иногда отвлекавших Лаврентия Павловича от ночных оргий. О том, насколько далеко удалось продвинуться, можно судить по могилам на многих московских кладбищах. Памятник есть, на нем, как положено, имя и даты, а под землей — ничего: ни гроба, ни праха. Зато на Чукотке, в вечной мерзлоте, груды распиленных черепов. С безымянными зеками, от которых и бирок-то не осталось, все ясно. Но зачем понадобились фальшивые обелиски из гранита и мрамора?

По некоторым сведениям, Берия верил в существование призраков и смертельно боялся ос. Растертые в лагерную пыль, он точно знал, не воскресают, зато другие...

Вот уж где настоящая тайна!

Изломанный контур, где слышны были устрашающие вопли из подземелья, замыкался вновь на Варварке, у присной памяти Варварских ворот, славных иконой Боголюбской Пречистой матери. В царствие Екатерины чудотворный образ оградил старую столицу от каменного дождя. К иконе потянулись и стар, и млад. От бесконечного целования пошел мор. Мудрый архиепископ Амвросий велел икону до времени схоронить, а темный народ, вместо благодарности, растерзал владыку и пошел громить кабаки да лавки. Учинился расстроивший матушку-государыню «чумной бунт».

Никто теперь не скажет, чем эта порочная от начала и до конца улица так полюбилась партии, посчитавшей себя за ум, честь и совесть эпохи.

В 1923 году дом номер 4 на Старой площади забрали под Центральный Комитет ВКП(б), а затем и выстроенный по проекту Шехтеля номер 8, где размещалась хлебосольная гостиница «Боярский двор». Вообще-то понятно: кругом голод, разруха, а здесь, конечно... По-видимому, запасы провизии в подвалах скопились изрядные, потому что и стоящий посередке дом номер 8 тоже отдали победившему пролетариату в лице МГК — штаба столичных большевиков.

И особняки за углом, на Варварке, ставшей улицей Куйбышева после смерти означенного вождя, угробленного волей вождя вождей, тоже один за другим изымались из обращения. Кто только там не сидел: и КПК, где единодушно голосовали за исключение товарищей, сидевших на Лубянке, и агитпроп, и бесконечные идеологические комиссии. Про подземные переходы, прямиком ведущие в Кремль и на ту же Лубянку, бесконечными этажами уходящую в землю, говорить не приходится, навязло в зубах. Свистопляски, что там устраивались и денно, и нощно, еще ждут своих Данте и Гёте. Тема не стареющая. Хоть банально, зато актуально.

Саня Лазо, понятно, и в мыслях не замахивался на новую «Божественную комедию», но идея нанизать на единую нить творящиеся в родной Москве чудеса приобретала отчетливые грани, словно кристалл на шлифовальном круге. Магический, в данном контексте, кристалл.

В самый разгар мыслительного процесса, когда поэт, по словам Пушкина, чувствует близость бога, об Аполлоне речь, зазвонила «вертушка» в кабинете главного. Интересовались Александром Лазо. Саню позвали.

— Александр Андреевич? С вами Владлен Скворцов говорит. Не забыли?.. Как живем-можем?

— Добрый день, Владлен Юлианович, — Саня мимикой дал понять главному, что звонок для него полная неожиданность. С тех пор как Скворцов занял высокий пост в президентской администрации, они ни разу не встречались. Раньше были вроде на «ты», не то, чтобы дружили, но общались. Владлен считался неплохим журналистом, выступал с либеральных позиций и вообще в его обществе не приходилось скучать. — Мы живем замечательно, а вы? — Взлет на вершину меняет людей, и это следует принимать как данность. Без обиды, неуместного ропота и тем более зависти. О выяснении отношений нечего и говорить. Их просто не может быть, отношений. — Вы-то как, Владлен Юлианович?

— Нормально. Времени только катастрофически недостает... У вас, надеюсь, с этим полегче?

— У нас? О у нас его навалом, — не удержался Лазо от иронии, — в ежедневной газете.

— Как же, как же... Читаем! И по-хорошему завидуем. Я не только о себе, Александр Андреевич. У вас много поклонников и, смею уверить, друзей. Если найдете лишний часик, сможете убедиться сами. Не заглянете к нам как-нибудь?

— Когда? — зажав трубку плечом, Лазо картинно развел руками и скорчил изумленную физиономию. Поворот действительно был интересный. Скворцов вел себя так, словно понятия не имел о попытках Сани дозвониться до генерала. — В какой день?

— Да хоть сейчас... Или не получится?

— Сей-час? — Саня просигналил глазами главному. Тот утвердительно закивал. — Можно... А куда? В Кремль?

— Так уж и в Кремль! Мы ребята скромные. Сидим на Варварке. Вы должны помнить нашу тихую обитель. Пропуск будет прямо на подъезде. Захватите только какое-нибудь удостоверение.

— Как в прежние времена!

— Буду рад повидаться, — Скворцов пропустил замечание мимо ушей. — И вообще есть о чем покалякать. Лады?

— Лады.

— Скворцов? — главный азартно потер руки. — Чего ему надо?

— Покалякать.

— Знает, что ты добивался?

— Наверняка, иначе бы не стал звонить по вертушке. Я ведь твоего номера не оставлял. Думаю, он не по своей инициативе, но держится — ни в одном глазу. Старый приятель! Он почему прямо на меня не вышел? Не из-за того, что побрезговал плебейской АТС. Не из таких. Раскрываться не захотел.

— В чем именно?

— Да хоть в том, что действует по поручению. Ежу ясно.

— Нам-то какое дело до ихних цирлих-манирлих? Бери мою машину и дуй. Попробуй раскрутить на полную катушку.

— И попробую. Ощущение мерзейшее. Нет, я не про Скворцова. Он парень ничего... Но Варварка — это уже нечто! Тут не просто случайное совпадение. Фатум. Рок.

— Глубокое бурение, Саня. Кто-то основательно копает под Президента.

— Слишком уж много таких любителей. Одни к Богу взывают, другие пытаются залучить в союзники Люцифера, а цель одна.

— И средства тоже.

Не прошло и четверти часа, как Лазо уже вошел в просторный кабинет, обстановка и габариты которого отвечали уровню рядового секретаря ЦК. В коридоре слонялся охранник в штатском, а в «предбаннике» сидели трое сотрудников. На столе у каждого стоял отличный компьютер с красным яблочком от Макинтоша. Скворцов был не последней фигурой, хотя новый пресс-секретарь и выдворил его за пределы зубчатой стены.

Вопреки ожиданиям, он обошелся без предисловий.

— Что вы думаете о сегодняшних событиях? — спросил, кивнув на окно окрашенное пылающей предзакатной медью. — «Пепси»? «Перье»?

— Спасибо, пока не нужно.

— Тогда, может быть, кофе? Чай?

— Вы обо всей этой чертовщине? — Саня отрицательно покачал головой. — Мрачные пророчества, голоса?

— Мне интересно ваше мнение.

— Государственный муж интервьюирует журналиста? Честно говоря, я сам хотел обратиться к вам с аналогичным вопросом.

— Одно другому не мешает. Ведь мы коллеги?

— Не знаю, что и сказать... Не готов к обстоятельному ответу. Только-только удалось собрать кое-какие сведения, так сказать, историко-географического характера. Ясно одно: выбор мест далеко не случаен. Мы имеем дело с тщательно продуманной акцией, рассчитанной на возбуждение темных инстинктов.

— Я тоже так думаю, но нельзя ли чуть подробнее об истории с географией? Для меня это новый поворот.

— Даже эпопея с храмом Христа Спасителя? — недоверчиво улыбнулся Саня. — Ой ли, Владлен Юлианович?.. Ну, если так, то могу добавить лишь крохотную детальку, — он коротко пересказал поучительную байку о Черторые и луже. — Раньше мы бы посчитали такое за вздор, а теперь любое лыко в строку.

— Ничего не поделаешь. Мы имеем дело с мифологизированным сознанием. Как бы не хаяли коммунистов, а им удалось воспитать новый тип человека.

— Новое — хорошо забытое старое. Нас удивительно легко научили забывать. Вы правы, насчет мифологии. Кажется, Лосев сказал, что мы живем в мифологическом мире, полном чудес, которые творятся ежедневно. Покорение природы, поворот рек, обводнение пустынь и осушение болот — разве не чудеса? Ничего в сущности не изменилось. Вместо человека-творца пришел антихрист. Какая разница? Человек-творец — личность мифическая, зато винтик — самая, что ни на есть, обыденная. Вытравлено чувство инициативы, полная безответственность сверху донизу. Она-то и прячется за личиной мифа. Отсюда и блестящие результаты за десять лет после перестройки и ускорения.

— Любопытный анализ. Я как-то не думал в таком направлении...

— Патогенная зона мешает, — усмехнулся Лазо и с нескрываемым удовольствием позубоскалил насчет особого местоположения нехорошей улицы Варварки. — Сами того не ведая, вы подыгрываете непримиримым.

Скворцов слушал, не поднимая головы.

— Не могли бы вы изложить это в конспективной форме? — попросил он, не выказав своего отношения ко всему сказанному. — На одну-полторы странички.

— Предельный объем для начальства?

— Так уж заведено. Иначе можно захлебнуться в информационном потопе.

— Позвольте всего один вопрос?

— Сколько угодно.

— Правда, что ваш генерал вертит столы? Переставляет кровати? Гадает по звездам?

— О чем вы? — недоуменно встрепенулся Скворцов. — Какие кровати?

— Не может быть, чтобы вы не читали статью, о которой судачит вся Москва. Никогда не поверю, Владлен Юлианович.

— Какая статья? Неужели вы думаете, будто у меня есть время читать все подряд? Одних бумаг столько...

— Но генерала Алехина, надеюсь, вы знаете?

— Алехина?.. Конечно! Исключительно эрудированный и работоспособный человек. Материалы, которые от него поступают, заставляют серьезно задуматься.

— Гороскопы? Кабалистические таблицы?

— Какие гороскопы? — раздраженно отмахнулся Скворцов. — Я занимаюсь общественным мнением, мас-медиа и прочее. Факты, что приводит Алехин, заставляют на очень многое взглянуть совершенно иными глазами. Я даже не представлял себе, что такое возможно.

— Именно?

— Различные явления нашей жизни, — уклонился от прямого ответа Скворцов. — А вы — кровати, столы... Между прочим, Алехин одобрительно отзывался о вашем материале.

— Каком?

— Про «черный чемодан». Вы совершенно правильно оценили подоплеку провокации. Зло, не всегда справедливо в адрес администрации, но в основном верно.

— Хорошо, что напомнили. Какие-нибудь выводы были сделаны?

— Будьте спокойны.

— А что показало расследование?

— Грубая подделка с магнитофоном, только и всего... Вас, конечно, интересуют инициаторы? Пока ничего конкретного сказать не могу. Я ведь и сам не в курсе. Совсем другая епархия.

— Связи между событиями не усматриваете? Голоса из гробов, из ядерных чемоданов, ракетный удар и апокалипсис... Как-то уж очень все сходится! И метро, опять же. Какое-никакое, но подземелье... Черный юмор?

— Едва ли.

— Вот и мне так казалось... На мой вопрос вы, Владлен Юлианович, не ответили. Ладно, ладно! — замахал руками Лазо, отвергая любые возражения. — Будем считать, что от-

ветили наполовину. Возможно, в дальнейшем мне больше повезет. Процентов, эдак, на семьдесят пять. Как вы считаете?

— Смотря что вас интересует. Обещать наперед не берусь.

— Меня интересует то же, что и всех. В первую очередь, наших читателей, — Саня демонстративно вынул диктофон. — Было приятно вновь увидеться с вами, Владлен Юлианович, обменяться кое-какими мыслями, но пора и о людях позаботиться. Общество не может довольствоваться одними слухами. Вы согласны?

— На то и существует печать, чтоб давать точную, проверенную информацию, — поморщился Скворцов. — Но, к сожалению, сами газеты частенько пускают провокационные слухи. Не хочется употреблять избитого выражения «газетная утка».

— Исключительно справедливое замечание. Надеюсь, мне не надо принимать его на свой счет?

— Разумеется, нет, — вымученно улыбнулся Скворцов.

— Отлично. Я не стану спрашивать вас про знаменитого потрошителя «капитана Печенкина». Знаю, что милиция сбилась с ног, хотя чаще она сбивается со следа, знаю о лживых, уж простите, Владлен Юлианович, обещаниях прокуратуры... Тут мы примерно на одном уровне: оба, как вы недавно выразились, «не в курсе». Ничего, не мы одни. Поэтому оставим Печенкина и сосредоточимся на дискетах, изъятых правоохранительными органами на Большой Никитской и в Скатертном. Не возражаете?

Скворцов выжидательно промолчал.

— Мой первый и совершенно конкретный вопрос, — продолжал Лазо. — Что это за дискеты?

— Знаю не больше вашего. Честно!

— Правда ли, что, будучи введенными в компьютер, они вызвали смерть нескольких человек?

— Мне известно только о двух случаях смертельного исхода.

— Пусть будет два. Но сколько людей пострадало? Кто они? Кроме оператора из «Блица», нет ни одной фамилии. Наконец, куда их отправили? В какие больницы?

— Столько вопросов сразу... Вынужден разочаровать вас, ибо не владею соответствующей информацией, но обещаю навести справки. Это в моих силах. Знаю только, что скончался работник уголовного розыска. Фамилию уточню. Думаете, кому-то от этого станет легче?

— Легче не станет, но по крайней мере будет соблюдена элементарная этика. Хотя бы в отношении семьи погибшего милиционера.

— Значит, до следующей встречи?

— Договорились, Владлен Юлианович, но, прежде чем откланяться, разрешите задать последний вопрос, — Саня выключил и спрятал в карман диктофон. — Не для печати. Это в контексте нашей беседы о всяческой чертовщине. Правда ли, что дискеты-убийцы содержат шестьсот шестьдесят шесть единиц информации? Случайное совпадение с числом антихриста я заведомо отметаю... Что вы думаете по этому поводу, Влад?

— Не знаю, что и подумать, Саня. Честно, — Скворцова ничуть не покоробило возвращение к неформальным отношениям. — Вы попали в самую точку, все верно: шестьсот шестьдесят шесть.

— Если бы я! Сообщение впервые появились в американской печати. Похоже, что за бугром, как всегда, осведомлены о состоянии наших дел лучше нас самих... Значит, никакой башни Мерлина нет возле Спасской? — полушутя, спросил Саня перед уходом.

— Никто не позволит изменить облик Кремля, — в тон ему ответил Скворцов.

— И мы не откатились во тьму раннего средневековья?

— Больше похоже на Рим эпохи упадка, — одними губами просигналил Владлен Юлианович.

В редакцию Саня возвратился со смешанными чувствами. Скворцов определенно темнил, как и полагалось по штату, но в чем-то, несомненно, остался искренним. Не врал без особой нужды. Ссылаться на него было бесполезно — материала с гулькин нос — и недальновидно. Авось в следующий раз удастся вытянуть что-нибудь посущественнее. Признание насчет Рима эпохи упадка звучало обещающе. Он и сам находился под колпаком. Недаром писали, что прослушивают даже премьера.

— Зачем он тебя звал? — сгорая от любопытства, спросил главный.

— Точно сказать не могу. Не разобрался пока в ощущениях.

— В целом баланс положительный? Или со знаком минус?

— Всего понемногу, но, боюсь, в итоге останется ноль. Очень уж осторожен.

— На Алехина не выведет?

— Разве что-тот сам пожелает.

— Жаль.

— Еще бы не жаль, но по одежке протягивай ножки.

— Хоть какой-то навар есть?

— Расход на бензин, я считаю, оправдан. Число антихриста они подтверждают.

— Уже кое-что. Писать будешь?

— Обязательно. Внутренне я созрел.

— Это самое главное. Когда дашь?

— Точно обещать не могу, как получится.

— Можешь два дня не появляться в редакции. Вместе с выходными это будет четыре. В понедельник положишь на стол.

— Ваше дело приказывать.

Лазо забежал в отдел забрать бумаги. На его столе лежала записка секретарши: «Звонила Л. К. Ждет по адресу: В. Масловка, 7, кв. 34. Телефона не оставила. Надеюсь, это не ловушка? Желаю приятного времяпровождения. В.»

Не обратив внимания на шпильку, Саня опрометью бросился к лифту. Лора не звонила целых три дня, и он страдал дурными предчувствиями. Она никогда еще не назначала свидание в неизвестных местах.

«Где хоть находится эта самая Масловка?»

Пришлось вернуться, чтобы посмотреть в справочнике «Как проехать по Москве».

Глава тридцать четвертая

СИЛОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

На крыше двенадцатиэтажного дома номер 11 круглосуточно дежурили снайперы. В прицел, оборудованный лазерным наведением и прибором ночного видения, различались ничтожные пятнышки грязи на стеклах «Доджа Чероки», припаркованного у подъезда однотипного здания из светлого кирпича, расположенного на противоположной стороне Профсоюзной улицы. Туда же был нацелен и объектив телекамеры, установленной на чердаке. Во избежание искажений, стекло предусмотрительно вынули из рамы. Ждали только хозяина машины, который должен был появиться со дня на день.

Стрельба никак не входила в планы руководителей операции — подполковника Корнилова и полковника Томилина из ФСБ, вновь переименованной в госбезопасность. Преступника во что бы то ни стало надо было взять живым и с поличными. По оперативным данным, в «додже» находились контейнеры с радиоактивными изотопами.

Обе службы работали в тесном контакте почти два месяца, пока не вышли на след ученого-ядерщика по фамилии Голо-

бабенко. Его засекли на контакте с помощником военного атташе одной из стран Среднего Востока, проявлявшего повышенный интерес к специалистам соответствующего профиля. Голобабенко закончил МИФИ, два года проработал инженером в Дубне, после чего поступил в аспирантуру Института атомной энергии, где защитил кандидатскую диссертацию по закрытой теме, связанной с разделением изотопов. Уволившись по собственному желанию, он, как удалось установить, поступил в частную инновационную фирму, характер деятельности которой и источники финансирования предстояло выяснить.

Пути Голобабенко, прослеженные наружным наблюдением, не оставляли места для сомнений в характере его многосторонней деятельности. Пользуясь удостоверением Института атомной энергии, которое ему не только оставили, но и продлили, он успел побывать в номерных городах, расположенных в Томской и Красноярской областях, под Нижним Новгородом и на Урале. В Кремлевск, как еще недавно фигурировал среди посвященных секретный центр производства атомного оружия, его не допустили, что, собственно, и послужило сигналом для разработки.

Следственные действия были возложены на МВД. Контрразведчики лишь обеспечивали оперативную часть, включая задержание.

Прокуратура Екатеринбурга уже выписала постановления на одиннадцать работников комбината «Электроаппарат». Всем инкриминировалось хищение госимущества путем злоупотребления служебным положением, дача и получение взяток, халатность и хранение краденого имущества. Со стороны могло показаться, что дело касается заурядных цеховиков славного прошлого, наладивших подпольное производство дамского ширпотреба. Правоохранительная система оказалась столь же не подготовленной к жестоким реалиям атомного века, что и вся страна, одной из первых в него шагнувшая. Как и следовало ожидать, урок Чернобыля ничему не научил, ибо неусвоенными остались все прошлые и последующие уроки.

Хищение радиоактивных веществ с комбината «Электроаппарат» осуществлялось хорошо законспирированной группировкой, куда входили непосредственные руководители производственного процесса, работники бухгалтерии и охраны. Вывоз изотопов по фальшивым документам достигал почти промышленных масштабов. Ученые мужи с кандидатскими и докторскими степенями не только принимали прямое участие в хищениях, но явились подлинными первопроходцами

в создании совершенно новой отрасли теневого бизнеса. Впервые после долгого периода спада отечественная наука вышла на передовой рубеж. Недаром «новые русские» быстро научились оценивать интеллектуальный вклад в миллиардах, что вошло в практику всевозможных фондов и акционерных обществ.

Шестикомнатная, перестроенная на два уровня квартира Голобабенко находилась в том самом подъезде, возле которого, въехав боком на тротуар, притулился скоростной вездеход «додж 4×4». Проведенный под покровом ночи внешний осмотр радиоактивности не выявил. Превышение фона составило всего две или три единицы. Загрузка, по-видимому, проводилась с особой тщательностью.

Судя по номеру, возможно фальшивому, машина была зарегистрирована в Джезказгане. Для того чтобы установить имя владельца, требовалось связаться с родственными учреждениями сопредельной республики, но любая утечка информации была нежелательна.

Арест получателя или хотя бы посредника мог поставить последнюю точку, замкнуть круг в границах страны. Положение осложнялось проколом, допущенным по вине наружки: проворонили водителя, пригнавшего «додж». Оставалось лишь гадать, был ли это сам Голобабенко или же кто-то из его присных. Во всяком случае место выбрали не случайно. Рано или поздно что-то должно было произойти. Тот факт, что к машине никто не подходил, не особенно смущал наблюдение. Голобабенко и его подручный Торба, тоже кандидат технических наук и бывший сотрудник атомного НИИ, соблюдали меры предосторожности. Ни один из них так и не прикоснулся к контейнерам. Это показала скрытая видеосъемка в цехах комбината. Ходили вокруг да около, давали советы, но через проходную отчаливали без груза, чистенькими. Вынужденный простой мог зависеть от разных причин: запаздывал перевозчик, подвел клиент, не устраивала цена и еще дюжина дюжин.

Оставалось терпеливо ждать.

В ближайшую после «черной», вернее, «чертовой пятницы», среду, около восьми вечера долгожданный момент настал. Из подъезда вышел Торба, постоял возле машины, поглядывая на часы, затем неторопливой походкой направился в сторону станции метро, названной трудовым именем улицы, широкой и щедро обсаженной по обеим сторонам деревьями.

В промежутке между двумя уходящими вниз супротивными лестницами его поджидал гражданин, в коем бдительное

милицейское око без труда распознало лицо кавказской национальности. Они о чем-то поговорили с минуту и так же неспешно двинулись в обратный путь. Вместе вошли в подъезд, вызвали лифт и поднялись на шестой этаж. Установленные на лестничной клетке микрофоны придали чисто логическим умозаключениям добавочную достоверность. В кабине жучка не поставили, поэтому разговор при подъеме остался за кадром.

Было еще светло, когда появилась вся троица. Воспользовавшись пультом, Голобабенко отключил противоугонную систему и отпер переднюю дверь.

— Приступайте, — скомандовал по рации Томилин. — Быстро, но аккуратно.

Рассредоточенные по соседним дворам оперативники бросились к машине. Убежать удалось лишь неустановленной личности, и то недалеко. Черная, с белой диагональной полосой куртка представляла собой отличную цель. Стрелявший целил в бедро, но пуля угодила в лопатку.

Голобабенко и Торба между тем уже лежали лицом вниз, с замкнутыми за спиной наручниками.

Задержанных подняли, встряхнули, как следует, тщательно обшарили с головы до ног. Оружия не нашли. Зато у раненого, которого спешно втолкнули в подъехавший «рафик», выгребли целый арсенал: «браунинг» с двумя запасными обоймами, газовый пистолет германского производства, лимонку и самодельный кинжал.

Понятых, предупрежденных заранее, доставили минута в минуту, так что формальности проходили в строгом соответствии с буквой закона. Про выстрел, сваливший убегающего преступника под аркой того самого дома, откуда велось наблюдение, никто и словом не обмолвился. Пуля застряла внутри: выходного отверстия не было. На скорую руку сделали перевязку. Чета пенсионеров преклонного возраста, протомившись весь день в ожидании, лишних вопросов не задавала, и, если бы не видеосъемка, которая велась с первой и до последней минуты, досадный инцидент едва ли выплыл на поверхность. Но так уж сложился расклад запутанного пасьянса, что уже на следующий день кассету, запечатлевшую ход операции по секундам, прокручивали в министерских кабинетах.

Пока составлялись описи и протоколы, со стороны Черемушкинского рынка подъехал «мерседес» ГАИ.

— Что у вас тут происходит? — осведомился, приспустив стекло, капитан с глубоким шрамом поперек лба. Он успел увидеть, как парни в масках и камуфляже затолкнули в «ра-

фик» какого-то гражданина довольно плотной комплекции. Возле служебной «Волги» с мигалкой, зажавшей «додж» мышиного цвета спереди, спокойно покуривал мужчина в легоньком пиджачке с короткими рукавами. Глаз у гаишника был наметанный.

— Дуй отсюда, сосед, — посоветовал полковник Томилин, показав служебное удостоверение.

— Кого берете, чекисты?

— Нарушителей правил дорожного движения. Давай, проезжай.

— Тогда желаю успеха, — капитан с минуту понаблюдал за тем, как умело и быстро курочат «додж», и дал крутой разворот. Все ясно: наркотики!

Контейнеры, похожие на газовые баллоны, продемонстрировали понятым, охотно принявшим на веру объяснения дозиметриста. Стрелка счетчика заряженных частиц слегка отклонилась вправо, цифры на экране запрыгали, но итоговый показатель оставался в границах фона.

— Прибор указывает на повышенную радиацию, — дозиметрист взял грех на душу. Он впервые видел упаковку с такой непроницаемой изоляцией.

Старики послушно закивали и вывели подписи в нужных местах.

Операция была закончена. Оставалось привинтить фальшивый поддон и поставить заднее сиденье.

Никто и глазом моргнуть не успел, как из-за угла выскочил «форд» патрульно-постовой службы и, не сбавляя скорости, протаранил «рафик». На асфальт ледяной крошкой посыпались стекла. Удар был нанесен настолько умело, что «форд» практически не пострадал, отделавшись смятым крылом и вдавленным бампером. из него выскочили двое в милицейской форме и открыли прицельный огонь по окнам «рафика», где вместе с задержанными уже сидела вся группа захвата. Просвистав над ухом Торбы, пуля врезалась в плечо офицера, который, матерясь на чем свет стоит, размахивал удостоверением федеральной службы.

Остальные, недолго думая, выхватили свои «пушки» и устроили беспорядочную пальбу. Можно лишь удивляться, почему профессионалы, привыкшие посылать пули точно в десятку, так опростоволосились. Прячась за машиной, милиционеры не давали им поднять головы. Впрочем, и действия нападавших вызывали недоумение. Едва ли они надеялись отбить арестованных столь малыми силами. Вероятно, в их задачу входило убрать свидетелей, потому что больше всего пулевых дыр пришлось как раз на те места, где сидели, а

после лежали ничком, невредимый Торба и мертвый Голобабенко с пулей в черепе.

Впрочем, эти вопросы возникнут потом, когда начнется, но будет спущено на тормозах расследование. Пока же, истратив боезапас, блюстители порядка вскочили в свою покалеченную иномарку — подарок мэрии — и поспешили скрыться.

Телекамера на чердаке не переставала писать на пленку головокружительные повороты драматического сюжета.

Очевидный идиотизм эскапады лишь усугублял самые мрачные подозрения. Перестрелка между милицией и контрразведкой никак не могла пройти незамеченной. В этом отдавали себе отчет обе стороны. Доблестный экипаж «форда», принадлежавшего третьему патрульно-постовому полку, удостоился чести предстать перед очами начальника ГАИ. Инспектор и сопровождавший его стажер дали случившемуся не слишком убедительное объяснение.

— У трамвайного круга нас остановил какой-то гражданин, — нес очевидную околесицу инспектор в звании старшего лейтенанта. — Он был взволнован и просил разобраться. Говорил, что видел на Профсоюзной бандитскую группировку. Я попросил его сесть в машину, чтобы, значит, показать, где это было, но он отказался. «Боюсь, — говорит, — не хочу заработать пулю». Мы, конечно, не стали настаивать и поехали на Профсоюзную. Там действительно действовали вооруженные люди в штатском и камуфляже. Обстановка сильно напоминала вооруженное нападение с похищением. Мы вышли из машины, чтобы выяснить обстановку. Когда ихний начальник показал удостоверение, я извинился, сказал, что все в полном порядке, но тут мой напарник, парень молодой, неопытный, одно слово — стажер, случайно произвел неосторожный выстрел, что сразу вызвало ответный огонь. Они стреляли на поражение, а мы только отстреливались, как говорится, в белый свет. Едва ноги унесли.

Стажер полностью подтвердил версию наставника. Боясь проронить лишнее слово, он тем не менее не преминул заявить, что чекиста подранили в суматохе свои.

Кому хотели втереть очки подобной басней? Уж не самому ли министру, в далеком прошлом постовому милиционеру? Покалеченная иномарка, ценой в двадцать тысяч долларов, говорила сама за себя. Объяснить таран неосторожным наездом не решился даже инспектор ГАИ.

Но когда встает вопрос о защите чести мундира, в ход идут любые средства, включая негодные.

Противная, в сугубо юридическом смысле, сторона обрисовала происшествие более-менее объективно. В беседе с ди-

ректором ФСБ на Лубянке Томилин старался придерживаться строгих фактов. Изложив все, как было на самом деле, он лишь забыл упомянуть о ранении одного из задержанных. У директора вполне могло создаться впечатление, что это случилось во время перестрелки. Стоило ли сосредотачивать внимание на второстепенном эпизоде, когда опять-таки затронута честь? Оба понимали что до баллистической экспертизы не дойдет. Упор был сделан на «трагическую случайность».

По факту, получившему широкую огласку, военная прокуратура Московского гарнизона возбудила уголовное дело по признакам статьи 171, часть 2 (превышение власти, сопровождавшееся применением оружия) и статьи 260, пункт «б» (злоупотребление властью, повлекшее тяжкие последствия).

Телевидение в ночном выпуске не преминуло сообщить сенсационные подробности боя в Черемушках. Журналисты кинулись за разъяснениями в пресс-службы обоих ведомств, но не тут-то было.

Руководители упомянутых подразделений, призванные информировать общественность, проявили завидное единодушие, наотрез отказавшись от каких бы то ни было комментариев.

Как разрешилась тяжба на самом высоком уровне, не удалось дознаться даже самым пробивным ребятам из Интерфакса и «Кости».

Складывалось впечатление, что все же в пользу правого дела. Не иначе как с санкции дирекции ФСК была допущена дозированная утечка информации. По телевидению показали фрагменты оперативной видеозаписи, которые не оставили места для сомнений по поводу того, кто и при каких обстоятельствах первым открыл огонь.

Причастность работников ГАИ к ядерной контрабанде тем не менее в уголовном деле не фигурировала, и само это дело как-то незаметно ушло в тень.

Упор был сделан на непосредственных участниках преступного бизнеса, кандидатах наук Голобабенко, Торбе и их соучастниках с изотопного комбината. Все вместе могли бы составить вполне приличный ученый совет.

О двусмысленной роли, которую сыграл гаишник, подъехавший первым на «мерседесе», лучше всех, пожалуй, мог бы рассказать именно Владислав Леонидович Торба. Он сразу узнал того самого капитана со шрамом на лбу, с которым судьба столкнула его, когда Лаки наткнулся на труп голой наркоманки в кустах, неподалеку от МГУ.

Но его об этом никто не спрашивал.

Торба накрепко запомнил, что шепнул ему Петя Голобабенко, когда началась стрельба:

«Нас приехали убивать».

Глава тридцать пятая

«ОКТАЭДР»

Заведующую операционным залом «Регент Универсал Банка» Тамару Клевиц убили на следующий день после освобождения под залог в сто миллионов рублей. Смерть наступила в результате множественных ран, нанесенных колюще-режущим оружием, предположительно обоюдоострым кинжалом или ножом. Ее одиннадцатилетнюю дочку нашли задушенной в ванной. По всему выходило, что убийство было заказным. Драгоценности, телевизоры, магнитофоны, меховые шубы, столовое серебро и другие дорогостоящие предметы остались на своих местах. В небольшом, вмурованном в капитальную стену сейфе — его скрывала аляповатая копия знаменитой шишкинской картины с медведями — нашли семнадцать тысяч долларов и спичечный коробок, доверху наполненный платиновыми профилями Ленина, выдранными из орденов.

Было возбуждено новое уголовное дело, в котором Тамара фигурировала уже как жертва.

Вызванный к следователю повесткой Кидин послал вместо себя адвоката, добившегося освобождения Клевиц. Сам же поехал в Белый дом, где посетил несколько кабинетов, устроив в каждом по маленькому скандальчику. Он требовал немедленно найти убийцу, выгнать с работы следователей, которые не там ищут, чем потакают преступникам, и, наконец, оградить его лично.

— Охота идет на меня! — возмущался он, хватаясь за сердце. — Как этого можно не видеть?! Мало вам трупов?

Как назло, накануне убийства Клевиц погиб еще один видный банкир, двадцать пятый, выбранный вдобавок президентом ассоциации. По предварительным данным, его, вместе с секретаршей, отравили сильнодействующим нервно-паралитическим газом.

«Важняка» из генеральной прокуратуры, проводившего следствие, вынесли из кабинета с характерными симптомами воздействия зарина. Концентрация в воздухе была уже не та, и следователь по особо важным делам быстро оклемался. Он тоже очень хотел видеть у себя Ивана Николаевича, ближай-

шего сподвижника покойного и первого вице-президента ассоциации.

Было от чего впасть в отчаяние. Кидин начал метаться, потеряв прежде выручавшую его из многих передряг уверенность в собственной неуязвимости.

От следователей, не страдавших излишним рвением, отделаться оказалось нетрудно, зато в глазах кабинетных сидельцев многое потерял.

На финансовом фронте тоже обстояло неважнецки. Те двадцать процентов, которые было предписано держать в Центробанке, как нельзя более требовались для затыкания дыр. Часть японских вложений пришлось перебросить из «Сибири» на счета Каменюки, остальное, во избежание шума, вернуть. Кое-как удалось свести концы с концами благодаря гамбургскому контракту. После аренды земли и производственных мощностей в Истринском районе и возле Жуковского, едва хватило на приобретение нескольких списанных самолетиков и пятнадцати дельтапланов. Разборка с солнцевской группировкой из-за аптеки на улице Авиаторов унесла в трубу еще сорок миллиардов, так что осталось всего ничего.

На счастье, значительно опережая сроки, начала поступать аппаратура для подслушивания. Кидин даже не успел, как собирался, блеснуть новинкой перед коллегами по ассоциации, в которых видел главных покупателей. К его удивлению, реклама не понадобилась: заказчики повалили со всех сторон. Сами дознаться о чудесах электронной серии ТСМ они никак не могли. Не иначе, кто-то из своих проболтался. Впрочем, не важно. Главное, чтоб товар шел. Брали нарасхват, не торгуясь. Личность клиентов, представлявших совершенно не известные фирмы, Кидина не волновала. «Плевать на личность, была бы наличность», — гордился он каламбуром собственного сочинения. Платили наличкой, не торгуясь. Цены на последнюю партию он поднял на двести процентов, заработав шесть миллионов долларов чистоганом, из рук в руки. Всю выручку переправил на анонимный счет в Берн, на крайний случай. Проценты плевые, но абсолютно надежно.

Переведя немцам их долю, Иван Николаевич затребовал новых поставок. Он и оглянуться не успел, как остался всего с одним-единственным аппаратом, обеспечивающим прослушивание банковских помещений и собственной виллы. А планы-то были наполеоновские: конкурентов надеялся подловить.

Пока же приходилось довольствоваться прокручиванием записи телефонных разговоров жены. Удовольствие ниже средне-

го, чтобы не сказать больше. С некоторых пор Лора начала осторожничать — к чему бы? — но Иван Николаевич уже точно установил, что у нее завелся любовник. Какой-то писака из скандальной газетенки, сопляк. Они встречались на квартире Женьки Латаевой, которая усвистела с мужиком на Багамы, оставив Лоре ключи.

«Вот бы где подключить ТСМ-0310!» — приходила шальная мысль, однако Кидин и сам точно не знал, хочется ему этого или не очень. Идти на открытый конфликт никак не решался, полагая, не без основания, что Лора использует выяснение отношений как предлог для окончательного разрыва. Положа руку на сердце, он готов был закрыть глаза на ее измену, как уже делал неоднократно в прошлом. Одно смущало: слишком уж увлеклась распутная баба, втюрилась до потери сознания. Временами он просто не узнавал свою внешне холодно-циничную, светски сдержанную, но удивительно ласковую и пылкую жену. Конечно, серьезная трещина вышла из-за казуса с фирмой. Теперь-то Кидин понимал, что допустил промах, записав в председатели учредительного совета подругу жизни. То, что раньше виделось откровенной демонстрацией уверенности, силы и вдобавок забавной шуткой, обернулось двойной ошибкой. Подставив Лору, он не только лишний раз подставил себя, но и вызвал ненужные осложнения в собственном доме.

Как говорится, хуже некуда.

От АО «Сибирь Петролеум» следовало отделаться как можно скорее. Только как? Охотников приобрести солидный пакет ничем по сути не обеспеченных акций не находилось, что в недалеком будущем грозило подорвать репутацию уже самого банка.

Словом, причин для пессимизма хватало. Замельтешил Иван Николаевич, завибрировал. Он не отдавал себе отчета в том, что мечется в поисках невозможного. Чтобы спасти пораженный гангреной организм, требовалось резать по живому, но отхватить от себя порядочный кус было и страшно, и жалко. К тому же, Каменюка уперся, как баран. Он вообще отличался упрямством. Намертво вцепился в деньги, которые лучше было бы подобру-поздорову отдать. Вместо этого он еще глубже влез в темные делишки Русско-японского института, занялся рискованными операциями с урановой рудой, связался с прохиндеями из Росвооружения. Деньги проводились через его «Октаэдр». «Регент» тут ни с какого боку, но вице-президент есть вице-президент. Плюс к тому, у него восемь процентов акций. Как здесь размежеваться? В голову не лезет.

Шел десятый час вечера. Лора запаздывала, что дало лишний повод для беспокойства. Пока она тешится на Масловке, в гнездышке этой негодяйки Латаевой, законный муж должен метаться по пустому дому, как зверь в клетке.

«Даже пожрать не приготовила, стерва!»

Кидин чувствовал, что взорвется, если сей же секунд не предпримет решительных действий.

Он в задумчивости прошелся по кабинету и тяжело рухнул на тахту, застланную шелковистой шкурой зебры. В огромном, во всю стену, окне плавились цветные металлы заката. На огненном фоне зловеще вырисовывались шпили и флюгеры на крутых черепичных скатах резиденции Каменюки.

Домище себе жирный боров отгрохал поблизости, сразу за теннисным кортом. Настоящий замок, с остроконечными башенками и стеклянным куполом зимнего сада. «В готическом стиле», как болтал при каждом удобном случае, ни ухом, ни рылом не разбираясь в архитектуре. Специально ездил в Армению за коваными решетками с колючими шипами, а из Риги привез цветное стекло для витражных окон, хамрик. Лора только посмеивалась, глядя на немыслимое нагромождение вычурных пинкалей и вимпергов[1], а Кидин пренебрежительно усмехался, не то, чтобы завидуя, но несколько уязвляясь. Не по Сеньке шапка. Вимперг ему подавай! Каменюка небось и слов-то таких не знал. Лора догадалась посмотреть в энциклопедическом словаре. Оказалось, щипец по-русски. Между собой они так и прозвали Остапа — Щипец. И верно: так и норовит отхватить, что ни попадя.

Перенеся накипевшее раздражение с жены на первого заместителя, Кидин потянулся к телефону. Чтобы соединиться с Каменюкой, достаточно было нажать кнопку: автономная АТС обслуживала несколько близлежащих домов, защищенных общей системой, которую использовали на охране государственных границ. Лобастов почти задарма вывез оборудование из Закавказья. Его домик, третий справа, нынче осиротел, лишний раз напоминая Ивану Николаевичу, что от киллеров не убережет ни электроника, ни самый верный телохранитель. Не достанет пуля, так пустят газ.

«К чертям собачьим грязные деньги. Жизнь дороже!» — принял он окончательное решение.

— Не спишь, Остап? — задал глупый вопрос, смиряя изнутри бившую дрожь.

— Какое там, Иван Николаевич... Раньше часа не ложусь. Ящик не смотришь?

---

[1] Декоративные детали архитектуры.

— А чего там?

— Как чего! Тебя показывали.

— Ну!

— Вот-те и ну. Пресс-конференцию забыл, что ли? Честь по чести, по Российскому каналу. Первый вице-президент Ассоциации банков господин Кидин призвал коллег к предупредительной забастовке. «Мы должны продемонстрировать правительству, что не станем далее мириться с криминальным беспределом и попустительством силовых структур, играющих на руку наемным убийцам». Слово в слово. Молодец, Иван Николаевич! Поздравляю.

— Нашел с чем поздравлять. Сотрясение воздуха. Все равно толку не будет... Ты мне лучше вот что скажи — с сенрюками полностью рассчитался?

— С желторылыми? Подтверждение из токийского банка пришло. Чин чинарем... Не заглянешь к нам? Моя Галя вареники с вишнями сготовила.

— Да погоди ты со своими варениками!.. Я не про то спрашиваю, я про наших, московских. Сколько раз можно напоминать?

— Инстит, что ли, этот?

— Институт, институт.

— Куда спешить, Иван Николаевич? Денежки в деле.

— Верни, Каменюка. Понял? Чтоб и духу их не было.

— Чего это ты так разволновался?.. Рассуди сам: был суд, счета арестованы, дело не закрыто. Зачем возникать? Поглядим, как обернется. Может, и возвращать не придется? Пусть пока крутятся. Если заставят отдать, хоть с наваром останемся. У меня прынцып простой: платить только тогда, когда совсем нельзя не платить, — Каменюка расхохотался.

— А пулю не хочешь? Или Прокопыча позабыл? Еще и сороковин-то не было.

— Мы не знаем, кому перешел дорожку Лобастов. У него свои игры, у меня свои. Не будем торопиться с выводами. Время на нас работает.

— А Тамара?

— А что — Тамара? Она и у нас притыривала. С ней разобрались, не с нами, Иван Николаевич. Значит, все шито-крыто. К нам претензий нет. Точка. Ынцыдент исчерпан. И Всесвятский, считай, с носом остался.

— Какой еще Всесвятский?

— Гад из налоговой полиции. Под меня копает.

— Ты мне ничего не говорил.

— Сам только вчера узнал от одного человечка. Они там насчитали сорок семь миллиардов недоплаты. Представля-

ешь? Нельзя ли его как-нибудь приструнить, полковничка этого?

— Шутишь!

— Не до шуток, Иван Николаевич. Если потянется ниточка, без штанов останемся. Как бы под нефть не начали рыть... У тебя ж такая заручка!

— Заручка, говоришь? Нет никакой заручки. Пока все хорошо, ты в друзьях, а как гнильцой потянуло, живо носы отворотят... Слушай меня внимательно, Каменюка! Мою часть завтра же переведи. Ты знаешь, куда, понял? Со своими поступай, как знаешь, ты у нас парень самостоятельный. Но я бы на твоем месте вопрос с налогом закрыл. Не сумел обойти, изволь раскошеливаться.

Глава тридцать шестая

ВЕНА

Инспектор Обердорфер тщательно изучил дополнительные данные на Аливелиева, полученные в результате оперативно-следственных действий. В Москве и Екатеринбурге была арестована большая группа научных работников, причастных к контрабанде радиоизотопов. При задержании изъяли приготовленную к отправке партию кобальта, цезия и порошок кадмия, предназначенный для производства изделий путем спекания. Особое внимание МВД обращало на новый тип контейнеров из свинцовой керамики, почти полностью поглощающей излучение. В самом недалеком будущем это могло существенно осложнить действия по борьбе с провозом оружейного плутония и урана. Предлагались совместные меры контроля грузов, поступающих по железной дороге и водным путем, в частности по Дунаю. В качестве перевалочного пункта называлась Босния и Герцеговина, откуда ядерное горючее могло попасть на Ближний и Средний Восток.

Трудно было бы переоценить значение полученной информации. Создавалось впечатление, что в России осознали всю глубину нависшей над миром опасности. Во всяком случае полиция впервые заговорила самостоятельно, не с голоса Минатома и без подсказки МИДа, совместно прокручивавших чреватые тяжкими последствиями контракты с Ираном. Настораживали и появившиеся в печати сведения о покупке атомного ракетоносца «Нахимов» военно-морскими силами Индии

Невзирая на двойственную политику и традиционное византийское коварство, сдвиг в мышлении был налицо.

Сама того не сознавая, Москва дала в руки австрийских партнеров ключ к заблокированному сознанию контрабандиста-атомщика, непосредственно связанного с расхитителями продукции екатеринбургского завода «Электроаппаратура». Первым ключевым словом явилась кличка Аливелиева — «Бек». Справившись в «Британике», Обердорфер установил, что так на Кавказе назывались князья низшего ранга. Не принц, не герцог, даже не совсем князь, а скорее местный князек.

Инспектора не интересовало, был ли Исмаил Аливелиев на самом деле потомком благородных особ или просто «авторитетом», но опробовать код определенно имело смысл.

С тем и поехал он в клинику имени Карла Юнга.

Каково же было радостное удивление профессора Кребса, когда спящий Аливелиев, словно по волшебству, раскрыл глаза и сел на постели готовый к действию.

У Кребса не было юридического права подвергать пациента действию «эликсира правды». Австрия — не Филиппинский архипелаг, где в девственных дебрях Лусона еще бродят первобытные племена. Но для того чтобы опробовать испытанный терапевтический метод гипноза, не существовало никаких препятствий, в том числе и морального свойства. Напротив, это была прямая обязанность врача-психиатра.

Теперь, когда стало известно, что Бек-Аливелиев принадлежал к одной из московских группировок, вопрос о языке кодирования отпал сам собой. Фамилии, сообщенные МВД, правда, указывали на украинское происхождение: Голобабенко, Торба, но это ничего не меняло. С таким же основанием они могли принадлежать и русским людям, не говоря уже о том, что в Москве говорят по-русски, и вообще это единственный язык межэтнического общения во всем СНГ, включая Азербайджан и Украину.

Разложив с присущей ему старомодной педантичностью все по полочкам, Кребс мог приступить к сеансу. Единственное, что его останавливало, это акцент. Когда ты просто говоришь в обычной беседе «пожялюста», тебя поймут без переводчика, но если это случайно окажется паролем, заблокированный мозг может и не отреагировать на команду.

С односложным «бек» — профессор произнес вёк — удалось, «пройсныс» тоже кое-как проскочило, но на «фстан» вышла осечка. Аливелиев так и не встал. Чтобы привести в действие этого Голема, требовались новые коды или, в случае

гипнотического раппорта, хотя бы приличное произношение. По-русски Кребс читал совершенно свободно, но выговаривать без акцента заковыристые слова так и не научился. С японским и китайским обстояло еще хуже. Он разбирал три тысячи иероглифов, но коварные азиаты отказывались понимать его устную речь. Обидно, ибо в клинике второй месяц лежал закодированный японец с драконом на груди, принадлежавший к той же загадочной секте, что и Аливелиев. Его тоже взяли в аэропорту с грузом синтетического наркотика «белый китаец» на сумму в триста миллионов шиллингов.

— Скажите, инспектор, русские ничего не сообщили вам относительно господ Холопапенко и Торпа? — спросил Кребс, погрузив Аливелиева в сон. Он приказал «спы!», и тот послушно обрушился на подушку. — Меня крайне интересует, есть ли у них татуировка?

— Никаких сведений, господин профессор.

— Досадно. Нельзя запросить дополнительные подробности?

— Сегодня же отправлю запрос.

— Буду весьма благодарен. Вы случайно не знаете, как правильно сказать по-русски «отфетшайт»?

— Здравствуйте, до свидания, добро пожаловать, водка, икра, борщ — это весь мой словарь.

— Жаль. Не хотелось бы нанимать переводчика. Дополнительные расходы.

— Пришлите счет. Мы оплатим... Позвольте полюбопытствовать, господин профессор, по поводу гипноза. Насколько я знаю, далеко не все поддаются?

— Вы совершенно правы. Люди с сильной психикой могут противостоять гипнотическому воздействию. Однако с помощью наркотических средств можно подчинить своей воле практически любого. О пытках и прочих недозволенных средствах и говорить не приходится.

— Значит ли это, что в принципе нормального, законопослушного гражданина гипноз — я говорю о преступном применении — превращает в послушного исполнителя?

— Это так. Легче всего поддаются субъекты с подавленной волей, лишенные индивидуальности, с задатками рабства, прислужничества. Вы нашли верное определение: исполнитель. Но куда проще нанять такого за деньги или принудить угрозами. Вы в полиции знаете, как делаются такие вещи. Постепенно человек начинает уже программировать самого себя. Киллеров я рассматриваю как своего рода автозомби.

— Интересная мысль... А массовое зомбирование возможно?

— Сплошь и рядом. Возьмите, например, звуковые послания Асахары. Типичный метод группового программирования. С таким же явлением столкнулись в России, когда началось повальное обращение в Белое братство. Гипноз таит в себе множество до конца не раскрытых возможностей. Человек, абсолютно не причастный к искусствам, начинает вполне прилично рисовать, играть на рояле и так далее. Вспоминает языки, которых никогда не изучал, придумывает оригинальные комбинации в шахматах, покере — мало ли...

— И все это остается в постгипнотическом состоянии?

— За редким исключением, исчезает, как сон.

— Убийство под гипнозом?

— Не оставляет следа при пробуждении.

— А как насчет увеличения физической силы? Быстроты реакции? Меткости, наконец?

— Вы имеете в виду идеального убийцу? — усмехнулся Кребс. — Теоретически возможно. В определенные моменты пошлет пулю точно в цель, перемахнет через забор с колючей проволокой, даже сможет угнать вертолет без предварительных навыков пилотирования.

— Веселенькие у нас перспективы на грядущее тысячелетие.

— Но возможен и прямо противоположный эффект. Вполне реально воздействовать на подсознание таким образом, что данного индивида уже никто и ни при каких условиях не сумеет потом запрограммировать.

— Похоже на вакцинацию против зомбирования.

— Именно так. Тут уже не помогут ни наркотики, ни пытки. Иммунитет абсолютный.

— И вы проводили подобные эксперименты?

— Никогда! — возмутился Кребс. — Не забудьте, что я прежде всего врач.

— Прошу прощения, господин профессор, но мне ненароком пришла в голову крамольная мысль. Стоит вам выступить с лекцией на тему, скажем, автозомбирование или, напротив, антизомбирование, и не придется заботиться о финансировании. Гранты и пожертвования посыпятся со всех сторон.

— Вы не оригинальны, инспектор. Ко мне уже обращались с различными предложениями, но я старый человек. Хочу дожить отмеренный мне срок, ни в чем не изменяя себе. Свобода это, пожалуй, единственное, чем стоит дорожить. Вам, надеюсь, известно, что я провел два года в Штутгофе?

— Обычно полиция знает о людях, которым доверяет свои маленькие секреты, — улыбнулся Обердорфер. — Вас отправили в концлагерь по соображениям политики?

— Вся жизнь третьего рейха была сплошной политикой. Вы — молодой человек, инспектор, вам трудно понять... Я совершил два государственных преступления. Во-первых, поставил Зейс-Инкварту диагноз — параноидальная психопатия. Это было еще до присоединения к рейху, но у гауляйтера оказалась превосходная память, что вообще характерно для невротиков. Наконец, уже перед самой войной, отверг лестное предложение штурмбанфюрера СС Гербигера-младшего бросить науку и посвятить себя нордической магии, рунам и прочей арийской белиберде. Такая вот политика... Я не надеялся выйти живым, но мне повезло. В лагерь назначили нового коменданта. Садист, наркоман, но исключительно гипнабильный субъект. Однажды наши глаза встретились, и этого оказалось вполне достаточно. Через три дня я очутился по другую сторону колючей проволоки.

— Потрясающе! Человек даже не догадывается, что его загипнотизировали, но уже действует по навязанной схеме. Неужели все так просто?

— Далеко не просто. Без применения технических средств, разумеется. Психотропные вещества, наркотики, электрические импульсы, свет, звук и другие новинки существенно облегчают задачу.

— Но вы смогли обуздать нациста за каких-то три дня голыми руками... Одними глазами, взглядом.

— Концентрация и выброс.

— Простите, профессор?

— Невозможно объяснить на словах. Слишком много неопределенных понятий. Душа, подсознание, психическая энергия — мы не знаем, что это значит. Внутренние силы? То же самое. Но представьте себе, будто вам удалось собрать в единый сверхплотный сгусток эти самые силы, которым и названия нет. Собрать и выстрелить. Словно лазер направленным импульсом света. Слишком много метафор, инспектор. Как сказал кто-то из русских поэтов, холоден и беден жалкий наш язык.

— Я понял вас, господин профессор, основной смысл... Это необратимый процесс, зомбирование? Можно ли вернуть человека в прежнее состояние?

— При традиционном гипнозе — безусловно. По крайней мере нам так представляется, хотя на самом деле... Кто знает, инспектор? Но зомбирование, жесткое зомбирование с использованием современной техники — сродни чарам, заклятию. Миллиметровые волны, мощный инфразвук, они вызывают необратимые изменения в организме, внутренний резонанс, разрушающий в конечном счете системы и органы:

сердце, печень, нервную ткань, кровообращение в целом. Боюсь, что полный возврат невозможен. Сотни тысяч людей осаждают психиатрические больницы в тщетной надежде «снять проклятие» — так и говорят! — с их родных и близких, прошедших психологическую обработку. Результаты не обнадеживают. Раб, потерявший хозяина, ищет себе другого. Вот и кочуют неприкаянные души из одной секты в другую. Вчерашний кришнаит уходит под крыло какого-нибудь Шри Райниша или Дэвида Кореша, рой, вылетевший из развороченного улья «АМУ сенрикё», разбивается на группы, образуя новые семьи. Экзорцист и святая вода тут не помогут. Чтобы изгнать дьявола, необходимо знать первоначальную программу. Кодов и паролей далеко не достаточно. Важен принцип, последовательность, я бы сказал, алгоритм. По-настоящему раскодировать способен лишь тот, кто проводил кодирование, но и в этом случае никуда не деться от соматических нарушений: гипертрофия печени, ослабление деятельности сердца, сосудистые поражения, нарушения в деятельности эндокринной системы — полная перестройка организма.

— Но индийские йоги ухитряются творить чудеса, оставаясь здоровыми людьми! Больше того, сохраняют здоровье и молодость до преклонных лет. Выходит, что не всякая перестройка опасна?

— Йога насчитывает четыре тысячи лет, а что мы знаем о ней? Практически ничего. Упражнения, которыми увлекаются европейцы, вероятно, приносят пользу, даже помогают излечивать кое-какие недуги, но это — не йога. Зеленая ряска, под которой скрывается бездонный омут. Монахи, практикующие комплекс самадхи, до конца жизни остаются в плену фантастических грез. Это заменяет им реальный мир, куда уже невозможно вернуться. Впрочем, они вряд ли помышляют о возвращении. Наша реальность в их глазах — Майя, иллюзия, обман органов чувств.

— В молодости я увлекался Шопенгауэром. «Мир, как воля и представление».

— Тогда вы прекрасно знаете, о чем идет речь. Скажу больше: к обману чувств эзотерический Восток добавил еще и обман самого процесса мышления. Не случайно, для того чтобы по-настоящему овладеть искусством медитации, необходимо научиться останавливать мысль, не думать вообще. И это, скажу вам, один из наиболее действенных факторов психологической обработки. Практически все секты — от сугубо традиционных до шарлатанских, на манер Рона Хоббарта и Асахары — основной упор делают на медитацию... Однако

наша беседа несколько затянулась. Мне пора наведаться к пациенту, — Кребс отщелкнул золотую крышку карманных часов. — Так вы не забудете дать запрос о татуировке, инспектор?

— Не извольте беспокоиться, господин профессор, — Обердорфер потянулся за портфелем. — От американцев по каналам Интерпола мы получили один образец. Быть может, вас это заинтересует? — он извлек черный конверт с цветными фотографиями татуированной девушки, обнаженной и очень хорошенькой.

Пламенеющая жрица в венце из двенадцати звезд осеняла ее юные груди крыльями простертых рук.

— Кто эта прелестная леди?

— Патриция, — на немецкий лад произнес Обердорфер, — Кемпбелл. Зомбированная наркоманка. Здесь вы найдете полный отчет. — Он достал пакет с ксерокопиями. — Американцам, кажется, удалось выделить несколько опорных понятий, произнесенных ею в состоянии абстинентного бреда, наступившего в процессе ломки. Хорсмен, — прочитал подчеркнутые английские слова, — мессенджер и так далее. Возможно, код? Вы в этом куда лучше разбираетесь.

— Позвольте, позвольте, — Кребс так и впился глазами в снимки. — Как вы сказали?.. Хорсмен, мессенджер?.. Ну, конечно! Это же Свидетельство от Иоанна! Апокалипсис! Всадник, посланец и эта огненная дама со звездами... «И явилось на небе великое знамение — жена, облаченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд...» Раз, два, — начал считать он, загибая пальцы. — Так и есть: двенадцать. Жена, облаченная в солнце[1]. Как это янки, кичащиеся приверженностью к Библии, не смогли распознать?

— Им не хватало ваших знаний, профессор, и опыта. Суровый немецкий гений — это кое-что значит! Кант, Гегель, Шопенгауэр и ваши покойные учителя: Зигмунд Фрейд и Карл Юнг.

— Не впадайте в шовинистический раж, дорогой инспектор. Юнг — швейцарец, а за Фрейда в мое время отправляли в Штутгоф, а то и в Аушвиц... The Messenger ist der Bote, — забормотал Кребс, мешая английский с немецким. — Посланьец по-русски... The Horesmen ist der Heeres, то есть Фсатник! Пойдемте со мной. Я должен немедленно испробовать.

[1] Eine Frau, mit der Sonne bekleidet *(нем.)*.

Присев у кровати Аливелиева, он приподнял ему веки, пощупал пульс, приложил допотопную деревянную трубку и прослушал сердце.

— Десять-двенадцать ударов в минуту, — Кребс озадаченно покачал головой. — Удивляюсь, как он ухитряется жить. Впрочем, вы по-своему правы, Обердорфер, йоги способны на большее. Останавливают сердце на несколько суток. Непонятно только, как питается мозг... Ладно, попробуем, — он откашлялся и, устремив взгляд на переносицу спящего, отрывисто скомандовал: — Пройсныс, Бек!

Аливелиев открыл глаза и приподнялся.

— Слюшай менья. Я — посланьец!

Реакции не последовало. Расширенные зрачки едва заметно сузились, но глядели отсутствующе, без малейшего проблеска мысли.

— Слюшай менья, Бек. Я — Фсатник!

В лице Аливелиева произошла разительная перемена. Мускулатура напряглась, он как-то весь подобрался, словно изготовясь к броску, и медленно, как космонавт в невесомости, спустил ноги на пол.

— Фстан, Бек.

Глиняный Голем послушно выпрямился и застыл в ожидании дальнейших приказаний.

— Гофори.

Аливелиев молчал.

— Отфетшай!

Никакого ответа.

Скудный запас паролей был исчерпан.

— Атум, послетнее просфетление.

Название секты тоже не произвело никакого впечатления.

— «Так фител я ф фитении коней и на них фсатникоф», — по-русски, но с характерным акцентом процитировал Кребс стих из Апокалипсиса. — Черт возьми, как же его достать?.. Я тфой фсатник, Бек, где ты нахотишса?

— Я прибыл в Вену, Петр Захарович, — нежданно забормотал Исмаил. — Меня взяли в аэропорту. Я в полиции. Что мне делать?

— Стес нету полиции. Стес я, тфой фсатник, я тебье помоху. Ты устал, Бек, спат, отыхай пока, Бек... Спат!

Аливелиев, как подрубленный, упал на постель. Напряженные черты разгладились, веки плотно сомкнулись.

— Как зовут тех русских физиков, инспектор?

— Сейчас посмотрим, господин профессор! — Обердорфер восхищенно вздохнул. — Вот это да!

— Ну же, — нетерпеливо притопнул Кребс.

— Момент! — Обердорфер нашел нужную запись. — Торба и Голобабенко, — прочитал по складам.

— Имья, отшестфо! — по-русски потребовал психиатр. На его пергаментных висках вздулись синие жилки.

— Торба Владислав Леонидович, Голобабенко Петр Захарович.

— Холопапенко и есть фсатник, — Кребс устало перевел дух. — Проповедь конца света перекликается с цитатами из Апокалипсиса. Как можно было этого не заметить?.. Иерархия секты построена на базе библейских образов. Они послужили символами и, вольно или невольно, вошли в код. Для меня это очевидно.

— Шифры, которыми пользуются секретные службы, тоже основываются на какой-нибудь произвольно выбранной книге.

— Здесь совсем иная система кодирования.

— Так точно, без перевода в цифровые группы.

— Пойдемте отсюда! В разговоре с ним нельзя употреблять таких глаголов, как отвечай, говори, признавайся, — широко шагая по коридору, рассуждал Кребс. — Он запрограммирован на допрос. Я совершенно случайно напал на вопрос: «Где ты находишься?». Он отмыкает одну из бесчисленных задвижек в его заблокированном мозгу. Не исключено, что такое предусмотрено. Как вы считаете?

— Полагаю, вы совершенно правы, профессор.

— Вы бы могли связаться с американцами, инспектор?

— Нет ничего проще.

— Обратите их внимание на жену, облаченную в солнце... A woman clothed with the sun. Пусть попробуют выяснить обстоятельства, при которых была нанесена татуировка у этой... Как ее?

— Патриция Кемпбелл.

— Вот именно!.. И вообще, Обердорфер, есть смысл расширить масштабы поисков. Интерпол ведь действует по всему миру?

— С некоторыми исключениями.

— Например?

— Много, профессор. Китай, Северная Корея, Вьетнам, Ирак, Иран — устанешь перечислять.

— А Япония?

— С Японией полный порядок.

— Отлично! — Широко распахнув дверь, профессор влетел к себе в кабинет, проявив прыть не по возрасту. Подскочив к письменному столу, украшенному бронзовым чернильным прибором со сфинксами и фараонами в стиле начала века, он, стоя,

написал библейскую сентенцию на нескольких языках. — Пусть дадут эту даму в диадеме из звезд, эту woman, во все англоязычные страны. Не исключено, что где-то и отзовется. Французов тоже не грех озадачить, — подчеркнул он строку, где значилось: «Une femme envelopée du soleiel». — Ваш германский коллега еще здесь?

— Отбыл в Гамбург.

— Пошлите ему туда.

— На английском?

— На всех языках! «Жена, облаченная в солнце!» — Кребс с чувством продекламировал грозный библейский стих. — Не берете в счет прибывающих иностранцев? Господин Аливелиев вас ничему не научил?

— Простите, господин профессор, — повинился инспектор, словно проштрафившийся студент. — Сразу как-то не сообразил.

— А это — японцам, — Кребс тщательно выписал столбцом изящные иероглифические знаки страны восходящего солнца. — От них пошло, к ним и вернется. «И возвращается ветер на круги своя».

ВАМ ПОМОЖЕТ НЕ СОДЕРЖАЩАЯ САХАР
ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА «ДИРОЛ»

Глава тридцать седьмая

ЭМБРИОНЫ

В связи со смертью девятилетней Терри Кемпбелл из города Андовер, штат Массачусетс, Невменову поручили задать несколько вопросов доктору медицины Дугласу Иглмену, открывшему частную клинику в Москве.

К несказанному удивлению шефа российского отделения Интерпола, Иглмен практиковал на территории Центральной клинической больницы, принадлежавшей ранее четвертому, кремлевскому, отделению Минздрава. Громадный кунцевский комплекс и ныне обслуживал все ветви власти, включая Президента. Для первых лиц был отведен особый корпус, оборудованный линиями связи и небольшой телестудией, позволяющей в случае экстренной надобности выйти в эфир. Огороженный внутренним периметром, корпус бдительно охранялся даже в то время, когда пустовал.

В свое время именно здесь построили декорации избирательного пункта, чтобы в последний раз явить миру Констан-

тина Устиновича Черненко, которому оставалось жить считанные часы. Все честь по чести: растроганные лица членов избирательной комиссии, кабина, урна, пока только для бюллетеня, и букет цветов, уже дышавших тленом.

Но было бы ошибочно полагать, что в кунцевской ЦКБ с тех пор ничего не изменилось. Сформировавшаяся в стране политико-экономическая система, где робкие черенки демократии причудливо мутировали на стойко укорененном подвое номенклатурной державности, а капитализм образовал уродливую химеру с социализмом, наложила свой несколько карикатурный отпечаток и на режимную медицину.

Теперь попасть сюда мог, кто угодно. Не в отдельный корпус, понятно, но безусловно в отдельную палату и, разумеется, за большие деньги. На первых порах это приводило к курьезным сценам, когда в больничных коридорах встречались старые знакомые, скажем, вор в законе и городской прокурор. При этом у вора, оплатившего пребывание твердой валютой, даже были некоторые преимущества перед служителем Фемиды, которого лечили за государственный счет.

Такая звезда криминала, как, к примеру, Китаец, поправлявший здесь здоровье после недолгой отсидки, обслуживался на уровне министра или бывшего завотделом ЦК. Человек светский и обаятельный, Нефедов мило раскланивался с прокурором, шутил с генералом милиции и поигрывал в шахматишки с последним премьером коммунистического правительства.

Некоторая странность ситуации никого особенно не смущала, ибо за высоким забором ЦКБ днем и ночью шумел еще более странный город, а за его окраинами — область и уже совершенно непостижимая умом провинция со своими президентами, ханами и секретарями обкомов.

Коммерческая деятельность больницы не ограничивалась одними платными услугами. Основной доход приносила аренда добротных, оснащенных всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами помещений. Множество фирм, преимущественно зарубежных, нашло приют под гостеприимным кровом прославленного учреждения, внесшего достойный вклад в упрочение и воспроизводство тоталитарного режима.

Воспроизводство, сугубо в биологическом, без всякой политики, аспекте, и послужило основной причиной появления доктора Иглмена в столице Российской Федерации. У себя на родине он вызвал кратковременную сенсацию изобретением сыворотки, якобы излечивающей от паралича. Материалом для ее приготовления служила зародышевая ткань и плацента, издавна использовавшаяся в производстве всевозможных омолаживающих кремов и чудодейственных мазей. Не бог

весть какая новация в медицине, но на первых порах результаты показались обнадеживающими. Тем более что, кроме инъекций, Иглмен широко использовал и методы гипноза, а также физиотерапии, которые уже сами по себе вызывали благоприятные изменения в парализованных органах. Лечение стоило дорого, один зародышевый материал обходился в тысячи долларов, но от желающих не было отбоя.

Преуспевающий врач уже подумывал о строительстве специального госпиталя и даже присмотрел подходящее местечко в штате Небраска. Щедро оплаченная реклама принесла настолько широкую известность, что Иглмен и сам уверовал в свою гениальность. Нобелевская медаль ему навряд ли светила, но оттиски статей регулярно посылались по стокгольмским адресам. Чем черт не шутит?

Черт не шутит огнем, в котором обновляется природа и все, достойное конца, обращается в пепел.

Сделаться новым Солком, подарившим благодарному человечеству вакцину против полиомиелита, Иглмену было явно не суждено.

Один за другим пациенты начали предъявлять иски. Ремиссия оказалась слишком короткой. Через пять-шесть месяцев больные возвращались в прежнее состояние. У некоторых, особенно детей, наблюдались осложнения.

В дело вмешалась врачебная комиссия, пользующаяся в США непререкаемым авторитетом, соизмеримым разве что с Верховным судом. Последовавший вердикт окончательно и бесповоротно выбил почву из-под ног Иглмена. Его сыворотка была признана в лучшем случае бесполезной, а сам он лишен лицензии. С частной практикой пришлось распрощаться. В России наглый проходимец, не имеющий врачебного диплома, мог беспрепятственно пользовать страдающих онкологическими заболеваниями, вконец отчаявшихся людей шарлатанскими средствами вроде акульей печени или ртути. И это воспринималось чуть ли не как триумф демократии. В странах традиционно демократических подобные номера не проходят. Иглмен вынужден был подчиниться закону, ибо в противном случае его ожидала многолетняя отсидка. Оплата исков, вместе с судебными издержками, полностью истощила его банковский счет. Пришлось продать дом и сменить место жительства. Перебравшись в захолустный городишко Санта-Магдалена, на самой границе с Мексикой, он занялся подпольным врачеванием в нищей среде незаконных эмигрантов, для которых любая огласка была столь же нежелательна, как и для него самого. Будучи вполне квалифицированным медиком, Иглмен исправно навещал импровизированные поселки,

где в вечном страхе перед иммиграционной службой обитали сельскохозяйственные рабочие из Латинской Америки — латинос. Заработки были грошовые, но на жизнь хватало.

В ночном баре «Кармелита», куда Иглмен частенько заглядывал пропустить стаканчик мексиканской водки, которую гонят из сока агавы, случай свел его с Леонидом Пидкоблученко, русским торговцем наркотиками, каким-то образом ухитрившимся получить «Грин кард» — вид на жительство.

Лайон, как называл себя Пидкоблученко, оказался парнем веселым и разговорчивым. Нахальный, но добродушный и с крепкой деловой хваткой, он произвел на несостоявшегося нобелевского лауреата благоприятное впечатление. Оба поняли, что знакомство может оказаться полезным.

Лайон сумел убедить Иглмена, что на неосвоенной целине СНГ его ожидает сногсшибательная карьера. Особенно убедительно выглядела статистика абортов. Что же касается материальных последствий операции, вполне легальной, эта сторона дела вообще не регулировалась законодательством. За небольшую мзду нужные ткани можно было регулярно получать из любого родильного дома. От проблем материнства и младенчества Пидкоблученко был весьма далек, но от прежней своей клиентуры, молодых проституток по преимуществу, успел нахвататься полезных сведений. Предложив Иглмену заключить партнерское соглашение, он брался за свой счет организовать ознакомительную поездку.

Визиту предшествовала умно построенная реклама, в которой приняли деятельное участие ведущие развлекательных передач и звезды эстрады. Для пропаганды сыворотки, к вящему удивлению массачусетского целителя, не понадобилось никаких документов. «Третий глаз», «Ваше здоровье», «Экстро-пси» и «Среди тайн и чудес», вкупе с поп-группой Антона Изотова, раздули славу заокеанского гастролера до тропосферы, слоя Хевисайда и поясов Ван-Аллена, то есть попросту до небес.

Оплачивалось телевизионное время и, неофициально, услуги заинтересованных лиц, доброе отношение вообще. Пидкоблученко точно знал, кому и сколько.

Следующей ступенью стало появление Иглмена в передаче «Новинки науки». Невзирая на тощую аудиторию — всего четыре процента, она имела первостепенное значение для претворения грандиозного проекта в жизнь.

С благословения ведущего, Иглмена усадили за один стол со светилами отечественной науки: вице-президентом Академии наук Викториным и первым человеком Академии медицины Подкладочниковым. После передачи все участники,

вместе со съемочной группой, отправились в ресторан, который, как оказалось, был частной собственностью нескольких именитых академиков.

Воистину Россия представляла собой страну неограниченных возможностей, новое Эльдорадо. Лайон Пидл не соврал. На родине предков Пидкоблученко изъяснялся исключительно по-английски, скверно, надо сказать, что ничуть не мешало ему развернуться на широкую ногу, скорее способствовало. В его руках неожиданно оказались миллионы долларов, пусть и сомнительного происхождения, но настоящих, коими он и распорядился более чем успешно. Нашелся крупный предприниматель господин Николай Авдеев, который инвестировал в акционерное общество «Иглмен, Пидл и компания» сорок процентов уставного капитала.

С помощью высоких знакомств удалось арендовать целый этаж в одном из корпусов самой престижной в СНГ клинической больницы. Успех превзошел самые смелые ожидания. С биологической тканью тоже устроилось наилучшим образом. За скромную оплату материал бесперебойно поставляло руководство соседнего отделения акушерства и гинекологии. Женщины, желавшие прервать беременность, обслуживались там совершенно бесплатно. В обмен на услуги, обслуживание и превосходное питание они охотно шли на отказ от претензий. Им и в голову не могло прийти оговаривать какими бы то ни было условиями отходы производства, которые все равно подлежали уничтожению. Лишь в самые последние годы возникшие повсеместно салоны красоты и косметические кабинеты начали использовать плаценту, но все равно цены на уникальное биологическое сырье не шли ни в какое сравнение с мировыми.

Все таким образом сулило сказочную прибыль.

Набранный персонал, хоть и получал высокую по здешним стандартам зарплату, но даже у профессора она составляла десятую часть жалованья медсестры в США. И материнство в России значительно помолодело, что позволяло получать ткань, отличающуюся особой жизненной силой. Об этом, разумеется, под большим секретом лечащие врачи уведомляли своих наиболее состоятельных пациентов. Разбитым порезом рамаликам особенно импонировала перспектива омоложения за счет юной крови.

Как специалист Иглмен не мог не знать, что все это чистейшей воды легенда, но если мифы приносят реальный доход, их называют иначе.

Посоветовавшись с партнерами, Иглмен установил за полный курс лечения умеренную плату в десять тысяч долларов.

Ему пришлось организовать в аэропорту Шереметьево пункт по встрече и охране пассажиров, прилетавших со всех концов планеты, включая США. Крепкие молодые люди на руках поднимали тележки с больными и, закрепив их в автобусе, бросались за багажом. Сопровождающие родственники с первой же минуты могли убедиться, что сделали правильный выбор, решив довериться Дугласу Иглмену, хоть он и обосновался в небезопасной для жизни стране. Да и где нынче найдешь безопасное место?

Из Северной Америки и Европы везли по большей части детей, а из Арабских Эмиратов — стареющих шейхов. Не первого круга, но достаточно богатых, чтобы содрать с них хотя бы вдвое.

У Пидла руки так и чесались, но Иглмен оставался непреклонен: цены и уровень обслуживания должны быть одинаковыми для всех. Это создавало соответствующее реноме, необходимое для того, чтобы поставить дело на поток.

Наверное, так бы и произошло, несмотря на подмоченную репутацию и иронические заметки в американской печати, если бы не казус с маленькой Терри. Обиднее всего, что после месячного пребывания в Кунцеве у нее действительно произошло улучшение. Она даже начала самостоятельно ходить, катя впереди себя опорную штангу на поворотных колесиках.

Произошло непредвиденное. Возвратившись вместе с родителями к себе в Новую Англию, Терри на второй день занемогла. У нее подскочила температура, начались сильные боли в животе. В бессознательном состоянии девочку доставили в местный госпиталь, превосходящий по уровню ЦКБ. Однако, несмотря на новейшее оборудование и героические усилия персонала, она скончалась, стыдно сказать, от сепсиса.

Родители подали в суд. Дед Терри, бывший сенатор, едва не потерявший собственную красавицу дочь, поднял кампанию в прессе. Трудно сказать, какая сила заставила вмешаться Федеральное бюро расследований. Едва ли в Вашингтоне сочли, что деятельность доктора Иглмена представляет собой угрозу Соединенным Штатам.

Юридически запрет на профессию терял свою силу за границей. Теперь Россия должна была решать, приносит ли врачебная деятельность Иглмена вред или же, напротив, пользу. Смерть юной американской гражданки существенно меняла ситуацию, но не до такой степени, чтобы палить из пушек по воробьям.

Роковую роль сыграли родственные связи. Не столько вес экс-сенатора, сколько загадочная болезнь его дочери Патри-

ции, двоюродной сестры бедняжки Терри. Так уж случилось, что Пат серьезно заинтересовала не только FBI, но и Федеральную секретную службу, и Интерпол.

У Невменова были все основания нанести визит в кунцевскую больницу. По сведениям, поступавшим в Лионский центр из различных источников, Иглмен подозревался в связях с торговцами наркотиками. Возглавляемое им акционерное общество фактически служило для отмывания денег вора в законе Нефедова. Положение, однако, осложнялось тем, что Москва не имела формальных претензий к Китайцу. Представленные Интерполу данные на Нефедова и его представителя в России Авдеева носили полуофициальный характер. Учитывая влиятельных покровителей Иглмена, действовать надлежало предельно осторожно. Едва ли в ЦКБ захотят лишиться неиссякаемого источника валюты.

Иглмен принял представителя Интерпола со скрытой настороженностью, но довольно любезно.

— Хотите выпить? — предложил он, взяв с полки объемистые стаканы с толстенным дном.

— Хочу, но служебная этика не позволяет. Я бы хотел задать вам несколько вопросов, мистер Иглмен.

— Должен ли я пригласить моего адвоката?

— Как будет угодно, но, полагаю, вам нечего беспокоиться.

— Все-таки я не совсем понимаю, почему моей скромной персоной заинтересовался Интерпол? Я не преступник, не скрываюсь от полиции, исправно плачу налоги. В чем, собственно, дело? Травля, которую поднял клан Кемпбеллов, не дает никаких оснований ущемлять мои права. Моей вины в смерти девочки нет. Уверен, что на суде это будет доказано. Копия истории болезни уже находится у атторнея[1] округа. Когда будет определена дата слушания, я возвращусь в Штаты. Чего еще от меня нужно?

Невменов мысленно признал правоту Иглмена. FBI в какой-то мере подставило Интерпол. Они сами могли взять у него нужные показания через свое представительство. Мания запутывать собственные ходы, по-видимому, в крови у спецслужб. Так накрутят, что сами потом разобраться не могут.

— Мой визит не имеет отношения к Терри Кемпбелл. Вы интересуете нас только как свидетель.

— Свидетель чего?

— Вы достаточно хорошо знаете своего делового партнера, мистер Иглмен?

---

[1] Прокурор.

— Лайона Пидла?

— Да, Леонида Пидкоблученко.

— Лайона сейчас нет в Москве, — изменился в лице Иглмен. Вопрос явно застал его врасплох. — Он в Нью-Йорке. А что произошло?

— Пидкоблученко арестован по обвинению в контрабанде наркотиков.

— Не может быть!

— Мне тоже казалось, что солидный предприниматель не станет ввязываться в грязные дела. По меньшей мере неразумно ставить под удар процветающий бизнес. Ведь до последнего времени вам не на что было жаловаться, не так ли? — полностью завладел инициативой Невменов. — Сожалею, но должен вас огорчить. Пидкоблученко взяли в районе нью-йоркских доков при получении нескольких килограммов героина и десяти рулонов туалетной бумаги, пропитанной ЛСД. Для вас это неожиданность?

— В голове не укладывается. Просто невероятно!.. Когда это случилось?

— Три дня назад. Пидкоблученко предъявлено официальное обвинение. По американским законам, ему грозит пожизненное заключение. Вероятно, вас привлекут в качестве свидетеля, мистер Иглмен.

— Я ничего не знал об этой стороне его деятельности. Какой жестокий удар! Я — и вдруг наркотики? Ужасно!

На доктора жалко было смотреть. Он пребывал в состоянии, близком к шоку.

— Так-таки и не знали?..

— Уверяю вас.

— И про источники финансов? Вы должны понимать, доктор, что над вашей фирмой нависла серьезная угроза. Предприятие фактически создано на средства наркомафии.

— Только теперь я начинаю понимать, какую жестокую шутку сыграл со мной этот Пидл... Мы познакомились с ним в позапрошлом году в городе Санта-Магдалена. Сейчас-то я вспоминаю: про него действительно ходили нехорошие слухи, но я не придавал им значения. У каждого в прошлом есть темные пятна. Мало ли чем приходится заниматься, если ты на мели? Лично я никогда не изменял врачебному долгу. Моими пациентами в основном были нищие мексиканцы, которым нечем было заплатить за лечение.

— Насколько я понимаю, у вас в то время уже не было надлежащей лицензии? — Невменов вновь дал понять, что ему известна вся подноготная.

— В России никто этим не интересовался.

— Недавно принят соответствующий закон, но он не имеет обратной силы. Здесь вам пока ничего не грозит, доктор.

— Пока?

— Если вы намерены продолжить практику, вам придется доказать ваше право заниматься врачебной деятельностью.

— Я дипломированный специалист, доктор медицины.

— Ассоциация американских врачей поставила под сомнение ваши дипломы.

— Интриги завистников. Подлый заговор лжецов и ничтожеств! — пришел в волнение Иглмен. — Если бы вы знали, сколько новаторов они погубили!

Невменов догадался, что сыплет соль на старую рану, и усилил натиск.

— Где вы защищали диссертацию, мистер Иглмен?

— В Германии, в Гейдельберге. Моим учителем был профессор Конрад Кранц. Это величайший ученый нашего времени. Его отеческое участие и квалифицированная помощь очень помогли мне при создании сыворотки.

— Странно, — Невменов задумчиво оглядел ряды банок с препаратами в высоких, до потолка, шкафах. Обесцвеченные формалином зародыши напоминали причудливых земноводных. — Вы не ошибаетесь?

— Простите, но я не совсем понимаю...

— Профессор Кранц, по-моему, дал отрицательный отзыв на ваши исследования?

— Первый раз слышу. Когда? Кто посылал на заключение?

— Если не ошибаюсь, американская ассоциация врачей. По материалам, которыми я располагаю, профессор оказался в неловком положении. Он с трудом вспомнил ваше имя, доктор Иглмен.

— Старый человек!.. Милый, добрый чудак.

— Вполне возможно. В архивах Гейдельбергского университета нет никаких сведений о вашей диссертации, но семинар Кранца вы действительно посещали... В течение трех месяцев.

— Клевета! Я проработал в Германии больше года.

— Не берусь спорить. Если вы, как утверждаете, ничего не знали о контрабанде наркотиков и не принимали прямого участия в отмывании мафиозных денег, Интерпол не выдвинет против вас обвинений. Вполне допускаю, что вы стали жертвой махинаций Пидкоблученко.

— Так и есть, сэр. Можете мне верить.

— Я-то вам верю, мистер Иглмен, никто не застрахован от обмана. Надеюсь, недоразумение разрешится в ходе про-

цесса. Однако в глазах американской юстиции ваше положение выглядит достаточно сложно. Я не поднимал вопроса о Терри Кемпбелл, но, коль скоро вы сами упомянули о ней, хочу напомнить, что она американская гражданка. Казус с лицензией может приобрести нежелательную для вас остроту. Среди ваших пациентов были и другие американцы?

Иглмен молча пожал плечами. Крыть было нечем.

— Позволю дать совет, — выдержав тяжелую паузу, мягко заметил Сергей Платонович. — Вашему адвокату следует заключить сделку с юстицией. Такое, насколько могу знать, широко принято в судебной практике. Верно?.. Если вы дадите показания против Пидкоблученко, я почти уверен, что власти отнесутся к вам снисходительно. Вашу вину в смерти Терри доказать не так-то просто. Да вы сами это хорошо знаете.

— Вас уполномочили вступить со мной в переговоры?

— Вовсе нет. Я только высказываю свое личное мнение.

— Спасибо за совет, но мне необходимы гарантии.

— Увы, не в моей власти их вам дать. Я ведь даже не гражданин Соединенных Штатов. Все будет зависеть от благосклонности федеральных служб и, простите, изворотливости вашего адвоката. Говоря грубо, надо уметь продать сотрудничество за хорошую цену. Вы меня понимаете, доктор?.. А вам есть, что предложить правосудию, кроме Пидкоблученко.

— Кого вы имеете в виду?

— Мистера Нефедова, например? По прозвищу Китаец.

— Первый раз слышу.

— Между тем ему принадлежит контрольный пакет вашего предприятия.

— Не может быть! Вас ввели в заблуждение.

— Не думаю... Авдеев вам тоже не известен?

— Господина Николая Авдеева хорошо знаю. Он действительно вложил некоторую сумму в уставный фонд.

— Некоторую сумму! Вы наивный человек, доктор. Авдеев, деликатно выражаясь, доверенное лицо Нефедова, а ваш Лайон Пидл — не более чем подставная фигура. Российским властям, кстати, известно, что под крышей лечебного учреждения свила гнездо наркомафия. Вас обложили со всех сторон, как это не прискорбно.

— Что же мне делать? — упавшим голосом спросил Иглмен.

— Пока вам не предъявили официального обвинения, есть полный смысл воспользоваться моим советом. Вы должны делом доказать, что являетесь жертвой обмана, а не соучастником преступления.

— Но почему это говорите мне вы, а не американская полиция?

— Очевидно, на то есть веские причины. Я не знаю всей подоплеки. И, честно говоря, не очень интересуюсь. Вам, надеюсь, известно, что американская полиция входит в Интерпол? Чего же тогда еще? Она вправе дать нам любое поручение, не затрудняя себя объяснениями. Понимаете? Теми же правами наделены правоохранительные органы всех входящих в организацию стран. Включая Россию, под юрисдикцией которой вы ныне находитесь.

— Что я должен сделать?

— Вы правильно оценили свое положение, мистер Иглмен, — Невменов ободряюще улыбнулся. — Могу я сообщить, что достигнута предварительная договоренность?

— Я сегодня же дам необходимые указания адвокату. Пусть договорится об условиях.

— Разумное решение. Со своей стороны, хочу заверить, что поддержка Интерпола не повредит вам даже в Америке.

— Наверное, коль скоро они уполномочили вас... Вы обещаете поддержать меня?

— Как и любого, кто оказывает правосудию добровольную помощь. Будем считать, что с этого момента на вас распространяется федеральный закон о защите свидетелей.

— Вы шутите!

— Ничуть. Конечно, последнее слово принадлежит моим американским коллегам, но это уже чистая формальность. Все зависит от вас.

— Я постараюсь не подвести.

— Между прочим, доктор Иглмен, вы случайно не занимаетесь трансплантацией?

— Что вы! Я же не хирург.

— А это откуда? — Невменов указал на банку, в которой плавала какая-то темная масса.

— Редкостный образец! — приободрился Иглмен. — Мы получили его из института, с которым ведем совместные исследования по иммунологии.

— Печень?

— И какая! Самая крупная в мире.

— Особенно для зародыша... Нам предстоит еще о многом поговорить, мистер Иглмен.

Умело разыграв дебют, Сергей Платонович совершенно неожиданно натолкнулся на вариант, не предусмотренный в классическом продолжении. Благоразумие подсказывало отложить партию во избежание опасного обострения, которым всегда чревата импровизация.

Он не мог знать, что нью-йоркские детективы фактически сорвали совместную операцию секретной службы и FBI.

Ход, однако, был сделан.

Глава тридцать восьмая

НЬЮ-ЙОРК

Дилайла Брейтуэйт и Майкл Кузнецов проводили машину Пидкоблученко до двадцать седьмого причала. Более гиблую дыру трудно сыскать даже на задворках Рио или Порт-о-Пренса. Около старого склада, чья искалеченная арматура и проломы в стенах живо напоминали кадры, отснятые где-нибудь в Грозном или в Сараево, возводился стальной каркас для суперсовременного хранилища контейнеров фирмы «Атлантик». Вся территория вокруг была завалена готовыми панелями и многотонными тавровыми балками. То и дело путь преграждали завалы: ржавые, искалеченные рельсы, груды разбитого бетона, нагромождения железных бочек, проволочные спирали, катушки кабеля. Ехать с погашенными фарами было самоубийственно.

Пришлось оставить автомобиль возле крана, стрелой нависшего над клоакой ковша, и пробираться на своих двоих. Пока лунный серп скрывался за дымчатым облаком, часть пути удалось пробежать по рельсовой колее. От беспросветной, подернутой масляной пленкой воды несло отвратительной вонью. Здоровенные крысы, не выказывая страха, лениво перебегали дорогу.

Полосу мрака простегивала цепочка красных фонарей ограждения, за которым вырисовывались сварные конструкции каркаса. Закрывавшие подвальный этаж волнистые листы отблескивали вишневым накалом.

Вполне подходящие декорации для фильма ужасов.

По левую сторону, далеко на рейде, переливались огнями стоящие на якоре суда. Вдоль береговой, плавно выгнутой линии сновали, отражаясь в черном лаке, неугомонные буксиры.

Один Бог знает, сколько трупов нашли последний приют в этих старых ковшах, скользких от слизи и въевшегося в каменные поры мазута.

Пидкоблученко свободно ориентировался в нагромождении индустриального хлама. Видимо, не раз наезжал сюда за очередной партией наркотической дряни. Закладывая крутые, стремительные повороты, он пересек строительную площадку,

на полном ходу влетел в кромешную мглу портала и заглушил мотор.

— Подождем тут, — Дилайла коснулась плеча Кузнецова.

В их задачу входило зафиксировать момент передачи и продолжать слежку, не обнаруживая себя, как бы не развивались события. Рано или поздно, Пидкоблученко выведет на Чжан Канкана. Брать обоих будут уже люди из Федеральной секретной службы, а непосредственно контрабандистами займется группа захвата, с которой Брейтуэйт постоянно находилась на связи. При любом варианте Пидкоблученко не должен ничего заподозрить.

Минул час, пошел другой, а он не подавал признаков жизни. Напрасно Кузнецов, напрягая зрение, обшаривал ночным биноклем окрестности стройки.

— Возможно, они уже там, — шепнул он Дилайле. — Гангстеры любят устраивать встречи в подобных местах. В случае чего, можно и счеты свести, а то и скрыться, коли понадобится... Интересно, где наши?

— Надеюсь, на подходе.

— Неизвестно, откуда он выедет. Мы успеем добежать до машины?

— Живи текущим моментом, Майк, и гляди в оба.

Поставщики могли появиться с любой стороны. В прошлом году они ухитрились доставить груз на дельтаплане, запущенном с борта какой-нибудь ржавой посудины, которую не жалко и затопить. Черного, невидимого в ночи птеродактиля случайно засек патрульный вертолет. С той поры воздушная полиция регулярно барражировала вдоль побережья.

Вот и сейчас полыхающий светом геликоптер с грохотом пронесся над дугой волнореза. На фоне зарева, окутавшего великий город, он казался хрустальным яйцом, заброшенным из неведомого мира. Под беспощадными струями прожекторов море вскипало фосфорическими сполохами. Мигали опознавательные сигналы трансатлантических лайнеров, идущих на посадку в Ла Гуардию, колючими звездами проблескивали дальние маяки.

Все, что угодно могло случиться под мерцающим куполом этой фантастической ночи, наполненной тенями и призраками, не помышляющими о сне.

— Он мог взять мешочки и преспокойно убраться, — не выдержал долгого ожидания Кузнецов.

— А машина?

— Подумаешь! Наверняка где-то поблизости ждет другая. Возможен такой вариант?

— Поздно обсуждать варианты. Лучше смотри.

— Я и смотрю, Ди. Ни черта не видно. Знать бы, откуда ждать. Я почему-то думал, что они приплывут на лодке.

— Как в кино? В жизни все проще.

— Будь я на их месте... Вот он! — Майкл едва удержался от возгласа.

В сумеречном круге ночного бинокля Пидкоблученко напоминал ожившую гипсовую скульптуру. Держась за сваи, к которым были прибиты автомобильные покрышки, он добрался до проложенного вдоль пирса трубопровода и сполз вниз, скрывшись из поля зрения.

— Спустился к воде, — пробормотал Майкл.

— Что? Ты его видишь?

— Уже нет. Наверное, у них там лодка.

— Далась тебе эта лодка! — Дилайла забрала у него бинокль. — Почему не тайник?

На сей раз ожидание не затянулось. «Объект», как называла Пидкоблученко Брейтуэйт, докладывая о каждом его шаге по рации, вылез на причал и, усевшись на кнехт, принялся вытягивать из ковша невидимую веревку. Вскоре в его руках оказался цилиндрический предмет с ручкой, как у канистры для бензина. Тщательно обтерев добытую емкость со всех сторон, полуночный рыбак взялся за другую, выуженную тем же путем.

— Фунтов на двадцать, — определила на глаз Дилайла.

— Значит, все же тайник?

— Или водолазы.

— Наверняка водолазы, — Майкл приник к биноклю. — Он уходит. Пойдем к машине?

Дилайла не успела ответить, как мглу пронзили дымные струи прожекторов. Визжа сиренами и полыхая разноцветными мигалками, на причал с двух сторон ворвались рычащие черно-желтые лимузины.

Пидкоблученко заметался, как заяц, под фарами, но, выскакивая на ходу, полицейские отрезали пути к бегству. Со стороны моря, разрывая ночь огнями и воем, летел, вздымая буруны, катер с пулеметами на носу.

В ответ на недоуменный взгляд Кузнецова Дилайла только пожала плечами.

Отшвырнув добычу, Пидкоблученко кинулся к сваям. Едва ли он надеялся спрятаться под причалом, да и прыжок в воду не обещал ничего хорошего: катер, сбросив обороты, уже вплывал в ковш. Но перспектива провести лучшую часть жизни в тюрьме тоже не улыбалась вольнолюбивому одесситу. Замерев на самом краю, словно перед прыжком с вышки, он

обреченно махнул рукой и попятился. Глянув через плечо, зажмурился и медленно повернулся, закрываясь руками от всепроникающего сияния. Время остановило свой ход.

Не видя нацеленных револьверов, не слыша орущего мегафона, не чувствуя притяжения Земли, он плавно рванулся в сторону и почти на лету выхватил пистолет.

Пуля достала его в прыжке. И вновь завертелись зубчатые колесики вселенского механизма. И тот несказанный свет, что открывается бестелесной душе в последнем полете, поглотил изначальный хаос. На пыльных, замусоренных плитах причала, как на сцене в скрещении софитов, в муках и корчах отделялась от тела, обретшего тяжесть, грешная эта душа.

— О нет! — простонала Дилайла Брейтуэйт.

— Как глупо, — вздохнул Кузнецов.

Из-за дальних морей на западное побережье спешил рассвет. Незаметно пролетевшая ночь принесла удачу детективу Моркрофту. Окружной судья, приняв к сведению сообщение о бумажных салфеточках, разрешил прослушивание телефонных разговоров преподобного Пола О'Греди.

Ни в чем не отступая от привычного распорядка, Моркрофт раскрыл глаза за минуту до того, как должен был прозвенеть будильник. Он отлично выспался, и яркий солнечный свет, пробивавшийся сквозь занавеси, лишний раз напомнил ему, что жизнь прекрасна сама по себе, вне зависимости от наших надежд и разочарований. Стараясь не разбудить жену, он прокрался в ванную, затем, так же беззвучно ступая, выскользнул на улицу. Тридцатиминутный бег, когда ничего не видишь перед собой и ни о чем не думаешь, целиком отдаваясь движению, взбодрил тело и провентилировал мозг.

Захватив на обратном пути пачку газет, брошенную у самого порога, он вошел в дом и, прежде чем подняться в спальню, заглянул в кухню, где уже орудовала жена. Вкусный дух кофе и поджаренных тостов ударил в ноздри.

— Доброе утро, Клер. Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, Сэм. Доброе утро.

— Аннабель еще не вставала?

— Ты же знаешь ее. Будет валяться до последней минуты.

— Надеюсь, она все же поспеет к школьному автобусу.

Положительно денек начинался недурно. Жара спала. Бабочка-нектарница зависла в полете над чашечкой распустившегося цветка. Моркрофт забыл, как он называется. Надо будет спросить у Клер. Ей стоило героических усилий уберечь

свои клумбы. Моркрофт был равнодушен к бабочкам и цветам, но не любил перемен. Все должно оставаться на своих местах: газон, клумбы и это странное существо с длинным хоботком, похожее на птичку-колибри.

Радость жизни он черпал в неизменности ее отлаженного, как часы, хода. Поджаренная ветчина завернулась до нужной кондиции, грейпфрут попался с приятной горчинкой, молоко к кукурузным хлопьям в меру нагрето. Чего же еще желать?

Прихлебывая черный — полтора кусочка сахара! — кофе из фаянсовой кружки, подаренной сослуживцами в день тридцатилетия, Моркрофт развернул «Нью-Йорк таймс». Клайв Доусон, пожалуй, наиболее проницательный и отлично информированный обозреватель, разразился статьей на три четверти полосы: «Готова ли Америка к Армагеддону?» Название привлекло внимание. Ссылаясь на анонимный источник израильской разведки «Шин Бет», Доусон последовательно и неуклонно развивал мысль, показавшуюся Моркрофту почти невероятной. По мнению журналиста, сигналом к светопреставлению мог послужить террористический акт в районе древнего города Мегиддо, где, согласно тексту Апокалипсиса, суждено разыграться последней битве между силами света и тьмы. Взрыв сравнительно небольшого атомного устройства Доусон уподоблял тому самому трубному гласу, за которым последует самое настоящее светопреставление.

«Кто способен сегодня взять на себя роль провидения? — исподволь подводил своего читателя Клайв Доусон к основной мысли. — Кощунственно присвоить себе прерогативы высшего распорядителя судеб? Только дьявол. Честно спросим себя, верим ли мы в существование дьявола? Кто-то, возможно, и верит, но, смею надеяться, большинство американцев относится к подобной идее спокойно, я бы даже рискнул сказать, скептически. В самом деле, дьявол это не что иное как персонифицированное зло. Существует ли зло в нашем мире? Бесспорно. Злое начало, угнездившееся в сердцах, является источником чудовищных преступлений, с которыми мы сталкиваемся почти ежечасно. Убийства, насилие, циничное издевательство над человеческой личностью и т. д. и т. п. — все это было, есть и, очевидно, пребудет с нами, доколе ангел Иоанна проповедника и на самом деле не врежет нам в уши порядочную порцию децибелов».

Отставив недопитую кружку, Моркрофт с головой погрузился в чтение, хотя обычно за завтраком лишь проглядывал заголовки. Для категорических выводов статье недоставало фактов, но темперамент и системность мышления, свойствен-

ные Доусону, невольно втягивали в процесс его умозаключений, не всегда достаточно доказательных, но сплошь и рядом парадоксальных.

«Не будучи большим знатоком истории, я все же полагаю, что суммарная мера зла во все времена оставалась примерно на одном уровне. Где-то побольше, где-то поменьше, но, в общем и целом, баланс между светом и тьмой соблюдался.

Наш двадцатый век — исключение. Породив две противоположные, но родственные, как магнитные полюса, силы — коммунизм и фашизм, он нарушил шаткое равновесие, склонив чашу иррационального зла до самой земли. Казалось бы, крах нацизма во второй мировой войне и развал коммунизма в Восточной Европе знаменовали собой начало совершенно новой эпохи в истории человечества, но, как не прискорбно, этого не случилось. Тому я вижу две основные причины: средства массового уничтожения, способные с тысячекратным запасом взорвать планету, и то самое первородное зло, которое прочно угнездилось в душах живущих ныне поколений. Исчезли лишь осенявшие его знамена, а самое зло продолжает существовать. Впрочем, и кровавого цвета полотнища по-прежнему сопровождают марширующие шеренги недоумков, преисполненных ненависти, не способных к созиданию, но готовых бить и крушить. Вглядитесь в процессы, происходящие в бывшем Советском Союзе, в бывшей опять-таки Югославии, где была развязана первая мировая война, положившая конец прекраснодушным надеждам на неуклонный прогресс. Присмотритесь к тому, что делается в самой России, где обездоленные толпы, разуверившись в обманувшем их призраке демократии, готовы вновь лизать сапоги новоявленным фюрерам. Исторический курьез: портреты Сталина и Гитлера колышутся рядом в одних колоннах. По количеству нацистских газет Россия — страна-победительница — переплюнула «Третий рейх». Вам это ни о чем не говорит? Империя зла рухнула, как карточный домик, но осталось зло, перехлестнувшее за колючую проволоку. Нет ни пресловутого «железного занавеса», ни Берлинской стены, но нет и палки, способной держать разрушительное начало на грани вселенской катастрофы.

Через порушенные границы хлынул поток наркотиков из Афганистана и Средней Азии, уран и плутоний из России и Украины. Страны свободного мира испытали на себе настоящее нашествие самых отпетых и безжалостных гангстеров, в сравнении с которыми «крестные отцы» — лишь кучка дилетантов с копьем Дон-Кихота. Будем надеяться, что с этой публикой полиция еще как-нибудь справится. В Германии,

Франции, Канаде тоже создаются особые подразделения по борьбе с русской преступностью. Куда хуже обстоят дела с международным терроризмом. Отныне он полностью бесконтролен. Банды убийц, которые готовились на спецполигонах, оказались предоставленными сами себе».

На последней фразе Моркрофт задержал внимание. Он и сам подозревал, что в преступном мире происходят в последнее время сложные структурные перестройки. Зная приблизительно, по каким каналам распространяются наркотики, поступающие через афганскую границу, не приходилось гадать, почему в Таджикистане не затихает гражданская война. Исламский фактор играет здесь явно второстепенную роль. Под сенью зеленого знамени скрывается разветвленный бизнес в миллиарды долларов.

Они, эти грязные деньги, разлагают души почище гашиша и опиума. Коррупция военных и чиновничества от Душанбе до Москвы — прямое следствие. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы держать границу открытой, а это означает по сути перманентную войну. Но поддерживать напряженность невозможно без поставок оружия. Сращение наркобизнеса и контрабанды военным имуществом предопределено самой судьбой. Едва ли кремлевские стратеги задумывались об этом, планируя быструю смену власти в Кабуле. Чечня, с ее почти поголовной криминализацией и все под тем же лозунгом возвращения к шариату, стала вторым этапом сползания в пропасть. Оружие, наркотики, нефть. Похоже, и этой более чем странной войне не суждено скорое окончание.

Моркрофт с удовлетворением убедился, что шел параллельным курсом с логикой Доусона. Выводы совпадали почти полностью. Единственное, о чем он особенно не задумывался, была бомба. Для журналиста же она стала чем-то вроде маниакальной идеи.

«Лишившись единого политического центра и источников финансирования, они быстро нашли выход из положения. Бывшие офицеры КГБ, перейдя на службу в мафиозные коммерческие структуры и откровенно бандитские группировки, не забыли своих подопечных. В какой-то мере положение даже упростилось. На смену идеологическим установкам пришел голый чистоган. В России ныне можно купить любое оружие, вплоть до самых современных танков Т-80 и бомбардировщиков-истребителей МиГ-29. Не приходится удивляться, что кровавая рука террориста потянулась к атомной бомбе. Диктаторские режимы на Среднем и Ближнем Востоке, как известно, давно одержимы ядерными амбициями. Действующие

под их патронажем формирования фундаменталистского толка наладили постоянный контакт с поставщиками расщепляющихся и радиоактивных материалов. Преследуются по крайней мере две параллельные цели: ближняя и более отдаленная. Ближняя заключается в стремлении во что бы то ни стало сорвать мирный процесс, чего никак не удается посредством обычной взрывчатки. Отдаленная: установление фундаменталистских режимов во всем исламском мире. Для этого и необходимо обзавестись собственным ядерным оружием в противовес главным врагам: Соединенным Штатам и Израилю. Определенные надежды, особенно в Ираке, возлагаются на реставрацию в Москве коммунистического режима. Симпатии, которые испытывает к Саддаму Хуссейну шовинистически настроенная часть номенклатуры, не составляют секрета, равно как и врожденная антипатия к западным ценностям, американскому образу жизни, вообще к Америке».

Далее говорилось уже о том, как суммируется и умножается зло, как порождает, превысив критическую массу, цепную реакцию насилия, чудовищных преступлений, аморализма и лжи.

«Это и есть дьявол, лишенный плоти и облика, — заканчивал на апокалиптической ноте Доусон. — Он вездесущ, ибо помимо очагов его власти, что подобно гулаговским островам запятнали чуть ли не весь земной шар, посеянные им плевелы проросли и в наших душах. Мы сами не ведаем, сколь велики наши силы. Ясно одно: если в каждом из нас, кому дороги идеалы гуманизма, недостанет воли встать на их защиту, восторжествует, и на сей раз окончательно, злое начало. Это и будет дьявол во плоти. «Зверь из бездны». Король Ужаса, чей приход предрекал Нострадамус, обозначив точную дату: 1999 год.

Возможно, я разочарую кое-кого, предположив, что мы не увидим всадников Апокалипсиса, скачущих по земле, усеянной трупами. В атомном вихре не уцелеет ничто. Даже скелеты, поднявшиеся на трубный зов из поваленных гробов. Не острую косу будут сжимать фаланги леди по имени Смерть, ни чашки весов, ни часы, из которых утекает последний песок. Урановая бомба, капсула с бактериями сибирской язвы, контейнер с кобальтом-60 — вот какие средства находятся в руках тех, кто готовит судный день всем нам. Здесь нет никакого преувеличения. И в Иране, и в Ираке далеко продвинулись на пути к ядерному оружию, чуть ли не каждый месяц поступают сообщения о задержании контрабандистов с плутонием и ураном. Хуссейн признал, что располагает боеголовками, начиненными смертельными микробами и бинарным газом.

Суммируйте это в своем мозгу, сопоставьте с арсеналом, обнаруженным японской полицией в тайниках «АУМ сенрикё», и вы содрогнетесь при мысли о том, что находились на краю пропасти. Токийский сценарий, как стало известно из достоверных источников, должен был повториться в Нью-Йорке и Москве, откуда, хочу лишний раз напомнить, Асахара получал взрывчатку, оружие и компоненты для получения нервно-паралитических газов.

Что ж, поздравляю, апокалипсис-1997, кажется, сорвался ценой жизни и здоровья тысяч японцев, но грядет 1999-й, канонический, роковой.

С того дня, как «Энола Гейл» сбросила бомбу на Хиросиму, минуло пятьдесят лет. Конструкция атомного заряда давно не составляет секрета. Все упирается в расщепляющиеся материалы, а они поступают день за днем, час за часом. Будьте уверены, что где-то, быть может, под самым носом у кого-то из вас, идет кропотливая невидимая работа.

Человеконенавистничество вечно прячется за какой-нибудь идеологической маской. Возомнив себя представителями высшей расы, нацисты умертвили миллионы людей. В случае их победы газовая камера ожидала целые народы. Это укладывается в нормальном мозгу? Не в пример Гитлеру Сталин, на словах, леди и джентльмены, на словах, отстаивал принцип так называемого пролетарского интернационализма, иначе говоря, мировой борьбы классов. Во имя маниакальной идеи коммунисты тоже десятками миллионов уничтожали людей. Преимущественно своих же соотечественников. Фанатизм, в том числе и религиозный, тоже маска. Вспомните костры инквизиции. Вспомните, наконец, сэйлемские виселицы. Тоталитарное сектантство не изменилось ни на йоту за долгие века. Неужели взрыв в Оклахома-Сити ничему нас не научил? Дэвид Кореш? Джимми Джонс? Наркотики, яды, изотопы, микробы — все зубы дракона находятся сегодня в одной корзине. Вы хотите знать имя хозяина? Я тоже. Давайте спросим нашего президента, CIA, FBI — кому положено быть начеку, кого мы оплачиваем. Иначе, как знать, не пожелает ли новый Асахара подсластить наши последние муки хорошеньким фейерверком?

Отчего бы не грохнуть, как следует, в предуказанном месте? В Мегиддо!

Это и будет сигнальной ракетой часа «Ч» во всепланетном масштабе».

В пристегнутой к статье подборке приводились краткие выдержки из зарубежной печати: зверские убийства, изнаси-

лования малолетних, взрывы в Иерусалиме, Париже, Мадриде, Бангкоке, Сринагаре, захват заложников в Краснодаре. В городе Чапаевске, где в результате налета чеченских боевиков были убиты около двухсот человек, нашли обезглавленный труп старика-сторожа. На месте преступления остались внутренности и кисти рук. Создавалось впечатление, что Доусон ни в чем не погрешил против истины: миром действительно завладел дьявол.

Специальный корреспондент из Тель-Авива сообщал, что израильской службой безопасности на склонах горы Кармель ликвидирована проиранская террористическая группа, проникшая из Ливана. Диверсантов, оснащенных автоматами Калашникова и взрывчаткой синтекс, настигли в момент проведения ими топографической съемки. В завязавшейся перестрелке трое были убиты и один ранен. Следствие интересует вопрос, что намеревались делать до зубов вооруженные палестинцы в относительно безлюдном месте и для каких целей предназначались сверхточные навигационные приборы?

Моркрофт нашел нужный том старой Американской энциклопедии, доставшейся от отца, и в статье «Кармель» увидел название исчезнувшего древнего города, созвучное похоронному звону: «Мегиддо — Мегиддон».

От безмятежного настроения не осталось и следа. Круг информации у офицера Федерального бюро расследований, конечно, был не столь обширным, как у звезды нью-йоркской журналистики. Клайв Доусон недаром загребал свои полтора миллиона в год. Не было в мире такого главы государства или харизматического лидера, который бы отказал ему в эксклюзивном интервью. Однако, с другой стороны, данные, к коим имел доступ Моркрофт, отличались большей точностью и надежностью. И это касалось не только провоза и распространения наркотиков. Можно сказать, что из первых рук он знал и об истинных масштабах ядерной контрабанды из России и стран СНГ.

В погоне за сенсацией, а подчас и злонамеренно, печать раздувала факты, так или иначе причастные к «русскому следу». Крупными партиями вывозился низкообогащенный уран, который никак не мог быть использован в военных целях. Оружейный изотоп-235, равно как и плутоний, поступал в микроскопических дозах в качестве образцов. Возможно, для грядущих сделок.

Тем не менее тревогу никак нельзя было считать беспочвенной. Контроль за ядерными материалами и их учет осуществлялся в новой России на более низком уровне, чем в СССР. Слишком много военных и невоенных организаций

имели у себя на балансе вещества, пригодные для производства оружия массового уничтожения. Вероятность хищения, с последующим вывозом за рубеж, нарастала вместе с экономическими трудностями и ослаблением рычагов управления. Моркрофт не слишком бы удивился, если бы ему сказали, что с такого-то армейского склада или, допустим, из бункеров засекреченного города Арзамас-16 украли термоядерную боеголовку. Когда слепая жажда наживы целиком овладевает человеком, он теряет не только чувство ответственности, но и самосохранения. Его уже не волнует судьба детей, как, впрочем, и собственная, а тем более — отдаленных потомков. Завтрашний день словно перестает существовать. Взять все и сейчас, а после нас, как говаривал кто-то из королей, хоть потоп.

Находясь под впечатлением прочитанного, Моркрофт нашел аргументы, сумевшие убедить судью Скалоне.

— О'Греди уже получил самое меньшее десять тысяч доз ЛСД, ваша честь, — подсчитал он на глаз. — По нашим сведениям, ожидается крупная поставка крега и кокаина. Телефон — единственный шанс поймать его с поличным.

— Почему же вы не сделали этого в прошлый раз, Сэм?

— Вы читали сегодняшнюю «Нью-Йорк Таймс»?

— С меня достаточно новостей АВС.

— Наблюдаются опасные признаки. Похоже, что кто-то прибирает к рукам основные рычаги преступного бизнеса: наркотики, оружие, производство фальшивых денег.

— Вздор, Сэм! Торговцы оружием никогда не занимались наркотиками.

— До тех пор, пока не появилась «АУМ Сенрикё»... Не забудьте, что О'Греди является проповедником. Секта вроде бы новая, а песни все те же: конец света, страшный суд и прочие прелести.

— Лишний раз доказывает, что нет ничего нового под луной. Представьте веские доказательства, и я отдам вам эту вонючку со всеми потрохами. Хоть какую-нибудь зацепку. Про те салфетки, что оказались в машине, я и то знаю только с ваших слов. Нет, Сэм, я вам верю, безусловно верю, но поймите и меня...

— Я мог взять свидетелей и подождать, пока вернется О'Греди. Но что бы это дало?

— Ничего. Любой на его месте откажется. Еще вас же и обвинит, что подкинули. В суде такие штуки не проходят.

— Вот видите, ваша честь. Он даже может признать, что приберег для собственного употребления. Кроме потери репутации, ничем не грозит.

— Репутация — не пустяк. Особенно для проповедника... Вы подозреваете его в связях с террористами?

— По нашим данным, наркотики он получает через некоего Чжан Канкана. Обоих, заметьте, титулуют «всадниками».

— И что же?

— «Всадники апокалипсиса» — это вам ничего не говорит?.. «Идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю».

— Так мы с вами далеко уйдем, — Скалоне покосился на настольную Библию в черном пупырчатом переплете. — Меня интересуют доказательства, Сэм, а не ваши домыслы.

— Жаль, что вы не читаете газет, сэр... В Париже нашли убитую женщину с татуировкой на груди. Рисунок весьма характерный: «Жена, облаченная в солнце»... Аналогичные случаи зафиксированы в Москве, три или даже четыре. Характерная особенность: все женщины — наркоманки, и у каждой аккуратненько вырезана печень. Единственное различие: наколки на заднице. У француженки оказался более тонкий вкус.

— Что-то такое я, по-моему, уже слышал.

— Полагаю, по АВС, ваша честь?

— Можете иронизировать, сколько вашей душе угодно, но не надейтесь пронять меня разговорами. Факты, Сэм, только факты.

— А это разве не факты? Зараза расползается по всему миру. Вчера в Хельсинки рванули полицейский участок. До сих пор Финляндия считалась самой благополучной страной. Не знаю, кто и зачем, но больно уж почерк схожий. Автомобиль, начиненный пластикатом, как в Оклахома-Сити... Честно говоря, мне бы очень хотелось, чтобы вы прочитали статью Клайва Доусона.

— Зачем? Какую статью?

— «Готова ли Америка к Армагеддону?»

— Опять вы за свое!

— Все же взгляните на досуге. «Зверь» и «Жена на звере» — не пустой звук. Кто думал о свастике до Гитлера? А ведь это древнейший мистический знак! Тоталитарные системы кощунственно присваивают священные символы, воздействующие на подсознание человека, на родовую память. Клеймо зверя обнаружено на телах русских гангстеров, убитых в какой-то перестрелке. С какого боку, казалось бы? Но матрос-голландец, взятый гамбургской полицией с деталями к атомной бомбе, тоже почему-то помечен той же печатью. И азербайджанец с грузом радиоизотопов, и японец-наркокурьер. Этих взяли в аэропорту Вены. Жаль, что Клайв До-

усон не располагал информацией Интерпола. Небось ещё круче бы завернул. У меня даже мелькнула мысль как-нибудь повидаться с ним для обмена идеями.

— Вы в самом деле намереваетесь? — насторожился Скалоне, заподозрив скрытую угрозу.

— А что? Иногда не мешает хорошенько встряхнуть налогоплательщика. Пусть поразмыслит, куда идут его денежки. Ведь, если грянет атомный Армагеддон, будет поздно... Возле Мегиддо израильтяне, между прочим, положили троих террористов... Но давайте вернемся к нашим «всадникам», ваша честь. Чжан Канкан находится в контакте с известным вам главарем русской мафии в Нью-Йорке Нефедовым.

— Китайцем?

— Он самый, сэр. Наркотики сектантам привозят его люди.

— Которых вы так и не смогли взять?

— Пока не смогли.

— А что показали эти ваши, — Скалоне защелкал пальцами, — ну, как их?.. Голландцы, азербайджанцы? Они-то на кого работают?

— Вы же знаете, что от курьера многого не добьешься. Поставщики и заказчики, как правило, анонимные.

— Но хоть какие-то нити прощупываются?

— Если бы ничего не прощупывалось, я бы не пришел к вам, как вы совершенно справедливо заметили, с голыми руками. Прощупывается, но крайне медленно и своеобразно. Необычные курьеры пошли, ваша честь, все, как один, зомбированные.

— Что вы говорите, Сэм!

— Совершенно точно: зомбированные. Есть заключения крупных авторитетов. Мы уже получили из Вены кое-какие рекомендации. Телефоны О'Греди нужны до зарезу!

Скалоне вызвал звонком секретаршу.

— Не откажите в любезности, мисс Эмерсон, мне нужна сегодняшняя «Нью-Йорк Таймс». — Закрыв за пожилой леди стеклянную дверь, он вплотную приблизился к Моркрофту. — Атомный взрыв в Израиле вызовет мировую войну.

— А я о чем?

— Вы отдаете себе отчет в том, что мы идем на нарушение закона?

— Мы, ваша честь?

«ПОЛЯРОИД». ЖИВИ НАСТОЯЩИМ

Глава тридцать девятая

КРИТСКАЯ МИСТЕРИЯ

Очерк Лазо не вызвал того резонанса, на который надеялись редакция и, не в последнюю очередь, автор. То ли народ притерпелся ко всяческим ужасам, то ли окончательно разучился отделять быль от ошарашивающих своей очевидной нелепицей побасенок, что высасывали из пальца бойкие халтурщики вроде братьев Удодовых из еженедельника «Метрополис». О чем только не писали: об оживших мумиях, вурдалаках, о девушке превратившейся в леопарда, даже про школьника Петю, который ушел из дому в пятое измерение.

Почему именно пятое? А черт его знает! Наверное, потому что Петя, если таковой и вправду существовал, учился в пятом «В» классе. Словом, запомороченным москвичам, на чьи бедные головы ежедневно обрушивался поток гороскопных прогнозов, причем с прямо противоположными рекомендациями, было не до загробных голосов. Черти ли аукнулись в подвалах, или сработала подложенная нахальным прощелыгой магнитная лента, — какая в сущности разница? Всюду чернуха, надувательство и халтура. Звезды эстрады, и те «под фанеру» поют. Вернее, рот разевают, как рыбы.

А тут еще, как на грех, показали по телеку колдуна. Ражий такой мужик, зачем-то цепями обвитый, энергию в мертвеца вдувал. Через точки такие для иглоукалывания. Вокруг врачи в халатах и колпаках руками всплескивают, удивляются, а он, который колдун, знай себе надувает щеки, корячится, того и гляди лопнет. Не лопнул, однако. Здоровяк! Такого бы на лесоповал или мешки с цементом таскать. Короче, заставил он жмурика шевелиться, но не успокоился, пока не посадил. И что с того, спрашивается? Без холодного пота обошлось. Никто в обморок не грохнулся. Только поспорили в семьях, сколько баксов отвалили съемочной бригаде и, само собой, больнице — за интерьер.

Что же до «капитана Печенкина», то про него вроде как и вовсе забыли. Целых две недели не давал знать о себе сексуальный маньяк, ну и ладно, проехали. Надо сказать, что милиция была полностью солидарна с общественным мнением. Подумаешь, печень! Чуть не каждый день головы отрубают, отрезают гениталии. Успевай регистрировать. Чего ж удивляться, если глухое дело застопорилось, и людям пришлось заниматься более перспективными трупами?

Не успели зарыть президента банкирской ассоциации, которого вроде бы с помощью газа на тот свет спровадили, как

пошел слух, будто газом там и не пахло, а смерть наступила от облучения изотопами. Какими конкретно? Не говорят. Кто проводил анализы? Молчание. Да и чего напрасно вопросами беспокоить, когда каждому мало-мальски компетентному гражданину прекрасно известно, что Институт судебной экспертизы находится на последнем дыхании. По причине финансового удушья.

Объявили приз в миллион долларов тому, кто укажет убийцу, и остались при своем миллионе. После трагедии в Чапаевске произошла смена силовых министров. Милицию снова лихорадило, безопасность в который раз перестраивалась, а прокуратура с головой ушла в «кукольные игры», обнаружив наконец главного виновника всех бед: сатирическую телепередачу. Постоянно прописанный в государственном организме вирус идиотизма начал размножаться с бешеной силой.

Короче говоря, не прозвучал Санин материал должным образом. Что же до исторических экскурсов с политическими выкладками, то это вообще никого не затронуло: накушались по самую макушку всякой политики. Самые, казалось бы, заскорузлые народолюбы-защитнички, и те сообразили, что одним маханием топора голосов не собрать. Живо состряпали партию радетелей обманутых вкладчиков проворовавшегося концерна «Тибет». Инфантильные пенсионеры доверчиво потянулись за дудочкой нахрапистого крысолова.

Непредвзято оценив умственный и моральный уровень среднестатистического обывателя, Лазо критически отнесся и к собственному перу.

— У тебя всего один недостаток, — сочувственно попенял главный, — уж слишком ты умный.

— Неизлечимый недуг, — оборвал Саня. — Дашь машину?

Мысленно он был уже на Масловке, в квартире Лориной подруги, где обрел временное пристанище: перевез стопку книг, кое-какую одежонку и ноут-бук, полученный в качестве премии от фирмы «Герника», специализировавшейся на эксклюзивном дизайне. Судя по манерам и лексике ее владельца, он едва ли догадывался, что мрачная картина Пикассо была написана в знак памяти разбомбленного фашистами городка.

Бес разрушения прочно сидел в душах. Глядя на ампирные хоромы, выраставшие рядом с помойкой, его душил злорадный смех.

Саня и впрямь перерос своего читателя. Издерганный сердечными переживаниями — суматошная лихорадочная любовь поглотила целиком, — он еще не осознавал, что всеобъемлю-

щий закон перемен поставит его перед трудным выбором. Журналистику заполонили молодые беззастенчивые полузнайки, и в новом информационном поле таким, как он, уже нечего было делать. Опуститься на уровень ниже? Заведомый проигрыш и не позволит душа. Поменять жанр? Но это значит сменить газету. Нет, он не был готов уйти из редакции — и куда? — но соблазн разом все разломать угнездился в какой-то извилине мозга, подобно зернышку опийного мака, пустившему корни в трещине иссушенной земли.

Саня ошибался, думая, что его статью не заметили. Она задела, и больно, очень многих. Пошли звонки и письма с угрозами. Его обзывали безбожником и жидомасоном, с ним обещали разделаться самым жестоким образом. Только срок, в зависимости от партийной или конфессиональной принадлежности, варьировался в широких пределах. От «сегодня ночью» до «когда мы возьмем власть».

Ощущение было тягостное, мерзкое, словно облепило зловонной жижей. Особенно досаждали «пустые», как он называл, звонки, когда в трубке повисало недоброе выжидательное молчание. Лазо достал двустволку, которая вот уже шестой год мирно почивала в кожаном футляре, вогнал пару патронов с дробью четвертого номера и повесил в прихожей. Что-что, а запугать его никому не удастся. Не впервой.

Отключить телефон он не решался из-за Лоры. Чаще всего она звонила рано утром, улучив подходящий момент, или, в зависимости от ситуации, когда выбиралась в город. Решение перебраться на Масловку родилось сообща, как наитие свыше.

— По крайней мере всегда буду знать, где ты, — сказала она, отмывая пребывавший в мерзости запустения холодильник. — И тебе не придется терять время на дорогу. Я ведь и среди ночи нагрянуть могу.

— И нагрянь.

— И нагряну! Специально, чтобы проверить, как ты себя ведешь. Если застану тут девку, берегись... Схвачу мокрую тряпку, — она и схватила, швырнув на пол жалобно звякнувшую решетку, — и по щекам, по щекам!

— Меня? — кротко улыбнулся Саня, смахнув с лица долетевшие брызги.

— Ах нет, милый, на тебя рука не поднимется... Но ей, сучке, не поздоровится. Так и знай... Не приводи сюда никого, Санечка.

— О чем ты!

— Сама не знаю. Прости меня, миленький, — Лора порывисто поднялась с колен и, опрокинув миску с водой, отвернулась к окну, сглатывая слезы.

— Ты сумасшедшая.

— Да, я такая!

— Ну не надо, не надо, Хуанна Безумная. — Саня обнял ее и, вдыхая кружащий голову запах, принялся целовать легкие, как осенняя паутинка, завитки на затылке.

— Как ты назвал меня? — она всхлипнула, размякая и словно бы съеживаясь в его руках. — Какая еще Хуанна?

— Была королева такая испанская.

— Хорошая?

— Не помню... Я видел ее мраморное надгробье в Севилье.

— И на мою могилку придешь?

— Перестань, что за дикие мысли?

— Боюсь я, Сандро. За тебя страшно, за нас... Давай уедем!

— Куда?

— На край света. Куда-нибудь.

— Навсегда?

— Хотя бы и навсегда, — Лора осторожно высвободилась и повернулась к нему лицом. Измученное, в потеках туши, оно обрело в глазах Сани совершенно новую красоту — трогательную и хрупкую.

— Любимая, — он слизнул слезинки с «поехавших» ресниц. — Ну куда мы поедем? Кому мы нужны?

— Слабо? — дернув плечом, она отстранилась и, подоткнув юбку, вновь занялась мойкой. — Так и скажи. — Ее смуглые тонкие руки ожесточенно драили жесть морозильной камеры.

— И чего ты так на него навалилась? Передохни чуток.

— Знаю я, чем кончаются твои передышки!

— Не хочешь?

— Хочу! — Лора тыльной стороной ладони откинула волосы и через силу улыбнулась. — Всегда хочу, но сначала я должна запустить этот чертов холодильник. Надо уметь довести вещь до такого состояния. Эх, Женька, Женька... Разгильдяйка, каких не видел свет!

— Тебе-то что?

— Мне? Я навезла две сумки продуктов, чуть руки себе не оторвала! Омары, устрицы, вестгальская ветчина, овернский рокфор! По-твоему, пусть все пропадает? О я знаю, тебе наплевать, — Лора повысила голос почти до крика, но глаза, ее удивительные глаза смеялись, неузнаваемо преображенные и такие родные.

— Девочка моя! — Саня притулился сбоку. — Зачем нам столько?

— Знаешь анекдот про столетнего старика?

— Расскажи.

— Он пережил всех своих жен и, когда умерла последняя, надумал жениться на восемнадцатилетней. «Как тебе не стыдно, — укоряла его родня, — она совсем еще девочка, а ты хочешь сделать ее вдовой. Подумай, сколько тебе осталось». — «Сколько есть, все мое, — отвечал старик. — По мне, пусть лучше останется, чем не хватит». Так и надо жить: сегодняшним днем. Завтра нам не принадлежит. Мы не знаем, что будет завтра.

— Почему? Солнце взойдет точно по графику, и, если ты только захочешь, мы проснемся вместе.

— Не могу, Сандро, не начинай.

— По-моему, кто-то звал меня на край света, за дальние моря.

— Не обращай внимания на женские глупости.

— Нет, я серьезно, Лорхен. Отчего бы нам и в самом деле не махнуть куда-нибудь? Хотя бы на пару неделек? Сейчас это просто. Хочешь в Анталию, на Кипр или на Канары — куда угодно... А еще лучше на Крит! Я давно мечтал побывать в Кносе. Лабиринт Минотавра, Тесей с мотком пряжи, похищение Ариадны, черный парус... Подумай только: рождение мистерий! Пещера у горы Дикта, где коза Амальтея вскормила своим молоком новорожденного Зевса. Увидеть — и умереть! Право, давай на Крит. Теплое море, пинии, умопомрачительный запах глициний. Нам обоим не помешает короткий отдых... Помимо всего прочего, моя единственная, немного придем в себя, успокоимся и решим, как быть дальше. Мне больно видеть, как ты сжигаешь себя. Во имя чего, Лори — глазастый лемурчик, во имя чего?

— Какой ты умный, Сандро! Можно подумать, будто ты там был — такие находишь слова, красивые, точные... Так и видится море. Я подумаю.

— Подумай, по-моему, это неплохая идея.

— А ты изменился.

— В худшую сторону?

— Я бы так не сказала, но раньше ты был не таким. Я ведь уже предлагала тебе рвануть, куда подальше, нет? Но ты и слушать не хотел. Что же тебя удерживало? Работа?

— Видал я эту работу... В море купаться хочу, жрать осьминогов в задрипанной портовой таверне. Засыпать и просыпаться рядом с тобой.

— Вот с этого и надо было начинать, а то море, море, — Лора пренебрежительно наморщила носик. — Свет клином сошелся на Крите. Везде хорошо, была бы постель да крыша.

— Я же сказал: куда хочешь!.. Только не на Багамы.

— Это еще почему?

— Капусты не хватит.

— Не твоя забота.

— Моя, Лорхен, моя. Не ущемляй мужское достоинство.

— Ладно, там видно будет, а против Крита я ничего не имею. Куда иголка, туда и нитка. С тобой мне везде хорошо.

— Честное слово, не пожалеешь! — Саня принялся увлеченно жестикулировать. Лора не ошиблась: он уже был на Крите — во сне, в мечтах, в другой жизни. И в Риме был, и в Афинах, в Иерусалиме, Трое, Сарагосе, Мемфисе — везде, куда уводило воображение, воспламененное кажущейся близостью осуществления. Слово имело над ним неизъяснимую власть. Сказано — сделано. Казалось, уже завтра они начнут собираться, не завтра — сейчас. — Знаешь, как море по-гречески?

— Как? — тихо спросила она, проникаясь его зачарованным взглядом. — Как, Санечка?

— Таласса! Посвист ветра, накат волны... Отсюда талассократия: цари Крита владели морями. Потом они стали властелинами загробного мира, судьями мертвых... «Там царь Минос, оскалив страшный рот»... Это из Данте. Как жаль, что нет ни рая, ни ада, и все кончается здесь! Навсегда и бесповоротно.

— Не хочу про смерть. Я, как тот старик: что мое, то мое. Если б только не старость!

— Господи, Лора! Ну какая там старость! Ты опять за свое. Я же люблю тебя! Тебя, как ты есть, твой ум, твою душу, — он понимал ее, мучительно сострадая, искал и не мог подобрать слова утешения, ибо не было их ни на русском, ни на иных языках, живых и мертвых. — Пойдем! — потянул за собой. — Хватит терзать холодильник.

— Хочу, чтоб было чисто, — Лора покорно прильнула к нему.

— Ты и так отмыла его до блеска.

— Мы оба с тобой рехнулись, — шепнула она, расстегивая пуговки на его мятой-перемятой рубашке.

— И это прекрасно.

Лежа в сумерках, они беззаботно болтали о всяких пустяках, строили планы, не очень веря, что все будет именно так, как им видится в эту счастливую, наверное, минуту, когда отступает прихлынувшая тоска и начинает казаться, будто зыбкий покой облегчения продлится, если и не на годы, то хотя бы на дни.

— Я совсем забыла сказать, — подперев щеку рукой, она повернулась на бок. — Ты написал изумительную статью! Я горжусь тобой, Сандро.

— Тебе на самом деле понравилось? Удивительно.

— Не вижу ничего удивительного. Или ты меня совсем за дуру считаешь? Конечно, по сравнению с тобой, я просто дубина, но ведь не настолько... Или настолько, Санечка?

— Настолько.

— Сволочь!

— За что боролись, на то и напоролись, сударыня. Очерк не получился.

— Кто сказал?

— Хотя бы главный.

— Он законченный идиот. Как-то видела по телевизору: нес полную ахинею. Типичная мания грандиоза.

— Ничего подобного. Отличный парень. Немного своеобразный, но с головой. Дело он знает. Материал получился не для газеты, слишком заумный. Я и сам вижу. Народ этого не поймет.

— Не знаю, как народ, а я все поняла. И про фашизм, и про мифологическое сознание. Ты очень глубоко копнул, Санечка, очень. Поэтому я и боюсь за тебя... Нам действительно лучше на какое-то время исчезнуть. Я увезу тебя, чего бы это ни стоило. Хочешь на Крит? Замечательно. Только не говори никому.

— Что? — не понял Лазо. Слушая вполуха, он ловил игру вечерних теней, придававших ее лицу какую-то особую грустную нежность.

— Не говори, куда едешь.

— Но почему?

— Лучше не спрашивай. Так надо, — долгим поцелуем она заставила его умолкнуть. — Договорились? — и быстро перевела разговор на другое. — Я почему заговорила о статье? Вовсе не для того, чтобы разливаться в похвалах. Ты в них и не нуждаешься... Меня очень просил Валентин. Ему нужно с тобой посоветоваться. Ты не против?

— Какой еще Валентин?

— Смирнов. Наш охранник. Он еще заезжал за мной. Помнишь? Ну тогда у тебя...

— Постой... Это когда неожиданно должен был нагрянуть твой благоверный?

— Не называй его так!

— А как?

— Кидин.

— Просто Кидин?

— Да, просто Кидин.

— Хорошо, пусть будет Кидин... Со стороны Смирнова это было довольно любезно. Что ему от меня надо?

— Я же говорю: посоветоваться.

— Но о чем? Какая у нас может быть точка соприкосновения?

— Есть такая точка, Сандро. У Валентина несчастье. Его сын связался с какой-то сектой. Все, как ты описал. Сделался замкнутым, отдалился от близких, перестал встречаться с приятелями, не показывается неделями. Олег вообще-то отдельно живет — они ему однокомнатную квартиру купили в Крылатском, но это не важно... Валентин несколько раз к нему заезжал: нет дома... Может, не хочет открывать?

— Вполне возможно. Симптомы типичные.

— Вот видишь! Валентин мне так и сказал. Как, значит, прочитал твоего — это он про тебя, а мне приятно, прямо бальзам на душу, — так сразу все по местам расставилось. Он и раньше подозревал, что дело нечисто, только никак не мог поверить.

— Поверить? Чему поверить?

— Ну как ты не понимаешь! Не мог поверить, что такое могло случиться именно с ними. Искал другие причины, успокаивал себя и жену, надеялся, пронесет. Очень даже понятно чисто по-человечески.

— По-человечески, — вздохнул Лазо. — Конечно, понятно.

— Олег был чудным мальчиком! Умница, прилежный, усидчивый. Получил красный диплом, отлично устроился по специальности, и надо же... Как они его охмурили? И ведь не гуманитарий какой-нибудь рехнутый — физик!

— Бывает и с физиками... Не знаю, чем смогу помочь, но готов встретиться в любое время.

— Спасибо тебе, мой хороший. Сделаешь доброе дело. Валентин — мне друг.

— С каких это пор?

— С недавних! А что?

— Ничего.

— Дурак ты, Саня.

— Сам знаю.

— Вот и молчи.

— Молчу, моя донна.

Глава сороковая

НЬЮ-ЙОРК

Вечерние выпуски газет вышли с аншлагом: «Кровавое убийство Вольфины Клоссан».

Мисс Клоссан, настоящее имя Эвелин Ожер, погубила не одну репутацию. За связь с ней поплатились карьерой двое сенаторов, трое конгрессменов и помощник одного из бывших президентов по национальной безопасности. Последний покончил жизнь самоубийством, запустив двигатель у себя в гараже. Согласно официальной версии, его срочно вызвали в Белый дом, но в тот самый момент, когда он собирался открыть ворота, произошел мозговой спазм. Стояла глубокая ночь, в доме все спали, и скопившиеся в закрытом пространстве выхлопные газы привели к трагической развязке. Мало кто поверил в несчастный случай. Ходили слухи, что Клоссан была замешана в скандальной истории «Иран-контрас» и с помощью шантажа нагрела ручки на поставках оружия.

Теперь вся грязь вновь выплыла на поверхность. Назывались имена известных кинопродюсеров и бизнесменов, с кем ее последний раз видели в свете.

На следующее утро газета «Ю. Эс. Тудэй» напечатала снимок, запечатлевший героиню порнофильмов с русским дипломатом высокого ранга — советником по вопросам науки. Стоя вполоборота с бокалом шампанского, Клоссан демонстрировала вырез вечернего платья, уходящий значительно ниже талии. Поскольку фотография была сделана в Глинкове, загородной резиденции миссии при ООН, газета воздержалась от комментариев. На официальном приеме и совершенно незнакомые люди могут обменяться протокольной улыбкой. «Нью-Йорк Таймс» и в этот раз оказалась впереди заезда. Полицейскому репортеру удалось добыть сведения о последнем приключении «лонгайлендской Венеры», не менее таинственном, чем ее смерть. В колонке, озаглавленной «Ее последний мужчина», сообщались пикантные подробности ареста и освобождения молодого программиста из Петербурга, которому выпало сомнительное счастье «ласкать самую неотразимую леди Америки за час до его гибели».

Ради красного словца репортер сознательно допустил неточность: «за час до гибели» счастливец ласкал не женские прелести, а клавиши своего компьютера, ставшего для него настоящей золотой жилой.

Виктор Рогожин, 1967 года рождения, кандидат физико-математических наук, лишний раз доказал, что невзирая на

утечку мозгов в России еще остались гениальные люди. Жаль только, что все свои незаурядные способности он направил в русло, которое с большой натяжкой можно назвать научным поиском. Оба компонента присутствовали: наука и поиск, но их итоговая составляющая свелась к чистой воды криминалу.

Рогожин организовал в Петербурге процветающую компьютерную фирму. Его личный доход исчислялся сотнями тысяч долларов, которые шли в основном на дальнейшее развитие. «Научный поиск» программист вел параллельно бизнесу. Имея счета в американских банках, Рогожин разработал программу, позволившую ему проникнуть в их компьютерные системы. Сидя у себя на Литейном проспекте, он ухитрился перекачать по компьютерной связи несколько миллионов долларов на счета дутых фирм, зарегистрированных в Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресе, Андорре и Лихтенштейне.

Утечка была вовремя обнаружена, и банкам удалось вернуть почти все деньги назад. Прокуратура Нью-Йорка возбудила уголовное дело, потребовав привлечь аферист к суду. Москва после долгих проволочек подключилась к юридической процедуре, но когда дошло до ареста, выяснилось, что Рогожин ударился в бега. В помещении на Литейном милиция нашла одни пустые столы и горку черного пепла от распечаток, сожженных в унитазе. Рогожин был объявлен в розыск.

Искать его могли бы до морковкиных заговен, если бы не агент Интерпола, случайно обративший внимание на пассажира, прибывшего в Буэнос-Айрес из Парижа. Держа в руке синий, с серебристым орлом паспорт гражданина Соединенных Штатов, представительный, хорошо одетый мужчина, видимо, по рассеянности, встал не в ту очередь. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы свериться с пачкой фотографий, среди которых находился и присланный из Нью-Йорка портрет.

Паспорт, как и следовало ожидать, оказался липовым, хоть и выдержал проверку в трех аэропортах: Пулково, Хитроу, имени Шарля де Голля. Рогожина задержали и ближайшим рейсом переправили в США.

Тогда-то и появилась роковая вамп-мисс Клоссан, за каждым шагом которой, в надежде на поживу, следили репортеры скандальной хроники. Как потом выяснилось, именно она наняла адвоката, добившегося освобождения Рогожина под залог в миллион долларов.

Через три дня его нашли мертвым на ее вилле в Лонг-Айленде. Рогожин сидел за включенным компьютером, слегка откинувшись в кресле, словно решил на минуту передохнуть.

На теле не оказалось ни малейших следов насилия, лишь глазные белки опеленала кровавая сетка. Врач предположил инсульт.

Приехавшие вслед за полицией агенты FBI забрали труп вместе с компьютером. Полицейские слегка заартачились, но отступили: Рогожин проходил по федеральной линии.

Его смерть каким-то образом удалось скрыть от прессы. Вольфину Клоссан предупредили, что она привлекается в качестве свидетеля, и посоветовали не покидать город, а также не слишком распространяться по поводу случившегося. Она и сама не была заинтересована в огласке. И без того ее имя трепали по всякому поводу. «Секс-бомба», перед которой не может устоять ни один мужчина» — это был еще не самый забористый из расхожих штампов. За выражение «вагина-мышеловка», допущенное в газете «Нью-Йорк Пост», она содрала через суд полмиллиона.

Так уж сплетались вселенские струны причин и следствий, что они оказались рядом, мертвая Вольфина Клоссан и мертвый Рогожин, ее последняя добыча.

Сущность времени в его беспощадной необратимости. Даже ничтожную долю мгновения невозможно вернуть назад. Оно уже неразрывно слито с прошедшим и жестко определяет набегающий миг. Нам дано узреть лишь обрывки причудливой сети, заброшенной из вечного мрака в вечный мрак, и мы, а вместе с нами все живущее на Земле, трепещем и бьемся в ней, как в паутине, связанные единой кровью и общей судьбой.

Могла ли думать Клоссан, что достигнет апогея триумфа, когда о ней заговорит вся Америка? И все газеты дадут ее фотографии на первых страницах? И она появится на экранах по всем каналам, но мертвая, не живая?.. Где, когда завязался тот первый крохотный узелок? Чьими руками?

Бесполезно выкликать пустоту. Щемяще прекрасен мир с его заснеженными хребтами, пустынями, джунглями, дикой тайгой. В пожарах вечерних и утренних зорь, в чередовании приливов и отливов, в ходе вечных светил теряются микроскопические вспышки смертей и рождений, словно пылинки на ярком персидском ковре. Его изнанка не откроет тайну причудливого узора. Что толку разглядывать под лупой узелки, считая, сколько сотен их уместилось в квадратном дюйме? Все сцеплено воедино, и единая нить образует и орнамент, и райское дерево, и длиннохвостую птицу на нем, и плоды, и цветы из нездешнего мира.

Лучше всего фотографии пропечатались в «Кроникл». Моркрофт долго не мог оторвать глаз от обнаженной фигуры, слегка

размазанной в толще воды. Клоссан убили на ее собственной вилле, в ванной. В остальном же полностью повторялся парижский вариант: удаленная печень и апокалиптический рисунок на груди: «Жена, облаченная в солнце» в звездном нимбе и месяцем под ногами.

Кроме заезженных общефилософских идей, ничего путного в голову не приходило.

Проститутка, авантюристка, порнозвезда — все так. Наверняка пробавлялась наркотиками и каким-то образом оказалась вовлеченной в секту. Тем не менее вопросов возникало значительно больше, чем возможных ответов. Русский компьютерный вор никак не вписывался в общую схему. Он-то с какой стороны? Татуировки на нем нет, к наркобизнесу, в первом приближении, не причастен; судя по его финансовой активности, по уши влез в махинации. Между тем она как-то узнает о его аресте, молниеносно находит нужного адвоката, да еще выкладывает миллион долларов.

Моркрофт пребывал в полной растерянности. Мешала какая-то затаенная, смутная и навязчивая мысль, которую никак не удавалось вытащить на поверхность. Так бывает обычно, когда на зубах навязает мотив, который вроде бы помнишь, но почему-то не узнаешь.

Он поймал себя на том, что рисует на полях газеты человечков со звездочками на голове, и тут его что-то тупо ударило в самое сердце.

«Клоссан!»

Где-то он уже встречал похожее имя.

Моркрофт выплеснул в мойку остывший чай, быстрым шагом прошел в гостиную, зажег торшер и присел у книжных полок, встроенных в стену справа от камина. Пролистав несколько справочников, он обнаружил лишь три более-менее сходных созвучия:

русский инженер Классон, швед по происхождению, изобретатель метода добычи торфа, получившего название гидроторф; опять-таки русский шпион Клаусен, работавший в резидентуре Рихарда Зорге, и, наконец, виноторговец из Прованса.

На нем, единственном из ныне живущих, след, который вел в никуда, обрывался.

Или все же куда-то вел?

Машинально выписывая абсолютно ненужные ему фамилии, Моркрофт почувствовал, что неотвязный мотив зазвучал явственнее и четче. Его рука, безотчетно перечеркнув вполне достойных деятелей — шпион Клаусен в конце концов работал против общего врага, — вписала имена парижской тан-

цорки и нью-йоркской актрисы горячего жанра: Фесоле — Вольфина Клоссан[1].

И между ними с треском проскочила искра, как между шариками памятной со школьной скамьи электрофорной машины. И в этом прерывистом треске морзянкой отстукалось то исходное, что так беспокойно вертелось в мозгу. Голубоватыми вспышками обозначились опорные буквы:

«Жена, облаченная в солнце»...[2]

Осталось лишь подчеркнуть извилистой, как молния в тучах, линией.

Моркрофт погасил лампу и долго сидел в темноте, безучастно глядя в окно, за которым густели фиолетовые чернила, слегка разбавленные желтоватой водицей отсветов фонаря на крыльце.

«Зачем? — спрашивал он себя. — Зачем секта гасит свои самые яркие звезды? Своими руками режет — и как! — курочек, несущих золотые яички? Или перестали нестись? Не на смену ли Вольфине Клоссан, порочной дэви, готовил О'Греди юную красавицу шакти — Патрицию Кемпбелл?»

Чем проще объяснение, тем вернее оно угадывает скрытые мотивы. Убирают нежелательных свидетелей — раз, проболтавшихся дураков — два, двурушников — три, и, наконец, тех, кому села на хвост полиция — четыре. Клоссан попадала по крайней мере под два пункта — первый и четвертый. Тоталитарные секты в этом смысле ничем не отличаются от гангстерских шаек. В той же «АУМ сенрикё» по личному указанию Асахары устранили несколько наиболее активных деятелей. Есть еще и пятый пункт, равно присущий практике террористических организаций и политических партий фашистского толка: ликвидация возможных соперников. Сталин убрал Троцкого, Гитлер — Рема. Едва ли Клоссан и эта гризеточка Фесоле претендовали на первые роли, а, впрочем, кто знает? Двенадцать звездочек о чем-то ведь говорят. Что, если всем верховодят женщины — высшие жрицы, «жены, облаченные в солнце»? Стояла же девка во главе Белого братства в России — Мария Дэви Христос!

Моркрофт вспомнил, что на другой день после появления статьи Клайва Доусона, «Нью-Йорк Таймс» напечатала еще одну подборку сообщений на данную тему. Приводились выдержки из молодежной газеты, выходящей в Москве. Там в частности говорилось, что Белое братство возникло отнюдь

---

[1] В оригинале: Fesolet — Wolfina Klossan.

[2] Соответственно: «une femme enveloppee du *soleil*» *(фр.)*; a woman *clothed* with the *sun*» *(англ.)*.

не на российской почве, а было заимствовано и, как прочие благоглупости, доведено до абсурда.

Автор, Моркрофт не запомнил фамилии, доказывал, что секта впервые возникла еще в двадцатые годы в Болгарии, где и по сей день ее сдвинутые приверженцы встречают рассвет, чтобы зарядиться от солнца энергией. Еще в той же Болгарии живут женщины, которых зовут нестинарками. Они славятся тем, что танцуют на раскаленных углях, не получая при этом ожогов.

Словом, от идеи насчет того, что в Лиге последнего просветления господствует матриархат, отмахиваться не стоило.

Наконец, но не последнее[1], демонстративный, вызывающий характер убийств. Киллеры не только не пытаются уничтожить или хотя бы спрятать труп, как бы сделала это любая бандитская шайка, но, бросая наглый вызов обществу, выставляют его напоказ. И всюду один и тот же почерк: татуированное голое тело, вырезанная печень. Москва, Париж, Нью-Йорк. Где в следующий раз найдут «женщину, облаченную в солнце», обагренную собственной кровью? В Токио, Сеуле, Буэнос-Айресе?

Невольно напрашивался параграф шестой, непосредственно вытекающий из практики преступных сект и тайных религиозных братств, вроде тагов — душителей Индии, или африканского «общества леопардов»: ритуальное убийство, жертвенная кровь.

Не приходится удивляться, что маньяки, замыслившие спровоцировать светопреставление, взяли на вооружение самые дикие обряды. Обращение во тьму архаики, порука кровью, демонстрация силы и готовности умереть — и все это символизирует принесенная в жертву жрица.

В данном контексте макабрическая загадка с печенью разрешалась сама собой. Согласно первобытным верованиям многих народов, печень служит вместилищем души. Тело глумливо швыряют на всеобщее обозрение, а печень... Печень, возможно, бальзамируют и помещают в своем людоедском капище, а то и поедают сообща, как это делали в войну самураи, как доднесь практикуется где-нибудь в недоступных дебрях Новой Гвинеи.

Моркрофт по праву слыл на редкость образованным и широко мыслящим человеком. Для него важнее всего было выстроить логическую схему, устраняющую, пусть временно, основные противоречия. Только тогда открывался путь к действию.

---

[1] At least, not at last *(англ.)*.

Пока автоматика записывала телефонные переговоры Пола О'Греди, детектив заставил себя не вспоминать о преступном гуру. Все равно никуда не уйдет, только даст лишние поводы зацепиться. Пусть FBI вынюхивает, от кого он получает и кому отдает бумагу, пропитанную дьявольским экстрактом спорыньи, вызывающим видения почище тех, что смущали Святого Антония в африканской пустыне. Бесполезно срубать головы огнедышащей гидре. На месте одной вырастают три еще более жуткие морды. Главный удар следует нанеси в самое сердце или в печень, где пребывает черная душа гада, низринутого с небес в адские бездны.

Не один Моркрофт бодрствовал в ту августовскую ночь, когда на Нью-Йорк налетел сухой и горячий ветер.

В прозекторской тюремной больницы близились к завершению кропотливые исследования внутренних органов Виктора Рогожина. Помимо обширных кровоизлияний в мозгу, вскрытие выявило инфаркт печени.

После того как были взяты образцы тканей, к работе подключилась лаборатория токсикологии. Никаких следов наркотиков и галлюциногенов хромотографический анализ не показал.

Изъятым в качестве вещественного доказательства компьютером занялись лучшие специалисты FBI. Были все основания предполагать, что удастся раскрыть секрет, позволяющий грабить банки, не прибегая к автомату и газовой горелке. Рогожин не был пионером в этой новой для полиции области криминала, но разработанная им программа оказалась наиболее эффективной. По-прежнему оставалось загадкой, каким образом он сумел получить необходимые коды.

Следственные действия неожиданно были прерваны на самой начальной стадии, когда снимались отпечатки пальцев. Поднятый с постели звонком из Вашингтона, в информационный зал вбежал шеф нью-йоркского отделения секретной службы Глен Конолли. Его сопровождал Реджинальд Уэлдон. Оба были взволнованы и тяжело дышали. Что ни говори, а годы берут свое. Гонка среди ночи далась пожилым джентльменам нелегко. От Уэлдона к тому же ощутимо веяло характерным амбре виски «Бербон».

— Где дискеты? — выбросив руку, Конолли нетерпеливо пошевелил пальцами. — Давайте сюда!

— И компьютер, — подсказал Уэлдон.

— И компьютер. Упакуйте в какой-нибудь ящик... Сколько их было? — забирая дискеты, спросил Конолли.

— Четыре, сэр.
— Это точно? Вы уверены?
— Согласно описи.

Высокое начальство отбыло тем же порядком, что и нагрянуло — озабоченно и торопливо.

— Наверняка подозревают вирус шестьсот шестьдесят шесть, — высказал предположение кто-то из операторов.

Примерно в это же время детективы закончили обыск на вилле Вольфины Клоссан. Джесси, старуха-домоправительница, заперла за ними парадную дверь, вызвала такси и, наскоро переодевшись, вышла через черный ход. Она ни за что не хотела оставаться в доме, где поселилась смерть. Старшая дочь, которая жила в Бронксе, звонила уже три раза. Лучше скоротать остаток ночи вдвоем. Заснуть все равно не удастся.

Никто так и не узнал, отчего на вилле вспыхнул огонь. По мнению пожарных, она загорелась под утро. Бушевавший над Лонг-Айлендом ураган раздул пламя, оно перекинулось на соседние дома, потом на сосны в парке, окаймлявшем чудесные пляжи, и вскоре излюбленное место отдыха ньюйоркцев превратилось в бушующий ад.

На борьбу с пожаром были брошены команды со всего города, но шквальный ветер порождал новые очаги, охватившие прерывистым полукольцом побережье, на которое с гулом и грохотом обрушивалась штормовая волна.

Глава сорок первая

ПОБЕГ ИЗ «МАТРОССКОЙ ТИШИНЫ»

При ночном обходе дежурная смена специзолятора тюрьмы «Матросская тишина» не обнаружила на третьем этаже охранника. Отсутствие коридорного на посту уже само по себе означало чрезвычайное происшествие. Пробежав по коридору, прапорщик Ульянов, словно споткнувшись, остановился у камеры номер 922. Дверь была приоткрыта. Такой оборот граничил со сверхъестественным, но даже нечистая сила избегает российских тюрем. Автоматика тем не менее не среагировала, хотя подключенные к замкам электронные устройства срабатывали при малейшем прикосновении металла.

Заглянув в глазок, прапорщик увидел, что заключенный вроде как лежит на койке, накрывшись с головой одеялом. Решетка тоже стояла на положенном месте, закрывая узкую амбразуру под самым потолком.

Внешнее благополучие лишь усугубило самые мрачные подозрения. И они подтвердились окончательно и бесповоротно. Под одеялом покоилась кукла — груда свернутого тряпья, которой придали контуры человеческой фигуры. Не иначе как в насмешку, на том месте, где надлежало быть голове, валялась, вверх переплетом, раскрытая книга: учебник английского языка под редакцией Ирины Бонг.

— Forever, my friends[1].

Тюремные коридоры и лестницы огласил топот сапог. Долго искать не пришлось. На крыше, в том единственном уголке, что скрыт от наблюдения расставленных по периметру караульных, нашли привязанную веревку. Новенький альпинистский трос свешивался вдоль глухого фронтона, обрываясь в каком-нибудь полуметре от крыши фургончика, пристроенного за тюремной стеной.

Путь арестанта был ясен до мелочей, каждая из которых острой болью отдавалась в сердце начальника тюрьмы.

Выйдя из камеры, — кто открыл замки и отключил сигнализацию? — беглец каким-то образом — кто отпер зарешеченные двери? — попал на верхний этаж, где находились мастерские. Отсюда через окно он забрался на крышу и прополз по карнизу вдоль всего фасада до угла, за которым его ожидала натянутая веревка. И вновь тяжелый вопрос: кто смог пронести на территорию тюрьмы трос, подняться с ним на крышу и закрепить в нужном месте, не будучи обнаруженным при этом охраной?

Ответ напрашивался единственный: свои, свои, свои.

В предвидении грядущих неприятностей тюремная администрация буквально встала на уши. Сам факт, почти беспрецедентный, и способ побега усугублялись еще и послужным списком обитателя камеры 922.

Терентий Гаврилович Гладких пользовался в уголовном мире грозной славой. Иначе как Ликвидатор, его и не называли. И это не было обычной кликухой, а скорее констатацией непреложного факта. Безжалостный, хладнокровный убийца, беспощадный и точный, как механизм, Ликвидатор наводил ужас не только на воров в законе и воротил бизнеса, но и на судей. Он убивал по заказу, совершенно не интересуясь личностью жертвы. Получив свои сто тысяч долларов, Гладких мог вогнать пулю в кого угодно, даже в министра МВД или в Генерального прокурора, но таких заказов почему-то не поступало. Сам в прошлом работник милиции, он не пощадил бы и бывших сослуживцев,

[1] Прощайте, приятели *(англ.)*.

сунься они к нему в машину, как сделали это на свою беду двое гаишников на Рублевском шоссе. Еще троих милиционеров Гладких застрелил возле Тушинского рынка.

В отделении, где он начал карьеру, выделялся особой жестокостью, что, само собой разумеется, сходило ему с рук, пока не дошло до убийства. От тюрьмы удалось отвертеться, но с погонами пришлось расстаться.

Рифма возникла здесь не случайно. Покинув ряды МВД, будущий Ликвидатор предложил свои услуги авторитетам, с которыми давно поддерживал тесный контакт. Это был тот редкий случай, когда мент не только принимается как свой в доску, но и удостаивается коронования.

Об этом даже песню сложили во Владимирском централе, куда Гладких загремел на восемь лет за разбойное нападение на инкассатора.

И куда ему, мусору, деться,
Коль пришлось замочить своего?
От тюряги решил отвертеться...

Возглавив одну из действовавших в Подмосковье группировок, он начал беспощадную войну с конкурентами, поставив перед собой задачу наполеоновского масштаба — овладеть столицей, но встретил дружный отпор со стороны Авдея, временно объединившегося с чеченцами.

Потерпев поражение, Гладких занялся индивидуальным террором. В милицейском мире его пули частенько ложились в «молоко», но на новом поприще он наверстал упущенное и достиг снайперской точности. Достоверно известно, что он собственноручно положил воров в законе Сифона и Полюса. Уже находясь в СИЗО, взял на себя еще несколько громких убийств, включая Квантришвили. На сходке авторитеты единогласно осудили его на смерть, но Ликвидатор был неуловим и продолжал охоту, оспаривая венок Робин Гуда у Авдея, возненавидевшего мента-оборотня лютой ненавистью. За его голову уголовный конвент назначил крупную премию.

Нижний мир действовал по образцу верхнего, ибо они дополняли друг друга, как небесные выси и глубины земли.

Взяли Ликвидатора в Снегирях, в правительственном Доме отдыха, где он под чужим именем отлеживался после тяжелого ранения в позвоночник. Прознав, что его враг надолго обосновался в «Матросской тишине», Колян Авдеев не пожалел денег, чтобы до него дотянуться, но не тут-то было: Ликвидатора охраняли почище бывшего вице-президента, которому тоже пришлось попробовать местной баланды. Проведя столь непозволительную параллель, неугомонная «Кость»

угодила пальцем в небо. Ни о какой баланде и речи быть не могло. По крайней мере Терентию Гавриловичу блюда приносили из ближнего ресторана «Уют», к нему ежедневно наведывались врачи, а курс физиотерапии он проходил в тренажерном зале, где накачивали мускулы охранники.

В задушевных беседах со следователями Гладких, видимо, тянул время, приписывая себе то одно, то другое нераскрытое преступление. Насколько оправдала себя такая нехитрая тактика, мог теперь судить обескураженный начальник тюрьмы.

Он знал, какой режим создали его подопечному и, по меньшей мере, догадывался, какие силы организовали охрану. В общей камере Гладких не прожил бы и двух дней.

По неписаной традиции, начались поиски стрелочника. Согласно графику дежурств, незавидная, но необыкновенно важная эта роль должна была достаться младшему сержанту Репкину, но тот, как сквозь землю провалился, а то и вовсе дематериализовался. Нет его, и все тут: ни на службе, ни дома. А ведь был! И не только был, но, как тут же выяснилось, пришел в тюрьму одновременно с Ликвидатором. Гладких в одиночку, а этот коридорным в службу режима — вот и вся разница. В один день пришли, в один и ушли, словно близнецы-братья.

Столь знаменательное совпадение смело́, как карточный домик, прямо на месте сложившуюся легенду, будто бы Гладких, этот киллер номер один, изготовил макет револьвера и, захватив Репкина в заложники, принудил его бежать вместе с собой. Умилительная басня. Если случай с макетом имел, и не единожды, место в тюремной практике, то альпинистское снаряжение подготовил ангел небесный, не иначе, или всесильный джинн. Кто-то уже и слезу пролил заранее, мол, не сегодня-завтра выловят из Москвы-реки труп бедного сержанта.

На том и иссякло сердобольное вдохновение: уж слишком уши торчали. На стрелочника-мученика не клюнет даже студентка-практикантка с факультета журналистики. Кого не спроси, каждый скажет, что сержанта купили, да еще и добавит, перепустив матерком, не его одного. Народ, хоть и дурак, зато ушлый.

Предсказать реакцию прессы можно было, не прибегая к услугам астролога. На следующий день побег Ликвидатора оказался в центре всеобщего внимания. Один телевизионный комментатор назвал даже сумму, которая была затрачена на организацию: восемьсот тысяч долларов. Другой столь же авторитетно и доверительно сообщал, что Гладких уже нахо-

дится за границей, где ему должны сделать пластическую операцию.

Разногласия возникали только вокруг кандидатуры будущей жертвы: чью же это драгоценную головку оценили так высоко? В том, что кому-то, очень могущественному, понадобилось мастерство Ликвидатора, не усомнился никто.

— Теперь жди чудес, — меланхолично отреагировал на сенсационную новость Корнилов. — Я давно ничему не удивляюсь.

— Увидим небо в алмазах, — согласно кивнул Всесвятский. — Перед затратами мафия не останавливается.

— Тут, брат, не мафия, как мы с тобой ее понимаем. Более серьезные товарищи поработали.

— Думаешь? У тебя есть основания?

— Сердце — вещун.

— Одного сердца маловато...

— При нашей-то жизни? — усмехнулся Корнилов. — Будь моя воля, я бы заранее в очередь на пересадку записался... Смех смехом, Вячеслав Никитич, но драчка на Профсоюзной наводит на серьезные размышления.

Выйдя из мэрии, где хозяин города только что дал энергичную накачку стражам порядка, они решили немного прогуляться. После дождя стало легче дышать. Шины успели досуха высосать асфальт на Садовом, но тротуары еще блестели, курясь испарениями.

Собственно, порке подверглась подведомственная мэрии муниципальная милиция. Руководители правоохранительных органов федерального подчинения присутствовали больше по протоколу, хотя всем было ясно, что резкая критика направлена и в их адрес. Побег Гладких и перестрелка на Профсоюзной по молчаливому уговору не обсуждались, но тень скандальных инцидентов, как выразился не особо сильный в риторике мэр, «незримо витала в зале».

— Вы требовали: дайте нам то-то и то-то, а уж тогда мы развернемся в полную силу! — рубил он с плеча. — Вам дали! Урвали, откуда возможно и невозможно, но дали. И что? Воз и поныне там. Так дальше продолжаться не может и не должно. Придется, как говорится, ударить по головам, начать кадровый отстрел.

— По существу он прав, — признал Всесвятский, когда, дойдя до метро, они завершили обмен впечатлениями. — Но не думаю, что кадровая перетряска приведет к существенным сдвигам.

— Смотря кто уйдет, а кто придет... Президент на коллегии МВД тоже говорил правильные слова. Но мэр действительно немало подкинул своим. У них и оклады намного больше, и техника не чета нам. Квартиры опять же... У него есть все основания требовать результатов.

— Если бы упиралось в технику и зарплату! В условиях всеобщего спада и кризисов не приходится надеяться на прорыв в какой-то отдельной сфере. Все взаимосвязано, а потому самопроизвольно подравнивается под нижний уровень.

— Скорость эскадры определяется по самому тихоходному судну. Каждому ясно, что чудес не бывает. Так, разговоры на публику... Двинем обратно?

В киоске возле метро Корнилов купил блок сигарет.

— Бросать не собираешься?

— Обязательно собираюсь! В этом году я уже дважды бросал... Какие у нас шансы пошустрить в нынешней атмосфере?

— Тебе виднее. Это у тебя новый министр. Как он вообще?

— Мы люди маленькие. Начальник ГУВД — вот мой министр. Пока до нас докатится, много воды утечет... На полную катушку развернуться не дадут.

— Я тоже так считаю. Помимо личных интересов, здесь и политика завязана. Правительство вынуждено заигрывать с банками, иначе обвал.

— Опять же выборы на носу.

— И выборы. Ничего не поделаешь, — Всесвятский развел руками, — приходится приноравливаться. Дешевый доллар задавил производителя. Думаю, экспортные пошлины отменят еще до осени. Угробить нефтяников себе дороже.

— Мы с тобой, Вячеслав Никитич, как стреноженные кони. Смерть как хочется порезвиться, а низя.

— А что Невменов?

— Он парень осторожный, дипломат.

— И правильно.

— Не спорю. Скажу больше: все, что от него зависело, он сделал. Слово теперь за мной.

— А ты не можешь...

— Не уверен. Пока хожу вокруг да около. Не знаю, как подступиться, а если совсем честно, жду у моря погоды.

— Оба мы ждем. Наверное, другого не дано на нынешнем этапе? Единственное утешение: копилка понемногу пополняется. Будет, о чем поговорить с Иваном Николаевичем по всем линиям: от Лобастова до Авдеева.

— Вот и ладушки. У меня появилась робкая надежда, что американцы со дня на день возьмут всю братию: Китайца,

Японца, Мотю Певзнера... Тогда и мы попробуем устроить нашему приятелю небольшое представление. Авдея за жабры я ухвачу — это точно, а Кидин сам прибежит.

— Так уж и прибежит! Твоего Авдея он отрыгнет и не закашляется. Ущучить его можно только со стороны финансов. «Регент», как и многие банки, переживает трудности с рублевой наличкой. Если хорошенько поднажать на «Сибирь Петролеум» и «Октаэдр», его положение станет критическим. Других возможностей не вижу.

— Ну и поднажми. Кто тебе мешает?

— Пока никто. Мы уже предъявили налоговые претензии, но это комариный укус. В любом случае банк спасут. Понимаешь, в чем подлость? «Регент» — не «Чара», не «Тибет», не какая-то «Валентина». По объективным обстоятельствам ему не дадут лопнуть. Поддержат другие киты. И Центробанк, между прочим.

— А без Кидина «Регент Универсал Банк» существовать не может?

— Не совсем понимаю, куда ты клонишь?

— Меня не интересует судьба банка. Пусть себе здравствует на радость вкладчикам, где каждого второго можно подогнать под статью. Черт с ними, раз время такое... Кидин и сам до конца не знает, кого он пригрел.

— Ты о Лиге последнего просветления?

— И о ней. Мы не всегда проигрываем, Вячеслав Никитич, иногда и нам улыбается удача. Я Профсоюзную имею в виду.

— Хочешь сказать...

Именно! Секта — вывеска для дураков. Про «Печенкина», который на моей шее висит, я не говорю — сам все знаешь. «Атман» — это многомиллиардный бизнес: уран, изотопы, оружие, наркотики. Международный картель.

Обычно невозмутимый Всесвятский схватил Корнилова за локоть.

— Ты уверен?! — Они остановились под дощатым навесом, загородив узкий проход.

— Мы мешаем движению, — Константин Иванович мягко высвободился и посторонился, пропустив старуху, тащившую за собой сумку на колесиках. — Одного взяли живым: раскололся.

— Совсем иная раскладка получается...

— Я же говорю: сам прибежит. Приползет на пузе.

Глава сорок вторая

НЬЮ-ЙОРК

К утру стихия угомонилась, что позволило погасить последние очаги пожара на Лонг-Айленде, где дотла выгорело несколько усадеб, кегельбан и гольф-клуб. Значительно пострадала парковая зона.

Ровный западный ветер развеял гарь, которая, смешавшись с туманом, плотной завесой осела на Брайтон-Бич, где в многочисленных ресторанах и кабаре не утихало ночное веселье. Ностальгическая музыка просачивалась из каждой щели. Обрывки мелодий, преимущественно застойного периода, ненадолго заглушали грохочущие по эстакаде поезда. Масляными пятнами расплывались и гасли уличные фонари в сизой мгле, а она клубилась, ползла, съедая бессонные окна второго-третьего этажа, как будто кто-то поставил задачу подогнать все до уровня натруженных рельсов.

Где бы мы ни были, наши сны, наши ужасы остаются с нами. То ли дух какого-нибудь поселкового архитектора, поднаторевшего на подрезке садовых домиков, просочился из чьей-нибудь спальни, то ли сам неприкаянный Аракчеев, перемахнув через океан, превратился в облачную реку.

Над клубящимся паром в отрешенной от забот вышине молочным семенем висела луна, и Пастушья звезда Венера, грезя об утраченных чарах, роняла хризолитовые слезинки в чаши космических антенн.

Туда, на крышу одного из самых фешенебельных кондоминиумов, забрались двое крепких парней в форменных ветровках с буквами FBI. Еще двое заняли посты у парадного, а группа из четырех человек, прихватив с собой консьержа, поднялась на двадцать первый этаж. Выйдя из лифта, Реджинальд Уэлдон взглянул на часы. Было без трех минут семь. Дав знак подождать, он пересек мраморный холл и заглянул в коридор, застланный ковровой дорожкой. Длинный ряд однотипных дверей из красного дерева перемежался двумя выходами к лестничным маршам.

Ровно в семь, как и положено по закону, он позвонил в квартиру номер 2141. Остальные, вынув револьверы, встали по обе стороны двери. Прижавшись ухом — из квартиры не доносилось ни звука, — Уэлдон повторил звонок и отскочил в сторону. Прошло еще несколько минут, показавшихся слишком долгими, прежде чем прозвучало щелканье отворяемого замка.

В ярко освещенном проеме появился коренастый мужчина в грязноватой майке и длинных черных трусах, явно не местного производства. Потирая кулаком заспанные глаза, он хмуро глянул на ранних гостей и сразу все понял. Поскреб коротко подстриженную бороду, почесал заметно выпиравший животик и нехотя отступил в глубь прихожей, где уже возникла худосочная женщина в короткой шелковой комбинашке, отороченной дорогим кружевом.

Уэлдон перешагнул через порог. Детективы, опустив оружие, последовали за ним.

— Мистер Нефедов, вы арестованы по обвинению в вымогательстве, — объявил Уэлдон и скороговоркой воспроизвел традиционную формулу. — Ваше право не отвечать на вопросы, ибо все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Нефедов что-то пробурчал и смачно выругался, надо думать, по-русски. Во всяком случае эти его слова не стоило заносить в протокол.

По обе стороны от него уже стояли агенты.

— Руки, — миролюбиво улыбнулся один из них, отстегнув наручники с пояса.

— Пусть сперва оденется, — усмехнулся Уэлдон. — Ваше имя, леди? — осведомился он, указывая на стеклянную дверь спальни, откуда вышла дамочка. — Вы тоже можете набросить на себя что-нибудь, если желаете. У меня есть разрешение на обыск.

— Настя, — она растерянно оглянулась. Сонное выражение на помятом лице сменилось испугом. — Анастасия Кублицкая.

— У вас есть какое-нибудь удостоверение? Водительские права?

— Есть, я сейчас, — она нервно передернула костлявыми плечиками. — Где моя сумочка?.. Ты не знаешь, где моя сумочка, Вовчик? — пробормотала, сбиваясь с английского на русский.

— Не беспокойтесь, мисс Кублицкая, — остановил ее Уэлдон. — Вы хозяйка квартиры?

— Я, — казалось, что она все еще не могла окончательно проснуться. — Я — хозяйка. У меня есть вид на жительство!

— Все в порядке, мисс. У нас нет к вам претензий. — Уэлдон уже давно не утруждал себя ненужными формальностями. В файлах были все данные на Кублицкую, включая номера ее «зеленой карты» и водительских прав с адресом в Денвере, как и у самого Нефедова.

В ходе совместной операции FBI и секретной службы за каждым шагом Китайца велась неотступная слежка. Разрешение на телефонное прослушивание судья подписал еще два года назад. Под наблюдение были взяты все эмигранты, с которыми Нефедов встречался в Майями, Лос-Анджелесе, Бостоне, Нью-Джерси и Торонто, причем не только русские, но и итальянцы из клана Гамбино, ливанец Халиб, японец Накамура — борец «сумэ», весивший четыреста двадцать фунтов, и наркобарон из Колумбии Огастино Вальдес. Когда наружка убедилась в том, что Нефедов прочно осел на квартире Кублицкой, в FBI решили взять его именно здесь. Это давало наилучший шанс бескровного исхода: на Брайтон-Бич Китаец привык считать себя королем и обычно обходился без охраны.

Вышло, как по писаному. «Король» оказался достаточно умным, чтобы не оказывать сопротивления.

Ему дали надеть спортивный костюм, позволили связаться с адвокатом и даже подкрепиться на кухне бутербродами, затем надели наручники В ходе методичного обыска были изъяты ноут-бук, записная книжка, деловые бумаги, сотовый телефон (917-849-2073) и револьвер «парабеллум».

— У вас есть разрешение на оружие? — спросил Уэлдон.

Нефедов не ответил.

— Но это ваш револьвер?

Китаец вновь использовал право, предоставленное ему Конституцией США.

— Может быть, ваш, мисс Кублицкая?

— Первый раз вижу.

— Револьвер номер 06873, системы «парабеллум», с пятью патронами приобщается к делу.

Оружие явилось хорошим подспорьем к обвинению, выдвинутому против Нефедова. Он подозревался во многих преступлениях, но собрать достаточно убедительные доказательства удалось только по делу о вымогательстве.

В последних числах мая нефедовские боевики совершили налет на офис консалтинговой инвестиционной фирмы «Митинг трансконтинентл», принадлежавшей бывшим российским гражданам — Вячеславу Курдюмову и Юрию Кобылянскому. Под угрозой применения оружия обоих доставили в Нью-Джерси, где под русским рестораном «Гайда, тройка!» Нефедов арендовал конторское помещение.

Там он и принудил их подписать банковский вексель на четыре миллиона пятьсот сорок тысяч долларов. Охота на владельцев «Митинг трансконтинентл» началась еще в марте.

Один из частных московских банков, построивший свое благосостояние на средствах вкладчиков, вложенных на полгода под высокий процент, перевел десять миллионов на счет «Митинг трансконтинентл». Когда финансовый механизм, построенный по принципу «пирамиды», дал первый сбой, владельцы предприятия возложили вину на Министерство финансов и Центробанк. Трудно сказать, намеревались ли они рассчитаться со своими клиентами, преимущественно пенсионерами и лицами свободных профессий, или, как водится, оставить всех с носом, но, так или иначе, банк прекратил платежи.

По Москве прокатились антиправительственные демонстрации, а в адрес «Митинг трансконтинентл» поступило требование срочно возвратить те самые миллионы. Курдюмов и Кобылянский не спешили изымать деньги из оборота, что привело к трагическим последствиям. Президент лопнувшего банка был убит при невыясненных обстоятельствах. Благодаря крупной взятке следственные органы отказались от дознания, переквалифицировав убийство на самоубийство.

В Нью-Йорк зачастили доверенные лица жены и совладелицы покойного президента, которая спешно обвенчалась с таинственным незнакомцем, чье инкогнито так и не удалось раскрыть. Кто говорил — генерал с тремя звездами, кто — вор в законе. Курдюмов с Кобылянским выплатили треть суммы, но дознавшись, что за московскими эмиссарами стоит сам Китаец, в панике улетели во Флориду. Укрывшись в тропическом раю, они вошли в контакт с местным отделом FBI, откуда их передали по назначению в С-24.

Дальнейшие встречи с людьми Нефедова, включая наезд, проходили уже под наблюдением детективов.

Реджинальд Уэлдон понимал, насколько нелегко придется на суде адвокатам Китайца перед лицом неопровержимых улик, но он знал и другое. Изощренный крючкотвор может так запутать дело, что процесс растянется на долгие годы. Пришить же наркотики не удалось, невзирая на все ухищрения. Нью-йоркская полиция своим грубым вмешательством спутала все карты. Поэтому он и тянул с арестом, пока на чашу весов не лег весомый аргумент Сэма Моркрофта.

Детектив предложил создать вокруг преподобного Пола О'Греди полосу отчуждения, изолировать его от поставщиков. Пусть затрепыхается, начнет искать, пока не выведет на гангстерскую сеть, которую контролировал все тот же Китаец. По взаимной договоренности, русские обещали установить наблюдение за его порученцем в Москве — Николаем Авдеевым. Непонятно, почему они это не сделали до сих пор...

Закончив обыск, «борцы с русской мафией» усадили Нефедова в свой «кадиллак» и повезли на Манхэттен, в федеральную штаб-квартиру. Здесь его без церемоний подвергли телесному осмотру, сфотографировали в трех ракурсах и дактилоскопировали.

Когда, вновь надев арестанту наручники, детективы выводили его для отправки в тюрьму, их атаковала толпа журналистов. Один Господь знает, как им удается пронюхать, где можно ухватить поживу! Взбешенный Китаец, винивший в своих бедах прессу, поднявшую вокруг него трескотню, плюнул в лицо хорошенькой репортерше из «Юнайтед пресс», а корреспондента «Нью-Йорк Таймс» пнул ногой, выбив у него из рук «Пентакс» со вспышкой. Мастер бокса, он бы свалил этого писаку апперкотом, если бы не стальные браслеты.

В тот же день взяли еще восьмерых. Все, как один, подельники и компатриоты плененного «короля».

А Сэму Моркрофту похвастаться было нечем. Прослушивание О'Греди пока не принесло ощутимых результатов. В переговорах он соблюдал предельную осторожность. Условный язык, зашифрованные названия — ничего конкретного. Имена также не назывались. За все четыре дня он ни разу не попытался выйти на Нефедова или разыскать Пидкоблученко, на квартире которого, угол Мэдисон-авеню и Сто семнадцатой улицы, устроили засаду.

Проверка абонентов О'Греди, коих набралось более сорока, показала, что оперативный интерес представляют в лучшем случае трое: миссис Фергюссон, содержательница мотеля на окраине Бостона, преподобный отец Мартин, собрат по лиге, обосновавшийся в Гринич Виллидж, и неизвестный, который связывался по сотовому телефону из самых разных мест. Нанесенные на карту точки группировались в широком ареале от округа Вашингтон до Нью-Джерси. Большая их часть пришлась на Манхэттен и Бруклин. Звонил он, как правило, из машины, о чем свидетельствовало перемещение сигнала по планам на дисплее. Только единожды световое пятно осталось неподвижным на шахматной сетке кварталов и улиц нью-йоркского Чайна-тауна. Дежурный оператор предположил, что абонент находится в одном из магазинчиков, примыкавших к ресторану «Мэй Фэй», или в самом ресторане, специализирующемся на кантонской кухне.

Моркрофт отдал на сравнительный анализ копию видеокассеты, запечатлевшую встречу Пидкоблученко с Чжан Канканом. Сопоставив звуковые характеристики, эксперт пришел

к заключению, что голос, записанный при прослушивании, с восьмидесятипроцентной вероятностью принадлежит тому же лицу, то есть Чжан Канкану.

Треугольник замкнулся.

Отпечатанные с видеокассеты фотографии раздали агентам. Моркрофт лично отправился в «Мэй Фэй», но хозяин и официантки при взгляде на снимки лишь отрицательно мотали головой. Нет, они не знают этого человека и никогда не видели его у себя.

Местный полицейский, к которому он обратился с аналогичной просьбой, сочувственно улыбнулся.

— Вы ничего здесь не добьетесь. Китайцы принципиально не выдают своих. Сами разбираются, если гангстеры начинают наглеть и выходят за установленные рамки. К нам за помощью не обращаются, да мы и не лезем особенно. Зачем? Из всех районов Нью-Йорка этот самый благополучный. Конечно, не обходится без трупов. Как же без этого? Только мы их никогда не находим. Все шито-крыто. Так-то, приятель... Не хотите прохладиться бутылочкой пивка? Папаша Лан, — он назвал хозяина ресторана, — получает его прямо из Пекина. Дешевое, а по качеству не хуже «Премиума». И пельмени отличные. Не пожалеете. Я даже очень уважаю китайцев. Достойные люди. Тихо, спокойно, ни поножовщины, ни стрельбы, а где они сводят счеты, не мое дело.

— Ладно, уговорили, — махнул рукой Моркрофт и поплелся за копом обратно, в «Мэй Фэй». Он чертовски вымотался за эти дни.

Над входным проемом в три четверти круга, охраняемым парой львов из бирюзовой керамики, нависал козырек с выгнутыми концами из такой же сияющей черепицы. Полицейский, сунув руку в львиную пасть, покатал там какой-то шарик.

— На счастье, — подмигнул он. — Поневоле заделаешься китайцем. Вам еще и доброе предсказание подадут на десерт.

— Раз так, я угощаю, — сказал Моркрофт, проделав ту же процедуру.

— Идет, приятель. Я — Дэйв Стюарт.

— Сэм Моркрофт.

За двустворчатой дверью, покрытой алым лаком, открывался узкий коридор. Он под прямым углом сворачивал к лестнице. Ресторанный зал находился внизу.

— Вы обратили внимание на двери? Они почему круглые? — счел своим долгом объяснить Стюарт. — От злых духов! И повороты — тоже. Китайцы верят, что черти летают только по прямой. Чудаки!

В нос ударил бальзамический запах курений, кипящего масла и всяческих пряностей. Почти все столики пустовали. Стюарт остановился возле стойки, отгороженной от лестницы лаковыми ширмами с перламутровой инкрустацией.

Пиво в зеленых бутылках со звездой на этикетке и впрямь оказалось недурным, а пельмени Моркрофту не понравились: слишком большие и сытные. В русском ресторане «Самовар» на Брайтон-Бич они были намного вкуснее и совсем крохотные. Но он похвалил.

— А что натворил парень, которого вы разыскиваете? — спросил Стюарт, взяв сигару у китаянки в розовой кофточке и синих шароварах.

— Хотелось задать ему несколько вопросов, — ушел от прямого ответа Моркрофт. — Но ничего не поделаешь — не повезло.

— Вы напрасно сюда сунулись, Сэм. Уже сегодня он будет знать, что его разыскивают.

— Что делать?.. Не учел национальной специфики, — Моркрофт мысленно признал правоту Дэйва. — А у этого Лана все чисто?

— В смысле?

— Ну, хотя бы наркотиков. За китайцами водится такой грех.

— За кем не водится, друг?.. Ты что, новичок в этом деле? Насколько я знаю, у вас парни зубастые.

— Ты не ошибся — зубастые, не мне чета. Я первый раз на задании... На таком задании, — уточнил Моркрофт.

— Темнишь!

— Зачем мне?

— Я же вижу: темнишь. Секретная служба не станет мелочиться ради какого-то уличного разносчика. Так?.. Ловишь матерого зверя?

— Вот это и предстоит выяснить, — пряча улыбку, кивнул Моркрофт. Настойчивость копа его позабавила: цепкий парень. — Вижу, на моем месте ты бы действовал более успешно.

— Мне и на своем не скучно. Хотел бы помочь тебе, Сэм.

— В самом деле?

— Не знаю, почему, но ты мне нравишься.

— И ты мне, Дэйв.

— У тебя ведь есть осведомители?

— Как же без них?

— Наркоманы?

— Попадаются и такие.

— А говоришь — новичок.

— Нет, Дэйв, это ты говоришь. Я только сказал, что первый раз на таком задании, но за совет спасибо.

— Совет? Какой совет? Я не давал тебе никаких советов, только спросил.

— Но я все понял. Взять за горло осведомителя, посадить на диету и довести до ломки. За порцию порошка он тебе отца родного продаст. Верно, Дэйв?

— Это незаконные действия.

— И называется пыткой третьей степени... Тем не менее подобное практикуется? Ты же не станешь отрицать?

— Теперь я вижу, что ты профессионал, Сэм, — криво усмехнулся Стюарт и щелкнул пальцами, подзывая официантку. Она принесла золоченую утку, внутри которой лежал счет. Он потянулся к заднему карману за бумажников.

— Чем-то обидел тебя? Мы же договорились: угощаю я.

— Как знаешь, но я на самом деле хотел помочь.

— Так помоги! Я готов закрыть глаза на небольшое отступление от принятых правил. Ты понимаешь, о чем говорю?.. Когда на карту поставлена жизнь сотен, если не тысяч людей — я не преувеличиваю, офицер, тысяч! — все средства хороши. Но у меня нет человека, который может вывести на этого кабана. Нет... Я в твоем районе, Дэйв, на твоем участке. Он был здесь не далее как вчера. Возможно, даже в этом же ресторане! Звонил отсюда такой же сволочи, как и сам. Вот ведь какая штука... Последствия я возьму на себя. Не сомневайся.

— Как его имя? — спросил Стюарт после недолгого размышления. — Или это секрет?

— Не для тебя, Дэйв. Его имя Чжан Канкан, но я далеко не уверен, что оно настоящее.

— Карточку не одолжишь?

— Бери все, — бросив на стол конверт, Моркрофт положил в утку полусотенную купюру и спрятал счет. — Фирма платит, — развел руками, словно извиняясь. — У тебя еще нет такой? — спросил, дав Стюарту налюбоваться на одутловатую физиономию «всадника».

— У меня? — удивился полицейский. — С какой стати?

— Значит, завтра получишь у своего лейтенанта. Мы разослали повсюду.

— Выходит, я не ошибся: крупная дичь. И впрямь на кабана похож.

— Ты всегда можешь найти меня по этому телефону, — Моркрофт ногтем обвел номер на визитке.

— О'кей, детектив. Я тебе позвоню. За успех не ручаюсь, но что смогу, сделаю.

— На большее я и не рассчитываю. Надеюсь на тебя, Дэйв, а теперь давай узнаем, что уготовил нам рок, — Моркрофт разломал двояковыпуклое, как линза, печенье, внутри которого лежала тоненькая полоска бумаги.

«Западный ветер принесет Вам приятное удивление» — гласил отпечатанный на машинке текст.

— Они всегда обещают только хорошее, — сказал Стюарт, раздавив хрупкую скорлупу.

— Но слишком неопределенно.

Из машины позвонил в FBI. Дилайла Брейтуэйт была на задании.

— Взяли? — спросил дежурного.

— Уже за решеткой.

— Что-нибудь нашли?

— Файлы и записную книжку. Там адреса, номера счетов, компьютерные коды. Ждут тебя.

«Вот тебе и западный ветер».

— Еду, спасибо.

Глава сорок третья

БРИФИНГ

Вызов к новому хозяину МВД явился для Корнилова полной неожиданностью. Человек сугубо военный, министр к оперативной работе прямого отношения не имел. Ко всему прочему, он неделю как возвратился из Грозного, где вел переговоры с дудаевцами, и едва ли успел войти в курс дела. Впрочем, какие-то подвижки уже обозначились. Один заместитель лег в больницу на профилактику, другой отправился на отдых в Сочи. Говорили, что приказы об их увольнении лежат на столе Президента.

Но от генералов до подполковника, да еще из московского главка, а не центрального аппарата, — дистанция астрономическая.

Ситуация немного прояснилась, когда, войдя в министерский кабинет, Корнилов увидел мэра и своего непосредственного начальника. Стало хотя бы понятно, откуда дует ветер. Мэр частенько поругивал муровцев, но всячески давал понять, что на него можно рассчитывать. Константину Ивановичу даже не предложили сесть. Так и стоял у торца длинного стола заседаний, пока за него говорили другие. Все решилось в считанные минуты.

Из приемной он, совершенно ошарашенный, вышел полковником, получив назначение на пост начальника Регионального управления по борьбе с организованной преступностью.

Первое, от самого министра, поручение — собрать брифинг — удивило, пожалуй, не меньше, чем третья звезда на погоны. Создалось впечатление, что все заранее решено и просчитано на два хода вперед.

Мэрия ради такого случая предоставила зал напротив Столешникова, можно сказать, по соседству, и расщедрилась на легкий фуршет, как привыкли выражаться, позабыв, что есть еще a la.

Так и не надумав, о чем говорить, Корнилов сосредоточился на уголовных авторитетах.

— Я не знаю, чем руководствуются судьи, отпуская воров в законе, но привлечь их к уголовной ответственности действительно не так просто как может показаться с первого взгляда. Главная трудность в том, что сами они идут на преступление крайне редко... Пусть это не покажется странным, — услышав саркастический смешок, он слегка повысил голос. — Я бы сказал, в исключительных случаях, предпочитая действовать руками шестерок, боевиков. А расколоть, простите за выражение, исполнителя — не простая задача. Если он выдаст заказчика, то, как минимум, будет снят с довольствия. Я про общак говорю. Знаете небось?

Не дождавшись отклика — слушали его без видимого интереса, — Корнилов закончил мысль.

— Без поддержки с воли в тюрьме тяжело, но куда страшнее, если однажды ночью тебя придушит твой же сокамерник. Вот и получается, что колоться боевику не с руки. Какой же выход, спрашивается?

— И какой? — ослепив Корнилова вспышкой, с места встала высокая девушка в облегающих джинсах «Джордаш».

— Может, подскажете? Скажу спасибо.

Поскольку ни сам Константин Иванович, ни большинство собравшихся толком не знали, чем брифинг отличается от пресс-конференции, регламент нарушился, и пошли вопросы.

— Пожалуйста, называйте хотя бы свой орган, — попросила стенографистка в лейтенантских погонах, вызвав смех и одобрительный посвист молодежной по преимуществу аудитории.

— Газета «Комсомолец столицы» — мой боевой орган! — последовала незамедлительная реакция. — Вы ловите, судья выпускает, снова начнете ловить? Мартышкин труд получается.

— Я бы не стал утверждать столь категорично, но, будь моя воля, брал бы эту публику по выходу из зала суда... А если серьезно, кое-какие наработки у нас есть. Когда сняли табу с самого термина «организованная преступность», мы начали изучать образ жизни воровской элиты. У этой братии имеется своя ахиллесова пята — наркотики. От привычки, что приобретается в зоне, избавиться практически невозможно. Сами понимаете: биологическая зависимость. На этом мы их и берем. Хранение наркотического зелья, оружия — наши козыри. Хотя бы так удается подогнать под статью.

— Кошкины слезы!

— Вижу, вас на зоологию потянуло: кошки, мартышки... Да, сроки небольшие, но, говоря вашим языком, с паршивой овцы хоть файфоклок. Пусть посидят, подумают...

— Как обстоят дела с отмыванием денег? У нас есть сведения, что их прокручивают во всех московских банках. В «Регенте», в частности. Ваше мнение... Воронов из «Коммерсант-уикли».

— Конкретной информацией не владею, — уклонился Корнилов, — но в целом картина невеселая. Я не знаю в нашей экономике такой области, которая была бы свободна от криминала. Особой притягательностью, вы совершенно правы, отличаются финансовые операции, риэлтрская деятельность, автобизнес, казино и, к сожалению, нефть. В Америке, кстати, примерно такая же раскладка. За исключением нефти.

— Нам до Америки, как до луны. Не в смысле преступлений. Тут мы в лидерах.

— Это вопрос или констатация факта?

— Констатация. А вопрос у меня такой: как вы отнеслись к аресту Китайца? «Блиц-Новости».

— Одобрительно.

— И все?

— Чего же еще? Разве что поздравить американских коллег с успехом?

— Журнал «Знай и умей». Кто теперь король преступного мира?

— Я еще не читал светской хроники.

— Еженедельник «Женские дела»... Вы тут образ жизни авторитетов изучаете, психологией занимаетесь, а девушек убивают. Какие новости о Печенкине?

— Такого не знаю... Но если вы говорите о маньяке, совершившем четыре зверских убийства, его ищут. Притом не только в России. Аналогичные преступления были совершены в Париже и Нью-Йорке. Сейчас к поискам подключился Ин-

терпол... Но я бы хотел задержаться на проблеме психологии. Вы, девушка, сказали...

— Я — женщина!

— Извините, гражданочка, не хотел вас обидеть... Вы упрекаете уголовный розыск за интерес к психологии преступника. Думаю, это не совсем правомерно. Вспомните хотя бы Чикатило. Сколько на нем повисло убийств? И сколько времени не удавалось выйти на след?.. Помог специалист, обрисовавший психологию маньяка, его внутренний мир, привычки и даже образ жизни.

— Еженедельник «Времена и нравы». Где сейчас находится Авдеев?

— Не имею понятия, — меньше всего Корнилов был готов обсуждать эту тему. — Еще вопросы?

— Нет, простите, Константин Иванович, вы должны знать. Вы же его брали!

— Брал. Вы лучше спросите у тех, кто выпускал на свободу. Я не знаю, где он.

— Закупает «мерседесы» у немцев через «Регент Универсал Банк».

Время, отведенное для брифинга, подходило к концу, но «Времена и нравы» обнаружили крутой нрав. Их было двое: тучный бородач с микрофоном и верткий юноша, державший его в прицеле видеокамеры.

— Ходят слухи, что он выставит свою кандидатуру на выборах в Думу. Вы не намерены воспрепятствовать? А то ведь туго придется. Против депутатского иммунитета не попрешь!

— Я знаю верное средство воспрепятствовать: не выбирайте.

— Расскажите об участии уголовных авторитетов в лоббировании законов. Андрей Солистиков, радиостанция «Свобода».

— Это долгий разговор. Но вопрос хороший. Лидеры преступного мира участвуют в лоббировании многих важных мероприятий в самых разнообразных сферах: от налогов до уголовного права. Хлеб насущный, как понимаете... Видное место занимают и выборы. Помимо того, что воры в законе сами лезут в депутаты, они еще и финансируют предвыборную кампанию некоторых политических партий.

— Не можете назвать, каких?

— Не владею вопросом. Я ведь простой советский сыщик, товарищи, — вызвав оживление, Корнилов собрался было закруглиться, но редактор новой газеты «Еще и еще» переключил общее внимание на проституцию и работорговлю.

— Не торговлю телом, — обстоятельно и со смаком разъяснил он, — так сказать, «живым товаром», а поставку девушек и даже девочек в зарубежные бордели, стриптиз- и топлиз-бары, гаремы шейхов. Хотелось бы знать приблизительную сумму оборота. Любовь приносит больше дохода, чем наркотики?

— Не берусь судить, какой промысел дает наибольшие дивиденды. Триллионы, инвестируемые в экономику и политику, «заработаны» — в кавычках! — самыми грязными способами: грабежи, разбой, вымогательства, торговля оружием и наркотиками. Львиная доля уходит, как я уже сказал, в общак, которым распоряжаются только коронованные особы. Между прочим, нервишки иной раз не выдерживают. Что бывает с теми, кто накладывает лапу на «золотой запас» преступных группировок, вы, думаю, догадываетесь. За прошлый год подстрелили девять воров в законе и восемнадцать авторитетов. Не знаю, как вас, а меня не радует такой процесс самоочищения. Выстрелы вообще не должны звучать на московских улицах... Тут справедливо указывали, что в банках отмываются грязные деньги. Они не только отмываются, но и работают, принося колоссальные прибыли. Короли у нас научились жить по-королевски. Если время позволит, могу привести некоторые примеры. Некто по кличке Циркуль выстроил в ближнем Подмосковье настоящий дворец с зубчатой стеной, башнями, откидным мостиком. Не дворец — за́мок. Лидер очаковской группировки Стась открыл в прошлом году пятизвездный отель в Будапеште. На самой престижной улице Ваци. Помимо этого у него роскошная гостиница в Вене, с рестораном и стриптиз-баром, мотель в Братиславе. Живет — не тужит. Заведения процветают, доходы растут и, заметьте, никаких неприятностей со стороны правоохранительных органов. Ну, я понимаю, Словакия, Венгрия. Молодые демократии, словом, недалеко ушли от нас... Но Австрия! Выводы делайте сами. Нас — я имею в виду милицию и конкретно себя — есть за что бить и очень крепко, однако... Подумайте над моими словами. Договорились? Знаменитого Китайца, кстати сказать, Федеральное бюро расследований почти два года пасло. Спасибо за внимание.

Ему вяло похлопали. Заслышав звяканье столовых приборов, народ устремился к выходу. Неожиданно с пламенной речью выступил издатель и редактор невзрачного листка под названием «Ять».

— Послушать нас, так уши вянут! — заорал он, приставив ладони рупором. — Брифинг какой-то выдумали, презентации, лоббирование, инвестиции, дивиденды, структуры! Неужели

хороших русских слов не осталось? А, господа? Или только одно: вор в законе? Стыд и срам!

— Против фуршета не возражает, — поддел кто-то.

Корнилов собрал со стола бумаги и посмотрел на часы. Десять минут он определенно перебрал, но, кажется, прошло не так уж и скверно.

— Я не слишком осрамился? — спросил он помощника мэра, сидевшего рядом со стенографисткой.

— Будем считать, что ваша инногурация состоялась. Поздравляю, полковник.

Константин Иванович сошел со сцены и чуть не столкнулся с той самой корреспонденткой в джинсах, которая задала первый вопрос. От нее повеяло тонким цветочным ароматом, от которого сладко заныло сердце.

— Я могу спросить вас не для печати?

— Сделайте одолжение.

— Меня зовут Майя, Майя Раздольская.

— Очень приятно.

— Я представляю еженедельник «Тайная власть». Знаете нашу газету?

— Честно говоря, — почему-то смутился Константин Иванович, — я как-то перестал следить за печатью... Нет времени.

— Неважно. Мы специализируемся на таких темах, как магия, астрология, алхимия и вообще. Тайные науки и тайная власть. Власть звезд, власть судьбы, вещих снов, предсказаний, пророчеств, предвидений.

— Интересно, — дипломатично поддакнул Корнилов.

— Очень. Я прямо-таки в упоении от всего этого. Столько нового, увлекательного. Но тайная власть — это не только всяческая изотерика, но вполне реальная власть над человеческими душами. Вы понимаете?

— Религия? Или вы больше тайными обществами интересуетесь, вроде масонов, про которых чего только не наговорили?

— И то, и другое, и третье — все это наша тематика. В настоящее время меня больше всего волнуют секты. «АУМ сенрикё», правда, всем поднадоела, но ведь последнее слово не сказано? Так?

— Вероятно. Будем надеяться.

— А что вы думаете об «Атмане»? Лиге последнего просветления?

— Ничего не думаю. Мало что про нее знаю.

— Очень жаль. Как вы не понимаете? — она взволнованно прижала руки к груди, блеснув гранями крупного изум-

руда. — Это же тоталитарная секта! То-та-ли-тарная. Они могут таких бед натворить, что Асахара с его зарином младенцем покажется.

— Полагаете? — Корнилов вскользь глянул на очаровательную посланницу тайных сил. Вблизи она уже не показалась ему такой молодой. «Лет двадцать пять, но хороша, ничего не скажешь».

— Я знаю, — с нажимом произнесла она. — Они погубили мою подругу, прекрасную женщину, замечательную певицу. Мы не видели ее почти три месяца. Где она, что с ней? Ужасно.

— Может быть, все не так страшно?

— Страшно. Именно, что страшно! Они сделают, что не удалось Асахаре.

— Вы говорите — они. Кто конкретно? Фамилии, адреса? Факты, Майя... Простите, отчество?

— Типично милицейский подход... Просто — Майя.

— У меня — да, милицейский, а у вас? Журналистский? Я — рядовой представитель власти, не тайной, а — как бы точнее сказать? — публичной. Вы хотите, чтобы мы разыскали вашу подругу? Спасли ее? Но, простите, для этого нужны исходные данные. Ее похитили?

— Завербовали, околдовали, загипнотизировали — я не знаю, что они с ней сделали, только она потеряла себя. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Я вовсе не собиралась ни о чем просить. Поймите же вы наконец, что над всеми нависла угроза вселенской катастрофы! Нужно бить во все колокола, иначе они сделают это!

— Снова — они! Так мы далеко не уедем... Бить во все колокола! Легко сказать. Почему же не бьете? Написали бы хоть в вашей газете. Глядишь, письма пойдут. Кто-то откликнется, вот и потянется ниточка.

— Я писала и буду писать, но вы же ничего не читаете. Никто не читает... Нет, вы не думайте, у нас большой тираж, но круг немного не тот, специфический. Власть предержащие о нас и не знают. Простите, что напрасно отняла у вас время.

— Не стоит. Был рад знакомству, Майя.

Корнилов не чувствовал угрызений совести, что вынужден был валять дурака. Скрыв за маской холодного безразличия свой интерес к секте, он действовал профессионально, и только. Но какая-то смутная неудовлетворенность не давала ему покоя.

На работе уже знали о новом назначении. Восторженные, но далеко не всегда искренние поздравления, намеки на

скромный банкет и все прочее, что обычно полагается по такому случаю.

Улучив свободную минуту, он навел справки о Майе Раздольской. По линии МВД и ФСБ на нее ничего не было. Но на психиатрическом учете она состояла.

«Жаль!»

Глава сорок четвертая

ГАМБУРГ

Полнолуние в Северной Корее ознаменовалось дивным видением. Сотни поколений привыкли различать волшебного зайца в тенях на светлом лике владычицы ночи, но что-то неуловимо переместилось в их причудливых сочетаниях, и толпы людей, заполнивших улицы Пхеньяна, увидели вдруг знакомые черты «любимого и уважаемого вождя и отца». Знамение было истолковано однозначно: душа почившего Ким Ир Сена теперь на Луне.

Южнее тридцать восьмой параллели, в столице Южной Кореи — Сеуле, где еще оплакивали жертв рухнувшего универмага и обвалившегося моста, ночь прошла без чудес. Полная луна, обливая фосфорическим глянцем черепицу древних буддийских храмов, несла сквозь легкие облачка с детства знакомый профиль трудолюбивого зайца, занятого приготовлением эликсира бессмертия.

Когда же заступило на стражу дневное светило и, поднявшись в зенит, озарило исполинскую чашу олимпийского стадиона, в ложе появился живой бог.

Сан Мён Мун, сопровождаемый неразлучной супругой, приблизился к микрофонам и, подняв благословляющую длань, открыл свадебную церемонию. Божественную чету, облаченную в желтые — цвет императоров — одежды, в венцах со звездами на челе, глубоким поклоном почтили семьдесят тысяч пар, готовых связать себя священными узами брака. Подобной свадьбы не видел мир. Недаром сообщение о ней заранее было послано редакторам Книги рекордов Гиннесса. Оригинальность данного спортивно-матримониального предприятия заключалась не только в его беспрецедентной массовости. Подавляющее большинство женихов и невест впервые увидели своих суженых только здесь, на стадионе. Официально считалось, что пары подбирал лично Мун. На самом деле он лишь утвердил списки, подготовленные в приходах его вселенской «церкви унификации».

В тот же день, но с учетом движения Солнца по часовым поясам, аналогичные мероприятия, правда, не столь грандиозных масштабов, прошли в Париже, Гамбурге, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Торонто и Москве.

Бывший слесарь и недоучившийся студент, Мун решил напомнить о себе заблудшему в пороках человечеству в самый критический момент, когда сорвалась и погасла звезда Асахары, а на горизонте в кровавых испарениях появилась неведомая доселе комета, влача за собой шлейф пугающих слухов. По мысли устроителей, возможно, интуитивной, свадебное веселье призвано было развеять мрачные опасения, связанные с преступной деятельностью «АУМ сенрикё», эсхатологическими проповедями Лиги последнего просветления и прочих сект, запятнавших свои непорочные ризы человекоубийством. Сколь коротка память поколений! Никто и не вспомнил, что «живой бог» — Мун называл себя то Иоанном Крестителем, то самим Христом — сидел в корейских тюрьмах за совращение малолетних прихожанок, а в Америке — за неуплату налогов. Джимми Джонс, умертвивший всю свою паству, тоже на первых порах объявлял себя земным воплощением Иисуса, Будды и председателя Мао Цзэдуна в едином лице, но быстро опомнился, удовольствовавшись скромным титулом бога вообще.

Юные супруги, впервые в жизни взглянувшие друг другу в глаза, ничего не знали о боге по имени Джимми, сгинувшем в тропических дебрях, как не помнили и слышать не желали о сексуальных похождениях Сен Мён Муна, ибо нет прошлого у богов.

Все времена тонут в бездне вечности.

Четыре миллиона адептов восторженно приветствовали своего кумира, совершавшего вояж по странам и континентам.

В Москве его принимал президент Горбачев, едва ли сознававший, с кем он имеет дело. Мун, Асахара, Рон Хоббарт — какая разница? Главное — харизматический лидер.

— «Мунизм — государственная религия России», — провозгласил Мун еще при коммунистах, и такое сошло.

— «Я беседовал с учителями, включая Христа, и в мудрости победил их», — заявил он, прибыв в Нью-Йорк, и это тоже проехало под восторженный визг.

Циклон с Северного моря принес в Гамбург холодный ливень, но к полудню погода улучшилась, и свадебные торжества мунистов прошли при ясном солнце.

На Воробьевых горах, в Москве, в этот час уже приступили к праздничному застолью, в Сеуле наступила ночь, которую без преувеличения можно назвать брачной, а над Пхеньяном вновь взошла Луна с портретом незабвенного вождя, который полвека назад служил в советской военной разведке в чине капитана и был удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

Всех, кто помнил этот факт биографии, давным-давно расстреляли...

К событиям в Гамбурге, что и событиями назвать нельзя, покойный вождь и живой бог Мун не имели касательства. В свадебной церемонии на морском берегу приняли участие всего-навсего тридцать семь пар, а последователей Ким Ир Сена, пожалуй, и вовсе не было в старом ганзейском городе. Но, хоть и успела набить оскомину непреложная истина, что Солнце одно на всех, и Луна — одна, и все связано в пространстве-времени, никуда от нее не денешься. Свято место пусто не бывает. Мун далеко, Асахара дожидается суда в токийской каталажке, зато в Альтоне объявился некто Шри Скандха, свой местный божок — тоже Христос и Будда, а заодно и тримурти — индийская троица: Брахма, Вишну и Шива.

— Я хочу, чтобы каждая моя просьба воспринималась вами, как приказ Господень, — так говорил он ученикам. — Если вы не станете повиноваться мне, у вас сначала разрушится душа, а потом вы умрете физически.

Дав просохнуть траве, фрау Аннелиза Далюге занялась работами в цветнике, но ее мысли были заняты сыном. Он не давал о себе знать целый месяц. Мальчик и раньше надолго исчезал из дому, но всегда возвращался. Ему пошел двадцать шестой год, он уже взрослый и имеет право на личную жизнь. Несколько необычный характер этой жизни не слишком тревожил почтенную даму. В том, что ее Эдмунд примкнул к последователям какой-то индийской религии, она не видела ничего необычного. Такая уж нынче пошла молодежь. Вечно чего-то ищут, бунтуют, и вообще их не устраивает жизнь, которую ведут родители. Еще в раннем детстве у Эди обнаружилась склонность к бродяжничеству. Первый раз такое случилось, когда ему не было и шести лет. Пришлось даже обращаться в полицию.

Домашний врач объяснял странности в поведении ребенка родовой травмой: ему прижали щипцами головку. Отсюда ужасные мигрени, ночное недержание мочи, обмороки. Наверное, и стихи, что он начал писать в школе, тоже как-то связаны с общим состоянием. Не только она, но и муж Гюнтер так и не смог понять, какая в них заложена мысль. В

том, что какая-то мысль обязательно должна быть «заложена», фрау Далюге не испытывала сомнений.

Рожденный умереть, иду искать ручей:
Хочу убить родник, с прасущим чтоб не слиться.

И такое сочинил десятилетний подросток!

Все рождены, чтобы в урочный час оставить мир, и никому не возбраняется искать ручей, реку или еще что-то. Но как можно убить родник? Замуровать, что ли? Все равно где-нибудь просочится. И, главное, зачем? Не слиться с прасущим? Она и слова такого не знала.

Гюнтер, а он, слава Богу, доктор и дипломированный инженер, рассмеялся и объяснил, что прасущее — это нечто гипотетическое, предшествующее сущности.

Сплошная глупость, короче. С возрастом пройдет.

Действительно, постепенно ребенок выровнялся, окреп, увлекся спортом, даже стал чемпионом на ежегодной регате. И учился хорошо. Правда, закончив школу, отказался встать под знамена бундесвера, избрав альтернативную службу в психиатрической больнице под Альтоной.

— Армия сделала бы из него мужчину, — огорчился отец, — но это его дело. Если ему приятнее выносить горшки, нежели маршировать, пусть.

В больнице все и началось. Кто бы мог подумать, что «прасущее» станет постоянным пунктиком? Далюге-младший познакомился с Эберхартом Ганом, бывшим бегуном на дальние дистанции, проходившим курс лечения от алкоголизма. Выписавшись, этот тип пригласил Эди погостить в лесничестве, в доме папаши, такого же психа. Там уже обосновался с группой последователей индус Шри Скандха, которого они почтительно именовали гуру — учитель. Вся компания забиралась в самую чащобу, где у каждого было свое любимое дерево, которое — дикий обычай! — надлежало подкармливать собственной кровью.

— Мы медитируем под сенью буков, ставших нашей неотъемлемой частью, — туманно объяснил Эдмунд, вернувшись в Гамбург. От новых друзей он был в восторге. — Если бы вы только знали, какие прекрасные люди! Чистые, добрые, честные! Я счастлив, что они приняли меня в свой круг.

Аннелиза не знала, что значит «медитировать».

— Они так молятся, — растолковал Гюнтер.

— Молятся? Но какому Богу?

— Не все ли равно? Бог один.

Фрау Далюге не стала доискиваться. В конце концов нет ничего плохого в том, что сын сделался набожным. Она тоже

посещала кирху по воскресеньям и жертвовала на благотворительные цели, не спрашивая пастора как иные дамы, зачтется ли это на небесах.

Перемены, происшедшие в мальчике, ее удивили и, пожалуй, встревожили. Во-первых, он заделался ревностным вегетарианцем. Вместо свинины с кислой капустой и тмином, которую обожал, ел теперь одни вареные овощи, орехи и какие-то семена. Огорчило другое. Эди, не сказав и полслова, продал гоночную яхту, а деньги послал своему черномазому гуру. Из дома исчезли ценные вещи: штучное охотничье оружие, золотой антикварный хронометр, подаренный покойным дедом, и огромный бивень мамонта, который привез Иоганн Кидин, русский партнер Гюнтера.

На все вопросы Эди твердил одно:

— Я хочу обрести просветление.

Он расстался со школьными приятелями, оставил Грету, с которой дружил много лет. Аннелиза видела в ней будущую невестку: скромная, работящая, из хорошей семьи.

На упрек матери Эдмунд цинично ответил стихами:

Врата рождения покинув,
Я больше в vulva не войду.

Не зная о том, что Шри Скандха требует от учеников полового воздержания, она была оскорблена медицинским термином.

И вообще сын стал груб, нетерпелив, вспыльчив. Стоило не так отозваться про его гуру, как он впадал в неистовство.

— Гуру все для меня! Он мой бог! Гуру будет сопровождать меня на пути к смерти!

Ну можно ли всерьез относиться к подобным заявлениям? «Гуру — бог»? Какая глупость! «На пути к смерти»? Мальчик переживет этого возомнившего о себе эмигранта, о котором следует заявить в полицию. Вымогатель и аферист!

Звонить в полицию Гюнтер отсоветовал.

— Нам не нужна огласка. Или ты хочешь, чтобы все узнали, какой у нас сын? Его примут за сумасшедшего. Это мы с тобой знаем, что он просто неудавшийся поэт. Он же бредит стихами! «Путь к смерти», «моление пустоте» — это поэтические метафоры. Как можно молиться пустоте? Ничего, перебесится... Денег все равно не вернешь. Яхта обошлась мне в семьдесят тысяч марок, но он вправе распорядиться своей вещью по собственному усмотрению... Ты не считаешь?

Аннелиза привыкла во всем соглашаться с мужем.

Переходя со ступеньки на ступеньку альпийской горки в саду перед домом, она методично обрезала сухие стебельки

на кустах своих любимых гортензий. В это лето они были особенно хороши: голубые, белые, фиолетовые, розовые. Шапки махровых соцветий радовали глаз. Над ними порхали мотыльки, жужжали пчелки и какая-то крохотная пичужка, напившись из струйки, сбегавшей по ноздреватым, декорированным мохом и папоротником камням, уютно устроилась на цветущей ветке.

Растения умиротворяют, успокаивают, отвлекают от грустных мыслей. Не так уж глуп Эди, что породнился с деревом. Конечно же, Гюнтер прав. Смешно принимать за чистую монету поэтические преувеличения. Нельзя породниться с каким-то там буком и уж тем более передать ему свою душу. Это просто стихи. Шиллер в своих балладах и не такое накручивал. Оживают мертвецы, рыба приносит со дна моря перстень... Милый вздор. Или взять «Ивиковы журавли»?

Заслышав телефонный звонок — трубка с антенной лежала на плетеном столике в глубине сада, — Аннелиза заспешила вниз, вспугивая пригревшихся на ступеньках ящериц. Оступившись, она чуть было не разбила глиняного садового гнома в красном колпаке.

«А гномы разве не поэтическая фантазия?» — осенило ее. Где-то она слыхала, что Клопшток тоже не отличался в юности особым благонравием. Наверное, все поэты такие. Сначала их не понимают, потом ставят памятники.

— Мама, это я! — услышала она родной голос. — Мама, гуру сказал, что я умру в следующую пятницу. У нас с тобой осталась одна неделя. Мы скоро увидимся: я хочу умереть дома.

— Эди! Что ты такое говоришь? Где ты, Эди?!

Но он уже дал отбой.

Фрау Далюге схватилась за сердце. Ей стало нехорошо. Опустившись в заскрипевшее под ней кресло, тоже плетеное, она разрыдалась, но когда схлынул первый приступ отчаяния, немного успокоилась и попробовала рассуждать здраво.

Откуда этот проклятый индиец знает, когда должен умереть ее дорогой единственный мальчик? Почему именно в пятницу? Как Иисус? Но они не веруют в Иисуса, молятся пустоте, смешивают кровь с соком деревьев. Эдмунд разговаривал вполне спокойно, может быть, немного экзальтированно, но он вообще такой. Ни горечи, ни печали она в его голосе не почувствовала. Таким тоном сообщают о самых будничных вещах, только не о смерти. Бред какой-то, не иначе. Или это у них шутка такая? Злой, бессердечный мальчишка!

Аннелиза решила позвонить мужу.

Вопреки ее ожиданию, Гюнтер воспринял сообщение исключительно серьезно.

— Откуда он звонил?

— Не знаю! Он ничего не сказал. Я спросила, но Эди уже повесил трубку.

— Дура! — вспылил генеральный директор I.G.Biotechnologie. — Сколько раз надо повторять, что все номера у нас автоматически записываются?

Она жалобно всхлипнула.

— Успокойся, Анхен, — в отличие от сына, который быстро впадал в агрессию, Гюнтер Далюге был отходчив, благодушен и жизнелюбив. Молоденькие шлюшки ничуть не мешали ему лелеять свою старушку. Он дорожил домашним уютом и покоем в семье. Поэтому и на выходки Эдмунда взирал сквозь пальцы. Но теперь, когда, кажется, дошло до крайности, пришла пора действовать со всей решительностью. — Я сейчас выезжаю и разберусь.

Когда его «мерседес» въехал в ворота, Аннелиза почти успокоилась. Раз в дело вмешался Гюнтер, все уладится.

Регистратор номеров — такие приборы производились на фабрике Зефкова вместе с подслушивающими устройствами — показал, что звонок был из Мюнстера. Оставалось лишь гадать, за каким чертом туда занесло Эди. Но что возьмешь с полоумного? Повезло им с сынком, ничего не скажешь.

— Что он еще говорил?

Аннелиза слово в слово повторила весь разговор.

— Значит, обещал приехать?

— Обещал. «Дома, говорит, хочу помереть».

— Что ж, давай подождем, но в полицию я все же сообщу.

— Ты же не хотел?

— Тогда не хотел, а сейчас хочу. Надо, понимаешь? Кто его знает, этого дурака! Такое может выкинуть!.. Нет, я обязательно позвоню. Пока не поздно... Лучше перестараться, чем потом всю жизнь себя грызть.

И он позвонил, но не в полицию Мюнстера, а в Мюнхен, в главное управление Федеральной разведывательной службы BND. Слишком поздно дошло до господина директора, в какие сети угодил его непутевый наследник. Ну йога, думал, какой-нибудь дзен-буддизм, на котором помешаны сопляки, а оно вон как обернулось. О Лиге последнего просветления вроде бы и был наслышан, но, вечно занятый мыслями о работе, как-то не сообразил, не сопоставил с «просветлением», коего жаждал сын.

К его сообщению отнеслись с предельным вниманием. Обещали немедленно связаться с Мюнстером и отыскать молодого Далюге.

— Нам понадобится его фотография, господин генеральный директор.

— Сколько угодно. По какому адресу выслать? Я могу отправить с ближайшим самолетом.

— Не затрудняйте себя. Мы подошлем своего человека.

— Позвольте вам выразить мою безграничную признательность. Я буду ждать в офисе на Бинненальстер.

Вынув из семейного альбома несколько фотографий, он сел в машину и уехал.

Не прошло и часа, как фрейлейн Эмма, новая секретарша, с которой Далюге уже успел пару раз поужинать, ввела к нему маленького улыбчивого человечка с глубокими залысинами.

— Бруно Кампински, — представился он, пригладив седеющие виски.

— Прошу садиться, господин комиссар, — Далюге и мысли не допускал, что к нему могут направить простого агента. — Не угодно ли сигару?

С видом знатока Кампински понюхал манильскую регалию и сунул ее в верхний карман.

— Фото при вас?

— Извольте. На всякий случай я взял несколько... Разных.

— И правильно сделали... Приятный молодой человек! Как же его угораздило?

— Он, знаете ли, очень талантлив, поэт, а творческие люди так впечатлительны, эмоциональны...

— Понимаю. Не расскажете ли мне все с самого начала? — Кампински включил диктофон. Он давно искал случая подобраться к Далюге, не столько к нему лично, сколько к его компаньону Карлу Зефкову.

На Зефкова в BND собралось объемистое досье. Он был замешан в контрабанде оружия и наркотиков, но всегда действовал через сеть посредников, и поэтому нигде лично не засветился. Вступив в партнерские отношения с президентом крупного российского банка, Далюге и Зефков финансировали строительство предприятий по производству химикалий и лаборатории контроля медикаментов. Сделки были совершены в полном соответствии с законами обоих государств, но у русских возникли вопросы, зачем понадобились совместному предприятию аэродромы и такое количество аппаратуры для

подслушивания. Помимо прочего, были зафиксированы контакты Зефкова с представителями «АУМ сенрикё» и правоэкстремистских организаций. Его престарелый отец, в прошлом нацистский крейслейтор, жил в Дамаске и, возможно, являлся передаточным звеном в перекачке стратегических материалов из России на Ближний Восток. Собрать доказательства какой-либо противозаконной деятельности, однако, не удалось.

Кампински надеялся, что убийство гендиректора коммерческого банка, через который осуществлялись операции Далюге—Зефкова, прольет дополнительный свет. Судя по печати, в Москве началась кампания по дискредитации Ивана Кидина, их финансового партнера, посетившего в прошлом месяце Гамбург по многократной бизнес-визе.

Выслушав рассказ Далюге, Кампински сочувственно покачал головой. Ни одного сколь-нибудь значащего факта. Отец фактически ничего не знал о сыне. Рядовой случай.

— Вы правильно поступили, господин советник, обратившись непосредственно к нам. Надеюсь, самого худшего не случится, но я бы не стал недооценивать серьезность положения. Нам известно имя Шри Скандхи. В сектах такого рода безоглядное подчинение гуру соблюдается неукоснительно. Человеческая личность подавляется совершенно. Этого достигают различными методами: голодом, лишением сна, с помощью наркотиков и других специальных средств. Вы сами сказали, что он часами просиживал в неподвижной позе. Медитировал, погружался во внутренние глубины. Люди сами не замечают, как превращаются в безвольных рабов, роботов. Они перестают отличать реальность от галлюцинаций, что нередко приводит к трагическому исходу.

— Почему же федеральные власти, полиция терпят подобное положение? — Далюге оценил уважительную обстоятельность и такт офицера секретной службы. Назвав его советником, тот как бы подчеркнул, что в глазах закона генеральный директор крупного предприятия не просто частное лицо, имеющее равные с другими права, но, прежде всего, член магистрата. — Видимо, не до конца сознают опасность для общества? — добавил он, давая понять, что не ставит знак равенства между полицией и разведкой.

— Вы отчасти правы, господин Далюге. В этом проявляется слабость демократической системы. Судебные процессы против главарей сект чрезвычайно редки.

— Но почему?!

— К сожалению, их последователи становятся бессловесными животными, им и в голову не придет обвинить в чем-то своего сатанинского бога. Те же, кто вырывается из-под дья-

вольской власти, чаще обращаются за помощью к священнику, чем к полицейскому. Редчайшее исключение — суд над Хасаном Осгером — лидером группы «Хак Ел», называвшим себя «гласом господним, которому должно подчиняться все живое». Вы помните тот нашумевший процесс?

— Извините, но как-то мимо меня прошло.

— В самом деле? — удивился Кампински. — Процесс широко освещали в печати.

В течение нескольких лет Хасан подвергал полсотни своих последователей изощренным издевательствам. Пятнадцать «учеников» жили вместе с ним в темном подвале площадью около сорока квадратных метров. Среди них были и маленькие дети, которых «божий глас» дрессировал, как собак. Двух-трехлетних малышей сажали в ванну с ледяной водой и держали там, пока они не посинеют. Ребятам постарше Хасан предписал особую «диету» — полбуханки хлеба в день. Самый младший член секты — четырехмесячный Ахмед — умер, когда его попробовали подержать на таком же рационе...

— Все проклятые эмигранты! — вздохнул Далюге.

— Своих тоже хватает.

— Я бы убивал их, как бешеных собак.

— Нашим либеральным законодательством преступления не были квалифицированы как тяжкие. После длительного судебного разбирательства Хасан Осгер был приговорен всего к трем годам тюремного заключения.

— Сколько же их, этих чертовых гуру? Хасаны, Шри... Не выговоришь, как там дальше.

— По оценке министерства внутренних дел, сегодня в Германии насчитывается около семисот подобных религиозных организаций. Число участников всевозможных кружков, тайных обществ, центров и сект превысило два миллиона человек.

— Целая армия! Бундесверу с ней явно не справиться, — Далюге был потрясен. — Их вожди, надо думать, высасывают уйму денег?

— Вы даже не представляете себе, сколько! В прошлом году, например, только за счет продажи собственных портретов, рубашек со своего тела и подобных предметов поклонения они получили около двадцати миллиардов марок. И это не считая многомиллиардных пожертвований, сделанных учениками. Секты приобретают комплексы зданий, загородные лагеря, самолеты и теплоходы... Это новость для вас?

— Н-нет, — с натугой произнес Далюге. — Я знаю, что мой сын щедро снабжал деньгами своего Шри.

— Если бы один он! Колоссальные средства позволяют сектантам приобретать друзей в высших эшелонах власти. Неудивительно поэтому, что ревностные защитники ложно истолкованной свободы вероисповедания обнаружились в ландтагах некоторых земель.

— Кого вы имеете в виду? — насторожился Далюге, вспомнив, что по просьбе Зефкова подписал какую-то петицию. Кажется, это касалось тяжбы кришнаитов с городским магистратом. Они требовали предоставить им центральную площадь для манифестаций, а обер-бургомистр воспротивился, поскольку в тот день ожидалось прибытие русской эскадры с дружественным визитом.

— Многих влиятельных лиц: депутатов, правительственных чиновников, видных промышленников. Не хотелось бы в столь трудную минуту упрекать вас, господин советник, но ведь и вы, по-моему, приложили свою руку?

«Так и есть: знает!» — подосадовал Далюге. Он не очень вникал тогда в суть, тем более что всем сердцем был на стороне бургомистра, но Карл настаивал, а отказать компаньону в таком пустяке не представлялось возможным. Тем более что были задеты личные интересы: несколько миллионов марок кришнаиты вложили в предприятие Зефкова — все, что получили от продажи литературы.

— Теперь вспоминаю. Был такой эпизод. Но Общество Харе Кришна, по-моему, не относится к разряду тоталитарных? Или я ошибаюсь?

— Кришнаиты действительно не замешаны в уголовных преступлениях и не употребляют наркотиков, но во всем остальном ничем не отличаются от прочих. Та же жесткая дисциплина, строгая иерархия, тотальный контроль и ежедневная промывка мозгов. Основатель секты Абхой Чаран Де нарек себя Прабхупадой, что значит «стопа Господня». Такой же самозванец, как и прочие, титуловался святейшеством, как римский папа. Вы не читали последний номер «Штерна»? Там есть любопытные выкладки насчет роста сектантских настроений. Мы еще до конца не осознали, что столкнулись с гигантским религиозным конгломератом, который однажды может превратиться в силу, куда более влиятельную, нежели христианские церкви.

— Но это означает крах европейской цивилизации! — задетый за живое, воскликнул Далюге.

— Именно так, — удовлетворенно кивнул Кампински, поверив в искренность порыва. Несомненно, сказалась личная трагедия. — Почти по Шпенглеру: «Закат Европы». Сектантские вожаки, надо отдать им должное, выбрали самый под-

ходящий момент для активизации: конец века, конец тысячелетия. Даже с астрономической точки зрения мир вступает в новую эпоху — век Водолея. Если судить по началу, не завидую потомкам.

— Поэтому и твердят в один голос: «Конец света, конец света»?

— На этом сходятся все секты, включая кришнаитов. Шри Скандха не оригинален. Хочу заверить, господин советник, мы не пожалеем усилий, чтобы вырвать вашего сына из его когтей, но дальнейшее будет уже целиком и полностью зависеть от вас. Вам придется очень нелегко. Понадобится максимум терпения, такта... О медицинской помощи и говорить не приходится. Мы еще по-настоящему не осознали, какую ношу взвалило на наши плечи само время, и практически беспомощны в борьбе за душу человека с силами зла. Это задача поистине фаустовского масштаба. Не знаю, сумеем ли справиться. На церковь, как не прискорбно, надежда слабая.

Бруно Кампински не преувеличивал. В потоке информации, поступающей в BND со всего мира, деятельности сект уделялось почти столько же места, сколько контрабанде наркотиков. Международный терроризм и подпольные каналы, по которым распространялись ядерные материалы, по-прежнему находились в первых строках криминальных сводок, но отдельные позиции все чаще перекрывали друг друга.

Зловещая тема Армагеддона, словно Каинова печать, просвечивала сквозь мутные воды традиционной уголовщины и политического экстремизма. О чем бы ни говорили наставники бесчисленных культов, их проповеди в конечном счете сводились к предсказаниям скорой вселенской катастрофы. Единые в неприятии реального мира, сектантские лидеры обещали спасение только «просветленным», своим. «Сознание Кришны» именовало современную эпоху «железным веком»; «веком невежества» называли ее проповедники «трансцендентной медитации», а Церковь тела Христова пророчествовала о наступлении «периода великих мук» и «конца времен». Космическая борьба с сатаной, предваряющая наступление «века завершения нового завета», уже началась, объявил на свадебных торжествах Мун.

Роковую идею пограничности нашего времени, исторической отмеренности его существования можно называть безумной, разрушительной, какой угодно! Но от нее никуда не уйти, от этой древней и вечно новой идеи. Живая действительность день за днем льет воду на мельницу непрошенных спасителей, возомнивших себя богами. Человек не может сми-

риться с мыслью о смерти. На нее, как на камертон, отзываются потаенные струны души. Куда легче поверить в неизбежность тотального уничтожения: «Человечество дошло до последнего предела! Цивилизация исчерпала себя!».

Официальные церкви, идеологии, философские системы — никто, как неустанно твердили бесчисленные пророки, не способен найти выход из тупика. Только они, новые мессии — и каждый при этом называл себя — нашли единственно верный путь и вместе со своими верными последователями, вовремя порвавшими с порочным обществом, безболезненно смогут пережить грядущий катаклизм вселенской истории.

Выводы, к которым пришли аналитики из мюнхенского центра BND, в основном совпадали с прогнозами Интерпола. После, а возможно и вследствие, разоблачения подрывной деятельности «АУМ сенрикё» между главными сектами эсхатологического толка наметилось нечто похожее на сближение. Несмотря на тайную конкуренцию, лидеры достигли соглашения о координации пропагандистской работы. Это нашло конкретное выражение в установлении единой даты «конца времен» — 28 февраля 1999 года.

Оперативные данные подтверждались результатами социологических опросов, проведенных во многих странах среди различных групп населения.

Бруно Кампински разделял мнение американских специалистов, считавших, что объединение сект под началом единой для всех харизматической персоны едва ли возможно в обозримом будущем. Непомерные амбиции «богов» делали подобную перспективу маловероятной. Единственным двигателем, способным обеспечить их тесное взаимодействие, являются деньги. Именно в этой сфере и обнаружились настораживающие признаки разделения зон влияния. За кулисами столь тревожного процесса могли стоять анонимные финансовые и политические круги. FBI удалось выявить ряд лиц, связанных деловыми интересами с одной, двумя, а то и несколькими сектами.

У BND были серьезные основания подозревать Карла Зефкова, который, помимо долевого участия в ряде предприятий, принадлежавших ранее «АУМ сенрикё», являлся одним из соучредителей германо-российского Института сверхсознания с филиалами в Гамбурге, Кельне, Москве и Петербурге. По неподтвержденным сведениям, там отрабатывались методы управления поведением человека, сходные с теми, что нашли широкое применение в практике Лиги последнего просветления. На средства Зефкова в Лейпциге была издана на немец-

ком языке «Бхагаватгита»[1] — «Песня Господня» — в интерпретации покойного создателя учения «Сознание Кришны» Прабхупады.

Заручиться сотрудничеством Далюге, который мог и не разделять взглядов своего компаньона, а то и вовсе пребывать в неведении, стало для Кампински первоочередной задачей. Случай, сам по себе достойный сожаления, предоставил такую возможность.

— Как только удастся хоть что-нибудь узнать, я незамедлительно поставлю вас в известность, господин советник. Можете звонить мне в любое время суток, — заверил он, вручая визитную карточку.

Эдмунд не явился ни назавтра, ни в следующие дни. Напрасно Гюнтер Далюге названивал в BND и полицию Мюнстера. Кроме заверений, что предприняты все необходимые меры, он ничего не услышал. В тревожном неведении минула мучительная неделя. Генеральный директор, как обычно, поехал к себе в контору, однако работать не мог: сидел, как на иголках, ждал. Аннелиза тоже не отходила от телефона, предусмотрительно поставив на блюдце пузырек с успокоительными каплями. В тревожном ожидании прошла и роковая пятница. Супруги провели мучительную, бессонную ночь.

— Я верю, верю, — захлебываясь слезами, заклинала Аннелиза, — он жив, наш мальчик! С ним ничего не случилось, иначе бы я знала. Мы увидим его завтра. Он вернется, вернется...

— Конечно, вернется. Эти негодяи опоили его. Эди и сам не ведал, что говорил. Обыкновенный нервный срыв. Фотографии разослали по всей стране. Если бы что-то произошло, а я и мысли не допускаю, нас бы немедленно известили.

Кампински позвонил, когда они меньше всего ожидали, в воскресенье вечером, в десять тридцать.

Труп Эдмунда Далюге выловили в водоеме замка Вишеринг.

Построенный в 1271 году бург, служивший резиденцией князьям — епископам Мюнстера, ровно через семьсот лет подвергся генеральной реконструкции и был превращен в музей. Всего две недели назад его закрыли для посетителей. В подвальных помещениях сквозь штукатурку проступили пят-

[1] Речь идет не о канонической книге, входящей в «Махабхарату», а о так называемой Библии кришнаитов.

на плесени. Инженер из архитектурного управления посчитал, что восточная стена, веками выдерживавшая напор воды, нуждается в ремонте.

Пока шло обследование, персоналу предоставили отпуск, и замок остался практически без охраны. Директор музея полностью полагался на систему сигнализации, поставленную фирмой Карла Зефкова ELTCOM.

Совершая утренний обход, сторож, остановившись покормить лебедей, обратил внимание на раскрытые ставни окна на втором этаже примыкавших к башне покоев. С внутренней стороны ставни были раскрашены крестом в красно-белые геральдические цвета господ фон Дросте и прямо-таки бросались в глаза. И водное зеркало, слегка встревоженное ветерком, повторяло фамильную эмблему епископа Альберта фон Вульфхейма, дублируя тревожный признак. Открыть ставни извне было невозможно. Даже ураганный ветер не смог бы сорвать мощные задвижки из нержавеющей стали.

Сторож позвонил директору, а тот в свою очередь вызвал полицию. Видимых следов вторжения обнаружить не удалось. Запоры, сигнализация — все пребывало в исправности. Первым делом директор бросился в шестой зал, где находились диорамы, запечатлевшие подвиги мюнстерских воинов. Свидетельства боевой славы как живописные, так и вещественные, оказались в полном порядке. Никто не только не покусился на унтер-офицерские ружья восемнадцатого века и кавалергардские палаши, но даже не прикоснулся к витринам. Отпечатки пальцев были бы видны на чуть припыленном стекле. Сокровища замковой капеллы и, прежде всего, Георгий Победоносец кисти итальянского мастера, тоже были на своих местах.

Немного успокоившись, директор повел полицейских на второй этаж, машинально пересчитав висевшие над лестницей оловянные блюда.

В комнате, где были раскрыты ставни, царил образцовый порядок. Резные панели на стенах, паркетный пол, гербы на бронзовых плитах перед камином — все блестело, как новенькое, в косых лучах, что мягко просачивались сквозь матовые витражи.

Директор потянулся к шпингалету, собираясь распахнуть раму, но криминалист в штатском отстранил его.

— Сперва пальчики, доктор. Они должны быть, если только ваш сторож не забыл запереть ставенки.

Дактилоскопических следов, облазав окно снизу доверху, он так и не увидел.

— По-видимому, работали в перчатках. Опытные ребята... И пол чистенький.

— Но зачем, с какой целью? — недоумевал директор.

Ответ ждал в рыцарском зале.

На ковре под резной доской 1520 года, изображавшей жития апостола Павла, лежало обезглавленное женское тело с татуировкой на груди. Рядом валялась сорванная с крюка алебарда. Судя по крови, запекшейся на лезвии, с момента убийства прошло не менее суток. На спине просматривались характерные пятна.

Срочно затребовали судебного медика.

— Двое суток, — определил он.

Пол и стены вокруг опрыскали люминолом. Кровь, пропитавшая ковер, замерцала неярким болотным свечением. Отдельные капли, местами затертые, вели в коридор и дальше, на лестницу, которая поднималась на галерею второго этажа.

Пунктирный след обрывался у порога той самой комнаты у западной стены, где были распахнуты ставни с крестами.

Выходило, что убийца проник в замок только затем, чтобы затащить туда женщину, обезглавить ее, а отрубленную голову выбросить в водоем?

Совершеннейшая нелепица! Не только мотивация, но и сама картина убийства не поддавались разумному осмыслению. Так мог действовать только заведомый сумасшедший.

Не бог весть какая, но все-таки версия. Подкрепить ее можно было обыскав дно водоема, из которого, как в Венеции, вырастала стена. Прежде всего, голова требовалась для опознания трупа.

До того как прибыли водолазы с резиновой лодкой, в Вишеринг потянулись служебные «мерседесы». Кампински, находившийся всю неделю в Мюнстере, приехал вместе с директором полиции, опередив на несколько минут следователя и бургомистра.

— Постарайтесь не допустить журналистов, — попросил Кампински, едва увидел татуировку. — Чем позже узнают, тем лучше будет для всех нас. Шумиха гарантирована, а шансы раскрыть преступление невелики. — Резким движением он сорвал покрывало. — Печень не тронута, — пробормотал, склоняясь над обезглавленным телом.

— Что вы сказали? — не понял врач.

— Ничего. Извините.

Надутую лодку спустили на воду и она закачалась на зеленой глади, потревожив лебедей, которые неторопливо заскользили к другому берегу под навес раскидистых дерев.

Поиски продолжались почти до самого вечера, но результат превзошел самые смелые ожидания. Из омута тени, отбрасываемой стеной, аквалангисты подняли еще один труп.

Вода уже успела проделать свою разрушительную работу. Лицо вспухло и посинело, а глубокая рана через все горло открывала рваные выбеленные края. Стекавшие струи кроваво отсвечивали в ореоле вишневого золота. Изменения зашли не настолько далеко, чтобы нельзя было узнать молодого Далюге.

— Ну и дела! — врач озадаченно поцокал языком. — Алебардой такого не сотворишь.

— Считаете? — Кампински отодвинулся, пропуская фотографа.

— Она же тупая, как лошадиный скребок. Голову отрубили со второго, если не с третьего удара. Вы что, не видели?

— Я плохо разбираюсь в таких вещах. А это? — Кампински провел пальцем поперек своего горла.

— Трудно так сразу сказать... Похоже на опасную бритву, но пребывание в воде...

— Да-да, доктор, конечно... Посмотрите, как разбух живот.

— Это все газы, — врач попробовал расстегнуть спортивную куртку. — Молния, и та заклинилась — вода!.. Ну-ка, постойте, — он ощупал тело с боков, — тут что-то не так. Дайте ножницы!

— Момент, — покопавшись у него в саквояже, Кампински нашел хирургические ножницы с загнутыми концами, — эти подойдут?

— Какая разница! — врач нетерпеливо вспорол плотную синтетическую ткань.

Под курткой в пластиковом пакете желала изуродованная женская голова.

— Одно из двух, — глубокомысленно изрек директор полиции, — либо он отрубил ей голову, а потом перерезал себе горло и утопился, либо их обоих убил кто-то третий. Вы говорили, что этот парень не в себе, коллега?

— Так оно и есть, господин директор полиции. Вы совершенно правы: третьего не дано... Кто-нибудь знает эту женщину?

— Вроде где-то я ее уже видел, — отозвался один из полицейских. — Похожа на Франци, а? — толкнул он локтем напарника.

— Франци и есть, она самая. На прошлой неделе выступала в «Спортпаласте».

— Как вы сказали? — Кампински достал записную книжку. — Франци? А фамилия?

— Извините, не помню. Ее все так и звали: Франци, да Франци. Злющая шлюха!

— Мы это сейчас уточним, — вмешался директор полиции. — Дама в нашем городе известная.

— Артистка, как я понял?

— Циркачка. Амплуа: «женщина-змея». Не только на манеже, но и в жизни. Унтер-офицер Ульрих верно заметил. Скандальная фигура. Шантажистка, вымогательница. Последний раз фигурировала по делу банкира Хорстенмайера. Она заставила старого дурака отписать ей чуть ли не половину состояния, после чего он вскоре скончался. Прямо у нее в постели. Наследники опротестовали завещание, точно не помню, но, по-моему, процесс еще не закончился... Вот не думал, что такая в секту пойдет. Уж у нее-то с головой полный порядок. Так умела скрутить нашего брата, что не приведи Господь!.. Запросите данные, Ульрих.

Унтер кинулся к машине.

— Погодите, я с вами, — догнал его Кампински.

Не прошло и минуты, как на экране компьютера побежали строчки.

Франзин Зоннебекль. Кличка Франци. Настоящее имя Гертруда Клаус. Год рождения 1967-й, место рождения Бохум. Дважды судима за хранение наркотиков. В 1986-м приговорена к 2 годам условно, в 1989-м, с учетом судимости, к 7 годам, в 1992-м освобождена в связи с беременностью и примерным поведением. Подозревается в нелегальной проституции, сводничестве, вымогательстве путем шантажа.

При иных обстоятельствах «примерное поведение» могло бы вызвать слезу умиления, но сейчас Кампински не обратил внимания на канцелярский штамп.

В голове, как чертово колесо, вертелось имя, вернее артистический псевдоним, «женщины-змеи». Распадались и вновь складывались, меняя места, буквы.

Franbin Sonnebekl.

Почему-то ярко-зеленые, как вода у стен Вишеринга, они наливались огнем, пока не запылало в мозгу адским пожаром:

«Eine Frau, mit der **Sonne bekleidet**»[1].

Он знал, заранее знал, что так будет:

[1] Жена, облаченная в солнце *(нем.)*.

«И явилось на небе великое знамение — жена, облаченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд».

Москва — Париж — Нью-Йорк — Мюнстер.

Но почему печень?..

ВРЕМЯ ИДЕТ ВСПЯТЬ, ЕСЛИ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВРАЧЕБНОЙ КОСМЕТИКОЙ ФИРМЫ «ТАНА»

Глава сорок пятая

ПРОВИДЕЦ

Невменов тщательно подготовился к встрече с Варлаамом Дамиановым. Краткая литературная энциклопедия посвятила писателю всего несколько строк:

«Дамианов Варлаам Ильич. Русск., советск. прозаик и публицист. Род. в 1937 г. в Днепропетровске. Закончил в 1962 г. физ. фак. МГУ, канд.физ.-мат. наук, доктор филос. наук».

Далее шла библиография, довольно обширная, а затем критика.

Сергей Платонович не поленился полюбопытствовать. Подняв подшивки газет двадцати-тридцатилетней давности, он с удивлением обнаружил, сколь противоречивы были оценки творчества имярек. «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», журнал «Коммунист» — вся центральная печать, в основном сугубо партийная, высоко отзывалась о его романах, повестях и философских эссе. С другой стороны, такие издания, как «Литературная Россия», «Культура и жизнь», «Молодой коммунист», «Октябрь» и особенно «Молодая гвардия» требовали чуть ли не публичной расправы, называя Дамианова «буржуазным объективистом», «космополитом», «идеологическим диверсантом», «мистиком», «богоискателем» и т. д. и т. п.

Из скупой персоналии можно было заключить, что Дамианов не был членом КПСС, не удостаивался почетных наград и литературных премий, но широко переводился на Западе. Критическая свара вокруг него была лишь следствием незатихающей борьбы группировок внутри партийной верхушки и творческой интеллигенции. Об этом красноречиво свидетельствовали названия печатных органов, фамилии критиков и «пики волн времени», как называл их сам Дамианов. В

1965 году, когда после смещения Хрущева всколыхнулась реакция, молодого писателя клеймили со всех сторон, и ни единого голоса не прозвучало в его защиту. Подобная картина наблюдалась и в период оккупации Чехословакии. Не удовлетворившись КЛЭ, осветившей начальный период творчества, Невменов обратился к Литературному словарю. Закономерность подтвердилась. При Андропове роман «Мишель Нотр-Дам» вознесли, а через месяц, при Черненко, заклеймили. В период перестройки и гласности оппоненты окончательно потеряли всякий стыд и та же «Правда» обозвала Дамианова «литературным поденщиком», в пику «Известиям», где его причислили к классикам.

Бедный мастер! «Волны времени» швыряли его, как никому не нужную щепку. Первопроходец, осмелившийся еще в те времена прикоснуться, пусть с оговорками и под прикрытием цитат из классиков марксизма-ленинизма, к совершенно запретной тематике, в нынешнюю эпоху он оказался невостребован и забыт.

Невменов прочитал несколько книг и проникся невольной симпатией к несостоявшемуся пророку. Разносторонне и широко образованный, подлинный энциклопедист, Дамианов был обречен на нищую старость. Слишком умный и гордый, чтобы напоминать о себе, и слишком усталый, чтобы продираться локтями, он замкнулся в четырех стенах и пишет в стол, как когда-то, на самой заре.

Такое создалось впечатление.

Невменов порылся в старой записной книжке, где нашел телефоны знакомых «известинцев» и «правдистов». Как он и думал, многие хорошо помнили Дамианова. Бывший политический обозреватель, который и сам оказался не у дел, сообщил множество прелюбопытных сведений.

Оказывается, Дамианова вышибли с первого курса и чуть не посадили за шуточные стихи, которые он имел неосторожность прочесть на студенческой пирушке. Это была пародия на очень известные предвоенному поколению строки Квитко: «Климу Ворошилову письмо я написал, товарищ Ворошилов, народный комиссар...». Самого Квитко, вместе со многими писателями и поэтами еврейской национальности, расстреляли в 1952 году.

Дамианов выбрал своим адресатом не народного комиссара, который в ту пору был Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а никому в России неведомого австрийского писателя Зохера Мазоха, чье имя легло в основу термина «мазохизм». В параллель маркизу де Саду, осчастливившего науку «садизмом».

Зохеру Мазоху письмо я написал.
Господин Мазохер, как же я устал!
Очень коммунисты надоели мне.
Все, как есть, садисты в чертовой стране.

Под сурдинку шла реабилитация, не за горами был исторический двадцатый съезд, вдобавок и следователь попался приличный. Дамианов отделался исключением из комсомола и высылкой на 101-й километр. Там, в деревеньке Грудишино, он и написал свою первую книгу «Узники Великой пустоты». Опубликовать ее удалось с большими купюрами только после выноса мумии Сталина из мавзолея.

Народный комиссар, он же первый красный офицер, крепко подмочил репутацию участием в антипартийной группе Маленкова-Кагановича-Молотова и примкнувшего к ним Шепилова. «Оскорбление величия» таким образом утратило актуальность, но выпад против коммунистов навечно остался в досье, которое было заведено на будущего писателя Пятым управлением КГБ.

В писательский союз его приняли со второго захода, после седьмой книги.

Варлаам Дамианов, по паспорту Валерий Демьянов, откровенно обрадовался звонку. Видимо, его не слишком баловали общественным вниманием. Интерес, проявленный к нему со стороны Интерпола, просто не мог не возбудить любопытства. Иначе, каким бы он был писателем?

Варлаам Ильич принял Невменова в небольшой комнатенке, заваленной грудами книг и папок с вырезками. Все стены ее были увешаны буддийскими свитками, образками, старинными картами материков и звездного неба. Не случайно в газетах постсоветского периода его, вполне уважительно, именовали «астрологом» и «магистром тайных наук».

Передав привет от общего знакомого — профессора Сорбонны Латура, — Невменов начал разговор с Нострадамуса, справедливо полагая, что это поможет создать непринужденную атмосферу. Оседлав любимого конька, увлеченные люди быстро проникаются доверием к заинтересованным слушателям.

Показав, что владеет предметом, Сергей Платонович сосредоточил внимание на сбывшихся пророчествах салонского мудреца.

— Как это можно рационально объяснить? — спросил он, прежде чем затронуть горячую тему 1999 года.

— По-разному и никак. У меня есть своя теория структуры пространства-времени, но без интегралов и тензоров говорить не имеет смысла.

— А все-таки, Варлаам Ильич? На примитивном уровне.

— На примитивном и получится примитивно. Не хочу уподобиться безграмотным опровергателям Эйнштейна, завалившим Академию наук своими сногсшибательными открытиями. Между прочим, среди них есть и академики, и профессора. Один такой в Петербурге живет, бывший депутат горбачевского съезда.

— Вы тоже в чем-то расходитесь с теорией относительности?

— Ни боже мой! Это такая же незыблемая основа, как и физика Ньютона. Но наука не стоит на месте. Углубляясь в область ультрамалых ячеек, мы встречаем иные проявления структуры мироздания. Многомерность пространства, к примеру... Вы знакомы с теорией струн?

— Полный профан в физике.

— Вот видите...

— Честно говоря, меня больше интересует человеческий мозг. Как можно знать то, что еще не наступило? В принципе? Неужели будущее заранее предопределено?

— И тут никуда не деться от физики. Стрела времени Эддингтона, частицы, двигающиеся со сверхсветовой скоростью, — тахионы, квантовая механика и все такое.

— Но мозг!

— А мы знаем, что это такое, наш мозг? Сознание, подсознание, сверхсознание? Мы — такая же частичка природы, как мегамир Вселенной и микромир кварков. Что, если наш мозг еще в материнской утробе знает все об окружающем космосе? Знает, но мы не умеем слушать, нам всегда недосуг. Такое возможно?

— Право, не знаю.

— Я тоже! Эйнштейн наглядно продемонстрировал, насколько относительны такие понятия, как прошлое, настоящее, будущее. В зависимости от скорости космические часы показывают разное время. Какая-нибудь сверхновая звезда давно схлопнулась и погасла, а мы только через тысячи лет увидим ее вспышку... Впрочем, не мы... Нострадамус был гением, как Леонардо да Винчи, Данте Алигьери. То, что у нас в черепе едва в зачатке, у гения могло достигнуть высшего совершенства. Откуда музыка Баха, Моцарта?.. Понять это невозможно. Из недр самой природы-праматери? Птицы, да будет вам известно, с рождения знают все то, чего достигли композиторы, от шумеров до Шомберга и Шнитке. Канарейка — додекафонистка, как вам нравится?

— Ваши примеры, Варлаам Ильич, просветили меня без формул. Я не то чтобы стал понимать, но как-то интуитивно приблизился...

— Интуитивно! Верное слово, хоть мы и не знаем, что такое интуиция. У животных она развита лучше. И у так называемых примитивных народов, живущих в согласии с окружающим миром. Пока не исчезли последние островки, у нас еще остается шанс воскресить утраченное знание древних.

— И где они, островки?

— Откуда я знаю?.. В Гималаях, Тибете, в Микронезии, на Новой Гвинее. Можно отправиться на поиски истины за тридевять земель и обрести ее в математических формулах, в йогических текстах и сутрах Праджня-Парамиты. В себе самом наконец.

— В себе? Путем медитации, что ли?

— И медитации... Нострадамус не подозревал о существовании йогических методов, самадхи в частности, но я совершенно уверен, умел погружаться в глубины собственного «я» не хуже тибетского мистика, которому достаточно взглянуть на магический круг, чтобы выйти за границу реальности. Да, Мишель де Нотр-Дам был великолепным астрологом и умел истолковывать констелляции звезд и планет. Но небесный свод служил ему не только объектом наблюдения, а прежде всего такой же мандалой — магическим кругом, огненным зерцалом, как он говорил.

С живостью, неожиданной для его возраста, Дамианов сорвался с дивана, едва не опрокинув шаткую пирамиду из книг, и, нараспев, как обычно читают поэты, продекламировал катрен:

В тиши ночей, от взглядов ищущих сокрывшись,
Я вижу отблеск пламени во тьме,
И в этом зеркале огня — картины
Всплывают будущих времен.

Почти седой, но сухощавый и юношески подвижный, он словно внезапно помолодел, подтвердив тем самым заумные теории об относительности времен. Невменов подумал, что вот так же, под влиянием минутного порыва, наивный первокурсник обнародовал свою крамольную шутку. «Небось и не догадывался, что в каждой группе есть платный сексот».

— Лучше, чем сам Нострадамус, никто не сможет ответить на ваш вопрос, — возвращаясь на место, уже совершенно буднично произнес писатель и как-то сразу потух.

Беседа возвратилась в прежнее русло вопросов и ответов, причем ответы становились все более вялыми и короткими.

Дамианов дал свое толкование уже известным Невменову предсказаниям ближайших событий, имевших место в бытность Нострадамуса при дворе Генриха Второго и Екатерины Медичи.

Угадана смерть короля на рыцарском турнире, его наследника Франциска, оставившего вдовой юную Марию Стюарт, а затем и трагическая кончина самой шотландской королевы. Полностью оправдалось и знаменитое пророчество, к которому постоянно возвращался в своих романах Дюма-отец. Три сына Екатерины Медичи сделались королями, но, вопреки всем ее ухищрениям, смерть расчистила путь к трону Генриху Наваррскому.

Дамианов незаметно перешел на французский, а Сергей Платонович с удовольствием ему поддакивал. Языком он владел значительно лучше.

— Вторую книгу центурий Нострадамус сопроводил развернутым посвящением Генриху Второму, — писатель, не глядя, вытащил с полки томик в дивном переплете из черного бархата. — Уверяю вас, это не было актом верноподданической угодливости. Он пытался объяснить природу своего редкого дара, спасаясь от инквизиции. Вот послушайте: «Опасность времени, достойнешний король, требует, чтобы такие тайны открывались только в загадочных предложениях, имея при этом только один смысл и ничего двусмысленного». Чувствуете? — вновь увлекся Дамианов. — В этих строках все: и невольное самооправдание за вынужденную зашифрованность, и намек на преследования инквизиторов, которые, следуя библейским запретам на всяческие гадания, не жаловали, мягко говоря, провозвестников грядущего. Знание будущего шло вразрез с краеугольным догматом о свободе воли.

— Но король не прислушался к Нострадамусу, как и Горбачев к Варлааму Дамианову?

— Откуда вы знаете? — отрывисто спросил писатель, захлопнув книгу.

— Земля слухами полнится... Но, если честно, из статьи о вас в «Собеседнике». Чтобы не показаться полным идиотом, я немного подготовился к нашей встрече.

— Вы не кажетесь полным идиотом, — пряча улыбку в усы, проворчал Дамианов. — Оставим в покое Михаила Сергеевича. Он, как и все мы, сын своего времени... А Генрих, верно, не обратил внимания. Рыцарь, любитель молодецких забав и прелестных женщин, он никак не отреагировал на посвящение. Возможно, уже лежа на смертном одре, после того как копье Монтгомери пробило ему забрало, он и вспомнил медика из Салона, но было поздно.

— Ничего не скажешь — поучительная история... Но сколь не притягательно прошлое, согласитесь, Варлаам Ильич, будущее нас, простых смертных, волнует куда более. Особенно достаточно близкое.

— Вы за тем и пришли?

— За тем и пришел... Не стану скрывать: главные усилия Интерпола направлены на противодействие международному терроризму. Есть тревожные признаки, что в самое ближайшее время террористы попытаются завладеть атомным оружием.

— А я и не сомневаюсь, что это произойдет.

— Не сомневаетесь?

— Если ничего не изменится, так оно и будет. Мир катится в пропасть. Существует такая опасная штука, как организованный, иначе говоря, спровоцированный прогноз. Уверен, что кто-то попытается устроить нам веселенькое представление в девяносто девятом году.

— Надеюсь, вам не слишком хочется, чтобы оправдался и этот прогноз Нострадамуса?

— За кого вы меня принимаете? И какое значение имеет мое желание? Уверяю вас, никого не интересует, что мне видится впереди, о чем думаю, чего боюсь... Нет, не боюсь: до тошноты не желаю.

— Вы не правы, Варлаам Ильич. От вас еще очень и очень многое зависит в нашем мире. И это не только мое мнение... Почему вы замолчали? Не пишете, не выступаете по телевидению?

— «Я воплощу любой твой бред, так в чем же дело?» — «О дьявол, я ему в ответ: все надоело», — процитировал Дамианов по-французски.

— «Король ужаса» — насколько такое реально, по вашему мнению?

— Проголосуют наши замордованные соотечественники за какого-нибудь красно-коричневого хама — и готово! Ни перестройки не понадобится, ни ускорения. Разве только чуточку смазать приржавевшие шестерни.

— А как вы смотрите на деятелей типа Асахары? На Лигу последнего просветления?

— Возможно, но маловероятно. Скорее сектой воспользуется военно-фашистская клика. В качестве тарана.

— Но это означало бы войну, и не только гражданскую. Россия начинена ядерным оружием.

— Тогда считайте, что сбудется апокалиптическое и вместе с тем самое удивительное предсказание Нотр-Дама, — Дамианов провел рукой, словно снимая паутину с лица, и

умолк, уставясь из-под насупленных бровей на свиток с одиноким иероглифом, нарисованным с изощренной небрежностью.

— Что означает этот знак? — поинтересовался наблюдательный интерполовец.

— «Му». Ничто, по-японски. Му-у-у-у... Тянуть надо до последнего выдоха. Дзенская каллиграфия. Символ Великой пустоты... Ладно, будь по-вашему, — Дамианов с тяжелым вздохом махнул рукой. — Я знаю, зачем вам понадобился. Третьего дня говорил с Парижем, так что не обессудьте: перспективы нерадостные. Все признаки налицо. Не в моих привычках хвастать, особенно по такому поводу, но мне удалось сделать своего рода открытие. Это прямо касается нострадамовой книги. — Он вновь взял в руки бархатный том и раскрыл его на бумажной закладке. — Слушайте внимательно... Как я уже сказал, Седьмая центурия соотносится с началом третьего тысячелетия. Ее открывает то самое послание Генриху Второму, о котором мы говорили. Там есть поразительное указание, странным образом ускользнувшее от внимания исследователей и бесчисленных спекулянтов. «Очаг войны вспыхнет рядом с Турцией», — дает Нострадамус приметы последних дней нашего века. Можем ли мы считать таким очагом Нагорный Карабах? По-моему мнению, это был детонатор, взорвавший Союз... В качестве точки отсчета подойдет и недавний рейд турецкой армии в Иракском Курдистане, и более ранний захват Ираком Кувейта.

— Точных попаданий более чем достаточно.

— Пойдем дальше, — Дамианов извлек свернутую в трубку карту мира и расстелил ее прямо на полу, прижав уголки книгами. — Смотрите сюда. Что говорит Нострадамус? «Начнутся волнения в Средиземном море со стороны Персии и Месопотамии, а также в Европе на сорок пятом, сорок первом и тридцать седьмом градусе северной широты», — он очертил узкую полосу от Персидского залива до Закавказья. — С Персией и Месопотамией — Иран и Ирак — полная ясность. Комментарии излишни?

— Приплюсуем сюда и террористические организации типа Хамаз, действующие по прямой указке. Пророк попал в самую точку.

— Между тем основная информация скрыта в географических координатах. До сих пор удивляюсь, почему никто не взял на себя труд проехаться указкой по названным параллелям. — Палец успешно заменял Дамианову указку. — Сорок пятый градус проходит через бывшую Югославию. Через

все горячие, как нынче принято называть, точки: Хорватию, Сербию, Боснию и Герцеговину. Короче, и тут ясно без слов... Двинемся дальше. Когда я впервые совершил такое мысленное путешествие, то не остановился в Краснодаре и Ставрополье. Теперь, после Чапаевска, эти относительно спокойные области приходится рассматривать как прифронтовую зону. Следуя вдоль указанной параллели, мы попадаем в Румынию и Молдавию с Приднестровьем... Есть замечания?

— И рад бы, — пожал плечами Невменов. — Что тут скажешь?

— Крым тоже на нашем пути.

— Со всеми его бухтами.

— И флотом, который так и не смогли поделить, — Дамианов передвинул палец вверх и вновь возвратился на Средиземное море. — Сорок первый градус, — он провел черту, — Армения и Азербайджан... Между двумя параллелями лежат территории, чреватые многими неожиданностями. Выборы во Франции и Италии определенно свидетельствуют о росте националистических настроений.

— Взрывы в Париже. Алжирские фундаменталисты открыли второй фронт во Франции, — добавил Невменов. — Возобновление ядерных испытаний на Морурoа.

— Об этом я как-то не подумал, но ложится в канву войны... И это Франция — ведущая демократическая страна. Возвращаясь на Восток, мы попадаем в Албанию и Болгарию, переживающие знакомый нам посткоммунистический синдром.

— И постепенно втягиваются в вековечный Балканский конфликт. Тут и проблема Македонии, и Косово, с его албанским населением.

— Как Греция и опять-таки Турция. Разделенный Кипр, острова в Эгейском море, нефтеносный шельф. На другом фланге фронт предсказанной войны Севера и Юга проходит через мусульманскую Боснию.

— Ужасно, — Невменов уже не нуждался в подробной интерпретации. Карта говорила сама за себя. — Чечня!

— Чечня. И не только Чечня. Абхазия, Северная и Южная Осетия, Ингушетия, Дагестан... Каспий с его нефтяными вышками на шельфе и в Мангышлаке, хотя и лежит за условной границей Европы, но нефтепроводы пройдут через Грузию и Северный Кавказ. Весь регион находится в обозначенных пределах.

— И в сфере сосредоточения коренных интересов России, среднеазиатских республик, Ирана и Турции.

— Вы схватываете на лету.

— Достаточно взглянуть на карту, Варлаам Ильич. Вы действительно совершили потрясающее открытие. Два крыла противостояния очерчивает и тридцать седьмая параллель: от спорной акватории между Древней Элладой и Портой до пограничных застав Таджикистана, где все еще громыхает эхо афганской войны. Поневоле уверуешь, что Нострадамус видел все наперед... В огненном зеркале неба... Вас не пугает, что темные силы могут использовать это для пропаганды? Религиозная война во всемирном масштабе, Король Ужаса, Апокалипсис.

— Жизнь отучила меня бояться. Она намного ужаснее наших надуманных опасений и, одновременно, проще, грубее. Кроме широко известного Эдипова комплекса, существует и такое понятие, как Эдипов прогноз. Слово изреченное не сбывается по той простой причине, что его изрекли. Оно стало известным и общественные механизмы, зачастую неосознанно, вступают в противодействие.

— Вам виднее, — не скрывая сомнения, отозвался Невменов. — Значит, вы не верите, что деятельность Лиги последнего просветления представляет серьезную опасность?

— Верить можно в Бога, в дьявола... Шайка, осквернившая священное слово «Атман», как и «Учение истины», опоганенное АУМом, несут в себе угрозу, которую нельзя недооценивать. Однако я не думаю, что это самодовлеющая сила.

— Кто, по-вашему, стоит за сектой?

— У меня слишком мало достоверной информации. В отличие от вас, я вынужден черпать сведения из газет... Эти жуткие истории с печенью! Сколько в них правды? Наколки с апокалиптической символикой...

— В общих чертах все верно. «Зверь из бездны», «жена, облаченная в солнце»... Вот только с печенью не очень понятно. С какой целью? Зачем?

— Может быть, для того чтобы мы задавали себе такие вопросы? Ломали головы?

— Какой смысл?

— Возникает двойственное впечатление. С одной стороны, неуклонная приверженность догме — вопреки всему, нагло, с маниакальным упорством, а с другой... Не знаю, как у вас, а у меня создалось впечатление, что это демонстрации для отвода глаз. Секта или стоящая за ней значительно более мощная организация сознательно подставляют пешки, которые не проходят в ферзи. Жертва фигуры, просчитанная на много ходов вперед.

— И мат обернется Армагеддоном?

— Когда имеешь дело с фанатизмом изуверского толка, нужно быть готовым ко всему. Возьмите опричников Иоанна Грозного, инквизицию, нацистов, Сталина с его «орденом меченосцев». Вы скажете, что ему так и не удалось превратить партию в рыцарский орден палачей и убийц, а я скажу — удалось. Тоталитаризм во многом подобен религиозному сектантству. В СС существовал свой культ, своя мистическая обрядность. Наш советский атеизм — тоже сродни культу. Вспомните-ка, что мы стыдливо называли культом личности? Передовой отряд с эмблемой щита и меча. Миллионы трупов. Землю, что провоняла от мертвечины... Недавно я прочитал, что на Чукотке наткнулись на заброшенный урановый рудник. Заключенные там рубили породу киркой. Заведомые смертники. Трупы даже не зарывали, так, закидывали щебенкой. Сталину нужна была бомба, и человеческий материал поступал без задержки. Все это давно известно — я о другом... В отвалах были найдены сотни распиленных черепов. О чем это говорит?.. И в эсэсовском, и в чекистском ГУЛАГе велись массовые эксперименты на людях. Яды, наркотики, зомбирование, гипноз — все бралось на вооружение ради одной маниакальной цели. Сверхценностная, как называют психиатры, идея: мировое господство. Вертухаи загоняют зеков в урановую шахту. Сцена из Дантова ада. Но она бледнеет в сравнении с другой. Я так и вижу чистеньких, в белых халатиках профессоров с медицинской эмблемой на чекистских погонах. Аккуратно отпиливают черепную крышку, вынимают мозг, изучают под микроскопом нервные клетки, убитые радиацией, а потом пишут статейки для служебного пользования... А вы говорите: печень! Сектанты — быдло, пушечное мясо, те же зеки в урановых рудниках. Ищите чистеньких профессоров, господин Интерпол, банкиров, которые их оплачивают. Не знаю, как лига, но «АУМ сенрикё» далеко продвинулась в научном плане.

— Методы зомбирования, токсикология?

— И микробиология, и телепатия — все вместе. Одно нельзя отделить от другого.

— Телепатия? — встрепенулся Невменов. — Мне бы хотелось знать ваше мнение, Варлаам Ильич, насчет некоторых, скажем так, неординарных фактов или, вернее, феноменов... Я не слишком злоупотребляю вашей любезностью?

— Без церемоний.

— Отлично... Насколько я знаю, первый такой случай был зафиксирован в одном московском банке, — Сергей Платонович кратко описал происшествие с платежкой, едва не сто-

ившее инфаркта кассиру Мухарчику, и перешел к контрактам, превращающимся в пустые бумажки.

— Какая прелесть! — не выдержав, воскликнул Дамианов. — В Москве завелся свой Фантомас!

— Если бы в одной Москве! — Невменов хотел было рассказать о попытке проникновения в Форт Нокс, где хранится золотой запас США, но в последний момент передумал. — Об инциденте в агентстве печати «Блиц-Новости» читали?.. Фантомас или человек-невидимка — как не называй, а факт остается фактом. И объяснения ему нет.

— Так уж и нет! Второй Бермудский треугольник! Да Вольф Мессинг проделывал и не такие штуки.

— Вольф Мессинг?

— Как, вы не знаете Мессинга?! Вот уж, действительно, разница поколений. «Нет памяти о бывшем», как справедливо отметил Екклезиаст... «Sic transit gloria mundi»[1] — опять же. Его имя гремело по всему миру. Мне посчастливилось дважды побывать на концертах Вольфа Григорьевича еще мальчиком. Мы пришли вместе с отцом: мне исполнилось лет десять-одиннадцать. Это было потрясающе! Сказать, неизгладимое впечатление — значит, ничего не сказать. Мессинг во многом определил мои интересы, а следовательно, и жизнь. Говорить о нем можно до бесконечности. В своем роде он такая же удивительная личность, как и Мишель Нострадамус... Воистину, нет пророка в своем отечестве. Пожалуй, дам вам очерк, посвященный его памяти. Авось пригодится... По-английски читаете?

— Спасибо, Варлаам Ильич. От всего сердца спасибо.

Дамианов зарылся в свои папки. Одни откладывал, брал другие, затем возвращался к отложенным, пока не нашел вырезку в три четверти газетной полосы.

— Написал к пятидесятилетию начала войны. По заказу «Нью стейтсмен».

— Мессинг воевал?

— За целую дивизию, не меньше, — горько улыбнулся писатель. — В тридцать седьмом году он предсказал, что если Гитлер обрушится на Россию, то найдет свой конец... в сорок пятом! Достойный продолжатель Нострадамуса.

— Он тоже занимался астрологией?

— Телепатией. Попробуйте найти его книгу «Я — телепат».

Невменову не суждено было ознакомиться с очерком. Вырулив из Углового переулка, где жил Дамианов, он поехал

[1] Так проходит мирская слава.

по Бутырскому валу в сторону Новослободской. У светофора перед въездом под эстакаду с его «ауди» поравнялся синий «мустанг». Молодой человек в темных очках приспустил стекло, словно собираясь о чем-то спросить. Невменов повернул голову и увидел нацеленный ствол с глушителем.

Резко газанув, «мустанг» рванул на красный свет и скрылся в туннеле, а машина, где сидел, уткнувшись лицом в рулевое колесо, Сергей Платонович, осталась стоять с работающим двигателем, мешая проезду.

Глава сорок шестая

МОНАСТЫРЬ БОСАТЗУ, САКРАМЕНТО

Моркрофт с наигранным безразличием раскрыл четыре короля. Лиловый лепесток с поникшего в длинной цветочной вазе ириса дрогнул и отвалился, накрыв суровый лик пикового венценосца причудливой венецианской маской.

И тут словно чья-то рука сжала и медленно отпустила затосковавшее сердце.

...В радужном ореоле, паря над землей, появился великий Будда. Ученики на лесной поляне напряглись в готовности ловить жемчуг исканий, ибо каждое слово Победителя было жемчужиной.

Но Шакья Муни молча поднял поднесенный ему букет. Не уловив значения жеста, первые в мире монахи недоуменно переглянулись. И только Касьяпа, самый старый из них, ответил спокойной улыбкой.

— «О Касьяпа, — провозгласил Так Пришедший, — я вручаю тебе самое драгоценное из сокровищ бессмертного духа».

Так расцвел, озарив три мира, чудесный цветок дхьяны — буддийского созерцания.

...Моркрофт играл с женой, дочерью и ее приятелем в покер, когда позвонил Стюарт.

— Если хочешь увидеть своего борова, Сэм, поезжай в Сакраменто. Он регулярно бывает в японском монастыре... Мой парень забыл название. Вроде Босс Азии или Бот Сьюзи.

— Босатзу?

— Во-во, точно! Откуда ты такой умный, Сэм? Все знаешь.

— Спасибо, офицер. Я у тебя в долгу, — Моркрофт медленно опустил трубку. Ему ли было не знать дзен-буд-

дийский монастырь в горах Сакраменто, где он провел три с половиной месяца! Воспитанный на эстетике взрывчатого поколения битников, увлекшись Сэлинджером и Гинзбергом, двадцатилетний студент отправился на поиски откровения в монашескую обитель, о которой прослышал от старшекурсников. К вящему удивлению Моркрофта, его приняли, ни о чем не спросив.

Когда теряется интерес к религии, да и к традициям предков, чей образ жизни начинает казаться устаревшим или просто слишком привычным, возникает неодолимая тяга к чему-то иному — экзотическому, волшебному. Душа, как бабочка, летит на свет Востока, таинственный и вечный.

Вопреки распространенному мнению, японцы в Босатзу составляли явное меньшинство. Моркрофт встретил здесь и англосаксов, и скандинавов, и черных американцев. Как ему потом объяснили, дзен тоже не являлся японским открытием, но, как и буддизм вообще, был заимствован из Индии через посредство Китая. Санскритское «дхьяна» преобразовалось в китайский иероглиф «чань», который по-японски читается «дзен».

«Дзен, — поучал наставник Иккю, — не религия, не философия, а образ жизни, дарующий человеку гармонию с самим собой и окружающим миром, избавление от страха смерти и полную духовную свободу. Мир мало изменился со дней творения, — говорил мудрый дзен-мастер, опустив морщинистые веки, что делало его похожим на задремавшую черепаху. — Вера в разум и науку — опасный предрассудок западного общества. Накопив неимоверное количество совершенно бесполезных, а зачастую и опасных знаний, люди не стали лучше. Никакая наука не сможет исцелить наши души, возродить обезображенную нами природу, пока не изменится сам человек. Дзен открывает идеальный путь духовного и нравственного перерождения. Для достижения просветления нет нужды отбивать поклоны, совершать паломничества, подавлять плоть и набивать голову схоластической премудростью. Достаточно войти в контакт с внутренними процессами нашего существования, углубиться в наше высшее «я», приникнуть к истокам личного бессознательного».

Воспоминания не мешали Моркрофту вести автомобиль, в чем, бесспорно, сказывалась дзенская дисциплина. Шестнадцать лет минуло с той поры, когда он на попутных машинах по той же дороге добирался до неведомого монастыря. Выплывавшие образы как бы обретали самостоятельное сущест-

вование, отдельное от однообразной картины грохочущего хайвэя. Стрелка спидометра прочно стояла на шестидесятимильной риске.

Храмовый комплекс вписывался в горный ландшафт с присущей японской архитектуре изысканной органичностью. Длинный фронтон, колонны из стволов секвой под нависающей крышей с выгнутыми углами — покой и умиротворение.

Монастырь пробуждался еще затемно: в три утра. Легкий завтрак, в десять — обед и ужин — в четыре, когда солнце начинает клониться к закату. В пищу употребляли только зерна, овощи и бобы. Вдыхая пар, поднимавшийся над блюдами, полагалось думать об иллюзорности мира — зыбкий неверный туман — и назначении пищи.

«Чего я стою? Откуда это подношение? — от трапезы к трапезе многократно повторялись одни и те же формулы. — Принимая его, я размышляю о несовершенстве моей добродетели. Я прислушиваюсь к своему сердцу, закрыв лазейки для жадности и эгоизма. Пища принимается как снадобье для поддержания в теле здоровья. Только ради духовных достижений я принимаю ее»[1].

Получив тарелку и ложку, каждый выкладывал на край стола семь рисовых зерен:

— «О вы, демоны и духи, я преподношу вам эту пищу и пусть ее станет так много, чтобы насытить всех духов и демонов во всех десяти частях света».

За едой надлежало сосредоточить мысль на буддийской этике: «Первая ложка способствует искоренению всякого зла, вторая — помогает творить добро, третья — спасению живых существ, пусть все обретут в круговращении смертей и рождений состояние будды».

Ели, сохраняя молчание, а закончив, вновь предлагали духам и демонам полакомиться остатками, дабы те не творили более зла.

Сразу после завтрака приступали к работам: подметали дворы, убирали помещения, выщипывали сорняки на грядках, поливали фруктовые деревья.

«День без работы — день без еды» — гласила каллиграмма, приколотая под свитком патриарха Бодхидхармы[2]. Поначалу Сэм заподозрил коммунистический лозунг, но постоянные медитации помогли постичь глубинный смысл: «Леность души — худший враг человека».

---

[1] «Пять размышлений о еде». *(Примеч. ред.).*

[2] Основатель системы дзен.

Медитация составляла основное содержание монашеской жизни. Зал, где предавались сосредоточению, служил общей спальней. Разложенные на невысоком помосте вдоль стен циновки, на которых часами приходилось сидеть в позе лотоса, превращались с наступлением вечера в аскетическое ложе. Обычно укладывались на сон после девяти, но самые ревностные еще долго оставались в состоянии неподвижности, когда дух, воспарив над телом, уносится в межзвездные бездны. Находились подвижники, готовые всю ночь провести на террасе, рядом с деревянными буддами под навесом, а то и под деревом в монастырском саду.

Ежемесячно одна неделя отводилась под сессины — своего рода симпозиумы, занимавшие большую часть суток. Времени на сон и еду почти не оставалось: восемнадцать часов в зале медитаций и часовая беседа наставника под открытым небом.

Хоровое чтение сутр на санскрите и троекратное повторение магических заклинаний создавало определенный психический настрой. Хотя Моркрофт, как и большинство послушников, таких же малость сдвинутых американских парней, не знал священного языка индийских брахманов, само звучание четко артикулируемых слогов вызывало в душе непонятный отклик. Казалось, спадали путы земного притяжения и раскрывались завесы за которыми зияла вечная пустота, без очертаний и форм, без границ и цвета.

Дзен-мастер держал ритм, размеренно, в такт дыханию, ударяя бамбуковой палкой по скорлупе сейшельского ореха. О эта палка! Сколько раз обрушивалась она на спины нерадивых учеников, не способных отрешиться от суетных устремлений. К концу первого месяца Моркрофт перестал считать синяки. Лишь удивлялся непостижимой способности наставника узнавать, кто и в какой мимолетный миг позволил себе осквернить незамутненность чистого сознания посторонней мыслью. Он и сейчас не находил разумного объяснения. Телепатическая связь? Какая-то нить, безусловно, протягивалась между учителем и учеником.

Достичь высоты подлинного сосредоточения удавалось ценой неимоверных усилий. Моркрофт быстро овладел внешней техникой. Научился, вывернув пятки поверх колен, принимать уставную позу, смотреть, но не видеть сквозь щелочки опущенных век, расслаблять мускулы. Куда труднее было отрешиться от собственной личности, раствориться в абсолютном «безмыслии», впустить в себя Пустоту.

Этому он так и не научился. И немудрено. Обычно проходит не менее десяти лет, прежде чем монах достигает верхних ступеней восхождения в дзен. Патриарх Бодхидхарма

девять лет просидел в пещере лицом к стене, не произнеся ни единого слова. И только тогда на него снизошло просветление.

Наивно было даже надеяться пережить «сатори», как называли озарение японцы, всего за сто восемь дней.

Дзен-мастер, правда, утверждал, что время не имеет значения. Просветление приходит, как удар молнии. Порой достаточно взгляда на цветок, распустившийся на заре, или увесистой оплеухи, которую ни за что ни про что отвесит наставник самому прилежному неофиту.

Колотили в монастыре охотно и часто, но без злобы, вообще без внешнего проявления чувств. Получивши однажды затрещину, Моркрофт воспринял ее, как поощрение, пережив нечто подобное мазохистскому наслаждению.

Что и говорить, Босадзу многому научил его.

Пережитое однажды ощущение освобождения оставило в душе Моркрофта неизгладимый след. Это случилось на пятый день сессинов. Вместе с другими он сидел лицом к стене на плетеной циновке — татами, шепотом считая по-японски до трех: хи-то-тзу-у, ху-то-тзу-у, ми-ит-тзу-у. Предписывалось тянуть на выдохе, вслушиваясь в звучание последней гласной: вдох, выдох, вслушивание. Так продолжалось почти весь день. Было довольно холодно, хотелось спать и еще более — есть, а сильнее всего — бросить бессмысленное занятие и покончить с му́кой.

Сэму удалось пересилить себя. Следующий день ничем не отличался от предыдущего, с той лишь разницей, что вместо дурацкого «раз-два-три-и-и», пришлось, уподобясь корове, тянуть столь же дурацкое «му-у». По-японски это означало «ничто».

Понемногу дело пошло на лад: выровнялось дыхание, мычание соседей уже не достигало слуха, а возникшее ощущение легкости во всем теле, постепенно разрастаясь, заполнило мир.

Упражнение третьего дня состояло в том, что слово «ничто» нужно было произносить в полный голос. Вчерашняя легкость куда-то испарилась, уступив место тупому безразличию. Ничего не хотелось: ни жить, ни умереть. Ненавистное «му» отравляло существование и в краткие минуты сонного забытья, и по пробуждении, когда пошли новые сутки. Теперь требовалось орать во всю глотку, напрягая спину и грудь.

Сэму почудилось, что земля разжала оковы и отпускает его в свободный полет. Это дивное ощущение парения над полом явилось прелюдией грядущего освобождения.

Наконец наступил незабываемый пятый день. Выкликая «ничто», требовалось обрывать голос в зените. Все мысли напрочь выдуло из головы, словно ее прострелили навылет. Время перестало течь, пространство сузилось до точки где-то над переносицей, и все заволокло молочным туманом. Постепенно в облачной белизне, как на экране, стали высвечиваться лица людей, которых Моркрофт давно позабыл. Живые и мертвые, они возникали из ничего и уходили в ничто. Проявлялись слова, коих он вроде бы и не знал, вроде nihil[1], и вещи, давным-давно потерявшие всякую цену: ножик, забытый в йеллоустонском парке лет пятнадцать назад. Внезапно туман просветлел, словно солнце растопило завесу циклона, и все потонуло в нестерпимом сиянии. Это была безумная радость, всепоглощающее счастье. Оно прорвалось безудержным потоком слез.

Озарение? Едва ли. От всепоглощающей вспышки не осталось ничего, кроме памяти о пережитом облегчении.

Прошло несколько лет и, готовя докторскую диссертацию, Моркрофт скрупулезно исследовал психофизиологический механизм достижения сатори.

Аскетический режим вызывает ломку обменных процессов и, как следствие, угнетение нервных клеток. Неподвижная поза, полузакрытые, уткнувшиеся в стену глаза, однообразие звуков и запахов — все это изолирует мозг от внешнего мира, вызывая в коре и подкорке стойкое торможение. Оно могло бы перейти в глубокий сон, если бы не навязанный ритм бесконечных повторений. Он-то и создавал стойкий очаг возбуждения, вокруг которого возникала тормозная зона, блокирующая нервную систему. Отсюда ощущение безразличия, потеря интереса ко всему окружающему, к собственному естеству. «Ничто», как штопор, вгрызается в мозг. Торможение по мере усиления звука охватывает теменные, височные и затылочные области, что вызывает утрату ориентации. Пространство и время как бы исчезают и, когда угнетение распространяется на лобные доли, разверзается Великая пустота — сумеречное сознание без проблесков мысли. Угасают эмоции, пропадают желания.

В пробуравленном жерле между тем уже клокочет расплавленная лава, которую не в силах долго удерживать защитные тормозные валы. Доминанта приводит к взрыву, сметающему преграды, и волна возбуждения охватывает весь мозг. Появляются зрительные и слуховые галлюцина-

[1] Ничто *(лат.)*

ции, иллюзия полета в сияющую беспредельность, освобождение духа. Эйфория сопровождается неистовым припадком, тело сотрясают судорожные конвульсии, грудь разрывается от рыданий. Со стороны это напоминает крайнюю степень страданий, отчаяния, однако внутренне переживается как необыкновенный подъем, полное обновление, даже перерождение в новую сущность.

В отличие от клинической истерии, успокоение наступает довольно скоро. Наконец бурный прилив сменяется отливом, приходит блаженная расслабленность, просветленность сознания, невозмутимый покой.

Полная Луна прокладывает в зеркале вод свою мерцающую дорожку, где угасают последние вспышки открывшихся было надзвездных миров.

И ничего не дано вынести за пределы голых стен медитационного зала.

Вспоминая дни, проведенные в Босатдзу, Моркрофт ни на минуту не забывал о Чжан Канкане, О'Греди, секте — вообще.

Самозванные гуру, наводнившие американские города, похитили древнее знание, извратили, испоганили его наркотической отравой, подменив дисциплину духа механизированным насилием.

Приобщение к дзен во многом помогло агенту секретной службы понять технологию зомбирования.

Мастер Иккю справедливо обличал западную систему ценностей. Наука, дав человеку власть над стихийными силами, разлучила его с природой. В памяти всплыли «Четыре великие клятвы», которые произносили ученики, приступая к упражнениям в созерцании:

«Сколь бы ни были многочисленны живые существа, я клянусь их всех спасти; сколь бы ни были неистощимы дурные страсти, я клянусь их всех искоренить; сколь бы ни были непостижимы священные доктрины, я клянусь их все изучить; как бы ни был труден путь будд, я клянусь достичь на нем совершенства».

Он не заучивал слова, что стали неотъемлемой частью его взгляда на мир, отношения к людям, собакам и птицам.

Не последнее место в перестройке сознания занимали коаны — софизмы, разработанные дзенской школой риндзай. Противоречащие здравому смыслу, утонченно абсурдные, они взламывали устоявшуюся структуру логических связей.

«Все вещи возвращаются к единому, к чему тогда возвращается единое?»

Коан ставил в тупик новичков, но искушенный в метафизических изысках философ мог возразить, что Единое не является вещью, а, будучи вечным и несотворенным, вмещает все вещи в себе.

«Когда ваше тело кремировано и пепел развеян, где вы?»

Этот вопрос давал ученику больший простор для размышлений. Ответить можно было двояко: нигде и в Едином.

И уж совершенно неразрешимым казался следующий шедевр чисто японской абстракции:

«Удар двумя ладонями — это хлопок, а как звучит хлопок одной ладонью?»

Пощечина наставника показывала, как он звучит.

Окончательно расставшись с баптистской общиной, с которой и родители поддерживали чисто формальную связь, Моркрофт усвоил философские принципы буддизма, не став, однако, верующим, тем более мистиком. Он понимал, что видения, достигаемые путем отречения и строгой дисциплины, сродни галлюцинациям. И все же существовала непреодолимая граница между многолетним подвижничеством, когда по доброй воле в жертву приносилась по сути вся жизнь, и зомбированием, перемалывающим мозг с помощью наркотиков и электронной техники. Асахара мог вогнать в транс за какой-нибудь час.

Священный цветок Индии породил ядовитый плод.

Дзен не открыл медитацию. Она существовала с незапамятных времен, наряду с отшельничеством, порожденным метаниями человеческого духа. Об этом свидетельствует индийская йога, корнями уходящая в предысторию, христианское монашество и магометанский суфизм. В практике религиозного мистицизма тесно переплелось дурное и благостное, но что может быть отвратительнее, когда твой разум порабощает посторонняя злая воля?

Моркрофт пришел к выводу, что в Декларации прав человека не хватает по меньшей мере одной статьи. Общество обязано оградить личность от мегаломанов, которые ради достижения неблаговидных, а зачастую и преступных целей не останавливаются перед выбором средств. За электрошоком и ЛСД неизбежно следует нервно-паралитический газ, бактерии сибирской язвы, радиоизотопы, атомное оружие. Тоталитарное сектантство ничем не лучше нацизма и должно квалифицироваться как преступление против человечности.

Не испытывая сомнений в правомерности своих действий, он тем не менее не без смущения думал о том, с какими глазами предстанет перед дзен-мастером Иккю. После долгих

лет странствий блудный сын возвращается в отчий дом, чтобы арестовать брата. Так получалось.

Но можно ли считать братом того, кто попрал благородные истины Будды и мирские законы? Вопрос обретал двусмысленную оболочку коана.

Противоположности мнимы и сводятся к одному. Пустота, равнозначная Абсолюту и Будде, является единственной реальностью. В ней снимаются все противоречия иллюзорного мира смертей и рождений: дух и материя, правда и ложь, зло и добро. Все пребывает в ней, из нее исходит и в нее возвращается. Быстротечная, вечно изменчивая, как океан, она вмещает в себе все воды: дожди и реки, слезы и кровь.

— Ни живое, ни мертвое не обладают самостоятельным бытием, — проповедовал дзен-мастер на сессинах. — Чувственно воспринимаемые вещи лишь истечение Абсолюта.

— Как же я? — спросил юный Сэм.

— Ты только снишься себе.

— И другие люди тоже?

— А других не существует, — помедлив, улыбнулся Иккю и опустил свои черепашьи веки.

«Жив ли он?» — подумал Моркрофт, когда за серпантином дороги в купах деревьев блеснуло тусклое золото черепичных крыш.

Дух Иккю еще пребывал в сансаре[1]. Преклонные годы не позволяли ему нести тяжкое бремя наставничества. Он жил, погруженный в беспробудные грезы, в уединенном домике. Моркрофт хотел навестить учителя, но новый дзен-мастер, камбоджиец из Саванакета, отсоветовал.

— Надо ждать, когда сам выйдет. Будить нельзя: очень стар и может не выдержать сердце.

Прежний аббат, перешагнув восьмидесятилетний порог, тоже удалился на покой. Его обязанности исполнял Кнуд Свенсен. Он пришел в Босатзу незадолго до Моркрофта и оказался единственным, кто еще помнил лопоухого веснушчатого паренька из нью-йоркского Вест-Сайда.

— Одни приходят, другие уходят, но кто-то обязательно возвращается. Хочешь пожить у нас или останешься насовсем?

Прямота считалась одной из главных буддийских добродетелей. Чем ходить вокруг да около, лучше сразу поставить все точки над «i».

---

[1] Иллюзорный мир рождений и смерти *(санскр.)*

— Я работаю в Федеральной секретной службе, ваше преподобие, — набравшись мужества, объявил Моркрофт. — Вы знаете этого человека? — он протянул фотографию.

Рослый, почти семи футов, атлетически сложенный швед не взял ее и лишь плотнее закутался в угольно-серое одеяние.

— В чем его обвиняют? — после затянувшегося молчания спросил он, поправляя очки.

— Распространение наркотиков... Как минимум. Вам известно о деятельности секты «Атман»? Лига последнего просветления?

Свенсен вновь выдержал долгую паузу и вместо ответа привел дзенскую притчу:

— У подножья горы в страшной бедности жил учитель Рёкан. Однажды, когда он отправился в лес за хворостом, к нему забрался вор, но что можно украсть у нищего? Пока вор шарил по пустым полкам, где не было ничего, кроме сутр и глиняного горшка, учитель возвратился с вязанкой сучьев. «Долго же тебе пришлось блуждать, чтобы навестить меня, — обрадовался он незваному гостю. — Даже не знаю, чем тебя одарить. Возьми хотя бы одежду, чтоб не уходить с пустыми руками». Испуганный воришка схватил убогое тряпье и был таков. Рёкан голым уселся созерцать восходящую Луну. «Бедняга, — сокрушался он, — мне следовало подарить ему это волшебное полнолуние».

Моркрофт понял свой промах. Как он смел позабыть, что в монастыре не было ни газет, ни телевидения!

— Простите, ваше преподобие, — поклонился по-японски, не вставая с татами. — Я вынужден осквернить ваш слух рассказом о людях, которые не только травят галлюциногенами несовершеннолетних, но творят убийства и другие гнусные преступления. Я не забыл мудрых уроков учителя Иккю. Видения, возникающие под действием наркотиков и электрического тока, постыдно даже сравнивать с сатори. Тем более, когда это навязывают обманом и силой, толкая на проституцию и шантаж.

По виду Свенсена, сидевшего, скрестив ноги, по другую сторону низенького столика, трудно было понять, слушает ли он, или грезит. Кратко, насколько возможно, Моркрофт обрисовал деятельность Чжан Канкана и его связи с гангстерами. На преступлениях, приписываемых секте остановился лишь вскользь, сосредоточившись больше на ядерной контрабанде и проповедях скорого конца света. Главный удар пришелся на Асахару, запятнавшего кровью монашеское платье.

Этика, не обязательно дзенская, любая, не позволяла касаться улик, собранных в результате арестов, произведенных FBI. Банковские компьютерные коды, номера счетов и контрактов — всем этим еще предстояло заняться следствию.

— Впервые он появился у нас, год или два спустя после твоего ухода, — взяв карточку, неожиданно для Моркрофта нарушил молчание Свенсон. — Нам он известен под именем ламы Ринчен-чжямцо из монастыря тибетской школы ниингма. Обычно он приезжает на уик-энд, чтобы поработать в библиотеке. У нас хранятся прижизненные ксилографии «Алмазной сутры», даосские манускрипты и труды патриархов.

— Ниингма? — вспомнил Моркрофт. — В этом монастыре тоже есть очень редкие книги.

— Очевидно, другие, иначе он бы не приезжал. В Босацзу, как ты знаешь, нет ксерокопийных машин. По нашим правилам разрешается снимать лишь рукописные списки, что, понятно, требует времени... Лет восемь назад тот, кого ты называешь Чжан Канканом, привел с собой знакомого, который представился профессором из Итона. Звали его Теннесси Боуарт. Он интересовался даосской доктриной внутренней и внешней алхимии. Как-то библиотекарь хватился уникального манускрипта «Утренняя песнь Золотого зародыша», где описывалась техника печеночного дыхания. Заподозрить в краже, не имея на то доказательств, означало взять на себя грех, но старый аббат пошел на него, и Боуарту доступ в библиотеку был закрыт... Это все, что я знаю, Сэм. Погости у нас до конца недели и ты, быть может, увидишь того, кого ищешь. Единственная просьба: надень наручники за пределами Босацзу.

— Обещаю, ваше преподобие.

— Не называй меня так. Ты уже не послушник, но мы были сотоварищами и остаемся братьями. Побеги наших карм переплелись... Через десять минут меня ожидают ученики.

— Спасибо, Кнуд, — Моркрофт был растроган, несмотря на четко проведенную грань: «Ты уже не послушник!» — Я могу спросить тебя еще об одной вещи?

— У нас будет время поговорить, а сейчас у тебя три минуты.

— Что такое печеночное дыхание?

— Когда человек, достигший высоких ступеней йогической практики, приостанавливает работу сердца, включается печень, снабжая кровью мозг и тем самым поддерживая жизнь в мертвом, как засохшее дерево, теле...

— Сердце действительно можно остановить по собственной воле?

— Это называется упражнение вальсальва. А теперь ступай, я пришлю костеляна, и он даст тебе все необходимое.

Глава сорок седьмая

НЬЮ-ЙОРК

Специалисты по компьютерным линиям по кирпичикам разложили программу Рогожина — русский и впрямь оказался виртуозом — и на основе ее составили новую. Пострадавшие банки охотно пошли на сотрудничество, разрешив воспользоваться их системами, что позволило выйти на клиентов во многих странах мира. Дискеты и записная книжка Нефедова сыграли в этой поистине беспрецедентной операции ключевую роль.

По каналам Интерпола были запрошены данные на сорок семь финансовых учреждений, девяноста шесть промышленных и горнодобывающих корпораций и свыше трехсот частных лиц.

Наиболее серьезные подозрения вызывали банк «Соммерсет» (Олд черч стрит, Лондон), фабрика по производству спецаппаратуры ELTCOM (Магдаленен-штрассе, Гамбург), Институт высшей нервной деятельности (Лейквил, штат Коннектикут), спортивный аэродром под Аустерлицем (дорога №203, штат Нью-Йорк), верфи в Уоркворте (Нортумберленд, Англия), хирургическая клиника (Риддер гатан, Стокгольм), психиатрическая больница Мак Гилл (Монреаль), молодежный тренировочный лагерь под Ле Барпом (Гасконские ланды, Франция), завод лекарственных препаратов в Эмбахе (Австрийские Альпы), банк Одо (Гинза, Токио), Центр духовной культуры (Киото), чайная фабрика «Ашока» (Шри Ланка), фактория «Локау» (Чиангмай, Тайланд) и т. д. и т. п. Только по одной Москве и Подмосковью набралось двадцать четыре адреса. Помимо «Регент Универсал Банка», через который осуществлялись экспортно-импортные сделки, частных и государственных исследовательских институтов, в криминальном бизнесе были замешаны крупные медицинские и фармацевтические учреждения, морги, совместные предприятия и так называемые «кооперативы».

Когда Моркрофта проконсультировали по части этих весьма оригинальных коммерческих структур, у него волосы вста-

ли дыбом. Полное отсутствие правового поля в столь деликатной сфере, как трансплантация органов, бросало в дрожь даже детективов, которых, казалось, уже ничем нельзя было удивить.

Незащищенность российских компьютерных линий позволила проникнуть в банк данных фирмы «Кариатида» (Истринский район). Только за прошлый год по долгосрочному контракту с I.G.Biotechnologie (Бинненальстер, Гамбург) было поставлено 19200 препаратов гипофиза, большое количество сердечных клапанов, глазной роговицы, кожи, тканей яичек и почечных капсул.

Хотелось надеяться, что «человеческий материал» поступал только из моргов, но зловещая тень Лиги последнего просветления кромешными пятнами усеяла всю выявленную сеть, простиравшуюся от Калининграда до Владивостока, Тюменской тундры и Кавказского хребта.

Наивно было даже думать о специфически «русском следе», будь то ядерное горючее, наркотики или трансплантант. Щупальца секты простирались по всему земному шару. Гонконг и Макао, Бразилия и Колумбия, Пакистан и даже благополучнейшая Швейцария так или иначе оказались в сфере ее финансовых интересов. Их криминальный характер требовалось выявить и доказать, что представляло собой колоссального масштаба задачу. Движение капиталов указывало лишь направления поисков. Особые трудности опять-таки возникали с Россией, где импортные контракты зачастую служили прикрытием для перевода валюты в зарубежные банки. Лоцманов, способных сориентироваться в бурном постперестроечном половодье, было раз, два и обчелся. Тем невосполнимее оказалась потеря. Убийство представителя Интерпола в Москве пробило громадную брешь в днище лодки, которую только собирались спустить.

Соответствующим подразделениям Секретной службы и FBI подбавили штаты. Аналогичные мероприятия были проведены в BND и Скотланд ярде. После взрыва в Лионе французская Сюрте женераль установила более тесные связи с британской Интеллидженс сервис. Во всех аэропортах усилили меры безопасности и паспортного контроля.

На улицах французских городов появились армейские патрули. Жандармерия прочесывала кварталы, населенные выходцами из Алжира.

Наибольших успехов добилась итальянская полиция. За решеткой оказались четыре тысячи мафиози. Доходы «Коза ностра», традиционно контролировавшей рынок наркотиков сократились наполовину.

Моркрофт понимал, насколько слабы его позиции. Как только Чжан Канкан свяжется со своим адвокатом, тот наверняка сумеет добиться освобождения под залог. Даже арест Пола О'Греди и экстрадиция[1] Иглмена, на что почти наверняка согласится Москва, не давали полной уверенности в благополучном исходе дела. Ни одна линия не была доведена до конца, и действовать приходилось почти вслепую, по наитию, как в покере, где при самом скверном раскладе выручает нахрапистый блеф.

Уж это-то он умел, несмотря на реликты буддийских предубеждений. Ложь во спасение чужих жизней не отягощает карму. Управление разумом представляет собой самое чудовищное преступление, какое только можно вообразить, ибо направлено оно не против плоти, но против сознания и души. Да и плоть нельзя сбрасывать со счетов.

Зомби, который ухитрился незамеченным проникнуть в Форт Нокс, был застрелен из автоматического устройства. Кто возьмет на себя ответственность за жизнь человека, обращенного в робота?

В Центральном разведывательном управлении установили личность убитого. Им оказался бывший сержант морской пехоты Тервил, ветеран вьетнамской войны. Удалось узнать, что он прошел курс лечения в неапольском медицинском центре. Об этом госпитале, обслуживавшем американский флот, еще в семидесятые годы ходили дурные слухи. Недаром CIA не пожалело усилий, чтобы сведения об инциденте не проникли в печать. Агентов Секретной службы даже не допустили до трупа, сославшись на аппарат помощника президента по национальной безопасности. Моркрофт не впервые сталкивался в своей работе с упорным противодействием могущественных невидимок, которые руководствовались своими неписанными законами, плели заговоры, нагло вторгались в частную жизнь граждан.

Проверка показала, что никаких распоряжений насчет Тервила помощник президента не отдавал. В перетягивании каната Секретная служба одержала верх. Как и ожидалось, на плече бывшего сержанта красовался зеленый дракон. Теперь особенно важно было сломать китайца. Отстояв в тяжбе с разведкой американские свободы, Моркрофт только о том и думал, как их обойти.

Сославшись на Вторую поправку к конституции, Чжан Канкан отказался давать какие бы то ни было показания.

---

[1] Выдача *(лат.)*

— Будь по-вашему, — согласился Моркрофт. — Попробуем взглянуть на ситуацию как бы со стороны. Хранение и сбыт наркотиков — раз, соучастие в контрабанде — два, убийство, — он нарочито помедлил, — ну, скажем, второй степени — три. Вы хоть понимаете, на сколько это потянет?

— Я никого не убивал. Ахимса — первейшая заповедь для буддиста, а я буддийский священник.

— Лама Ринчен-чжямцо из монастыря школы ниингма?

Чжан Канкан не ответил.

— Настоятель свидетельствует, что вы не принадлежите к общине. Поэтому оставим религиозные догмы и возвратимся к мирским делам, Всадник... Всадник Апокалипсиса — это убийца?

Чжан Канкан вновь никак не отреагировал на вопрос. На его широком расплывшемся лице застыла маска усталого безразличия.

— Мы не можем пока предъявить обвинение в убийстве первой степени, но вторая вам обеспечена.

— Повторяю: я никого не убивал.

— Взгляните на эти снимки, — зайдя со спины арестованного, Моркрофт разложил перед ним фотографии убитой Вольфины Клоссан. — Что вы можете сказать по этому поводу.

— Ничего.

— Но ведь вы были знакомы с ней? У нас есть свидетели.

— Первый раз вижу.

— Пол О'Греди придерживается иного мнения, — Моркрофт мучился сознанием, что игра не удавалась. Дважды солгав, он ничего не добился. О'Греди еще ни о чем не спрашивали, а свидетелей пока не нашли. Возможно, таковых не существовало в природе. Все с треском провалится, как только Чжан Канкан окажется на свободе. — Вы передали ему салфетки, пропитанные ЛСД, не так ли? — он попробовал нанести удар с другого, более крепкого фланга. — А сами от кого получили?

— Я отказываюсь отвечать и требую адвоката.

— По-моему, я не забыл напомнить ваши права? Адвоката, так адвоката. Если у вас нет своего, могу предложить список на выбор.

— У меня есть свой юрист.

— Отлично. Вот вам телефон, — Моркрофт задержал руку на переносном аппарате. — Но не надейтесь, что вас освободят под залог.

— Почему?

— Мы предъявим обвинение в убийстве первой степени, а вы знаете, чем это грозит... С наркотиками тоже ваше положение несколько усложняется... Нефедов и О'Греди дали показания. Я допускаю, что каждый хочет облегчить свою участь, но вас взяли в клещи... Кстати, вы должны были получить новый груз?.. Ассортимент впечатляет. К сожалению, Пидкоблученко вас немного подвел, но зато помог нам. Так что пожизненное заключение при любом случае гарантировано... Однако, прошу извинить. Вы хотели звонить адвокату, — Моркрофт встал, включил телефон в розетку и сделал шаг к двери с зарешеченным окошком, за которым стоял охранник. — Даю пять минут, но имейте в виду, ни о каком соглашении уже не может быть речи.

— Почему? — дрогнул Чжан Канкан.

— Убийство первой степени. Нам придется идти до конца... О'Греди оказался более сговорчивым, — Моркрофт как бы нехотя возвратился на место. — И его можно понять. Кроме соучастия в убийстве Вольфины Клоссан, на нем висит Патриция Кемпбелл. Вам знакомо это имя?.. Милая несовершеннолетняя девушка. Ее искалечили, превратили в проститутку! — он повысил голос. — Во имя чего? Секте понадобилась новая жрица? Ведь так? Шакти подросла, доказала, что сможет стать полноценной дэви, а Клоссан свое отработала и ее решили убрать... Я ничего не напутал? Сначала шакти, затем дэви, а потом труп с вырезанной печенью? Правильно, Всадник? О'Греди, а он в том же высоком чине, подтверждает: все верно... Мне безразлично, на ком из вас больше крови. Думаю, на нем, но он ведет себя правильно. Свидетелей со стороны обвинения мы защищаем, ваше преподобие.

Чжан Канкан пожевал губами и снял трубку.

— Вернусь через пять минут и отправлю вас в федеральную тюрьму. Там и увидитесь со своим адвокатом, — Моркрофт пошел ва-банк. — Это будет процесс века! Шакти, зомбирование и — как его? — упражнение вальсальва!.. Дыхание печенью!.. Вы что, после берете ее на анализ? Публика просто взорвется от такого шоу, — увидев, как Чжан Канкан сник и покрылся потом, он умолк, дав китайцу немного прийти в себя. Блеф, в лучшем случае на валетах, удался, как нельзя лучше. Повышать ставки не было смысла.

— Чего вы от меня хотите?

— Полного признания по всем пунктам.

— Но я не принимал участия в убийстве Клоссан.

— Что ж, тем хуже будет О'Греди. Мы вместе с вами подумаем, с чем выйти на суд.

— Я бы предпочел сделать это в присутствии адвоката.

— Никто не собирается ущемлять ваши права, — Моркрофт нацелил указательный палец. — Повторяю уже в третий раз и прошу запомнить. Или вы считаете, что на вас оказывают давление?

— Н-нет, — через силу выдавил Чжан Канкан.

— Отлично. Объясняю: прежде чем обсуждать процедурные вопросы, нам следует договориться с глазу на глаз. Либо мы действуем солидарно, либо врозь, но тогда за последствия пеняйте на себя и на своего адвоката. Есть существенное различие в положении обвиняемого в тяжких преступлениях и потенциального свидетеля обвинения. В первом случае мы непримиримые противники, во втором — почти союзники... Я бы так сказал.

— И если я соглашусь...

— Тогда считайте, что мы возьмем на себя некие обязательства. Полностью избавить вас от ответственности не сможет ни Христос, ни Амито Фо[1], но свести наказание до минимума, полагаю, в нашей компетенции. Итак, если вы согласны, я задам вам ряд вопросов, на которые прошу дать ясные и прямые ответы. Ложь и увиливание дезавуируют достигнутую договоренность.

— Кто даст мне гарантию? При аресте вы предупредили, что отныне каждое слово может быть использовано против меня в суде.

— Значит, вы не отрицаете, что я уведомил вас о ваших правах? — показав на магнитофон, Моркрофт покрутил пальцем. «Пусть видит, как мотается каждое слово». — О гарантиях мы, как водится, столкуемся с адвокатом. У вас хороший адвокат?.. Я не буду записывать показания. На суде вы вообще сможете отказаться от любого признания. Значение имеет лишь сказанное перед большим жюри. Прошу усвоить одно: мне нужно знать все, вплоть до мельчайших подробностей. Не для того чтобы упечь вас за решетку до скончания лет или посадить на электрический стул О'Греди. Ради спасения тысяч американцев мы готовы пойти на компромисс. Секретная служба стоит на страже безопасности Соединенных Штатов. Не в наших интересах обманывать людей, способных оказать нам посильную помощь.

— Я очень устал. Вы бы не могли дать мне немного передохнуть?

---

[1] Будда Амитабха *(кит.)*

— Опять-таки это зависит от вас. Хотите отдохнуть — ваше право, вызвать адвоката — пожалуйста. Думаю, нет смысла начинать с самого начала... Вы сделали выбор?

— Я скажу вам завтра.

— Э, нет! — Моркрофт выключил магнитофон и прошелся по камере. — Поговорить по душам не поздно и завтра, но проблему со Второй поправкой необходимо решить сейчас. От этого зависит формулировка обвинительного заключения. На вашем месте я бы не стал рисковать.

— Не знаю, выдержу ли...

— Вас ли учить концентрации воли? Соберитесь с духом! Я не стану особенно утомлять. Два-три вопроса, и можете спать спокойно. Мы продолжим потом — завтра, может быть, послезавтра. Важно начать.

— Спрашивайте, — Чжан Канкан обреченно махнул рукой. — Но я никого не убивал.

— Все так говорят. Возможно, я отнесусь с большим доверием, когда сумею убедиться в вашей искренности.

— Что от меня требуется?

— Правда, одна только правда и ничего, кроме правды... Вы даете согласие на проверку с помощью полиграфа?

— Детектор лжи?

— Так его называют. Мне больше по вкусу детектор правды. Не в пример вашей лиге, я не слишком полагаюсь на электронику. Поэтому роль детектора лжи, — подчеркнул Моркрофт, — возьму на себя. Нам многое известно. Ваши ответы буду сопоставлять с фактами, имеющими юридическую силу, — он продолжал блефовать. — Итак, как насчет полиграфа. Учтите, что отказ от проверки произведет на суд неблагоприятное впечатление.

— Вы не оставляете мне выхода.

— Правильная оценка. Вижу, мы договорились.

На первом этапе партия была выиграна. Адвокат наверняка скажет, что его подзащитный совершил ошибку, дав согласие на проверку. Будучи лицом духовным, он мог сослаться на запреты религиозного характера. Едва ли в буддизме и даосизме существуют табу на детектор лжи, но доказать обратное было бы крайне хлопотно.

Чжан Канкана отконвоировали в спецкамеру, напоминающую телевизионную студию. С той лишь разницей, что вместо звуконепроницаемого стекла была стена с односторонней прозрачностью. За ответами и реакцией испытуемого, помимо самописцев, вычерчивающих причудливые зигзаги, внимательно следил психолог. Видеозапись велась одновременно с трех точек.

— На вашей коже есть какая-либо татуировка? — быстро покончив с вводным тестированием, спросил Моркрофт. В сущности это тоже был установочный вопрос: телесный осмотр задержанного составлял такую же обязательную часть предварительной процедуры, как дактилоскопия и фотографирование.

— Нет, — односложно ответил Чжан Канкан.

— А у Пола О'Греди?

— Не знаю... Думаю, тоже нет.

— Как же тогда объяснить, что его, — намеренно усилил голос Моркрофт, — жертвы имели особые приметы, а он и вы, мистер, нет? Татуировка обязательна для последователей Лиги последнего просветления?

— Не обязательна. Это знак посвящения в тайные мистерии.

— Голая женщина красного цвета в венце из двенадцати звезд и месяцем под ногами?

— Да.

— Как у Вольфины Клоссан.

— Да.

— И фрау Зоннебекль?

— Впервые слышу это имя.

— Мадемуазель Фесоле?

— Впервые слышу.

— Но вам известно, что символизирует знак на груди Клоссан?

— Известно.

— Назовите, что именно.

— «Жена, облаченная в солнце».

— Это евангельский образ? Из Откровения Иоанна Богослова?

— Полагаю, что так.

— Прошу дать развернутый ответ. Что означает татуировка?

— Евангельский образ «жены, облаченной в солнце».

— Какой смысл вложен в имя, вернее в псевдоним — Вольфина Клоссан?

— Тот же самый: «жена, облаченная в солнце».

— Владеете ли вы немецким и французским языком?

— Немного говорю по-французски.

— Псевдоним Фесоле несет такую же смысловую нагрузку? — Моркрофт воспроизвел фразу по-французски.

— Вероятно.

— Вы не уверены?

— Я ничего не знаю о Фесоле, но получается тот же смысл.

— Вы буддист?

— Да.

— Полный ответ, пожалуйста.

— Я — буддист.

— Выступали ли вы с проповедями о скором светопреставлении.

— Я выступал с проповедями о светопреставлении.

— Как это согласуется с буддийской доктриной?

— Когда кончается мировой период, мир уничтожается, чтобы возникнуть заново. Мы приближаемся к концу кальпы.

— Объясните термин «кальпа».

— На санскрите это означает продолжительность существования мира, которая исчисляется в один день миросоздателя Брахмы, равный четырем миллиардам тремстам двадцати миллионам человеческих лет.

— И все эти миллиарды и миллионы истекают именно сейчас, в конце двадцатого века?

— Так вычислили астрологи.

— Но Брахма индуистский бог?

— Он принял веру Будды и стал ее охранителем.

— Тогда причем тут христианство? Образы Апокалипсиса?

— Лига последнего просветления объединяет все религии. Звезды указывают сроки.

— Какая разница между шакти и дэви?

— Шакти — земная женщина, обладающая высшей силой. Когда сконцентрированная в ней космическая энергия достигает запредельного уровня, она становится небесной дэви. Так человек, порвав цепи сансары, превращается в бодхисаттву и будду.

— Уточните термин «сансара».

— Это санскритское слово означает неразрывную связь причин и следствий, рождения и смерти в этом мире иллюзий.

— Термин «дэви».

— В переводе с санскрита — богиня.

— Но разве боги не бессмертны?

— Они так же подвержены цепям сансары, как и все живое. Только в образе человека боги могут порвать их.

— Как в таком сложном контексте представляется вам убийство Вольфины Клоссан?

— Я ничего не знаю об убийстве и никого никогда не убивал.

— Хорошо, оставим убийство... Смерть Вольфины Клоссан?

— Она ушла в нирвану, чтобы никогда больше не возродиться. Это высшее счастье.

— По-вашему, женщина, которой перерезали горло, обрела счастье?

— Что люди знают о нирване?

— И что знают люди?

— Ничего.

— А вы?

— И я — ничего.

— Так уж и ничего? Существуют метафизические трактаты. В монастырях, которые вы посещали, ведутся долгие диспуты.

— Это ничего не значит. Состояние нирваны не может быть передано в словах. Благородное умолчание предписывает обходить его стороной.

Моркрофт был достаточно искушен в метафизике, чтобы настаивать.

— Зачем вам понадобилось похищать рукопись «Песнь Золотого зародыша» из библиотеки Босатзу?

— Я не брал.

— Но она значится в вашем формуляре. Вы посетили монастырь вместе с неким Теннесси Боуартом. Кто этот человек?

Зигзаги на дорожках дали максимальные всплески: альфа-ритм мозга, потоотделение, слюнотечение, кровяное давление, сердцебиение — все было охвачено смерчем.

— Он принудил, принудил меня! — Чжан Канкан забился в истерике.

— Кто?

— Он! Боуарт... Человек из CIA, — Чжан Канкан обмяк в кресле.

— Почему все-таки вы, буддист и знаток догматики, предпочли сделать упор в своих проповедях на христианской традиции? На Апокалипсисе? — Дав китайцу еще одну короткую передышку, Моркрофт возобновил допрос. Он понимал, что пережимает, но азарт охотника, загнавшего дичь, был сильнее его.

— Все религии исходят из Одного и возвращаются к Единому. Большинство моих прихожан христиане, католики и баптисты, — Чжан Канкан тяжело дышал.

— Где находится ваш приход? — Моркрофт налил ему содовой из сифона.

— У меня нет постоянного места. Я разъезжаю по всей стране.

— Но чаще всего вы выступали в Нью-Йорке? В Чайна-Тауне?

— Я бывал и там.

— В Чайна-Тауне живут главным образом этнические китайцы?

— Буддисты среди них в меньшинстве. Японцы и вьетнамцы тоже принадлежат к христианским конфессиям.

— Тогда давайте сконцентрируемся на христианской эсхатологии. — Моркрофт раскрыл Библию: «И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей», — прочитал он, делая упор на каждом слове. — Вам знаком этот текст?

— Откровение Иоанна Богослова, глава девятая, стих пятнадцатый.

— У вас превосходная память... Следует ли понимать стих буквально? Входит ли в намерения секты осуществить предсказание на деле? По примеру «АУМ сенрикё»?

— Я ничего не знаю о деятельности «АУМ сенрикё»... Кроме газетных сообщений. В намерения лиги не входит подменять высший промысел.

Моркрофт вновь раскрыл заложенную пальцем страницу Нового Завета.

— «Так видел я в видении коней и на них всадников...» Этот текст вам знаком?

Чжан Канкан опустил голову, опутанную разноцветными витыми проводками, идущими от датчиков к полиграфу.

— Не слышу ответа.

— Глава девятая, стих семнадцатый.

— Поэтому вас и титулуют Всадником? Вас и преподобного Пола О'Греди?

— Мне трудно говорить. Я устал.

— Назовите имена двух других всадников.

— Я не знаю.

— Сколько всего их? Четыре? Или же больше?

— Я не знаю.

— Вы говорите, что на всадниках нет знака посвящения. Почему?

— Наши знаки в душе.

— И каковы же эти символы истребления?

— Нельзя буквально следовать аллегорическим образам. Не истребление, но спасение несем мы в этот мир.

— Как же тогда понимать массовые закупки наркотических средств, оружейного урана, радиоизотопов, самолетов?

— Мне такие факты не известны.

— Даже наркотики? Галлюциногены?

— Они использовались исключительно в ритуальных целях.

— Для манипуляции сознанием? Превращения людей в зомби?.. Что означает татуированный рисунок зеленого дракона? Красной женщины на зеленом драконе?

— Я очень устал.

— Сейчас мы закончим. Ответьте, пожалуйста, на последний вопрос.

— Апокалиптические образы: «зверь из бездны», «жена на звере».

— И тоже знаки посвящения?

— Знаки...

— Которыми метят живых роботов: перевозчиков контрабанды, курьеров, боевиков?

— Инициантов, — едва слышно прошептал Чжан Канкан.

— Хотите кофе?

Китаец отрицательно покачал головой.

— Может быть, чаю? Бутербродов?

— Не надо... ничего. Я хочу спать.

— Тогда все. О структуре секты поговорим, когда вы отдохнете... Сейчас вас освободят из этого кресла. Понимаю, что пришлось несладко, сочувствую, но это все-таки лучше, чем электрический стул... Зачем нужна была «Песнь Золотого зародыша» Боуарту?.. Медитация, объективированная в алхимическом ритуале? — Моркрофт воспользовался набором даосских терминов, которые почерпнул из беседы со Свенсеном: швед помнил несколько коротких отрывков из украденного манускрипта. — Киноварное поле печени? «Приготовление великого эликсира должно сопровождаться жертвоприношением...» — он не закончил цитату.

Чжан Канкан потерял сознание. Его глаза закатились, челюсть отвисла, из уголка рта стекала белая пена.

Глава сорок восьмая

СОЛНЕЧНЫЕ ПИКИ

Всплескам солнечной активности обусловлены не только государственные перевороты, нашествия саранчи или эпидемии. На дрожь раскаленной плазмы в полном смысле слова отзывается наша кровь, что было научно установлено еще в 1935 году, когда профессор Токийского университета Таката открыл реакцию оседания альбуминов — белков крови. Она, помимо всего, обладала и суточной периодичностью, эта так

называемая F-реакция. Резко возрастала за семь минут до астрономического восхода и продолжала набирать высоту до полудня, с тем чтобы упасть с наступлением ночи. С появлением солнечных пятен кривая роста круто забирала вверх, обнаружив поразительное совпадение со статистическими данными по части психических заболеваний.

Кровь и мозг, который красные тельца снабжали живительным кислородом, реагировали на солнце даже в заштореннной комнате, в подземельях метро.

И расплавленная магма — кровь самой земли — откликалась на вихри протуберанцев, но не столь быстро, как человеческая. Резня с обильным кровопусканием, как правило, предшествовала землетрясениям, в чем могли убедиться безвинные жертвы в Оше, Фергане, Сумгаите, на Балканах и на Кавказе.

Поразительно, но именно в такие моменты наблюдалось и повсеместное увеличение инопланетных контактов. Очевидцы НЛО обрывали телефоны в редакциях газет и Центрального телевидения.

Спрашивается, с чего бы это?

«Sapienti sat», как говорили мудрые римляне, «для понимающего достаточно».

Про потасовки в Думе, с причинением членовредительства, про кликушества насчет — чуть ли не завтра! — конца света и прочие выходки даже говорить не приходится. Это, как выражаются умные люди, перманентный фактор. Чуть больше, чуть меньше — какая разница?

На графике, где по ординате отложены числа Вольфа[1], середина 1995 года отмечена взлетом за черту 200W. Не приходится удивляться, что необычно жаркое лето оказалось столь богато разного рода странностями и непредсказуемыми событиями. К их числу следовало бы отнести и загадочное размагничивание дискет с пресловутым «вирусом 666», если бы сей факт стал достоянием гласности. К сожалению, спецслужбы России, США и Великобритании, где тоже имело место трагическое происшествие, закончившееся смертью оператора аэропорта Хитроу, отказались предоставить какие-либо сведения по поводу изъятых файлов. Тем не менее слухи о том, что информация подверглась самоуничтожению, каким-то образом просочились в печать.

По сведениям «Крисчен сайэнс монитор», это случилось в один и тот же день в Москве, Вашингтоне и Лондоне. К

[1] Индекс солнечной активности, характеризующий количество и величину солнечных пятен.

сожалению, не удалось установить точное время, чтобы сопоставить эффект саморазрушения с прохождением солнца: разница между поясами Вашингтона и Гринвича — пять часов, и Гринвича и Москвы — еще три. По-видимому, роль спускового крючка сыграло не столько солнце как таковое, а время вообще. Заранее отмеренное время. Если отбросить вздор насчет колдовства, то причина могла быть только одна: закодированный сигнал на размагничивание. Технически такая задача не представляла особой сложности. В секретное исследовательское учреждение, что находится в Жуковском, крупная зарубежная фирма поставила партию компьютеров, снабженных записывающим устройством, искусно вмонтированным в главную плату. Таким образом вся проходящая через компьютер информация оказалась под контролем. Чтобы ее заполучить, устройство было запрограммировано на неисправность, устранить которую, согласно договору, полагалось фирме-поставщику. В процессе ремонта ничего не стоило заменить один блок другим, точно так же запрограммированным на поломку по истечении года.

ФСБ раскрыла уловку, о чем и сообщила в прессу.

Нечто подобное могло произойти и с дискетами, столь пагубно воздействующими на психику человека.

В безбрежном океане статистики тонут отдельные судьбы. Лишь наиболее яркие, вернее, мрачные, эпизоды выносятся на поверхность.

Бабушка, обожавшая четырехлетнего внучка, свихнувшись то ли от скачка числа Вольфа, то ли от телевидения, получила указание свыше «избавить мир от зла» и задушила ребенка. Ей, видите ли, примерещились три шестерки на темечке. В городе Воронеже («Воронеж-нож» Мандельштама) трое парней зарезали девушку, с которой спали поочередно, посчитав ее за биоробота и киборга. В Оренбурге брат с помощью любовницы-экстрасенса замучил сестру. Пытаясь изгнать засевших в ней бесов, он и не заметил, когда она умерла, и сорок дней провел рядом с трупом в надежде на воскрешение. В Альметьевске молодая женщина, открыв в себе сверхъестественные способности, распознала колдунью в собственной матери. Сразу стало понятно, откуда пришли беды, постигшие многодетное семейство: все те же злокозненные демоны и в придачу «дурной глаз». Трое братьев, ничтоже сумняшеся, порешили приступить к эзорцизму, хоть и слова такого не знали, но зато знала сестра.

Все три факта выловлены из газет. Не будь Института имени Сербского, куда отправляют на судебную экспертизу

убийц с отклонениями, и вездесущая пресса едва ли б дозналась о вывихах помраченного разума, ибо число им, как и демонам, — легион.

«Трое взрослых (от 30 до 40 лет) несколько суток изуверски истязали свою мать, пока та не скончалась от болевого шока, — сообщает газета «Аргументы и факты». — Мучители находились в таком глубоком истерическом психозе, что жгли и себя каленым железом («чтобы очиститься»), при этом они практически не чувствовали боли. Потом лили на себя кипяток, причем в таком количестве, что вода протекла на соседей снизу. Никто из участников этой трагедии не страдал до этого какими-либо психическими расстройствами. Но в момент совершения преступления все они были невменяемыми, индуцированными. Сестра, внушившая мысль об изгнании бесов, и ее муж (сотрудник милиции, между прочим), поскольку сами не принимали участия в убийстве, неподсудны и продолжают «врачевать». И, говорят, вполне успешно избавляют людей от хворей — ибо они экстрасенсорными способностями обладают».

Кто только не обладает нынче такими способностями! Пациенты не уступают целителям. Психическая эпидемия проявляется в массе, в наэлектризованной сверхидеей, сколь бы ничтожной она не была, толпе. И нет тут особой разницы между охотой на ведьм, шпионов, врагов народа, вейсманистов-морганистов, безродных космополитов, иноверцев и инородцев, между чертями и галактическими пришельцами.

Тонут, тонут отдельные судьбы в пучине статистики. Сто тысяч членов Белого братства разбрелись по бескрайним просторам страны. Почти никто не вернулся в семью, даже те, кто отстрадали положенный срок в психбольнице.

Тридцать тысяч московских питомцев Асахары подались куда-то на Север и на Дальний Восток. Остальные примкнули к лиге «Атман», где — как знать? — возможно, и обрели долгожданное просветление.

Гибнет мир, это очевидно, но они-то спасутся!

После обильных дождей, которых так не хватало все лето, Москва внешне посвежела, но Великий Ра по-прежнему взирал на подвластную ему землю сквозь вуаль пятен, будоража вздыбленную атмосферу невидимыми ливнями корпускул и волн.

Его мощное дыхание отзывалось повсеместно, включая биржу. Лишь Россия, где научились за семьдесят лет покорять

природу, упрямо шла наперекор, не укладываясь в космические закономерности. Загнанный в тюремный коридор доллар демонстрировал на удивление всем завидное постоянство курса, невзирая на инфляцию, скачки цен и падение производства.

Трезвомыслящее меньшинство с замиранием сердца ожидало, во что это все выльется.

Оракулы предрекали особо горячую предвыборную осень, но грянуло раньше и, как всегда, неожиданно.

Банковский кризис крепко ударил по Кидину. Впервые за все время существования «Регент Универсал Банк» был вынужден приостановить платежи. Эти три дня показались Ивану Николаевичу сплошной черной ночью. Правительственных чиновников, которые ели из его рук, как ветром сдуло. Ни один телефон не отвечал. Почуяв запах жареного, зарубежные партнеры попридержали перечисления, слегка поднажившись на процентах.

Пришлось скинуть часть валютных резервов и государственных ценных бумаг. Убыток вылился в круглую сумму около двухсот миллиардов. «Регент» тем не менее устоял и вошел в пятерку крупнейших банков, заключивших между собой нечто вроде пакта дружбы и взаимопомощи. К этому моменту подоспела льготная ссуда Центробанка, ожили телефоны в правительственных кабинетах и вновь потекли доллары из-за рубежа.

Пятерка «великих держав» приступила к разделу сфер влияния. Для России, которая по-прежнему качалась на сорока пяти миллиардах нефтедолларов, две с половиной тысячи банков были непозволительной роскошью. Второй этап приватизации требовал концентрации капиталов. Вопрос о том, кто кого сожрет, не стоял. Мелочь того и не стоила. Жрать-то чего? Зачем вешать на свою шею чужие долги, когда можно забрать клиентуру? Она и сама потечет туда, где надежно. Процент, правда, уже не тот, но ничего не попишешь, выбирать не приходится.

Всю кризисную неделю Кидину было не до личной жизни. Не нашлось даже свободной минутки, чтобы прослушать записи разговоров Ларисы Климентьевны с ее поклонником.

«Убрать его, что ли? — мелькала соблазнительная мысль. — Пятьдесят косых, и нет проблемы».

Никаких конкретных действий Иван Николаевич не предпринимал и, пожалуй, предпринимать не собирался. Достаточно было знать, что такое возможно. В принципе!

Но и плыть по течению, делая вид, что ничего не происходит, становилось невтерпеж. Кажется, они куда-то намы-

лились. На Крит или на Кипр? Один черт! Ну ничего, он им устроит отдых...

Секретарша принесла факс, поступивший из I. G. Biotechnologie, и Кидина вновь закачало на бурных волнах. Далюге извещал, что с дальнейшей реализацией проекта возникли непредвиденные осложнения и приглашал срочно прибыть для переговоров. Только этого еще не хватало! Он разбушевался, сорвал зло на ни в чем не повинной Оксане, которая вечно лезет со всякой пакостью в самый неподходящий момент.

Она выбежала, обливаясь слезами.

Кидин посидел, тупо уставясь в лежавшую перед ним развернутую газету, и понемногу остыл. Зря накричал на девку. Она-то причем? Далюге — вот кому надо выдать по первое число! Чтобы успокоиться, проглядел коммерческую колонку. Там иногда проскальзывали дельные мысли. С некоторого времени он начал регулярно просматривать «Кость», выискивая на ее пакостных страницах имя ненавистного разрушителя семейного уюта. Как ни странно, оно попадалось все реже. И неудивительно. Писать негодяю было, конечно, некогда. Другими делами занимался. Как только держат таких в редакциях?

Взгляд задержался на заглавии: «Похищение или адюльтер?». Решив, что никуда не поедет, а влупит немчуре по первое число, принялся читать. В заметке говорилось про жену беспортфельного вице-премьера. Она пропадала неизвестно где целые сутки, а потом вдруг позвонила подруге, попросив известить мужа, что ее похитили. Похищение, однако, было обставлено несколько необычно. Ни выкупа, ни других требований лица кавказской национальности не выдвинули.

Супруг поднял на ноги всех, кого смог, по Москве была объявлена «Сирена-I», и милиция скопом бросилась на поиски. И не только милиция. Чем дальше развивались события, тем больше возникало недоуменных вопросов. Соседи, например, видели, как дама, при параде, оживленная и подкрашенная, садилась в черную «Волгу». В ресторан ли она собиралась, в театр или на презентацию, никто, само собой, не знал. Тем не менее ночевать не вернулась. Объявилась она так же нежданно, как и пропала. Никаких объяснений, от нее не дождались. Сказала только, что обращались с ней вежливо, велели позвонить мужу, а затем отпустили.

Удивительная история! Но именно это и подсказало Ивану Николаевичу оригинальный ход.

Он-таки слетает на пару дней в Гамбург, но прежде кое-кому подготовит хорошенький гостинец! Получалось очень даже складно и своевременно.

— Ксюха! — окликнул он по-дружески. — Иди-ка сюда.

— Слушаю вас, Иван Николаевич, — отворачивая зареванное личико, всхлипнула секретарша.

— Ну будет, будет, — в знак примирения, а может, и поощрения, он залез к ней под юбку. — Я ж не со зла, — погладил, оттягивая резинку. — Ты лучше свяжись с «Люфтганзой» и закажи билетик на завтра-послезавтра.

— Решили лететь? — прильнула она.

— Надо, Оксаночка, сама понимаешь...

— Давайте я вам массажик сделаю.

— Ух ты, крапивное семя!.. Ну ладно, пошли. Что с тобой сделаешь?

Лора и Саня использовали свалившиеся с неба денечки, что называется, взахлеб. Только однажды ему пришлось съездить в редакцию, да и то не без пользы. От задания — в районе платформы Замоскворечье радиационный фон раз в тридцать превышал допустимую норму — он отвертелся, точнее, отложил на потом. Зато заглянул на обратном пути в туристическую фирму «Тревелер», где заключил контракт на восьмидневную поездку. Долларов, заработанных за весь год левыми гонорарами, едва хватило на трехзвездный отель с полупансионом, но зная, насколько непритязательна Лора, Саня не беспокоился. Дай ей волю, она бы взяла какой-нибудь «Хайет» или «Редиссон», хоть и заклинала его не тратиться. Мол, с милым и в шалаше рай. Все-таки три звезды — не шалаш! Он мог торжествовать и был почти счастлив.

Разобраться же в том, кто виноват: завод полиметаллов или химический институт, утопавший в горах урановых руд, и на той неделе не поздно. Заголовок надо придумать непритязательный: «Кто нас травит?» В таком духе примерно.

Впереди были целых три дня безмятежных радостей...

Звонок в дверь застал Лору в постели, где она, дабы скоротать ожидание — Саня обещал скоро вернуться, — уютно угнездилась с бутылочкой марочного «Бордо» и пакетом соленых фисташек.

Так и есть: он не задержался!

Сунув ноги в тапочки, отороченные платиновой норкой, она, как была в короткой рубашечке, бросилась открывать. Не спросив и не заглянув в глазок, радостно распахнула дверь, да и застыла от неожиданности, увидев троих молодчиков в шерстяных масках. Как кипятком обдало изнутри осознание своей наготы, тут же вытесненное леденящим дуновением страха. Прикрывшись снизу руками, Лора попятилась.

Бандиты — кто, ежели не они? — степенно переступили порог и захлопнули дверь.

— Ишь ты, какая краля! — промяукал один из них, придя в игривое настроение, и сделал вкрадчивый шаг.

— Стоять! — одернули его сзади.

— Не беспокойтесь, Лариса Климентьевна, — обратился к ней, как она поняла, предводитель. — Вам ничего не сделают. Только не поднимайте лишнего шума, иначе.., — он не договорил. — Оденьтесь, пожалуйста, и побыстрее. Мы очень спешим.

ВОЛЬФ МЕССИНГ — ВЕЛИКИЙ ЯСНОВИДЕЦ

После триумфального турне по столицам мира Вольф Мессинг возвращался в родную Варшаву. Публичные выступления составляли лишь малую часть его деятельности. Встречи с великим ясновидцем домогались президенты и банкиры, авантюристы и сумасшедшие, и тысячи-тысячи простых людей, которым жизнь не оставила ничего, кроме последней надежды на чудо.

Шел страшный, роковой, поворотный 1937 год. Военная машина Германии набирала обороты. Уже была оккупирована Рейнская зона, готовился аншлюс Австрии, смертельная угроза нависла над Чехословакией. В СССР на полную мощность работала кровавая мясорубка. В преддверии неизбежной войны Сталин уничтожал командные кадры армии. В обход Наркомата иностранных дел личный посланец вождя торгпред Канделаки вел в Берлине секретные переговоры с гитлеровским министром Шахтом. Намечались первые контуры раздела Европы между двумя диктаторами.

Легко догадаться, какие мысли владели варшавянами в то жаркое лето, запомнившееся душными ночами и грозовыми ливнями. Театр был переполнен. Люди стояли в проходах. Тысячные толпы ожидали на улице.

«Будет война?» «Он скажет, что станется с Польшей? Куда кинется Гитлер? Как поведет себя Сталин?..»

Мессинг особо остро чувствовал состояние аудитории. Привычных заданий с отгадыванием мыслей, поиском спрятанных портсигаров и прочей приевшейся дребедени сегодня не будет. Он прочитал единственный вопрос в темном зеркале коллективного бессознательного, где сливались потаенные страхи и чаяния миллионов.

— Да, варшавяне, готовьтесь к войне.

Он никогда не говорил людям об ожидающих их бедах, хотя ясно ощущал ледяное дуновение смерти. Пусть проживут оставшийся им краткий срок в неведении, питаясь надеждой. Поэтому он, хоть и видел объятые огнем города, но не сказал, что война неизбежна. Пытаясь войти в оболочку — в темную ауру нацистского фюрера, тщился проникнуться владевшей им маниакальной идеей. Ясности не было. Польша обречена, но Гитлер пока не знал, что за этим последует. Он еще не принял решения, куда повернуть: на Восток или на Запад.

— Если Гитлер нападет на Советский Союз, Германия будет разгромлена, — сказал после долгой паузы Мессинг при гробовом молчании зала и промокнул платком обильно выступивший пот. — 1945 год станет концом Гитлера и его режима, — добавил почти на последнем дыхании.

На следующий день все, без исключения, польские газеты напечатали предсказание на первых полосах. Заголовки были набраны самыми крупными литерами. На это живо откликнулась зарубежная пресса. Только в советской печати не появилось ни слова. Тому были две вполне очевидные причины: во-первых, мистика, фокусы, шарлатанство; во-вторых, о вожде рейха с некоторого момента было предписано упоминать скупо и сдержанно. Карикатуры на Геббельса и Геринга — сколько угодно, на Гитлера — табу. Пока Литвинов разглагольствовал о коллективной безопасности с западными демократиями, НКВД налаживал контакты с гестапо.

Газетные вырезки пополнили и без того пухлое досье Мессинга в архивах службы безопасности Рейнгарда Гейдриха. О том, как прореагировал на предсказание иностранный отдел в наркомате Ежова, чьи дни уже были сочтены, история пока умалчивает.

После нашумевшего концерта состоялась встреча с Юзефом Пилсудским. Далеко не первая, ибо начальный контакт ясновидца и легендарного «отца нации» имел место еще в 1924 году. Великие мира сего, надо сказать, мало отличаются от среднего обывателя.

«В роскошной гостиной собралось высшее «придворное» общество, — рассказал потом об этой аудиенции в своих

автобиографических записках Мессинг, — блестящие военные, великолепно одетые дамы. Пилсудский был в подчеркнуто простом полувоенном платье, без орденов и знаков различия. Начался опыт. За портьерой был спрятан портсигар. Группа «придворных» следила за тем, как я его нашел. Право же, это было проще простого! Меня наградили аплодисментами. Более близкое знакомство с Пилсудским состоялось позднее в личном кабинете. «Начальник государства» (кстати, это был его официальный титул в те годы) был суеверен, как женщина. Он занимался спиритизмом, любил «счастливое» число тринадцать. Ко мне он обратился с просьбой личного характера, о которой мне не хочется, да и неудобно сейчас вспоминать. Могу только сказать, что я ее выполнил».

О характере этой интимной просьбы Мессинга заставят подробно рассказать на допросах в НКВД. Но это так, к слову...

Пока же нас куда больше интересует, как и когда величайший чтец мыслей двадцатого века открыл в себе удивительный дар.

Случилось это еще накануне первой мировой войны. Голодный, плохо одетый мальчик из еврейского местечка Гора — Калеварии, под Варшавой, отправился искать счастья в большом незнакомом мире. Где-то на затерянном полустанке он прокрался в вагон первого попавшегося поезда и, устроившись под полкой, заснул сном праведника. Так уж случилось, что поезд шел не куда-нибудь, а в Берлин, где кайзер Вильгельм уже готовил миру кровавую баню, в которой суждено будет рухнуть великим империям, расчистив оперативный простор для фашизма и коммунизма.

Воистину чудны дела твои, Господи!

Перед остановкой в Познани вошел контролер и началась проверка билетов. Надо ли говорить, что у нищего школяра, с трудом одолевшего премудрости хедера, таковых не было, как, впрочем, и документов?

Седоусый пан в форменной фуражке, с кожаной сумкой на животе, заглядывая в укромные места, где обычно прячутся «зайцы», неуклонно приближался к дрожащему мальчонке.

Как знать, не вместил ли тот первый приступ страха перед Властью грядущие треволнения? Ужели маячили за скромным головным убором железнодорожника Речи Посполитой черные, с серебряными черепами околыши СС? Синие тульи госбезопасности?

— Молодой человек, ваш билет!

«У меня в ушах и сегодня еще звучит этот голос», — признавался потом Вольф Григорьевич.

Затравленно оглядевшись по сторонам, он уставился в замызганный пол, скупо освещенный свечным огарком в закопченном стекле фонаря. Между мешками и убогими, перевязанными веревкой узлами, углядел обрывок газеты, схватил его и дрожащей рукой протянул контролеру.

«Наши взгляды встретились. Всей силой страсти мне захотелось, чтобы он принял эту грязную бумажку за билет... Он взял ее, как-то странно повертел в руках. Я даже сжался, напрягся, сжигаемый неистовым желанием. Наконец, контролер сунул ее в тяжелые челюсти компостера и щелкнул ими.

— Зачем же вы с билетом — и под лавкой едете? Есть же места. Через два часа будем в Берлине...»

Только теперь маленький Вольф узнал, куда везут его постукивающие на стыках колеса.

И вот он, Берлин. Холод, мытарства, неизбывная нищета, голодный обморок на роскошной Фридрихштрассе и больничная койка. Тут-то и улыбнулась, впервые в жизни, удача Мессингу. Он попал в руки профессора Абеля, знаменитого психиатра и невропатолога, открывшего в пришлом беспризорнике уникальную одаренность.

— Вы удивительный медиум, — констатировал профессор и предложил приступить к опытам. Медиумизм и прочие тайны духа были в моде. «Чудо-мальчика», с легкой руки импресарио Цельмейстера, продемонстрировали в Берлинском паноптикуме, где вместо восковых фигур выставлялись на всеобщее обозрение живые экспонаты. Затем были варьете Винтергардена, цирк Буша: шумная известность, материальный достаток, лестные предложения.

Дальнейшей карьере помешала война. Вольфу Мессингу тогда едва исполнилось пятнадцать лет... Впереди были долгие разговоры с корифеями мировой науки: Альбертом Эйнштейном и Зигмундом Фрейдом, серьезная работа по уникальной системе психоанализа, шумные гастроли по всем континентам. Об одной встрече стоит упомянуть особо. С конкурентом по ремеслу, которого звали Эрик Ян Ганнуссен. Мессинг сразу понял, что любимец берлинской публики начинает свои номера с подставных трюков и, лишь разогрев себя аплодисментами, приступает к неподдельным сеансам по телепатии. Мог ли думать молодой поляк, что его стремящийся к дешевому успеху соперник вскоре станет «личным ясновидцем» Гитлера? Теперь об этом остается только догадываться...

Перепрыгнем временной промежуток между двумя мировыми пожарами.

Польша, согласно «секретным протоколам», расчленена и оккупирована. Мессинг скрывается в подвале торговца мясом. Его повсюду ищут агенты СД, назначена награда в 200 000 рейхс-марок. Родные и близкие отправлены в лагерь смерти Майданек. Те немногие, кому удалось уцелеть, вскоре погибнут под дымящимися развалинами варшавского гетто.

Выйдя однажды на свежий воздух, он лицом к лицу столкнулся с офицером в черной униформе. На околыше фуражки зловеще скалился череп со скрещенными костями.

— Кто ты такой? — эсэсовец схватил его за волосы, длинные, до плеч, как и положено артисту.

— Художник.

— Врешь! — немец вынул из нагрудного кармана сложенную вчетверо листовку с портретом. Медленно развернул ее и пристально взглянул на Мессинга. — Это ты предсказал смерть фюреру? — Последовал отработанный удар в лицо. Опрокинув арестованного на тротуар, немец брезгливо скривился на испачканную перчатку.

Вместе с кровью Мессинг выплюнул выбитые зубы. Брошенный в камеру ближайшего полицейского участка, он напряг все силы души и заставил охранников, одного за другим, прийти к нему. Он лежал неподвижно, как мертвый, когда они, не понимая, в чем дело, склонились над ним. Затем медленно поднялся, вышел в коридор и задвинул засов бронированной двери.

Ему помогли перейти границу, вернее, переплыть на жалкой плоскодонке. На другом берегу Буга его ожидала другая жизнь и новые испытания. О чем думал он той ненастной октябрьской ночью? Знал ли о судьбах тысяч беженцев, что надеялись найти защиту от фашизма под сенью красных знамен?

На допросах его быстро «поднимали» по служебной лестнице: от лейтенантов до полковников госбезопасности. Увы, имя Вольфа Мессинга им ровным счетом ничего не говорило, а его рассказы лишь укрепляли в уверенности, что задержан немецкий шпион. Впрочем, немцы были союзниками, и это спасало от скорой расправы. И еще «чудеса», которые всякий раз приходилось проделывать в подтверждение профессиональных способностей.

Так он «дорос» до свидания с самим Пономаренко, секретарем ЦК КП(б) Белоруссии, будущим руководителем партизанского движения.

Рядом с Пономаренко сидел, храня многозначительное молчание, нарком внутренних дел. Оба были в защитных, как у вождя всех времен и народов, френчах.

— Вот человек, который хочет меня расстрелять, — печально кивнул Мессинг на наркома. — А вы секретарь самого господина Цека? — он обратил изучающий взгляд на Кондрата Пантелеймоновича. — Может быть, он тоже захочет меня выслушать?

Руководители республики только переглянулись. Докладные пошли в Москву, а Мессингу разрешили потихоньку выступать: по скромной программе, без ясновидений и пророчеств.

Во время гастролей в Гомеле его прямо на улице взяли двое в синих фуражках и повезли незнамо куда. Оказавшись в конце концов то ли в загородной гостинице, то ли на даче, принадлежащей высокопоставленной персоне, он вновь испытал памятное еще по берлинскому поезду потрясение, когда распахнулась дверь и в комнату вошел усатый человек в сапогах, так знакомый по бессчетным портретам. Вслед за ним на полусогнутых ножках просеменил бородатый Калинин.

— Здравствуйте, — закивал на приветствие вождя артист. — А я вас на руках носил.

— Как это на руках?

— На первомайской демонстрации.

Сталина интересовало положение в Польше. Он подробно расспросил о Пилсудском, затем о других лидерах, делая упор на правительстве в Лондоне.

— Ох! И хитрец вы, Мессинг, — заключил Иосиф Виссарионович после двухчасовой беседы.

— Не я хитрец. Вот вы-таки действительно хитрец!

Если бы не Калинин, вовремя одернувший ясновидца, неизвестно, чем мог бы закончиться подобный обмен любезностями.

Потом пошли проверки, но уже в сталинском стиле. Куда было Пилсудскому до вождя мирового пролетариата!

Мессингу, например, приказали получить в Госбанке 100 000 рублей по чистому листу бумаги. Повторилась история с железнодорожным билетом, хотя кассиру это стоило инфаркта. Другое задание исходило уже от Берии, который первым делом отправил гениального телепата в Бутырскую тюрьму. Ему предстояло выйти оттуда и, преодолев десятки постов, без пропуска нанести визит в наркомовский кабинет. Альтернативы не было. Об этом эпизоде Мессинг рассказывал крайне скупо, не называя имен. Он с блеском исполнил под-

виг, достойный мифических героев. Лишь под конец жизни признался, что уход из гестаповского узилища потребовал значительно большей затраты сил.

О других встречах с вождями предпочитал не распространяться. Известно лишь, что в самые последние дни войны Сталин, подозревая инсценировку, спросил его насчет смерти Гитлера.

— Он мертв, — с полной уверенностью ответствовал ясновидец.

В первых числах мая 1945 года артист получил правительственную телеграмму, в которой генералиссимус выражал благодарность за точно названный день окончания войны.

А год был предсказан еще в Варшаве.

Редкие гастроли, убогие залы, примитивные, обкарнанные Главреперткомом фокусы. Никакой магии и телепатии не было, нет и быть не может — только идеомоторные колебания.

И внезапные вызовы по ночам на Лубянку, когда не знаешь, вернешься назад или нет.

Там варилась своя черная магия.

Глава сорок девятая

КРИПТОКРАТИЯ

Осень дала знать о себе похолоданием и кратковременными дождями. Москву посетила итальянская порнозвезда, любимая народом за веселый нрав и неподражаемый бюст. В ночном клубе с ней флиртовал, отпуская сальности, лидер крупной парламентской фракции.

— «Шуры-муры», — мурлыкал он, норовя приложиться к груди.

Смысл «политической акции» был предельно прост: лишний раз показаться на телеэкране рядом со знаменитостью. С той же целью удалось заманить в партофис престарелого корейского оракула Сона, якобы предсказавшего убийство Кеннеди и еще что-то в том же духе. Кореец улыбался, кивал, но выдать так нужное к выборам пророчество отказался. Вождь взял реванш буквально на следующий день, ввязавшись в безобразную драку у парламентской трибуны: мерялся силами со стариком из враждебной фракции и оттаскал за волосы хрупкую женщину — тоже депутата.

Очередной скандал малость развеселил заскучавшее было общество.

Фон между тем не претерпел перемен: ни солнечный, ни радиоактивный. Солярная активность приближалась к 230W, радиационная — в районе станции Замоскворечье — составила 400 мкР/час. Денег на очистку территории не выделили.

Словом, сплошные пятна: на репутации, на Солнце, пятна нуклидов на многострадальной земле и дыры в бюджете — ничего нового.

Новое, как повторение старого, проступило трупными пятнами на татуированной коже: обнаженная женщина лежала на боку, уткнувшись затылком в водосточную решетку. Ее нашли на уединенной дорожке Выставочного центра (бывшая ВСХВ), неподалеку от Ботанического сада. По всем признакам выходило, что труп пролежал там свыше двух суток. Неестественно вывернутая голова была запрокинута к небу, источавшему унылую морось.

— Пятый случай, — сказал Левит, поднимаясь с колен.

— Полный набор, — согласно кивнул Морозов. — Печень, татуировка... Долго же он не давал о себе знать, падло!

— Рисунок немного не тот. Звезды вокруг головы и нет дракона, а в остальном тот же сон.

— По крайней мере хоть личность можно сразу установить.

— Да, талантливая девушка... На прошлой неделе выступала по REN-TV. Мне понравилось.

— Тоже мне девушка! — пренебрежительно поморщился Морозов.

— Ну женщина. Какая разница?.. Я не в физиологическом смысле. Талант — вот что важно.

— Талант! Все руки исколоты. Такая же прости-господи, как и те. Вот в чем ее настоящий та-а-лант.

— Творческие люди особо ранимы, дорогой вы мой капитан. Особенно в нынешнее время. Понимать надо. У Солнцевой редкий дар. Не голосом пела, нервами... Эх, Женя, Женечка...

Дженифер (Евгения) Солнцева исполняла, аккомпанируя на гитаре, песни собственного сочинения.

Срывая цветы, мы с тобой не хотели
В лаванду вплести стебельки иммортели,
И мы не узнали в хрустящем миндале,
Как горько он пахнет, цианистый калий.

Она пользовалась популярностью в определенных кругах, которые характеризовались в молодежной печати как «интеллектуально-эстетствующие». Особым интеллектом там не пах-

ло, как, впрочем, и цианистым калием, но наркотиками баловались. Что же до эстетства, то его подменяла манерная претенциозность. Несколько выступлений по авторскому телевидению сделали Женю звездой. У нас легко раздают титулы: академики, президенты, князья, атаманы. Даже члены регентского совета. Регентского чего?.. Призрачный мир все чаще затмевал убогую реальность.

Мой милый поручик, вы слишком наивны,
А ночь так длинна средь запутанных улиц.
На перышке тонком пушок кокаина
И отсвет жемчужный от съеденных устриц.

Как сказал поэт, «какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Ладно, о вкусах не спорят: в трезвучиях Жениных соль мажор ныла искренняя ностальгия, а тысячелетие и впрямь шло на ущерб.

Скандальные романы лишь упрочили славу Дженифер — пожирательницы сердец и денег. В ночных клубах и кабаре, где она выступала, ошалевшие отцы семейств швыряли ей под ноги миллионы.

— Помогите перевернуть на спину, — сказал Левит.

И это были его последние слова. Не успел Морозов нагнуться, чтобы поддержать голову, как грохнул взрыв. Старый медэксперт был убит наповал, а Морозову оторвало три пальца. Сильно контуженный, он ничком повалился на окоченевшее тело.

— Ничего святого у людей не осталось, — скажет потом Корнилову прозектор. — Заряд был скрыт в гениталиях. In vagina.

Первым с сенсационной новостью выскочило в эфир неунывающее «Времечко». Константин Иванович только зубами проскрежетал.

— Когда похороны?

— Во вторник, в одиннадцать.

— Обязательно буду.

Час назад он получил заключение из научно-технического отдела по поводу заспиртованных препаратов, изъятых после выдачи Иглмена представителям FBI.

Генетические анализы показали, что чудовищно раздутая печень принадлежала Клавдии Калистратовой. Судя по биохимическим анализам, она долгое время подвергалась воздействию больших доз женских половых гормонов и других сильнодействующих веществ, оказывающих влияние на гипофиз и репродуктивную сферу. Кем и с какой целью проводились подобные эксперименты, осталось за кадром. Особенно

гадать, впрочем, не приходилось. Материал накопился обширный.

На живых людях ставились опыты по превращению женщин в сверхсамок, мужчин — в идеальных боевиков, и всех скопом — в зомби. Помимо новейших достижений в биохимии, биофизике и электронике, на вооружение были взяты и усовершенствованы похищенные в буддийских монастырях и индуистских ашрамах секретные методы высших ступеней йоги: погружение в транс, так называемое «пробуждение третьего глаза», остановка сердца, развитие портального[1] печеночного кровообращения.

Сразу после получения ориентировок из Нью-Йорка, Лиона и Вены криминальное научно-исследовательское учреждение, где подвизались Торба и Голобабенко, было взято под наблюдение. Показания, данные тем же Торбой и Иглменом, вкупе с данными Интерпола и FBI, не оставляли сомнений в характере многосторонней деятельности ученых-подпольщиков. Корнилов почти не сомневался, что их жертвой мог стать и Вячеслав Калистратов.

Группа захвата ожидала лишь приказа, но министр, взявший дело на контроль, попросил немного повременить. В Москву прилетел из Вашингтона помощник президента по национальной безопасности. На высоком, если не на высшем уровне, шли переговоры о согласованных действиях.

Константин Иванович догадывался, что основной целью станет верхушка Лиги последнего просветления, о которой по-прежнему практически ничего не известно. Зомбированные сектанты никого не интересовали. Они могли, да и то без особого проку, лишь пополнить и без того перегруженные сверх меры психиатрички. Притом почти наверняка в обеих президентских администрациях имело место недопонимание реальной опасности. Прямо, хотя по большей части косвенно, в противоправную деятельность секты оказались вовлечены миллионы людей и сотни самых различных организаций: от респектабельных банков и фирм до религиозных сообществ и террористических группировок и банд.

Компьютерное моделирование, проведенное в Лионском информационном центре Интерпола, подтвердило выводы аналитиков. Лига разработала изощренную программу, в которую были задействованы, зачастую о том не подозревая, влиятельные политики и финансисты, представители крупного бизнеса, военно-промышленные и научные круги.

---

[1] От слова «воротная вена».

Всех, нивелируя и приводя к общему знаменателю противоречивые интересы, объединяло одно: вложенный капитал, приносящий высокие прибыли. Создать подобную инфраструктуру было бы невозможно, если бы за сектой не стояли могущественные лица, ворочающие миллиардами долларов.

В американской печати промелькнуло, тут же повсюду подхваченное слово: «криптократия». Невидимая власть готовилась выйти из-за кулис и перехватить рули управления. Под затасканным и, казалось бы, на вечные времена опороченным, но почему-то всегда новым для каждого поколения, лозунгом конца света скрывался заговор мирового масштаба. В сравнении с мощью, сосредоточенной в руках невидимок, впечатляющая репетиция в Токио выглядела жалкой потугой. Не исключено, что пробный шар был запущен, а сам Асахара принесен в жертву с далеко идущими целями. Москва и Петербург, Нью-Йорк и Лос-Анджелес, Париж и Вена, Гамбург и Монреаль, Лондон и Киев — повсюду секта пустила глубокие корни. Внешне автономные, ее филиалы тесно взаимодействовали между собой, движимые общими приводными ремнями.

В России страшный суд толковался на православный лад, в Италии — на католический, в Стамбуле упор был сделан на суннитскую традицию, в Бангкоке — на буддийскую тхераваду. Замысел взорвать существующий миропорядок был столь же прост, как и дьявольски гениален.

Срочный прилет помощника президента, окруженный небывалой со дней «холодной войны» атмосферой секретности, ясно давал понять, что в Белом доме наступает прозрение.

Настала очередь очнуться от спячки и обитателям кремлевских палат.

Подробное сообщение об убийстве Жени Солнцевой — пятой по местному и восьмой по мировому счету «жены, облаченной в солнце», Корнилов передал в Интерпол. Он бы не преминул и лично заехать, если бы был жив Сергей Платонович. Но его схоронили еще на позапрошлой неделе, и вот уже новые похороны. Кто следующий?

В российском отделении Интерпола ожидали прихода нового начальника. Назначение откладывалось, как говорили, из-за трений между новыми силовыми министрами. В ФСБ на это завидное кресло смотрели, почти как на вотчину, МВД стремилось протолкнуть своего человека.

Временно исполняющий обязанности Альберт Волков инициативы не проявлял. Продвижение ему не светило, а трепыхаться в состоянии неопределенности — себе дороже.

Тщательно изучив оставшуюся после Невменова документацию, он все аккуратнейшим образом разложил по полочкам: секта, наркотики, ядерная контрабанда, терроризм и т. д. В отдельное производство были выделены нераскрытые убийства с резекцией печени и криминальная трансплантация органов. В переписке с центром удельный вес таких преступлений заметно возрос.

Статью Варлаама Дамианова о Вольфе Мессинге, найденную в залитом кровью портфеле, Волков прочитал, и не без интереса, а затем бросил в бумажную мельницу: случайный материал, никакого отношения к конкретным делам не имеющий.

Копию распечатки беседы Невменова с доктором Иглменом он направил полковнику Корнилову, заменив подписанную покойным сопроводиловку своей. Текст остался прежний. Поменялась лишь подпись.

Канцелярская педантичность могла обернуться обрывом важнейших узлов, если бы Сергей Платонович не составил перечень рассылки.

Какие мысли сложились у него в голове, какие мостики перекинулись, какие звенья замкнулись — все это ухнуло в Великую пустоту вместе с последним сигналом простреленного мозга.

Возможное объяснение происшествию в Форте Нокс так и не попало к американцам. Что же до аналогичных событий на Печорской РЛС, то они вообще остались тайной за семью печатями: армия решила не выносить сор из избы, и расследование спустили на тормозах. Располагая полной видеозаписью, ГРУ пересняло и размножило фотографию нарушителя, присвоив ему кличку «Черный ниндзя», но и не подумало поделиться информацией с правоохранительными органами.

«Ничего не было», — поступило негласное указание.

Глава пятидесятая

НЬЮ-ЙОРК

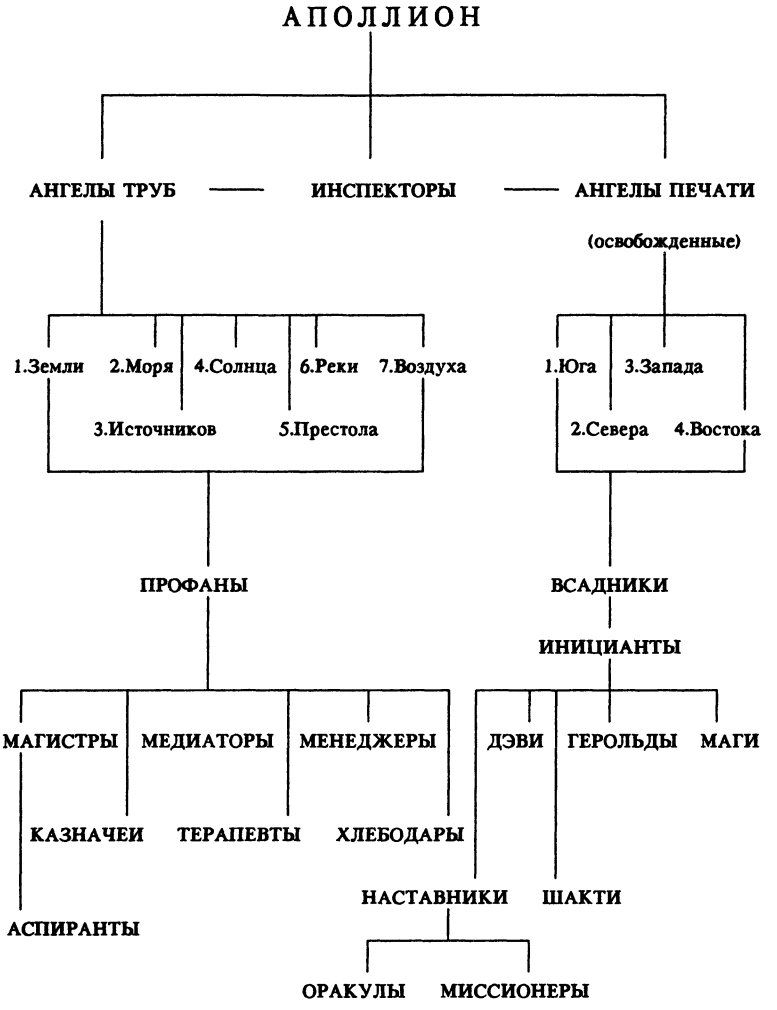
«И я видел семь Ангелов, которые стояли перед Богом; и дано им было семь труб».

«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью... Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море... и умерла третья часть одушевленных тварей... Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь... Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их... И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных гласов... Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям... И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев... В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них... Одно горе прошло; вот идут за ним еще два горя. Шестый Ангел вострубил... И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц, и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей... Так видел я в видении коней и на них всадников... Второе горе прошло; вот идет скоро третье горе. И седьмый Ангел вострубил... И рассвирепели язычники; и пришел гнев твой и время судить мертвых... И отверзя храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его; и произошли молнии и голоса, и громы, и землетрясение, и великий град».

Семь Ангелов с трубами и Четыре освобожденных...

В компьютерную программу «Иерархия», составленную на основе оперативных и следственных данных, был введен «Сценарий Апокалипсиса». После многочисленных наложений, сравнительной выборки, отсеивания и корректировок на экране возникла иерархическая модель, получившая наименование «Условная структура секты».

По оценкам экспертов, она на 60±10 процентов совпадала с реальной.

Степень вероятности увеличивалась в направлении сверху вниз.

Номинальный вождь Аваддон, или Аполлион по-гречески, что означает «губитель», представлялся личностью, если не вовсе мифической, то в некотором смысле условной. Перед прошедшими посвящение мог выступать под таким именем и наставник, и маг, и инспектор, представлявший секретную службу лиги.

В каждом национальном центре была своя инфраструктура, более или менее совпадающая с общей схемой. В зависимости от количества адептов, число всадников могло варьироваться в широких пределах. В России и Соединенных Штатах оно приближалось к десяти — в одном Нью-Йорке было, как минимум, трое, — на такие страны, как Австрия или Чехия, приходилось в лучшем случае по одному всаднику. Основная их функция заключалась в прозелитстве и отборе кандидатов для посвящения.

Над профанами, то есть, грубо говоря, вольнонаемными, всадник никакой власти не имел. Научно-исследовательский и обслуживающий персонал подвергался обязательному тестированию. В случае обнаружения экстрасенсорных способностей, человека повышали по службе, окружали особым вниманием, всячески подчеркивая его избранность. Все было обставлено достаточно тонко и мягко, чтобы не вызвать негативной реакции. Поэтому предложение пройти инициацию редко встречало отказ. Многими оно искренне воспринималось как честь, открывавшая пути к дальнейшей карьере.

Талантливые сотрудники: ученые, врачи, адвокаты, программисты и т. д. вербовке не подлежали. Их поощряли обычным порядком. Мозг с высоким IQ[1] был ценным приобретением. Попытки улучшить его электростимуляцией, химией или психологической обработкой приводили к печальным последствиям. В подавляющем большинстве профаны даже не подозревали, на кого они на самом деле работают. Крыша преуспевающей фирмы, завязанной на военно-промышленный комплекс, оказалась в этом смысле подлинной находкой. Легенда действовала безотказно, а высокие оклады и жесткий режим избавляли от праздного любопытства.

В сущности этим людям, хотя они работали с радиоактивными и токсическими материалами, болезнетворными бактериями и трансплантантом, трудно было предъявить обвинение. В этом смысле ситуация в США и России оказалась довольно схожей.

Задержанные в Москве и ее окрестностях сотрудники дутых «почтовых ящиков» практически ничего не смогли рассказать ни о самой лиге, ни тем более о ее руководстве. Одни называли какого-то Аполлона Ионовича — явный псевдоним! — другие ссылались на столь же легендарного Аполлинария Онуфриенко.

[1] Коэффициент интеллекта.

С одной стороны, конспирация, с другой — напротив, навязчивое выпячивание, легенда для отвода глаз. Наивные потуги во что бы то ни стало следовать канону, хотя бы путем словесных подтасовок, могли бы вызвать снисходительную улыбку, не будь у этих игр столь мерзкой изнанки.

В каком-то смысле повторялась история с «женами, облаченными в солнце». По странной игре вероятностей, лишь Жене Солнцевой не пришлось придумывать имя. Казалось, сам рок уготовил ей жертвенную роль инфернальной богини.

В тот месяц сентябрь, когда плакали окна,
Меня провезли перед домом твоим.
И черная лошадь с плюмажем промокла,
И крылья о землю сломал херувим.

Пожалуй, наиболее полный пакет информации удалось собрать об институте шакти и дэви, самом, быть может, кошмарном подразделении секты. Сверхсамки, насколько можно судить, служили для добывания секретных сведений и, не в последнюю очередь, денег. Помимо этого, их бурная деятельность приносила секте компромат на влиятельных или почему-либо неугодных лиц, что зачастую оказывалось намного ценнее. Отбор проводился всадниками среди прихожан и на специально устраиваемых конкурсах красоты.

Двадцатилетняя Памела Гриффитс из Сэйлема, одержав победу в соревновании юных ведьм, стала последней шакти Пола О'Греди, арестованного в аэропорту имени Кеннеди. Проповедник намеревался вылететь вместе с красоткой на Ямайку.

Технология варварских биологических трансмутаций, приводивших к чудовищному разрастанию печени, гинекологическим и психическим изменениям, по-прежнему оставалась загадкой, бросающей вызов здравому смыслу.

Все надежды получить хоть какие-нибудь сведения евгенического[1] характера Моркрофт возлагал на встречу с Боуартом.

Добраться до него оказалось в высшей степени нелегко.

В CIA, как и ожидалось, «не знали» ни о каком Боуарте, хотя любому мальчишке, насмотревшемуся детективов, было известно, что разведчики никогда не выступают под собственным именем.

Но времена были уже не те, чтобы держать круговую оборону. Разоблачение Эймса, продававшего секреты рыцарей плаща и кинжала Андропову, Крючкову и их наследникам,

[1] От названия науки, изучающей пути улучшения человека, как биологического вида.

нанесло Центральному разведывательному управлению такой удар, что они еще долго не смогут оправиться. Ведомство трясло, как на вулкане.

Противостоять, как прежде, давлению президентской администрации и комитетам сената и палаты представителей не хватило силенок.

Моркрофт закончил схватку со счетом 2:0.

Боуарт, настоящая фамилия Стенли Купер, уже пятый год наслаждался заслуженным отдыхом. Помимо приличной пенсии, он получал миллион шестьсот тысяч долларов в год от концерна S. B. Электроникс, где числился в совете директоров. Как удалось дознаться, S.B. означало — «сверхмозг».

К 2001 году концерн намеревался выбросить на рынок сверхкомпьютер на нейросетях, но Моркрофта это не занимало.

Купер, несказанно удивившись звонку, после некоторого колебания согласился ответить на вопросы, интересующие следствие.

— Но имейте в виду, — категорически заявил он, — никаких имен.

— У нас есть право привлечь вас в качестве свидетеля под присягой.

— Начхать мне на ваши права. Я достаточно разбираюсь в своих.

— А если вас пригласят предстать перед комиссией сената?

— Хоть перед двенадцатью апостолами.

— Что ж, мистер Купер, не смею настаивать. Вы можете нам очень помочь. — Моркрофт с самого начала знал, что жать не имеет смысла. (Полковник и к тому же специалист-тибетолог, Купер возглавлял резидентуры в Тибете, Бутане, Сиккиме; работал в Индии. Такого голыми руками не возьмешь. Даже не подступишься. И компромата на него не было. Единственно, что можно поставить в вину, так это кража рукописи из монастырской библиотеки, но, во-первых, пойди докажи, а во-вторых, смешно.) — Где бы могли увидеться?

— А приезжайте ко мне: угол Лексингтон авеню и Семьдесят седьмой улицы. Завтра, в восемь тридцать утра, — сказал, как отрезал.

Купер жил в просторных трехэтажных апартаментах с отдельным входом. Обширная гостиная, где он принял Моркрофта, напоминала музей: всевозможные восточные редкости, головы животных на стенах — тигры, носороги, леопарды, медведи. Видимо, был классным охотником. Корзина для бумаг, и та сделана из слоновьей ноги. Особенно роскошно вы-

глядели шелковые и полотняные тибетские свитки — танка явно медитационного предназначения.

— Ваше удостоверение, — не ответив на приветствие, потребовал он, в одно мгновение сличив цветную фотографию с оригиналом. Затем сделал приглашающий жест и потянулся за хрустальным графином. — Выпьете?

— Не рановато?

— Для меня — нет.

— Пожалуй, — Моркрофт готов был на все, чтобы только установить контакт. Разбавив виски ровно наполовину, он устроился в кресле, мучительно соображая, с чего начать.

Стенли Купер выглядел примерно так, как и ожидалось: за семьдесят, но еще крепкий и кряжистый. Впалые щеки, массивный волевой подбородок, короткая стрижка. Глаз за темными стеклами разглядеть не удалось.

— Как вы на меня вышли? — спросил он, глотнув неразбавленный скотч.

— Через вашу контору. Не скажу, чтобы это далось легко, — без малейшего колебания ответил Моркрофт. Наверняка друзья сразу же уведомили бывшего сослуживца, кто и зачем им интересуется. — Берегут ваш покой. Лично я ничего не имею против. Вы его заслужили.

— Вздор.

— Вздор? Но почему?

— Потому что детский сентиментальный вздор. Вы, как я понимаю, профессионал? Значит, должны понимать, что на мой покой и вообще на меня всем начхать. Охране подлежат секреты. И правильно! Еще не настало время их разглашать.

— Все? Или для каких-то вещей срок давности уже истек?

— Я таких не знаю.

— Вам, бесспорно, виднее... Но в данном случае о разглашении не может быть и речи. Я представляю Секретную службу Соединенных Штатов.

— Между нашими клубами никогда не было особой любви. То же могу сказать и о любом другом... Что вы хотите узнать?

— Все, что вам известно о программе «Управляемый разум».

— Не верьте тому, о чем болтают в газетах.

— Я и не верю. Даже агентурные данные подвергаю критическому анализу. Как же иначе?.. Не хочу ходить вокруг да около, полковник, но положение серьезное. Я знаю, что от программы по тем или иным соображениям отказались. Как таковая, она меня не волнует. Но многое из того, что было наработано, попало в грязные руки. Вы меня понимаете?

— Если вы говорите о КГБ, то можете быть спокойны. Они начали заниматься этим задолго до нас. Еще в двадцатые годы, при Сталине.

— Интересный поворот! Я, собственно, думал совершенно в ином направлении. Лига последнего просветления — вот моя головная боль.

— Почему вы думаете, что эти чокнутые используют наши методики? Нынче кто только не занимается психо-соматическим управлением. И Асахара, и Мун, и эти прощелыги — дианетики.

— Опять же мне все равно, чьи методики. Пусть авторы заботятся о приоритете. Важно знать механизмы, принципы.

— Много хотите.

— Не согласитесь хотя бы в общих чертах обрисовать характер программы?

— Вы спрашивайте, а я подумаю, отвечать или нет.

— Когда все началось?

— В сорок девятом. Русские как раз взорвали свою бомбу, которую сделали по нашим чертежам, и понадобилось что-нибудь почище атома.

— Вроде третьего глаза? Вы пробовали активировать эпифиз пучком электронов?

— Я даже не знаю, что такое эпифиз.

— В самом деле? Мозолистое тело в мозгу. Древняя структура, близкая по строению глазу.

— Я узнал от вас массу любопытных подробностей.

— Хотел бы и я сказать то же самое... Как насчет наркотиков?

— Старо, как чечевичная похлебка. Эксперименты охватывали широкий фронт: гипноз и наркогипноз, электронная стимуляция, ультразвук и микроволны. Фактически были опробованы все мыслимые средства управления поведением.

— На ком проводились эксперименты?

— На подонках, естественно... Убийцы и потенциальные убийцы, уже проявившие склонность к насилию, хорошенькие шлюхи.

— Они-то зачем?

— Чем вы занимались в вашей службе?

— Лично я?

— Да, лично вы.

— Ну, скажем, наркобизнесом.

— И у вас не было информаторов среди наркоманок и проституток?

— Я бы так не сказал, — улыбнулся Моркрофт. — Были и есть.

— Тогда к чему идиотские вопросы? Постель всегда служила полем боя. Почитайте хотя бы Библию.

— Только это и делаю. «Жена, облаченная в солнце». Имя Вольфины Клоссан вам ничего не говорит?

— Не стану отрицать: видел по телевизору.

— Суперсамки тоже входили в программу?

— Хорошее название, но я бы сказал: «супершлюхи». Поначалу на них возлагались большие надежды, но пришлось прикрыть лавочку.

— Почему?

— Не оправдали себя. Слишком быстро выходят из строя. Срок оптимального использования соизмерим с подготовкой, на которую уходило пять-шесть лет. Невыгодно. Но тема перспективная. Если нашим крошкам нужно было кого-то зааркканить, то будьте уверены. Ни один не мог устоять. Стоило только лечь — и готово. Мужик просто сходил с ума. В переносном, разумеется, смысле. На самом деле непорядки с головой начинались у девочек.

— С чем это связано?

— Кто знает?.. С природой. Ее трудно подмять: бунтует.

— И в чем выражается бунт?

— Прежде всего, увеличивается печень. До фантастических размеров. В ней начинаются неконтролируемые биохимические процессы. В кровь, а значит, и в мозг, впрыскиваются вещества, вызывающие непредсказуемые изменения в психике. И это, пожалуй, основная трудность. На агента уже нельзя полагаться. Он становится неуправляемым.

— И как поступали с такими агентами?

— Попробуйте угадать.

— Понятно... Маньяков тоже использовали?

— Ни под каким видом. Вы же сами понимаете, что в нашем деле нужны люди, которые подчиняются не эмоциям, а приказу.

— Где отбирались кандидаты?

— В тюрьмах по преимуществу. Там уже знаешь, с кем имеешь дело, и есть время проследить через подсадную утку за поведением. Ошибки бывали, но редко.

— С убийцами и боевиками более-менее ясно. С дамским персоналом — тоже. Большое спасибо, полковник... Вы, кажется, специализировались на Востоке? Тибет, Индия, возможно Япония?

— А то вы не знаете? Только не говорите, что не успели навести справки. Я был везде.

— Да, мистер Купер, я знаю. Просто к слову пришлось. Если не возражаете, затронем ориенталистский момент. Ни-

ндзя, тибетские бегуны «лонг-гомпа», зомби — это входило в подготовку коммандос, связников?

— Зомби — примитив, грубо. Восток это вам не Гаити, не вонючая Африка. Мы использовали иные методы и другого сорта людей. Тюремное отребье не годится для специальных заданий. Самый подходящий контингент — кадеты, молодые офицеры, особенно моряки.

— Они добровольно шли на вербовку?

— Идиотский вопрос.

— Вам знаком случай с Луисом Анхелем Кастильо?

— Понятия не имею.

— Еще раз простите, полковник. Я чисто случайно прикоснулся к горячему. Ни покушение на Маркоса, ни убийство Джона Фицджеральда Кеннеди меня не касаются. Кастильо пришлось затронуть в связи с многоступенчатым кодированием. Точно так же, как и зомбирование, в общепринятом смысле, никак не связанном с культом воду.

На самом деле Моркрофту, чья юность прошла под знаменем Кеннеди, было далеко не безразлично, кто на самом деле застрелил президента.

На допросе в Маниле Кастильо признался, что был «гипнозапрограммирован» застрелить человека, ехавшего в открытом автомобиле. И хотя личность жертвы так и осталась для него неизвестна, он назвал точную дату и место: город Даллас, штат Техас, 22 ноября 1963 года. Кастильо рассказывал следователям, что первый инструктаж в Далласе с ним проводила женщина-гипнотизер. Но она была только одной из многих, вводивших его в глубокий гипнотический транс.

В ходе допросов под гипнозом Кастильо признался, что ему знаком ряд лиц, имена которых всплыли в связи с расследованием убийства Кеннеди, проводившимся новоорлеанским окружным прокурором Джимом Гаррисоном. Однако Кастильо они были известны под вымышленными фамилиями. Когда во время сеансов подследственный доходил до этих воспоминаний, он начинал жаловаться на острейшие спазмы в желудке, на тяжесть и онемение в ногах, вскрикивал от нестерпимой боли.

Только после многочисленных сеансов гипнотизеру удалось установить, что Кастильо можно ввести в гипнотический транс четырех уровней. В зависимости от того, в каком он пребывал, менялись его манера поведения и личность, с которой он себя отождествлял.

Перевоплощаясь, Кастильо признавался, что почти всю жизнь провел либо совершенствуясь на курсах группы специальных операций CIA, либо выполняя задания. Он отчет-

ливо вспоминал тренировочный лагерь, где изучал искусство диверсий и рукопашного боя. Проводимые под гипнозом допросы подтвердили предположение, что память Кастильо была сначала полностью уничтожена, «стерта», а затем многократно реконструировалась с целью превратить его в «запрограммированного агента».

В докладе гипнотизера содержится и поразительное признание Кастильо в его причастности к заговору против президента. Он вспомнил, что с ним был темноволосый, высокий и грузный мужчина с хищным крючковатым носом. Встретились они в здании далласского аэропорта. Оттуда в компании еще четырех или пяти неизвестных доехали в черном автомобиле до какого-то здания. Поднявшись на второй или третий этаж, вошли в комнату, которую Кастильо описывал, как «коричневую». В ней стояли упаковочные картонки, коричневый столик, пишущая машинка. Оба окна выходили на улицу.

Высокий незнакомец открыл принесенный с собой черный кожаный спортивный баул и вынул оптический прицел и детали винтовки.

Закончив инструктаж, «Высокий» спустился вниз на улицу. Но вскоре ворвался в комнату: «Его уже прикончили, бежим отсюда!» Он выхватил из рук Кастильо винтовку, торопливо разобрал ее на части и запихнул вместе с прицелом обратно в баул.

Они бросились вниз по лестнице, вскочили в машину, где уже сидели двое неизвестных, и помчались прочь от здания. Повернув за угол, подобрали какого-то тощего лысого мужчину, а через три или четыре квартала — еще одного незнакомца.

Кастильо рассказал, что сидел на заднем сиденье между «Лысым» и тем, кто присоединился к ним во время второй остановки. Машина уносилась все дальше и дальше от места преступления... Улучив момент, когда Кастильо на миг повернулся, чтобы взглянуть в окошко, этот второй незнакомец сделал ему укол. Он тотчас же уснул и пришел в себя в номере какого-то чикагского отеля под присмотром уже упоминавшейся женщины-гипнотизера...

Моркрофт склонялся к мысли, что Ли Харви Освальд и Джек Руби подверглись точно такой же психической обработке. Но думать об этом сейчас, а уж тем более говорить, было в лучшем случае не актуально.

Купер молчал.

— Скажите, полковник, — Моркрофт зашел с другого бока, — что можно сказать о человеке, введенном в гипноти-

ческий транс на нескольких уровнях? Это единая личность? Или сознание расщепляется?

— Все намного сложнее. У любого разведчика есть в запасе несколько подходящих легенд. Так и тут. Уровни-то разные, но нанизаны на единый стержень. Программирование пронизывает их снизу доверху, как этажи шахта лифта. Единая ли это личность?.. Я бы сказал так: единая, но уже не личность.

— А уничтожение памяти?

— С этим не было особых хлопот, — Купер усмехнулся в седые усы.

— Офицерам, а солдатам тем более, не всегда можно полностью доверять. Присяга не дает стопроцентной гарантии. Перед демобилизацией приходилось корректировать кое-какие моменты. Без всякого вреда для здоровья. Чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

— И как осуществлялась коррекция?

— По-разному.

— И все-таки. Хотя бы в двух словах.

— В двух словах! — фыркнул Купер. — Когда на это дело угрохали пятнадцать лет!.. Я не скажу вам ничего нового: тот же гипноз, психотропные препараты, электронное манипулирование мозгом. Отличные результаты давал ультразвук. Нейроны пускались в пляс, как рыба на раскаленной сковороде. А через наушники знакомый голос гипнотизера талдычит тебе одно и то же — мол, не знаешь ты, парень, что было такого-то сентября такого-то засранного года в вонючем Дананге, и самого тебя там никогда не было.

— Пришлось побывать и во Вьетнаме, полковник?

— Это всего лишь пример.

— Пример понятен. Не совсем ясно, как удавалось склонить солдата.

— Склонить! Да кто его спрашивал. Все делалось для его же собственной пользы. Пусть не в этот раз, а в следующий, но парень может попасть в нехорошую переделку. Я имею в виду допрос с применением пыток, а уж вьетконговцы знали в этом толк, будьте уверенны. Стоит дать малейшую слабину, и пиши — пропало. Вытащат все до последней капли и еще сверх того. Лучше не знать ничего — скорее отделаешься.

— В смысле умрешь?

— Тоже не самый худший выход, но, подправляя мозги, мы давали лишний шанс выжить. Обычно это делалось после того как люди возвращались с задания, — разоткровенничался Купер. — Организовать небольшую простуду или там лег-

кое расстройство кишечника — плевое дело. Парня кладут в госпиталь, проводят обычное обследование и через пару недель выписывают. Полный порядок.

— Ничего не помнит?

— Никаких проблем. Здоров, весел, бодр духом и ни черта не знает, хоть ногти сдирай.

— Как просто!

— А зачем они, ваши сложности? Человек по натуре прост. Ему нужна хорошая работа, женщина и стаканчик виски... Хотите еще?.. Мне ли не знать! В армейскую разведку я попал сопляком, в Пирл-Харборе за три дня до войны. А на этой войне чего только не было... Гвадалканал, Соломоновы острова, Филиппины и Гуам, и эта чертова Окинава. Потом пришлось выполнять задания в двадцати девяти странах. Улавливаете? Уверяю вас: люди — недорогой товар.

— И как долго продолжалась ваша служба в военной разведке? В каком, кстати, роде войск?

— Думаю, мне не следует отвечать.

— Как угодно. Дело хозяйское. — По мере беседы Моркрофт проникался все большей неприязнью. — Спасибо еще раз за сотрудничество. К сожалению, сектанты продвинулись значительно дальше вас в манипулировании мозгами.

— Как сказать, — усмехнулся полковник.

— Даосская рукопись «Песнь Золотого зародыша» все еще у вас?

— Откуда вы знаете? — Купер во второй раз, но теперь уже при личном свидании, выказал удивление.

— Мы взяли Чжан Канкана. Знаете такого?

— Я не запоминаю имен.

— На меня запрет на имена не распространяется. Мы договорились, что я не буду спрашивать, но называть могу. Так вот, Чжан Канкан рассказал о кое-каких приключениях в буддийских монастырях. Я только отвечаю на ваш вопрос, полковник.

— И правильно делаете. Иначе мне пришлось бы указать вам на дверь... На чем его взяли?

— Кого? — притворился непонимающим Моркрофт.

— Так на чем? — выдержав паузу, с железной настойчивостью переспросил Купер.

— Наркотики, ЛСД, плюс подозрение в соучастии в убийстве... Кража книг пусть останется на его совести.

— Почему вы об этом заговорили?

— Без специального умысла, уверяю вас, — Моркрофт помедлил. — Разве, чтобы задать последний вопрос? На откровенность.

— Валяйте, — благодушно разрешил полковник.

— Вы завербовали китайца?

— Завербовал? Ну ты меня насмешил, офицер!.. Что ж мне еще с ним было делать? В китайскую лапшу изрубить?.. Он в секте?

— И не на последних ролях — всадник.

— Они не так глупы в этом «Атмане», как могло показаться. И главные цели выбрали верно: Россия и мы.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что хотел, то и сказал... Я уже забыл, когда последний раз чего-то боялся в этой дурацкой жизни, и мог бы помочь тебе, несмотря ни на что, но не хочу, понимаешь?

— Не понимаю.

— Пора навести порядок. Раньше было лучше — вот в чем штука. Ясность нужна, твердая власть. Поганой метлой этих умников из Вашингтона. Они бахвалятся, что создали более безопасный мир. Как бы не так! Сегодня Россия представляет гораздо большую опасность, чем при маразматике Брежневе. Прежде всего для самой себя, но и для нас тоже, для всего мира. Слава Всевышнему, нашлись люди, которые это поняли. И там, и здесь, потому что «Атум» — это ничто, фиговый лист, куклы на ниточках.

— И кто, по-вашему, кукловод?

— Кто всегда это делал. Подлинные хозяева жизни. Перемена декораций ничего не меняет. Они просто временно отошли в тень у себя в России. В самые тяжелые времена мы умели договариваться через головы пустобрехов, засевших в Белом доме и Кремле.

— Вы говорите о своей конторе? О КГБ?

— Понимай, как знаешь... Эймс, Пеньковский — случайные издержки производства. Что собой представляет разведка на самом деле, знаем только мы — профессионалы. Выводы делай сам. Больше я ничего не скажу.

Моркрофт вышел от Боуарта, испытывая легкое головокружение. Что-то прояснилось, а что-то еще сильнее запуталось. Как клубок змей на кипарисовых болотах в пору весенних свадеб.

«МИЛКИ ВЭЙ». В НЕМ ТАК МНОГО МОЛОКА, ТОГО И ГЛЯДИ ЗАМЫЧИТ

Глава пятьдесят первая

БОЛЬШАЯ НАУКА

Латоес выбрался из подземелья, когда в светлом северном небе, раздув облачный пепел, безраздельно владычествовала полная луна. Неизбывной тоской дышали окрестные дали. В изогнутом клинке реки догорал заревой воспаленный отблеск, а над зубчатой каймой черного леса уже нарывал рассвет.

Странник словно парил в невесомости, едва касаясь земли. Совершая чудовищные прыжки, возможные только там, на лунной поверхности, он плавно перелетал через ряды колючей проволоки, ведомый тайным инстинктом, властно тянувшим его в тот заречный, сумрачно затаившийся лес.

Промороженные, едва прикрытые мохом и жалкой растительностью граниты сочились промозглой сыростью, но он не ощущал холода и, бросившись в ледяную воду, кролем поплыл к далекому берегу по лунной дороге.

И этот мерцающий свет, напитавший каждую каплю, тонкими иглами впивался в мозг, высасывая остатки памяти. Латоес еще помнил, что не дошел до сокровенных хранилищ, где должен был обменять ложную душу на истинную, от рождения принадлежавшую только ему, но позабыл, как заплутал в заколдованном замке и затерялся в облаве. И назад вернуться не мог и не знал, как быть дальше.

Почувствовав дно, он продрался сквозь осоку и прибрежный ивняк и побрел по сфагновым кочкам, что колыхались и чавкали под ногой.

Фрайхер Латоес после долгих скитаний возвратился на родину. И хоть пихты и лиственницы, принявшие его под непроглядную сень, никак не походили на трансильванские ели, а небо в прогалах ветвей просвечивало сывороточной бледностью, в нем светила все та же луна — властительница оборотней, мадонна выходцев из могил.

Она и вела Латоеса, даже невидимая сквозь сплошную завесу хвои, завлекая все глубже в непролазные чащи. И потерявший душу странник бездумно повиновался ее властному притяжению, подобно приливам океанских зыбей и детородного обновления.

Его вывело на широкую просеку, изборожденную гусеничными траками, сплошь залитую жемчужным туманом.

От ствола, как когда-то от колонны в галерее родового гнезда, отделилось фосфорическое облачко, принявшее контуры женской фигуры, облаченной в долгополую мантию.

— Иди сюда, мой желанный, — позвал его беззвучный голос откуда-то изнутри.

И Латоес увидел, как свет сгущается в плоть, и возникает незабываемое лицо графини Франциски.

Круг замкнулся. Она все-таки настигла злосчастного пасынка на самом излете, когда луна отняла охранительную молитву, а враждебные руки сорвали запечатанный ларчик с груди.

И прежде чем он успел осознать, что чеканные черты ненавистной мачехи вдруг разгладились, и на том месте, где сверкало жадное волчье золото, возникли совсем иные глаза, которые светили ему в другой, навеки утраченной жизни, теплое живительное дыхание коснулось его онемевшего горла.

— Клавка! — взвился истошный выкрик и растворился в завороженном безмолвии белой ночи.

Труп пролежал в лесу до конца лета. На него наткнулись лесорубы, когда перешли на другой участок. Тамошний участковый — и сыщик, и следователь, и криминалист в едином лице — затруднился в определении причины и времени смерти.

На небольшую бледно-синюю ранку у самого горла он внимания не обратил.

Как бы там ни было, но труп хорошо сохранился, было довольно холодно: уже летали белые мухи.

— Доставьте его в Печору, — участковый обратился к знакомым рыбакам-браконьерам. — По реке-то всего ничего.

И поплыл Слава Калистратов по реке Печоре в одноименный порт.

Земным странствиям пришел конец, начались загробные: сначала по воде, а придет время — и по воздуху. Финалом будет четвертая стихия — огонь в печи крематория.

В Москву с берегов далекой Печоры, из РУВД города Нарьян-Мар пришло сообщение, что обнаружен труп мужчины, схожего по приметам с Калистратовым, объявленным в розыск.

Полковник Корнилов воспринял весть с известной долей сомнения.

Ежегодно бесследно пропадают десятки тысяч людей. Находят в лучшем случае половину. Да их и не ищут, как следует. И где искать? Ушел человек из дому и не вернулся. Хорошо, коли есть родные. Напишут заявление, сообщат приметы, но толку от этого чуть. Промелькнет лицо на экране, и точка. Или в газете какой-нибудь, в которую назавтра за-

вернут селедку. Похищают детей, одиноких стариков, доживающих свой век на квадратных метрах по тысяче долларов за единицу, молодых парней и девушек с хорошей кровью и здоровыми органами.

Все имеет свой денежный эквивалент. Кого увозят в рабство на далекий Кавказ, кого продают за границу в ночные клубы. Одних забирают в заложники, других прячут в долговую тюрьму. Кончается, как правило, одинаково. Расчлененные останки зарывают в лесу, а то и выбрасывают на свалку.

Только за минувшее полугодие в розыск по России поступили 49 936 человек. Найдено 26 401. Сколько среди них живых, догадаться не трудно. Когда исчез сын высокопоставленного администратора, следователь пожаловался осаждавшим его журналистам:

— Всех взбудоражили (это он о семье, друзьях и знакомых). Если бы они были простыми пострадавшими — тогда, понятно, никто бы их делом даже не занялся. Но тут такие силы!

Но и «такие силы» не помогли. Молодой человек, вызванный в самом начале жаркого лета телефонным звонком, не найден по сию пору.

Корнилов вспомнил об этом случае — его просил подключиться редактор правительственной газеты — после телефонного звонка Майи Раздольской, той самой журналистки, которая подошла к нему на брифинге.

— Я вам говорила, но вы не прислушались, — ее ровный голос отдавал пустотой выплаканных слез. — Смерть Женечки на вашей совести. Я понимаю, вам все равно. Что ж, живите дальше.

Оказывается, ее подругой и была та самая Солнцева. Что бы изменилось, если бы Майя назвала тогда имя? Наверное, ничего. Остался неприятный осадок.

Допрос кандидата медицинских наук Вадима Валериевича Гоца продолжался уже четвертый час. Как и его подельники по «почтовому ящику», он с готовностью отвечал на вопросы, но, похоже, почти ничего не знал о закулисной стороне дела. Свою принадлежность к лиге решительно отрицал.

Корнилов начал склоняться к альтернативному выводу: либо они действительно ничего не знают, либо находятся под гипнозом. Самого гипнотизера — корейца или казаха — по имени Ким взять не удалось. Не нашли его и на загородной базе, где проводилось зомбирование инициантов. Это лишний раз укрепило Константина Ивановича в убеждении, что секту в лоб не возьмешь. Подорвать ее мощь, обескровить, подве-

сить в безвоздушном пространстве можно было, лишь ударив по финансовым, производственным и коммерческим структурам. Кажется, именно к такому решению пришли на верхах. Адреса банков и фирм секрета не составляли, но возникали трудности юридического характера. Связывало по рукам и ногам отсутствие необходимых законов, а еще более — противоречивые, полные подводных камней нормативные акты, которые пеклись, как блины. Между тем Дума упорно встречала в штыки само понятие «оргпреступность».

— Я понимаю, Вадим Валериевич, как вы самоотверженно трудились во славу отечественной науки, которая пребывает в таком бедственном положении, — Корнилов оборвал велеречивые излияния. — Сочувствую и вам, и вашим остепененным товарищам, что дошли до жизни такой, но это не снимает ответственности за преступные эксперименты на живых людях.

— Повторяю вам вновь и вновь, товарищ полковник! — Гоц, белобрысый плюгавенький мужичонка, умоляюще прижал руки к груди. — Не работал я на живом материале... Трупы нам привозили, вы понимаете? Трупы!

— Откуда привозили трупы? — в сотый раз, наверное, за эти дни спросил Корнилов.

— Я-то откуда знаю? Из морга, по всей вероятности. Нам ничего не говорили, мы ни о чем не спрашивали.

— Удобная позиция.

— Удобная, не удобная — выбирать не приходилось. У меня семья, трое детей... Я — кандидат наук, автор двадцати печатных работ и одной монографии. Сколько я мог сидеть на нищенских подачках? Двести тысяч за все! И то нерегулярно. Мальчишки на улице, и те загребают по миллиону в день. У вас нет права меня осуждать. Ни морального, ни юридического.

— Вы хотя бы видели справки из морга? Свидетельства о смерти?

— Не видел и не интересовался. Этим занимались соответствующие лица в администрации. С них и спрашивайте.

— Какие именно лица?

— У меня не было допуска на третий этаж. Все контакты с администрацией осуществлялись только через заведующего лабораторией.

— Как фамилия заведующего?

— Вы уже спрашивали. Голобабенко его фамилия.

— Вам приходилось готовить трансплантант?

— Приходилось. Я занимался внутренними органами: сердце, печень, почки.

— И вы знаете, куда отправлялись органы? По каким адресам?

— Никогда не интересовался. У нас это не принято.

— С доктором Иглменом, американцем, не встречались?

— Первый раз слышу.

— В его лаборатории обнаружили препарат печени, — Корнилов поднял прикрывавшую банку газету. — Ваших рук дело?

— Постойте-ка, — Гоц надел очки с маленькими прямоугольными стеклышками без оправы. — Да, я изготовил его по просьбе Голобабенко.

— С какой целью?

— Он не затруднял себя объяснениями. Спросите у него.

— Вы посещали Центральную клиническую больницу?

— Что мне там делать? Я же не номенклатура.

— Контакты с коллегами, совместные разработки?

— Строжайше запрещено.

— Значит, это ваш препарат, — задумчиво протянул Корнилов. — И много было таких?

— Три, нет, простите, два... Третий принадлежал к другой серии.

— Узнали, можно сказать, с первого взгляда.

— Нельзя не узнать. Сами взгляните. Обычно у человека печень составляет три процента живого веса. Эта — одиннадцать! Такое не забудешь.

— И чем вызвано разрастание?

— Для установления причин гепатомегалии необходимо всестороннее обследование организма. Я же, вынужден вновь напомнить, не видел трупов. Ко мне поступали ор-га-ны. Установить болезнь без анамнеза и необходимых анализов просто немыслимо.

— Те два образца, о которых вы говорили, были похожи на этот?

— Один. Тот же клинический случай гипертрофии: девять процентов от веса. В научной литературе нет даже упоминания о чем-то похожем. Я очень переживал, что не могу опубликовать статью.

— Не разрешалось?

— Ни под каким видом, но, каюсь, я все-таки написал.

— И отправили?

— Воздержался пока.

— А третий случай? Почему вы сказали, что это из другой серии?

— Явление обратного порядка. Гипоплазия — недоразвитие.

— А если это детская?

— Шутите, товарищ полковник. Старого воробья на мякине не проведешь.

— Чем еще, кроме изготовления препаратов и трансплантантов, вам пришлось заниматься?

— Главным образом биохимией. Измельчал, крутил на центрифуге, экстрагировал, проводил анализы. Словом, лабораторная рутина. Простора для творчества не было. Если не считать случаев, о которых мы говорили, жуткое однообразие: печень — кровь, кровь — печень.

— Вы и с кровью работали?

— Одно от другого неотделимо.

— Расскажите подробнее.

— Пожалуйста, раз вам так хочется... В печень, как известно, кровь поступает из двух систем сосудов: артериальная из собственной печеночной артерии, венозная — из воротной вены. Через нее проходит до восьмидесяти процентов...

— Простите, — остановил Корнилов. — Вы сказали, воротная?

— Да, воротная вена, — Гоц удивленно поднял брови.

— А такое понятие, как «портальное кровообращение», вам встречалось? — заглянув в бумаги, живо осведомился Константин Иванович. С утра он успел прочитать перевод документов, поступивших из Америки. Хоть какой-то огонек засветился в сплошном мраке.

— Я все-таки медик, — вроде как обиделся Гоц. — Это расхожий термин в клинической практике.

— Портальное дыхание, дыхание печенью, остановка сердца и перевод мозга на портальное кровообращение, — зачастил Корнилов, боясь упустить что-нибудь важное. — В вашей лаборатории занимались чем-то подобным?

— Господи! — воззвал Гоц, хлопнув себя по лбу. — Только теперь я начинаю понимать! Я был слепец!

— Спокойнее, Вадим Валериевич, постарайтесь, чтобы и мне стало понятно. Слушаю вас внимательно.

— Благодаря вам я понял, в чем причина гипертрофических изменений, — захлебываясь от наплыва чувств, Гоц брызнул слюной. — Разрешите взять карандаш?

— Будьте любезны, — Корнилов вынул из ящика лист бумаги.

— Между разветвлениями воротной вены и печеночной артерии, — магистр-медикус, как официально называлась должность Гоца, набросал схему, — имеется широкая связь с образованием в дольках печени синусоидальных капилляров, к мембранам которых прилегают печеночные клетки — ги-

патоциты. Корень феномена в них! Наблюдалось аномальное увеличение размеров.

— И что из этого следует? — не понял Корнилов.

— Вероятно, вы правы. Разрастание капилляров и клеток как-то связано с особой системой дыхания. Этим у нас усиленно занимались.

— Кто именно?

— Не могу сказать. Тантрическая лаборатория находилась в другом месте, где-то за городом.

— И что же там изучали? — Корнилов гадливо поморщился. На загородной базе нашли несколько распиленных черепов. — Третий глаз? Влияние галлюциногенов на мозг?

— Точно не знаю, но могу предполагать. Из материала гипертрофированной печени удалось выделить неизвестные ранее гормоны и биогенные амины, обладающие, как я сейчас понимаю, сильным воздействием на центральную нервную систему.

— Значит, сейчас понимаете! Это хорошо, когда наступает прозрение... Сами с мозгом работали?

— Не совсем так, — замялся Гоц. — Несколько раз мне приносили биомассу, из которой нужно было извлечь те же вещества, что я выделял из печеночной ткани. Надо быть никудышным специалистом, чтобы не отличить мозг от печени.

— М-да, лучше поздно, чем никогда... В вашем ящике практиковалась йога?

— Безусловно, но для желающих. Меня это не интересовало.

— Шакти, дэви, сверхсамки? — Корнилов непроизвольно стиснул зубы, вспомнив Левита, которого схоронили вчера. — Хоть что-то из этого ряда не на слуху?

— Постоянно мелькало в разговорах, но я особенно не прислушивался.

— Почему?

— Болтовня на рабочем месте не поощрялась.

— Уж очень вы того... дисциплинированы.

— Так меня воспитали.

— Представьте себе следующую картину, — начал было Корнилов, но не закончил. — Нет, погодите, — поморщился он, — сперва ответьте на следующий вопрос: что вы можете сказать о людях, у которых были взяты те или иные органы? Та же печень, к примеру?

— Практически ничего. Материал поступал без характеристик.

— Материал... И пол определить не могли?

— Пол определялся однозначно. Печень во всех случаях была от женщин.

— Откуда такая уверенность?

— Хромосомный анализ показывал.

— Это входило в ваши обязанности?

— Нет, получалось попутно.

— Итак, у женщины, молодой, замечу, женщины, в результате преступных экспериментов, с применением наркотиков и прочих химических веществ, начинала разрастаться печень и этот патологический рост сопровождался изменениями психики. Допускаете такую возможность?

— Я ничего об этом не знал, — содрогнулся Гоц. — Даю честно слово — ничего.

— Повторяю вопрос: вы допускаете такую возможность?

— Да, теперь допускаю.

— Тогда пойдем далее. В определенный момент женщину умерщвляют, извлекают у нее печень, которую превратили в фабрику наркотиков, и пускают в производство. Ферменты и амины, как вы их назвали, вводят мужчинам, чтобы сделать из них живых роботов, и женщинам, будущим роботам-проституткам. Сверхсамки, пока у них в свою очередь не подрастет печень, исправно несут золотые яички. Что сделают с ними потом, мы уже знаем... Такую возможность вы тоже допускаете?

— Чудовищно!

— Я не жду от вас моральной оценки.

— Конечно, — окончательно сник Гоц. — Я допускаю такую возможность.

— Тогда на сегодня все. Подумайте на досуге, может, чего и припомните... Из крови, как я понимаю, тоже извлекали отраву?

— Извлекали, — понурив голову, кивнул Гоц. — Могу я получить свидание с женой?

— Поговорите со следователем. Я такие вопросы не решаю.

«Очевидное — невероятное», вашу мать», — молча выругался Корнилов, включив Московский канал, чтобы прослушать краткий выпуск новостей.

Утопая по колено в подсвеченных багровыми вспышками облаках, пела Дженифер Солнцева, в одночасье превращенная в национальную героиню.

Поймал самый хвост.

Зачем погубил ты подругу,
Свой жребий жестокий кляня?
Увидите снова друг друга
В последних объятьях огня...

«Как правы бывают поэты, — подумал Константин Иванович. — Солнцева ничего не знала про Калистратовых, но оплакала и их, и себя».

Зная в деталях технологию чудовищного процесса превращения земной женщины в «дэви», в преступную «сверхсамку», обреченную на безумие и страшную смерть, он ни на миг не приблизился к понимаю эзотерического смысла священной науки любви.

Ограбленную и опошленную, ее низвергли в кровавую клоаку с горних высот. Кама, индийский бог вожделения, и крылатый младенец Эрот покинули обреченный мир. Словно никогда и не рождались на радость людям, а были насильственно вырваны, абортированы и отправлены в центрифугу, чтобы стать белковой массой для шарлатанского эликсира.

Оперативная работа — оперативное мышление...

Что-то шевельнулось, заныло в груди, но скоро заглохло под грузом забот, как заплутавшее эхо.

Невероятный взлет популярности Дженифер Солнцевой совпал с психическим кризисом, который она восприняла как просветление. Это ознаменовалось резкой сменой жанра. Женя уже не пела о смерти, несчастной, больной любви, не прославляла наркотики. Ее незакатным солнцем стал секс. Священное, в тайном индо-буддистском смысле соитие, возносящее любовников в небеса.

Слова, коими исписаны заборы и лифты, обрели космический смысл и новое поэтическое звучание.

Мужское начало — лингам и женское — йони пронизывали не только текучую ткань стиха, но и саму мелодию, построенную на традиционно индийской восьмизвуковой гамме. Как божества в цветке лотоса, они являли себя через изысканные санскритские эвфемизмы: «луч света» и «священное место».

Луч света дозволь мне пролить
В долины священного места...

Как неудивительно, но это воздействовало на слух, и не только на слух, неизмеримо глубже, проникновеннее незатейливого «я хочу тебя...» Женщины, особенно обделенные радостями плоти, бились в истерике. Песня словно и впрямь пробуждала спящего в копчике Змея. Кундалини напрягал свои лучистые кольца и начинал медленно подниматься по позвоночнику, от чакры к чакре, чтобы брызнуть во все стороны света радужной аурой теменного цветка.

Восьмизвучие сменялось пентатонным рядом, как бы высвобождавшим из плена пространства все пять стихий. Песня навевала видения изощреннейших ласк. Это был какой-то массовый гипноз. Благодарные поклонники с радостью и без тени смущения сознавались, что их пальцы и губы сами находили сокровенные точки в «священных местах» и «лучах» партнеров. Сексологам, с их эрогенными зонами, и не снились такие чудеса.

Головка змеи в твоей розе раскрытой
Приникла к священным вратам.
Мои лепестки твоим светом омыты,
Но тайный источник не там.
Его обретем мы в совместном полете...

Несбыточная даль «совместного полета» или, говоря языком медицины, продленного оргазма доводила фанатов до исступления. В зале возникали пикантные ситуации.

Прокуратура, которая и с куклами совладать не смогла, безуспешно пыталась возбудить уголовное дело.

НАСЛАЖДАЙСЯ ЖИЗНЬЮ С СУФЛЕ «ТОМ И ДЖЕРРИ»

Глава пятьдесят вторая

КОНЕЦ ЛЕТА

Саня пребывал в полной растерянности, битый час простояв перед запертой дверью. Прижав ухо, он долго вслушивался в настороженную тишину, потом вновь ожесточенно давил кнопку звонка, чтобы тут же опять приникнуть к дерматиновой в черно-серых разводах обивке: ни звука.

Ключ, который дала Лора, он второпях оставил в кармане куртки — выскочил налегке. Да и зачем ключ, если ее нет дома?

Самые дикие мысли лезли в голову. Вдруг ей стало плохо? Или нежданно нагрянул Кидин, как это уже было однажды?

Искурив несколько сигарет, Саня уселся на ступеньках и решил ждать, уверив себя, что она ненадолго выскочила и скоро вернется. Непредсказуемая даже в мелочах, Лора легко поддавалась минутным порывам. Что-то забыла сделать, кто-то мог позвонить — тысячи поводов.

Саня вспомнил, как она среди ночи помчалась в Шереметьево встречать подругу из Варшавы, как гонялась, убив целый день, за безделушкой из копенгагенского фарфора. Уже

через неделю дама в кринолине ей разонравилась и была благополучно сплавлена. Словом, от Лоры можно было ожидать чего угодно. Но как он себя не успокаивал, какие не придумывал варианты, в глубине души знал, что при любых обстоятельствах она бы его дождалась. Или все-таки нет?

«Откуда ей знать, что я оставил ключ? Написала записку и усвистела...»

Мимо, бросая подозрительные взгляды, проходили жильцы, но Саня не обращал внимания. Сидел и ждал с тихим отчаянием, уже ни на что не надеясь.

Вечерело, когда он, в последний раз ударив ногой по двери, медленно и зачем-то оглядываясь, спустился по лестнице. Дойдя до метро, купил жетон и позвонил из автомата. Трубку, разумеется, никто не снял.

Стоя в грохочущем вагоне, Саня нетерпеливо поглядывал на часы. Казалось, что именно теперь, когда он вне досягаемости, каким-то образом все разрешилось, и Лора уже разыскивает его. Едва не сломав ключи — так дрожали руки — влетел в кухню и кинулся к телефону.

Масловка, дом Лоры и ее дача откликнулись длинными, безнадежно однообразными гудками.

Вечер, а за ним и бессонная ночь прошли в тягостном ожидании, но она так и не позвонила. Это было непонятно, ужасно, чудовищно! Саня метался, не находя себе места. Промучавшись весь день и еще одну ночь, он решил, что легче умереть, чем вот так сидеть и, сложив руки, страдать от бесконечного ожидания. Короткое забытье, затуманенное неясными, но тягостными видениями, принесло сосредоточенную опустошенность. Узнав по справочной телефон «Регент Универсал Банка», он попросил соединить его с Кидиным.

— Иван Николаевич в отъезде, — проворковал женский голосок. — Кто спрашивает?

— Из газеты, — пробормотал Лазо. — Погодите, не вешайте трубку! Как позвонить Смирнову?

— Валентин Петрович пока не подошел. Что ему передать? Назовитесь, пожалуйста, и оставьте свои координаты.

Саня с досадой ударил по рычагу и тотчас же пожалел об этом: «Надо было спросить, когда будет...» Хотел было нажать кнопку повторного набора, но решил, что куда сподручнее съездить. И разговор не телефонный, и вообще, кроме как к Валентину, обратиться некуда.

После того как, посидев за бутылкой, они восстановили связь времен, начавших отсчет с той ночи у Белого дома, между ними зародилось что-то похожее на симпатию. До дружбы было еще далековато, но в сложившихся обстоятель-

ствах это не имéло значения. Вполне достаточно, что Лора считала Смирнова другом.

Саня и не подозревал, насколько точным было это выстраданное решение.

О том, что на Масловке не все ладно, Валентин Петрович узнал в первый же день. Сделав несколько контрольных звонков и нигде не обнаружив Ларисы Климентьевны, он попытался разыскать Александра Лазо, но его тоже не оказалось ни на работе, ни дома.

Беспокоить Кидина, пока еще ничего не известно, не поднималась рука, но тот сам позвонил из Гамбурга.

— А то ты не знаешь, где она! — взорвался Иван Николаевич буквально на полуслове.

— Я был на Масловке, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Смирнов. — Никто не отзывается.

— Может, куда вышла?

— Все может быть.

— Так-так-так... Хорошо, давай подождем до вечера.

В одиннадцатом часу Кидин позвонил ему на квартиру.

— Ну как?

— Пока ничего нового.

— Взламывай дверь!

— Квартира чужая и наверняка на охране.

— Тогда делай, что хочешь, но чтоб завтра у меня была полная ясность!

Валентин Петрович ничего не ответил. Шеф был взвинчен, а отношения между ними и без того складывались не лучшим образом.

Поставив, где только можно, подслушивающую аппаратуру, Кидин сделал это в обход начальника охраны. Смешно даже надеяться, что такую штуку можно провернуть в тайне. Иван Николаевич не был настолько наивен. Видимо, не захотел обсуждать и, как задумал, так и сделал. Хозяин — барин.

Смирнов не то, чтобы оскорбился, но почувствовал себя уязвленным, а когда дознался, что прослушивается и его кабинет, предпринял контрмеры. На всякий случай. Сама жизнь разводила их по разные стороны.

Дождавшись конца недели, когда все разъехались по дачам и садовым участкам и никого, кроме охраны, не осталось, он вызвал дружков по прежнему месту работы. За ночь они по винтику разобрали всю кидинскую электронику, сняли с нее характеристики и вынули микросхемы. В воскресенье аппа-

ратура была приведена в прежнее состояние, а еще через неделю Валентину вручили закрытую металлическую коробку с торчащими в разные стороны разноцветными проводками. Разобравшись со схемой, что куда подключить, он сравнялся в тайном могуществе с Иваном Николаевичем, получив возможность прослушивать те же самые номера.

Машина работала, как часы. За месяц выборочного контроля Смирнов узнал массу прелюбопытных вещей. Клиенты из кидинской картотеки, хоть и соблюдали известную осторожность, но порой и намека было достаточно, чтобы понять, откуда дует ветер. Как он и подозревал, самые темные дела проходили через Остапа Каменюку.

Оторопь охватывала при одной мысли о том, какие верхи оказались причастными к операциям с нефтью, радиоактивными материалами, электроникой, импортными машинами и военной техникой отечественного производства. По заказам фирм, которые, судя по уставному фонду, являлись посредническими, закупались учебные и спортивные самолеты, ангары, земля под аэродромы, сложное лабораторное оборудование, в больших количествах химикалии, редкие металлы особой чистоты. Через третьих лиц приобрели даже списанную подводную лодку у Тихоокеанского флота.

Всесвятский с Корниловым попали в самую точку, но и они не представляли себе истинных масштабов операций. Кроме нескольких счетов, рублевых и валютных, секта ничем не засветила себя, но не приходилось сомневаться в ее причастности ко многим сделкам такого рода.

Всесвятский дал понять, что время «Ч» уже определено и согласовано с Интерполом. Первый удар решено нанести по исследовательским центрам, коммерческим структурам и банкам, связанным с Лигой последнего просветления. Кидин, который вошел в избирательный список блока Народная ассамблея, возможно, и вывернется, а Каменюка навряд ли. Помимо всего прочего, на нем висел военный вертолет, нелегально доставленный из Находки. Японцы прислали копию документа, подписанного самим Асахарой.

Отбросив последние сомнения, Смирнов подключил магнитофон и начал записывать Каменюку. Ему и в голову не могло прийти, какую службу сослужит начиненная микропроцессорами коробочка в самом ближайшем будущем!

Он только собирался еще раз позвонить Александру Лазо — телефон был занят, — как замигал неоновый огонек. Кто-то опять пробивался к Остапу по прямому.

Валентин Петрович снял трубку и включил запись. Каменюка оказался на месте.

— Да, слушаю.
— Привет, старый черт! Где тебя носит?
— Тю! Здорово, Иван! Как ты там?
— Хреново. Хуже некуда. Далюге с Зефковым передрались. Контракт горит синим пламенем.
— И ничего нельзя сделать?
— Пока не знаю. Не разобрался... Что у вас?
— Полный ажур! Не сомневайся.
— Она-то как?
— В порядке. Комар носа не подточит.
— Не наделает глупостей?
— Глаз не спускаем.
— Ну вы, того, не очень!
— Не боись. Все на высшем уровне. Как в «Президент отеле».

Все стало предельно ясно с первых же слов, а к концу разговора Смирнов чувствовал себя так, словно блевотины наглотался.

Он давно убедился, что Кидин способен на многое, но такой гнуси никак не ожидал. Это ж надо удумать: инсценировать похищение собственной жены! Если б избил до полусмерти, даже убил в припадке ревности, и то было б не так противно. По крайней мере понятно по-человечески.

Они с Каменюкой обсудили каждый шаг. Держать Ларису Климентьевну будут до возвращения благоверного, о чем ее и уведомят, дабы лишний раз убедилась, от кого зависит не только благосостояние, но и жизнь. Дескать, согласится отслюнить лимон — ваше счастье, нет — тут и говорить ничего не надо.

Еще неделю — пусть помучается! — уйдет на «переговоры», а там уж и сам «спаситель» предстанет во всей красе. Благородный, всепрощающий, бескорыстный. Что ему какой-то миллион, если речь идет о любимой женщине?

Насчет фиктивной суммы даже спор завязался. Иван сперва хотел назначить пять миллионов, а Каменюка уговаривал остановиться на пятидесяти тысячах, самое большее — сто. Во-первых, реалистично, а главное, будет знать свое место. Сошлись на лимоне.

И мерзко, и смешно.

Смирнов ожидал, что Каменюка назовет, хотя бы приблизительно место, где держат Ларису Климентьевну, но тот и словом не обмолвился. Кидин, по-видимому, и так знал — все было решено до отъезда.

Было, о чем задуматься.

Опустив трубку, Валентин Петрович взглянул на лежавшую у телефона визитку Лазо и содрогнулся: неужели они

и его?.. Вроде бы нет — отхлынуло от сердца — с самого утра шли короткие гудки. Значит дома, висит на телефоне, волнуется.

Смирнов еще раздумывал, стоит ли уведомить горячего парня или лучше повременить, как позвонили по внутреннему.

— Вас тут Лазо спрашивает, — доложил охранник. — Пропустить или как?

— Или! Скажи, что я сейчас выйду.

«Легок, однако, на помине, но молодец, хотя в «Регенте» ему лучше не показываться».

Валентин Петрович отсоединил аппарат, запер его в сейф и поставил на место панель, закрывавшую нишу с розетками. Глянув в окно, взял зонт и направился к лифту.

Саня стоял, прислонившись к стене, перед пропускными воротами на металл. По лицу было видно, как дались ему эти деньки: осунулся, глаза запали, вокруг век чернота.

— Привет акулам пера, — протянув руку, благодушно улыбнулся Смирнов. — Давай немного пройдемся. — Он раскрыл зонт. — Какие вопросы?

— Вы что-нибудь знаете?

— Знаю, — без промедления ответил Валентин Петрович и, предваряя дальнейшее, добавил. — Жива, здорова, можно не волноваться.

— Слава Богу! Это самое главное, — Саня отер мокрое от дождя лицо. — Где она?

— Идите под зонт.

— Что случилось?

— Надеюсь, ничего из ряда вон выходящего. Я сам хотел спросить вас, но не смог дозвониться.

— Простите, — Саня с трудом перевел дыхание. Захлестнувшая горло петля ослабла, но мысли путались. — Я звонил по всем телефонам... Никакого ответа. Чуть с ума не сошел.

— Ну-ну, не стоит распускать нервы. Они еще могут понадобиться. Лучше расскажите, что вам известно, а я уж после поделюсь. Договорились?

— Конечно, о чем речь... Собственно, мне ничего не известно, — Саня изумленно развел руками, словно до него вдруг дошло, что рассказывать в сущности нечего. — Ушел, а когда вернулся, очутился перед запертой дверью. Вот и все. Остальное — эмоции.

Его исповедь уместилась в несколько рубленых фраз. Смирнов лишний раз убедился, что за квартирой следили.

— Вы когда ушли? В котором часу?

— Что-то около двенадцати.

— И куда, если не секрет?

— Это важно?

— Никогда не знаешь заранее, что может понадобиться.

— Меня вызвали в редакцию, а на обратном пути я заехал в турагентство. На все — про все ушло часа три.

— Собрались за бугор?

— На Крит.

— Надеюсь, не один?

— Н-нет, не один, — поколебавшись, ответил Саня. — Это имеет значение?

— Боюсь, что так... Пока вас не было, Ларису Климентьевну увезли.

— Кто? — взвился Саня. — Куда?

— Не надо забывать, она все-таки дама замужняя, — осторожно заметил Смирнов.

— Но Кидин в Гамбурге!

— Вы так думаете? — многозначительно улыбнулся Валентин Петрович.

— Я же звонил. Какой-нибудь час назад.

— Самому? Зачем, интересно?

— Хотелось хоть что-то узнать.

— Не лучший способ.

— Понимаю. Плохо соображал. Надо было сразу же обратиться к вам... Собственно, я так и сделал, когда мне сказали, что он в отъезде.

— Как хозяин прикажет, так секретарша и скажет, — сострил Смирнов, окончательно определив линию поведения.

— Значит, вернулся?

— Считайте, что так.

— Тогда все понятно, — закивал Саня, тяжко вздохнув. — Но почему она мне не позвонила?

— Вот этого я знать не могу. Но вы войдите в ее положение... Да и Ивана Николаевича, откровенно говоря, понять можно. Всяк борется, как умеет.

— Что же мне делать?

— Самое лучшее — ничего. Взять себя в руки, успокоиться и набраться терпения. Уверяю вас, она сама даст знать о себе.

— Вы, случайно, ее не увидите?.. Впрочем, не надо, простите... Я понимаю деликатность вашего положения.

— Не думаю. Оно значительно сложнее, чем кажется, но это мое дело.

— О вашем Олеге есть вести? — Саня виновато поежился. За собственными треволнениями он забыл о чужой беде.

— Нет.

— Извините.

Не далее как вчера, Всесвятский встречался с Корниловым. В «почтовом ящике», где вроде бы начал работать Олег, никаких списков не обнаружили, но Константин Иванович не терял надежды. Трое арестованных опознали сына по фотографиям. Он числился аспирантом.

Смирнов обдумал три варианта действий. Если удастся засечь при прослушивании место, где содержится Лариса Климентьевна, он все сделает сам, без чьей бы то ни было помощи. Им еще придется рассыпаться в благодарностях, делая хорошую мину. Можно воздействовать и на Каменюку, но это будет уже открытый конфликт, и наконец на самого Кидина, что приведет к тому же результату.

Терять в сущности нечего. Выбор сделан, а схватка неминуема в любом случае.

— Если мне и удастся повидаться с ней, так сказать, с глазу на глаз, я незамедлительно дам знать, — пообещал он, дойдя до угла. — Договорились? Как бы там ни было, но я почти уверен, что через неделю вы сами увидитесь.

— Думаете?

— Не сомневаюсь.

— Спасибо за все! Я так вам обязан...

— Будем держать связь, — Валентин Петрович простился с Лазо у подъезда.

Дождь припустил в полную силу, вздувая крупные пузыри на лужах. Шел последний день лета по старому стилю.

До объявленного конца света оставалось менее четырех лет, но час «Ч», назначенный Лигой последнего просветления, мог грянуть в любую минуту.

В глубине высокой арки элитного дома, что напротив американского посольства, на улице Чайковского, с биноклем в руке стоял коренастый мужчина. Только внимательно присмотревшись к его лицу, можно было увидеть еле заметные следы пластической операции. Но некому было приглядываться. Сновали прохожие, неубывающая очередь перед консульством занималась своими заботами, милицейская охрана — своими.

В овале бинокля чуть подрагивало окно на шестом этаже, искаженное завесой дождя. Однако на завтра бюро прогнозов обещало переменную облачность без осадков. Человек в арке спрятал бинокль под куртку, поднял воротник и быстрым шагом пошел к машине, поджидавшей его за углом.

Черный приземистый «форд» с притемненными стеклами резко взял с места и дворами выехал на Воздвиженку.

В сумке под задним сиденьем лежали «Муха» с мощным реактивным зарядом, пистолет ТТ, пузырек с жидкостью, отбивающей запах, хлопчатобумажная маска и новенькие перчатки.

Множительная техника в комнате на шестом этаже работала с полной загрузкой. Курьер из Вашингтона доставил с диппочтой секретную инструкцию по борьбе с компьютерным «вирусом 666», но это...

Это уже за гранью последней строки, последнего дня жаркого лета 1995 года.

Выстрел из арки — «Секта 2».

ALEHNOVO, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая
И ВЕРНО: ШИЗОФРЕНИЯ! 9
Глава вторая
ЧЕМОДАНЧИК ПРЕЗИДЕНТА 15
Глава третья
ДРАКОН И ДЕВА 22
Глава четвертая
«А ЭТО БЫЛ НЕ МОЙ ЧЕМОДАНЧИК...» 34
Глава пятая
СХОДКА В МОТЕЛЕ «ЛАЗУРНЫЙ» 46
Глава шестая
ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЧЕРНИЛА 57
Глава седьмая
МОСКОВСКОЕ РОМАНСЕРО 68
Глава восьмая
СУД ОСИРИСА 79
Глава девятая
ГАМБУРГ 88
Глава десятая
ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА 99
Глава одиннадцатая
«АТМАН» 111
Глава двенадцатая
ОРУЖЕНОСЕЦ ДРАКУЛЫ 121
Глава тринадцатая
ГНЕЗДЫШКО 128
Глава четырнадцатая
«ВИРУС 666» 137

Глава пятнадцатая
НЕКРОНАВТ 146
Глава шестнадцатая
ТИХИЕ РАДОСТИ 157
Глава семнадцатая
ТОКИО 164
Глава восемнадцатая
КИТАЕЦ 174
Глава девятнадцатая
НЬЮ-ЙОРК 183
Глава двадцатая
«С ВОЗВРАЩЕНЬИЦЕМ, ИВАН НИКОЛАИЧ!» 192
Глава двадцать первая
РЛС СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ 198
Глава двадцать вторая
ВЕНА 206
Глава двадцать третья
И ЕЩЕ ПОХОРОНЫ... 215
Глава двадцать четвертая
РАДИАЦИЯ 221
Глава двадцать пятая
ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ 227
Глава двадцать шестая
БАКЛЕНД, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК 233
Глава двадцать седьмая
МИСТИКА ЧИСТОЙ ВОДЫ 242
Глава двадцать восьмая
ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК 254
Глава двадцать девятая
КРЕМЛЕВСКАЯ МАГИЯ 261
Глава тридцатая
ВЕНА 267
Глава тридцать первая
ПАРИЖ 273
Глава тридцать вторая
БАКЛЕНД, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК 288
Глава тридцать третья
ЧЕРТОВЩИНА В МОСКВЕ 296
Глава тридцать четвертая
СИЛОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 309

Глава тридцать пятая
«ОКТАЭДР» 316
Глава тридцать шестая
ВЕНА 321
Глава тридцать седьмая
ЭМБРИОНЫ 330
Глава тридцать восьмая
НЬЮ-ЙОРК 341
Глава тридцать девятая
КРИТСКАЯ МИСТЕРИЯ 354
Глава сороковая
НЬЮ-ЙОРК 362
Глава сорок первая
ПОБЕГ ИЗ «МАТРОССКОЙ ТИШИНЫ» 369
Глава сорок вторая
НЬЮ-ЙОРК 376
Глава сорок третья
БРИФИНГ 384
Глава сорок четвертая
ГАМБУРГ 391
Глава сорок пятая
ПРОВИДЕЦ 409
Глава сорок шестая
МОНАСТЫРЬ БОСАТЗУ, САКРАМЕНТО 421
Глава сорок седьмая
НЬЮ-ЙОРК 432
Глава сорок восьмая
СОЛНЕЧНЫЕ ПИКИ 443
Глава сорок девятая
КРИПТОКРАТИЯ 456
Глава пятидесятая
НЬЮ-ЙОРК 461
Глава пятьдесят первая
БОЛЬШАЯ НАУКА 475
Глава пятьдесят вторая
КОНЕЦ ЛЕТА 484